

ЛОКК

СОЧИНЕНИЯ

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ

ТОМ 103

ДЖОН ЛОКК

**СОЧИНЕНИЯ
В ТРЕХ ТОМАХ**

ТОМ 3

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
« МЫСЛЬ »
МОСКВА - 1988**

ББК 87. 3

Л 73

РЕДАКЦИИ
ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

акад. **М. Б. МИТИН** (председатель), д-р филос. наук **В. В. СОКОЛОВ** (зам. председателя), канд. филос. наук **В. А. ЖУЧКОВ** (ученый секретарь), д-р филос. наук **В. В. БОГАТОВ**, д-р филос. наук **А. И. ВОЛОДИН**, д-р филос. наук **А. В. ГУЛЫГА**, чл.-кор. АН СССР **Д. А. КЕРИМОВ**, д-р филос. наук **В. Н. КУЗНЕЦОВ**, д-р филос. наук **Г. Г. МАЙОРОВ**, д-р филос. наук **Х. Н. МОМДЖЯН**, д-р филос. наук **И. С. НАРСКИЙ**, д-р юрид. наук **В. С. НЕРСЕСЯНЦ**, акад. **Т. И. ОЙЗЕРМАН**, д-р филос. наук **В. Ф. ПУСТАРНАКОВ**, д-р филос. наук **М. Т. СТЕПАНИЯНЦ**, д-р филос. наук **А. Л. СУББОТИН**, чл.-кор. АН УзССР **М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ**

Редакторы издания:
И. С. НАРСКИЙ, А. Л. СУББОТИН

Редактор и составитель тома,
автор примечаний
А. Л. СУББОТИН

Перевод с английского и латинского
Ю. М. ДАВИДСОНА, Е. С. ЛАГУТИНА, Ю. В. СЕМЕНОВА,
Н. А. ФЕДОРОВА и др.

Л $\frac{0302010000-091}{004(01)-88}$ подписное

ISBN 5—244—00084—5

ISBN 5—244—00085—3

© Издательство «Мысль». 1988

ОПЫТЫ О ЗАКОНЕ ПРИРОДЫ

1. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПРАВСТВЕННЫЙ ПРИНЦИП, ИЛИ ЗАКОН ПРИРОДЫ? ДА, СУЩЕСТВУЕТ

Я уверен, что среди тех, кто признает необходимость как-то осознать нашу жизнь и верит в существование того, что заслуживает называться добродетелью или пороком, не найдется ни одного, кто бы не пришел к убеждению в существовании бога, ибо он всюду являет свое присутствие и как бы предстает пред людским взором и во всей стройности и неизменности природы, и в многочисленных примерах чудес в прошлом. Исходя из этой предпосылки, а сомневаться в ней было бы нечестиво, т. е. предполагая, что существует некая руководящая миром высшая сила, заставляющая небо вечно вращаться, землю — оставаться неподвижной¹, звезды — сверкать, положившая предел даже неукротимому морю, предписавшая каждому роду растений порядок и время цветения и роста, подчиняясь воле которой все живые существа имеют свои законы рождения и жизни, и нет во всей вселенной ничего столь неустойчивого и неопределенного, что бы не признавало точных и определенных законов собственного существования, соответствующих природе каждого, — исходя, повторяю, из всего этого, можно, как мне кажется, с полным основанием задать вопрос, неужели же только человек — вне закона, совершенно независим, неужели он явился в мир совершенно бессмысленно, без закона, без каких-либо норм своей жизни? В это трудно поверить всякому, кто размышлял о всемогуществе господя, о всеобъемлющем согласии всего рода человеческого всегда и повсюду, наконец, о себе самом и о своей совести. Однако, прежде чем обратиться к самому закону и к тем аргументам, которыми доказывается его существование, мне представляется целесообразным рассмотреть все те разнообразные наименования, которыми его обозначают.

Прежде всего это то самое моральное благо, или «достойное» (*honestum*), которое с таким усердием искали

и столь громко прославляли некогда философы, особенно стоики. Сенека утверждает, что это единственное благо, которым должен довольствоваться человек, и что оно обладает таким великолепием, такой красотой, что даже испорченные пороками люди признают его и, избегая его, все же одобряют.

Во-вторых, его называют «здравым разумом» (*gesta ratio*), на который претендует всякий считающий себя человеком. Это вокруг него с таким ожесточением сражаются разнообразные группки, каждая из которых предъявляет на него свои права. Под «разумом», как я полагаю, здесь следует понимать не интеллектуальную способность, формирующую наши рассуждения и осуществляющую доказательства, а некие определенные практические принципы, из которых проистекают все добродетели и вообще все, что необходимо для формирования подлинной нравственности. Все, что выводится из этих принципов, по праву называется согласным со «здравым разумом».

Другие, и их большинство, называют его законом природы, понимая под этим такой закон, который каждый может открыть для себя только с помощью того светоча, который вложила в нас природа, закон, которому каждый считает необходимым подчиниться во всем и искать в нем основания своего поведения; это как раз и есть знаменитое требование «жить согласно с природой», столь часто повторяемое стоиками.

Этот закон, обозначаемый указанными наименованиями, следует отличать от естественного права, ибо право состоит в том, что мы имеем возможность свободно распоряжаться какой-либо вещью, тогда как закон есть то, что повелевает или запрещает нам делать нечто.

Следовательно, этот закон природы может быть описан как проявление божественной воли, познаваемой благодаря светочу природы, указывающее нам, что согласуется и что не согласуется с разумной природой, и тем самым повелевающее нам нечто или запрещающее. Менее правильно, как мне кажется, некоторые называют его диктатом разума. Ведь разум не столько устанавливает и диктует нам этот закон природы, сколько исследует и открывает его как освященный высшим могуществом и вложенный в наши сердца; он не создатель, а толкователь этого закона, ибо не хотим же мы, умаляя достоинство верховного законодателя, приписать разуму установление того закона, который он лишь ищет; ведь разум, будучи лишь способностью нашего духа и частью нашего существа, не может

устанавливать для нас законы. Отсюда совершенно ясно, что этот закон природы содержит в себе все необходимое для того, чтобы быть законом. Ибо, во-первых, это проявление высшей воли, в чем, по-видимому, и состоит формальное основание закона. Каким же образом становится он ведомым роду человеческому, мы рассмотрим, быть может, позднее в другом месте. Во-вторых, он предписывает, что должно и чего не должно делать, а это и есть собственный признак закона. В-третьих, он обязывает людей, ибо содержит в себе все, что формирует обязательство. Ведь хотя он не обнаружится так, как это происходит с государственными законами, однако он достаточно известен людям (что и достаточно), поскольку его можно познать с помощью одного лишь светоча природы. При этих условиях в существовании такого рода закона нас убеждают следующие аргументы.

Первый аргумент может быть извлечен из свидетельства Аристотеля в «Никомаховой этике» (кн. 1, гл. 7), где он говорит, что «специфическая функция человека — деятельность души в согласии с разумом»². Доказав сначала на ряде примеров, что у каждой вещи есть специфическая функция, он задается вопросом, какова она у человека; рассмотрев все действия живого и чувствующего организма, являющиеся общими у человека с остальными живыми существами и растениями, он приходит к правильному выводу, что обязанность человека состоит в деятельности согласно разуму и человек обязан делать то, что диктует ему разум. Точно так же в 7-й главе V книги, разделяя право на гражданское и естественное, он говорит, что «политическое право делится на естественное право и на установленное законом, естественное же право повсюду обладает одинаковой силой»³. Отсюда он приходит к правильному заключению, что существует некий закон природы, поскольку существует некий закон, имеющий силу повсеместно.

Здесь кто-нибудь, возражая против существования закона природы, может сказать, что его не существует вообще, поскольку его нельзя нигде обнаружить: ведь большинство людей живет так, как будто вообще не существует никакого рационального основания жизни и не существует никакого признаваемого всеми закона; более того — именно в этом вопросе люди, по-видимому, более всего расходятся между собой. Ведь если бы существовал познаваемый благодаря светочу разума закон, то как же получает-

ся, что все люди, хотя они и обладают разумом, не знают этого закона?

Мы ответим, во-первых, ведь и в гражданских делах из того, что слепой не может прочесть закон, выставленный в общественном месте, или подделеповатый делает это с трудом, человек же, занятый другими делами, не имеет времени, а ленивый или праздный не хочет поднять глаза, дабы прочесть закон и узнать из него, в чем заключаются его обязанности, отнюдь не следует, будто этого закона не существует или он не опубликован. Я исхожу из того, что природа всех наделила разумом, и утверждаю, что существует закон природы, познаваемый разумом. Однако из этого не обязательно следует, что он известен каждому. Ведь одни не прибегают к этому свету, предпочитая мрак, и не хотели бы увидеть самих себя, а ведь даже само солнце указывает путь, по которому следует идти, лишь тем, у кого открыты глаза и кто готов отправиться в путь. Другие, воспитанные в пороках, плохо отличают достойное от недостойного, потому что дурной образ жизни, укоренившийся с течением времени, выступает в чужестранных одеждах и дурные нравы разрушили сами принципы. У третьих же от природы умственные способности слишком слабы для того, чтобы они могли раскрыть эти тайны природы. Ведь как мало тех, кто в повседневных делах или в вещах достаточно легких для познания признавал бы власть разума и следовал бы его водительству. Наоборот, отступая с правильного пути под натиском аффектов, либо по беззаботности и небрежению, либо испорченные своим образом жизни, они следуют не тому, что диктует разум, а покорно подчиняются соблазнам удовольствий или повелениям дурных страстей. Как мало в государстве тех, кто знал бы законы своей страны, хотя они и обнародованы и выставлены в общественных местах, их легко прочесть и узнать, благо они у всех перед глазами! Насколько же меньше тех, кто способен прочесть сокровенные и тайные законы природы! Здесь, стало быть, нужно обращаться не к большинству, а к более мудрым и прозорливым.

Мы ответим, во-вторых, что хотя и сами разумные люди далеко не во всем согласны между собой относительно того, что такое закон природы, в чем заключаются его точные и известные требования, отсюда, однако, не следует, будто закона природы вообще не существует. Напротив, отсюда с еще большей необходимостью вытекает существование подобного закона, поскольку все с таким ожесточением спорят именно о самом законе. Подобно тому как, говоря

о государстве, мы сделаем неправильный вывод, что не существует вообще никаких законов, поскольку у разных юристов мы встретим разные их толкования, так и в этике будет неправильным вывод о том, что не существует никакого закона природы, поскольку в разных местах этот закон понимается по-разному. Наоборот, отсюда с большей настоятельностью следует существование закона, поскольку о самом законе все придерживаются одинакового мнения, расходясь лишь в его толковании, поскольку все признают существование от природы дурного и хорошего. Но это следует рассмотреть более глубоко, когда речь пойдет о способе познания данного закона.

Другим аргументом, доказывающим существование закона природы, может послужить человеческая совесть, а именно принцип: «Никто, оказавшись он судьей самому себе, не оправдает себя за совершенный проступок»⁴. Ибо тот суд, который каждый вершит над самим собой, свидетельствует о существовании закона природы. Ведь если бы закона природы, подчинения которому требует от нас наш разум, не существовало, то как бы могла совесть тех, кто не признает и не подчиняется велениям никакого иного закона, управляющего ими и обязывающего их, выносить все же приговор собственной жизни и нравам, оправдывая их или осуждая? Но закон этот не писанный, а естественный.

Третий аргумент выводится из самого устройства этого мира, в котором все остальное во всех своих действиях подчиняется определенному закону, определенному способу организации, отвечающему его природе, ибо то, что указывает каждой вещи ее форму, способ и меру существования и функционирования, и есть закон. «Все то, что происходит в сотворенных вещах, есть материя вечного закона», — говорит Аквинат⁵, и если, по словам Гиппократов, «каждая вещь и в большом и в малом исполняет предопределенную ей судьбу»⁶, то ничто, даже самое великое, никогда не отступает от установленного ему закона. А если это так, то невероятно, чтобы только человек был свободен от законов, тогда как все остальное подчиняется им; нет, он также имеет установленный для него соответствующий его природе способ поведения; да и не отвечало бы мудрости первого творца — создать совершеннейшее, не знающее покоя живое существо, наделить его мыслью, сознанием, разумом и всем, что необходимо для деятельности, наделить гораздо изобильнее, чем всех остальных, и не определить ему никакого дела или создать человека спо-

собным понимать закон только затем, чтобы не подчиняться никакому.

Четвертый аргумент мы можем извлечь из самого существования человеческого сообщества; ведь без такого закона у людей не может существовать никакого общения или единения, ибо существуют два основания, на которые, как известно, опирается человеческое общество: определенная форма государства и организации правления и верность договору. Без этого рушится всякое человеческое общество, точно так же, как рушится все, если уничтожить закон природы. Действительно, как может выглядеть государство, какие были бы в нем порядок и безопасность, если бы та часть граждан, которая способна причинить наибольший вред, имела бы возможность вершить все дела по собственному произволу, если бы высшая власть получила бы неограниченную свободу действий? Ведь поскольку правители, которым принадлежит право по собственному произволу создавать и изменять законы и вершить все своею властью (ведь они владыки над остальными), не связаны и не могут быть связаны ни собственными, ни чужими законами, в каком бы положении оказалось человечество, если бы не существовал иной, высший закон, которому они должны повиноваться, в чем заключались бы преимущества общества, если бы люди объединялись в государства только затем, чтобы оказаться более удобной добычей для чужого могущества? Да и положение правителей оказалось бы не лучше положения подданных, если бы не существовало никакого закона природы, без которого невозможно удержать народ в повиновении законам государства. Ведь законы, установленные в государствах, обязывают не сами по себе, не своим авторитетом, не как-либо еще, но именно в силу закона природы, повелевающего повиноваться вышестоящим и блюсти гражданский мир; более того, без такого закона, силою оружия правители, быть может, и могли бы принудить толпу к повиновению, но не могли бы обязать ее к этому. Без закона природы рушится и второе основание человеческого общества — верность договорам и соглашениям: было бы бессмысленным ожидать, что человек останется верным соглашению только потому, что он нечто обещал, в то время как ему предлагаются более выгодные условия, если бы обязательство исполнить обещанное не исходило от самой природы, а не от человеческой воли.

Пятый аргумент сводится к тому, что без закона природы не может быть ни добродетели, ни порока, ни хвалы

за честный, ни наказания за дурной поступок: где нет закона, там нет ни вины, ни ответственности, все пришлось бы подчинять человеческой воле, и, коль скоро долг не будет требовать от человека ничего, ему, по-видимому, останется только подчиниться внушениям пользы и удовольствия или дать увлечь себя слепому и свободному ото всяких законов инстинкту; справедливость и честность превратились бы в пустой звук и исчезли бы, да и вообще не осталось бы ничего, кроме пустых слов: человек, ставший верховным и абсолютно свободным арбитром собственных поступков, не мог бы признать себя виновным, ибо никакой закон и не повелевал бы, и не запрещал бы ничего. Он бы выглядел пренебрегающим жизнью и своим здоровьем, но отнюдь не честью и долгом, потому что если добродетели почитаются достойными, а пороки — позорными, то происходит это в силу закона природы, ибо природа их вечна и определена и не зависит ни от гражданских постановлений, ни от чьего-либо частного суждения.

II. ПОЗНАВАЕМ ЛИ ЗАКОН ПРИРОДЫ С ПОМОЩЬЮ СВЕТОЧА ПРИРОДЫ? ДА, ПОЗНАВАЕМ

Поскольку все люди различают достойное и недостойное и нет народа, столь варварского, столь далекого от человеческих понятий, который бы не имел представления о добродетели и пороке, не воспринимал бы похвалы или порицания, мне представляется особенно важным выяснить, каким же образом людям становится известным этот закон природы, которому все они единодушно подчиняются и не могут отбросить всякое чувство уважения к нему, не отбросив одновременно и все человеческое в себе, ибо для того, чтобы кто-то смог претендовать на безграничную свободу, необходимо полностью истребить природу. Способ же, которым мы приходим к познанию этого закона, мы называем светочем природы, поскольку он противостоит другим способам познания. Утверждая, что светоч природы является неким указателем этого закона, мы бы не хотели, чтобы это было понято так, будто внутри человека существует некий вложенный в него природой свет, постоянно напоминающий ему о его долге и прямой дорогой безошибочно ведущий его к цели. Мы не говорим, что этот закон природы предстает как бы записанным на таблицах в наших сердцах, что он может быть прочитан, понят и стать всем известным только в лучах некоего внутренне-

го света, приближающегося к нему, подобно факелу, подносимому к выставленной в темноте картине. Утверждая, что нечто становится познаваемым благодаря светочу природы, мы хотим только сказать, что существует такого рода истина, к познанию которой человек может прийти сам, без чьей-либо помощи, если он правильно использует те способности, которыми наделен от природы.

Существуют три способа познания, которые я, не слишком затрудняя себя поисками точных терминов, назвав бы инскрипцией, традицией⁷ и чувственным опытом, к которым можно прибавить и четвертый, а именно сверхъестественное и божественное откровение, не имеющее, однако, отношения к настоящему предмету, поскольку мы исследуем не то, что может знать и увидеть человек, вдохновленный божественным духом, просвещенный исходящим с небес светом, но что способен открыть и исследовать человек, вооруженный силою природы и своей собственной пытливостью, наделенный мыслью, разумом и чувствами. Все это знание, сколь бы значительно оно ни было, а оно, безусловно, сделало немалые успехи, охватив всю природу, и, не ограничиваясь пределами мира, постигает мыслью самое небо, все глубже исследуя дух и мысль, их природу, функции и те законы, которыми они управляются, — все это знание, повторяю, в единстве этих трех своих способов сводится к духовной деятельности (*ad animam pertingit*), и не существует других принципов и основ познания, потому что все наши знания либо записаны в наших душах как благодетельный дар природы и некая привилегия нашего рождения, либо услышаны с чьих-то слов, либо почерпнуты нашими чувствами. Но здесь иной, пожалуй, удивится, почему я, поставив себе целью говорить о способах познания, не упомянул тот великий и, как представляется, главнейший светоч познания — разум, тем более что большинство называют закон природы здравым разумом и диктатом здравого разума. Дело в том, что мы исследуем здесь сами принципы и первоосновы всякого знания и то, каким путем первоначальные понятия и основы знания проникают в наш ум. А они, как мы утверждаем, не воспринимаются разумом, а либо путем инскрипции запечатлеваются в наших умах, либо мы получаем их из традиции, либо они проникают через чувственные восприятия; разум же, эта могущественная способность рассуждения, не может ничего, если у него нет каких-то предпосылок и предварительных данных. Конечно, он использует эти исходные знания для достижения более значительных

и глубоких результатов, но он не устанавливает их, не закладывает фундамент, хотя нередко воздвигает величественнейшее здание, вознося до неба вершины знания; с равной легкостью кто-нибудь мог бы строить силлогизм без посылок и рассуждать без допущения какой-то предварительно известной истины.

Первое, если говорить об инскрипции. Некоторые полагают закон природы врожденным нам и запечатленным природою в наших душах таким образом, что нет ни одного входящего в этот мир, чей ум не нес бы на себе запечатленные от рождения знаки, указующие на его долг, кто бы в своей душе не имел этих моральных принципов и жизненных правил, присущих и известных ему с самого рождения, а поэтому нет необходимости искать где-то в другом месте и заимствовать извне нравственные законы, так как у человека в глубине его души всегда раскрыты собственные пандекты, заключающие все его обязанности. Действительно, это легкий и очень удобный метод познания, и судьба рода человеческого была бы весьма счастливой, если бы люди от природы были обучены и воспитаны так, что с самого рождения им было невозможно сомневаться в том, что допустимо, а что — нет. В таком случае истинность нашего тезиса становится несомненной: закон природы познаваем благодаря светочу природы. Существует ли в нашей душе такого рода врожденное знание закона природы, становится ли он именно таким путем ведомым человеческому роду, об этом, вероятно, придется поговорить в другой раз. Что же касается настоящего вопроса, будет достаточным доказать, что человек, правильно пользующийся своим разумом и врожденными способностями, которыми он наделен от природы, способен познать этот закон без помощи какого-либо наставника, который бы учил его и разъяснял, в чем состоит его долг. Если же мы докажем, что закон этот познается не обучением, то станет очевидным, что он познается благодаря светочу природы и некоему внутреннему началу: ведь все свои знания человек неизбежно получает либо от других, либо от самого себя.

Второе. Мы отличаем традицию от чувственного восприятия не потому, что приобретенные этим путем знания достигают ума не через чувственное восприятие (ведь мы воспринимаем речь слухом), но потому, что слухом мы воспринимаем только звук, сам же предмет требует веры. Например, если мы верим Цицерону, говорящему о Цезаре, мы верим, что Цезарь, о существовании которого знал

Цицерон, действительно существовал. Итак, я утверждаю, что традиция не является методом познания, благодаря которому нам становится известным закон природы, не потому, что мы не признаем, что какие-то, даже чуть ли не все, знания приходят к нам от родителей, наставников и ото всех тех, кто занят заботой о формировании нравов молодежи и стремится влить в еще не окрепшие души любовь к добродетели и побудить к ее познанию. Ведь все те, кто хоть немного заботится о воспитании молодых людей, полагают, что все усилия следует потратить на то, чтобы не позволить им, слишком склонным к удовольствиям, находящимся в плену у телесных соблазнов, увлекаемым дурными примерами, в изобилии представленными повсюду, пренебрегать здравыми требованиями разума. Поэтому они стремятся заложить основание добродетелей уже в самом раннем возрасте и всеми силами пытаются внушить им уважение и любовь к богу, почтение к старшим, верность слову, правдивость, доброту, щедрость, чистоту нравов и прочие добродетели. Хотя все это является требованием закона природы, мы не отрицаем, что оно может быть передано нам другими; мы настаиваем только на том, что традиция не является первоначальным и надежным способом познания закона природы, так как все услышанное нами от других и принимаемое только потому, что другие называют это нравственным, даже в том случае, если оно дает правильное направление нашим нравам и удерживает нас в рамках долга, все же является для нас указанием других людей, а не разума. И я не сомневаюсь, что большинство людей, удовлетворяясь этими заемными, получаемыми от других правилами нравственности, строит свою мораль по примеру и по представлениям тех людей, среди которых довелось им родиться и воспитываться, и у них нет иного критерия правильного и нравственного поведения, кроме обычаев своей страны и общественного мнения тех людей, среди которых они живут; поэтому-то они, подчиняясь мнению и одобрению других, а не закону природы, менее всего стремятся воспринять закон природы из самого источника и понять, на каких принципах зиждется основание их долга, какие обязательства накладывает, откуда проистекает. А то, что закон природы, в той мере, в какой он является законом, не становится известным нам с помощью обучения, доказывают, как мне кажется, следующее аргументы.

Во-первых, при огромном разнообразии противоречащих друг другу традиций невозможно установить, что есть

закон природы, и очень трудно судить, что — правда, а что — ложь, что есть закон, а что — мнение, что диктует природа, а что — выгода, в чем убеждает разум, а в чем — политика. Ведь поскольку традиции повсюду столь различны, столь явно противоположны и людские мнения столь явно противоречат друг другу, и не только у разных народов, но и в одном и том же государстве (а между тем каждое мнение, усваиваемое нами от других, есть традиция), поскольку к тому же всякий с ожесточением отстаивает собственное мнение и требует веры только себе, то было бы совершенно невозможным узнать, какая именно традиция диктует нам принципы нашего поведения, если бы только традиция диктовала их, и выбрать из всего многообразия решений истинное, когда вообще нельзя привести какого-либо основания, почему мнение одного о заветах предков более авторитетно, чем другого, утверждающего о том же предмете совершенно противоположное, и почему одному должно больше верить, чем другому, если бы разум в самом предмете сообщения не обнаруживал определенного различия и именно потому принимал одно мнение, а другое отбрасывал, что в одном видел больше, а в другом — меньше очевидности, познаваемой благодаря светочу природы. А это уже, конечно, не есть вера традиции, а суждение о самих вещах, отнимающее у традиции весь ее авторитет. Итак, либо в познании закона природы, передаваемого путем традиции, необходимы разум и его суждение, и тогда традиция вообще не нужна, либо закон природы не может быть познан путем традиции, либо такого закона не существует. Ведь поскольку закон природы повсюду един, а традиции различны, необходимо сделать вывод, что либо закона природы вообще не существует, либо он непознаваем этим путем.

Во-вторых, если мы должны узнавать закон природы из традиции, то это скорее вера, чем познание, ибо зависит больше от авторитета говорящего, а не от очевидности самих фактов, и, таким образом, это скорее закон заимствованный, чем естественный.

В-третьих, те, кто утверждает, что закон природы познается путем традиции, по-видимому, противоречат сами себе. Ведь тому, кто захотел бы оглянуться назад и проследить эту традицию до момента ее возникновения, неизбежно пришлось бы где-нибудь остановиться и обнаружить в конце концов некоего основателя этой традиции, который либо открыл этот закон запечатленным в сердце своем, либо пришел к его познанию путем доказательств,

исходя из чувственно воспринимаемых вещей. Но подобные способы познания в равной мере доступны и остальным людям, и нет необходимости в традиции там, где каждый заключает в себе самом те же принципы познания. Если же этот основатель нашей традиции, просвещенный неким оракулом, вдохновленный божественным духом, поведал этот закон миру, то тем самым этот закон никоим образом не есть закон природы, а есть закон установленный.

Итак, мы приходим к выводу: если существует какой-то закон природы, а этого никто не отрицает, то он как закон не может быть познан путем традиции.

Третий, и последний, способ познания — чувственное восприятие, которое мы рассматриваем как основу познания этого закона. Однако это не следует понимать таким образом, как будто данный закон природы где-то выставлен и мы можем увидеть и прочесть его, или пощупать руками, или собственными ушами услышать его голос. Ведь, коль скоро мы ищем истоки и принципы познания этого закона и то, каким образом он становится известным человеческому роду, я утверждаю, что основание всего этого познания мы извлекаем из тех вещей, которые воспринимаем нашими чувствами. Исходя из них, разум и присущая человеку способность к доказательству в поисках их создателя, опираясь на аргументы, которые представляют материя, движение и видимая структура и организация этого мира, приводят, наконец, к твердому убеждению, что неким творцом всего этого является бог. А отсюда неизбежно проистекает закон природы, которому подчиняется весь род человеческий, как это станет ясным из дальнейшего. Из сказанного же достаточно очевидно, что закон природы может быть познан с помощью светоча природы, ибо всё, что у людей обладает силой закона, должно с необходимостью иметь своим творцом либо бога, либо природу, либо человека. Все, что приказал человек, или все, что повелел бог своим оракулом, все это — установленный закон; закон же природы, коль скоро он не может быть познан путем традиции, может быть познан людьми только с помощью светоча природы.

Против этого нашего положения может легко возникнуть возражение, а именно: если закон природы познается с помощью светоча природы, то каким же образом оказывается там, где все просвещенны (ведь этот внутренний закон внушен от природы всем людям), столько слепых? Как случается, что большинство людей не знают этого за-

кона и почти все толкуют его по-разному, чего, по-видимому, не должно бы происходить, если бы все приходило к его познанию, ведомые светочем природы?

Это возражение имело бы известную силу, если бы мы утверждали, что закон природы записан в наших сердцах. Из этой предпосылки неизбежно следовало бы, что закон этот повсюду понимается одинаково, потому что это один и тот же закон, запечатленный у всех людей и открытый для их понимания. Мы же отвечаем, что наши умственные способности могут привести нас к познанию этого закона, но из этого отнюдь не следует, что все люди обязательно правильно используют эти способности. Природа и свойства фигур и чисел представляются очевидными и, вне всякого сомнения, познаваемыми с помощью светоча природы, однако отсюда не следует, что всякий способный мыслить становится геометром или овладевает глубинами арифметического искусства. Нужны напряженная работа мысли, размышление, настойчивость для того, чтобы кто-то смог, исходя из чувственных и очевидных вещей, путем логических рассуждений проникнуть в их скрытую природу. В недрах земли скрываются богатые жилы золота и серебра, и людям даны руки и силы, которыми они могут быть добыты, и разум, изобретающий машины, однако мы не делаем отсюда вывода, что все люди приобретают это богатство; нужно приняться за работу, ибо только великими усилиями эти богатства, сокрытые в глубокой тьме, могут быть извлечены, они не открываются людям ленивым и бездеятельным, да и не всем, кто ищет: ведь, как мы видим, некоторые попусту тратят свои силы. Поэтому, если даже в делах повседневной жизни мы встречаем весьма мало людей, руководящихся разумом (ведь люди крайне редко обращаются к самим себе, дабы отсюда извлечь причину, образ и цель своей жизни), не приходится удивляться столь различным суждениям людей об этом законе, далеко не легком для познания, когда большинство, не слишком озабоченное своим долгом, руководствуясь не столько разумом, сколько чужим примером, заветами предков и обычаями страны или, наконец, авторитетом тех, кого они считают благородными и мудрыми, не ищет для себя другого нравственного правила, а довольствуется правилом, заимствованным со стороны, которое легко внушается неосмотрительным людям чужими нравами, чужими представлениями, не требующими какого-либо серьезного размышления или усилия. Таким образом, из того обстоятельства, что очень мало кто из людей не испорчен по-

роками, не беспечен и не ленив и способен правильно пользоваться светочем природы, отнюдь не следует, что закон природы не может быть познан с помощью светоча природы.

III. ЗАПЕЧАТЛЕН ЛИ ЗАКОН ПРИРОДЫ В ДУШЕ ЧЕЛОВЕКА? НЕТ, НЕ ЗАПЕЧАТЛЕН

После того как выше мы доказали, что закон природы существует и что этот закон познаваем с помощью светоча природы, может возникнуть сомнение, что же это за светоч природы, который, освещая все вокруг подобно солнечному свету, сам, однако, остается неведомым, а природа его — скрытой от нас. А так как человек не способен познать ничего, если основание этого познания либо не запечатлено в душе с самого рождения, либо не проникло в нее путем чувственного восприятия, целесообразно исследовать основы этого познания и установить, являются ли души людей при рождении только чистыми досками, которые будут заполнены позднее результатами наблюдений и размышлений, или они несут запечатленными в себе от рождения законы природы, указывающие им их долг. Когда мы спрашиваем, запечатлен ли закон природы в душах людей, мы хотим узнать, существуют ли какие-то моральные принципы, рождающиеся вместе с нашим умом и как бы высеченные в нем, так что они столь же естественны для души и неотрывны от нее, как и сами ее способности — воля и интеллект, и которые, будучи неизменными и всегда ясными, становятся нам известными безо всякого усилия и напряжения мысли. Но в том, что такого рода записи закона природы, запечатленной в наших сердцах, вообще не существует, убеждают следующие аргументы.

Во-первых, остается только словами и никем до сих пор не доказано, хотя над этим трудилось немало людей, утверждение, будто души людей при рождении представляют собой нечто иное, а не чистые доски, способные принять любые знаки, но не несущие ни одного, записанного на них природой.

Во-вторых, если этот закон природы целиком и сразу запечатлевается природой в душах людей при самом рождении, то как же получается, что люди, все до единого обладающие душами, в которых якобы запечатлен этот закон, не приходят тотчас же, безо всяких колебаний к со-

гласию относительно этого закона и не проявляют готовности повиноваться ему? Почему об этом законе они придерживаются столь противоположных взглядов, когда в одном месте нечто рассматривается как требование природы и здравого разума, а в другом — как совершенно иное, когда то, что у одних считается достойным, у других считается позорным, когда одни толкуют закон природы иначе, чем другие, третьи вообще не признают никакого, и все вместе считают его темным? Если кто-нибудь на это ответит (а я знаю, что так отвечают), что этот закон, запечатленный природой в наших душах, или частично стерся, или полностью уничтожен в результате грехопадения первого человека (а этот аргумент большинству людей совершенно неведом, ибо они вообще никогда не помышляли о первом человеке и его грехопадении), то такого рода ответ, не говоря о том, что он имеет малое отношение к философии, менее всего был бы способен разрешить проблему и снять сомнение. Ведь, утверждая, что этот закон, изначально записанный в сердцах людей, был уничтожен, они неизбежно утверждают одно из двух, а именно что этот закон природы или частично утрачен, т. е. некоторые из его требований исчезли, или же утрачены все его требования. Если некоторые требования этого закона совершенно стерлись в человеческих сердцах, то оставшиеся либо одинаковы для всех, либо различны. Если они одинаковы для всех, тогда все люди, где бы они ни жили, легко пришли бы к соглашению относительно них, поскольку их легко познать, а между тем мы не видим ничего подобного. Если же утверждают, что сохранившиеся в человеческих душах (*animis*) требования природы неодинаковы и эти запечатленные в человеческих душах при рождении принципы различны у разных людей, то я хочу спросить, в чем причина этих различий, коль скоро природа в своих творениях остается всюду той же самой, неизменной и единообразной? Кроме того, разве не представляется нелепым утверждение, что человеческие умы в самих основаниях отличаются друг от друга? Каким же тогда образом можно было бы познать закон природы и определенные принципы справедливости и порядочности, если мы однажды допустим, что в разных людях заложены различные и неодинаковые требования природы и принципы поведения? Если же они утверждают, что этот изначально запечатленный в людских умах закон уничтожен совершенно, тогда где же тот закон природы, который мы ищем? В таком случае подобного закона, конечно, не будет, если только мы, отка-

завшись от инскрипции, не найдем другого принципа его познания.

В-третьих, если этот закон был записан в умах людей, то почему же маленькие дети, необразованные люди и дикie народы, живущие, как говорят, без всякой организации, без законов, без всякого образования, следуя лишь природе, не знают и не понимают лучше всех остальных этого закона? Ведь они абсолютно свободны от привходящих понятий, способных увлечь умы с правильного пути, они не испытывают влияния чужих мнений, заимствованных извне, которые могут или исказить, или стереть из памяти, или совершенно уничтожить требования природы, и они не имеют иных наставников, кроме самих себя, и не следуют ничему, кроме природы. Если бы закон природы был записан в сердцах людей, то, надо полагать, он обнаружился бы среди этих людей без подчисток и описок. Но как далеки от добродетели нравы этих людей, как чужды они всякой гуманности! Нигде нет такого обмана, нигде нет такого коварства, такой звериной жестокости, когда людей приносят в жертву богам и своему гению, умилястывая их кровью собрата! Обо всем этом легко может узнать всякий, кто познакомится с историей Старого и Нового Света и описаниями путешествий, и никто не поверит, что у этих диких и нищих народов лучше всего известен и соблюдается закон природы, потому что среди большинства их невозможно обнаружить и малейшего следа благочестия, кротости, верности, целомудрия и прочих добродетелей, а вся их жизнь проходит в грабежах, воровстве, прелюбодеянии и человекоубийстве. Следовательно, закон природы, вероятно, не записан в человеческих сердцах, если те, кто не имеет иного проводника, кроме самой природы, в ком требования природы никак не нарушены установленными моральными нормами, живут, не ведая никакого закона, как будто бы и вообще никакого понятия правды и чести не должно быть.

Я допускаю, что среди более цивилизованных народов, испытавших влияние образования и морали, существуют некие определенные и несомненные моральные представления, которые они сами признают за закон природы и убеждены, что они запечатлены природою в их сердцах, однако далеко не уверен, что они восприимчивы от природы, а не проистекают из какого-то иного источника. Эти представления, быть может, и содержат какие-то наставления природы, однако они становятся известными не от природы, а от людей. Ведь эти представления о правде и чести,

столь дорогие для нас, в большинстве своем принадлежат к тем, которые еще в самом раннем детстве, еще прежде, чем мы сможем каким-то образом судить о них или понять, как они приходят к нам, постепенно, капля за каплей вливаются в наши еще не подготовленные умы родителями или нашими наставниками и другими людьми, с которыми нам приходится общаться. Убежденные, что все это способствует формированию нравственной жизни, они, быть может сами воспитанные в том же духе, стремятся вложить эти представления в не окрепшие еще души детей как необходимые для нравственной и счастливой жизни. В этом отношении особенно предусмотрительны и настойчивы те, для кого на этих нравственных основаниях зиждется вся надежда на достижение жизни будущей. И наконец, поскольку эти представления таким вот образом, незаметно для нас самих, проникают в наши беспечные умы, пуская корни в наших сердцах (а мы между тем и не знаем, как и когда это случается) и укрепляя свой авторитет единодушным одобрением и согласием всех людей, с которыми общаемся, мы сразу полагаем необходимым сделать отсюда вывод, будто эти представления запечатлены в наших сердцах богом и природой, ибо не видим иного источника их происхождения. Утверждая их в повседневной практике в качестве жизненных правил, мы не были бы уверены в жизни будущей и раскаивались бы в прошедшей, если бы усомнились в том, что правила эти есть закон природы: ведь неизбежно пришлось бы сделать вывод, что если то, чему мы следовали до сих пор, не есть закон природы, значит, мы жили дурно и бессмысленно. Именно поэтому мы так дорожим этими первыми юношескими представлениями, внушенными нам другими людьми, высоко их ценим, упорно верим в них, не позволяем кому-либо усомниться в них и, утверждая их как принципы, не разрешаем самим себе ни сомневаться в них, ни обсуждать их с несогласными — ведь мы же считаем их принципами! Отсюда ясно, что может существовать многое, что иной сочтет запечатленным в своем уме природою, однако же происходящее из других источников, и отсюда не следует, что все, во что мы готовы верить и считать неким принципом, источник которого нам тем не менее неведом, и есть закон природы, запечатленный природою в наших сердцах.

В-четвертых, если закон природы запечатлен в наших сердцах, то почему же глупцы и сумасшедшие не имеют о нем никакого понятия? Ведь, как утверждают, он непо-

средственно запечатляется в самих душах, которые менее всего зависят от конституции и структуры телесных органов, а только она, как известно, и отделяет немудрых от мудрых.

В-пятых, если бы закон природы был запечатлен в наших сердцах, то следовало бы заключить, что спекулятивные принципы запечатлены точно так же, как и практические, что, однако, как мне кажется, вряд ли доказуемо. Ведь если бы мы захотели вспомнить основополагающий и знаменитый научный принцип: для одной и той же вещи невозможно одновременно и быть и не быть, мы бы легко поняли, что эта аксиома не запечатлена в наших сердцах природой и никем не принимается как допущение до тех пор, пока она или не становится известной от другого, или не будет доказана путем индукции и наблюдения над отдельными фактами, что и является подлинным методом установления аксиом. Таким образом, ясно, что никакие принципы, ни спекулятивные, ни практические, не запечатлены природой в наших душах.

IV. МОЖЕТ ЛИ РАЗУМ ЧЕРЕЗ ЧУВСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРИЙТИ К ПОЗНАНИЮ ЗАКОНА ПРИРОДЫ? ДА, МОЖЕТ

Выше мы доказали, что закон природы может быть познан с помощью светоча природы. А так как этот светоч природы, который только и направляет нас, вступающих на свой жизненный путь, и через все повороты и изгибы этого пути, порожденные исполнением нашего долга, давая возможность нам миновать и острые камни порока, и мрачные закоулки заблуждений, выводит нас к той вершине добродетели и счастья, куда призывают боги и куда устремлена природа, так как, повторяю, светоч этот скрыт во тьме и, по-видимому, познать, что он представляет собой, много труднее, чем то, куда он ведет, весьма важно рассеять эту тьму и вместе с тем не остаться слепыми при свете солнца. Действительно, нам подобает пользоваться этим светом не только для удовлетворения жизненных потребностей и освещения пути, уподобившись скоту, но и глубже исследовать, что есть этот светоч, каковы его природа и смысл. Поскольку же этот светоч природы (как было показано в другом месте) не есть ни традиция, ни некий внутренний моральный принцип, записанный природой в наших умах, не остается ничего иного, как при-

знать светочем природы разум и чувственные ощущения. Только эти две способности, по-видимому, формируют и образуют ум человека и обеспечивают то, что составляет собственно функцию этого светоча: дать возможность вещам, иначе совершенно неизвестным и крошущимся во тьме, предстать перед разумом и быть познанными и как бы воочию увиденными. И коль скоро эти две способности взаимно помогают друг другу, когда чувство дает разуму идеи отдельных чувственно воспринимаемых вещей и предоставляет материал для мышления, разум же, напротив, направляет чувственное восприятие, сопоставляет между собой воспринятые от него образы вещей, формирует на их основе другие, выводит новые, то нет ничего столь темного, столь скрытого, столь недоступного никакому чувственному восприятию, чего бы не смог постичь путем мышления и рассуждения вооруженный этими способностями всепостигающий разум. Если убрать одну из этих способностей, другая оказывается совершенно бесполезной. Лишенные разума, обладая одними лишь чувствами, мы едва ли достигнем уровня животных, потому что и свинья, и обезьяна, и многие другие четвероногие остротой чувственного восприятия намного превосходят людей. Без помощи же и поддержки чувств разум может сделать не больше, чем рабочий в темной комнате с закрытыми окнами. Если от чувств не будут переданы разуму образы вещей, то не будет и никакого материала для мышления и ум сможет сделать для развития познания не больше, чем архитектор для постройки дома, лишенный камней, бревен, песка и прочего строительного материала. Под разумом мы здесь понимаем не некие нравственные принципы или какие-либо суждения, заложенные в душе, согласие с которыми наших действий и жизненных поступков мы называем согласием со здравым разумом; ведь такого рода здравый разум и есть уже сам познанный закон природы, а не способ или светоч природы, благодаря которому он познается; и это только объект разума, а не сам разум, т. е. истины, которые разум ищет и исследует как необходимые для правильного направления жизни и формирования нравов. Разум же берется здесь как дискурсивная способность души, которая продвигается от известного к неизвестному и выводит одно из другого в четкой и правильной последовательности суждений. Это и есть тот разум, с помощью которого человечество пришло к познанию закона природы. Основание же, на котором строится все это познание, которое разум возводит ввысь

и поднимает до самого неба, составляют объекты чувственного восприятия; ведь чувства самыми первыми дают и проводят в потаенные глубины ума весь первоначальный материал мышления, ибо всякая мысль идет от уже познанного, от определенных данных, и ум, не обладая определенной, уже установленной и познанной истиной, способен к мышлению и рассуждению ничуть не лучше, чем какое-либо самое быстрое из четвероногих способно двигаться и перемещаться, не имея прочной почвы под ногами. Я согласен, что разум достиг удивительных успехов при исследовании математических наук, но там все зависит от линий, воздвигается на плоскости и обладает телом как основанием, на которое он опирается. Ведь математика требует, чтобы все объекты ее операций, а кроме того — общие принципы и аксиомы были уже даны, а не открывает и не доказывает их. Точно таким же методом пользуется разум в изложении и исследовании других наук и в их развитии и совершенствовании. И если существуют вещи скрытые, возвышенные и достойные, открытию коих подвигнулся бы сам разум, прославляя и распространяя их повсюду, все же нет такой спекулятивной науки, сколько бы мы их ни назвали, в которой бы всегда нечто не предполагалось, не считалось бы данным и не заимствовалось бы от чувственных восприятий. Любое наше представление о душе и о теле всегда строится на каких-то материальных предпосылках, и точно так же происходит в знаниях практических и моральных, где разум требует для себя тех же предпосылок. Чтобы понять, как чувства и разум, взаимно помогая друг другу, могут привести нас к познанию закона природы, нужно допустить некоторые предпосылки, необходимые для познания этого закона. Поэтому, чтобы каждый понимал, что он подчинен закону, необходимо, во-первых, заранее знать о существовании некоего законодателя, т. е. некоей высшей власти, которой мы по праву подчиняемся. Во-вторых, нужно также знать о существовании некоей воли этой высшей власти относительно того, что нам следует делать, т. е. знать, что этот законодатель, кто бы он в конце концов ни был, хочет, чтобы мы что-то делали, а чего-то не делали, и требует от нас, чтобы наши жизненные принципы были согласны с его волей. В дальнейшем станет ясным, что дают чувственные восприятия, а что — разум для того, чтобы стали известны эти две предпосылки, необходимые для познания закона природы.

Итак, во-первых, мы говорим, что из чувственного опыта очевидно существование в природе чувственно вос-

принимаемых вещей, т. е. что действительно существуют тела и их свойства, а именно: легкость, тяжесть, тепло, холод, цвета и прочие качества, доступные чувственному восприятию, и все они каким-то образом могут быть сведены к движению; существует и этот видимый мир, устроенный с удивительным искусством, изумительно стройный, частью которого являемся и мы, род человеческий; ведь мы видим, как в вечном и неуклонном движении обращаются светила, катятся в моря реки и в строгом порядке следуют одно за другим времена года и сами годы. Всему этому и бесконечному множеству других вещей учат нас чувства.

Во-вторых, мы говорим, что ум, тщательно обдумав и взвесив про себя всю громаду этого мира, рассмотрев облик, порядок, красоту и движение чувственно воспринимаемых вещей, переходит затем к исследованию их происхождения: какова причина, кто был создателем столь замечательного творения, поскольку совершенно ясно, что такое точное, такое совершенное и мастерски выполненное творение не могло образоваться случайно и вдруг. Отсюда мы приходим к выводу, что должен существовать могучий и мудрый создатель всего этого, сотворивший и сформировавший весь этот мир и нас, людей, отнюдь не худшую его часть. Ведь все остальное множество неодушевленных вещей и животных не способно создать человека, намного более совершенного, чем они, как и сам человек не может создать самого себя. То, что мы не обязаны своим происхождением самим себе, очевидно уже не только из того, что ничто не является причиной самого себя, ибо эта аксиома не мешает нам верить, если мы хотим признать существование бога, в существование чего-то, не происходящего из другого, но еще и потому, что человек не обнаруживает в себе всех тех совершенств, которые он может помыслить; ведь (не говоря уж о совершенном познании мира и о превосходстве над природными вещами) если бы человек был творцом самого себя, способным дать себе бытие, включить себя в мир природы, он дал бы своему существованию вечную продолжительность, ибо невозможно представить что-либо столь враждебное, столь недружественное себе, что, имея возможность дать себе существование, не пыталось бы и сохранить его или по прошествии ничтожно краткого жизненного пути легко готово было бы расстаться с жизнью, без которой невозможно ни сохранить все остальное дорогое, полезное, приятное, счастливое, ни обрести вновь. Действительно, меньше или по крайней мере столько же могущества требуется для сохра-

нения чего-то, чем для создания, и тот, кто в любой момент может повелеть возникнуть чему-то, способен и заставить это в любой момент исчезнуть. Из этого необходимо следует, что существует иной, отличный от нас, более могущественный и мудрый творец, способный по своему усмотрению создать нас, сохранить или уничтожить. Опираясь на эти положения, вытекающие из свидетельств чувств, разум властно заявляет нам, что существует некая высшая власть, которой мы по праву подчиняемся, т. е. бог, обладающий по отношению к нам справедливым и необоримым могуществом, который по своему желанию может и возвысить нас, и повергнуть в прах, своею волей может сделать нас счастливыми или несчастными; а так как он сам создал душу и с удивительным искусством устроил тело, он ясно видит все способности, все силы, скрытое устройство и природу того и другого и может исполнить душу печалью или радостью, тело — страданием или наслаждением, вознося их к величайшему блаженству или обрекая на несчастья и наказания. Отсюда совершенно ясно, что разум, следуя за чувствами, указывающими ему путь, способен подвести нас к познанию законодателя, или некой высшей силы, которой мы необходимо подчиняемся, что и является первым требованием, необходимым для познания какого-либо закона. Я знаю, что одни пытались доказать существование божественной силы, руководящей миром, опираясь на свидетельства совести⁸, другие — идеи бога, представляющейся врожденной нам⁹. Оба этих метода, бесспорно, доказывают существование бога, хотя аргументация и того и другого не получает всю свою силу от наших врожденных способностей, т. е. от чувства и разума, оперирующих с чувственно воспринимаемыми вещами и выводимыми из них основаниями для доказательств (что, быть может, станет ясным всякому, кто внимательнее рассмотрит этот вопрос). Однако для подтверждения истинности нашего доказательства достаточно того, что человек с помощью чувств и разума способен прийти к познанию некоего высшего божества, как мы это показали выше. Я бы в данный момент не хотел говорить о том, что есть основания сомневаться, присуща ли от природы эта идея бога всем людям, ибо, если верить путешественникам, на земле существуют некоторые племена, вообще не признающие никакого божества, как о том свидетельствуют описания их путешествий, в то время как нигде нет народа, сколь угодно варварского и лишенного всякой человечности, который бы не радовался чувственным удовольст-

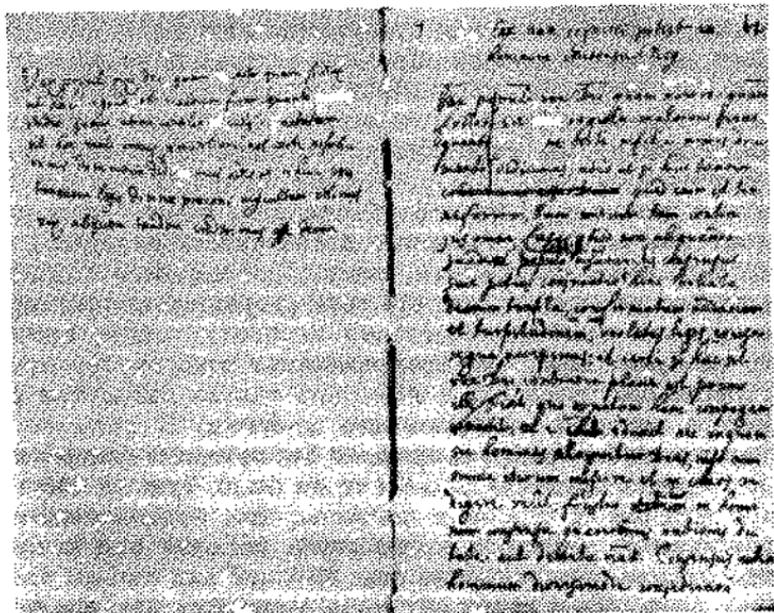
виям и не превосходил бы животных разумом и способностью к рассуждению, хотя, быть может, и недостаточно развивал эти врожденные способности учением; все люди, где бы они ни жили, способны от природы познать бога в его творениях, если только они не станут пренебрегать этими врожденными способностями и не посчитают недостойным следовать туда, куда ведет их природа. Итак, ясно, что люди способны из существования чувственно воспринимаемых вещей заключить о существовании некоего могучего и мудрого творца, обладающего правом и властью над людьми; разве кто-нибудь станет отрицать, что глина подчиняется воле гончара и что та же рука, которая сделала сосуд, может разбить его?

Во-вторых, если свидетельства чувственных восприятий приводят нас к заключению о существовании некоего создателя всего бытия, которого необходимо признать не только могущественным, но и мудрым, из этого далее следует, что он сотворил этот мир не напрасно и не случайно; ибо противоречило бы столь великой мудрости творить безо всякой определенной цели; и человек, зная, что он одарен быстрым, восприимчивым, всеобъемлющим, гибким, наделенным способностью мыслить и познавать умом, а кроме того — проворным, способным по воле ума двигаться в любом направлении телом, не может поверить, что все это, предназначенное для деятельности, дано ему, чтобы ничего не делать, что он наделен всеми этими способностями, чтобы тем великопечнее бездельничать и пребывать в бездействии. Отсюда совершенно ясно, что бог хочет от человека, чтобы тот что-то делал, а это и есть второе требование, необходимое для познания какого-либо закона, а именно воля высшего могущества относительно того, что мы должны делать; иными словами, бог хочет, чтобы мы что-то делали. А что именно должны мы делать, отчасти можем понять, исходя из цели всех вещей, которые, получая свое происхождение от божественной воли и будучи творениями наисовершеннейшего и наимудрейшего мастера, по-видимому, не предназначены им ни для какой иной цели, кроме его собственной славы, к которой должно быть направлено все. Отчасти же мы можем понять, в чем смысл наших обязанностей и четкие правила, их регулирующие, из конституции самого человека и тех способностей, которыми он наделен. Ведь если человек создан не случайно и не зря одарен этими способностями, которые и могут и должны быть использованы, то это и представляется тем делом человека, для совершения которого он

создан природой; иначе говоря, обнаруживая в себе способность чувственного восприятия и разум, человек чувствует себя способным и готовым созерцать творения бога и его мудрость, проявившуюся в них, а посему воздавать почести и возносить хвалу и славу, которая была бы недостойнейшей столь великого и благого творца. Далее, он чувствует, что его побуждают объединяться с другими людьми и поддерживать это жизненное сообщество не только жизненный опыт и необходимость, но жить в обществе его заставляет и некая природная склонность, и он обязан сохранять и поддерживать это сообщество как самого себя благодаря дару речи и языку, которыми он наделен. Поскольку к исполнению этой стороны своих обязанностей человек весьма настойчиво побуждается неким внутренним стимулом и пока еще не нашлось никого, кто бы захотел пренебречь собой и отречься от себя, и в этом отношении, быть может, все слишком уж внимательны, то нет необходимости долее задерживаться на этом. Однако, быть может, в другом месте представится возможность поговорить отдельно о каждом из этих трех пунктов, охватывающих все обязанности человека в целом¹⁰

У. МОЖНО ЛИ ПОЗНАТЬ ЗАКОН ПРИРОДЫ ИЗ ОБЩЕГО СОГЛАСИЯ ЛЮДЕЙ? НЕТ, НЕЛЬЗЯ

«Глас народа — глас божий» — сколь неверно, сколь лживо это утверждение, какими несчастьями чревато оно, с какими партийными пристрастиями, с каким жестоким умыслом бросали в толпу эту зловещую поговорку еще совсем недавно, мы, во всяком случае, убедились на слишком несчастных примерах, так что, если бы мы захотели прислушаться к этому гласу как к глашатаю божественного закона, мы в результате потеряли бы веру в существование бога. Существует ли что-нибудь столь нечестивое, столь безбожное, столь противоречащее всякому праву, божественному и человеческому, к чему когда-нибудь не призывала безумная толпа в своей согласии, или — лучше — сговоре? Мы знаем, что это приводило к разграблению храмов божьих, к безудержной дерзости и гнусности, к попранию законов, к низвержению монархов. И уж если это действительно глас божий, то он полностью противоречит первому слову: «Да будет...»¹¹, которым был создан и выведен из небытия этот прекрасный мир. И бог мог бы сказать подобное людям только в том случае, если бы он

Страница рукописи Локка

желал вновь обратиться все в хаос; поэтому напрасно стали бы мы искать в согласии людей требования разума или декреты природы.

О согласии людей можно говорить с разных точек зрения. Прежде всего его можно разделить на «установленное» и «естественное».

«Установленным» мы называем такое согласие, которое рождается из соглашения (*pacium*), либо молчаливого, являющегося результатом соображений общей человеческой пользы или необходимости, как, например, о свободе передвижения послов, о свободе торговли и прочем в том же роде, либо выраженного словесно, как, например, об установлении границ между соседними народами, о запрещении покупать и ввозить те или иные товары и о многом другом. Оба эти вида согласия, целиком являясь результатом соглашения и не вытекая из какого-либо природного принципа, ни в коей мере не доказывают существования закона природы. Например, то, что согласие о принятии послов, имеющее силу почти у всех народов, является установленным и не предполагает никакого закона природы, ясно уже из того, что по закону природы все люди — друзья между собой и объединены общими инте-

ресаами, если только, как это утверждают некоторые, общими для всех людей в природном состоянии не являются война и взаимная постоянная и непримиримая ненависть¹². Но последуем ли мы первой или второй точке зрения, будем ли мы утверждать, что люди враждебны или дружественны друг другу, — закон природы все же не сможет дать нам никакого объяснения, почему передвижение или вообще положение посла чужих народов должно быть более безопасным, чем любого частного лица, если только не считать, что это есть результат молчаливого соглашения людей, рожденного необходимостью, например соображением, что несправедливо отторгнутое предпочтительнее требовать с помощью одного лица, чем открытого насилия, совершаемого многими. И хотя закон природы вообще равно запрещает без причины оскорблять и подвергать насилию кого бы то ни было, будь то частное лицо или посол, однако я согласен, что, предполагая существование подобного соглашения, насилие над послом есть большее преступление, чем насилие над любым частным лицом, ибо в таком случае совершается двойное преступление: наносится оскорбление и нарушается слово. Поэтому то, что у людей посол считается персоной более неприкосновенной, чем любое частное лицо, не есть санкция закона природы, ибо этот закон и не предписывает, и не позволяет людям пылать ненавистью друг к другу и быть разделенными на враждебные государства. Да и само это так называемое установленное согласие вовсе не так велико в других вопросах, чтобы распространяться на все народы. Ведь то, что у соседствующих и близких друг другу народов Европы, быть может, считается разумным и принимается всеми, народы Азии и Америки, отделенные от нас огромными расстояниями и не знакомые с нашими нравами и представлениями, могут совершенно игнорировать, не ставить ни во что и не считать себя связанными этими законами. Таким образом, все это согласие, являющееся результатом соглашения, не доказывает существования закона природы и скорее должно быть названо международным правом, возникающим не по велению закона природы, а из убеждения в общей пользе для всех.

Во-вторых, «естественное» согласие, к которому побуждает людей некий природный инстинкт, не нуждающийся ни в каком договоре, может быть тройким:

1) согласие в отношении нравственности, или поступков, т. е. того, что касается нравов и поведения человека в общественной жизни;

2) согласие в отношении мнений, с которыми люди могут соглашаться по-разному: одни — поддерживая твердо и безусловно, другие — слабо и колеблясь;

3) согласие в отношении принципов, а именно таких, с которыми любому здравомыслящему человеку легко согласиться и ни одному разумному человеку, понявшему их границы, не пришлось бы сомневаться в их истинности.

Итак, прежде всего мы утверждаем, что согласие в вопросах нравственности отнюдь не доказывает существования закона природы, ибо, если бы пришлось оценивать справедливость и право по меркам человеческой практики, больше не существовало бы ни нравственности, ни порядочности. Какая низость не стала бы не только позволенной, но и неминуемой, если бы закон устанавливало для нас поведение большинства, в какой позор, в какую мерзость и всевозможные нравственные пороки не ввергнул бы нас закон природы, если бы пришлось следовать большинству? И среди культурных народов, воспитанных в определенных законах, признаваемых всеми, которым они с готовностью подчиняются, мало найдется людей, кто своим образом жизни не оправдывал бы пороков и дурным примером не толкал бы нас во множестве примеров своего морального падения? До такой степени всевозможные пороки разрослись среди людей, распространились по всему миру, примешались ко всему существующему. Уже в прошлом люди были столь искусны в порче собственных нравов, столь разнообразны были их пороки, что потомкам не осталось возможности бы придумать и прибавить к ним что-нибудь еще, так что невозможно никому совершить какое-нибудь преступление, подобного которому не существовало бы ранее. Поэтому всякий, кто хочет создать правила нравственности по мерке такого рода согласия относительно человеческой деятельности и отсюда вывести закон природы, похож на того, кто старается сойти с ума, сохранив рассудок. Таким образом, никто не пытался построить закон природы на основании этого печально знаменитого согласия людей между собой. Однако можно говорить, что закон природы следует выводить не из нравов, а из мнений людей: не поведение людей в жизни, а души их должны мы исследовать, ибо именно там записаны декреты природы, там кроются нравственные правила и те принципы, которые не могут быть разрушены правами, а так как они одинаковы для всех, то и не могут иметь иного создателя, кроме бога и природы. И именно поэтому

этот внутренний закон природы, столь часто отрицаемый нашими нравами, признается человеческой совестью, и даже те, кто поступает несправедливо, в душе знают, что такое справедливость. Перейдем же теперь к тому виду согласия, который мы надеемся обнаружить в людских мнениях.

Итак, мы говорим, во-вторых, что не существует универсального и общего согласия между людьми по вопросам морали, а кроме того, если бы и существовало постоянное и единодушное согласие всех людей, где бы они ни жили, относительно должного, из этого, однако, нельзя ни вывести, ни познать с несомненностью закон природы.

Во-первых, не существует общего согласия среди людей относительно того, что есть нравственность. И здесь, прежде чем перейти к частностям, я хочу лишь сказать, что, пожалуй, нет ни одного порока, ни одного нарушения закона природы, ни одного гнусного и безнравственного деяния, которые бы не только совершались где-то на земле людьми, но и не освящались авторитетом государства и общественными нравами, а это легко сможет заметить всякий, кто обратится к мировой истории и познакомится с людскими деяниями: он увидит, что не существует ничего столь позорного по своей природе, что где-то или не было бы освящено религией, или не почиталось бы доблестью и не превозносилось бы до небес. Отсюда легко понять, каковы были представления людей об этом предмете, если они полагали, что подобным образом они свято чтут богов или становятся благодаря этому героями. Ведь если, не говоря уже о различных народных религиях, из которых одни вызывают смех своими священнодействиями, другие нечестивы в своих обрядах и чудовищны самим своим культом, одно упоминание о которых приводит остальные народы в ужас, заставляя их верить, что подобные обряды, явно противоречащие самому закону природы, должны быть искуплены новыми жертвами, повторяю, если, не говоря об этом, — тем более что, как мы знаем, религия открывается людям не с помощью светоча природы, а через божественное откровение, — мы захотим рассмотреть отдельные виды добродетелей и пороков, а никто не сомневается, что это и есть сам закон природы, то легко обнаружим, что нет такого, о котором люди бы не придерживались противоположных мнений, подтверждаемых общественным авторитетом и обычаями. Так что если бы согласие людей пришлось признать за критерий нравственности, то это означало бы, что закон природы либо во-

обще не существует, либо он различен в разных местах — то, что в одном месте почиталось бы нравственным, в другом считалось бы позором и сами пороки превратились бы в обязанность. Но с этим никто не согласится. Ведь пока люди, подчиняясь своим представлениям, совершали по обычаю своего народа нечто, что другим, быть может и не без основания, показалось бы недостойным и нечестивым, они считали, что не нарушают закона природы, но наоборот — соблюдают его, и не чувствовали никаких угрызений совести и того «внутреннего бича», который всегда терзает и мучает людей, сознающих за собой преступления, полагая, что, каков бы ни был их поступок, он не только позволителен, но и похвален. Отсюда с очевидностью можно сделать вывод не только о том, каковы были нравы людей, но и каковы были их нравственные взгляды.

А как оценивать нам представления людей о справедливости, этом главном законе природы, на котором зиждется всякое сообщество? Мы знаем от достойных доверия писателей, что целые народы занимались пиратством и разбоем. «Для древних разбойничать было не позорно, а похвально», — свидетельствует в своих схолиях к Гомеру Дидим¹³. «У древних египтян, а это был народ весьма хитроумный в изобретении всякого рода искусств и проницательный в исследовании и познании природы, все виды воровства считались дозволенными и похвальными», — утверждает Аристон, цитируемый А. Геллием¹⁴. «У лакедемонян, людей рассудительных и смелых (а ведь жили они не так давно, как египтяне), по словам немало числа весьма достойных авторов, также существовали право и обычай воровать», — говорит тот же Геллий¹⁵. Да и сами римляне, явившие, как говорят, всему миру примеры добродетелей, чем стяжали себе почести, триумфы и немеркнущую память, если не воровством и грабежами, которыми опустошили всю вселенную? Чем иным была прославляемая с таким восторгом их знаменитая доблесть, чем иным, повторяю, если не насилием и несправедливостью? И такое несоответственное понимание справедливости не исчезло до нашего времени, если до сих пор у множества народов грабить, обманывать, нарушать слово, похищать, силою оружия захватывать столько, сколько сможешь, почитается настоящей доблестью и истинной славой и причисляется к величайшим добродетелям полководца. Они уверены, что справедливость такова, какой они ее себе воображают: слепая и вооруженная мечом. Катон говорил: «Мелкие воры влчат жизнь в темнице за-

ключенными в оковы, а грабители государства процветают в золоте и пурпуре»¹⁶.

Ну а что должны мы думать о целомудрии и чистоте? Если у ассирийцев женщины присутствовали на пирах совершенно обнаженными на глазах у всех и это считалось похвальным, у других народов позорным считается, если женщина, хотя бы и одетая, появится в общественном месте или откроет лицо и ее увидят незнакомые люди. У иных народов незамужним девушкам позволено вступать в связь с кем угодно, поскольку считается, что целомудрие надлежит только замужним и только брак способен обуздать женскую распущенность. Другие же освящают брачное ложе прелюбодеянием и брачные факелы разжигают пламенем разврата, когда новобрачная принимает всех гостей и в первую ночь насчитывает столько же любовников, сколько Мессалина¹⁷. Есть и третьи, у которых в одном случае государю, в другом — жрецу принадлежит право лишить девственности невесту. «Гараманты в Эфиопии не знают моногамии, но там всем позволено безо всякого разбора вступать в связь друг с другом», — говорит Солин¹⁸; а П. Мела¹⁹ подтверждает существование у них этого позорного обычая: они чтут мать богов такими обрядами, которые оскорбили бы матрону; я уже не говорю о полигамии, которая у одних рассматривается как право, у других — как преступление, у одних она установлена законом, у других — наказывается смертью.

А что сказать о почтении к родителям, если находятся целые племена, у которых взрослые дети убивают родителей, где дети с большей жестокостью, чем сами Парки²⁰, отнимают дарованную судьбой жизнь, где не только всем назначена смерть, но и предопределен точный час смерти и где не приходится долго ждать поздно наступающего дня медленно приближающейся дряхлой старости, где каждый является палачом собственному родителю и отцеубийство почитается проявлением долга благочестия. «У сардов есть закон, — говорит Элиан, — чтобы дети ударом дубины убивали состарившихся родителей и хоронили их, полагая позорным, если глубокий старец все еще живет»²¹. И там же он говорит, что дербики²² убивают всех достигших семидесяти лет; другие столь же жестоко относятся к своим детям, выбрасывая, если им заблагорассудится, новорожденных, и кажется, что они только для того дали им жизнь, чтобы отнять ее; есть и такие, что вообще не признают потомство женского пола как чужое им и противоестественное, покупая себе жен соседей для приобретения

потомства, так что эти люди вовсе не считают себя связанными законом, который природа, по-видимому, утвердила даже в душах животных, и жестокостью превосходят диких зверей.

Если и существует какой-то представляющийся всем самым священным закон природы, к соблюдению которого род человеческий побуждается как неким природным инстинктом, так и соображениями собственной выгоды, то это, конечно, закон самосохранения, который некоторые считают на этом основании самым главным и фундаментальным законом природы. Но сила обычая и представлений, диктуемых традицией народа, такова, что она вооружает людей даже против самих себя, заставляя их накладывать на себя руки и с такой же настойчивостью искать смерти, с какой другие стремятся избежать ее. Есть подданные, которые не только чтут и защищают государя при жизни, но и следуют за ним, когда он умирает; есть слуги, которые сопровождают своих господ в царство теней и готовы повиноваться им даже там, где все равны. И столь отважны не только мужчины, более смелая часть человечества; у индусов, например, невоинственный и робкий женский пол отважно презирает смерть и следует за умершим супругом в пламя костра, дабы разделить с ним смерть, позволяя брачным факелам угаснуть, лишь превратившись в пламя погребального костра, и в самой могиле предпочитают они обрести вновь брачные покои, а не быть обреченными на вдовство и скорбь о супруге. Свидетельство этому приводит Мандельсло в недавно вышедшем «Путешествии» Олеария»²³. По его рассказу, он собственными глазами видел молодую красивую женщину, которую после смерти ее мужа никакие просьбы и слезные мольбы друзей не могли удержать от добровольной смерти, и в конце концов спустя шесть месяцев принудительной отсрочки она, с разрешения правителя, одетая в свадебный наряд, торжественно, со счастливым выражением лица поднялась на костер, сооруженный на площади, и ликуя погибла в огне.

Долго было бы перечислять все. И не следует удивляться столь противоположным представлениям людей о справедливости и нравственности, если они расходятся в самих принципах и сомневаются в существовании самого бога и бессмертия души. И хотя это, строго говоря, не моральные категории и не законы природы, однако они, по-видимому, должны быть необходимыми предпосылками существования закона природы, ибо нет закона, если нет

законодателя, и закон не имеет смысла, если не существует кары. Ведь некоторые народы Бразилии и жители Салдании²⁴ вообще не признают и не чтят бога, как утверждают те, кто посетил эти места. Но даже если никогда не существовало человека, лишённого разума и человечности настолько, чтобы вообще не признавать никакого божества, чем, скажите, лучше политеизм? Чем являются представления о богах греков, римлян и всего языческого мира? Они выдумали себе множество богов, дерущихся друг с другом, как это происходило во время Троянской войны, испытывающих друг к другу различные чувства, жестоких, вороватых, прелюбодействующих. Неудивительно поэтому, если они не могли из воли подобных богов вывести обоснование своего морального долга. Каким жизненным правилам могла бы научить религия, где каждый по собственному усмотрению избирает себе бога и культ, где божества произрастают на земле и ежегодно можно собирать их жатву, где божеских почестей удостоились бык и собака? Так почему же мы удивляемся, если такого рода согласие людей относительно богов вообще ничем не помогает нравственному воспитанию? Разве эти люди не являются атеистами, только называющимися другими именами? Ведь одинаково невозможно, чтобы существовало или мыслилось множество богов, как и то, чтобы вовсе не существовало бога, и тот, кто умножает число богов, уничтожает божество вообще. Ничего не даст вам и обращение к культурным народам или к здравомыслящим философам, если для иудеев все остальные народы представляются язычниками и неверными, для греков — варварами, если Спарта, ее суровый народ оправдывает воровство, а римская религия — нечестивые жертвоприношения Юпитеру Латийскому. Что пользы обращаться к философам? Если Варрон²⁵ приводит более двухсот их мнений о том, что есть высшее благо, и, следовательно, не может быть меньшим и число мнений о пути, ведущем к счастью, т. е. о законе природы, а такие философы, как Диагор из Мелосса, Феодор из Кирены и Протагор²⁶, запятнали себя атеизмом. Если же мы обратимся к исповедующим христианскую религию, что придется нам думать о тех, кто разрывает самую великую связь, объединяющую род человеческий, утверждая, что не следует соблюдать слова, данного еретикам, т. е. тем, кто не признает владычества папы и образует собственное сообщество? А если иной раз они считают все же необходимым соблюдать слово, данное согражданам, то уверены, что с чужестранцами позволены

и обман и коварство. Ну а что же мудрейшие среди греков и римлян Сократ и Катон (чтобы не приводить других примеров)? Они впустили в свои спальни чужих людей, уступили друзьям своих жен, стали прислужниками чужой похоти⁸⁷. Все это делает совершенно ясным, что из того согласия, которое существует среди людей, вывести закон природы невозможно.

Во-вторых, мы утверждаем, что если бы и существовало единодушное и всеобщее согласие людей относительно какого-то мнения, то это согласие все же не доказывало бы, что это мнение есть закон природы, потому что закон природы каждым должен быть выведен из естественных принципов, а не из чужой веры, и такого рода согласие возможно только по такому предмету, который ни в коем случае не является законом природы, например: если бы у всех людей золото ценилось выше свинца, то отсюда бы не следовало, что это установлено законом природы, или если бы все, подобно персам, бросали человеческие трупы на съедение псам или, подобно грекам, сжигали их, то ни первое, ни второе не доказывало бы, что это требование закона природы, обязывающего людей, ибо такого рода согласия далеко не достаточно, чтобы создать обязательство; я признаю, что такого рода согласие может указывать на закон природы, но не может доказать его, может заставить меня сильнее верить, но не определеннее знать, что это и есть закон природы. Ибо я не могу знать наверняка, является ли законом природы чье-либо частное мнение — это всего лишь вера, а не знание. Ведь если я обнаруживаю, что мое собственное мнение совпадает с законом природы, еще не зная о такого рода согласии, то знание этого согласия не доказывает мне того, что я познал раньше, исходя из естественных принципов. Но если до того, как стало известным общее мнение людей, я не знаю, что суждение моего ума есть такой закон природы, то я с полным основанием могу сомневаться, является ли таким законом и мнение остальных, поскольку невозможно привести ни одного основания, заставляющего меня поверить, что все другие от природы обладают тем, в чем мне отказано. И конечно, сами эти люди, согласные между собой, не могут знать, что нечто является благом только потому, что они в этом согласны между собой; но они потому согласны, что, исходя из естественных принципов, познают, что нечто является благом, и познание предшествует согласию. Иначе причина и следствие были бы одним и тем же и об-

щее согласие влекло бы за собой общее согласие, что совершенно абсурдно.

О третьем, т. е. о согласии в принципах, мне почти нечего сказать, ибо спекулятивные принципы не имеют отношения к делу и никоим образом не касаются морали. Что же такое согласие людей по практическим принципам, легко догадаться из вышесказанного.

VI. НАЛАГАЕТ ЛИ ЗАКОН ПРИРОДЫ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА НА ЛЮДЕЙ? ДА, НАЛАГАЕТ

Так как находятся люди, сводящие весь закон природы к самосохранению каждого и не ищущие более глубоких его оснований, чем та любовь и некий инстинкт, в силу которых каждый заботится только о себе и печется как может о собственных безопасности и благополучии (ведь каждый понимает, что он должен быть достаточно усердным и энергичным в деле собственного самосохранения), то мне кажется важным рассмотреть, что представляет собой и сколь значительной является обязательная сила закона природы; ибо если забота о самосохранении является источником и началом этого закона, то добродетель представляется не столько долгом человека, сколько выгодой, и нравственным для человека будет только то, что полезно, а уважение к этому закону будет не столько нашим долгом и обязанностью, налагаемыми на нас природой, сколько привилегией и благодеянием, к которому увлекает нас польза, и, таким образом, мы можем пренебречь этим законом и попирать его, когда нам заблагорассудится, быть может и не без некоторого ущерба для себя, но во всяком случае безнаказанно.

Для того же, чтобы понять, каким образом и в какой мере обязывает нас закон природы, необходимо предварительно сказать несколько слов о том, что такое обязательство, определяемое юристами как правовые узы (*vinculum juris*), вынуждающие каждого исполнять должное, где под правом понимается гражданский закон. Это определение достаточно удачно дает описание и всякого другого обязательства, если под правом понимать тот закон, обязательную силу которого мы собираемся определить; в данном случае здесь под правовыми узами следует понимать узы закона природы, вынуждающие каждого исполнять естественный долг, т. е. те обязанности, которые от него требует его собственная природа, либо нести должную ка-

ру, если совершено преступление. А для того чтобы понять, что является источником этих правовых уз, нужно осознать, что никто не может ни обязать, ни принудить нас исполнить что-либо, если не обладает по отношению к нам правом и властью и, повелевая или запрещая нам что-то, лишь пользуется своим правом. Поэтому эти узы проистекают от того господства и власти, которыми обладает по отношению к нам и к нашим действиям некто высший, и в той мере, в какой мы подчинены другому, в такой мы связаны обязательством. Эти узы принуждают нас к исполнению должного, а это должное может быть двух родов.

Во-первых, это то, чего требует долг, иначе говоря, что каждый обязан совершать или не совершать по повелению более высокой власти. Ведь коль скоро воля законодателя нам известна или обнародована столь ясно, что может быть нам известной, если только мы сами не создадим к этому препятствий, то мы обязаны уважать ее и повиноваться во всем, и это как раз и есть то, что называют обязательным исполнением долга, т. е. согласование наших действий с их принципом, а именно с волей высшей власти. И это обязательство проистекает, по-видимому, как из божественной мудрости законодателя, так и из того права, которым создатель обладает по отношению к своему созданию. Ведь в конечном итоге всякое обязательство ведет к богу, волю и власть которого мы обязаны уважать и почитать потому, что именно от него получаем и наше бытие, и наше дело, от его воли зависит и то и другое и мы должны блюсти ту меру, которую он предписывает нам, равно как мы обязаны поступать так, как то угодно всеведущему и всемогущему.

Во-вторых, это необходимость подчинения наказанию, вытекающему из неисполнения обязанности, налагаемой долгом, когда те, кто не пожелали подчиниться разуму и признать свое подчинение высшей власти и жить нравственно и справедливо, угрозой силы и наказания оказались бы вынужденными признать свою зависимость и почувствовать силу того, воле которого они не захотели следовать. И сила этого обязательства основывается, по-видимому, на власти законодателя, заставляющей того, на кого не действовали увещания, подчиниться власти. Однако же не всякое обязательство, как кажется, состоит и в конечном счете определяется той силой, которая способна обуздывать нарушителей, и карать преступников. Скорее оно состоит в той власти и господстве, которым некто обладает по отношению к другому либо по праву природы и творения, когда все с полным основанием подчиняется

тому, кем оно впервые было сделано и кому обязано продолжением существования, либо по праву дарения, когда бог, которому принадлежит все, часть своей власти передает кому-то, вручая ему право повелевать, как, например, перворожденным и монархам, либо по праву договора, когда кто-нибудь добровольно подчиняется другому, отдавая себя на его волю. Ведь всякое обязательство связывает сознание и накладывает узы на сам разум, так что не страх наказания, а понимание справедливости обязывает нас, и сознание выносит приговор нашим нравам, осуждая нас по заслугам на наказание, если мы совершили какое-то преступление. Поистине справедливы известные слова поэта: «Никто, окажись он судьей самому себе, не оправдывает себя за совершенный проступок»²⁸. А все было бы совершенно иначе, если бы обязательство налагал один лишь страх перед наказанием, что каждый легко заметит на собственном примере и поймет, сколь различны основания его обязательств в том случае, когда он, оказавшись в плену у пирата, служит ему, и в том, когда он как подданный повинуется своему государю, и сам он по-разному будет судить себя, если откажется повиноваться королю и если сознательно не выполнит поручения пирата или разбойника, ибо в последнем случае он, в полном согласии с совестью, воспользовался бы лишь своим правом на жизнь, в первом же случае он нарушил бы право другого и совесть осудила бы это.

Далее, относительно обязательства следует иметь в виду, что в одном случае речь идет о так называемом «эффективном», а в другом — лишь о «терминативном»²⁹ обязательстве. В первом случае имеется в виду первопричина всякого обязательства, из которой вытекает формальное ее основание, и это есть воля вышестоящего: ведь мы обязаны делать нечто потому, что так хочет тот, под властью которого мы находимся. Во втором случае имеется в виду то, что предписывает нам способ и меру нашего обязательства и нашего долга, а это есть не что иное, как объявление той воли, которую иначе мы называем законом. Ведь всемогущий господь накладывает на нас обязательства, поскольку такова его воля; пределы же налагаемого его волей обязательства и основания нашего повиновения ему определяет объявление его воли, ибо мы обязаны исполнять лишь то, что законодатель каким-то образом указал нам и дал понять, что он этого хочет.

Кроме того, нечто может накладывать обязательства само по себе, своею собственной силой, а нечто — через

что-то другое и с помощью внешней силы. Прежде всего сама по себе, своею силой и только так обязывает божественная воля, которая либо может быть познана с помощью светоча природы, и в таком случае это есть закон природы, о котором мы ведем разговор, либо раскрывается нам через боговдохновенных мужей или каким-нибудь иным способом, и в таком случае это установленный божественный закон. Во втором случае, т. е. опосредованно и опираясь на внешнюю силу, обязательство накладывается волей каждого другого человека, занимающего более высокое положение, например монарха или родителя, которой мы подчиняемся по божественной воле. Вся та власть, которой все остальные законодатели обладают по отношению к другим, право законодательства и принуждения к повиновению, получены только от бога, и мы обязаны подчиняться им потому, что так желает бог и так повелевает нам, и, следовательно, повинувшись им, мы повинуемся также и богу. Таким образом, мы утверждаем, что закон природы обязывает людей прежде всего сам по себе и своею собственной силой, что мы попытаемся подтвердить нижеследующими аргументами.

(1) Прежде всего этот закон содержит все, что требуется для того, чтобы он был обязывающим. Ведь бог, создавший этот закон, пожелал, чтобы он стал мерилем наших прав и жизни и достаточно ясно оновестил об этом, дабы всякий желающий проявить старание, настойчивость и ум ради познания его смог бы его знать; а поскольку для установления обязательства не требуется ничего иного, кроме факта господства, законности власти того, кто повелевает, и очевидности его воли, никто не может сомневаться, что закон природы обязывает людей. Во-первых, потому, что бог — превыше всего и обладает над нами таким правом и такой властью, какими мы не можем обладать по отношению к самим себе, и поскольку мы единственно ему одному обязаны нашим телом, душой, жизнью, всем, что мы есть, всем, что имеем, всем, чем можем стать, то справедливо, если мы будем жить по предписанию его воли. Бог создал нас из ничего и, если ему будет угодно, вновь обратит нас в ничто, и поэтому с полнейшим правом и с полной необходимостью мы должны подчиняться ему. Во-вторых, сей закон есть воля этого законодателя, становящаяся нам известной благодаря светочу и принципам природы, познание которой не может быть недоступным никому, кроме возлюбивших мрак и слепоту и, чтобы из-

бежать исполнения своего долга, отказывающихся от собственной природы.

(2) Далее, если закон природы не обязывает людей, то их не может обязать и положительный божественный закон, чего никто не смог бы утверждать. Ведь и в том и в другом случае основание одно и то же — та же самая воля высшего божества; различаются же они лишь способами распространения и методами нашего познания: закон природы мы твердо знаем благодаря светочу природы и естественным принципам, божественный же закон мы познаем верой.

(3) В-третьих, если закон природы не обязывает людей, то и никакой положительный человеческий закон не может обязывать их, коль скоро законы гражданского правителя заимствуют всю свою силу из обязательства, налагаемого этим законом [природы], во всяком случае у большинства человечества. Поскольку им недоступно достоверное познание божественного откровения, они не обладают никаким иным — ни божественным, ни обязывающим своей собственной силой — законом, кроме закона естественного. Поэтому, если лишить их закона природы, то это означало бы одновременно уничтожение государства, власти, порядка и общества. Ведь мы обязаны повиноваться государю не из страха, поскольку он, будучи могущественнее нас, может нас принудить к этому (это означало бы укрепление власти тиранов, разбойников и пиратов), но из сознания того, что он по праву обладает властью над нами, ибо закон природы повелевает повиноваться государю и законодателю или иному господину, как бы он ни назывался. Итак, обязательство, налагаемое гражданским законом, вытекает из закона природы, и мы не столько принуждены силой правителя повиноваться ему, сколько обязаны делать это по естественному праву.

**VII. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО, НАЛАГАЕМОЕ
ЗАКОНОМ ПРИРОДЫ, ВЕЧНЫМ И ВСЕОБЪЕМЛЮЩИМ?
ДА, ЯВЛЯЕТСЯ**

Факт существования среди людей множества разнообразных мнений о законе природы и об основании собственного долга, это, пожалуй, единственное, в чем все люди согласны, и, даже если бы язык хранил молчание, нравы людей, столь противоположные друг другу, достаточно бы свидетельствовали об этом, поскольку мы повсюду встре-

чаем не только отдельных людей или незначительные группы, но целые народы, у которых невозможно обнаружить никакого представления о законе и нравственности. Есть и другие народы, и их очень много, которые пренебрегают теми или иными предписаниями закона природы, не сознавая при этом за собой никакой вины, у которых не только в обычае, но и признается весьма похвальным совершать и одобрять такие проступки, которые другим народам, имеющим понятие о правде и живущим согласно с природой, показались бы совершенно чудовищными. Поэтому у них воровство и позволительно и похвально, а хищные руки разбойников не удерживаются никакими узами совести от насилия и преступлений. У иных нет никакого стыда перед прелюбодеянием, у других нет ни храмов, ни алтарей богов, у третьих алтари залиты человеческой кровью. Но при таком положении есть все основания сомневаться, обязывает ли закон природы целиком весь род человеческий, непоседливый и непостоянный, живущий по совершенно разным обычаям, движимый совершенно противоположными побуждениями? Ведь трудно поверить, что требования природы столь темны и неясны, что оказываются скрытыми от целых народов. Легко допустить, что некоторые люди от рождения и слепы, и неумны, и нуждаются в проводнике, не зная, куда им следует идти, но кто возьмется утверждать, что целые народы рождаются слепыми? Или это согласно с природой, чтобы целые народы и множество людей оставались совершенно невежественными, а светоч, заложенный в сердцах человеческих, либо вообще был неотличим от тьмы, либо, подобно ложному огню³⁰, своим обманчивым светом влек нас к заблуждениям? Подобное утверждение означало бы оскорбление природы, ибо это значило бы, что, провозглашая милость природы, мы в действительности испытывали бы ее жесточайшую тиранию. Но разве когда-нибудь, даже в Сицилии³¹, тирания была столь жестока, чтобы требовать от своих подданных исполнения того закона, который она вместе с тем скрывала от них, требовать подчинения той воле, которую они не могли знать? Законы Дракопа³², как известно, были написаны кровью, но они были написаны, чтобы их можно было знать. И конечно же, природа, мать всего сущего, не может быть столь жестокой, чтобы требовать от смертных повиновения такому закону, которому она их не научила и который не объявила достаточно ясно. Отсюда, как представляется, следует заключить: либо где-то вообще не существует никакого закона природы, либо

хотя бы некоторые народы им не связаны, а потому обязательство, налагаемое законом природы, не является всеобъемлющим.

Но, несмотря на эти возражения, мы утверждаем, что обязательство, налагаемое законом природы, является всеобъемлющим.

Мы только что доказали, что обязательство, налагаемое этим законом, существует. Теперь необходимо рассмотреть, сколь далеко простирается это обязательство. Таким образом, мы утверждаем прежде всего, что обязательство, налагаемое законом природы, является вечным, т. е. не существует такого момента, когда человеку было бы позволено нарушать предписания этого закона; здесь не бывает никакого междуцарствия, никаких Сатурналий³³, никаких передышек, когда бы в сей державе могли иметь место свобода и вседозволенность. Узы этого закона вечны и неотделимы от существования рода человеческого: они вместе с ним рождаются и вместе с ним исчезнут. Однако это вечное обязательство не должно восприниматься так, как будто бы люди обязаны всегда исполнять все, что повелевает закон природы; это было бы совершенно невозможно, ибо один человек не способен одновременно к различным действиям и точно так же не может исполнять одновременно множество обязанностей, как тело не может одновременно находиться в нескольких местах. Но мы называем налагаемое законом природы обязательство вечным в том смысле, что не существует и не может существовать ни одного момента, когда человек не был бы обязан повиноваться закону природы, если этот закон что-то повелевает людям или какому-то человеку. Таким образом, обязательство остается вечным, но может не распространяться на действие; обязательство, налагаемое законом, никогда не изменится, как бы часто ни менялись обстоятельства и условия действий, которыми определяется наше повиновение закону; мы можем иногда не действовать согласно закону, но не можем действовать вопреки ему; на нашем жизненном пути иногда разрешается отдых, но никогда — заблуждение. Однако относительно соблюдения закона природы следует заметить следующее.

Во-первых, существуют вещи, недопустимые при всех обстоятельствах, и такого рода обязательство налагается на нас навечно, как любят выражаться схоластики, т. е. вообще не бывает такого момента, когда разрешалось бы безнаказанное совершение подобных поступков, как, например, воровство, убийство и проч. Поэтому насилием

или хитростью лишить кого-нибудь его имущества всегда будет преступлением и никто не может осквернить себя чужой кровью, не обрекая себя на возмездие; от всего этого и тому подобных вещей мы обязаны воздерживаться навеки.

Во-вторых, существуют другие вещи, к которым закон природы требует от нас уважения: таковы благоговение и страх перед божеством, почтение к родителям, любовь к ближнему и тому подобное. Это мы обязаны соблюдать всегда, и не бывает такого момента, когда можно освободиться от этих чувств или относиться к подобным вещам иначе, чем того требует закон природы.

В-третьих, есть вещи, в отношении которых от нас требуется некое внешнее действие, например исполнение обрядов культа, утешение скорбящего ближнего, помощь страждущему, предоставление пищи голодающему. Все это мы обязаны делать не всегда, а только в определенный момент и в определенных обстоятельствах: ведь мы обязаны принимать в свой дом и кормить не любого человека и не во всякое время, а только тогда, когда несчастье, постигшее его, требует от нас милостыни и наше имущественное положение позволяет нам оказать ее.

В-четвертых, существуют, наконец, и такие вещи, когда предписывается не само по себе действие, а лишь сопро-вождающие его обстоятельства. Например, при повседневном общении в нашей обыденной жизни разве кто-нибудь обязан говорить о своем ближнем и вмешиваться в чужие дела? Конечно, никто. Любого волен говорить или молчать, и никто не может его осудить за это. Но если кто-то вдруг захочет упомянуть о другом, то закон природы повелевает делать это добросердечно и дружески и не говорить такого, что может повредить его репутации или достоинству. В данном случае «материя» действия безразлична, детерминированы только обстоятельства. Здесь налагаемые законом обязательства не абсолютны, а обусловлены, и в нашей власти и от нашей мудрости зависит, захотим ли мы предпринять какие-то действия, относительно которых мы связаны обязательством. Очевидно, что во всех этих случаях обязательство, налагаемое законом, остается равно неизменным, исполнение же нашего долга таковым не является. В первых двух случаях мы всегда обязаны подчиняться актуально, в двух же последних мы также всегда обязаны подчиняться, но лишь тому, что мы должны исполнять время от времени и последовательно, в зависимости от обстоятельств места и времени, так что иногда

действие может прекратиться, обязательство же — никогда.

Далее. Мы называем обязательство, налагаемое законом природы, всеобъемлющим не потому, что любой закон природы обязывает любого человека, ибо это было бы невозможным, поскольку многочисленные предписания этого закона имеют в виду разнообразные отношения людей между собой и основываются на них. Ведь у государей есть множество привилегий, не распространяющихся на народ, есть множество обязанностей подданного, которые касаются только подданного и не могут иметь отношения к государю; обязанность полководца — указать рядовым воинам их позиции, обязанность же воинов — удерживать их; и не подобает родителям почтительно и униженно приветствовать своих детей. Обо всем этом следует коротко сказать так. Все те предписания закона природы, которые являются абсолютными, а к ним относятся те, что говорят о воровстве, прелюбодеянии, клевете, а с другой стороны — о религии, благочестии, верности и т. д., все они, повторяю, и подобные им равно обязывают всех людей и повсюду, государей и подданных, простой народ и знатных вельмож, родителей и детей, варваров, так же как и греков; и нет такого народа или человека, столь далекого от всякой человечности, столь дикого, столь беззаконного, который не был бы связан узами этого закона. Но эти требования закона природы, имеющие в виду различные жребии людей, находящихся в разнообразных отношениях между собой, связывают их только в зависимости от требований, налагаемых их обязанностями, частными или общественными; ведь одни обязанности у короля, другие — у подданного; каждый подданный обязан повиноваться государю, но каждый человек не обязан быть подданным, ибо некоторые рождаются королями; кормить и воспитывать детей — это обязанность отца, однако же никто не обязан быть отцом. Таким образом, обязательство, налагаемое законом природы, всюду остается одним и тем же, жизненное же положение — различным; долг подданного всюду одинаков — и у гарамантов, и у индусов, и у афинян, и у римлян.

Исходя из сказанного, мы утверждаем, что обязательство, налагаемое законом природы, во все времена, во всем мире сохраняет свою силу во всей неприкосновенности и цельности. Потому что если он не обязывает всех людей, то либо в силу того, что какой-то части человеческого рода

он неприятен, либо потому, что вообще отвергается. Но ни того, ни другого сказать нельзя.

Во-первых, нельзя сказать, что некоторые люди настолько свободны от рождения, что даже не подвластны этому закону. Ведь это не частный и установленный людьми закон, имеющий в виду данные обстоятельства и непосредственную выгоду, но неизменное и вечное моральное правило, установленное самим разумом, а потому прочно коренящееся в основах человеческой природы; нужно сначала изменить человеческую природу, для того чтобы мог быть изменен или отменен этот закон, ибо между ними существует взаимосвязь, и то, что соответствует разумной природе, в той мере, в какой она остается разумной, необходимо должно оставаться таковым вечно, и неизменный разум будет повсюду диктовать одни и те же моральные правила. Следовательно, поскольку все люди от природы разумны, а между этим законом и разумной природой существует взаимосвязь, познаваемая благодаря светочу природы, то все наделенные разумной природой, т. е. все вообще люди, где бы они ни жили, необходимо связаны этим законом. Поэтому, если естественный закон обязывает хотя бы некоторых людей, то необходимо, чтобы он с совершенно тем же правом обязывал всех, потому что у всех людей одни и те же основания их обязательства перед законом, один и тот же способ познания, одна и та же природа. Ведь закон этот зависит не от изменчивой и непостоянной воли, но от вечного порядка вещей. Мне, во всяком случае, представляется, что некоторые статусы вещей неизменны и некоторые обязанности, рожденные необходимостью, не могут быть иными не потому, что природа или, лучше сказать, бог не смогли создать человека иным, но потому, что раз уж он создан именно таким, наделен разумом и другими способностями, рожден для того, чтобы жить в условиях этой жизни, то из его природной конституции неизбежно следуют некоторые определенные его обязанности, которые не могут быть иными. Ибо, как мне кажется, из природы человека, если он человек, обязанность любить и почитать бога и исполнять прочие требования разумной природы, т. е. соблюдать закон природы, следует с такой же необходимостью, как из природы треугольника, если это треугольник, следует, что три его угла равны двум прямым, хотя, быть может, есть весьма немало людей, до такой степени невежественных и нелюбопытных, что они не задумываются над этим и не имеют представления об этих истинах, столь очевидных и столь не-

сомненных, что невозможно даже представить что-либо более ясное. Поэтому никто не может сомневаться, что этот закон обязывает всех людей до единого.

Во-вторых, отсюда также понятно, что это естественное право никогда не будет отменено, поскольку люди не могут отменить этот закон, ибо они подчинены ему, а подданные не могут менять законы по своему произволу, да и бог, конечно, не захочет этого. Если в своей бесконечной и вечной мудрости он создал человека таким, что эти его обязанности неизбежно следуют из самой природы человека, он, конечно, не изменит уже сделанного и не создаст новое поколение людей, у которых были бы иной закон и иные моральные принципы, и раз уж закон природы существует вместе с данной человеческой природой, то вместе с ней исчезнет. Бог мог создать людей такими, чтобы они не имели глаз и не нуждались в них. Но коль скоро они имеют глаза и хотят иметь их открытыми, а солнце светит, они неизбежно познают смену дня и ночи, воспринимают различие красок и собственными глазами обнаруживают различие между прямым и кривым.

Другие аргументы, подтверждающие универсальность налагаемого законом природы обязательства, могли быть выведены апостериори из тех несчастий, которые бы последовали, если бы мы предположили, что эта обязательная сила где-то иссякла; ведь тогда бы не стало никакой религии, никакого человеческого сообщества, никакой верности и бесконечного множества других вещей в том же роде — достаточно одного упоминания об этом. Нам остается теперь коротко ответить на некоторые возникающие здесь сомнения.

Во-первых, можно следующим образом доказать, что обязательство, налагаемое законом природы, не является вечным и всеобъемлющим. По всеобщему согласию существует закон природы, гласящий: «Каждому — свое», т. е. «да никто не похитит и не присвоит себе чужого». Налагаемое этим законом обязательство может прекратиться по воле бога, как написано о евреях, когда они ушли из Египта и вторглись в Палестину³⁴. На это мы ответим отрицанием малой посылки. Ведь если бы бог приказывал кому-нибудь не отдавать взятое взаймы, то обязательство, налагаемое законом природы, не прекращалось бы, но прекращалось бы владение вещью; не закон бы нарушался, но менялся бы хозяин, ибо прежний владелец теряет вместе с вещью и право на нее; действительно, дары судьбы никогда не являются настолько нашими, чтобы не-

рестать принадлежать богу; именно он, высший хозяин всего сущего, может по собственной воле, не нарушая сираведливости, даровать принадлежащее ему кому угодно.

Во-вторых, если в одном случае мы обязаны повиноваться родителям, а в другом не обязаны, значит, обязательство, налагаемое законом природы, не является ненарушимым; ведь, когда государь приказывает нам иное, мы не обязаны повиноваться родителям. На это мы ответим, что мы обязаны подчиниться требованиям родителей только в том, что дозволено, и это обязательство никогда не может прекратиться. Ведь если король повелевает нам нечто иное, то в этом случае требования родителей становятся недозволенными, например оставаться дома и заниматься именем, когда король призывает на войну. Таким образом, налагаемое законом природы обязательство вообще не теряет силу, но изменяется природа самой вещи.

В-третьих, если кто-нибудь усомнится в том, является ли налагаемое законом природы обязательство всеобъемлющим, поскольку столь различны представления людей о собственном долге и столь различны их нравы, то на это следует сказать, что эта несхожесть людей и в образе жизни, и во взглядах существует не потому, что закон природы различен у разных народов, а потому, что то ли под влиянием древних традиций и местных обычаев, то ли увлекаемые страстями, они усваивают чуждые им моральные представления и, не позволяя себе обратиться к разуму, подчиняются чувственному побуждению, подобно животным следуя за стадом; ибо в равной мере может заблудиться тот, кто не хочет раскрыть глаза, как и тот, кто родился слепым, хотя, быть может, у него дорога не так уж трудна и зрение достаточно острое.

О младенцах и глупцах нет необходимости говорить; ведь, хотя закон и обязывает всех, кому он предназначен, он не обязывает тех, кому он не предназначен, а не предназначен он тем, кто не способен его понять.

**VIII. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЛИЧНАЯ ВЫГОДА
КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА ОСНОВАНИЕМ ЗАКОНА ПРИРОДЫ?
НЕТ, НЕ ЯВЛЯЕТСЯ**

Некоторые противники закона природы, нападая на него, прибегают к следующему доводу: люди в зависимости от своих обычаев установили для себя различные

права, исходя из соображений выгоды, и у них же они часто подвергаются изменениям в зависимости от обстоятельств; естественного же права вообще никакого не существует, потому что все люди и все живые существа стремятся к собственной выгоде и следуют здесь за природой; а следовательно, или закона природы вовсе не существует, или если он все же существует, то он есть величайшая глупость, ибо заботящийся о чужом благе вредит собственному³⁵. Эти и другие подобные им мысли проповедовал некогда в своей Академии Карнеад³⁶, чей проникательнейший ум и мощное красноречие не обошли почти ничего, потрясая буквально всё. И с тех пор вплоть до нашего времени нет недостатка в тех, кто с величайшим усердием отстаивает эти взгляды. Так как у них нет тех добродетелей и дарований ума, благодаря которым они могли бы обеспечить себе доступ к почестям и богатству, они принимаются жаловаться на несправедливую судьбу рода человеческого и утверждать, что государства не управляются иначе, как несправедливо, поскольку в них нет доступа к общим и природным благам, существующим ради общей пользы, а потому, кричат они, нужно сбросить гнет власти и бороться за естественную свободу, всякое же право и справедливость следует оценивать не по чужому закону, а собственной выгодой каждого. Подобным столь несправедливым представлениям всегда противилась здравомыслящая часть смертных, которой были присущи какое-то чувство гуманности и какая-то забота об обществе. Но для того чтобы наши определения были более точными, необходимо предварительно разъяснить некоторые термины и сказать, что мы понимаем под основанием закона природы, а также под личной выгодой каждого.

Во-первых, под основанием закона природы мы понимаем то, на чем основываются и, как на фундаменте, строятся все остальные и менее очевидные требования этого закона и из чего они могут быть некоторым образом выведены. Так они получают свою силу и обязательность из того, что согласуются с этим первичным и фундаментальным законом, являющимся образцом и мерой для всех остальных вытекающих из него законов.

Во-вторых, когда мы говорим, что личная польза каждого человека не является основанием закона природы, мы не хотим, чтобы это понималось так, будто общечеловеческое право и личная выгода отдельного человека несовместимы друг с другом; ведь закон природы служит величайшей опорой для частной собственности каждого: не со-

блюдая его, никто не может владеть своим имуществом и заботиться о своей выгоде. Поэтому для каждого, кто способен правильно судить о человеческом роде и людских нравах, будет бесспорным: ничто в такой мере не способствует общей пользе каждого, ничто в такой мере не обеспечивает безопасность и неприкосновенность имущества людей, как соблюдение закона природы. Но мы не можем согласиться с тем, что каждому позволено все, что он сочтет для себя полезным в соответствии с данными обстоятельствами. Ведь какой смысл делать частную выгоду каждого критерием справедливости и правды, если не позволить каждому отдельному человеку самому судить о себе, самому оценивать, что он считает для себя полезным, ибо никто не способен справедливо и беспристрастно оценить выгоду другого? И ты лишь обманываешь видимостью пользы того, кому позволяешь делать то, что полезно ему, но при этом хочешь, чтобы решение о том, что полезно, а что нет, находилось бы во власти другого. Таким образом, вопрос в конце концов выглядит так: согласно ли с законом природы то, что каждый отдельный человек сочтет полезным для себя и для своего состояния и на этом основании не только позволенным ему, но и необходимым и что в природе ничто не имеет обязательной силы, кроме того, что знаменует некую непосредственную пользу? Мы не можем принять это.

Во-первых, потому, что не может быть основанием закона природы, т. е. первичным законом, то, от чего не зависит обязательная сила других законов той же природы, но не столь всеобъемлющих. Однако от этого основания не зависит обязательная сила других законов; ведь, если бы ты решил перечислить все обязанности, налагаемые человеческой жизнью, ты не нашел бы ни одной, возникающей только из пользы и обязывающей только потому, что это выгодно; и в то же время существует множество величайших добродетелей, заключающихся единственно в том, чтобы приносить пользу другим, даже в ущерб самому себе. Именно такими добродетелями герои прошлого были вознесены к звездам и причислены к лику богов, не купив небо за груды добытых где попало богатств, но заслужив его подвигами, опасностями, щедростью; не к личной выгоде стремились они, но к пользе государства и всего рода человеческого, одни трудами, другие беднями, третьи смертью стяжали себе бессмертие, но никто еще не стал ни великим, ни уважаемым благодаря безделью или алчности. А поэтому, если бы этот первичный закон природы требо-

вал от каждого заботы о себе и своих частных делах, то сии великие примеры доблестей, освященные в памятниках письменности, были бы обречены на забвение, дабы вовсе исчезла всякая память о подобном безумии и столь недостойном деле. Ведь те самые, кем восхищаемся мы как величайшими и доблестнейшими мужами, должны были бы считаться не только глупцами, но и нечестивцами и преступниками за то, что они столь упорно пренебрегали собой и своими интересами только для того, чтобы дороже заплатить за позор, чтобы, отказываясь от своего имущества, отказаться вместе с ним и от честной репутации и считать, что нужно прилагать усилия только к тому, чтобы их убытки росли вместе с преступлениями. Если мы хотим сделать выгоду мерилом правды, то за твои подвиги, Алкид³⁷, ты скорее заслуживаешь позорной казни, чем обожествления, и ты вел скорее войну с самой природой, чем с чудовищами. И Курций³⁸, бросившийся за родину в зияющую пропасть и заживо сошедший под землю, чтобы не дать Риму быть погребенным под собственными руинами, явил нам не столько доблесть, сколько безумие: он простился и с жизнью, и с добрым именем и, войдя в гробницу, тем самым заслужил смерть. Поистине природа, мать всего сущего, с полным основанием должна быть названа бесконечно доброй, если она пожелала сделать обязанности наши не только необходимыми, но и приятными и выгодными, с тем чтобы любая добродетель была бы обязательно прибыльной; поистине завидна судьба рода человеческого, если добродетель его возрастает вместе с ростом самих его богатств! Так зачем же мы восхваляем бедность Фабриция³⁹ и блеском слов приукрашиваем недостойную нищету его? Ведь он предпочел потерять свое имущество и добродетель, а не родину, неразумно поставил интересы государства выше собственных, и оно было для него дороже его самого. Насколько правильнее судил великий ум Катилины⁴⁰, который, прекрасно усвоив наставления природы, предпочел собственную выгоду интересам всего мира и не убоился вонзить враждебный плуг в стены самого Рима, лишь бы иметь надежду собрать свою жатву! Цицерон, быть может, и слывет отцом отечества⁴¹, Катилина же бесспорно родной сын природы и скорее заслужил власть над миром за то, что напал на Рим, чем Туллий за то, что защитил его! Стыдно приписывать природе подобное бесчестье и обвинять ее в таких позорных установлениях, а так как не существует ничего священного, чего бы когда-нибудь не осквернило корыстолюбие, то полагать основа-

ние долга в выгоде и делать пользу мерилom нравственности есть не что иное, как распахивать дверь для всяческого позора!

Во-вторых, не может быть основополагающим закон, попрание которого неизбежно. Но если собственная выгода каждого является основанием этого закона, он неизбежно будет ниспровергнут, потому что заботиться одновременно о выгоде всех невозможно. Ведь наследство, получаемое всем родом человеческим, всегда одно и неизменно и не увеличивается в соответствии с числом рождающихся. Природа уделила на пользу человечеству определенное количество благ, и все они даруются нам преднамеренно в определенном количестве и определенным образом, а не возникают случайно и не возрастают вместе с потребностями или алчностью людей. Одежда не рождается вместе с нами, и люди не имеют, подобно черепахам, жилищ, которые бы росли вместе с ними. Сколько бы ни возрастала у людей жажда или нужда в собственности, границы мира тотчас же не расширяются. Пища, одежда, украшения, богатства и все прочие блага этой жизни являются общим достоянием, и когда каждый хватает столько, сколько может, сколько прибавляет он к своему имуществу, столько же отнимает у других, и никто не может разбогатеть, не нанося убытка другому. Здесь, возможно, кто-нибудь поправит меня, заметив, что, когда мы называем пользу основанием закона природы, это не следует понимать, будто каждый обязан быть счастливым и благоденствующим, в изобилии владеть всеми благами, но каждый человек, насколько от него зависит, обязан заботиться о себе. Таким образом, собственная выгода каждого оказывается мерилom справедливости и основой всех жизненных обязанностей. Из этого положения, во-первых, следует, что люди обязываются к тому, чего не может произойти, ибо каждый обязан добывать и сохранять в своем владении как можно больше нужных ему вещей, а это неизбежно приводит к тому, что у другого остается тем меньше, ибо, как мы твердо знаем, ты не можешь увеличить своего богатства, не отняв его у другого. Но все будет совершенно иначе, если мы установим иные основания добродетелей: ведь сами добродетели не сражаются друг с другом и не побуждают людей к этому, но взаимно воспламеняют и лелеют друг друга. Моя справедливость не отменяет честности другого, и щедрость государя не мешает доброте подданных, благочестие отца не развращает детей, и суровость Катона⁴² не может сделать Цицерона менее строгим. Обязанности, на-

лагаемые жизнью, не воюют друг с другом и не вооружают людей друг против друга, что следует, во-вторых, из вышеназванной предпосылки, когда люди (как говорят) по закону природы находятся в состоянии войны и когда уничтожается всякое сообщество и его узы — верность. Будет ли какое-нибудь основание выполнять обещания, о какой безопасности общества, о какой совместной жизни людей сможет идти речь, если справедливым и честным будет почитаться только то, что выгодно? Чем же иным сможет стать общение людей друг с другом, если не обманом, насилием, ненавистью, грабежом, убийством и прочим в том же роде, коль скоро любому человеку будет не только позволено, но и вменено в необходимость любыми средствами отнимать у другого то, что тот равным образом обязан защищать?

Отсюда возникает третий довод, а именно: то, что ведет за собой уничтожение в жизни всякой справедливости, дружбы, благородства, не может быть основанием закона природы. Ибо какая же может быть справедливость там, где нет никакой собственности, никакого владения, или о какой собственности может идти речь там, где каждому позволено не только владеть тем, что принадлежит ему, но и то, чем он владеет, является собственностью каждого на том основании, что это ему полезно? Но здесь мы можем кратко отметить, что защитники этой точки зрения ищут моральные принципы и жизненные правила скорее в естественных стремлениях и наклонностях людей, чем в обязательствах, налагаемых законом, считая наилучшим в моральном отношении то, к чему устремляется большинство. Отсюда помимо прочего следует еще и то, что либо вообще не существует никакого обязательства, налагаемого законом природы, чего никто не скажет, ибо в таком случае это не закон, либо человеческая жизнь устроена так, что человек не может отказаться от своего интереса или сделать добро другому, если это не сулит безусловной надежды на выгоду. Ведь если бы оценка правильности какого-либо действия определялась соображениями пользы и люди были бы обязаны поступать по этому принципу, то я не знаю, каким образом кому-нибудь удалось бы помогать, дарить, быть щедрым к другу или вообще каким-то образом оказывать бескорыстную помощь, не нарушая этого закона. А сколь это чудовищно, сколь чуждо разуму, человеческой природе и нравственности, я предоставляю судить другим. Однако на это можно возразить: если из соблюдения закона природы и всех жизненных обязан-

ностей всегда следует благо и мы, следуя закону природы, не можем совершить ничего, что не влекло бы за собой непосредственно или опосредованно величайшей пользы, то, следовательно, основанием закона природы является польза каждого; но меньшая посылка очевидна: из соблюдения этого закона рождаются мир, согласие, дружба, безопасность, свобода от страха наказания, владение своим имуществом и, одним словом, — счастье. На это мы ответим так. Выгода не является основанием закона или обоснованием обязательства, но лишь результатом подчинения [закону]; ведь одно дело, если действие само по себе приносит выгоду, а другое, если оно приносит пользу потому, что согласуется с законом, без соблюдения которого в нем вообще не будет никакой пользы, например выполнения обязательства, хотя это может оказаться и невыгодным. Ибо нужно различать действие и подчинение [закону]; само действие может быть невыгодным, например вернуть вещь, отданную вам на хранение, ведь это уменьшает ваше состояние; исполнение же этого обязательства полезно, поскольку оно отвращает наказание за преступление, а это наказание не было бы обязательным, и потому его не следовало бы бояться, если бы мерилом нравственности служила непосредственная выгода. Таким образом, нравственность действия не зависит от пользы, но польза является результатом нравственности.

Так мыслил

1664 г.

Д. ЛОКК

ПРЕДСМЕРТНАЯ РЕЧЬ ЦЕНЗОРА.

1664 г.

Может ли кто-нибудь по природе быть счастливым в этой жизни? — Нет, не может.

Всякий, кто попытается истребить глубоко запавшую в сердца людей любовь к этой жизни и убедить смертных, что из всех несчастий, претерпеваемых ими в сей жизни, наихудшее — это сама жизнь, конечно, либо сам прослышет безумцем, либо — желающим превратить в безумцев всех остальных. А сколь великое счастье обещает природа и сколь жалкое и сколь ничтожное она являет, тому достаточно учат стенания всего рода человеческого, бесплодные надежды, постоянно обращенные в будущее, непрерывно распинающие дух, как на дыбе, и никогда не насыщающие его. Впрочем, природа даровала нам законы, но и они оказываются не столько привилегией счастливых, сколько оковами несчастных, удерживающими их в сей жизни; ведь природа заключила всех смертных в этой жизни, как в некоей общей тюрьме, где предостаточно законов и приказаний, спокойствия же и отдохновения нет вообще: руки, измученные трудами, спины, истерзанные побоями, повсюду одни страдания и казни, и бич грозит самому усердию. Такова наша жизнь: сколь изменна и жалка она, тому достаточно учит природа, сотворив нас из земли, с которой жизнь наша схожа уже в том, что обильно уснащена терниями. А если вдруг забрезжит некий огонек небесного нашего происхождения, он в своем дрожащем и трепетном мерцании тотчас устремляется к своим родным местам, принося нам больше терзаний и мук, чем света, и дает нам лишь то, что мы в болоте нашего изменного существования начинаем чувствовать свое горение, страдая и стора в пытках заключенного в нас невидимого огня. В результате кража Прометей¹ принесла нам горя не меньше, чем самому ее свершителю, ибо жизнь наша продолжается лишь в наказание и пожранные внутренности возрастают вновь лишь для того, чтобы возрастала и всегда была бы в изобилии пища для мучений. Так природа сме-

ется над нашими желаниями и не дарует нам в этой жизни никакого счастья, а лишь желания и сожаления. И ничуть не добрее в этом смысле оказывается философия, в потоке величественных слов которой несчастные смертные чувствуют себя беспомощными и жалкими. Она являет нам множество своих богатств, но все это лишь словесные, а не человеческие богатства. Все эти тонкие и остроумные рассуждения о высшем благе могут помочь человеческим несчастьям не более, чем удары меча в сражениях — исцелить раны. Счастье от нашей жизни столь далеко, что из сих болотных низин невозможно и заметить его, а философы в поисках счастья преуспели лишь в том, что убедили нас в его невозможности. Аристотель сам напрасно искал счастья, которому учил других, и только тогда перестал мучительно бороться с волнами, захлебываясь в пучине, когда сам бросился в море и обрел в Еврипе большее спокойствие, чем во всей своей жизни². Ну а если войдешь в Портик³, ты обнаружишь там стойков, с превеликими усилиями творящих своего блаженного мужа, а чтобы был он вполне закален против всех ударов судьбы и более совершенен, чем может создать сама природа, они то и дело перековывают его на наковальне. И вот, желая создать человека, свободного от всех аффектов, а посею счастливого, они уничтожают человека и вместо счастливица в конце концов создают разукрашенное пышным убором слов бревно, преподнося в итоге человеческому роду счастье, которым невозможно ни пользоваться, ни наслаждаться. Совершенно противоположным путем направляются к своему счастью эпикурейцы, с тем же результатом пытающиеся утолить свои желания, с каким стойки — их уничтожить, так что прекрасные сады Эпикура⁴ рождают ничуть не лучшее счастье, чем бог — в садах египетских, хотя ни у первого, ни у второго нет недостатка в истовых почитателях, ибо всякий сражается за высшее благо собственной секты, как за высшее божество. И пока философы с таким душевным напряжением, с такими умственными ухищрениями сражались между собой, родилась всеобъемлющая, подобная океану философия, в которой очень много остроумия⁵, покоя же нет совсем. Там можно найти многое, радующее своим разнообразием, потрясающее своим величием и способное доставить наслаждение духу; но коль скоро захочешь ты остановиться, дабы твердо опереться на что-то, оказывается, что ничего надежного и устойчивого нет, и эти бесконечные волны, окружающие и захлестывающие тебя, бросающие в разные стороны бес-

покойный и беспомощный дух, не могут утолить страстную жажду счастья. Так и природа и философия уже в самих своих истоках порождают лишь стенания и не приносят успокоения; и если при самом рождении рода человеческого, когда мир был еще почти пуст, во времена младенчества вселенной, быть может, было и больше детских погремушек, но не меньше было и слез.

Я знаю, есть люди, беспрестанно возносящие шумные хвалы прошлому, которые ничего не признают замечательным, даже — посредственным, если это не слывет древним, у которых, пожалуй, все древнее, кроме нравов; как будто бы предки наши настолько же были счастливее нас, насколько старше. Из преданий мы знаем, что в прошлом был золотой век, но который, по-видимому, всегда таился там же, где и родился, — в фантазиях поэтов. А если бы этот золотой век, о котором с такой тоской вспоминают, вернулся бы вновь, представьте себе, пожалуйста, мои слушатели, что это было бы за счастье, если там правил бы старый, тупой и злобный Сатурн, со своей «отеческой» любовью к сыновьям готовый сожрать все юное!⁶ Уж лучше пусть будет век Юпитера, который называют свинцовым!⁷ Пусть прошлым восхищается старость, пусть наслаждается утраченными ею благами, жалуясь на настоящее: никто не может быть счастлив прошлым, и не нужно завидовать старцу, который «восхваляет минувшие годы, ранние годы свои»⁸ Что удивительного, если тому, кто смотрит через увеличительное стекло, все находящееся на далеком расстоянии представляется более ярким и более крупным? В нас самих заключено и должно принадлежать нам все, что делает человека счастливым, и злоречивого⁹ Терсита никто не назовет лучшим и более счастливым лишь за то, что он жил в век героев и был современником Пелида и Улисса¹⁰ Счастье есть нечто большее, чем то, что может вместиться в краткий промежуток нашей крошечной жизни. Поэтому если бы даже природа дарила нам годы Нестора¹¹, она бы все равно не делала нас счастливее, вместе с продолжительностью жизни принося нам и старость. Кто поверит, что человек становится счастливым тогда, когда теряет самого себя и когда сам лишается собственной природы? Ведь если бы ему изобразили его собственный облик, он показался бы столь же страшным самому себе, сколь смешным для других. Ибо, глядя на тех, чей человеческий облик разрушила старость, превратив их лик в некую страшную маску, можно видеть, как природа устраивает своего рода спектакль, создавая и са-

мих поэтов, и актеров, смешных в безыскусственной правде. Жизнь никогда никого не приводит туда, где он мог бы быть доволен самим собой, а вечно отправляет его в погоню за отдаленными благами в будущем, вечно алчущего и никогда не достигающего их. А что, если бы природа оказалась такой же безмерно доброй матерью, какой она и слывет, и стала бы осыпать дарами своих плачущих детей, какую бы пользу принесли благодеяния, которые рождают тревогу, которые убивают? Изобилие благ ведет за собой волнение, пресыщение, пьянство; более доступны ветрам и бурям волны в открытом море, и в великом счастье всегда больше тревожений и страданий. Что пользы от доброты природы, если избегнувшие ее жестокости погибают от ее же снисходительности? Уж лучше мне попасть на вилы, чем быть задушенным в дружеских объятиях! Больше жестокости в том, кто нападает на доверившегося его защите и беспечно радующегося своей безопасностью, и, видимо, недостаточно простого убийства тому, кто внушает надежду на счастье, чтобы отнять и то и другое в тот момент, когда расстаться с ними особенно жалко и мучительно. Ужасно переносить жизнь, отягощенную таким множеством страданий, но еще ужаснее — любить ее; и если мы не желаем покидать тюрьму, несмотря на множество открытых повсюду дверей, значит, мы несчастны не только по нашей человеческой доле, но и по собственной воле. Самое страшное несчастье в нашей жизни — это то, что оно, это несчастье, нравится нам; страшнее всего то огорчение, которое нам приятно. Уступая его силе, человек ни сам не ощущает страдания, ни удостоивается сострадания от другого. Единственное, что можно еще прибавить к этим несчастьям, — то, что мы заблуждаемся в них, и то, что мы радуемся им. Ведь жизнь наша столь несчастна, что она разрушает саму радость, и только безумец способен радоваться. Ведь это же поистине безумие, когда каждый в полном сознании, добровольно и с радостью старается удержать ту жизнь, в которую он вступил против своей воли, рыдая, уступая лишь требованиям природы, когда восхищается и всей душой стремится к тому дару природы, который он не мог принять без страдания и слез!

Так мы по глупости нашей медлим на пороге и жалуемся, а войдя, ликуем и пляшем, как будто бы в тюрьме тягостен лишь вход и те ужасы, которые поначалу казались непереносимыми, стали со временем нам приятны. А между тем нет общего утешения для несчастных: ведь тех, кого объединило общей судьбой несчастье, разъеди-

няет несогласие в мыслях и вооружает друг против друга, мы ненавидим, а не утешаем собратьев по страданию и равно льстим себе и завидуем другим. О сколь блажен жребий тех, кто не знает иного счастья, кроме тягостей и ужасов, когда каждый страдает и от собственной боли, и от чужой зависти! Так прощайте же, печальные радости жизни, земля не может дать ничего, достойного наших желаний, кроме могилы! Живым даже сами наслаждения тягостны, мертвым и земля будет пухом. Плоды, травы и все, что родится на поверхности земли, природа как бы выбросила наружу и пожелала сделать кормом для животных; здесь обретаются люди вкупе со скотом, как бы у общей кормушки, и невозможно надеяться на что-нибудь замечательное тому, кто оказался в столь неблагоприятном сообществе; мы живем там милостыней, как будто нас вышвырнули из дома, и, подобно нищим, кормимся у порога, ибо все великолепное, все драгоценное природа скрыла глубоко внутри, в дальних покоях, и под землю приходится опускаться не только тем, кто ищет богатство, но и счастье. Только тогда мы истинно богатеем и насыщаемся ее дарами, только тогда отдает она нам себя целиком, когда раскрывает нам свои объятия, нежно принимая нас, возвращающихся в ее лоно. С основания мира единственным счастливым веком оказался тот, в котором сам мир обрел могилу, и тому потоку зол, который обрушивается в сей жизни на род человеческий, ничто не могло помочь, кроме потопа. И в этой всеобщей катастрофе единственный оставшийся в живых, Девкалион¹², лишившись всего и потеряв весь мир, претерпел кораблекрушение и слезами своими лишь увеличил волны, которыми был гоним. Следовательно, нужно когда-то разрушить эту природу, сбросить сей хрупкий и грязный покров души; счастье, это великое божество, не может обретаться в столь мерзком и тесном жилище. Все, что для нас тягостно, истекает из тела, и только тому, кто покинул землю, не страшны бури; если ты ищешь исхода несчастий, необходимо самому прекратить свое существование. Пока мы пользуемся светом жизни, он влечет нас только к страданиям и горестям; тот, кто жаждет покоя, должен погасить этот свет; ведь именно солнце порождает тень, и всем, что ни есть у нас горестного, мы обязаны нашей же жизни. Кого может удовлетворить мир, который меньше великой души, который не способен удовлетворить даже одного человека в его победах? Для любого стремящегося к счастью этот мир — то же, что был он и для Александра, — тюрьма,

и слишком тесная для духа, рожденного ради более великого¹³. Поэтому-то часто в самый момент смерти этот дух волнуется и нетерпеливо сотрясает члены, ища выхода и не выдерживая промедления: конвульсивные и судорожные движения умирающих — это не страдания, а пляски души, разрушающей оковы своей тюрьмы и ликующей от близости свободы.

Декану д-ру Феллу¹⁴

Но что же я своими разговорами откладываю долгожданную радость смерти? Я охотно бы тотчас пошел ей навстречу и тихо сошел бы к молчаливым теням, если бы не считалось весьма недостойным уйти, не сказав слов прощания тому, кому я прежде всего обязан вступлением в эту жизнь. Ибо твои благодеяния, оказанные мне, почтеннейший муж, столь огромны, что и сама смерть не сможет уничтожить память о них. Я охотно стерплю забвение после смерти всего, что в этой жизни свершил я сам либо претерпел от других, но Судьба простит меня, если и перейдя через Лету, и среди теней я буду возносить тебе хвалы, ибо одной жизни недостаточно ни для подражания твоим добродетелям, ни для восхваления их. Но и сие обширнейшее поле славословия вынужден я покинуть, так как уже задыхаюсь и вот-вот испущу дух, и не только потому, что мне не хватило бы ни сил, ни времени, ни таланта, но и дабы не показаться на пороге смерти столь безумным, чтобы полагать, что заслуги твои нуждаются в восхвалении. Но я скажу, что думаю и что вместе со мной думают все присутствующие: то счастье, которое в постоянной тревоге смертные напрасно ищут в других местах, обретается только здесь, под твоим владычеством, и счастье это все признают столь великим, что даже уверены в необходимости некоего вмешательства, которое бы умерило твое благотворное влияние, дабы введенные в заблуждение здешним благолепием люди не сочли бы, что это и есть те самые места блаженных, где предстоит остаться навеки. И все же мы полагаем, что это место ближе всего к небесам и более других подобно им, ибо мы знаем, что и на самом небе среди планет, воздействующих на наш мир, есть некоторые не столь благосклонные и что иной раз Сатурн объединяется с Юпитером. Как бы то ни было, что бы нам ни предстояло, мы все радуемся тому, что, пока все мы, прочие жалкие людишки, кратковечные и бессильные,

рождаемся, живем и вскоре умираем (а это обычно случается с не знающими меры), ты один остаешься бессмертным и подобным Юпитеру не только добротой, но и продолжительностью твоей власти.

Заместителю декана д-ру Мейну ¹⁵

К твоим стопам, почтеннейший муж, повергаю я фации ¹⁶ моего консулата и передаю тебе розги, дабы потрясала ими десница более мощная, нежели моя дрожащая рука, которая была слишком слаба для них, и надеюсь, что тогда наконец возродится гений этого разрушающегося дома, когда ты магическим железом своим вызовешь манов ¹⁷ давно уже оплаканного учения и покойных ныне талантов. Ибо кто бы честолюбиво не желал обладать тем искусством, которое способно вернуть нам хотя бы тени почтенных наших предков? Такого рода магия полезнее и безобиднее той, что должна страшиться судейского дознания или чтения «Отче наш» ¹⁸. Мы знаем, что некогда ты уже свершил нечто великое, и никто не сомневается, что и теперь можешь ты вместе с Орфеем укрощать диких зверей, окажись они здесь, вместе с Амфионом передвигать камни и оживлять деревья ¹⁹, ибо, движимые твоей волшебной песней, заговорили даже бессловесные твари — твой талант даровал им голос, в котором отказала природа.

Пребendarиям ²⁰

Сегодня я получаю величайшую награду за прожитую жизнь: вы, досточтимейшие мужи, присутствовавшие некогда при рождении моей власти, пожелали присутствовать и в час смерти ее и за труды моей жизни воздать славою смерти. Судьба поистине достойная Цезаря: в сенате завершить одновременно и жизнь и власть, погибнуть на глазах стольких почтенных мужей ²¹. И особенно почетным явилось для меня то, что я чувствую в вас при равном с ними достоинстве большее доброжелательство. Ведь вы и каждый от себя, и все вместе официально оказали мне множество огромных благодеяний, среди которых на первое место ставлю я эту порученную мне вами цензорскую должность. Если во время исполнения мною этой должности случилось что-нибудь вопреки обычаю неприятное, то винить в этом следует выпавшие на мою долю роковые

обстоятельства и — менее всего — мои намерения. Сознаться, я всегда считал это бремя слишком тяжким для моих плеч, однако же вопреки своему желанию, уступая вашим настояниям, я нес его с той твердостью, с какой мог, а когда становилось оно невыносимым, я всегда находил в вас поддержку моей немощи, так что, сколь бы ни была велика долженствуемая вам хвала за доброе ведение дел, не меньшая слава подобает вам и за помощь, которую оказывали вы другим. Что бы ни думали обо мне прочие, вы по крайней мере не можете обвинить меня в стремлении к власти, ибо я противился этому и ничто не могло принудить меня повелевать другими, кроме желания повиноваться вам. И если другие счастливее исполняли почетные ваши поручения, то, конечно же, никто никогда и не получал и не слагал этих полномочий с большей благодарностью.

Магистрам

Прощайте и вы, великолепнейшие магистры, ученейшие умы, которых только мой несчастливый год посмел назвать неостроумными, чего никто никогда не мог и подумать. Но оставим другим их остроумие и их красоты стили, нам же не подобает быть столь красноречивыми; однако же и в этой вашей скромности есть кое-что, от чего другие могут весьма разбогатеть, а я безусловно считал бы, что смертью своею обрел бы бессмертие, если бы был способен подражать любому из вас искусством красноречия.

Коллеге магистру Вудроффу ²²

Прощай же и ты, дражайший брат, спутник, нет — вождь и утешитель в жизни моей и трудах. Я счастлив тем, что ты остался в этой жизни, пережив меня и сохранив власть, дабы всем стало известно, что твоя власть нуждалась в помощнике меньше, чем это обычно бывает с остальными. И так как наша близость сделала меня сопричастным твоей славе, то все, что я при жизни ни заимствовал у нее, я сполна возвращу со смертью. Ведь при жизни я был лишь тенью, в тебе заключались вся сила и вся моцъ власти, и мы с тобой явили то, что рассказывают о Касторе и Поллуксе ²³, так что, хотя нас было два брата, жизнь была только одна, и это была твоя жизнь. Поэтому неудивительно, если в обоих был один и тот же дух,

всегда единое суждение, и если мы и не могли действовать с равными силами, то, по крайней мере, мы всегда были единодушны. Ведь если я не мог ничего другого, я должен был хотя бы являть единодушие во всем. Так прощай же, ты, которого связали со мной и общие обязанности, и общие мысли, живи счастливо, и пусть твои три дня²⁴, как бы мал ни был этот срок, станут вечностью благодаря твоим деяниям.

Прощаясь с другими, должен поблагодарить и вас, любезнейшие весиллоны²⁵, за то, что вы на свои средства украсили мое погребение, как обычно устраиваются самые торжественные похороны, где само тело лишь малая их часть, а сверкающие впереди процессии факелы и блестящие украшения свидетельствуют не столько о заслугах умерших, сколько о щедрости живущих. Вы щедростью вашей заставили сверкать костер скромного человека, и тот, кто не смог прославиться своей жизнью, стал по крайней мере знаменит благодаря блеску погребального костра. Так метеоры, рожденные из земли и поднятые некоей могущественной силой ввысь вопреки собственной природе, снова падают вниз, на свое прежнее место, испуская некое свечение. Мне приятно, что я пал так, что, оказавшись рядом, могу хотя бы подражать нравам тех, чьей хвалы мне не удалось стяжать на сем скользком поприще и в непривычном для меня деле.

Бакалаврам

Прощайте и вы, уж не знаю, как лучше назвать вас, соратники или учителя? Ибо признаю вас победителями, будучи не раз поверженным вами. Вы явили себя на этой философской арене такими, что каждый из вас может показаться и Аристотелем, глубоко познавшим природу и род человеческий, и Александром²⁶, сумевшим покорить все. В этом году я участвовал в поединках с вами и всегда выходил из них одновременно и побежденным и обогащенным. И в своей победе вы явили великую человечность, ибо то, что ваши аргументы, перед которыми мне пришлось отступать, отнимали у моей репутации, они прибавляли моей учености. Напрасно искал бы я этот не раз ускользавший от меня закон, из-за которого велось все сражение, если бы существование этого закона, в котором отказывал мне ваш язык, не подтверждала бы сама ваша

жизнь, так что становилось неясным, опровергают ли ваши аргументы закон природы, или нравы ваши его подтверждают²⁷

Ученикам

Прощайте, наконец, и вы, талантливейшие юноши, рядом с которыми я жил как мог. Ведь в затруднительном положении оказывается, не имея возможности управлять по справедливости, тот, кому не позволено свободно судить о том, кого наградить, а кого наказать, если его с громкими криками увлекают в противоположные стороны Прощение и Побой. Хотя, может быть, старинная дисциплина и требовала последних, однако они явно не подобают ни моей руке, ни вашим нравам, ибо вы с таким рвением предавались достойнейшим занятиям, что для большинства из вас был я не столько цензором, побуждающим к труду, сколько свидетелем, восхваляющим ваше трудолюбие. Что же касается проступков, то, если и были какие-то, вы их искупили, предоставив себе возможность стяжать похвалы, мне же — воздать их, и, как это иногда бывает, небольшие препятствия лишь заставляют идти быстрее пробирающихся через тернии. Память обо всех этих провинностях исчезнет вместе со мною, будет погребена вместе со мною, как и до сего времени оставались они скрытыми и утаенными мною, и тень цензора никому не должна быть страшна. Я не помню, чтобы кто-нибудь был упрям и непослушен, ибо среди такого множества заслуживающих хвалы мне хочется забыть о маленькой горстке дурных; ведь прилежание, честность, ученость, талант большинства таковы, что легко способны искупить безделье некоторых, подобно тому как пятна на солнце в таком его блеске незаметны; итак, всех вас объявляю талантливыми, усердными, послушными. И пусть никто из тех, кто сознает за собой что-то дурное, не думает, что это говорится мною только по обычаю, как это всегда делают произносящие прощальную речь, и что я хвалю то, чего сам не одобряю; пусть он лучше учится любить и почитать добродетель, слава которой столь велика, что распространяется на всех вокруг нее и приносит пользу даже тому, кто ею не обладает. А если бы кто захотел сделать ее своим достоянием, существуют прежде всего два места, которые должно всегда посещать как можно чаще: аудитория, дабы научиться рассуждать, и храм, дабы научиться молиться,

именно так становятся философами и так — теологами. Ведь если кто-то из вас, ставши впоследствии церковным наставником, во время молитвы вдруг потеряет дар речи, все сочтут этого Тимофея, хотя бы ему помогал сам Павел²⁸, не евангельским рыбаком, а рыбаком. Но что это я, великий болтун, на пороге смерти, ни на что уже не способный, даю, однако же, советы весьма опытным людям? ²⁹ И, оглядываясь вокруг себя, я, кажется, не нахожу ничего, что я, умирая, мог бы пожелать лучшего этому дому и большего — вам, чем то, чтобы большинство из вас было бы подобно самим себе, остальные же — стремились соперничать с вами.

И вот, наконец, я прощаюсь с цензурской властью, отказываюсь здесь от всех грозных слов, жестов, суровости, отбрасываю и все высокомерие, надменность и грозное выражение лица, которых у меня, правда, никогда не было, но некоторые считают их необходимыми цензору. Я прожил, быть может, недолго для этой ученой республики и для собственного счастья, для всех же вас и для себя самого — слишком много. И, стоя на пороге смерти, в самом преддверии счастья, откуда уже можно увидеть места блаженных, я бы не хотел вновь обращаться мыслью к прошлым несчастьям и в воспоминании вновь воскрешать их: достаточно того, что они однажды случились. Однако следует уважать обычай, особенно на похоронах. Поэтому вот что я кратко скажу вам. Я вступил на это жизненное поприще, как и все младенцы, слабым, дрожащим и страдающим; первые годы мои, как и у всех начинающих жить, были достаточно приятны, да и следующие за ними не несли с собой ничего тягостного, кроме обычных жизненных забот; однако на долю старости моей, когда я уже был близок к смерти, пришлось тяжелая и горестная болезнь, и здесь можно даже заподозрить некое коварство, ибо невозможно найти достаточно основательную причину для подобной бури³⁰ Такой конец был уготован моей жизни, столь плохо согласующийся с ее началом, поскольку судьбам было угодно, чтобы мой год оканчивался рыбой³¹ Но я навеки прощаюсь и с этими заботами, и с этим домом; достаточно быть несчастным один раз, т. е. жить однажды. Одно остается, что утешает меня в моей судьбе и в самой смерти: мне позволено умереть достойной смертью, погнубить, следуя тому же закону природы и этого дома, с которым я жил согласно, как мог. Я с легкостью протягиваю шею, столько раз избегавшую опасностей, ибо дело еще не дошло до веревки, и я уверен, что ни в моей жизни, ни

в моей смерти не найдется ничего, за что кто-нибудь будет иметь основание требовать ту роковую монету как плату, положенную палачу. Конечно, жилище сие слишком величественно и воздвигнуто при достаточно счастливых предзнаменованиях для того, чтобы не превратиться в застенок, и нет нужды набрасывать на шею петлю и грозить повешением той жертве, которая добровольно направляется к жертвеннику и охотно идет навстречу смерти. И вот наконец, если у кого-то еще сохраняется гнев, перед ним жертва, которая удовлетворит его жажду мщения и всеобщее ожидание, мне же дарует покой. А если я своею жизнью причинил обиду еще кому-то, точно так же как и самому себе, смерть, я полагаю, всем принесет успокоение, и из пепла не разгорится пламя гнева. Никогда и никому не было отказано в покое, которого искал он в могиле. К этому покою спешу я ныне. Наконец-то перестану я быть в тягость и вам, и самому себе; вместе с дыханием отбрасываю я и все волнения и не желаю долее откладывать избавление от всех страданий, которое могу я явить себе одним-единственным словом: Умираю.

ОПЫТ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ

Главная причина, из-за которой вопрос о свободе со- вести, вот уже несколько лет вызывающий среди нас мно- гочисленные толки, становится все запутанней, из-за ко- торой не стихают споры и усиливается вражда, состоит, как мне кажется, в том, что обе стороны: одна, проповеду- ющая полную покорность, другая, отстаивающая всеоб- щую свободу в делах совести, — одинаково горячо и оши- бочно предъявляют слишком большие требования, но не определяют того, что имеет право на свободу, и не указы- вают границ произвола и покорности.

Чтобы открыть путь к пониманию этого вопроса, я в качестве основания положу следующий тезис, который, как я думаю, не подвергнется сомнению или отрицанию.

Правитель облечается всей полнотой доверия, власти и полномочий единственно для того, чтобы употребить их для блага, охранения и спокойствия людей в том обществе, над которым он поставлен, и потому одно это есть и дол- жно быть образцом и мерилом, по которому ему надобно равнять и размерять свои законы, строить и созидать свое правление. Ведь если бы люди могли мирно и тихо жить вместе, не объединяясь под властью определенных законов и не образуя государства, то не было бы никакой необхо- димости ни в правителях, ни в политике, которые созданы лишь для того, чтобы в этом мире охранять одних людей от обмана и насилия других; итак, только цель, ради которой возведено правительство, и должна быть мерилом его де- ятельности¹.

Некоторые говорят нам, будто монархия — это *jure di- vino*². Сейчас я не стану спорить с этим мнением, а лишь укажу отстаивающим его: если под этим они разумеют, а так, надо полагать, и есть, что единая, верховная, произ- вольная власть и управление всеми делами по божествен- ному праву сосредоточиваются, и должны быть сосредото- чены, в одном человеке, то это наводит на подозрение, что они забывают, в какой стране рождены и по каким законам живут, и, конечно, поневоле обязаны объявить Великую хартию³ сущей ересью. Если же под монархией, согласно

jure divino, они разумеют не абсолютную, а ограниченную монархию (что, как я думаю, есть нелепость, если не противоречие), то им следует или показать нам ту небесную хартию, где мы бы прочли, что бог предоставил правителю власть делать все что угодно, кроме единственно необходимого для охранения и благополучия его подданных в этой жизни, или же оставить нас свободными думать как заблагорассудится; ведь никто не связан с властью и не может допустить чужих притязаний на нее в большей мере, чем насколько простираются его права.

Другие утверждают, что власть и полномочия достаются правителю с разрешения и согласия народа; таким я говорю: невозможно предположить, чтобы люди могли дать над собой власть одному или нескольким из своих собратьев для какой-нибудь иной цели, кроме своего охранения, или распространить границы их полномочий за пределы этой жизни.

Приняв за посылку, что правитель должен предпринимать действия или вмешиваться во что-либо только ради обеспечения гражданского мира и охранения собственности своих подданных, давайте в дальнейшем рассмотрим мнения и поступки (action) людей, которые по отношению к терпимости подразделяются на три разновидности.

Во-первых, все такие мнения и поступки, которые сами по себе не касаются государства и общества; а такими являются спекулятивные мнения и вера в бога.

Во-вторых, такие, которые по своей собственной природе не хороши и не плохи, но касаются общества и отношений людей друг с другом; а таковыми являются все практические мнения и поступки по отношению к безразличным вещам⁴.

В-третьих, такие, которые касаются общества, но в то же время по своей природе хороши или плохи; таковыми являются нравственные добродетели и пороки.

I. Я утверждаю, что только первая разновидность, а именно спекулятивные мнения и вера в бога, имеет абсолютное и всеобъемлющее право на терпимость.

Во-первых, чисто спекулятивные мнения суть такие, как вера в Троицу, чистилище, перевоплощение, антиподы⁵, царствие Христово на земле и т. д.; а что всякий человек располагает в этом случае неограниченной свободой, вытекает из того, что чистые спекуляции не затрагивают моих отношений с другими людьми и не имеют влияния на мои действия как члена какого-либо общества, но, оставаясь неизменными со всеми своими последствиями, — даже

если на свете нет никого другого, кроме меня, — они никоим образом не могут нарушить мир государства или доставить неудобство моему ближнему и потому не входят в ведение правителя. Кроме того, ни один человек не в состоянии дать власть другому человеку (и было бы бессмысленно, если бы ее дал бог) над тем, над чем сам он никакой власти не имеет. А что человек не в состоянии повелевать своим собственным разумением или положительно определить сегодня, какого мнения он будет завтра, с очевидностью явствует из опыта и природы разума, которое не может постигнуть вещи иначе, чем они ему представляются, как глаз видит в радуге только те цвета, какие видит, независимо от того, там ли они на самом деле или нет.

Во-вторых, справедливое притязание на неограниченную терпимость имеют место, время и способ моего поклонения богу, потому что сие происходит всецело между господом и мной и, принадлежа попечению вечности, выходит за пределы досягаемости и воздействия политики и правительства, которые существуют только ради моего благополучия в этом мире: ибо правитель — это лишь посредник между человеком и человеком; он может отстоять меня от ближнего, но не может защитить от бога. Сколько бы злая ни терпел, повинаясь правителю в других делах, он может возместить причиненное мне зло на этом свете; но, приневолив меня следовать чужой вере, он не способен восполнить мне ущерба в мире ином. К этому позвольте добавить, что даже в делах этого мира, на которые распространяется власть правителя, он никогда не предписывает людям — и было бы несправедливо, если бы он поступал иначе, — посвящать себя частным гражданским заботам и не заставляет их отдаваться своим частным интересам больше, чем это необходимо для блага общества, и лишь предохраняет их от того, чтобы они не терпели в этих делах препон и вреда от других; а это и есть самая совершенная терпимость. Поэтому мы вполне можем полагать, что он не имеет никакого отношения к моему частному интересу в ином мире и не должен ни предписывать, каким способом мне преследовать благо, которое заботит меня куда больше, нежели всё, что находится в его власти, ни требовать в этом усердия, поскольку он не наделен более точным или более безошибочным знанием того, как его достичь, чем я сам, и в этом мы оба одинаково искатели, оба одинаково подданные, и он не в состоянии ни поручиться, что я не потерплю неудачу, ни возместить мне ущерба, коли это случится. Разумно ли, чтобы тот, кто не

может принудить меня купить дом, заставляя меня на свой лад стараться о приобретении царства небесного; чтобы тот, кто по праву не может предписать мне правил сохранения здоровья, навязывал мне способы спасения души; чтобы тот, кто не может выбрать для меня жены, выбирал веру. Но случись богу (что сомнительно) захотеть, чтобы людей силком приваживали к небесам, правителю должно осуществлять это не внешним насилием над телами людей, а внутренним натиском своего духа на их умы, на которые не следует воздействовать ни одним из видов принуждения, известных человеку: ведь путь к спасению — это не какая-то внешняя вынужденная деятельность, но добровольный и тайный выбор ума. Впрочем, нельзя и поверить, что бог скорее не отказался бы от цели, чем стал бы пользоваться средствами, которыми ее нельзя достигнуть. Кроме того, не надо думать, что люди должны предоставлять правителю власть выбирать за них путь к спасению, — власть слишком большую, чтобы ее отдавали, а то и вовсе не подлежащую передаче; ибо, какое бы правитель ни насаждал богопочитание, люди непременно должны следовать тому, что сами считают за лучшее, поскольку ничто не может быть достаточной причиной, чтобы принуждать человека к тому или отвращать от того, что, по его полному убеждению, есть путь к бесконечному блаженству или бесконечному страданию. Богослужение, будучи данью почтения богу, которому я, по моему мнению, поклоняюсь угодным ему образом, и таким образом будучи действием или общением, происходящим только между богом и мною, по собственной природе вовсе не касается ни моего правителя, ни моего ближнего и посему поневоле не производит действий, возмущающих покой общества. Ибо, стою ли я на коленях или сижу, принимая причастие⁶, само по себе возмущает правительство или вредит моему ближнему не больше, чем стою ли я или сижу за своим столом; обычай носить в церкви ризу или стихарь способен создать опасность и угрозу миру государства не больше, чем обыкновенные надевать накидку или плащ, отправляясь на рынок; перекрещение⁷ производит в государстве не большую бурю, чем в реке или чем в них произвело бы простое купание. Соблюдаю ли я пятницу с магометанином, субботу с иудеем, воскресенье с христианином, молюсь ли я по форме или нет, поклоняюсь ли я богу, участвуя в разнообразных и пышных церемониях католиков или соблюдая более скромные обряды кальвинистов, — во всех этих поступках, когда они совершаются искренне и по совести,

я не усматриваю ничего, что само по себе может сделать меня худшим подданным моего государя или худшим ближним моему собрату-подданному, если только из гордыни или тщеславного упоения собственным мнением и тайной убежденности в собственной непогрешимости, я, присвоив себе нечто сродни божественной власти, не стану приневоливать других думать заодно со мной или же порицать либо злословить их, если они не подчинятся. Такое в самом деле случается часто; но это вина не веры, а людей, не следствие той или иной формы вероисповедания, а результат развращенной, честолюбивой человеческой природы, которая последовательно употребляет в корысть себе всевозможные проявления набожности, подобно тому как для Ахава соблюдение поста было не самоцелью, а средством и уловкой, чтобы отобрать виноградник у Навуфея⁸. Такие поступки некоторых верующих подрывают уважение к какой-либо религии (ибо подобное случается в каждой из них) не больше, чем Ахавов грабеж — уважение к посту.

Из этих посылок, как я полагаю, следует, что каждый человек имеет полную и неограниченную свободу мнений и вероисповедания, которой он может невозбранно пользоваться без приказа — или вопреки приказу — правителя, не зная за собой вины или греха, но всегда при условии, что делает это чистосердечно и по совести перед богом, сколько позволяют его знания и убеждения. Однако если к тому, что он называет совестью, примешивается сколько-нибудь честолюбия, гордыни, мстительности, партийных интересов или чего-либо подобного, то соразмерно сему будет и его вина, и в такой мере он ответит в судный день.

II. Я утверждаю, что все практические начала, или мнения, с помощью которых люди считают себя обязанными упорядочивать отношения друг с другом, такие, как, например, что они могут рожать детей или распоряжаться имуществом по своему усмотрению, что они могут работать или отдыхать, когда найдут нужным, что полигамия и развод законны или незаконны и т. д., что такие мнения и вытекающие из них действия (action), равно как и прочие безразличные вещи, также имеют право на терпимость, однако лишь в той степени, в какой они не ведут к беспорядкам в государстве и не приносят обществу больше вреда, чем пользы. Ибо, за исключением тех из них, которые явно направлены на разрушение человеческого общества, все эти мнения являются либо безразличными, либо неясно какими, и притом правитель и подданный, каждый по-

своему, грешат ими, а потому первый должен вникать в них лишь настолько, насколько его законы и вмешательство в такие мнения могут способствовать благополучию и безопасности народа. Однако ни одно из таких мнений не имеет права на терпимость на том основании, что оно якобы есть дело совести и кто-то убежден, будто придерживаться его либо грех, либо долг; ведь совесть или убежденность подданного едва ли может быть мерилom, по которому правитель может или должен отмерять законы, каковые должны соответствовать благу всех его подданных, а не убеждениям их части, ибо, зачастую находясь в противоречии одно с другим, они необходимо порождали бы противоречивые законы; а поскольку ничего безразличного, на что не посовестился бы посягнуть тот или иной, просто нет, терпимость к людям во всем, чему они, как они утверждают, по совести не могут покориться, приведет к исчезновению всех гражданских законов и всякой власти правителя, так что если будете отрицать полномочия правителя по отношению к безразличным вещам, над которыми он, как признано всеми сторонами, обладает юрисдикцией, то останетесь без закона и правительства. А поэтому заблуждения, угрызения совести, побуждающие человека совершить некое деяние или, наоборот, в силу которых он не решается на него, не разрушают власти правителя и не изменяют природы вещи, которая по-прежнему остается безразличной; ибо здесь я не поколеблюсь назвать все эти практические мнения безразличными по отношению к законодателю, хотя, возможно, они и не таковы сами по себе. Ведь, сколько бы ни был правитель внутренне убежден в разумности или нелепости, необходимости или незаконности любого из них, в чем он, возможно, и прав, он, не признавая себя непогрешимым, при создании законов должен смотреть на них не иначе как на безразличные вещи, с той лишь разницей, что, насаждаемы ли, терпимы ли или запрещаемы, они всегда затрагивают благо и благосостояние народа, хотя бы одновременно он был обязан строго подчинять свои действия велениям собственной совести и убеждениям в тех же самых мнениях. Ибо, сделавшись правителем над другими, но не став от этого по отношению к ним непогрешимым, он отныне и впредь как человек будет ответствен за свои действия перед богом по тому, как они согласуются с его собственными совестью и убеждениями; однако как правитель он будет ответствен за свои законы и управление по тому, служат ли они сколько возможно благу, охранению и спокойствию всех его поддан-

ных в этом мире; это составляет правило столь верное и столь ясное, что он едва ли способен в нем ошибиться, если только не делает это намеренно.

Но прежде чем я перейду к показу пределов ограничения и свободы в этих вещах, необходимо определить несколько степеней принуждения, которые применяются или могут быть применены в том, что касается мнений:

- (1) запрещение опубликовать или огласить мнение;
- (2) принудительный отказ или отречение от мнения;
- (3) вынужденное заявление согласия с противоположным мнением.

Им соответствуют одинаковые степени терпимости, из чего я заключаю:

1. Правитель может запретить опубликование любого из тех мнений, которые направлены на подрыв власти правительства, ибо тогда они подпадают под его ведение и юрисдикцию.

2. Никого не следует заставлять отказаться от своего мнения или сменить его на противоположное, потому что на деле такое насилие не достигает цели, ради которой его применили. Оно не может изменить образа мыслей людей и способно лишь сделать их лицемерами. На этом пути правитель весьма далек от того, чтобы люди прониклись правотой его мнения, и лишь вынуждает их лгать ради их собственного. Мало того, такое принуждение вовсе не способствует спокойствию или безопасности правительства; скорее наоборот, потому что тот, кто ему подвергся, ни на йоту не приближается к образу мыслей правителя, но становится еще большим его врагом.

3. Любые действия, вытекающие из любого такого мнения, как и по отношению ко всем другим безразличным вещам, правитель властен утвердить или запретить законом в зависимости от того, насколько они направлены на поддержание спокойствия, целостности или безопасности народа, и, хотя судить об этом только ему, он должен с величайшей заботой следить, чтобы единственной причиной принятия таких законов и наложения ограничений были соображения государственной необходимости и благополучия народа, и, пожалуй, для правителя недостаточно просто считать, что принуждения и суровость необходимы или удобны, если его уверенность не подкрепляется серьезным и беспристрастным исследованием, так ли оно на самом деле. Но случись правителю издать неверные законы, а подданному им не подчиниться, то убежденность первого послужит ему оправданием не в большей степени,

чем для второго будут извинением его совесть или убежденность, раз уж, рассмотрев и исследовав предмет, и тот и другой могли составить о нем лучшее суждение. И я думаю, все легко согласится, что создание законов в иных целях, кроме обеспечения безопасности правительства и защиты жизни, имущества и свобод народа, т. е. сохранения целостности, заслужит наисуровейший приговор на великом судилище не только потому, что злоупотребление властью и доверием, которыми обладает законодатель, наносит человечеству, для чьего блага единственно и учреждены правительства, более сильный и непоправимый вред, чем что-либо еще, но также потому, что здесь он не ответствен никакому суду; да и не способен правитель разгневать высшего охранителя человечества сильнее, чем тогда, когда власть, данную ему только для защиты, насколько это осуществимо, всех его подданных и каждого из них в отдельности, он употребляет на потворство своим удовольствиям, тщеславию или страсти и использует ее, чтобы беспокоить и угнетать таких же людей, как он сам, хотя перед лицом царя царей между ними и им существует лишь малая и несущественная разни́ца.

4. Если этими мнениями или законами и принуждением правитель пытается ограничить свободу людей или приневолить к тому, что противно искренним убеждениям их совести, они должны делать то, что требует от них совесть, насколько могут без насилия, но притом одновременно обязаны спокойно подчиниться наказанию, какое закон налагает за подобное неповиновение, так как посредством этого они обеспечивают себе благодать на том свете и не нарушают спокойствия этого мира, не согрешают против верности бегу и королю, но обоим отдают должное, ибо и правитель, и они сами одинаково заинтересованы в своей собственной безопасности. И воистину лицемер тот, — а лишь прикидывается совестливым, тогда как метит в этом мире во что-либо иное, — кто по велению совести, но также покоряясь закону не купит рая для себя и мира для своей страны, пусть даже ценой имущества, свободы или самой жизни. Здесь частное лицо, равно как правитель в первом случае, также должно весьма поостеречься, дабы совесть или мнение не подвели его, побудив к упрямому преследованию того, что он считает необходимым, или к бегству от того, что он считает незаконным, тогда как по правде это таковым не является, а то как бы в силу подобной ошибки или каприза им за равное неповиновение не понести наказания и в этом и в ином мире;

ведь, если свобода совести есть великая привилегия подданного, а право принуждения — великая прерогатива правителя, за ними нужен тем более пристальный надзор, чтобы они не сбили с толку ни правителя, ни подданного присущими им претензиями на общее благо, ибо особо опасны, требуют, чтобы их избегали с особым тщанием, и будут особо сурово наказаны богом те несправедливости, которые совершаются в благовидных целях и с видимостью правды.

III. Я утверждаю, что помимо двух первых есть третья разновидность действий, которые сами по себе считаются хорошими или плохими, а именно обязанности второй таблицы или их нарушения, т. е. нравственные добродетели философов. Хотя они образуют живую, действительную часть религии, имеющую к тому же весьма сильное влияние на совесть людей, я нахожу, что они лишь в малой степени являются предметом споров о свободе совести. Не знаю, может быть, если бы люди больше стремились к оным добродетелям, то они бы меньше препирались о свободе совести. Достоверно лишь, что сочувствие добродетели есть столь необходимая опора государству, а попустительством некоторым порокам приводит общество к столь верным потрясениям и гибели, что свет еще не знал, и сомнительно, узнает ли, правителя, который законом утвердил бы порок или запретил бы отправление добродетели, которая достаточно прочно утверждает себя повсюду своей собственной властью в силу пользы, приносимой ею всем правительством. Однако, какими бы странными ни показались мои слова, да позволено мне будет сказать, что законодатель не имеет никакого дела с нравственными добродетелями и пороками и не должен настаивать на выполнении обязанностей второй таблицы, за исключением случаев, когда они подчинены благу и охранению человечества под властью правительства. Ибо будь общества способны прожить, а люди — наслаждаться миром и безопасностью без того, чтобы эти обязанности вменялись велениями и карами закона, то законодателю безусловно не пришлось бы предписывать их какими-либо правилами, так как он мог бы оставить исполнение этих обязанностей целиком на волю и совесть своего народа. Ведь если бы можно было устранить связи, которыми даже эти нравственные добродетели и пороки соединены общественным благом, и сделать так, чтобы они перестали быть средством устройства или расстройства мира и имущества людей, они превратились бы только в частное и надполитическое взаимоотно-

шение между богом и душой человека, в которое правитель не полномочен вторгаться. Бог назначил правителя своим наместником в этом мире и предоставил ему распорядительную власть; но, подобно прочим заместителям, он может распоряжаться лишь делами своего наместничества. Всякий, кто вмешивается в заботы того света, не имеет иных полномочий, кроме как просить и убеждать.

Правитель не имеет ничего общего с благом человеческих душ или с заботами людей в иной жизни, но возведен в сан и облечен властью только для того, чтобы люди спокойно и удобно жили друг с другом в обществе, чему уже приведено достаточно доказательств. Кроме того, очевидно, что правитель распоряжается отпращиванием добродетелей не потому, что они добродетели и обязывают совесть или составляют долг человека перед богом и путь к его милости и благоволению, но потому, что они придают достоинство человеческому общению, а большинство из них суть прочные узы и скрепы общества, которые нельзя ослабить, не поколебав всего строения. Правитель никогда не обнажает меча против некоторых пороков, которые не особенно вредят государству и все же являются пороками и должны быть признаны таковыми наравне с прочими, как, например, алчность, непослушание родителям, неблагодарность, злоба, мстительность и некоторые другие; хотя нельзя сказать и того, чтобы их оставляли без внимания из-за невозможности распознать, уж коли самые потаенные из них, мстительность и злой умысел, различаются в юриспруденции как непредумышленное и умышленное убийство. Более того, даже на благотворительность, которая безусловно является великим долгом всякого человека и христианина, общепризнанное право на терпимость распространяется пока еще не во всю свою ширь, так как существуют некоторые ее разновидности и проявления, каковые правитель безоговорочно воспрещает, не панося этим, насколько мне доводилось слышать, ни малейшей обиды людям с самой чувствительной совестью. Ибо кто сомневается, что облегчать милостыней участь бедных, хотя бы и нищенствующих (если видишь, что они нуждаются), есть, если оценивать это безотносительно к чему-либо иному, добродетель и долг каждого отдельного человека. Однако среди нас это запрещено законом под страхом сурового наказания, и в данном случае никто не жалуетесь на насилие над совестью или на утрату свободы, что, конечно, будь сие незаконным стеснением совести, не прошло бы незамеченным столькими чувствительными и щепетиль-

ными людьми. Порою бог (столь велико его попечение о сохранении правительства) допускает до того, чтобы его законы в некоей степени подчинялись и соответствовали человеческим: его закон воспрещает порок, а человеческий закон часто определяет для него допустимую меру. Существовали государства, где воровство почиталось законным для тех, кого не хватало с поличным. Так, в Спарте покража лошади была, пожалуй, таким же безвинным поступком, как в Англии победа на скачках. Ибо правитель, обладая властью передавать собственность одного человека другому, может устанавливать любые³ — всеобщие, одинаковые для всех, и ненасильственные, и приспособленные к интересам и благополучию данного общества, как то было у спартанцев, которые, будучи воинственным народом, полагали, что совсем не дурно таким образом прививать гражданам бдительность, отвагу и предприимчивость. Это я отмечаю лишь между прочим, чтобы показать, насколько благо государства является мерилом всех человеческих законов, коль скоро оно, по-видимому, ограничивает и переиначивает обязательность даже некоторых божьих законов и изменяет природу порока и добродетели. Посему правитель, который мог сделать простительным воровство, все же не мог бы сделать законными клятвopеступление или измену, поскольку они разрушительны для человеческого общества.

Поэтому из того, что правитель имеет власть над добрыми и дурными действиями, как я думаю, вытекает:

(1) что он не обязан наказывать все пороки, т. е. может терпеть некоторые из них (и хотел бы я знать, какое правительство в мире не поступает так же?);

(2) что он не должен внедрять в общество какой-либо порок, потому что такое деяние не может способствовать благу народа или сохранению правительства;

(3) что если все-таки допустить, что он отдал распоряжение следовать какому-либо пороку, то совестливый и уязвленный подданный обязан не подчиниться его предписаниям и покориться наказанию, как в предыдущем случае.

Таковы, как я полагаю, границы принуждения и свободы, и таковы три разновидности положений, в какие вовлечена совесть людей, — положений, имеющих право равно на такую степень терпимости, как я установил, и не больше, если рассматривать их по отдельности и абстрактно. Тем не менее существуют два случая, или обстоятельства, которые при тех же условиях могут изменить обра-

щение правителя с людьми, которые требуют для себя права на терпимость.

1. Поскольку обычно люди принимают свое вероисповедание в целом и усваивают мнения своей партии все сразу, оптом, часто бывает, что к их религиозным воззрениям и спекулятивным мнениям примешиваются другие учения, совершенно разрушительные для общества, в котором они живут, как о том свидетельствует пример католиков, кои являются подданными любого государя, кроме папы. Поэтому, коль скоро они объединяют со своим вероучением такие мнения, почитают их за основополагающие истины и повинуются им как догматам своей веры, правитель не должен быть терпимым к их религии, если он не может быть уверен, что в состоянии разрешить одно, не допуская распространения другого, и что насаждение этих мнений можно отделить от их богослужения, а этого, как я полагаю, достигнуть весьма трудно.

2. Поскольку дело поверяется опытом и не все люди — святые, живущие по совести, думаю, что не задену ни одну сторону, сказав, что большинство людей или по крайности партий, когда они достаточно сильны, худо ли, добро ли, употребляя свою силу для того, чтобы нажиться и встать у власти, и мало кто из имеющих возможность присвоить и удерживать верховенство, пропускает случай за него ухватиться. Поэтому, когда люди сбиваются в группы, отмеченные чертами отличия от остального общества и объединяющие их в более тесный союз с теми, кто принадлежит к их собственному вероисповеданию и партии, нежели с другими их собратьями-подданными, — будет ли это отличие, безразлично, религиозное это отличие или вздорное, разве что узы религии крепче, а притязания справедливее и она лучше способна привлекать приверженцев, а потому тем более следует ее остерегаться и тем более необходимо за ней надзирать, — когда, говоря, такая обособленная партия столь выросла или вырастает числом, что начинает казаться правителю опасной и уже зримо угрожает миру государства, правитель может и должен использовать все средства, будь то политика или власть, чтобы сократить, раздробить и подавить партию и так предотвратить неурядицу. Ибо, даже если эти люди обособятся ни для чего иного, кроме поклонения богу, а правитель в качестве крайней меры вынужден будет применить силу и жестокость против тех, чей проступок состоял лишь в том, что они поклонялись богу на свой собственный лад, разве и тогда он подвергнет их веру го-

нениям, а их самих наказанию бóльшим, нежели завоеватель, который в сражении убивает людей не за то, что они носят белую ленту на шляпе¹⁰ или иной знак на одежде, а потому, что оные изобличают в них врагов и опасных лиц. Религия, т. е. то или иное вероисповедание, составляет причину их объединения и сговора, а не раскольниковства и бесчинства. Ведь само по себе то, что люди творят молитву в той или иной позе, побуждает их к обособлению или к вражде друг с другом не более, чем ношение шляп или тюрбанов, и вряд ли заслуживает к себе иного отношения. Тем не менее и то и другое способны толкнуть их на это, ибо, будучи чертой отличия, дают им возможность счесть свои силы, осознать мощь, почувствовать уверенность друг в друге и объединиться при первом же удобном случае. Поэтому их обуздывают не за то, что они держатся того или иного мнения или верования, но потому, что было бы опасно иметь такое число инакомыслящих, какому бы мнению они ни следовали. Нечто подобное случилось бы и тогда, когда мода на одежду, отличную от той, какую носят правитель и его приверженцы, распространилась бы среди весьма значительной части народа и стала бы ее отличительной чертой, вследствие чего люди, ее составляющие, вступили бы друг с другом в тесные и дружеские отношения. Разве не дало бы это правителю повод для подозрений и не заставило бы его карами запретить моду не потому, что она противозаконна, но по причине опасности, какую она может представлять? Так, мирской плащ может произвести такое же действие, что и церковная сутана или любая другая религиозная одежда.

Возможно, будь квакеры достаточно многочисленны, чтобы представлять опасность для государства, они заслуживали бы пощечения и надзора со стороны правителя, которому следовало бы подавить их общину, даже отлучайся они от прочих подданных только тем, что остаются с покрытой головой, а тем более если бы имели сложившееся вероисповедание, отличное от государственного¹¹. В этом случае никто бы и не подумал, что правитель обрушил свою суровость против обычая стоять в шляпе, тогда как она направлена против того, что он объединяет большое число людей, которые, хотя они и расходятся с ним в весьма безразличной и пустяковой подробности, все же могли бы тем самым подвергнуть опасности правительство; а в таком случае он может попытаться подавить, ослабить или распустить любую партию, объединенную вероисповеданием или чем угодно еще и явно опасную для его пра-

вительства, используя при этом все те средства, каковые окажутся наиболее удобными для сей цели, чему он сам есть судья, и не будет отвечать в ином мире за то, что открыто в меру своего разумения делает для охранения и спокойствия своего народа.

Здесь я не стану обсуждать, будут ли сила и принуждение верным средством к достижению этой цели, но смею утверждать, что оно есть наихудшее и употреблять его следует в последнюю очередь и с величайшей осторожностью, и вот по каким причинам:

1. Потому что оно навлекает на человека то, от чего он ищет освобождения и того ради только и состоит членом государства, а именно насилие. Ибо, не будь страха перед насилием, на свете не было бы ни правительств, ни нужды в них.

2. Потому что, применяя силу, правитель частично перечеркивает то, ради чего он призван трудиться, а именно всеобщую безопасность. Поскольку его долгом является сколь можно прилежное охранение собственности, спокойствия и жизни каждого индивидуума, он обязан не тревожить или уничтожать некоторых ради спокойствия и безопасности остальных, пока не дознано, есть ли способ спасти всех. Ибо, сколько-нибудь подрывая или нарушая безопасность любого из своих подданных ради защиты остальных, он ровно настолько же вступает в противоречие со своим же объявленным наперед намерением, в каковое должна входить только охрана людей, на что имеют право даже самые ничтожные. Ведь отнять даже такую малость, как нарвавший, пусть и угрожающий гангреной, палец ноги, будет немилосердным, равно как и неумелым, способом лечения, которым никто не стал бы, да и не согласился бы, пользоваться, пока не выяснится непригодность более щадящих средств, хотя этот член находится у самой земли и весьма далек от головы. Как мне видится, на это могут сделать лишь одно возражение, а именно что, применяя более щадящие, т. е. медленные, средства, вы, может статься, упускаете возможность добиться цели, каковую вам доставило бы своевременное использование сильных средств, тогда как при вашем медлительном лечении болезнь разрастается, септа усиливается, поднимает голову и становится господином положения. На это я отвечу, что партии и секты растут медленно и постепенно, переживают пору младенчества и слабости, равно как пору полного расцвета и силы, и становятся грозными не вдруг, но оставляют достаточно времени для опытов с лекарствами

инного рода, а такая отсрочка не создает опасности. Впрочем, случись правителю, паче чаяния, обнаружить, что инакомыслящие столь многочисленны, что в состоянии совладать с ним, то я не вижу, чего он может добиться силой и суровостью, когда тем самым он дает им благовидный повод стакнуться, взяться за оружие и тем крепче объединиться против него. Но этот предмет, отчасти граничащий с той частью вопроса, которая касается скорее интересов правителя, нежели его долга, я рассмотрю в более подходящем месте.

До сих пор я лишь очертил пределы, поставленные богом власти правителя и покорности подданного, которые сами являются подданными великого царя царей и одинаково должны ему повиноваться, а он ожидает от них выполнения обязанностей, возлагаемых на обоих их местом и положением в обществе, совокупность же таковых следующая:

(1) существуют некоторые мнения и действия, кои полностью отделены от попечений государства и не оказывают прямого воздействия на жизнь людей в обществе, — ими являются все спекулятивные мнения и богопочитание; они явно имеют право на всеобщую терпимость, на которое не должен покушаться правитель;

(2) существуют некоторые мнения и действия, которые при естественном ходе вещей грозят человеческому обществу полным разрушением, как то мнение, что можно нарушить обещание, данное еретикам, что если правитель не реформирует веру, то это могут сделать подданные, что всякий обязан излагать и распространять любое мнение, в какое верит сам, и т. п., а среди действий всевозможные надувательства, несправедливости и т. д.; и все это правитель не должен терпеть ни под каким видом;

(3) существует третий род мнений и действий, которые сами по себе не приносят человеческому обществу ни вреда, ни пользы, и лишь характер государства и положение дел могут изменять их воздействие в добрую или дурную сторону — таковы, например, мнения о том, что полигамия законна или незаконна, что в определенное время года следует есть мясо или рыбу или, наоборот, воздерживаться от них, и другие подобные практические мнения и все действия, касающиеся безразличных вещей, все они имеют право на терпимость только до тех пор, пока не посягают на пользу общественности или каким-либо образом не досаждают правительству.

Пока довольно о терпимости в ее отношении к долгу правителя. Показав, что он обязан делать по совести, будет нелишним вкратце рассмотреть, что ему следует делать из благоразумия.

Однако, поскольку обязанности людей содержатся в общеустановленных правилах, тогда как их благоразумие отлаживается обстоятельствами, касающимися их, в частности, при рассмотрении того, насколько терпимость входит в интересы правителя, будет необходимо перейти к частностям.

Поэтому, чтобы обозреть нынешнее состояние Англии, выделим только один вопрос, а именно: терпимость или принуждение представляют собой наиболее подходящее средство для обеспечения безопасности и мира и для роста благосостояния королевства?

Что касается обеспечения вашей безопасности и мира, то существует только одно средство, а именно чтобы ваши сторонники внутри страны были многочисленны и деятельны, а враги малочисленны и презренны или, по крайней мере, чтобы из-за различия в их численности нападки на вас были для недовольных делом весьма опасным и трудным.

Что касается роста благосостояния королевства, какое-то слагается из богатства и власти, то к нему самым непосредственным образом приводят многочисленность и трудолюбие ваших подданных.

Нельзя хорошо понять, какое влияние оказывает на все это терпимость, если не рассмотреть те различные группировки, которые существуют ныне у нас, — они же вполне охватываются двумя, а именно папистами и фанатиками.

Что касается папистов, то, наверное, известно, что не должно терпеть распространения их опасных мнений, которые грозят полным разрушением всем правительствам, кроме папского; правитель, чтобы пресечь их мнения, обязан приструнить сколь надобно всякого, кто устно или в печати станет проповедовать какое-либо из них. И это правило распространяется не только на папистов, но также на любых других людей, живущих среди нас, ибо подобная мера несколько помешает пропаганде таких учений, каковые всегда сулят дурные последствия и, подобно змеям, никогда не поддадутся на доброе обращение и не забудут про свой яд.

Паписты не должны пользоваться благом терпимости, потому что там, где они владеют властью, они считают своей обязанностью отрицать ее за другими. Ведь нера-

зумно разрешать свободное отправление веры всякому, кто не признает за основополагающее начало, что никому не позволено преследовать и угнетать другого из-за того, что он расходится с ним в вере. И раз уж правитель постановил, что терпимость есть то основание, на котором зиждутся мир и спокойствие его народа, то, простирая терпимость на всякого, кто пользуется благом сей снисходительности и в то же время осуждает ее как незаконную, он лишь вскармливает тех, которые почитают своим долгом досаждать его правительству, едва почувствуют себя в силе.

Поскольку ни снисходительностью, ни суровостью невозможно превратить папистов, покуда они остаются такими, в сторонников вашего правительства, ибо они враждебны ему как по своим принципам, так и по своим интересам, и потому должно рассматривать их как непримиримых врагов, в чьей верности вы никогда не можете быть уверены, пока они обязаны слепо повиноваться непогрешимому папе, который носит на поясе ключи от их совести и может при случае разрешить их от всех клятв, обещаний и обязанностей по отношению к государю, особенно если тот еретик, и вооружить их на волнения против правительства, то я думаю, они не должны пользоваться благом терпимости. Потому что в отличие от пресечения терпимость не поможет сократить их численность или хотя бы сдержать ее рост, как это обычно бывает с последователями всех других мнений, которые от преследований лишь крепнут и умножаются и в силу невзгод, выпадающих на их долю, предстают в привлекательном свете перед посторонними, ибо люди всегда рады сострадать мученикам, религию, способную устоять перед гонением, почитать безвинной, а исповедующих ее — чистосердечными. Однако я думаю, что это далеко не так в случае с католиками, которые менее других умеют возбуждать жалость, потому что получают только такое обхождение, какое, сколь известно, заслуживает жестокость их собственных принципов и поступков. Большинство людей считают, что суровости, на которые они сетуют, суть справедливое наказание, заслуженное ими как врагами государства, а не преследование людей, беззаветно преданных своей вере, и это на самом деле так; к тому же никто не подумает, будто те, кто одновременно признают себя подданными иностранного государя и врага, несут наказание только за свою приверженность вере. Кроме того, и начала и учения этой религии в меньшей степени способны увлечь пытливые го-

ловы и нестойкие умы: обычно при добровольной перемене мировоззрения люди ищут раскрепощения и высоты чувства, рассчитывая оставаться вольными и располагать сами собой, а не отдаваться во власть и на произвол других. Наверняка терпимость не побудит их к расколу, а суровое обращение не заставит, подобно другим инаковерующим группам, слиться с фанатиками, чьи принципы, богопочитание и нрав столь непоследовательны, и, таким образом, не увеличивая числа сплоченных воедино недовольных, не усилит опасности. Добавьте к этому, что папизм, который был навязан истовому и невежественному миру ловкостью и изобретательностью католического священства и, подпираемый властью и силой, удерживался посредством таких же уловок, более, чем прочие религии, расположен к распаду там, где светская власть обходится с католиками сурово или хотя бы отнимает у них ободрение и поддержку, получаемые ими от своих священников.

Хотя притеснение напистов и не уменьшает числа наших врагов тем, что привлекает кого-то из них на нашу сторону, оно увеличивает число и поднимает силу наших сторонников и еще теснее, нам на подмогу и в защиту, объединяет протестантскую партию. Ведь от того, что папизм в нашей среде лишится всякой поддержки, немного выиграют интересы короля Англии как главы протестантов. Последователи прочих партий скорее образуют с нами единое содружество, когда увидят, что мы действительно сторонимся и преследуем тех, кто одинаково враждебен как нашей церкви, так и остальным протестантским вероисповеданиям; для них это будет залогом нашей дружбы, равно как и ручательством того, что их доверие к нам не будет обмануто, а соглашение, в какое мы с ними входим, — искреннее.

Все остальные диссентеры подпадают под позорное наименование фанатиков, а это, между прочим, как я думаю, было бы благоразумнее отвергнуть и забыть; ибо какой понимающий человек, живя в безурядном государстве, стал бы выискивать и закреплять за сектами черты различия — этого домогаются разве те, кто стремится к смуте, — или присваивать общее название различным партиям, чтобы тем самым подучить объединиться тех, кого ему надлежит разделять и держать на расстоянии друг от друга?

Но перейдем к более существенному. Я думаю, все стороны согласны, что от фанатиков надобно добиться пользы, поддержки и как можно большей верности нынешнему правительству, дабы обезопасить его от неурядиц дома

и защитить от нашествий извне, а этого невозможно достигнуть ничем, кроме средств, способных изменить умонастроения фанатиков и привлечь их к вашим верованиям, или же, если они не расстаются со своими мнениями, убедить их оставить вражду и сделаться друзьями государства, хотя они и не сыны церкви.

Мне хочется, чтобы о том, сколь успешно сила и суровость способствуют перемене человечеством своих мнений, — пусть даже история полна примерами такого рода, и едва ли найдется случай, когда преследование, изгоняя из мира мнение, не сметало бы заодно и всех его последователей, — каждый, дабы далеко не ходить, попытал у своего собственного сердца, опыт которого засвидетельствует, возобладало ли когда насилие над его мнением, не утрачивают ли даже доводы нечто от своей убедительности, если их приводят с горячностью, и не стал ли он от того еще более упорствовать в своем мнении; уж так печется человеческая природа о сохранении свободы той области, что заключает в себе достоинство человека, подавив которое вы обратили бы его в существо, мало чем отличное от скота. Я спрашиваю тех, кто сам в недавние времена столь твердо противостоял бесплодной силе гонения и убедился, сколь мало оно затронуло его мнения, а теперь столь торопится обрушить его на других: могла ли бы даже величайшая в мире суровость заставить их подвинуться хоть на шаг ближе к чистосердечному и искреннему восприятию мнений, которые были в то время господствующими? И пусть не говорят, это-де оттого, что они знали, что были правы, ибо всякий человек, куда верует, убежден, что он прав. Но сколь мало это упорство или постоянство обусловлено знанием, становится ясным на примере галерных рабов, возвращающихся из Турции, которые, хотя и перенесли всевозможные лишения ради того, чтобы не расстаться со своей религией, однако по их жизни и принципам можно догадаться, что большинство из них ровно ничего не знают об учении и делах христианства. Кто станет сомневаться, что эти несчастные узники, которые за отречение от веры, в коей их не слишком усердно наставляли и к коей они на воле горели не слишком большой любовью, могли бы вновь обрести свободу за измену своим мнениям, не перерезали бы горло жестоким хозяевам, обходившимся с ними столь сурово, позволъ им это их цепи, но не причинили бы им никакого вреда, если бы те обращались с ними учтиво, как с полноправными военнопленными? Из чего мы видим, сколь рискованной была бы попытка — случись

кому замыслить ее — обратить наш остров в подобие галеры, где большинство будет низведено до состояния рабов, которых ударами понуждают налегать на весла, но отказывают им и в малой части груза, в каких-либо льготах или в защите, — уж лучше им изготовить цепи на всех тех, с кем следует обходиться так же, как это делают турки, и убедить их стоять смиренно, покуда эти цепи на них накладывают. Ибо, сколько б святоши ни проповедовали покорность, еще не известно случая, чтобы люди смиренно склонялись под гнетом и подставляли спины под удары, если полагали, что у них довольно сил постоять за себя.

Я говорю это не для того, чтобы оправдать подобные действия, которые я, как мне кажется, достаточно осудил в первой части этого рассуждения, но чтобы показать, каковы природа и нрав человечества и каковы обычно последствия гонений. Кроме того, насильственное насаждение мнений мешает людям уяснить их, ибо прививает им неодолимое подозрение насчет того, что те, кто так, силой, вербует прозелитов, не несут истины, а лишь преследуют собственные интересы и ищут власти. Прибегает ли кто к такому способу, чтобы убедить другого в несомненных истинах математики? Возможно, кто-то скажет, что от этих истин не зависит мое счастье. Я допускаю это и весьма в долгу перед человеком, который заботится о моем счастье, но мне трудно поверить, что действия, заставляющие столь сильно страдать мое тело, совершаются из попечения о моей душе или что тот, кто радуется, видя, сколь скверно мне в этом мире, слишком заботится, чтобы я был счастлив в ином. Я удивляюсь, что те, кто так пылко радуется о благе других, не обращают чуть больше внимания на помощь бедным или не считают своей заботой охрану имущества богатых, которое ведь тоже есть полезная вещь и составляет часть нашего счастья, если судить по жизни тех, кто говорит нам о радостях небесных, но не менее других старается приобрести обширные владения на земле.

Однако в конце концов, даже если преследованиями и можно было бы не только время от времени покорить нетвердого, слабого духом фанатика (что редко удается, да и то обычно ценой потери двух или трех правоверных), даже если, говорю я, ими можно было бы разом загнать всех диссентеров в пределы церкви, то это не устранило бы, а только усугубило бы угрозу правительству, притом во столько раз, во сколько опаснее вместо честного и открытого противника иметь лживого, затаившегося и ис-

ступленного врага. Ибо наказание и страх могут побудить людей к притворству; не убеждая их разума, они едва ли способны заставить их воспринять мнение, но наверняка вызовут в них ненависть к особе своего притеснителя и общат им тем большее отвращение к тому и к другому. Таким соглашателям милее оставаться безнаказанными, нежели высказывать свое мнение, но тем самым они вовсе не одобряют вашего мнения. Не любовь к вашему правлению, а страх перед вашей силой стесняют их, и уж если их приковывает к вам такая цепь, то они сидели бы на ней куда прочнее, когда бы были явными раскольниками, а не затаившимися порицателями, так как тогда ее было бы не только легче носить, но и труднее сбросить; во всяком случае бесспорно, что, склоняя людей к вашему мнению иным способом, нежели убеждая их в его истинности, вы превращаете их в ваших друзей не в большей степени, чем насильственное крещение превратило в христиан бедняг индейцев, стадами загоняемых в реки.

Не сила превозмогает старые и вкладывает новые мнения в сердца людей, а учтивость, дружелюбие и мягкое обхождение; ибо многие люди, кому дела или лень мешают вникнуть в суть вещей, принимают многие мнения на веру, даже в отношении религии, но никогда не позаимствуют их от человека, в знаниях, дружелюбии и искренности которого они не вполне уверены, а тем более от человека, их преследующего.

Люди же любознательные, хотя и не станут мыслить заодно с кем-либо единственно по причине его доброты, скорее согласятся, чтобы их переубедили, и сами будут искать доводы, которые могли бы склонить их исповедовать одинаковое мнение с тем, кого они обязаны любить.

Как скоро сила — худое средство переубеждения диссентеров, а приобщив их к своему мнению, вы прочно привязываете их к государству, она безусловно еще меньше повлияет на тех, кого следует сделать вашими друзьями и кто непоколебимо предан своим убеждениям и придерживается мнения, отличного от вашего. Того, кто имеет иное мнение, отделяет от вас лишь некоторое расстояние; но если вы станете обращаться с ним дурно из-за того, что он почитает правильным, он будет питать к вам настоящую вражду. Первое — самое большее размолвка, второе — ссора. И этим не исчерпываются все беды, какие при нынешнем положении вещей породит среди нас суровость, ибо насилие и жестокое обращение увеличат не только вражду, но и число врагов. Ведь хотя фанатики,

взятые все вместе, многочисленны и, возможно, их больше, чем чистосердечных друзей государственной религии, но они раздроблены на различные партии и так же далеки друг от друга, как и от вас, если только своим обращением с ними вы не оттолкнете их еще дальше от себя. Ибо, как таковые, их мнения столь же несовместимы одно с другим, как и с мнением англиканской церкви. Поэтому от людей, которые распались на множество групп, лучше всего предохраняться терпимостью, поскольку, если при вас их положение будет завиднее того, на которое они могут рассчитывать при любом другом, они едва ли объединятся, чтобы поставить у власти кого-то еще, ибо у них нет уверенности, что он будет относиться к ним столь же хорошо. Напротив, гонениями вы заставите их всех сплотиться против вас в одну партию, одушевленную одним замыслом, и внушите им соблазн сбросить ваше иго и попытаться создать новое правительство, при котором каждая группа надеется на верховенство либо на лучшее обращение под властью других, каковые не могут не знать, что, начни они по примеру правительства применять жестокость, в силу которой сами же пришли к власти и собрали своих сторонников, как желанием и решимостью свергнуть их проникнутся другие; а потому можно ожидать, что они станут пользоваться ею с осторожностью. Но если вы полагаете, что различные партии уже готовы к соглашению и образовали против вас союз, скрепленный единым замыслом, — притом неважно, были ли причиной этого тяготы, перенесенные ими при вас, или нет, — если их столь много, что своим числом они равны вашим приверженцам или превосходят их, как, возможно, и есть в Англии, то приводить их в покорность силой бесполезно и рискованно. Если, как утверждают многие, Англии действительно необходимо единообразие веры и путь к нему лежит через принуждение, то я спрашиваю у тех, кто столь за него ратует, намерены ли они в самом деле установить его силой или нет. Если нет, то под этим предлогом тревожить и мучить бесплодными наказаниями своих братьев не только опрометчиво, но и жестоко. Для того чтобы показать, в сколь малой, если не в ничтожной, мере преследование способствует установлению единообразия веры, я задам только один простой вопрос: существовала ли когда в этом королевстве свобода вероисповедания? Если да, то пусть кто-нибудь из священников, однажды подпавших под секвестр, расскажет, как их выдворяли из домов и смогли ли притеснения и суровость предохранить англиканскую церковь

и остановить рост числа пуритан даже перед войной?¹² Поэтому уж если вводить единообразие веры насилием, то следует говорить на чистоту. Суровость, с помощью которой оно должно водвориться, не может не повлечь полное истребление и искоренение всех диссентеров разом. А насколько это согласуется с христианским учением, началами нашей церкви и реформацией католицизма, я представляю судить тем, кто полагает, что бойня во Франции достойна подражания¹³. Я хочу, чтобы они поразмыслили, установится ли в королевстве спокойствие, укрепится ли его правительство, если наказанием за неявку на литургию и неучастие во всех богослужениях нашей церкви будет смерть (ибо ничем иным единообразия веры не достигнуть).

Римскую религию, которая лишь недавно занесена в Японию и пустила там неглубокие корни (ибо от своих учителей, почитающих матерью набожности невежество, бедные новообращенные переняли весьма мало животворных истин и света христианства и знали не многим более Ave Mary и Pater noster¹⁴), искоренили там только ценой гибели многих тысяч людей; да и то их число стало уменьшаться только после того, как суровые меры распространились за пределы круга преступников и смерть стала карой не только семье, приютившей священника, но и целым семьям по ту и другую сторону от ее дома, пусть они даже ничего не знали о новой религии или были ее врагами. А в дополнение к этому изобрели изощренные долгие пытки, худшие, нежели тысяча смертей, которые кому-то и доставало сил выдерживать четырнадцать дней кряду, но многие отрекались от своей веры, и все же имена их записывались с тем умыслом, чтобы, уничтожив всех поборников христианства, в одночасье забить и этих, ибо японцы полагали, что мнение не искоренено настолько, чтобы не возникнуть вновь, покуда жив хоть один из тех, кто сколько-нибудь знаком с ним или даже знает о христианстве понаслышке. Мало того, там до сих пор не позволяют христианам, торгующим в тех краях, произносить речи, складывать руки или иным образом обнаруживать отличие своей религии. Если же кто думает, что для восстановления единообразия нашей церкви годится такой способ, как этот, пусть хорошенько сосчитает, сколько у короля останется подданных к тому времени, когда это свершится. В этом примере наблюдается ещё одна особенность, а именно что все это было предпринято не ради утверждения единообразия религии (ибо японцы терпят семь или

восемь сект, а различия между иными простираются от веры в бессмертие души до неверия в нее, да и правитель их не стремится и не желает знать, к какой секте принадлежат его подданные, и нимало не принуждает их обратиться в его веру) и вовсе не из отвращения к христианству, которому они некоторое время позволяли спокойно произрастать у них, покуда учение папских священников не внушило им подозрения, что религия — это только предлог, цель же их — власть, и не заставило испугаться за устои государства; такое опасение сколько могли укрепили в них их собственные священники, желавшие искоренения этой растущей религии.

Но покажем, какова опасность установления единообразия. Дабы представить этот предмет во всей широте, нам остается обсудить следующие подробности:

(1) показать, какое влияние терпимость способна оказать на численность и трудолюбие вашего народа, от которых зависят могущество и богатство королевства;

(2) если всех в Англии надлежит привести к единообразию насильно, выяснить, какая партия или партии скорее всего объединятся в силу, способную понуждать остальных;

(3) показать, что все, кто высказывается против терпимости, по-видимому, считают, что суровость и сила суть единственные приемы правления и средство подавить любую группу, а это есть ошибка;

(4) что по большей части противоречия и различия между сектами не составляют, а если и составляют, то весьма незначительные и второстепенные приатки истинной религии;

(5) рассмотреть, почему вышло так, что христианство больше, чем какая-либо другая религия, послужило причиной возникновения стольких сект, войн и беспорядков в гражданских обществах, и могут ли терпимость и широта взглядов предотвратить эти бедствия;

(6) что терпимость ведет к упрочению правительства не чем иным, как воспитанием в большинстве единомыслия и поощрением во всех добродетели, которые достигаются посредством принятия и соблюдения строгих законов о добродетели и пороке и расширения сколь возможно условий принадлежности к церкви; т. е. догматы спекулятивных мнений должны быть немногочисленны и широки, а обряды богослужения — немногочисленны и легки, что и есть широта взглядов;

(7) что разъяснение и попытка доказательства некоторых догм, которые, по общему признанию, являются неопостижимыми и познаются не иначе как через откровение, равно как требование, чтобы люди усваивали их в пределах, предлагаемых учителями ваших разных церквей, волей-неволей порождают множество атеистов.

Но об этом, когда у меня будет больше досуга.

ПОСЛАНИЕ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ

достопавному мужу Лимборху из Амстердама,
профессору теологии в коллегии ремонстрантов,
ненавистнику тиранки, от англичанина Джона Локка,
друга мира и ненавистника угнетения

На твой вопрос, достопавный муж, каково мое мнение о взаимной веротерпимости христиан, я отвечу кратко: я считаю его основным критерием истинной церкви. Что бы ни говорили одни о древности мест и имен или о блеске обрядов, другие — о реформации учения, наконец, и те и другие — об ортодоксальности веры¹, ибо всякий почитает себя ортодоксом, все это и тому подобное может быть важным скорее для людей, стремящихся к власти и могуществу, чем для церкви Христовой. Тот, кто обладает всем этим, но лишен любви, лишен кротости, лишен доброжелательства ко всем людям вообще, не говоря уже об исповедующих христианскую веру, тот еще не христианин. «Цари народов господствуют над ними... А вы не так» (Лук. 22, 25—26), — говорит ученикам своим наш Спаситель. Истинную религию, рожденную не для внешнего великолепия, не ради господства церкви, не для насилия, наконец, но для правого и благочестивого устройства жизни, отличает совсем иное. Тот, кто хотел бы сражаться в рядах церкви Христовой, должен прежде всего объявить войну своим порокам, собственному высокомерию и страстям; в противном случае, если лишен он святости жизни, чистоты нравов, доброты и мягкости душевной, то не заслуживает имени христианина. «И ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих» (Лук. 22, 32), — сказал Петру Господь наш. Едва ли поверим мы, что кто-то безгранично печется о чужом спасении, если пренебрегает он своим собственным; ибо никто не может искренне, всеми силами стремиться обратить других в веру Христову, если сам он в душе своей не воспринял еще воистину религии Христа. Ведь если мы хотим верить Евангелию и апостолам, никто не может быть христианином без доброты, без веры, действующей любовью, а не силой. А доброжелательны ли и добросердечны ли те, кто, ссылаясь на рели-

гию, мучают, терзают, грабят и убивают других, свидетелем тому их собственная совесть; и только тогда, когда я увижу, что эти ревнители веры точно таким же образом направляют на путь истины друзей и близких, открыто прегрешающих против евангельских наставлений, что огнем и мечом обрушиваются они на своих собственных приспешников, погрязших в тлетворных пороках и обреченных, если не исправятся к лучшему, на гибель, я поверю, что любовь свою и жажду спасения души они доказывают всевозможными жестокостями и мучительством. Ведь если они, как они заявляют, из человеколюбия и заботы о спасении души лишают людей их имущества, истязают их тела, гноят в тюрьмах, заковывают в цепи, отнимают, наконец, самую жизнь и все это — чтобы обратить их в правую веру, чтобы спасти их, то почему же позволяют они безнаказанно бесчинствовать среди своих «блуду, лукавству, злобе», что так явно, по словам апостола, отдает язычеством (Рим. 1, 29)? Ведь все это и прочее в том же роде много более противно славе господней, чистоте церкви и спасению души, чем любое сомнение в правильности церковных постановлений или неточность в культовом обряде, если в остальном жизнь безупречна. Почему же, повторяю, это рвение в защите бога, церкви, спасения души, в пылу своем доводящее до сжигания на костре, оставляя безнаказанными и не осуждая эти преступления и моральные пороки, диаметрально противоположные, по общему признанию, христианскому учению, обращено только на исправление взглядов, причем в большинстве случаев на тонкости, превосходящие понимание простого народа, или на совершение церемоний и только на это направляет все свои силы? Какая из сторон, не согласных друг с другом в подобных вещах, более права, кто из них виновен в расколе или ереси — победившая или побежденная, станет ясным только тогда, когда мы оценим причину раскола. Тот же, кто следует за Христом, кто проникся его учением и принимает владычество его, даже если отступится он от отца и матери, от отчих обрядов, если покинет людские сборища и вообще всех людей, тот не еретик.

Поэтому, если расхождения между сектами столь пагубны для спасения души, то уж «прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение... и тому подобное» не в меньшей степени являются делами плоти, о чем апостол ясно говорит, что «поступающие так Царствия Божия не наследуют» (Гал. 5, 19—21). Следовательно, все это должно искоренять с не меньшим тщанием и энергией,

чем секты, если только мы, искренне взыскав царствия небесного, всерьез решили приложить все силы к расширению владений его. Если же кто-то поступает иначе и, оставаясь безжалостным и неумолимым по отношению к инакомыслящим, в то же время будет снисходительным к прегрешениям и нравственным порокам, недостойным имени христианского, то, сколько бы он ни распространялся о церкви, совершенно ясно, что он ищет чего-то другого, а не царствия божия.

Если кто-то хочет пытками исторгнуть из тела душу, даже еще не обращенную душу, о спасении которой он так страстно печется, это всегда будет удивлять меня и, полагаю, других не меньше; но никто никогда не поверит, что это может исходить от любви, от доброжелательства, от человеколюбия. Если людей приходится огнем и мечом заставлять исповедовать известные догматы и принуждать силою к исполнению чуждых им обрядов и при этом, однако, даже не вспоминают об их нравственности, если кто-то обращает инаковерующих в свою веру, заставляя их исповедовать то, во что они не верят, и дозволяет им делать то, чего не разрешает Евангелие христианам, верующим в него, то я не сомневаюсь, что такой человек стремится иметь огромную толпу людей, исповедующих то же, что и он; но кто же поверит, что он хочет христианской церкви? А поэтому не нужно удивляться, когда те, кто вопреки своим утверждениям не сражается за истинную религию и христианскую церковь, прибегают к оружию, недостойному христианского воинства. Если бы, подобно Вождю и Спасителю нашему, они искренне жаждали спасения души, они шли бы по стопам его и следовали бы этому прекраснейшему примеру государя мира, который послал служителей своих на покорение народов и объединение в церковь вооруженными не булатом, не мечом, не силою, но Евангелием, но вестью о мире, но примером святости нравов. Если же, однако, оказалось бы необходимым силою оружия обратить неверных, с помощью вооруженных воинов избавить от заблуждений ослепленных или упорствующих, у него нашлись бы более мощные легионы небесного воинства, чем когорты любого церковного прелата, сколь бы могущественным он ни был.

Терпимость по отношению к тем, кто в религиозных вопросах придерживается других взглядов, настолько согласуется с Евангелием и разумом, что слепота людей, не видящих при столь ясном свете, представляется чем-то чудовищным. Я не хочу здесь ставить в вину одним их за-

носчивость и высокомерие, другим — их несдержанность и фанатизм, не знающий ни человеколюбия, ни мягкосердечия: это пороки, которые, быть может, невозможно отнять у людей, но они, однако, таковы, что никто не хотел бы, чтобы ему явно их приписывали; едва ли найдется хотя бы один, кто стал бы, придавая им некую достойную видимость, искать себе похвалы за них. И пусть никто не пытается прикрыть жестокие преследования, столь чуждые христианству, заботой о государстве и соблюдении законов, и, напротив, пусть никто, прикрываясь ссылкой на иную религию, не ищет для себя моральной вседозволенности и безнаказанности преступлений. Повторяю, пусть никто, ни как верный подданный государя, ни как искренне верующий, не требует такого права ни для себя, ни для других. Прежде всего я считаю необходимым различать вопросы государственные и религиозные и должным образом определить границы между церковью и государством. Если этого не будет сделано, то невозможно будет положить предел никаким спорам среди тех, для кого спасение души или благо государства либо действительно дорого, либо изображается таковым.

Государство, по-моему, — это общество людей, установленное единственно для сохранения и приумножения гражданских благ.

Гражданскими благами я называю жизнь, свободу, телесное здоровье и отсутствие физических страданий, владение внешними вещами, такими, как земли, деньги, утварь и т. д.

Обеспечивать и полностью сохранять как всему народу в целом, так и каждому гражданину в отдельности справедливое обладание этими относящимися к повседневной жизни вещами есть долг гражданского правителя, опирающегося на законы, равно обязательные для всех; если же кто-то вопреки божественному и человеческому праву вознамерится нарушить их, то такая дерзость должна подавляться угрозой наказания, состоящего либо в полном, либо в частичном лишении его тех благ, которыми в ином случае он и мог и должен был пользоваться. А так как никто добровольно не согласен лишиться части своих благ, а тем более свободы или жизни, поэтому правитель вооружен силой, т. е. всей мощью своих подданных, чтобы наказывать нарушителей чужого права.

То, что вся юрисдикция правителя распространяется единственно лишь на эти гражданские блага и что все право и все полномочия государственной власти определя-

ются и ограничиваются заботой о поддержании и приумножении лишь этих благ и ни в коем случае не должны и не могут распространяться на спасение души, ясно покажет, как мне кажется, следующее.

Во-первых, гражданскому правителю забота о спасении души принадлежит не более, чем остальным людям. И бог не поручал ему этого, ибо нигде не сказано, что бог предоставил людям право насильно заставлять других людей принимать чуждую им религию. И люди не могут предоставить правителю такого рода власть, ибо никто не может в такой степени пренебрегать заботой о вечном спасении, чтобы покорно принимать культ или веру, которую предписывает ему другой, будь то правитель или подданный. Ибо никто не может верить по указанию другого, даже если бы и захотел, а ведь именно в вере заключается сила и смысл истинной и спасительной религии. Какие бы молитвы ни произносил ты своими устами, какие бы обряды ни совершал, но, если в сердце своем ты глубоко не убежден, что все это истинно и угодно богу, это не только не помогает спасению души, но, наоборот, приносит вред, поскольку таким образом к прочим грехам, искупить которые должна религия, присоединяется в довершение и притворство в самой религии, и неуважение самого божества, коль ты чтисшь Величайшего и Всемогущего Господа обрядами, которые, как ты знаешь, не угодны ему.

Во-вторых, гражданскому правителю забота о душе не может принадлежать, ибо вся власть его выражается в принуждении. Истинная же и спасительная религия состоит в глубокой внутренней вере души, без которой ничто не имеет силы в глазах Господа; природа человеческого разума такова, что никакая внешняя сила не способна принудить его. Отними все имущество, брось его в темницу, подвергай тело мучениям — напрасно всеми этими пытками ты надеешься изменить суждение, которое ум составил о вещах.

Но ты скажешь: правитель может воспользоваться доводами разума и тем склонить к истине инаковерующих и спасти их. Пусть так, но здесь он ничем не отличается от остальных людей: если он станет поучать, наставлять, доводами разума призывать заблудшего на путь истины, он будет делать то, что подобает всякому порядочному человеку; ведь правитель отнюдь не перестает быть человеком и христианином. Но одно дело — убеждать, другое — приказывать, первое требует аргументов, второе — повелений. Из них второе — дело гражданской власти, первое же —

человеческого доброжелательства. Ведь любой смертный имеет право настаивать, убеждать, уличать в заблуждении, доводами разума привлекать на свою сторону, правителю же положено повелевать эдиктами и принуждать мечом. Это как раз то, о чем я говорю, — государственная власть не должна государственным законом предписывать символы веры, т. е. догматы, или то, как именно следует чтить бога. Ведь если вообще не будет наказания, то законы потеряют свою силу, но наказание совершенно неуместно и никоим образом не годится для убеждения. Если кто-нибудь ради спасения души хочет принять какую-то догму или обряд, то необходимо, чтобы он до глубины души верил, что эта догма истинна или что этот обряд угоден богу и будет принят им; но никакая кара не способна внушить душе такого рода убеждение: чтобы изменилось убеждение, сложившееся в душе, нужен свет, а он никогда не может возникнуть из телесных мучений.

В-третьих, забота о спасении души никоим образом не может иметь отношения к гражданскому правителю, ибо если даже допустить, что авторитет законов и сила наказания могли бы быть действительными, способствуя обращению умов, они тем не менее ничем не могли бы помочь спасению души. Ведь коль скоро только одна религия истинна, только одна дорога ведет к вечному блаженству, то разве остается надежда, что к нему придет больше людей, будь им дана лишь одна возможность: вопреки требованиям разума и совести слепо следовать тому учению, которое разделяет государь, и чтить бога так, как установлено это законами предков? При таком многообразии религиозных воззрений государей эта ведущая на небо дорога неизбежно окажется узкой, а ворота — тесными и открытыми весьма немногим, и притом только из одной страны, и, что особенно абсурдно в этом деле и недостойно бога, в таком случае вечное блаженство и вечные муки предопределены всего лишь случайностью рождения.

Уже одного этого, не говоря о многом другом, что можно было бы сказать еще, мне кажется, достаточно для утверждения, что всякая государственная власть имеет дело с названными выше гражданскими благами, ограничивается заботой о делах этой жизни и не имеет никакого отношения к тому, что касается жизни будущей.

А теперь рассмотрим, что такое церковь. Мне представляется, что церковь есть свободное сообщество людей, добровольно объединяющихся, чтобы сообща почитать бога

так, как это, по их убеждению, будет ему угодно и принесет им спасение души.

Я повторяю, что это свободное и добровольное сообщество. Никто не рождается членом какой-нибудь церкви, иначе религия отцов и дедов переходила бы по наследственному праву вместе с земельной собственностью и каждый был бы обязан своей верой собственному рождению; ничего абсурднее невозможно даже придумать. Дело обстоит так. Человек, не связанный от природы ни с какой церковью, ни с какой сектой, добровольно присоединяется к тому сообществу, где, как он верит, нашел истинную религию и обряды, угодные богу. Надежда на спасение, которую он там обретает, есть единственная причина вступления в церковь, и она же определяет, оставаться ли ему в ней. Если же он обнаружит вдруг нечто ошибочное в учении или что-то несообразное в культе, то обязательно должен обладать правом в любой момент столь же свободно выйти из нее, как свободно в нее вступил; ибо не может быть никаких нерасторжимых уз, за исключением тех, которые связывают с твердой надеждой на жизнь вечную. Церковь, таким образом, создается из добровольно объединившихся с вышеуказанной целью членов.

Теперь нам необходимо рассмотреть, что представляет собой власть церкви и каким законам она подчиняется.

Поскольку ни одно сообщество, сколь бы свободным оно ни было или по сколь бы незначительному поводу ни было организовано, будь то сообщество образованных людей, собирающихся ради изучения философии, или торговцев, объединяющихся в целях совместного предпринимательства, или просто праздных людей, встречающихся ради взаимных бесед и удовольствия, не может существовать и тотчас же развалится и исчезнет, если не будет связано никакими законами, необходимо и церкви иметь свои законы, чтобы соблюдался определенный порядок относительно места и времени проведения собраний, чтобы были установлены условия, на которых каждый либо принимается, либо исключается, наконец, чтобы были определены все обязанности и порядок их исполнения и т. п. А так как объединение это добровольное и, как было сказано, свободное от всякого насилия и принуждения, отсюда неизбежно следует, что право создания законов не может принадлежать никому, кроме самого сообщества или по крайней мере тех, кому само сообщество по общему согласию поручит это.

Но ты скажешь: не может быть истинной церковь, которая не имеет епископа или пресвитеров, обладающих авторитетом власти, передающимся в непрерывной последовательности от самих апостолов.

Во-первых, я прошу тебя назвать мне тот эдикт, которым Христос установил своей церкви такой закон; и не из пустого любопытства добиваюсь я от тебя в столь важном вопросе точности. Мне кажется, что о чем-то другом гласят эти слова: «Где двое или трое собраны во имя мое, там я посреди них»². Недостает ли чего-нибудь собранию, в котором присутствует Христос, для того, чтобы стать истинной церковью, суди сам. Конечно же там есть все для истинного спасения, а этого достаточно для нас.

Во-вторых, полюбуйся, пожалуйста, на этих людей, которые хотят, чтобы церковные правители, поставленные самим Христом, непрерывно наследовали друг друга, посмотри, как с самого начала они не могут прийти к согласию между собой! Да и сам этот раздор их естественно допускает свободу выбора, а именно права для каждого человека вступать в ту церковь, которую он сам предпочитает.

В-третьих, ты можешь подчиняться этому, для тебя необходимому, как ты полагаешь, и predeterminedенному долгой чредой предшественников правителю, но предоставь и мне присоединиться к тому сообществу, в котором я, по моему убеждению, обрету то, что необходимо для спасения души. Именно так для каждого из нас сохранится в неприкосновенности та церковная свобода, которой ты требуешь, и каждый получит себе именно такого законодателя, какого он сам избрал для себя.

Поскольку ты столь обеспокоен вопросом об истинной церкви, да позволено будет мне здесь спросить тебя, между прочим, что более подобает истинной церкви Христовой: утверждать условия объединения, содержащие то, и только то, что святой дух в Священном писании в ясных и отчетливых выражениях называет необходимым для спасения, или же навязывать собственные выдумки или толкования как некий божественный закон и санкционировать их церковными законоустановлениями как якобы совершенно необходимые для христианского вероисповедания, хотя о них в божественном слове либо вообще ничего не сказано, а если сказано, то по крайней мере не столь императивно? Тот, кто требует для церковной общины того, что Христос не требует для жизни вечной, тот, быть может, учреждает сообщество, вполне отвечающее его убеждени-

ям и пользе, но как назвать Христовой церковь, если она зиждется на чуждых ей основаниях и из нее исключаются те, кого Христос когда-нибудь примет в царствие небесное? Но поскольку здесь не место выяснять отличительные черты истинной церкви, то тем, кто с таким ожесточением дерется за догматы своей веры и непрерывно кричит только о церкви, с таким же шумом, а быть может, и с теми же побуждениями, как некогда эфесские ремесленники о своей Диане (Деян. 19)³, я бы хотел напомнить лишь одно: множество мест в Евангелии свидетельствует, что истинные ученики Христа должны и быть готовыми, и способными переносить притеснения, но я не помню, чтобы мне приходилось читать где-нибудь в Новом завете, что истинная церковь Христова должна преследовать или подвергать гонениям других, или силою, огнем и мечом заставлять их принять свою веру и учение.

Цель религиозного сообщества, как было сказано, есть совместное почитание бога и обретение благодаря этому жизни вечной. А посему именно этим должно ограничиться все учение, в этих пределах должны действовать церковные законы. Никогда в этом обществе не идет и не может идти речь о благах гражданских, о владении земными благами; здесь никогда, ни по какой причине не должно применяться насилие, целиком относящееся к компетенции гражданского правителя, равно как подлежит его власти владение внешними благами и пользование ими.

Ты скажешь: какая же санкция обеспечит действенность церковных законов, если не должно быть никакого принуждения? Отвечаю: конечно же та, которая подобает вещам, формальное исповедание и почитание которых совершенно бесполезны, если не запали они глубоко в душу, если не обрели в ней полного согласия совести, а это значит, что уговоры, проповедь, наставления, поучения — вот то оружие, которое должно удерживать членов этого сообщества в пределах их долга. Если же эти средства не могут исправить провинившихся и вернуть заблудших на путь истины, не остается ничего другого, кроме отлучения от общества и изгнания тех, кто упорствует и сопротивляется и не дает уже никакой надежды на исправление. Это высшее и крайнее проявление насилия церковной власти, не знающей никакого иного наказания, кроме этого, когда, подобно отсеченному члену, утратившему связь с телом, осужденный перестает быть частью данной церкви.

Установив это, рассмотрим далее, каковы обязанности каждого в отношении веротерпимости. Я утверждаю, во-первых, что никакая церковь не обязана на основании принципа веротерпимости сохранять в своем лоне того, кто, несмотря на увещания, упорно нарушает установленные данным сообществом законы; ибо если кому-либо будет позволено безнаказанно попираť их, то сообщество погибнет, потому что они являются и условием его объединения, и единственной его скрепой. Однако же не следует допускать, чтобы постановление об отлучении сопровождалось оскорбительными словами или насильственными действиями, которые каким-то образом могли бы нанести ущерб или самому отлученному, или его имуществу. Ведь, как было сказано, всякое применение силы принадлежит только правителю и не дано ни одному частному лицу, за исключением тех случаев, когда необходимо защититься от насилия. Отлучение не лишает и не может лишить отлученного ни одного из гражданских благ, которыми обладал он как частный собственник, ибо все они принадлежат его гражданскому статусу и находятся под защитой правителя. Сила отлучения сводится единственно к тому, что по объявлению воли сообщества распадается единение тела и какого-то его члена, а с прекращением этого отношения неизбежно прекращается и единение в некоторых вещах, которые сообщество предоставляет своим членам и на которые не распространяется гражданское право. Например, не наносится никакого гражданского оскорбления отлученному, если церковный служка обносит его во время службы господней вечери хлебом и вином, купленным не на его, а на чужие деньги.

Во-вторых, ни одно частное лицо не должно каким бы то ни было образом покушаться на гражданские блага другого или наносить им ущерб на том основании, что тот отказался от его религии и обрядов. Все человеческие и гражданские права такого человека должны свято соблюдаться, ибо они не имеют отношения к религии: будь он христианином или язычником, никакого насилия и беззакония быть не должно. А меру права должен превзойти долг доброжелательства и человеколюбия. Это повелевает Евангелие, в этом убеждают разум и установленный самой природою союз всего человечества. Если кто-то отступил от правого пути, то это несчастье только для него самого, для тебя же здесь нет никакого вреда; и следовательно, он не должен терпеть от тебя оскорблений, лишаться благ

в этой жизни на том основании, что ты веришь в его погибель в жизни будущей.

То, что я сказал о взаимной терпимости частных лиц, расходящихся друг с другом в вопросах религии, я хочу сказать и об отдельных церквях, которые по отношению друг к другу являются своего рода частными лицами и ни одна не обладает каким-либо правом по отношению к другой, даже в том случае, если гражданский правитель принадлежит к этой, а не к другой церкви. Ведь государство не может предоставить церкви никакого нового права, равно как и, наоборот, церковь — государству, потому что церковь независимо от того, вступит ли в нее правитель или покинет ее, остается всегда тем же, что и раньше: свободным и добровольным сообществом; и не обретает со вступлением в нее правителя насильственной власти, и не теряет с его уходом прежней своей прерогативы — поучать и отлучать. Для свободного сообщества всегда останется неизменным право иметь возможность удалять тех из своих членов, кого оно сочтет нужным, но оно не приобретает со вступлением в него кого бы то ни было никакой юрисдикции над тем, кто не входит в него. А поэтому между различными церквями, как и между отдельными людьми, всегда и в равной мере должны уважаться мир, равенство и дружба без какого-либо правового преимущества.

Чтобы пояснить это на примере, допустим, что в Константинополе существуют две церкви: ремонстрантов⁴ и антиремонстрантов. Может ли кто-нибудь сказать, что одна из них имеет право лишать свободы или имущества, наказывать изгнанием или смертью других, не согласных с нею, за то, что они придерживаются другого учения и других обрядов, как мы это видим в других местах? А Турок бы тем временем молча посмеивался, глядя, как жестоко и безжалостно христиане терзают друг друга. Если же одна из этих церквей обладает властью жестоко преследовать другую, то я спрашиваю, какая же из двух и по какому праву? Конечно, мне ответят, что ортодоксальная — против заблуждающейся, т. е. еретической. Но ведь эти высокие и красивые слова, собственно, ничего не говорят. Любая церковь для себя ортодоксальная, для других — заблуждающаяся, или еретическая, потому что каждая верит в то, что считает истинным, а противоположные взгляды осуждает как заблуждение. Таким образом, в споре об истинности догматов, о верности обрядов обе церкви имеют равные основания, и судья не может вынести о нем никакого приговора, да и нет такого судьи ни

в Константинополе, ни вообще на земле. Решение принадлежит единственно одному верховному судие, вершащему суд над всеми людьми, и только он может порицать заблудшего. А тем временем пусть поразмыслят, насколько тяжелее грех тех, кто к своему если не заблуждению, то уж во всяком случае высокомерию присоединяет еще и беззаконие, бездумно и нагло терзая рабов чужого хозяина, на которых он не имеет никакого права.

Даже если бы можно было твердо сказать, какая из враждующих церквей права в своих религиозных воззрениях, то и это бы не дало ортодоксальной церкви власти грабить другие церкви, ибо у церкви нет никаких прав по отношению к земным вещам, и ни огонь, ни меч не являются самыми подходящими орудиями для изобличения заблуждений и для просвещения или обращения людских умов. Представь, однако, что одной из сторон благоволит гражданский правитель и готов предложить ей свой меч, дабы она с его одобрения могла свободно преследовать инаковерующих. Разве кто-нибудь скажет, что христианская церковь может получить от турецкого султана какое-то право против братьев своих? Неверный, который не может своей властью наказывать христиан за догматы веры, тем более не может предоставить какому-либо христианскому сообществу такие власть и право, которых он сам не имеет. Представь, что так же обстоит дело и в христианском королевстве. Гражданская власть повсюду остается сама собой и не может предоставить церкви большей власти при христианском государе, чем при языческом, т. е. никакой. Кстати, вот что весьма любопытно: эти отважные служители истины, сокрушители заблуждений, не терпящие раскола, почти никогда не проявляют это свое религиозное рвение, которым они так пылко горят всем своим существом, за исключением тех случаев, когда им благоволит гражданский правитель. Стоит только стать им сильнее благодаря благосклонности к ним правителя и его помощи, тотчас же мир нарушается и исчезает христианское человеколюбие, если же такой поддержки нет — приходится уважать взаимную терпимость. Когда без поддержки гражданской власти они чувствуют себя слабее, они могут терпеливо и безронотно переносить заразу идолопоклонства, суеверия, ереси, которую в других случаях считают опасной и для себя, и для своей религии, и неохотно, без всякого энтузиазма принимаются за изобличение заблуждений, разделяемых правителем и двором; а ведь единственно верный способ распространения исти-

ны — соединение веских доводов и доказательств с человечностью и доброжелательством.

Следовательно, ни один человек, ни одна церковь, ни даже государство не могут обладать каким-либо правом покушаться на гражданские блага друг друга и отнимать друг у друга собственность по религиозным соображениям. Кто не согласен с этим, пусть задумается над тем, какой повод для бесконечных споров и войн дают они тем самым человечеству, какой огромный стимул для грабежа, убийств и вечной ненависти; ибо никогда безопасность и мир, а тем более дружба между людьми не смогут быть прочными или просто существовать, если возобладает убеждение, что господство может основываться на милости, а религия должна распространяться силой оружия⁵.

В-третьих, рассмотрим, какие требования предъявляет долг веротерпимости к тем, кто, как они любят говорить, в силу неких своих особых церковных функций отличен от остальных прихожан и от мирской толпы, будь то епископы, священники, пресвитеры, служки и прочие, как бы они ни назывались. Здесь не место выяснять происхождение духовной власти или авторитета; но я все же хочу сказать следующее: каково бы ни было происхождение этой власти, поскольку она церковная, она и должна быть ограничена пределами церкви и никоим образом не может распространяться на дела гражданские, поскольку сама церковь полностью и совершенно отделена от государства и гражданских дел. Пределы и для той, и для другого твердо установлены и нерушимы. Смешивать два этих совершенно различных по своему происхождению, цели и предмету сообщества — все равно что смешивать столь несовместимейшие вещи, как небо и земля. А посему никто, каким бы духовным саном ни был он облечен, не может по религиозным причинам карать лишением жизни, свободы или какой-либо части материальных благ кого бы то ни было, кто не принадлежит к его церкви и не разделяет его веру. Ведь то, что не дозволено церкви в целом, не может быть дозволено по церковному праву и ни одному ее члену в отдельности.

Для лиц духовных недостаточно воздерживаться от насилия, грабежа и всяческих притеснений; тот, кто объявляет себя наследником апостолов и берет на себя бремя поучения, обязан тем самым наставлять учеников своих о долге миролюбия и доброй воли ко всем людям, как заблудшим, так и православным, как разделяющим его верования, так и чуждым его вере и обрядам, и призывать

к человеколюбию, кротости, терпимости всех — и частных лиц, и правителей государства, если таковые окажутся принадлежащими к его церкви, убеждать их сдерживать и смягчать свое отвращение и пылкое негодование по отношению к инаковерующим, зажженное в душе либо собственным необузданным рвением в защиту своей религии и секты, либо чьей-то хитростью. Я не стану говорить о том, сколь прекрасные и великие плоды обретут и церковь и государство, если с амвонов будет звучать проповедь мира и терпимости, дабы не показаться слишком резким по отношению к тем, чье достоинство мне не хотелось бы видеть униженным никем, даже ими самими. Однако я утверждаю, что именно так и должно это быть, и если кто, объявляя себя слугою слова божия и глашатаем Евангелия мира, учит иному, тот или не понимает возложенного на него дела, или пренебрегает им, за что и дает в свое время ответ государю мира. Коли уж христианам должно воздерживаться от мщения и прощать до семидесяти седмиц, когда их снова и снова вынуждают терпеть обиду, насколько же сильнее должны умерять в себе всяческий гнев и воздерживаться от злобного насилия те, кто не претерпел от другого никакого зла, и как всеми силами должны стремиться не оскорбить как-нибудь тех, от кого они не испытывали ни в чем никакой обиды; в особенности же не замысливать никакого зла против тех, кто занят только своим делом и озабочен единственно тем, чтобы почитать бога таким образом, какой, по его убеждению, будет наиболее угоден самому богу, что бы об этом ни думали другие, и исповедует ту религию, которая дает ему наибольшую надежду на вечное спасение! Когда речь идет о домашних делах и имуществе или о телесном здоровье, каждому дано право решать, что ему делать в собственных интересах, и выбирать то, что он сочтет наилучшим; никто же не жалуется на своего соседа за то, что он плохо распоряжается своим имуществом; никто не сердится на того, кто неправильно засекает поле или неудачно выдает дочь замуж; никто не стыдит пропивающего деньги в кабаках; пусть разрушает или строит, пусть тратит деньги как хочет — никто не скажет ни слова; это позволено. Ну а если кто не посещает общественный храм, если не кладет там поклонения по установленному ритуалу, если не отдает детей для посвящения в таинства той или иной церкви, тогда начинаются разговоры, поднимается шум, слышатся обвинения, каждый готов мстить за такое преступление, и фанатики едва удерживаются от насилия и грабежа, когда влекут

человека на суд, когда приговор судьи обрекает его тело на темницу или на казнь, а имущество — на распродажу с молотка. Пусть церковные проповедники любой секты изобличают чужие заблуждения со всей доступной им силой аргументации и ведут с ними бой, но пусть щадят самих людей. Если же не хватает им убедительных аргументов, пусть не прибегают они к средствам, не соответствующим их положению, заимствованным из другой области, неприличным для лиц духовных; пусть не берут в помощь своему красноречию и учености фасции и топоры из рук правителя, дабы их рвение, безмерно разгорающееся от огня и меча, не выдало бы того, что, провозглашая свою любовь к истине, они на деле мечтают о господстве. Ибо нелегко убедить разумных людей в своем пылом и искреннем желании спасти в жизни будущей брата своего от геенны огненной тому, кто безжалостно и с готовностью отдает его в этой жизни палачу для сожжения.

В-четвертых, следует, наконец, рассмотреть, какова роль правителя в деле веротерпимости. А она, бесспорно, очень велика.

Выше мы доказали, что к компетенции правителя не принадлежит, если так можно выразиться, «авторитативная» забота о душе, т. е. та, которая осуществляется силою законов, повелевающих и принуждающих угрозой наказания. Что же касается заботы «харитативной», т. е. проявляющейся в убеждении, поучении, наставлении, то в этом праве нельзя отказать никому. Следовательно, каждому принадлежит забота о собственной душе, сам он, и только сам, должен заботиться о ней. Ты скажешь: а что, если он пренебрегает заботой о своей душе? Отвечаю: а что, если пренебрегает он заботой о своем здоровье? Или — о своем имуществе? Ведь последнее скорее относится к компетенции правителя. Может быть, правитель еще и специальным эдиктом запретит стать бедным или больным? Законы пытаются, насколько возможно, оберегать имущество и здоровье подданных от чужого насилия или обмана, но не от беспечности владельца или от мотовства. Никого нельзя против его желания принудить быть богатым или здоровым. Тех, кто не хочет, не спасет и сам Господь бог. Представь, однако, что государь желает заставить своих подданных приобретать богатства и заботиться о своем здоровье: разве в таком случае будет установлено законом обращаться за советом только к римским врачам и каждый будет обязан жить только по их предписаниям? Неужели нельзя будет принимать никакого лекарства, кроме полу-

ченного из женеvской аптеки, никакой пищи, кроме приготовленной в Ватикане?⁶ Или, например, чтобы подданным жилось богато и роскошно, закон обяжет всех заниматься торговлей или музыкой? Или каждый сделается трактирщиком либо ремесленником, потому что некоторые благодаря этим занятиям прекрасно содержат свою семью и богатеют? Но ты скажешь: существуют тысячи способов добывать богатство, путь же к спасению только один. Это, конечно, звучит правильно, особенно в устах тех, кто хочет принудить к тому или иному пути, ибо, будь таких путей несколько, нельзя было бы даже найти и предлога для принуждения. Если я изо всех сил спешу в Иерусалим прямою дорогою, указанной мне священной географией, почему же я подвергаюсь побоям лишь за то, что иду не в котурнах либо оmyвшись и обрившись определенным образом, за то, что питаюсь в пути мясом или иной пищей, полезной моему желудку и здоровью, за то, что избегаю некоторых обходных путей, которые, как мне кажется, ведут либо в пропасть, либо в непроходимые дебри? Или за то, что из множества разных путей, ведущих в одном направлении, я выбираю тот, который представляется мне наименее извилистым и грязным? Или за то, что одни показались мне слишком нескромными, другие — слишком капризными для того, чтобы я охотно выбрал их себе в спутники? Или за то, что у меня есть в пути проводник, увенчанный митрой или облаченный в белую мантию, или нет его? Ведь, если задуматься серьезно, то именно к такого рода пустякам принадлежит большинство вещей, вызывающих столь ожесточенные распри среди братьев-христиан, согласных между собой в важнейших вопросах религии; тогда как ими вполне можно пренебречь или же принять их без всякого ущерба для религии и спасения души, если только отказаться от суеверия или лицемерия.

Но попробуем согласиться с фанатиками, осуждающими все чуждое их вере, в том, что при таких обстоятельствах возникают различные и в различных направлениях ведущие пути. Чего же в конце концов мы достигнем? Ведь в действительности только один-единственный из них ведет к спасению. Но среди тысяч путей, на которые вступают люди, трудно выбрать истинный; ни власть над государством, ни право издавать законы не открывают правителю более надежный путь, ведущий на небо, чем обыкновенному человеку — его убеждения. Тело мое немощно и измучено тяжелой болезнью. Предположим, что существует один-единственный и притом неведомый способ ее

лечения. Так, значит, правитель должен предписать лекарство именно потому, что оно — одно-единственное, а среди множества различных — неизвестное? И только потому, что остается единственное средство, с помощью которого я мог бы избежать смерти, будет надежным такое, принять которое повелевает мне правитель? То, что каждый должен найти усилиями собственного ума, суждения, размышления, самостоятельной мыслью, не следует отдавать на попечение какому-то одному человеку, как будто он обладает такой привилегией в силу своего положения. Государи от рождения обладают большей властью, чем прочие, но по природе они равны остальным смертным, и ни право, ни опыт властвования не влекут за собой бесспорного знания всего остального, а тем более — истинной религии. Ведь если бы это было так, то почему бы земным владыкам придерживаться столь противоположных взглядов по религиозным вопросам? Но предположим как вероятное, что государю путь к вечному спасению известен лучше, чем его подданным, или по крайней мере для них спокойнее и удобнее в столь неясном и сложном деле повиноваться его указаниям. Ты скажешь: а если бы он приказал тебе добывать средства к существованию торговлей, отказался бы ты сделать это, не будучи уверенным, что именно этим путем ты добьешься выгоды? Отвечаю: торговцем по приказанию государя я бы стал; ведь коли дела мои пойдут плохо, он в состоянии щедро компенсировать мне иным путем потерянное в результате торговли, а если захочет избавить меня от голода и бедности, как он это обещает, то легко сможет сделать это, если все имущество мое погубит злой жребий несчастливой торговли. Но это невозможно, когда дело идет о жизни будущей. Если здесь я неудачно помещу свои средства, если здесь я однажды обманусь в надеждах, правитель никоим образом не сможет возместить мне потерю, облегчить несчастье, восстановить мое положение хотя бы частично, а тем более полностью. Какое поручительство можно дать в обеспечение царствия небесного? Ты, может быть, скажешь: не гражданскому правителю, а церкви предоставляем мы высказывать окончательное суждение о делах веры и ему все должны следовать. Гражданский правитель требует от всех соблюдения того, что определила церковь, и властью своей не позволяет кому-либо в религиозных делах действовать или верить иначе, чем учит церковь; так что решение всегда в руках церкви, правитель же и сам являясь собой пример повиновения, и требует повиновения от дру-

гих. Отвечаю: кто не знает, что уважаемое во времена апостолов имя церкви в последующие века нередко использовалось как прикрытие для создания видимости? Во всяком случае здесь оно ничем не может помочь мне. Я повторяю, что эта единственная и узкая тропинка, ведущая на небо, известна правителю не больше, чем обычным людям, а поэтому я не могу спокойно следовать за проводником, который может, так же как и я, не знать дороги и уж во всяком случае меньше озабочен моим спасением, чем я сам. Среди множества царей еврейского народа мало ли было таких, следуя за которыми израильтянин не отклонился бы от истинного почитания Господа и не впал бы в идолопоклонство, в слепом повиновении своем обрекая себя на верную погибель? Ты же, наоборот, призываешь меня к спокойствию, говоришь, что все благополучно, ибо правитель предлагает народу соблюдать в религиозных делах не свои установления, а церковные, укрепляя их санкцией государства. Но я тебя спрашиваю, установления какой церкви? Естественно, той, которая угодна государю. Как будто бы не навязывает свое суждение о религии тот, кто угрозой применения закона, наказания, насилия заставлял меня вступить в ту или иную церковь! Какая разница, сам ли он ведет меня или приказывает вести другим? Я одинаково завишу от его воли, и в том и в другом случае он в равной мере решает вопрос о моем спасении. Чем отличаюсь я здесь от иудея, который по указу царя начинает поклоняться Ваалу⁷, так как ему было сказано, что царь своей волей ничего не решает в делах религии, ничего не навязывает подданным в религиозном культе, кроме одобренного и признанного божественным на совете священников жрецами этой религии? Если религия, проповедуемая какой-либо церковью, потому истинна, потому спасительна, что ее восхваляют, прославляют и изо всех сил поддерживают своими голосами главы, священники, служители этой секты, тогда какая же религия будет ошибочной, ложной, губительной? Я сомневаюсь в вероучении социниан⁸, у меня не вызывают доверия обряды папистов или лютеран, так неужели для меня вступление в ту или иную церковь по приказанию правителя будет безопаснее только потому, что тот ничего не приказывает, ничего не санкционирует в делах религии, кроме того, что освящено авторитетным решением учителей этой церкви? Впрочем, по правде говоря, большей частью легче приспособливается церковь ко двору, чем двор к церкви, если только можно назвать церковью совет церковников, пишущих постанов-

ления. Прекрасно известно, какова была церковь при правоверном государе и какова была она же при государе-арианине⁹. Но если это слишком отдалено от нас, то история Англии дает нам более свежие примеры того, как ловко, как проворно церковники при Генрихе, Эдуарде, Марии, Елизавете приспособливали свои установления, символы веры, обрядность, да и вообще все, к воле государя: ведь эти государи в делах религии придерживались столь противоположных взглядов, издавали столь противоположные указы, что ни один человек, если он не безумец, и чуть было не сказал — безбожник, не осмелился бы утверждать, что какой-нибудь порядочный человек, чтящий истинного Господа, смог бы с чистой совестью, не оскорбляя бога нечестием, подчиниться всем их решениям по делам религии¹⁰. Нужны ли еще слова? Нет никакой разницы, захочет ли царь навязать чужой религии законы по собственной воле или же подчиняясь авторитету церкви и мнению других. Суждение церковников, чьи разногласия и раздоры слишком хорошо известны, отнюдь не более здраво, не более бесспорно, и их голоса, каким бы путем они ни были собраны, не могут прибавить никакой силы государственной власти. Впрочем, любопытно заметить: государи обычно не придают никакого значения голосам церковников, не поддерживающих их веру и обряды.

Но вот что самое главное и что окончательно решает проблему. Даже когда взгляды правителя на религию предпочтительны и путь, на который он повелевает мне вступить, истинно евангельский, если душою я все-таки не убежден в этом, он не станет для меня спасительным. Никакой путь, на который вступлю я против своей совести, никогда не приведет меня к блаженству. Я могу разбогатеть способом, который мне противен, я могу исцелиться с помощью лекарств, в которые я не верю, но я не могу спастись с помощью религии, в которую я не верую, через обряды, которые я отвергаю. Неверующий напрасно пытается перенять внешние формы, ибо для того, чтобы быть угодным богу, нужны вера и искренняя внутренняя убежденность. Сколь бы ни было прекрасно лекарство, сколь бы ни хвалили его другие, напрасно давать его, если желудок сразу же извергнет его, да и не следует насильно вливать лекарство, которое в силу идиосинкразии обернется ядом. Сколько бы ни возникало сомнений относительно религии, одно во всяком случае бесспорно: никакая религия, в истинность которой я не верю, не может быть для меня ни истинной, ни полезной. А поэтому напрасно правитель

ради спасения души своих подданных вынуждает их принять его религию; если они верят, то сами обратятся к ней, если же не верят, то, даже приняв ее, они тем не менее обречены на гибель. Сколько угодно можешь заявлять, что ты желаешь добра ближнему, сколько угодно можешь печься о его спасении, но человека нельзя принудить силой к спасению; в конце концов его нужно предоставить ему самому и его совести.

Итак, наконец, перед нами люди, свободные в делах религии от подчинения чужому господству. Что же станут они делать? Все знают и все согласны, что бога должно почитать сообща. Так зачем же нас еще и побуждать к публичным сближениям? Люди, получившие такую свободу, испытывают потребность вступить в церковное сообщество, чтобы собираться вместе не только для взаимного созидания, но еще и для того, чтобы всенародно засвидетельствовать, что они чтут бога, что оказывают божеству именно такие почести, за которые им самим не стыдно и которые, как они верят, достойны бога и приятны ему, для того, наконец, чтобы чистотой учения, святостью жизни, скромностью и достоинством обрядов вызвать у других любовь к религии и истине и совершать все, что не может быть осуществлено каждым в отдельности.

Такие религиозные сообщества я называю церквями, к которым правитель должен проявлять терпимость, потому что народ, собравшийся на такого рода собрания, делает то же самое, на что имеет неотъемлемое право каждый в отдельности, т. е. заботится о спасении души, и здесь не существует никакого различия между придворной церковью и другими, отличными от нее.

Но так как во всякой церкви особенное внимание привлекают две ее стороны: внешний культ, или ритуал, и догматы, то и о том и о другом следует сказать отдельно, чтобы весь вопрос о веротерпимости стал более ясным.

1. Правитель не может ни в своей, ни тем более в чужой церкви санкционировать государственным законом совершение каких-либо обрядов или церемоний при поклонении богу, и не только потому, что эти сообщества свободны, но и потому, что все преподносимое при поклонении богу оправданно лишь постольку, поскольку, по убеждению исполняющих обряд, будет угодно ему. А все, что совершается без такой веры, и непозволительно, и неудобно богу. Было бы противоречием приказывать тому, кто обладает свободой религии, чья цель — угождать богу, самим исполнением культового обряда не быть угод-

ным богу. Ты скажешь: уж не станешь ли ты таким образом отрицать признаваемую всеми власть правителя над безразличными вещами¹¹; ведь если его лишить такой власти, то вообще исчезнет всякая возможность законодательства? Отвечаю: я согласен, что именно безразличные вещи, и, пожалуй, только они одни, подлежат власти законодателя.

1. Однако отсюда не следует, что правителю позволено выносить любое решение о любой безразличной вещи. Мерой и нормой законодательной деятельности служит общественная польза. Если что-то окажется вредным для государства, сколь бы ни была эта вещь по природе безразличной, она не может быть санкционирована законом.

2. Вещи, сколь угодно безразличные по своей природе, оказываются за пределами юрисдикции правителя, когда они переходят к церкви и становятся частью религиозного культа, ибо в таком употреблении они не имеют никакой связи с гражданской областью. Там, где дело идет лишь о спасении души, ни соседа, ни государства не касается, тот или этот обряд будет исполняться. Соблюдение или несоблюдение определенных церемоний в церковных собраниях не наносит, да и не может нанести, вреда жизни, свободе, достоинству других. Например, омовение только что рожденного младенца водой — вещь по своей природе безразличная. Допустим даже, правителю позволено установить законом такой порядок, но при уверенности, что такого рода омовение полезно для лечения или предупреждения болезни, которой подвержены младенцы, и при убеждении, что это очень важно и потому должно быть предусмотрено в законе. А раз так, заметит кто-нибудь, правитель с равным правом может издать закон о том, чтобы священник купал младенцев в святой воде, дабы очистить их душу, или совершал над ними какие-нибудь другие обряды? Но кто же не понимает с первого взгляда, что это совершенно разные вещи? Представь, что речь идет о сыне иудея, и дело станет ясным само собой. Ведь христианский правитель может иметь среди своих подданных и иудеев. Признавая, что не должно наносить иудею обиду в вещи, по своей природе безразличной, и принуждать его совершать в религиозном культе то, что противно его убеждению, ты считаешь, что такую обиду следует наносить христианину?

3. Вещи, безразличные по своей природе, не могут становиться частью религиозного культа по желанию и воле человека именно в силу того, что они безразличны. Ведь

коль скоро безразличные вещи не обладают от природы качествами, делающими их пригодными для умиловления божества, то никакое человеческое могущество и никакая власть не способны придать им такие качества и достоинства, чтобы они могли стать угодными богу. В повседневной жизни допустимо свободное использование безразличных по своей природе вещей, если только бог не наложит запрета, и поэтому здесь могут иметь место человеческая воля и власть, но в делах религиозного культа такой свободы нет. В религиозном культе безразличные вещи допустимы лишь постольку, поскольку они установлены богом, и бог своею волей придал им качество, позволяющее стать частью культа, который он в своем божественном величии удостоит одобрения и примет и от малых сих, и от грешников. И на гневный вопрос Господа: «Кто этого потребовал?» — недостаточно будет ответить, что «так приказал правитель!». Если гражданская юрисдикция будет распространяться столь далеко, что же тогда останется в религии недозволенным? С каким смещением обрядов, с какими новыми суевериями, но поддержанными авторитетом правителя, даже вопреки своей совести придется смириться чтущим бога, если все это в своем большинстве состоит в использовании с ритуальными целями вещей, по своей природе безразличных, и единственным недостатком которых является то, что они не установлены богом? Окропление водой, употребление хлеба и вина — все это суть вещи по своей природе и в повседневном употреблении совершенно безразличные. Так могли ли они войти в сакральное употребление и стать частью религиозного культа без божественного на то соизволения? Если бы это могла сделать какая-нибудь человеческая, т. е. гражданская, власть, то почему бы она не могла также приказать как часть божественного культа есть рыбу и пить пиво на святой трапезе, окроплять храм кровью зарезанных животных, совершать очищение водою и огнем и бесконечное множество других подобных вещей, которые, сколь бы они ни были безразличны вне религии, оказавшись включенными без божественного соизволения в сакральные обряды, так же ненавистны богу, как и заклятие собаки. Действительно, чем, собственно, отличаются друг от друга собака и козел в сравнении с божественной природой, бесконечно и равно далекой от родства со всякой материей, кроме того, что один род животных угоден богу в обрядах его культа, а другой не угоден. Ты видишь, таким образом, что безразличные вещи, сколь бы они ни за-

висели от гражданской власти, не могут тем не менее на этом основании быть включены в сакральную обрядность и навязаны религиозным собраниям, ибо в религиозном культе они тотчас же перестают быть безразличными. Тот, кто чтит бога, чтит его с тем, чтобы быть ему угодным и сделать его милостивым к себе. Чего, однако, не может сделать тот, кто, уступая чужому повелению, преподносит богу то, что, по его убеждению, не будет приятным ему, ибо он не требовал этого. Это значило бы не умиловать бога, но совершенно сознательно оскорблять его явной дерзостью, несовместимой с самой сущностью культа.

Ты скажешь: если бы в религиозном культе ничего не значила человеческая воля, то каким же образом церковь получила бы власть устанавливать что-то относительно места, времени и т. п.? Отвечаю: в религиозном культе следует различать его органические части и внешние его обстоятельства. Часть — это то, что считается нужным и угодным богу, а потому необходимым. Обстоятельства хотя вообще-то не могут быть отняты у культа, однако точный их вид не определяется, и поэтому они являются безразличными: таковы место и время, одежда молящегося и положение тела, поскольку на этот счет не выражено никакой божественной воли. Но, например, время, место и одевание молящихся у иудеев являлись не чистыми обстоятельствами, а существенной частью культа, и если случались какие-то упущения или изменения, то нельзя было ожидать, что молитвы будут приятны и угодны богу, тогда как для христиан, которым Евангелие предоставляет свободу, все это относится к чистым обстоятельствам культа, которые каждая церковь может по собственному разумению ввести в обычай, если она считает, что тем или иным образом, благодаря тому или иному порядку и убранству лучше всего достигаются цели богослужения; для тех же, кто верит по Евангелию, что день господень предназначен богом для почитания его, время является не обстоятельством, а частью религиозного культа, которая не может ни изменяться, ни оставаться в небрежении.

II. Правитель не может запретить религиозным собраниям любой церкви совершать принятые в ней обряды и культовые церемонии, ибо тем самым он уничтожил бы и самую церковь, цель которой состоит в свободном почитании бога по принятому в ней обычаю. Ты скажешь: а что, если они вдруг захотят принести в жертву младенца или, в чем клеветнически обвиняли христиан, вздумают предаться свальному греху, так неужели же все это и тому

подобное правитель должен терпеть только из-за того, что это происходит на церковном сходе? Отвечаю: подобные вещи недопустимы ни в частной, ни в общественной жизни, а посему недопустимы также и в религиозном собрании и культе. Если же они захотят принести в жертву теленка, то я полагаю, что это не должно быть запрещено законом. Мелибей¹², будучи хозяином собственного скота, может у себя дома заколоть своего теленка, может любую его часть сжечь на огне — это никому не наносит обиды, ничего не отнимает от чужой собственности; следовательно, точно так же и в религиозном культе можно зарезать теленка, а угодно ли это богу, им самим виднее; дело же правителя — заботиться, чтобы государство не потерпело какого-либо ущерба, чтобы не было нанесено вреда жизни или имуществу другого человека; так что дозволенное на пиру позволено и для богослужения. Если же, например, сложится такое положение, когда интересы государства потребуют не забивать скот, чтобы восстановить стада, уничтоженные какой-то эпидемией, то кому же не ясно, что в этом случае правитель имеет право запретить всем подданным убийство телят, с какой бы целью оно ни предпринималось. Но в этом случае издается закон не религиозный, а политический и запрещается не принесение в жертву теленка, а его убой. Теперь ты видишь, в чем состоит различие между церковью и государством. То, что позволено в государстве, не может быть запрещено правителем для церкви; и то, что разрешено подданным в повседневной жизни, никоим образом не может и не должно быть запрещено законом церковному собранию или священнослужителям той или иной секты, желающим использовать это в сакральных целях. Если кому-то разрешается у себя дома свободно есть хлеб и пить вино, лежа или сидя, то государственный закон не должен запрещать совершение того же самого и в ритуале, даже если употребление там вина и хлеба происходит совсем иначе и в церкви обретает культовый характер и мистический смысл. Все, что само по себе вредно для государства в повседневной жизни и запрещено законами, ставящими своей целью общее благо, не может быть позволено и церкви для сакрального употребления и не может оставаться безнаказанным. Однако же более всего правители должны избегать злоупотребления понятием государственной пользы, привлекая его как предлог для подавления свободы какой-нибудь церкви; наоборот, все, что позволено в обычной жизни и вне религиозного культа, не может

быть запрещено гражданским законом в религиозном культе и в местах, где он совершается.

Ты скажешь: а что, если какая-то церковь оказывается идолопоклоннической? И в этом случае правитель должен терпеть ее? Отвечаю: а можно ли предоставить правителю какое-нибудь право подавлять языческую церковь, которое бы в свое время и в соответствующем месте не обратилось бы и против ортодоксальной? Ибо не следует забывать, что гражданская власть везде одинакова и для каждого правителя его церковь ортодоксальна. Поэтому, если бы в делах религии гражданскому правителю была бы предоставлена власть, подобная той, которая в Женеве кровавым насилием стремится искоренить религию, почитаемую ею за ложную или языческую¹³, то очень скоро он с таким же правом обрушится на ортодоксальную, а в Индии — на христианскую. Гражданская власть либо может изменить все в религии согласно со взглядами государя, либо не может изменить ничего. Если будет позволено что-то вводить в религии силою закона, принуждением, страхом наказания, напрасно тогда искать меру: с помощью того же оружия будет позволено все подводить под ту мерку истины, которую сам правитель сотворит себе. Ни один человек не должен за свои религиозные взгляды лишаться своих земных благ, и американцы¹⁴, оказавшиеся подданными христианского государя, не должны лишаться жизни или имущества за то, что они не принимают христианской религии. Если они верят, что, исполняя отчие обряды, они будут угодны богу и обретут спасение, то следует предоставить их самим себе и их богу. Я изложу этот вопрос с самого начала. В языческую страну прибывает маленькая и бессильная горстка христиан, не имеющая ничего; чужестранцы просят у местных жителей, как люди у людей, что вполне естественно, помощи; им дают все необходимое, предоставляют место для поселения, оба племени сливаются в один народ. Христианская религия пускает корни, распространяется, но еще недостаточно сильна; уважаются мир, дружба, верность, сохраняются и равные права; наконец, христиане стали сильнее благодаря тому, что правитель принимает их сторону; и вот тогда-то попираются договоры, нарушаются права, с тем чтобы уничтожить идолопоклонство; ни в чем не провинившиеся против добрых нравов и гражданского закона добродушные и справедливейшие язычники должны лишиться жизни, имущества, дедовских земель, если не согласятся оставить древние свои обряды и перейти к чуждым им и незнако-

мым. Здесь, наконец, становится совершенно ясным, на что толкает церковный фанатизм, соединенный с жадной господства, и как удобно грабеж и честолюбие прикрываются религией и видимостью заботы о спасении души.

Если ты считаешь, что идолопоклонство где-то должно искореняться законами, страхом наказания, огнем и мечом, то «лишь имя стоит тебе изменить — не твоя ли история это?..»¹⁵ Ибо язычники в Америке лишаются своего имущества ничуть не с большими основаниями, чем в каком-нибудь европейском королевстве христиане, не согласные в чем-то с придворной церковью; ни тут ни там в одинаковой степени по религиозным причинам нельзя попирать или пересматривать право.

Ты скажешь: идолопоклонство есть грех, а потому не должно быть терпимо. Отвечаю: если бы ты сказал, что идолопоклонство есть грех, а поэтому его должно всеми силами избегать, ты бы был совершенно прав, но если — что это грех и поэтому оно должно быть наказано правителем, то ты был бы не прав, ибо не дело правителя наказывать по закону или обнажать меч против всего, что он считает грехом перед Господом. Жадность, нежелание помочь нуждающемуся, безделье и множество других такого же рода вещей суть, по всеобщему убеждению, грехи. Но кто и когда считал, что они должны караться правителем? Поскольку никакого ущерба чужим владениям не наносится, поскольку не нарушается общественное спокойствие, то даже там, где все это признается за грех, они не преследуются законом; о лжецах, мало того, об обманщиках законы повсюду молчат, за исключением некоторых определенных случаев, когда принимается во внимание не оскорбление божества, не омерзительность преступления, а неправомерные действия, направленные или против государства, или против ближнего. Ну а если, например, какому-нибудь государю, язычнику или магометанину, покажется, что христианская религия является ложной и не угодна богу, разве в таком случае на том же основании и с тем же правом не должны быть уничтожены и христиане?

Ты скажешь: по закону Моисееву¹⁶ идолопоклонники должны быть уничтожены. Это верно, но речь идет о законе Моисея, который никак не связывает христиан. Ведь и ты сам не приводишь в качестве примера всего, что установлено этим законом для иудеев, да и не будет для тебя никакой пользы упоминать это всем известное, но в данном случае совершенно бесполезное разделение на моральный, судебный и ритуальный законы. Ибо закон,

каким бы он ни был, не обязывает никого, кроме тех, для кого он установлен. «Слушай, Израиль...» достаточно ясно ограничивает действие закона Моисеева лишь этим народом. Одного этого было бы достаточно, чтобы возразить тем, кто хочет по закону Моисееву установить для язычников смертную казнь. Однако мне хочется несколько подробнее развить это доказательство.

В отношении идолопоклонников иудейское государство поступало двояко. В первом случае это были те, кто, будучи посвящены в таинства Моисеевой религии и получив гражданство этого государства, отказались от почитания бога Израиля. Они подлежали наказанию как предатели и мятежники по обвинению в государственной измене. Дело в том, что государство иудеев сильно отличалось от прочих государств, ибо основывалось на теократии и в нем никогда не было и не могло быть никакого различия между церковью и государством, как это существует после Христа. Законы о почитании единого и незримого божества были частью гражданского и политического управления, где сам бог являлся законодателем. Если ты можешь где-нибудь найти государство, основанное на тех же началах, я готов согласиться, что в таком государстве церковные законы становятся гражданскими, а меч правителя и может и должен отвращать всех подданных от чуждого культа и чуждых обрядов. Но Евангелие не является таким законом ни для одного христианского государства. Я признаю, что есть немало королевств и других государств, принявших христианскую веру и сохранивших без изменения былую форму государственного правления, о которой Христос в своем законе не говорит ничего. Он научил нас, какой верою, какими нравами каждый может обрести жизнь вечную, но он не создал никакого государства, не учредил никакой новой специальной формы гражданского правления для своего народа, ни одного правителя не вооружил мечом, дабы побуждать людей к той вере или к тому культу, которые дал он своим последователям, или отвращать их от установлений другой религии.

Во-вторых, чужестранцы и те, кто не был гражданином государства израильского, никогда не принуждались силой перейти в религию Моисееву; но в том же самом параграфе, который грозит идолопоклонникам смертью (Исх. 22, 20—21), говорится и о том, что закон запрещает кому бы то ни было угнетать и притеснять чужестранца. Я согласен, что семь племен, владевших землей, обещанной израильтянам, были обречены на полное уничтожение, как

и произошло, но не потому, что они были идолопоклонниками (ведь будь это так, почему же были пощажены моавитяне и другие народы, которые тоже были идолопоклонниками?), а потому, что бог еврейского народа являлся его царем и не мог потерпеть в своем царстве, т. е. в земле Ханаанской, поклонения другому божеству; ведь это было бы, собственно, преступлением против государства, а такого рода открытое отпадение от веры никоим образом не могло сосуществовать с властью Иеговы, имевшей в тех краях характер чисто политический. Поэтому из пределов государства должно было быть совершенно изгнано всякое идолопоклонство, которое вопреки законам власти признавало другого царя, так как признавало другого бога. Изгнаны должны были быть и жители, чтобы израильтянам достались во владение незанятые и нетронутые земли; именно на этом основании были изгнаны потомками Исава и Лота два народа — эмины и хорреи, а территория их по тому же праву была отдана богом захватчикам, в чем каждый сможет легко убедиться, прочитав вторую главу Второзакония¹⁷. Таким образом, хотя из пределов земли Ханаанской всякое идолопоклонство было изгнано, однако не все идолопоклонники были наказаны. Иисус [Навин], по договору, пощадил всю семью Раавы, целый народ гаваонитян. Пленные идолопоклонники жили всюду среди евреев. Даже за пределами земли обетованной, вплоть до Евфрата, все области были покорены Давидом и Соломоном и обращены в провинции. И из всей этой массы рабов, из всего множества народов, находившихся под властью евреев, никто никогда, как мы знаем из книг, не был наказан за идолопоклонство, в котором, конечно, их всех можно было обвинить, никто не был принужден силою и угрозой наказания перейти в религию Моисееву и чтить истинного бога. Если же какой-нибудь прозелит желал получить гражданство, то он одновременно принимал и законы государства израильского, т. е. его религию; но делал он это по собственной воле, а не вынужденный силою повелителя, он как бы сам просил себе привилегию, а не получал ее вопреки собственному желанию как свидетельство покорности. И как только становился он гражданином, он обязан был подчиняться законам государства, которые запрещали идолопоклонство в пределах земли Ханаанской. О других же землях и народах, живущих за этими пределами, в этом законе не говорилось ничего.

О внешнем культе сказано достаточно. Теперь следует сказать о вере. Среди догматов церкви одни имеют харак-

тер практический, другие — спекулятивный, и хотя те и другие имеют своей целью познание истины, однако вторые ограничиваются областью интеллектуально-мыслительной, первые же имеют отношение к воле и нравственности. Что касается спекулятивных догматов, или, как их называют, символов веры, не требующих ничего, кроме одной только веры, то гражданский закон никоим образом не может вводить их в какую-либо церковь: ибо к чему санкционировать законом то, что невозможно сделать даже при всем желании? Ведь от нашей воли не зависит поверить в истинность того или другого. Но об этом уже сказано достаточно. «Пусть он заявит, что верует!» Значит, нужно, чтобы он солгал богу и людям ради спасения своей души? Поистине великолепная религия! Если правитель хочет таким именно образом спасти души людские, то он, по-видимому, плохо понимает, в чем состоит путь к спасению; если же он делает это не ради их спасения, то почему символы веры столь беспокоят его, что он даже прибегает к силе закона?

Далее. Правитель не должен запрещать ни одной церкви исповедовать любые спекулятивные догматы и учить им, потому что они не имеют никакого отношения к гражданским правам его подданных.

Если какой-нибудь католик верит, будто то, что другой называет хлебом, в действительности является телом Христовым, он этим не причиняет никакого вреда своему ближнему. Если иудей не верит, что Новый завет есть слово божие, он тем самым не ниспровергает гражданских установлений. Если язычник не признает ни Старого, ни Нового завета, то это не значит, что он должен быть наказан как преступник. Верит во все это кто-нибудь или не верит — в любом случае ни власть правителя, ни имущество граждан не подвергаются никакой опасности. Я охотно соглашаюсь, что это ложные и нелепые взгляды, но законы заботятся лишь об обеспечении и сохранности имущества как каждого гражданина, так и всего государства, а не о том, истинны или нет чьи-либо воззрения. И совершенно не следует жалеть об этом. Для истины было бы хорошо, если бы иной раз ее предоставляли самой себе. Мало пользы принесло ей, да и никогда не принесет, господство власть имущих, которым истина всегда была невдома и неприятна. Правда не нуждается в силе, чтобы проложить путь к умам людей, и слово закона не может повлиять на нее. Помощь заемных и внешних сил нужна только царству заблуждений. Если же истина не может

привлечь к себе разум собственным светом, внешняя сила ей не поможет. Однако об этом достаточно. Теперь нам следует обратиться к догматам, имеющим практический характер.

Нравственность (*rectitudo morum*), составляющая немалую часть религии и подлинного благочестия, имеет также отношение и к гражданской жизни, и от нее зависят в равной мере и спасение души, и благо государства. Поэтому моральная сторона поступков относится к компетенции двух судов — внешнего и внутреннего — и подлежит власти как гражданского, так и домашнего владыки, т. е. государя и совести. Здесь, следовательно, может возникнуть опасность, как бы одно право не потеснило другое и не возникла бы тяжба между стражами мира и души. Но если правильно оценить все, что было сказано выше о границах власти того и другого, мы легко разрешим всю эту проблему.

Каждый смертный обладает бессмертной душой, которая обретает или вечное блаженство, или вечное страдание и спасение которой зависит от того, совершал ли человек в этой жизни должное и верил ли в то должное, что необходимо для умиловливания божества и предписано самим Господом. Отсюда, во-первых, следует: человек прежде всего обязан соблюдать именно эти требования и должен все свои усилия, все старания, все стремления направлять прежде всего на то, чтобы познать и исполнить их, ибо в нашей смертной природе нет ничего, что могло бы сравниться с бессмертием и вечностью души. Во-вторых, из сказанного следует, что коль скоро человек, следуя ложному культу, никак не нарушает право других людей, коль скоро он не наносит обиды другому за то, что тот не разделяет его правоверных религиозных взглядов, и его гибель не причиняет ущерба благополучию других, то забота о собственном спасении есть только дело каждого в отдельности. Я бы не хотел, чтобы мои слова были поняты так, будто я готов отказаться от всех милосердных увещаний и от стремления порицать заблуждения, что составляет важнейший долг христианина. Каждый имеет право сколько угодно наставлять и убеждать ради спасения ближнего, но необходимо исключить всякое насилие и принуждение, здесь ничего нельзя делать по приказу. Никто в этом деле не обязан повиноваться чужим наставлениям или авторитету в большей степени, чем ему самому представляется нужным. Собственное суждение о собственном спасении является для каждого высшим и оконча-

тельным судьей, а так как дело идет только о нем самом, то чужие интересы от этого пострадать никак не могут.

Кроме бессмертной души человеку в этом мире еще дана жизнь, быстротечная, неведомой продолжительности, для поддержания которой необходимы материальные средства, добываемые трудом и усердием или уже добытые. Ведь то, что необходимо для счастливой и спокойной жизни, не рождается само собой. Поэтому вторая забота у человека — об этом. А так как люди в большинстве своем бесстыдно предпочитают пользоваться тем, что добыто чужим трудом, вместо того, чтобы добывать своим собственным, человек вынужден объединяться с другими ради сохранения того, что добыто, т. е. богатства и всякого рода средств, и того, благодаря чему это добывается, т. е. свободы и телесного здоровья, дабы со взаимной помощью, объединенными усилиями обеспечить каждому спокойное владение как его частной собственностью всеми этими необходимыми для жизни вещами, предоставив в то же время каждому в отдельности заботу о своем вечном спасении, ибо ни достижение его не станет легче от усилий другого, ни утрата его не причинит ущерба ближнему, ни надежда на него не может быть отнята никакой силой. А так как люди, объединившиеся в государство и договорившиеся о взаимной защите того, что обеспечивает им жизнь, могут тем не менее лишиться своего имущества либо в результате грабежа и обмана, чинимого своими же согражданами, либо в результате нападения внешних врагов, то спасением от этого последнего зла является оружие, мощь и численность граждан, а от первого — законы; попечение же и управление всем этим поручены обществом правителям. Именно таков источник происхождения, такова цель установления, таковы границы законодательной власти, являющейся верховной в каждом государстве. Задачей ее, таким образом, является забота о частной собственности отдельных граждан, а тем самым о всем народе и о его общих интересах, о том, чтобы он процветал и рос в мире и богатстве и чтобы по возможности собственными силами мог защитить себя от иноземного вторжения.

Исходя из сказанного выше легко понять, какой целью руководствуется правитель в своей законодательной деятельности — только земным, т. е. мирским, общественным благом, которое в то же время является единственным основанием для организации общества, единственной целью создания государства. Не менее легко понять, с другой стороны, какова та свобода, которая остается для

частных граждан в делах, касающихся жизни будущей, а именно право каждого делать то, что, по его убеждению, угодно богу, от воли которого зависит его спасение. Ибо прежде всего должно повиноваться богу, а потом уже — законам. Но ты скажешь: а что, если правитель прикажет своим эдиктом делать то, что совести отдельного человека представляется непозволительным? Отвечаю: если государство будет управляться добросовестно и помыслы правителя будут действительно направлены на общее благо граждан, то подобное едва ли случится; ну а если все же случится, в таком случае я считаю, что каждый человек обязан воздержаться от действия, которое по велению его совести представляется ему недопустимым; но ему самому придется подвергнуться наказанию, которое не является незаконным. Ибо любое частное суждение о законе, принятом ради общественного блага и касающемся вопросов государственных, не уничтожает обязательной силы закона и не может быть терпимо. Если бы закон касался вещей, находящихся за пределами компетенции правителя, например принуждал бы народ или какую-нибудь часть его перейти в другую веру и принять чуждые обряды, то этим законом инакомыслящие не были бы связаны, поскольку политическое общество создается только ради обеспечения каждому частному лицу владения тем, что необходимо в этой жизни, и ни с какой иной целью; забота же о собственной душе и о царствии небесном, которая не имеет отношения к государству и не может подлежать его власти, есть личное дело каждого отдельного человека. Дело государства — попечение о жизни и обо всем, что к этой жизни относится, и обязанность правителя — сохранение собственности за ее владельцами. Следовательно, эти мирские вещи не могут по произволу правителя быть отняты у одних и переданы другим, и даже по закону не может произойти среди сограждан перераспределение их частной собственности на основании, не имеющем к этому никакого отношения, а именно из-за религиозных взглядов, которые, будь они истинные или ложные, не наносят остальным гражданам никакого ущерба в делах мирских, а только последние и входят в компетенцию государства.

Но ты скажешь: а что, если правитель убежден, что это на пользу общественному благу? Отвечаю: подобно тому как чье-либо частное суждение о законе, если оно окажется ложным, не освобождает того от обязательств, налагаемых законом, так и частное, если так можно сказать, суждение правителя не дает ему нового права издания законов

для своих подданных, которое не было и не могло быть предоставлено ему самим государственным устройством и уж тем более если правитель делает это, желая за счет других обогатить и наградить своих приспешников, принадлежащих к его секте. Ты спрашиваешь: а как быть, если правитель убежден, что его повеления вполне правомочны и полезны для государства, подданные же убеждены в противоположном? Кто будет им судьей? Отвечаю: один только бог, ибо между законодателем и народом нет судьи на земле. Повторяю: только бог в этом случае единственный судья, который на Страшном суде воздаст каждому по делам его, по тому, стремился ли он горячо, по чести и совести к общественному благу, к миру и благолепию. Ты скажешь: так что же делать? Отвечаю: первая забота должна быть о душе, и всеми силами нужно заботиться о мире, хотя и мало найдется таких, которые, видя опустошения, поверят, что это мир. Есть два способа решать спорные вопросы между людьми: или обращаясь к праву, или — к насилию; по своей природе они таковы, что там, где кончается одно, начинается другое. Рассматривать, как далеко простираются права правителя у различных народов, не входит в мою задачу; я знаю только, что обычно происходит, когда в споре нет судьи. Ты скажешь: значит, правитель будет поддерживать то, что сочтет для себя более полезным? Отвечаю: ты прав, но сейчас нас интересует мера справедливости деяний, а не мера успеха.

Чтобы перейти к более частным вопросам, я начну с того, что никакие догматы, враждебные и противные человеческому обществу и добрым нравам, необходимым для сохранения гражданского общества, не должны быть терпимы правителем. Но примеры такого рода в любой церкви редки: никакая секта не может дойти до такого безумия, чтобы проповедовать в качестве догматов своей религии принципы, очевидно подрывающие основания общества и потому осуждаемые всем родом человеческим, ибо это грозило бы ее же собственному благополучию, спокойствию и репутации.

Во-вторых, существует другое, более замаскированное, но и более опасное для государства зло, творимое теми, которые себе и приверженцам своей секты присваивают некое особое преимущество по отношению к гражданскому праву, прикрываемое для видимости соответствующей риторикой. Пожалуй, нигде не найдешь таких, которые грубо и открыто проповедают, что не нужно соблюдать

данного кому бы то ни было слова, что любая секта может низвергнуть государя с его трона, что власть должна принадлежать только им. Подобные вещи, высказанные столь обнаженно и откровенно, сразу бы возбудили гнев правителя и тотчас обратили бы взоры всего государства на это зло, пригревшееся у него на груди, заставив позаботиться о том, чтобы оно не распространилось дальше. Однако находятся такие, которые другими словами говорят то же самое. Ибо что иное имеют в виду те, кто утверждает, что не следует соблюдать честного слова, данного еретикам? Иными словами, они хотят получить привилегию нарушать вообще всякое честное слово, поскольку всех не принадлежащих к их сообществу объявляют еретиками или объявят таковыми, если им представится случай. А что означает требование лишать власти королей, отлученных от церкви? Конечно же намерение присвоить себе право лишать королей их власти, ибо право отлучать от церкви они хотят оставить только за своей иерархией¹⁸. Тезис «владение основано на милости божьей» в конце концов приведет к передаче любого владения защитникам этого тезиса, которые до такой степени самоуверенны, что не хотят даже ни доказывать, ни утверждать свое благочестие и свою правоту. Поэтому они и им подобные, которые требуют для людей верующих, религиозных, ортодоксальных, т. е. для самих себя, каких-то привилегий в сравнении с остальными смертными и влияния в делах государства, которые под предлогом религии присваивают себе некую власть над людьми, не принадлежащими к их церковному сообществу и никак с ним не связанными, не могут иметь никакого права на терпимость со стороны правителя, равно как и те, кто отказывается призывать к терпимости по отношению ко всем не разделяющим их собственных религиозных взглядов. Ибо чему иному учат они и все им подобные, как не тому, что при любой представившейся возможности они обрушатся на права государства, на свободу и достояние граждан? И разве не требуют они только одного от правителя: предоставить им безнаказанность и свободу, пока не наберется у них достаточно сил и средств, чтобы отважиться на подобное?

В-третьих, не может получить право на терпимость к себе правителя та церковь, всякий вступающий в которую самим фактом своего вступления переходит на службу и в подчинение к другому государю. Ведь в таком случае правитель в своей стране, в своих городах предоставил бы место чужеземной власти и сам бы позволил из своих

граждан готовить воинов против своего же государства. И ничем не может помочь этому злу то ничтожное и обманчивое различие, которое существует между церковью и двором, потому что оба они равно подчинены абсолютной власти одного и того же человека, который может в религиозных или имеющих к ним какое-то отношение делах под страхом вечных мучений в геенне огненной потребовать от людей своей церкви, более того — навязать им, все, что ему угодно¹⁹. Напрасно кто-то станет уверять, что он только по религии магометанин, в остальном же — верный подданный христианского правителя, если он признает в то же время, что обязан слепо повиноваться константинопольскому муфтию, который и сам беспрекословно повинуетя оттоманскому султану²⁰, изрекая сочиненные ему в угоду оракулы своей религии. Впрочем, иной раз живущий среди христиан турок более откровенно отрекается от христианского государства, признавая, что один и тот же человек возглавляет и церковь его, и государство.

В-четвертых, и, наконец, последнее: те, кто не признает существования божества, не имеют никакого права на терпимость. Ибо для атеиста ни верность слову, ни договоры, ни клятвы, т. е. все, на чем держится человеческое общество, не могут быть чем-то обязательным и священным, а ведь если уничтожить бога даже только в мыслях, то все это рухнет. И кроме того, разве может требовать для себя какой-то привилегии терпимости в делах религии тот, кто вообще своим атеизмом ниспровергает всякую религию? Что же касается остальных практических мнений, даже и не свободных от каких-то заблуждений, но если приверженцы их не требуют себе ни господства, ни безнаказанности в государстве, то не может быть каких-либо оснований отказать в терпимости той церкви, в которой они проповедуются.

Остается сказать несколько слов о тех сборищах, которые обычно считаются главным препятствием для доктрины веротерпимости, поскольку их обычно рассматривают как благодатную почву для мятежей и рассадник заговоров; да иной раз они такими и были, но не в силу каких-то особенных, только им присущих свойств, но из-за того невыносимого положения, к которому приводили подавление свободы или ее недостаточность. Эти обвинения сразу бы прекратились, если бы был закон, предоставляющий право веротерпимости тем, кому это нужно, закон, который все церкви должны были бы проповедовать и положить в основание своей свободы, закон, который бы гласил, что

следует проявлять терпимость к несогласным с тобой в вере, что никто не должен в делах религии испытывать принуждение со стороны закона и вообще подвергаться какому бы то ни было насилию. Если бы такой закон был установлен, то исчез бы всякий повод для раздоров и восстаний во имя свободы совести. А как только исчезнут эти причины волнений и вражды, не останется ничего, что делало бы эти собрания менее миролюбивыми, чем остальные, и мешало бы им быть далекими от всяких политических смут. Но рассмотрим все пункты обвинения.

Ты скажешь: собрания и всякого рода сборища людей опасны для государства и представляют угрозу для гражданского мира. Отвечаю: если бы это было так, то почему же ежедневно собираются на рынке, почему — в судах, почему — в коллегиях, почему собираются толпы в городах? Ты скажешь: так ведь это гражданские собрания, а те, о которых идет речь, — церковные. Отвечаю: так что же, выходит, что эти собрания, более всех прочих далекие от занятий гражданскими делами, более других годятся для того, чтобы возбуждать волнения в государстве? Ты скажешь: гражданские собрания — это собрания людей, придерживающихся различных религиозных взглядов; церковные же — собрания единомышленников. Отвечаю: так что же, придерживаясь одинаковых взглядов в делах религии и спасения души означает вступать в заговор против государства? Да и согласие их не уменьшается, а увеличивается по мере того, как уменьшается свобода публичных собраний. Ты скажешь: в гражданское собрание доступ свободен любому человеку, а встречи верующих предоставляют более удобное место для тайных и конспиративных совещаний. Отвечаю: во-первых, не все гражданские собрания, как, например, коллегии, открыты для каждого; а во-вторых, если некоторые устраивают тайные сходки с религиозными целями, то кого же, собственно, нужно здесь винить: тех, кто стремится собраться вместе, или тех, кто запрещает общественные собрания? Ты скажешь: общность религиозных обрядов особенно тесно связывает людские души, а потому особенно опасна. Отвечаю: если так, то почему же правитель не страшится своей церкви и не запрещает ее собраний, как угрожающих ему? Ты скажешь: а потому, что он сам является и участником их, и главой. Отвечаю: а разве он не является также и частью самого государства, и главой всего народа? Скажем уж лучше правду: он страшится других церквей и не страшится своей, потому что последней он благоволит и покро-

вительствует, к остальным же суров и безжалостен. Одни для него — дети, которым он прощает все, даже баловство, другие же — рабы, наградой которым за безупречную жизнь чаще всего служат каторга, тюрьма, лишение прав, конфискация имущества; одних он лелеет, других по любому поводу подвергает побоям. Пусть положение изменится, пусть пользуются они в гражданских делах одинаковыми правами с остальными гражданами, и ты сразу же увидишь, что не нужно больше страшиться религиозных собраний: ведь если люди и помышляют иной раз о заговоре, то к этому побуждает не религия — заговорщиков, а страдание — угнетенных. Власть справедливая и сдержанная повсюду чувствует себя спокойно и не боится опасности; те же, кто угнетен несправедливой и тиранической властью, всегда будут сопротивляться. Я знаю, что часто происходят восстания, и большей частью — во имя религии. Но и во имя же религии подданные обычно подвергаются гонениям и несправедливым преследованиям. Поверь мне, что не в силу каких-то особых нравов, присущих некоторым церквям, как и любым религиозным сообществам; таковы вообще люди, и повсюду они стонут под неправым бременем и стремятся сбросить ярмо, слишком тяжело давящее их. Но оставим на время религию и предположим, что установят дискриминацию людей по телесному облику, и те, у кого волосы черные или голубые глаза, не будут пользоваться равными правами с прочими людьми, не смогут свободно покупать и продавать, им будет запрещено занятие ремеслом, у родителей будет отнято право воспитания детей, им будет или вообще отказано в суде, или суд к ним будет несправедлив. Как ты думаешь, разве в таком случае не придется правителю испытывать такой же страх перед теми, кто объединился перед угрозой преследования только по цвету волос или глаз, какой он испытывает перед теми, кого объединила в сообщество религия? Одних людей объединять в сообщества побуждают общие расходы и прибыли в каком-то предприятии, других — желание весело провести свой досуг, одних объединяет город и расположенные по соседству дома, других — религия и совместный культ, но только угнетение объединяет людей на восстание. Ты скажешь: так, значит, ты хочешь, чтобы культовые собрания происходили вопреки воле правителя? Отвечаю: почему вопреки? Ведь такие собрания и допустимы и необходимы. Ты говоришь: «вопреки воле правителя»; но это как раз и есть то, что я осуждаю, это и есть источник зла и наше несчастье.

Чем хуже собрание людей в храме, чем в театре или в цирке? Толпа в храме отнюдь не порочнее и не опаснее театральной или цирковой. Все дело в конце концов сводится к тому, что эти люди становятся мятежными оттого, что с ними плохо обращаются. Уничтожь несправедливые правовые различия, исправь законы, отмени смертную казнь, и все станет спокойным, и не будет никакой опасности, и те, кто чужд религии правителя, будут тем более считать необходимым стремиться к миру в государстве, чем лучше будет их положение здесь в сравнении с тем, каким оно по большей части является в других местах; и все отдельные и друг с другом несогласные церкви станут, как бдительные стражи общественного спокойствия, внимательнее следить за обычаями друг друга, не допуская никаких мятежных помыслов, никаких изменений в форме правления, ибо они и желать ничего лучшего не могут, чем то, что они уже имеют, — равные права со всеми остальными гражданами, обеспечиваемые справедливой и знающей меру властью. А то, что главной опорой для гражданской власти служит церковь, к которой принадлежит сам государь, происходит, как я уже показал, по той единственной причине, что ей благоволит правитель и благоприятствуют законы. Насколько же спокойнее станет государству, когда увеличится число его помощников, когда не станет никакой дискриминации граждан по религиозным причинам, когда все добрые граждане, к какой бы церкви они ни принадлежали, будут пользоваться равной благосклонностью государя и равным справедливым покровительством законов, чья суровость будет страшна одним лишь преступникам и тем, кто злоумышляет против мира в государстве!

И наконец: мы требуем прав, предоставленных всем остальным гражданам. Разрешается чтить бога по римскому обряду? Пусть будет разрешено и по женевскому²¹ Разрешается говорить по-латыни в суде? Пусть будет разрешено, кому это хочется, и в храме. Ведь в собственном доме можно преклонять колени, стоять, сидеть, как угодно двигаться, одеваться в белые или черные, длинные или короткие одежды? Так пусть и в церкви не будет недозволенным вкушать хлеб, пить вино, омыться водой; и вообще все, что в повседневной жизни по закону можно делать свободно, должно оставаться свободным и в религиозном культе для любой церкви. Пусть ничья жизнь и ничье тело не терпят от этого ни малейшего ущерба, ничей дом и ничье имущество не гибнут. Твоя церковь под-

чинена власти пресвитеров; почему же церковь не может подчиняться епископам у тех, кому это нравится?²² Церковная власть, будь она в руках одного или многих, остается повсюду той же самой и не обладает правом по отношению к гражданским делам и никакой силой принуждения: ни богатства, ни годовые доходы не подлежат компетенции церковной власти. Общественная практика оправдывает допустимость церковных собраний и сходов; но если вы разрешаете их одной церкви или секте, то почему же не всем? Если на встречах верующих готовится что-то против общего мира и спокойствия, то это следует подавлять точно таким же образом, как если бы это произошло на рынке. Если во время церковной службы раздаются подрывные речи и призывы к мятежу, за это следует наказывать точно так же, как если бы все эти преступные действия совершались на площади. Такие собрания не должны быть прибежищем для заговорщиков и преступников, и, напротив, собрание людей в храме так же позволительно, как и в судебной палате, и не может быть поставлено в вину одним гражданам больше, чем другим; а ненавидеть или подозревать любого следует только за его собственную вину, а не за чужие недостатки. Мятежники, бандиты, убийцы, разбойники, грабители, развратники, клеветники, негодяи и им подобные должны подвергаться осуждению и наказанию, к какой бы церкви, придворной или нет, они ни принадлежали. Те же, чье учение миролюбиво, чьи нравы чисты и безупречны, пусть пользуются такими же правами, что и остальные граждане. И если одним разрешаются собрания, торжественные сборища, праздничные церемонии, шествия и публичные богослужения, то с тем же правом все это должно быть разрешено и ремонстранту, и антиремонстранту, и лютеранину, и анабаптисту, и социанину. Более того, если позволено быть правдивым и открыто сказать о том, что является взаимным долгом людей друг перед другом, то я считаю, что даже язычник, или магометанин, или иудей не должны отстраняться от государственной жизни по религиозным соображениям: ничего подобного не велит Евангелие, этого не желает церковь, которая (I Коринф. 5, 12—13) не судит тех, кто вне ее; не требует этого и государство, которое принимает и допускает [в свое лоно] людей только порядочных, миролюбивых, прилежных. Или заниматься торговлей ты язычнику позволишь, а молиться богу и почитать его запретишь? Иудеям предоставляется место для проживания и постройки собственных жилищ, почему же отказывают

им в синагоге? Или учение их становится более ложным, культ — отвратительнее, согласие — опаснее в публичном собрании, чем в частных домах? А если все это необходимо предоставить иудеям и язычникам, неужели же положение христиан в христианском государстве должно быть хуже? Ты скажешь: именно так, ибо они слишком склонны к заговорам, бунтам и гражданским войнам. Отвечаю: уж не порок ли это самой христианской религии? Если это так, то конечно же христианская религия — самая худшая из всех религий и недостойна быть проповедуемой и вообще быть терпимой государством. Ведь если бы именно таков был ее дух, такова была природа самой христианской религии, делающие ее бунтовщической и враждебной гражданскому миру, то и та церковь, к которой благоволит правитель, когда-нибудь тоже стала бы небезопасной. Но да не произнесем мы подобных слов о религии, столь далекой от всякой алчности, честолюбия, раздоров, брани, земных страстей, самой скромной и миролюбивой из всех религий, которые когда-либо существовали. Значит, нужно искать иную причину зол, которые ставятся в вину религии. И если мы правильно оценим положение, нам станет ясным, что эта причина целиком сводится к тому, о чем сейчас идет речь. Не различие во взглядах, которого нельзя избежать, но нетерпимость к инакомыслящим, которой могло бы не быть, породила большинство распри и войн, возникавших в христианском мире во имя религии. Церковные прелаты, увлекаемые корыстолюбием и жаждою власти, всячески подстрекали и побуждали правителя, часто охваченного безудержным честолюбием, и народ, живущий всегда во власти пустых суеверий, против инаковерующих и вопреки заветам Евангелия, вопреки требованиям человеколюбия призывали грабить и уничтожать схизматиков и еретиков, смешивая две несовместимейшие вещи — церковь и государство. А поэтому если люди, как это естественно, не могут больше терпеливо переносить того, что их лишают имущества, добытого честным трудом, что вопреки всякому человеческому и божественному праву делают их жертвой чужого насилия и грабежа, тем более если они вообще ни в чем другом не виновны и речь идет лишь о спасении души (а ведь это не имеет никакого отношения к гражданскому праву и касается лишь совести каждого человека, отчет же в этом должно давать одному лишь богу), то стоит ли в таком случае удивляться, что люди, которым оштылело угнетающее их зло, приходят наконец к убеждению, что на силу должно отвечать силою

и любыми средствами отстаивать права, дарованные им богом и природой, права, которые можно потерять только из-за какого-нибудь преступления, но не из-за религиозных убеждений. И действительно, так оно до сих пор и было, как о том более чем убедительно свидетельствует история, а разум говорит, что так будет и в дальнейшем, до тех пор, пока в умах правителей и народа будет сохраняться убеждение, что необходимо преследовать за религиозные взгляды, а те, кому следует быть глашатаем мира и согласия, будут всеми силами взывать к оружию и призывать к войне. Было бы удивительным, что правители терпят такого рода поджигателей и возмутителей гражданского мира, если бы не было ясным, что и они часто, не ограничиваясь участием в дележе добычи, используют произвол и нетерпимость других для приумножения собственного могущества. Ибо кто же не видит, что эти добрые люди являются слугами не столько Евангелия, сколько власти, и что они пресмыкаются перед честолюбием государей и господством власть имущих и всеми возможными средствами стремятся утвердить в государстве то, чего в ином случае они не смогли бы добиться в церкви, — тиранию. Именно в этом главным образом проявилось согласие церкви и государства, между которыми вообще бы не было разногласия, если бы они держались в своих границах и забота одного была бы только о мирских благах граждан, другой — о спасении их души. Но «стыд — оскорбление такое»²³. Да сотворит так всемогущий Господь, что когда-нибудь станут проповедовать Евангелие мира, что гражданские правители будут больше озабочены тем, чтобы их собственная совесть была бы в согласии с божеским законом, и меньше — тем, чтобы чужую совесть связать законами человеческими, подобно отцам отечества направляя все свои усилия и помыслы на приумножение общего гражданского благосостояния всех чад своих, если только те не распущенны, не несправедливы, не зложелательны. А мужи церкви, объявляющие себя последователями апостолов, пусть, следуя по пути апостольскому, отбросят заботы политические и все усилия мирно и терпеливо устремят только на спасение души! Прощай.

Может быть, нелишне добавить здесь несколько слов о ереси и схизме. Магометанин не является и не может быть для христианина ни еретиком, ни схизматиком, и если бы кто из христианской веры перешел в исламскую, он тем самым не стал бы еретиком или схизматиком,

но отступником и неверным. Это бесспорно. Отсюда очевидно, что люди, исповедующие другую религию, не могут быть ни еретиками, ни схизматиками.

Таким образом, необходимо разобраться в том, что значит исповедовать одну и ту же религию. Очевидно, что к одной и той же религии принадлежат те, у кого одинаковы законы веры и культа; те же, у кого нет общего закона веры и культа, принадлежат к разным религиям. Поскольку все, что относится к этой религии, содержится в этом законе, то те, кто сходятся на этом законе, естественно, сходятся и на одной религии, и наоборот. Так, турки и христиане принадлежат к разным религиям, потому что одни признают за закон своей религии Священное писание, а другие — Коран. Точно на таком же основании различные религии могут называться христианскими; католики и лютеране, хотя и те и другие вполне христиане, поскольку исповедуют веру во имя Христово, тем не менее не принадлежат к одной религии, потому что последние признают за закон и основание своей религии только Священное писание, первые же к Священному писанию присоединяют и традицию, и папские декреты и все это рассматривают как закон своей религии. Так называемые христиане св. Иоанна и женевские христиане²⁴ принадлежат к разным религиям, хотя и те и другие называют себя христианами, потому что последние в качестве закона своей религии признают Священное писание, а первые — еще и некоторые традиции. Из вышесказанного следует:

(1) что ересь есть разделение церковного сообщества [communio], которое произошло среди людей одной и той же религии из-за догматов, не входящих в сам закон этой религии;

(2) что у тех, кто признает в качестве закона веры только Священное писание, ересь есть разделение, происшедшее в христианском сообществе из-за догматов, не выраженных в ясных словах Священного писания.

Это разделение может происходить двояко:

1. Когда бóльшая или более могущественная благодаря покровительству правителя часть церкви отделяется от остальных, выбрасывая и исключая этих последних из сообщества, поскольку они отказываются верить в некоторые догматы, не содержащиеся в словах Священного писания. Ни малочисленность отлученных, ни авторитет правителя не могут сделать кого-либо виновным в ереси, но только тот еретик, кто из-за такого рода споров раскалывает цер-

ковь, изобретает и придумывает поводы для расхождений и самовольно приводит к расколу.

2. Когда кто-нибудь отделяется от церковного сообщества на том основании, что там не допускается открытая проповедь некоторых догматов, не выраженных в ясных словах Священного писания.

В обоих случаях это еретики, ибо они заблуждаются в самых основополагающих вещах, и заблуждаются сознательно и упорно. Ведь те, кто положил в качестве единственного основания своей веры Священное писание, тем не менее кладут еще и иное основание — положения, которых нигде нет в Священном писании; и так как другие не желают признать за необходимые и основополагающие эти выдуманные и привязанные к Священному писанию мнения и опираться на них, они, изгоняя несогласных или отходя от них, приводят к расколу. И ничего не значат слова, будто их убеждения и символы веры согласны со Священным писанием и верую в него; ведь если бы они были выражены словами Священного писания, то не возникало бы и никакого вопроса, поскольку все признают, что такие слова являются боговдохновенными, а потому и основополагающими. А если ты скажешь, что эти твои символы веры, признания которых ты требуешь, суть выводы из Священного писания, ты поступишь справедливо, если веришь и исповедуешь то, что, по твоему убеждению, согласуется с законом веры, т. е. со Священным писанием, но ты поступишь и очень плохо, если хочешь навязать эти символы другим, для которых они не представляются бесспорными догматами Священного писания; и ты — еретик, если из-за того, что не является и не может быть основополагающим, приводишь к расколу. Я не думаю, чтобы кто-нибудь дошел до такого безумия, что осмелится свои заключения и толкования Священного писания выдавать за боговдохновенные и символы веры, сочиненные по узким меркам собственного разума, равнять с авторитетом Священного писания. Я знаю, существуют некоторые положения, столь очевидно согласные со Священным писанием, что никто не мог бы сомневаться в их происхождении из него, и из-за них, следовательно, не может произойти никаких разногласий. Но ты не должен навязывать другому как обязательный символ веры то, что тебе представляется логично следующим из Священного писания только из-за твоей убежденности в согласии этого с законом веры. В таком случае ты сам должен бы признать справедливым, что и тебе с тем же правом будут навязывать чужие мнения,

и ты будешь вынужден принимать и исповедовать различные и противоречащие друг другу догматы лютеран, кальвинистов, реформистов, анабаптистов и других сект, навязываемые обычно сочинителями разных символов, систем и исповедей своим последователям и изображаемые ими как обязательные и истинные выводы из Священного писания. Я не могу не удивляться наглости тех несчастных, которые полагают, что они могут яснее и понятнее сказать о необходимом для спасения души, чем это мог бы сделать в своей вечной и бесконечной мудрости дух святой.

О ереси сказано достаточно; этот термин в общем употреблении применяется лишь к догматике. А теперь нужно сказать о схизме — пороке, родственном ереси. И то и другое слово, как мне кажется, обозначает раскол в церковном сообществе, необоснованно происходящий из-за вещей необязательных. Но так как «обычай, тот, что диктует и меру, и вкус, и закон нашей речи»²⁵, закрепил употребление слова «ересь» за заблуждениями в вере, а слова «схизма» — за заблуждениями в культе и организации, придется говорить о них, имея в виду это различие.

Таким образом, схизма по вышеуказанным соображениям есть не что иное, как раскол в церковном сообществе, происшедший из-за тех или иных необязательных разногласий в религиозном культе или церковной организации. Ни в культе божества, ни в церковной организации для христианина ничто не может быть обязательным, кроме того, что в ясных словах предписал Христос-законодатель и предписали святые апостолы по внушению духа святого.

Скажу одним словом: тот, кто не отрицает ничего из того, что в ясных словах провозглашает божественный глагол, кто не творит раскола из-за чего-то, что не содержится ясно в священном тексте, не может быть ни еретиком, ни схизматиком, хотя бы и осуждали его любые христианские секты и объявляли бы его или все, или некоторые из них отступником от истинной христианской религии.

Все это можно было изложить и лучше и подробнее, но для тебя при твоей проницательности достаточно и намека.

**ДВА
ТРАКТАТА
О ПРАВЛЕНИИ**

**В ПЕРВОМ
ЛОЖНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ОСНОВАНИЯ
СЭРА РОБЕРТА ФИЛМЕРА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ИССЛЕДУЮТСЯ И ОПРОВЕРГАЮТСЯ**

**ВТОРОЙ ЕСТЬ
О П Ы Т
ОБ ИСТИННОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ,
ОБЛАСТИ ДЕЙСТВИЯ И ЦЕЛИ
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ**

THE TEXT

TWO
TREATISES
OF
Government:

In the Former,
The False Principles and Foundation

OF,
Sir Robert Filmer,

And His FOLLOWERS,
ARE
Detected and Overthrown.

The Latter is an

ESSAY
CONCERNING
The True Original, Extent, and End
OF
Civil-Government.

LONDON: Printed for Awnsham and John Churchill, at the
Black Swan in Pater-Noster-Row. 1698.

Титульный лист третьего английского издания
«Двух трактатов о правлении»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель,

Перед тобой начало и конец трактата о правлении; не стоит рассказывать тебе, как судьба распорядилась теми страницами, которые должны были бы составить его середину и превосходили по объему все остальное. Я надеюсь, что оставшегося достаточно для утверждения трона нашего великого избавителя, правящего нами короля Вильгельма¹, для обоснования его права согласием народа, каковое — а оно одно есть основа всякого законного правления — принадлежит ему более полно и очевидно, чем любому правителю в христианском мире, и для оправдания перед всем миром английского народа, чья любовь к своим справедливым и естественным правам, вместе с решимостью сохранить их, спасла страну, когда она находилась на грани рабства и гибели. Если эти страницы содержат то доказательство, какое, как я льщу себя надеждой, должно быть в них обнаружено, то не будет надобности очень сожалеть об утерянных; мой читатель может быть убежден и без них. Ибо я полагаю, что у меня не будет ни времени, ни охоты повторить свои труды и заполнить недостающую часть моего ответа, еще раз следуя за сэром Робертом² по всем хитросплетениям и темным местам, которые встречаются в различных ответвлениях его поразительной системы. Король и большинство нации с того времени настолько полно опровергли его гипотезу, что, я полагаю, после этого никто не будет ни настолько самонадеянным, чтобы выступить открыто против нашей общей безопасности и вновь стать сторонником рабства, ни настолько слабым, чтобы дать себя обмануть противоречиями, изложенными в популярном стиле и украшенными гладкими оборотами речи. Ведь если кто-либо возьмет на себя труд освободить ту часть рассуждений сэра Роберта, которая здесь не затрагивается, от цветистости сомнительных выражений и попытается свести его слова к прямым позитивным ясным утверждениям, а затем сравнит их друг с другом, то он быстро убедится, что никогда еще столько правдоподобного вздора не излагалось благозвучным английским

языком. Если он сочтет настоящим рассмотрение всех его трудов, то пусть проведет опыт с той частью, где говорится об узурпации; и пусть он попробует, применив все свое умение, если сможет, сделать высказывания сэра Роберта понятными и согласными друг с другом или со здравым смыслом.

Я бы не высказывался столь резко о джентльмене, который давно уже не в состоянии сам ответить мне, если бы в последние годы церковные проповедники публично не признали его учение и не сделали это учение божественным откровением нашего времени. Необходимо открыто показать тем, кто, объявив себя учителями, подвергли столь большой опасности других, введя их в заблуждение, каков авторитет этого их патриарха, которому они столь слепо следуют, с тем чтобы они либо взяли обратно то, что излили на публику, имея для этого столь ложные основания, и чего далее нельзя поддерживать, либо оправдали те принципы, которые они проповедовали как евангелие, хотя их автор не более чем английский придворный. Ибо я не выступал бы печатно против сэра Роберта и не взял бы на себя труд показать его ошибки, несуразности и отсутствие (чем он так хвалится и на чем, как утверждает, строит свою систему) доказательств из Священного писания, если бы среди нас не было тех, кто, поднимая на щит его книгу и поддерживая его учение, избавляет меня от упрека в том, что я выступаю против противника, которого уже нет в живых. Они столь ревностны в этом деле, что если я причинил ему какой-либо урон, то не могу надеяться, что они меня пощадят. Я хотел бы, чтобы они в такой же мере были готовы исправить то зло, которое они причинили истине и обществу, и признали бы справедливость следующего замечания, *viz.*³ что нельзя причинить больше вреда государю и народу, чем распространением неправильных понятий о правлении, чтобы, наконец, во все времена не было оснований жаловаться на церковных проповедников. Если кто-либо действительно заботящийся об истине займется опровержением моей гипотезы, я обещаю ему или раскаяться в своей ошибке, если он меня в ней убедит, или же разрешить обнаруженные им трудности. Однако он должен помнить две вещи:

во-первых, мелочные придирки — к какому-либо выражению или малозначачим частностям моего рассуждения — не являются ответом на мою книгу;

во-вторых, я не приму брань за довод, и не думаю, чтобы и то и другое заслуживали моего внимания, хотя я все-

гда буду считать себя обязанным дать удовлетворение всякому, кто, как мне покажется, добросовестно сомневается в том или ином пункте и продемонстрирует какие-либо справедливые основания для своих сомнений.

Мне остается лишь сообщить читателю, что в тексте «А» обозначает нашего автора, «О» — его «Замечания о Гоббсе, Мильтоне etc.», а простое упоминание страницы означает страницу его «Патриарха» издания 1680 г.¹

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I

1. Рабство является столь отвратительным и жалким состоянием человека и столь противно великодушному нраву и мужеству нашего народа, с которым оно просто никак не совместимо, что почти невозможно себе представить англичанина, и тем более джентльмена, выступившего в его защиту. И действительно, мне следовало бы считать трактат сэра Р. Филмера «Патриарх», как и любой другой, в котором всех людей пытаются убедить в том, что они рабы и должны быть таковыми, скорее еще одним упражнением в остроумии, подобным тому, какое представил нам автор панегирика Нерону¹, чем серьезным рассуждением, которое надо понимать буквально, если бы торжественность названия и манеры письма, портрет в начале книги² и похвалы в ее адрес, которые затем последовали, не заставили меня поверить тому, что и автор и издатель настроены серьезно. Поэтому я взял ее в руки, исполненный того ожидания, и прочел со всем тем вниманием, которые необходимо присутствуют, когда имеешь дело с трактатом, наделавшим по выходе в свет столько шума, и не могу не признаться, что был несказанно удивлен, что в книге, которая должна была заключить в оковы все человечество, я обнаружил только веревку из песка, полезную, возможно, для тех, занятие и искусство которых состоят в том, чтобы поднимать пыль и ослеплять людей, дабы удобнее было вводить их в заблуждение, но на деле не обладающую никакой силой, чтобы ввергнуть в рабство тех, у кого открыты глаза и кто настолько сообразителен, чтобы понять, что оковы — вредное украшение, сколько бы ни проявляли заботы о том, чтобы они были отполированы и начищены.

2. Если кто-либо думает, что я позволяю себе слишком много вольностей, столь свободно высказываясь о человеке, который является величайшим поборником абсолютной власти и кумиром тех, кто ей поклоняется, я умоляю его в виде исключения сделать эту маленькую уступку тому,

кто, даже прочтя книгу сэра Роберта, не может не считать себя, как позволяют ему это законы, свободным человеком. И я знаю, что поступать так — значит не совершать никакого преступления, если только кому-либо другому, более осведомленному, чем я, о судьбе книги, не было открыто свыше, что этот трактат, столь долго пролежавший без движения, должен был, появившись на свет, силой своих аргументов сжить со света всякую свободу и что с этого времени краткая схема нашего автора должна быть образом, показанным на горе Синайской³, совершенным образцом политики на будущее. Его система заключена в краткой формуле. Она состоит всего лишь из следующего:

Всякое правление есть абсолютная монархия.

И строит он ее на основании следующего:

Ни один человек не рождается свободным.

3. В последнее время среди нас появилась порода людей, которые готовы льстить монархам, утверждая, что, каковы бы ни были законы, в соответствии с которыми существуют и должны править монархи, и каковы бы ни были условия, на которые они соглашаются при получении власти, и как бы прочно ни были скреплены торжественными клятвами и обещаниями их обязательства соблюдать оные, монархи обладают божественным правом на абсолютную власть. Чтобы проложить путь для этого учения, они отняли у людей право на естественную свободу и тем самым не только ввергли всех подданных в страшную пучину бедствий, которые несут с собой тирания и угнетение, но и лишили основы титулы и потрясли троны государей (ибо, по учению этих людей, те тоже, за исключением одного, все от рождения рабы и на основе божественного права подданные прямого наследника Адама), как будто они, чтобы достичь этой своей цели, замыслили вести войну против всякого правления и подорвать сами основы человеческого общества.

4. Однако мы должны им верить только на слово, когда они говорят нам, что все мы от рождения рабы, должны продолжать пребывать в этом состоянии и от этого нет спасения; мы вступаем в жизнь и попадаем в рабство одновременно и никогда не сможем избавиться от второго, пока не лишимся первого. Ни Писание, ни разум, я уверен, нам этого не говорят, несмотря на весь шум о божественном праве, что будто божественная власть подчинила нас поограниченной воле другой власти. Восхитительное состояние человечества, и притом такое, обнаружить которое у них хватило ума только в самое последнее время. Ибо

как бы ни пытался сэр Роберт Филмер осудить новизну противоположного мнения (Патр., с. 3), тем не менее ему, я полагаю, будет трудно найти любое другое время, кроме нашего, или любую другую страну в мире, кроме нашей, когда и где бы утверждали, что монархия есть *jure divino*⁴. И он признает (Патр., с. 4), что «Хейворд, Блэквуд, Баркли⁵ и другие, храбро защищавшие право королей во многих других вопросах», никогда об этом не думали, «но единогласно признавали естественную свободу и равенство людей».

5. Кто первый разработал это учение и ввел в моду у нас и к каким печальным последствиям это привело — пусть об этом расскажут историки или вспомнят те, кто были современниками Сибторпа и Манверинга⁶. В данный момент моя задача состоит только в том, чтобы рассмотреть, что внес в него сэр Р. Ф., который, как все признают, в развитии этой точки зрения пошел дальше других и, как полагают, довел ее до совершенства; ибо всякий, кто хочет быть таким же модным, каким был французский язык при дворе, от него узнаёт и быстро усваивает эту краткую систему политики, *viz.* «люди от рождения не свободны» и «поэтому никогда не могли пользоваться свободой выбора правителей или форм правления; государи обладают абсолютной властью и в соответствии с божественным правом, ибо рабы вообще не могли иметь права на договор или согласие; Адам был абсолютным монархом, и таковы же все государи с того времени».

Глава II

ОБ ОТЦОВСКОЙ И МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

6. Главный тезис сэра Р. Ф. гласит, что «люди от природы не свободны». Это — основа, на которой покоится его абсолютная монархия и с которой она сама поднимает себя на такую высоту, что ее власть становится выше любой другой власти, *caput inter nubila*⁷; столь возвышается она над всеми земными и человеческими явлениями, что даже мысль едва может с ней сравниться, что обеты и клятвы, которые связывают бесконечное божество, не могут ограничить ее. Но если это основание разрушить, с ним вместе обрушится и вся его постройка, и тогда системы правления придется снова оставить в покое, и они должны создаваться по-старому, по замыслу и согласию людей (*'αυθρολίτην κτίσις*), использующих разум для того, чтобы объединиться

в общество. Чтобы доказать этот свой великий тезис, он говорит: «Люди от рождения подчиняются своим родителям» (с. 12) и, следовательно, не могут быть свободными. И эту власть родителей он называет *монархической властью* (с. 12, 14), *отцовской властью*, *правом отцовства* (с. 12, 20). Можно было бы предположить, что в начале такого труда, как «Патриарх», от которого должна зависеть власть государей и покорность подданных, он должен был бы ясно сказать нам, что такое эта отцовская власть, дал бы ей определение, даже не ограничивая ее, поскольку в некоторых других своих трактатах он говорит нам, что она неограниченна и не может быть ограничена*; он, по крайней мере, должен был бы дать нам такое ее объяснение, чтобы у нас могло сложиться самое полное представление об этих *отцовстве* или *отцовской власти*, где бы мы ни встретились с ними в его писаниях. Я надеялся найти это в первой главе его «Патриарха». Но вместо этого, 1) сделав, en passant, реверанс в сторону arcana imperii⁸ (с. 5), 2) сказав комплимент «правам и свободам нашей или любой другой нации» (с. 6), которые он собирается сейчас же аннулировать и уничтожить, и 3) расшаркавшись перед теми учеными людьми, которые не столь глубоко поняли этот вопрос, как он сам (с. 7), он затем обрушивается на Беллармина⁹ (с. 8) и, в виде победы над ним, устанавливает свою *отцовскую власть* вне всяких сомнений. Поскольку Беллармин разгромлен благодаря своему собственному признанию (с. 11), победа совершенно очевидно одержана, и нет больше никакой нужды в каких-либо вооруженных силах; ибо я замечаю, что, сделав это, он не формулирует вопрос и не привлекает какие-либо доводы, чтобы доказать свое мнение, но просто рассказывает нам — так, как он считает нужным, — историю этого странного рода деспотического призрака, называемого *отцовство*, поймав который любой тут же получал империю и неограниченную абсолютную власть. Он заверяет нас, что это *отцовство* началось с Адама, продолжалось своим естественным путем и непрерывно поддерживало порядок в мире во времена патриархов до потопа, вышло из ковчега вместе с Ноем и его сыновьями, поставило у власти и под-

* «Что касается пожалований и даров, которые, подобно власти отца, ведут свое происхождение от бога или природы, то никакая власть человека, уступающая ей в силе, не может ограничить их или устанавливать какие-либо законы, ограничивающие их» (З., с. 158).

«Писание учит, что высшая власть изначально принадлежала отцу без каких-либо ограничений» (З., с. 245).

держивало всех монархов на земле до египетского пленения израильтян, а затем бедное *отцовство* пребывало в заточении, пока «бог, дав израильтянам царей, не восстановил древнее и первоначальное право наследования отцовского правления по прямой линии». Таково его занятие со с. 12 по 19; а затем, уклонившись от устранения одного возражения и избавившись от одной-двух трудностей с помощью одного полуобоснования (с. 23), чтобы «подтвердить естественное право монархической власти», он заканчивает первую главу. Я полагаю, назвать полудитату полуобоснованием не является обидным, ибо Господь говорит: «Почитай отца твоего и мать твою», но наш автор удовлетворяется половиной, совсем выбрасывая упоминание о *матери*, поскольку она мало чем полезна для его цели; но об этом подробнее в другом месте.

7. Я не думаю, что наш автор столь неискусен в написании трактатов такого рода или столь небрежен в отношении обсуждаемого вопроса, чтобы по недосмотру совершить ту ошибку, против которой он сам в своей «Анархии смешанной монархии» (с. 239) возражает м-ру Хантону¹⁰ в следующих словах: «В чем я прежде всего обвиняю автора — это в том, что он не дал нам никакого общего определения или описания монархии как таковой, ибо в соответствии с правилами методологии он сначала должен был дать ее определение». И в соответствии с подобным же правилом методологии сэр Роберт должен был бы сказать нам, что такое его *отцовство* или *отцовская власть*, прежде чем он сообщил нам, у кого ее следует искать, и так много говорил о ней. Но возможно, сэр Роберт обнаружил, что если бы он дал нам образ этой *отцовской власти*, этой юридической власти отцов и властителей — ибо он приравнивает их друг к другу (с. 24) — целиком, во всей ее грандиозности, какой он создал ее в своем воображении, то она предстала бы в виде очень странной и страшной фигуры и к тому же резко отличалась бы от того, как дети представляют себе своих родителей или подданные — своих властителей, и поэтому, подобно осторожному врачу, которому нужно заставить больного проглотить какую-либо неприятную или *едкую жидкость*, он смешивает ее с большим количеством того, в чем можно ее растворить, с тем чтобы сильно разбавленная таким образом жидкость меньше ощущалась при глотании и вызывала меньше отвращения.

8. Тогда давайте попытаемся найти, что же он говорит нам об этой *отцовской власти*, упоминания о которой раз-

бросаны в самых разных местах его писаний. И во-первых, раз она принадлежала Адаму, то, говорит он, «не только Адам, но и наследовавшие ему патриархи по праву отцовства обладали монархической властью над своими детьми» (с. 12). «Это господство над всем миром, которым обладал Адам по велению бога и которым по праву, перешедшему от него по наследству, обладали и патриархи, было таким же неограниченным и полным, как абсолютная власть любого монарха, который существовал со времени сотворения мира» (с. 13). «Власть распоряжаться жизнью и смертью, объявлять войну и заключать мир» (с. 13). «Адам и патриархи имели абсолютную власть над жизнью и смертью» (с. 35). «Монархи, в силу прав родителей, наследуют способность осуществлять высшую юрисдикцию» (с. 19). «Поскольку власть монарха установлена законом бога, ни один закон, имеющий более низкое происхождение, не мог ограничить ее, Адам был господином всего» (с. 40). «Отец семейства руководствуется только одним законом — своей собственной волей» (с. 78). «Преимущественное право государей выше законов» (с. 79). «Неограниченная юрисдикция царей столь подробно описана Самуилом» (с. 80). «Цари выше законов» (с. 93). И можно найти еще больше в таком же духе, что наш автор излагает словами Бодена¹¹: «Безусловно, все законы, привилегии и пожалования, даруемые государями, имеют силу только при их жизни, если их, особенно привилегии, не подтвердит своим ясно выраженным согласием или снисходительностью следующий государь» (3., с. 279). «Причина, почему законы устанавливались также и властителями, состояла в следующем: когда властители либо были заняты войнами, либо отвлекались какими-либо общественными заботами, так что любой простой смертный не мог получить доступ к их особам, чтобы узнать их волю и благоволение, тогда по необходимости были изобретены законы, с тем чтобы каждый отдельный подданный мог обнаружить благоволение своего государя, которое раскрывалось ему в сводах его законов» (с. 92). «В монархическом государстве властитель по необходимости должен быть выше законов» (с. 100). «Совершенное королевство — то, в котором король правит всем в соответствии со своей волей» (с. 100). «Ни обычные, ни писанные законы не служат и не могут служить каким-либо уменьшением той общей власти, которой обладают короли над своим народом по праву отцовства» (с. 115). «Адам был отцом, царем и господином над своей семьей; сын, подданный и слуга или раб вначале были

одно и то же. У отца была власть распоряжаться своими детьми и рабами, даже продавать их; отсюда мы находим, что при первом перечислении вещей в Писании раб и рабыня, подобно другим вещам, названы среди предметов, составляющих имущество и состояние владельца» (З., Пред.). «Бог также дал отцу право или свободу отчуждать свою власть над детьми и передавать ее любому другому; отсюда мы обнаруживаем, что на заре человечества широко практиковались продажа детей или передача их в качестве подарка, когда рабы, подобно другим вещам, считались частью имущества и наследства людей, отсюда мы обнаруживаем, что в старые времена широко использовалось право кастрировать мужчин и превращать их в евнухов» (З., с. 155). «Закон есть не что иное, как воля того, кто обладал властью верховного отца» (З., с. 223). «Бог повелел, чтобы верховная власть Адама была неограниченной и такой же необъятной, как все деяния его воли; и как это было у него, так стало и у всех других, кто обладает высшей властью» (З., с. 245).

9. Я был вынужден мучить читателя этими цитатами, приводя собственные слова нашего автора, чтобы в них можно было увидеть его собственное описание этой *отцовской власти* — поскольку оно разбросано по самым разным местам его писаний, — которой, как он полагает, был сначала облечен Адам и которая с того времени по праву принадлежит всем монархам. Тогда эта *отцовская власть*, или *право отцовства*, как понимает ее наш автор, есть божественное, неизменное право верховной власти, благодаря которому отец или монарх обладает абсолютной, деспотической, неограниченной и не поддающейся ограничению властью над жизнью, свободой и имуществом своих детей или подданных, так что он может захватить или отобрать у них имущество, продать, кастрировать или вообще использовать их, как ему заблагорассудится, поскольку все они — его рабы, а он — господин и владелец всего и его неограниченная воля — закон для них.

10. Разумно ожидать, что наш автор, дав Адаму такую могущественную власть и положив это предположение в основу всякого правления и всей власти монархов, должен был бы доказать его с помощью ясных и очевидных доводов, соответствующих серьезности вопроса. Поскольку людям ничего другого не осталось, они могли бы обнаружить в рабстве такие неопровержимые доказательства его необходимости, что могли бы убедить свое сознание в этом и заставить его мирно подчиниться той абсолютной суве-

ренной власти, правом осуществлять которую над ними располагают их правители; без этого что хорошего мог бы сделать наш автор или на что хорошее мог бы он претендовать, воздвигая такую неограниченную власть, разве что льстить природному тщеславию и честолюбию людей, слишком склонному самому по себе расти и увеличиваться при обладании любой властью? И, убеждая тех, кто с согласия своих соотечественников выдвинулись и обладают большой, но ограниченной степенью ее, и благодаря той части, которая предоставлена им, у них есть право на все, что им не принадлежит, и поэтому они могут делать все, что угодно, так как у них есть власть делать больше, чем другие, тем самым искушают их, чтобы они делали то, что не принесет пользы ни им самим, ни тем, о ком они должны заботиться; отсюда не могут не последовать огромные несчастья.

11. Поскольку верховная власть Адама есть то, на чем, как на прочной основе, наш автор воздвигает свою могущественную абсолютную монархию, я ожидал, что в его «Патриархе» это его главное положение будет доказано и установлено со всей силой доводов, которую требует столь фундаментальный принцип, и что этот принцип, от которого зависит огромное значение всего вопроса, будет изложен с привлечением обоснований, достаточных для оправдания той уверенности, с какой он был выдвинут. Но во всем этом трактате я мог обнаружить очень мало такого, что отвечало бы этой цели; это положение признано там само собой разумеющимся настолько бездоказательно, что я едва мог поверить себе, обнаружив после внимательного прочтения данного трактата, что столь могучая постройка воздвигнута на одном лишь предположении об этом фундаменте; ибо с трудом можно поверить тому, что в работе, где он якобы опроверг *ошибочный принцип естественной свободы человека*, есть только одно лишь предположение *о власти Адама*, но не приводится ни одного доказательства этой власти. Более того, он самоуверенно утверждает, что «Адам обладал *монархической властью*» (с. 12, 13), «абсолютным владычеством и господством над жизнью и смертью» (с. 13), «всемирной монархией» (с. 33), «абсолютной властью над жизнью и смертью» (с. 35). Он очень часто допускает подобные утверждения, но, как это ни странно, во всем его «Патриархе» я не нахожу даже намека на причину, в силу которой устанавливается эта его великая основа правления, ничего похожего на довод, за исключением следующих слов: «Для подтверждения

этого естественного права монархической власти мы обнаруживаем в десяти заповедях, что закон, предписывающий повиновение царям, дается в словах «почитай отца твоего», как если бы изначально вся власть принадлежала отцу». И почему бы мне не добавить к этому, что в *десяти заповедях* закон, предписывающий повиновение царицам, дается в словах «почитай мать твою», как если бы изначально вся власть принадлежала матери? Этот довод в том виде, как его излагает сэр Роберт, будет одинаково справедлив как в первом, так и во втором случае, но об этом позднее в должном месте.

12. В данный момент я отмечаю только одно: это все, что наш автор говорит в первой или в любой из последующих глав в пользу доказательства своего великого принципа об *абсолютной власти Адама*; и однако он начинает свою вторую главу словами: «Сопоставляя эти доказательства и обоснования, взятые из Писания и освященные его авторитетом...», как если бы он утвердил его на основе неоспоримого доказательства. Где эти *доказательства и обоснования* верховной власти Адама, за исключением упомянутого выше «почитай отца твоего», признаюсь, я не мог найти, если только сказанное им: «В этих словах мы находим очевидное признание — viz. Беллармина — того, что сотворение сделало человека властелином над его потомством» — следует считать доказательствами и обоснованиями, взятыми из Писания, или вообще какими-либо доказательствами, хотя отсюда с помощью нового выведения заключения он в словах, непосредственно следующих за упомянутыми, делает вывод, что *монархическая власть Адама* в достаточной мере утверждена у него.

13. Если в этой главе или в каком-либо другом месте всего трактата он представил какие-либо иные доказательства *монархической власти Адама*, кроме частого повторения этого выражения, что у некоторых людей сходит за довод, я хочу, пусть кто-нибудь вместо него покажет мне эту строку и страницу, чтобы я мог убедиться в своей ошибке и признать свой недосмотр. Если такие доводы найти невозможно, я умоляю тех, кто столь громко восхвалял эту книгу, подумать, не дают ли они людям основание подозревать, что не сила обоснований и доводов заставляет их принять сторону абсолютной монархии, а нечто иное — корысть и что поэтому они полны решимости аплодировать любому автору — стороннику этой доктрины, обоснованно он ее поддерживает или нет. Но я надеюсь, они не ожидают, что разумные и беспристрастные

люди должны разделять их мнение, потому что этот их великий ее создатель в специально написанном трактате с целью утвердить *абсолютную монархическую власть Адама* в противовес *естественной свободе* людей сказал столь мало для ее доказательства, откуда вполне естественно можно заключить, что и сказать об этом почти нечего.

14. Но для того чтобы я не упустил ничего, желая получить самое полное представление об идее нашего автора, я прочел его «Замечания об Аристотеле, Гоббсе etc.», чтобы посмотреть, привел ли он какие-либо доводы в пользу этого столь дорогого ему положения о *верховой власти Адама*, поскольку в трактате о *естественной власти королей* он был весьма скуп на них. В своих «Замечаниях на «Левиафан» Гоббса» он, как мне кажется, кратко изложил, собрав воедино, все те доводы в пользу своей доктрины, которые, как я обнаружил, он использовал всюду в своих работах; его слова следующие: «Если бог создал только Адама и из части его тела сотворил женщину и если все человечество должно произойти от них двоих, будучи их порождением, как часть их; если также бог дал Адаму не только владычество над женщиной и детьми, которых они должны произвести на свет, но также и над всей землей, чтобы обладать ею, и над всеми тварями, на ней живущими, с тем чтобы, пока жив Адам, никто не мог претендовать ни на что и не мог пользоваться ничем, а только благодаря дарению, передаче в их распоряжение или разрешению, исходящим от него, то...» (З., с. 165). Здесь мы находим суть всех его доводов в пользу *верховой власти Адама* и против *естественной свободы*, которые я встречаю там и сям в других его трактатах и которые сводятся к следующему: *сотворение Адама богом*; *власть*, которую бог дал ему *над Евой*, и *власть*, которой он как *отец* обладал *над своими детьми*. Все это я рассмотрю по отдельности.

Г л а в а III

О ПРАВЕ АДАМА НА ВЕРХОВНУЮ ВЛАСТЬ НА ОСНОВЕ ЕГО СОТВОРЕНИЯ

15. В предисловии к «Замечаниям о «Политике» Аристотеля» сэръ Роберт говорит нам: «Нельзя предполагать существование естественной свободы людей, не отрицая одновременно сотворения Адама». Однако я не могу понять, почему сотворение Адама, которое явилось всего

лишь актом получения им жизни непосредственно от Всемогущего и из руки божьей, дало «Адаму верховную власть» над чем бы то ни было, и, следовательно, не могу уразуметь, почему «предполагать существование естественной свободы — значит отрицать сотворение Адама», и был бы рад, если бы кто-нибудь доказал это за нашего автора (поскольку он не удостоил нас такой милости); ибо мне абсолютно нетрудно предположить существование *свободы людей*, хотя я всегда верил в *сотворение Адама*. Он был создан или начал существовать непосредственно по власти бога, без вмешательства родителей или же предшествующего ему существования каких-либо представителей того же самого рода, которые могли бы породить его, когда бог захотел, чтобы он появился; и таким же образом появился лев, бывший до него царем зверей, благодаря все той же созидательной силе бога; и если одно только существование, возникшее благодаря той же силе и тем же способом, без всякого шума дает власть, тогда на основе этого довода наш автор дает льву такое же законное право на нее, как и Адаму, и это право безусловно древнее. Но нет; ибо Адам обладал этим правом «по повелению бога», говорит наш автор в другом месте. Тогда одно только *сотворение* не дало ему права на власть, и можно «предположить свободу людей», не «отрицая сотворения Адама», поскольку именно божественное *повеление* сделало его монархом.

16. Но давайте посмотрим, как он соединяет свое *сотворение* с этим *повелением*. «Повелением бога, — говорит сэр Роберт, — Адам, как только был сотворен, стал владыкой мира, хотя у него не было подданных; ибо хотя фактически правления не могло быть, пока не было подданных, тем не менее по праву природы именно Адам должен был быть правителем своих потомков; хотя не на деле, но по крайней мере по положению Адам был монархом со своего сотворения». Как жаль, что автор не сказал нам здесь, что он понимал под «повелением бога»! Ибо обо всем, что приказывает Провидение, или предписывает закон природы, или прямо провозглашает божественное откровение, можно сказать, что оно совершается «повелением бога», но, я полагаю, здесь оно не может употребляться в первом смысле, т. е. по установлению Провидения, потому что это означало бы лишь сказать, что, «как только Адам был сотворен», он *de facto*¹² стал монархом, потому что «по праву природы именно Адам должен был быть правителем своих потомков». Но Провидение не могло сделать его правите-

лем мира *de facto* в то время, когда, как признает здесь наш автор, фактически не было никакого правления, когда не было подданных, которыми надо управлять. Выражение «владыка мира» также по-разному употребляется нашим автором, ибо иногда под ним он имеет в виду хозяина всего мира, стоящего над остальными людьми, и именно так он понимает его на той же самой странице своего предисловия, приведенного выше. «Поскольку Адам, — говорит он, — получил повеление размножаться и наполнить землю и обладать ею и поскольку ему было дано владычествовать над всеми тварями, то тем самым он был монархом всего мира; ни один из его потомков не имел права владеть чем-либо, не получив от него пожалования или разрешения или же не будучи его наследником».

2. Тогда давайте под *монархом* понимать *хозяина мира*, а под *повелением* — сам факт дарения и данного в откровении прямого пожалования, сделанного богом Адаму (Быт. 1, 28); мы видим, что именно так поступает и сам сэр Роберт в этом параллельном месте — и тогда его довод будет выглядеть следующим образом: «Благодаря прямому пожалованию, сделанному богом, как только Адам был сотворен, он стал хозяином мира, потому что по праву природы именно Адам должен был быть правителем своих потомков». В этом способе обоснования тезиса допущены два явно ложных положения. *Во-первых*, неверно, что бог сделал такое пожалование Адаму, как только тот был сотворен, поскольку, хотя в Писании это положение стоит непосредственно после его сотворения, тем не менее совершенно очевидно, что оно не могло быть высказано Адаму до того, как была сотворена и приведена к нему Ева; и каким же образом он тогда мог быть *монархом по повелению*, как только был сотворен, особенно потому, что автор, если я не ошибаюсь, называет то, что бог говорит Еве (Быт. 3, 16), *первоначальным предоставлением правления*; поскольку это произошло только после грехопадения, когда Адам был несколько по крайней мере по времени и очень по положению далек от своего сотворения, я не могу понять, как наш автор может в этом смысле сказать, что *по повелению бога, как только Адам был сотворен, он стал владыкой мира*. *Во-вторых*, пусть будет справедливым то положение, что сам факт получения дара от бога поставил Адама владыкой над миром, как только Адам был сотворен, однако данное ему здесь обоснование не доказывает этого, а вывод о том, что бог путем прямого дарения поставил Адама владыкой над миром, потому что по праву природы

именно Адам должен был быть правителем своих потомков, всегда будет ложным: ибо, если право на правление дано ему природой, тогда не было необходимости в прямом дарении, по крайней мере оно никогда не будет служить доказательством такого дарения.

17. С другой стороны, дело ненамного улучшится, если мы «под повелением бога» будем понимать закон природы (хотя для данного случая это было бы довольно грубым выражением), а под *владыкой мира* — верховного правителя людей; ибо тогда рассматриваемое нами предложение должно звучать таким образом: «По закону природы, как только Адам был сотворен, он стал правителем людей, ибо по праву природы Адам должен был быть правителем своих потомков», что сводится к следующему: он был *правителем по праву природы*, потому что был *правителем по праву природы*. Но если, положим, мы примем, что человек для своих детей правитель по природе, тогда Адам не мог бы на этом основании *стать монархом, как только был сотворен*; ибо поскольку это право природы основано на том, что он их отец, то как мог Адам обладать *естественным правом быть правителем* прежде, чем стал отцом, когда лишь одно это и давало такое *право*, я полагаю, трудно себе представить, если только автор не разрешит ему быть отцом прежде, чем он станет отцом, и получить право прежде, чем он его получил.

18. На это предвиденное возражение наш автор отвечает очень логично: *Он был правителем по положению, а не на деле*. Очень хороший способ быть правителем — без правления, отцом — без детей и властителем — без подданных. И тем самым сэр Роберт был автором до того, как написал свою книгу, *не на деле, правда, а по положению*, ибо когда он однажды напечатался, то должен был *по праву природы* стать автором в той же мере, в какой Адам стал *правителем своих детей*, когда он их породил. И случись кому-то быть таким *монархом мира*, абсолютным монархом *по положению*, но *не на деле*, я не очень позавидую тем друзьям сэра Роберта, которых он милостиво сочтет подходящими для того, чтобы возложить на них этот титул, хотя даже эти выражения *по положению* и *на деле*, если они и означают что-нибудь, кроме искусства нашего автора проводить различия, не служат его цели в данном случае. Ибо вопрос здесь стоит не о том, что Адам фактически осуществлял правление, а о том, имел ли он в действительности право быть правителем. Наш автор заявляет, что *правление причиталось Адаму по праву природы*. Что та-

кое право природы? Право распоряжаться своими детьми, которое получают отцы, породив их. «*Generazione jus acquiritur parentibus in liberos*»¹³, — цитирует наш автор Гроция (З., с. 223). Следовательно, право следует за рождением, как возникающее из него; так что в соответствии с этим способом обоснования или различения, примененным нашим автором, Адам, как только его сотворили, обладал правом *только по положению, но не на деле*, а это на простом английском языке означает, что у него в действительности вообще не было никакого права.

19. Если говорить менее учено и более осмысленно, то об Адаме можно сказать следующее: у него была возможность стать *правителем*, поскольку он, возможно, мог породить детей и тем самым приобрести вытекающее отсюда право природы (что бы это ни означало) править ими. Но какую это имеет связь с *сотворением Адама*, чтобы заставить автора сказать, что, *как только он был сотворен, он был монархом мира*? Ибо с таким же успехом можно сказать о Ное, что как только он родился, то стал монархом мира, поскольку у него была возможность (чего, по идее нашего автора, достаточно, чтобы стать монархом — *монархом по положению*) пережить всех живших до него людей, за исключением своего собственного потомства. Какая необходимая связь существует между *сотворением Адама* и его *правом на правление*, так что *нельзя предположить естественную свободу человека, не отрицая сотворения Адама*, — этого, признаюсь со своей стороны, я не вижу, так же как и того, каким образом слова *по повелению etc.* (З., с. 254), как их ни объясняй, могут, поставленные вместе, иметь более или менее приемлемый смысл, по крайней мере доказать то положение, которым они кончаются, — *viz. Адам был властителем со времени своего сотворения*, — властителем, говорит наш автор, *не на деле, а по положению*, i. e. в действительности вообще никаким не властителем.

20. Боюсь, я истощил терпение своих читателей, рассуждая об этом отрывке дольше, чем, кажется, требует весомость какого-либо довода, в нем содержащегося; но мне неизбежно пришлось тратить на это время из-за манеры письма нашего автора, который, свалив в кучу разные предположения, к тому же составленные из сомнительных и общих выражений, создает такую мешанину и путаницу, что показать его ошибки невозможно, не рассмотрев тот разный смысл, который можно придать его словам, и не поняв, как они в любых из этих различных значений будут

соответствовать друг другу и содержат ли они в себе какую-либо истину; ибо как может кто-либо выступать против его тезиса о том, что *Адам был властителем со времени своего сотворения*, если не изучит, следует ли в приведенной фразе, такой, как она перед нами, слова *со времени своего сотворения* понимать выражающими время начала его правления, что подразумевается в предшествующих им словах как *только он был сотворен, он был монархом*, или же, что тоже возможно, как причину этого, так как автор говорит (с. 11): «Сотворение сделало человека государем над его потомками»? Далее, как можно судить об истинности того, что он таким образом стал властителем, пока не изучишь, следует ли нам принять властителя, как должны убедить нас слова в начале этой фразы, на основании допущения его частного владения, которое благодаря прямому пожалованию бога сделало его *монархом всего мира по повелению*, или же властителя на основании допущения его *отцовской власти* над своими отпрысками, которая была дана от природы *в силу права природы*, — повторяю, следует ли нам принять монарха в обоих смыслах, или только в одном из них, или же ни в одном из них, а только в том смысле, что сотворение сделало его государем каким-то образом, отличным от обоих других? Хотя утверждение о том, что *Адам был властителем со времени своего сотворения*, ни в каком смысле не является истинным, оно тем не менее выступает здесь как очевидный вывод, сделанный из предшествующих ему слов, однако в действительности это всего лишь голословное утверждение, соединенное с другими утверждениями того же рода, которые, будучи самонадеянно составлены из слов неопределенного и сомнительного значения, выглядят как своего рода обоснование, тогда как в них нет ни доказательства, ни связи, — прием, очень хорошо известный нашему автору, которого, насколько мне позволит спор, я далее буду стараться меньше касаться, ибо я уже здесь продемонстрировал читателю образчик его и не сделал бы и этого, если бы не имел целью показать людям, как неувязки в сути вопроса и бездоказательные допущения, изящно выраженные в красивых словах и приличествующем стиле, могут почти наверняка сойти за прочное обоснование и здравый смысл, пока на них не посмотреть внимательно.

Глава IV
О ПРАВЕ АДАМА НА ВЕРХОВНУЮ ВЛАСТЬ
НА ОСНОВЕ ДАРА (Быт. 1, 28)

21. Преодолев наконец предыдущую фразу, где нас столь надолго задержала не сила доводов и сопротивления, а запутанность слов и сомнительность значений, давайте перейдем к его следующему доводу в пользу верховной власти Адама. Наш автор, цитируя м-ра Селдена¹⁴, говорит нам, что «Адам благодаря дару, полученному от бога (Быт. 1, 28), был сделан главным господином всех вещей, при этом ему самому было дано частное владение такого рода, что акт пожалования исключал право на него его детей. Это определение м-ра Селдена, — говорит наш автор, — соответствует истории Библии и естественной логике» (З., с. 210). И в предисловии к «Замечаниям на Аристотеля» он говорит так: «Первое правление в мире было монархическим, ибо отец всех смертных Адам, получив повеление размножаться и наполнять землю и обладать ею и имея данное ему владычество над всеми тварями, был тем самым монархом всего мира; ни один из его наследников не имел права владеть чем-либо, не получив от него пожалования или разрешения или же не наследуя ему; землю, по словам автора псалмов, отдал он сынам человеческим, и слова эти говорят, что это право вытекает из отцовства» (З., Пред., с. 187, 188).

22. Прежде чем рассмотреть этот довод и тот текст, на котором он основан, необходимо пожелать нашему читателю понаблюдать, как наш автор в соответствии со своим обычным методом, начиная, вкладывает в слова один смысл, а заканчивая — другой. Он начинает здесь с права собственности Адама, или с его частного владения — результата полученного им дара, а делает вывод — слова эти говорят, что это право вытекает из *отцовства*.

23. Но давайте рассмотрим сам довод. Слова текста следующие: «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1, 28), откуда наш автор делает вывод, что «поскольку Адаму здесь дали владычество над всеми тварями, то он был тем самым монархом всего мира». Это должно означать, что либо это пожалование от бога отдало Адаму в собственность, или, как называет наш автор, в частное владение, землю и все низшие и неразумные су-

щества и, следовательно, тем самым он стал *монархом*, либо, во-вторых, это дало ему власть и господство над всеми земными существами без исключения и тем самым над его детьми, и так он стал *монархом*, ибо, как справедливо заметил м-р Селден, *Адам был сделан главным господином всех вещей*, и можно совершенно ясно понять, что Адам, по его мнению, получил здесь только имущество, и ничего больше, и поэтому он ни слова не говорит о *монархии Адама*. Но наш автор говорит: «Тем самым Адам был монархом всего мира», что, строго говоря, означает верховного правителя над всеми людьми в мире, и, следовательно, благодаря этому пожалованию Адама необходимо утвердить как такого правителя. Если бы наш автор имел в виду что-либо иное, он мог бы с достаточной ясностью заявить, что *Адам тем самым стал владельцем всего мира*. Но здесь уж вам придется извинить его, ибо ясность и четкость языка в отличие от м-ра Селдена и других подобных писателей не отвечают его целям, вы и не должны ожидать их у него.

24. Поэтому в противоположность утверждению нашего автора о том, что *Адам был монархом всего мира*, основанному на этом тексте, я покажу следующее:

во-первых, что этим пожалованием (Быт. 1, 28) бог не дал Адаму никакой непосредственной власти над людьми, над его детьми, над другими представителями его собственного рода и, таким образом, он не был сделан правителем или *монархом* благодаря этой хартии;

во-вторых, что этим пожалованием бог дал ему не *частное владение* над низшими существами, а право, общее со всеми людьми, так что он не был *монархом* в силу собственности, данной ему здесь.

25. Во-первых, то, что этот дар (Быт. 1, 28) не дал Адаму власти над людьми, станет очевидным, если мы рассмотрим сказанные при этом слова. Ибо поскольку значение всех прямых пожалований определяется только смыслом тех ясных слов, в которых они выражаются, и не больше, давайте посмотрим, какие из них в данном случае включают в себя людей, или потомков Адама; я полагаю, что если такие слова вообще есть, то они должны быть следующие: над «всяким животным, пресмыкающимся по земле», на древнееврейском языке эти слова — **לְכָל הַחַיָּה הַרְמִשָּׁה** i. e. *Bestiam Reptantem*¹⁵, а наилучшим толкователем этих слов является само Писание. Создав рыб и птиц на пятый день, бог в начале шестого дня создаст неразумных обитателей суши, которые описыва-

ются следующими словами (с. 24): «...да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их» (с. 25). «И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их». В данном случае, при сотворении животных — обитателей земли, он сначала говорит обо всех их, называя их общим именем *душа живая*, а затем, впоследствии, делит их на три рода:

1. *Скот*, или такие существа, которые были или могли быть приручены и тем самым могли стать личной собственностью отдельных людей,

2. **בְּהֵמָה**, что (ст. 24 и 25) в нашей Библии переведено как «звери» (beasts), а в Септуагинте¹⁶ — θηρία — «дикие звери» (wild beasts), и это то же самое слово, которое в рассматриваемом нами тексте (ст. 28), где изложена эта великая хартия Адаму, переводится как «всякое животное», и также то же самое слово, использованное в книге Бытия (9,2), где это пожалование вновь дается Нюю, там также переведено как «зверь» (beast).

3. Третий род составили твари ползучие (гады), которые в ст. 24 и 25 обозначены словом **רֶמֶשׂ**, тем же самым, которое употреблено здесь в ст. 28 и переведено как «пресмыкающиеся», но в предыдущих стихах — как «гады», а в Септуагинте в этих случаях — как ἔρπετά, или пресмыкающиеся, откуда становится ясно, что слова, которые мы в данном тексте, где говорится о даре, полученном от бога (ст. 28), переводим как «животное, пресмыкающееся», — это те же самые слова, которые в истории сотворения мира обозначают два рода земных существ, viz. «диких зверей» и «пресмыкающихся», именно таким образом их понимает Септуагинта.

26. Когда бог создал неразумных обитателей земли, разделив их на три рода в зависимости от места их обитания — viz. «рыбы морские, птицы небесные и души живые суши», которые в свою очередь были разделены на *скот*, *диких зверей* и *пресмыкающихся*, он размышляет о создании человека и той власти, которую этот последний должен иметь над земным миром (ст. 26), и тогда перечисляет обитателей этих трех царств, но в обитателях суши пропускает второй род **בְּהֵמָה**, или *диких зверей*; но в данном случае (ст. 28), где он фактически выполняет свой замысел и дает человеку эту власть, в тексте упоминаются «рыбы морские, и птицы небесные, и твари земные»; причем употребляются слова, которые обозначают *диких зверей* и *пресмыкающихся*, хотя переведено это как «животное,

пресмыкающееся по земле», но опущено слово «скот». В обоих случаях этих — хотя в одном опущено слово, обозначающее *диких зверей*, а в другом — обозначающее *скот*, поскольку бог безусловно осуществляет в одном случае то, что он, как он сам заявляет, замыслил в другом, — мы не можем не понять одинаково оба этих места, и здесь мы находим только рассказ о том, как земные неразумные животные, которые уже были созданы и при их сотворении разделены на три обособленных рода — *скот, диких зверей и пресмыкающихся*, здесь (ст. 28) действительно полностью отданы во власть человеку, как и было им предназначено (ст. 26). Но эти слова не содержат в себе также ни малейшего намека на то, что может быть неправильно истолковано как обозначающее предоставление богом одному человеку власти над другим; Адаму над его потомками.

27. И это далее становится еще более очевидным из Быт. 9, 2, где бог, возобновляя эту хартию Ною и его сыновьям, дает им власть над «птицами небесными, и рыбами морскими, и зверями земными», которые выражены словами **חיה ורמש** — дикие звери и пресмыкающиеся, теми же самыми словами, которые в рассматриваемом нами тексте (Быт. 1, 28) переведены как «всякое животное, пресмыкающееся по земле», что ни в коем случае не включает людей, поскольку это пожалование дается Ною и его сыновьям, всем жившим тогда на земле людям, а никак не одной части людей в ущерб другой; что еще более очевидно из слов, прямо следующих за этими (ст. 3), где бог дает все **רמש** — «все движущееся, что живет» — используются те же самые слова, что и в Быт. 1, 28, — им в пищу. Из всего этого очевидно, что дар бога Адаму (Быт. 1, 28), и его предначертание (Быт. 1, 26), и его пожалование, снова данное Ною и его сыновьям, относятся к плодам трудов бога на пятый день и начало шестого дня творения, как они изложены в стихах с 20 по 26 включительно главы I, и содержат в себе только их — ни больше ни меньше — и тем самым включают в себя все виды неразумных животных *воды и суши земного шара*, хотя ни в одном тексте, где говорится о следующих далее пожалованиях бога, никогда не употребляются все слова, при помощи которых они (животные) обозначены в истории их сотворения, а одни из них опущены в одном месте, другие — в другом. Отсюда, я полагаю, вне всякого сомнения, следует, что людей нельзя включать в это пожалование, так же как и утверждать, что Адаму передана какая-либо власть над представителями его собственного рода. Все земные нера-

зумные существа при их сотворении (ст. 25) перечислены в родах *звери земные, скот и гады*, но, поскольку тогда человек еще не был создан, он не содержался ни в одном из этих родов, и поэтому, правильно мы понимаем эти древнееврейские слова или нет, нельзя предполагать, что в той же самой истории и в стихах, непосредственно за ней следующих, они должны включать в себя человека, особенно потому, что древнееврейское слово **אדם**, которое в данном даре (если вообще где-либо) Адаму (Быт. 1, 28) должно включать в себя человека, столь очевидно употребляется в противопоставлении к нему, например Быт. 6, 20; 7, 14, 21, 23; 8, 17, 19. И если, как утверждает наш автор, бог, дав Адаму власть над «всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1, 28), сделал всех людей рабами Адама и его наследников, то, полагаю, сэр Роберт должен был бы поднять свою монархическую власть на одну ступень выше и убедить мир, что государи могли бы еще и пожирать своих подданных, поскольку бог дал Ною и его сыновьям такую же полную власть (гл. 9,2) поедать «все движущееся, что живет», какую он дал Адаму господствовать над ними, ибо в обоих случаях древнееврейские слова абсолютно те же самые.

28. Можно полагать, что Давид понимал дар бога, изложенный в данном тексте, не говоря уже о праве монархов, так же хорошо, как наш автор в своем комментарии — как называет его ученейший и рассудительный Эйнсворт¹⁷ — на это место (8-й псалом), но не находит здесь никакой такой хартии монархической власти. Его слова следующие: «Не много. Ты умалил его (т. е. человека, сына человеческого) пред Ангелами; поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его: овец и волов всех, а также полевых зверей, птиц небесных и рыб морских, все, преходящее морскими стезями». Если кто-нибудь сможет обнаружить, что в этих словах имеется в виду какая-то монархическая власть одного человека над другим, а не только владычество всего человеческого рода над низшими видами существ, он, может быть, насколько и понимаю, заслужит того, чтобы стать одним из *монархов по положению сэра Роберта* за исключительность своего открытия. И я надеюсь, что к данному моменту очевидно, что тот, кто дал «владычество над всяким животным, пресмыкающимся по земле», не дал Адаму никакой монархической власти над представителями его собственного рода, что будет показано еще более полно в следующем доводе, который я собираюсь вам предложить.

29. 2. Что бы ни пожаловал бог, изложив свой дар в словах Писания (Быт. 1, 28), это не предназначалось исключительно одному Адаму, без всех остальных людей; какой бы *властью* он тем самым ни обладал, это было не *частное владение*, а владение, общее с остальными людьми. Что этот дар не был дан одному Адаму, совершенно очевидно обнаруживается в словах текста, поскольку дар дается более чем одному человеку, ибо сказано во множественном числе: бог благословил *их*, и сказал *им*: «Владычествуйте». Бог говорит Адаму и Еве: «Владычествуйте»; «поэтому,— говорит наш автор,— Адам был монархом всего мира». Но пожалование делается им, *i. e.* он обратился также и к Еве — многие толкователи небезосновательно полагают, что эти слова не были произнесены до тех пор, пока у Адама не появилась жена — тем самым разве не должна она быть госпожой всего мира, так же как он — господином? Если возразят, что Ева подчинилась Адаму, то, как представляется, она подчинилась ему не настолько, чтобы это помешало ей иметь *власть* над животными или владеть ими как *собственностью*, ибо разве можем мы сказать, что бог когда-либо сделал общее пожалование двоим, а пользоваться им должен был только один?

30. Но, может быть, возразят, что Ева была сотворена позже. Пусть так; какую выгоду от этого получит наш автор? Текст только еще более прямо будет направлен против него, свидетельствуя, что бог, делая этот дар, отдал весь мир всем людям сообща, а не исключительно одному Адаму. Слово «им» в тексте должно включать весь род людской, ибо, несомненно, слово «им» ни в коем случае не может обозначать одного Адама. Из 26-го стиха, где бог заявляет о своем намерении дать эту власть, совершенно ясно, что он намеревался сотворить вид существ, который должен получить власть над всеми другими видами живых существ нашего земного шара. Слова его следующие: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами...» и т. д. «Они» должны были владычествовать. Кто «они»? Как раз те, кто должны были иметь *образ и подобие божие*, — отдельные представители того рода *людей*, который он собирался создать, ибо утверждать, что «им» должно обозначать только Адама, без всех остальных, которые должны жить с ним в одном мире, — значит противоречить как Писанию, так и всему разуму. А если *человек* в первой части стиха не обозначает того же самого, что «им» в последней, тогда это все совершенно невозможно понять;

только человек там, как обычно, понимается как весь род, а «им» — как отдельные представители рода; и обоснование этому мы видим в самом тексте. Бог создает его *по образу своему и подобию*, создает его разумным существом и тем самым способным *владычествовать*. Ибо, что бы еще иное ни составляло *образ бога*, интеллектуальная природа была безусловно его составной частью, принадлежавшей всему роду и позволявшей им *владычествовать* над низшими существами; вот почему в приведенном выше 8-м псалме Давид говорит: «Не много Ты умалил его пред ангелами; поставил его владыкою над делами рук Твоих». И не об Адаме говорит здесь царь Давид, ибо из стиха 5 очевидно, что это сказано о *человеке и сыне человеческого*, о всем роде людском.

31. И то, что это пожалование, обращенное к Адаму, было сделано ему и всему роду человеческому, очевидно из собственного доказательства нашего автора, взятого им у автора псалмов. «Землю, — говорит автор псалмов, — отдал он сынам человеческим, что показывает, что это право вытекает из отцовства» — таковы слова самого сэра Роберта. Взятые нами из упомянутого выше предисловия¹⁸, и поистине странный вывод делает он: «Бог отдал землю сынам человеческим, ergo, это право вытекает из отцовства». Жаль, что для того, чтобы выразить понятие «человечество», правила древнееврейского языка потребовали употребить слова «сыны человеческие», а не «отцы человеческие»; тогда действительно наш автор мог бы опираться на моральную поддержку звучания слов, отдавая *право отцовству*. Но делать вывод о том, что *отцовство* обладало правом на землю потому, что бог дал ее *сынам человеческим*, — значит рассуждать таким образом, который свойствен исключительно нашему автору; и прежде чем случайно наткнуться на этот способ, у человека должна быть твердая решимость идти наперекор как звучанию слов, так и их смыслу. Но смысл как раз более тверд и более отдален от цели, поставленной нашим автором; ибо цель, как она выражена в его предисловии, состоит в том, чтобы доказать, что Адам был монархом, и рассуждение автора состоит в следующем: «Бог отдал землю сынам человеческим, ergo, Адам был монархом всего мира». Пусть кто-нибудь сделает более произвольный вывод, чем этот, который нельзя не обвинять в самой очевидной нелепости до тех пор, пока не будет доказано, что словами *сыны человеческие* обозначен только один тот, у кого вообще не было

отца, — Адам. Но что бы ни делал наш автор, Писание не говорит бессмыслицы.

32. Чтобы сохранить эту *собственность и частное владение* Адама, наш автор на следующей странице тщится уничтожить общность владения, пожалованную Ноею и его сыновьям в упомянутом ранее параллельном тексте (Быт. 9, 1, 2, 3), и пытается сделать это двумя способами.

1. Сэр Роберт вопреки ясно выраженным словам Писания хотел бы убедить нас в том, что то, что здесь даровано Ноею, не даруется его сыновьям совместно с ним. Он говорит: «Что касается общности владения Ноею и его сыновей, которая, как утверждает м-р Селден, была пожалована им (Быт. 9, 2), то текст не подтверждает этого». Трудно себе представить, какого же еще *подтверждения* хочет наш автор, если простые и ясные слова Писания, не могущие иметь другого смысла, не удовлетворяют того, кто, по его словам, строит свои высказывания целиком и полностью на Писании. В тексте говорится: «И благословил Бог Ноея и сынов его, и сказал им», i. e., как считает наш автор, *ему*, «ибо, — говорит он, — хотя там в благословении сыновья упомянуты вместе с Ноем, тем не менее лучше всего это может быть понято так: при подчинении отцу или получении в дар по наследству» (З., с. 211). Поистине нашим автором *лучше всего* понимается то, что лучше всего служит его цели, но всеми остальными действительно лучше всего *может быть понято* то, что лучше всего согласуется с ясным построением слов и вытекает из очевидного значения текста, и тогда пожалование от бога не будет *лучше всего понято* как при *подчинении отцу или получении в дар по наследству*, если он сам не выдвинул этих условий и не упоминает никакого такого ограничения. Но у нашего автора тем не менее есть доводы, почему *лучше всего это может быть понято именно так*. Он далее заявляет: «Благословение могло бы поистине быть претворено в жизнь, если бы сыновья пользовались частным владением либо находясь в подчинении у отца, либо наследуя ему» (З., с. 211), т. е., иными словами, пожалование, ясно выраженные слова которого дают совместное право на собственность в настоящем (ибо текст говорит: «В ваши руки отданы они»), *может лучше всего быть понято при подчинении или наследовании*, потому что, возможно, этим даром можно пользоваться, находясь в *подчинении* или получив *наследство*. Это равносильно тому, чтобы сказать, что пожалование чего-либо во владение в настоящем «может лучше всего быть понято» при повороте прав, потому что,

возможно, можно дожить до того, чтобы пользоваться им при повороте прав. Если действительно пожалование дается отцу, а его сыновьям — после него и он настолько добр, что разрешает своим детям пользоваться им в настоящем вместе с ним, тогда можно поистине сказать, что в отношении этого события и то и другое понимание будет верным; но никогда не может быть правильным, что все, что в ясно выраженных словах дается в общее владение, *может лучше всего быть понято* при повороте прав. Итог всех его рассуждений сводится к следующему: бог не дал сыновьям Ноя мир в общее владение вместе с их отцом, потому что они, возможно, могли пользоваться им под началом отца или после него. Очень хороший довод в противовес ясно выраженному тексту Писания; но богу нельзя верить, пусть он даже высказывается сам, если он говорит, что делает то, что не соответствует гипотезе сэра Роберта.

33. Ибо, как бы он ни исключал сыновей, совершенно очевидно, что часть этого благословения, которую он хотел бы видеть переданной по *наследству*, должна по необходимости предназначаться сыновьям, а вовсе не самому Нюю. Благословляя их, бог сказал: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю»; эта часть благословения, как показывают последующие события, вообще никак не касалась самого Ноя, ибо мы нигде не читаем о его собственных детях, которые появились бы у него после потопа, а в следующей главе¹⁹, где перечисляются его потомки, о них вообще нет никакого упоминания, так что это *благословение, полученное в дар по наследству*, не должно было осуществиться раньше, чем через 350 лет после того, как оно было дано, и, чтобы спасти воображаемую *монархию* нашего автора, заселение мира необходимо задержать на 350 лет²⁰; ибо эту часть *благословения* нельзя понять таким образом, что она может осуществиться путем *подчинения* сыновей Нюю, если только наш автор не заявит, что они должны просить разрешения своего отца Ноя, чтобы возлечь со своими женами. Но в этом одном пункте наш автор последователен во всех своих рассуждениях — он очень заботится о том, чтобы в мире были монархи, и очень мало — чтобы были люди; и действительно, защищаемый им способ правления не лучший способ заселить мир. Ибо о том, в какой мере абсолютная монархия помогает осуществить это великое и первостепенной важности благословение Всемогущего — «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю», заключающееся, между прочим, и в совершенствовании наук и искусств и жизненных

удобств, можно увидеть на примере тех обширных и богатых стран, которые счастливы находиться под властью Турции и где сейчас нельзя найти более одной трети — нет, во многих, если не в большинстве их частей одной тридцатой, возможно, я мог бы сказать, не более одной сотой — того населения, которое жило там ранее, как может легко обнаружить любой, кто сравнит современные сведения об этом с древней историей. Но это между прочим.

34. Другие части этого *благословения* или пожалования выражены таким образом, что должны по необходимости пониматься как относящиеся к сыновьям Ноя не на условиях *подчинения или перехода по наследству*, а в той же мере, как к самому Ною. «Да страшатся и да трепещут вас, — говорит бог, — все звери земные» и т. п. Разве кто-нибудь, кроме нашего автора, скажет, что звери без разрешения Ноя или до его смерти боялись и страшились только его, а не его сыновей? А следующие далее слова — «в ваши руки отданы они» — следует ли и их понимать так, как говорит наш автор: «Если захочет ваш отец» или «Они будут отданы в ваши руки в будущем»? Если это доказывается на основе Писания, то я не знаю, чего еще нельзя было бы доказать с его помощью, и я едва ли смогу понять, насколько это отличается от тех *выдумок и фантазий* или насколько более прочным основанием окажется оно по сравнению с мнениями *философов и поэтов*, которые наш автор подвергает столь яростному осуждению в своем предисловии²¹

35. Но далее наш автор переходит к доказательству того, что «лучше всего это может быть понято» как «при подчинении отцу или получении в дар по наследству», ибо «невероятно (утверждает автор), чтобы частное владение, которое бог дал Адаму и через дарение, передачу права собственности или переуступку предоставленное Адамом его детям, было отменено и между Ноем и его сыновьями была установлена общность собственности на все. Ной был сохранен как единственный наследник всего мира; почему следует полагать, что бог лишил его права, принадлежащего ему от рождения, и сделал его, одного из всех людей земли, единственным арендатором на одних правах со своими детьми?» (3., с. 211).

36. Предубежденность наших собственных плохо обобщенных мнений, какими бы *вероятными* мы их ни называли, не может дать нам право понимать Писание вопреки прямому и ясному значению слов. Я допускаю: невероятно, чтобы здесь *было отменено частное владение Адама*,

поскольку более чем невероятно (ибо это никогда не будет доказано), что Адам вообще обладал каким-либо таким *частным владением*; и поскольку параллельные места Писания, вероятнее всего, подскажут нам, как их *можно лучше всего понимать*, необходимо всего лишь сравнить это благословение, данное здесь Ною и его сыновьям после потопа, с тем, которое получил Адам после своего сотворения (Быт. 1, 28), чтобы убедить любого, что бог не дал Адаму никакого такого *частного владения*. Признаюсь, что после потопа Ной, *вероятно*, должен был обладать тем же правом, той же собственностью и властью, которыми до него обладал Адам. Но поскольку *частное владение* не может быть совместимо с теми благословением и пожалованием, которые бог дал вместе ему и его сыновьям, это является достаточным основанием для вывода о том, что у Адама его не было, особенно если учесть, что в обращении к нему, когда делался этот дар, нет слов, которые бы его выражали или хоть в малейшей степени допускали. А тогда пусть читатель судит сам, *можно ли лучше всего понимать*, если в одном тексте нет ни одного слова об этом, не говоря уже о том, что, как было доказано выше, сам текст доказывает прямо противоположное, а в другом и слова и смысл прямо направлены против этого.

37. Но наш автор говорит: «Ной был единственным наследником всего мира, почему следует полагать, что бог лишил его права, принадлежащего ему от рождения?» Однако в Англии *наследник* означает старшего сына, который по английскому закону должен получить всю землю своего отца; и было бы очень неплохо, если бы автор показал нам, где бог когда-либо назначал такого *наследника всего мира* и каким образом *бог лишил его права, принадлежащего ему от рождения*, или какой ему был причинен вред, если бог дал его сыновьям право использовать часть земли для содержания себя и своих семей, когда вся она тогда была не только больше того, что сам Ной мог использовать, но и бесконечно больше того, что могли использовать все они, и владения одного никак не могли нанести ущерб владениям другого или каким-либо образом ограничить их использование.

38. Наш автор, вероятно предвидя, что он может не добиться очень большого успеха, убеждая людей отказаться от их здравого смысла, и, что бы он ни говорил, люди будут склонны верить очевидным словам Писания и считать правильным то, что они поняли, — что пожалование было сделано вместе Ною и его сыновьям, пытается посеять со-

мнения, как будто это пожалование Ною не означало передачи никакой собственности и никакой власти, потому что «в нем опущено упоминание об обладании землею и владычестве над животными, а земля вообще ни разу не названа». И поэтому, говорит он, «между этими двумя текстами существует значительная разница. Первое благословение дало Адаму власть над землей и всеми тварями, последнее дает Ною свободу употреблять в пищу живые существа; в этом не содержится какого-либо изменения или уменьшения его права на владение всем, но лишь только увеличение его доли» (3, с. 211). Так что в понимании нашего автора все, что говорится здесь Ною и его сыновьям, не дает им ни власти, ни собственности, а лишь «увеличивает долю» — *их долю*, должен сказать я, поскольку бог говорит: «Даю вам все», хотя наш автор говорит *его*, ибо что касается сыновей Ноя, то они, кажется, по предписанию сэра Роберта, пока был жив их отец, должны были соблюдать пост.

39. Любого другого — но не нашего автора — можно было бы чрезвычайно сильно заподозрить в том, что он до такой степени ослеплен предубежденностью, что во всем этом благословении Ною и его сыновьям не может видеть *ничего*, кроме увеличения их доли. Ибо в том, что касается *власти*, упоминание о которой, как считает наш автор, опущено, слова бога «Да страшатся и да трепещут вас все звери земные», я полагаю, выражают ту *власть*, т. е. превосходство, которое предназначено иметь человеку над животными, так полно, как это только возможно, ибо, как представляется, в этом страхе и трепете главным образом заключено то, что было дано Адаму в отношении низших животных, потому что он, каким бы абсолютным монархом ни был, не мог позволить себе вольности с жаворонком или кроликом, чтобы утолить свой голод, и питался травками вместе с животными, как это следует из Быт. 1, 29 и 30. Затем очевидно, что в ясно выраженных словах этого благословения Ною и его сыновьям не только дается собственность, но и предоставляются в отношении ее *бóльшие* права, чем Адаму. Бог говорит Ною и его сыновьям: «В ваши руки отданы они»; и если эти слова не означают передачи собственности, более того — собственности во владение, то очень трудно будет найти такие слова, которые могут это означать, ибо нет ни более естественного, ни более определенного способа выразить *чье-либо* владение *чем-либо*, чем сказать, что *оно передается ему в руки*. А чтобы показать, что им тогда была предоставлена самая

полная собственность, какой только может обладать человек и которая заключается в праве уничтожить что-либо в процессе его использования, бог сказал (ст. 3): «Все движущееся, что живет, будет вам в пищу», чего не было разрешено Адаму в данной им хартии. Наш автор называет это «свободой употреблять их в пищу и только увеличением доли», а не «изменением собственности» (3., с. 211). Трудно понять, какую еще собственность на животных может иметь человек, кроме «свободы употреблять их в пищу». Так что если первое благословение, как говорит наш автор, дало «Адаму владычество над тварями», а благословение Ною и его сыновьям дало им «такую свободу употреблять их», которой не обладал Адам, оно по необходимости дало им нечто, что у Адама, со всей его верховной властью, отсутствовало,— нечто, что можно принять за более полную собственность; ибо, несомненно, тот, кто не может употреблять диких животных так, как это разрешено другому, не обладает абсолютной властью даже над частью диких животных и собственность его на них очень ограничена и недостаточна. Если бы кто-либо являющийся абсолютным хозяином какой-либо страны просил нашего автора «воздвигать землю» и дал ему владычество над тварями, живущими на ней, но не разрешил бы ему для утоления голода брать из стада ни козленка, ни ягненка, я думаю, он вряд ли бы считал себя хозяином или собственником той земли или скота, пасущегося на ней, но обнаружил бы разницу между властью, которой может обладать пастух, и самой полной собственностью, которой обладает владелец. Так что если бы *дело* касалось лично его, то, я полагаю, сэр Роберт подумал бы, что здесь было «изменение», более того — увеличение «собственности», и что благодаря этому пожалованию Ною и его детям не только дана собственность, но дана такая собственность на животных, которой не было у Адама; ибо, каковы бы ни были права собственности на отдельные группы животных, которые может быть позволено иметь одному человеку по сравнению с другим, по сравнению с богом, творцом неба и земли, который является единственным господином и владыкой всего мира, собственность людей на животных есть не что иное, как та «свобода употреблять их», которую разрешил бог, и поэтому собственность человека может быть изменена и увеличена, как, мы видим, было сделано в данном случае, после потопа, когда было позволено такое употребление их, которое раньше не допускалось. Из всего этого, я полагаю, ясно, что ни у Адама, ни у Ноя не

было никакого *частного владения*, никакой собственности на животных, которого не имели бы их потомки, так как они по мере своего развития все больше нуждались в животных и приобрели способность использовать их.

40. Таким образом, мы рассмотрели довод нашего автора в пользу *монархии Адама*, основанный на объявленном благословении (Быт. 1, 28). Думаю, что в нем ни один здравый читатель не в состоянии найти ничего иного, кроме возвышения человечества над остальными видами животных на этой нашей обитаемой земле. Это не что иное, как предоставление человеку, всему роду человеческому, как ее главному обитателю, образу и подобию его творца, власти над другими существами. Это столь очевидно заключено в данных простых словах, что никто, кроме нашего автора, не посчитал бы нужным показать, как эти слова, которые, казалось бы, говорят прямо противоположное, дают *Адаму монархическую абсолютную власть* над другими людьми, или же *исключительное право собственности* на все существа, и я полагаю, что в деле такой важности, к тому же таком, на котором он строит все последующее, он должен был бы сделать нечто большее, чем просто цитировать слова, явно направленные против него. Ибо, признаюсь, я не вижу в них ничего доказывающего *монархию* или *частное владение Адама*, но прямо противоположное. И тем менее я сожалею об ограниченности своего понимания этого вопроса, поскольку у апостола я нахожу, по-видимому, столь же слабое представление о каком бы то ни было таком *частном владении Адама*, как и у меня, ибо он говорит, что «Бог дает нам все обильно для наслаждения»²², чего бы он не мог сделать, если бы мы уже были отданы монарху Адаму и другим монархам, его наследникам и преемникам. В заключение замечу, что этот текст не только не доказывает, что Адам был единственным собственником, но, напротив, является подтверждением первоначальной общности всех вещей у сынов человеческих, и, поскольку это явствует из упомянутого дара, полученного от бога, а также из других текстов Писания, верховная власть Адама, воздвигнутая на его *частном владении*, не имея никакого основания для своей поддержки, должна пасть.

41. Но тем не менее, даже если в конце концов кому-то будет очень нужно, чтобы благодаря этому дару, полученному от бога, Адам был превращен в единственного хозяина всей земли, что это будет означать для его верховной власти? И каким образом отсюда следует, что *собствен-*

мость на землю дает человеку власть над жизнью другого? Или каким образом владение даже всей землей дает кому-либо верховную деспотическую власть над человеческой личностью? Наиболее правдоподобным объяснением будет такое: тот, кто владеет всем миром, может отказать всем остальным людям в пище и тем самым по своему усмотрению уморить их голодом, если они не признают его верховной власти и не подчинятся его воле. Если бы это было так, это был бы очень хороший довод для доказательства того, что никакой такой *собственности* никогда не было, что бог никогда никому не давал никакого такого *частного владения*; ибо более разумно полагать, что бог, который приказал людям плодиться и размножаться, скорее сам предоставил им всем право пользоваться пищей и одеждой и другими жизненными удобствами, материал для которых он дал им в таком изобилии, чем заставлять их зависеть в своем существовании от воли человека, который обладал бы властью уничтожить их всех, если ему это заблагорассудится, и который, будучи несколько не лучше других, мог из-за нужды и зависимости от скудного состояния скорее постоянно понуждать их к тяжелой работе, чем способствовать великому предначертанию бога «плодитесь и размножайтесь» с помощью щедрого предоставления жизненных удобств. Пусть тот, кто сомневается в этом, посмотрит на абсолютные монархии мира и увидит, что происходит там с жизненными удобствами и огромными массами людей.

42. Однако мы знаем, что бог не оставил одного человека на милость другого, чтобы тот мог уморить его голодом, если бы захотел. Бог, господин и отец всех, ни одному из своих детей не дал такой вот собственности в виде его особой доли богатств нашего мира, но предоставил такую, чтобы тот передал своему нуждающемуся брату право на излишек своего имущества, с тем чтобы последнему по справедливости не отказали в этом излишке, когда его неотложные нужды требуют этого. И поэтому ни один человек никогда не мог по справедливости обладать властью над жизнью другого на основе права собственности на землю или имущество, поскольку для любого состоятельного человека всегда будет грехом допустить, чтобы его брат погиб из-за того, что он не захотел предоставить ему помощь от своего изобилия. Ибо, так же как *справедливость* дает каждому человеку право собственности на продукт его честного труда и благие приобретения его предков, перешедшие к нему по наследству, так и *благовори-*

тельность дает каждому человеку, если у него нет других средств к существованию, право собственности на такую часть избытка другого, которая охранит его от крайней нужды, если у него нет никаких других средств к существованию. И тот, кто, воспользовавшись нуждой другого и отказав ему в той помощи, которую бог требует от него для удовлетворения нужд брата, тем самым силой заставляет его стать своим вассалом, поступает не более справедливо, чем тот, кто, обладая большей силой, хватает более слабого, подчиняет его своей воле и, приставив кинжал к горлу, предлагает ему выбор между смертью и рабством.

43. Даже если кто-нибудь будет столь извращенно пользоваться божьими дарами, которыми тот осыпает его щедрой рукой, даже если кто-то будет жесток и немилосерден до такой крайности, тем не менее все это не доказывает, что собственность на землю, даже в этом случае, дает какую-либо власть над личностью людей, а доказывает лишь то, что ее может дать только договор, поскольку власть богатого собственника и подчинение нуждающегося нищего начинаются не с богатства хозяина, а с согласия бедняка, который предпочел стать его подданным, чтобы не умереть с голода. И человек, которому он тем самым подчиняется, не может претендовать на большую власть над ним, чем та, на которую он согласился в договоре. На этом основании человек, имеющий полные склады во времена всеобщей нужды, имеющий деньги в кармане, находящийся в море на корабле, умеющий плавать и т. п., может иметь такое же основание для управления и власти, как если бы он был владельцем всей земли мира, потому что любое из этих положений достаточно для того, чтобы я мог спасти жизнь человека, который погиб бы, если бы в такой помощи ему было отказано. И все, что в соответствии с этим правилом может быть поводом для использования в своих целях нужды другого, дабы спасти его жизнь или что-либо дорогое для него за счет его свободы, может быть сделано основанием для верховной власти так же, как и собственность. Из всего этого ясно, что, даже если бы бог дал Адаму *частное владение*, это *частное владение* не могло бы дать ему никакой *верховой власти*. Но мы уже в достаточной мере доказали, что бог не давал ему никакого *частного владения*.

Глава V
О ПРАВЕ АДАМА НА ВЕРХОВНУЮ ВЛАСТЬ
НА ОСНОВЕ ПОДЧИНЕНИЯ ЕВЫ

44. Мы обнаруживаем, что следующий текст Писания, на котором наш автор строит свою монархию Адама, взят из Быт. 3, 16: «И к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою». «Здесь,— говорит он,— мы имеем первоначальное предоставление правления», откуда он в следующем ниже на той же странице параграфе (З., с. 244) делает вывод, что «высшая власть отдана отцовству и ограничена одной формой правления, т. е. монархией». Ибо, каковы бы ни были послышки, вывод его всегда один и тот же; пусть в любом тексте хоть единожды упомянуто *управление*, и тут же на основе божественного права устанавливается *абсолютная монархия*. Если кто-либо всего лишь внимательно прочтет собственные рассуждения нашего автора, сделанные на основе этих слов (З., с. 244), и изучит среди прочего *линию и потомков Адама* в том виде, как он туда их привлекает, ему будет несколько затруднительно понять, что автор говорит; но мы пока отнесем это за счет его особого способа писания и рассмотрим суть самого данного текста. Эти слова выражают проклятие богом женщины за то, что она была первой и самой дерзкой в выражении неповиновения богу; и если мы примем во внимание повод, в связи с которым бог обращается здесь к нашим прародителям, то, что он объявляет им приговор и изливает на них обоих свой гнев за их неповиновение, тогда мы не можем предположить, что это — тот момент, когда бог награждает Адама прерогативами и привилегиями, наделяет его достоинством и властью, возвышает его до господства и монархии; ибо хотя, как пособница в искушении и соучастница в прегрешении, Ева была поставлена ниже его и тем самым он случайно получил превосходство над ней, поскольку полученное ею наказание было более серьезным, однако и он тоже внес свою лепту в грехопадение, как и в сам грех, и его тоже унизили, что можно увидеть в следующих далее стихах; трудно себе представить, чтобы бог на одном дыхании сделал его вселенским «монархом» над всеми людьми и пожизненным батраком, вышвырнул из рая «возделывать землю» (ст. 23) и одновременно возвел его на трон и дал все привилегии и покой абсолютной власти.

45. Это был не тот случай, когда Адам мог ожидать каких-либо милостей, какого-либо предоставления привиле-

гий от своего оскорбленного создателя. Если это было «первоначальное предоставление правления», как говорит нам наш автор, и Адам теперь был сделан монархом, то, как бы ни называл его сэр Роберт, ясно, что бог сделал его всего лишь очень бедным монархом, таким, что даже наш автор сам посчитал бы, что быть им — не такая уж большая привилегия. Бог заставил его работать, чтобы жить, и, кажется, вручил ему лопату, скорее, чтобы возделывать землю, чем скипетр, чтобы править ее обитателями. «В поте лица твоего будешь есть хлеб», — сказал ему бог (ст. 19). Может быть, на это можно возразить, что это было неизбежно, потому что у него еще не было подданных и некому было работать на него; однако впоследствии, поскольку он прожил свыше 900 лет, у него могло быть достаточно людей, которых он мог заставить работать вместо себя; нет, говорит бог, не только пока у тебя нет никаких помощников, кроме жены, но и пока ты жив, ты будешь жить своим трудом. «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты и в прах возвратишься» (ст. 19). Опять-таки, может быть, можно ответить на это, поддержав нашего автора, что эти слова говорятся не лично Адаму, а всем людям через него как их представителя, поскольку это проклятие наложено на все человечество из-за грехопадения.

46. Бог, я полагаю, говорит отлично от людей, потому что он высказывается с большей истиной, большей определенностью; но когда он снисходит до разговора с людьми, я не думаю, чтобы его речь отличалась от речи людей, нарушая те правила языка, которые употребляются у них. Когда он унижает себя обращением к ним, он поступает так не для того, чтобы опуститься до уровня их способностей, а для того, чтобы был потерян смысл его высказывания, чтобы высказанное таким образом они не могли понять. И тем не менее мы вынуждены думать о боге именно таким образом, если должны принять как правильные те толкования Писания, которые необходимы для поддержания доктрины нашего автора. Ибо в соответствии с обычными правилами языка будет очень трудно понять, что говорит бог; если то, что он говорит здесь в единственном числе, обращаясь к Адаму, необходимо понять как обращение ко всем людям, а то, что он выражает во множественном числе (Быт. 1, 26 и 28), необходимо понимать как сказанное только в отношении одного Адама, исключая всех остальных; а то, что он говорит Ною и его сыновьям

вместе, необходимо понимать как обращение, предназначенное для одного Ноя (Быт. 9).

47. Далее, необходимо отметить, что те слова из Быт. 3, 16, которые наш автор называет «первоначальным предоставлением правления», были обращены не к Адаму и в них на самом деле не только не содержалось никакого пожалования для Адама, а, напротив, излагалось наказание Евы; и если мы примем их так, как они были направлены, — непосредственно к ней или через нее как представителя ко всем другим женщинам, они в лучшем случае касаются только женского пола и означают лишь то подчинение мужьям, в котором они обычно будут находиться, и ничего больше; но здесь речь идет не о законе, по которому женщина обязана находиться в таком подчинении, если обстоятельства ее положения или условия договора с мужем освободят ее от этого, так же как и не о том, что она обязана рожать детей в страданиях и муках (что тоже входит в проклятие, полученное ею от бога), если может быть найдено средство от них, ибо весь стих читается следующим образом: «Жене сказал: умножая, умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою». Думаю, что кому-либо другому — но не нашему автору — было бы очень трудно найти предоставление «монархического правления Адаму» в этих словах, которые были сказаны не ему и не о нем; полагаю также, что на основании этих слов никто не подумает, что долг слабого пола, якобы по закону подвергшегося таким образом проклятию, в них содержащемуся, — не стремиться избежать его. И разве кто-нибудь скажет, что Ева или какая-либо другая женщина согрешила, если она разрешилась от бремени без тех умноженных мук, которыми угрожает ей здесь бог. Или что если бы любая из наших королев, Мария или Елизавета²³, вышла замуж за одного из своих подданных, то на основании этого текста она бы попала в политическое подчинение ему, или что он тем самым должен был бы пользоваться правом «монархического правления» над ней? Насколько я понимаю, бог в этом тексте не дает никакой власти Адаму над Евой или мужьям над женами, а лишь предсказывает, каков будет жребий жен, как он своим провидением постановит, чтобы она подчинялась своему мужу, и как, мы видим, законы людей и обычаи народов устроили это именно таким образом, и, и должен признать, для этого есть основание в природе.

48. Так, когда бог говорит об Иакове и Исаве, что «большой будет служить меньшему» (Быт. 25, 23), никто не предполагает, что тем самым бог сделал Иакова господином над Исавом, но что он предсказал то, что должно произойти *de facto*.

Но даже если эти слова, обращенные здесь к Еве, должны по необходимости быть поняты как закон, обязывающий ее и всех женщин к подчинению, это не может быть никаким иным подчинением, кроме того, в котором каждая жена находится по отношению к своему мужу, и тогда если это будет *первоначальным предоставлением правления и основанием монархической власти*, то будет столько монархов, сколько мужей. Поэтому, если эти слова и дают какую-либо власть Адаму, она не может быть политической, а только супружеской — той властью, которой обладает каждый муж, — распоряжаться всеми делами, имеющими значение для частной жизни в своей семье, в качестве владельца ее имущества и земли и ставить свою волю выше воли жены во всех делах, которые касаются их обоих вместе; но он не имеет политической власти, т. е. права распоряжаться жизнью и смертью, ни над ней, ни тем более над кем-либо другим.

49. Я уверен в следующем. Если наш автор хочет, чтобы этот текст выражал *предоставление, первоначальное предоставление правления, политического правления*, ему следовало бы доказывать это, привлекая более веские доводы, а не утверждая просто, что слова «к мужу твоему влечение твое» были законом, по которому Ева и «все, кто произойдет от нее» были подчинены абсолютной монархической власти Адама и его наследников. Выражение «к мужу твоему влечение твое», в отношении значения которого толкователи не пришли к единому мнению, слишком двусмысленно, чтобы столь самоуверенно строить на нем свой тезис, к тому же в вопросе столь важном и имеющем огромное и всеобщее значение; но наш автор в соответствии со своим оригинальным способом писания, процитировав однажды текст, тут же без какого-либо дополнительного беспокойства делает вывод, что значение его таково, какое дает ему он. Стоит ему только обнаружить в тексте или на полях слова «править» и «подданный», и они тут же означают долг подданного в отношении своего государя, история изменяется, и, хотя бог говорит «муж», сэр Роберт читает «монарх»; у Адама немедленно появляется «абсолютная монархическая власть» над Евой, и не только над Евой, но и над «всеми, кто произойдет от

нее», хотя в Писании не говорится об этом ни слова, и наш автор тоже не приводит ни слова для доказательства этого. Но Адам, несмотря ни на что, должен быть абсолютным монархом, к тому же не позднее конца главы. И здесь я прошу читателя подумать о том, не явится ли одно мое утверждение о том, что данный текст не дает Адаму той *абсолютной монархической власти*, которую предполагает наш автор, высказанное просто, без каких-либо предложенных мною обоснований, столь же достаточным для уничтожения этой власти, как его голословное утверждение — для ее установления, поскольку в тексте не упоминается ни *государь*, ни *народ*, ничего не говорится ни об *абсолютной*, ни о *монархической власти*, а только о подчинении Евы Адаму, жены своему мужу. И тот, кто таким образом проследил бы ход рассуждений нашего автора до конца, дал бы краткий и достаточно убедительный ответ на большую часть оснований, из которых исходит автор, и более чем необходимо опроверг бы их простым отрицанием; ибо для опровержения бездоказательных утверждений достаточно их отрицать, не выдвигая для этого оснований. И поэтому мне не нужно было бы ничего говорить, а просто отрицать, что с помощью этого текста «самим богом была установлена и основана высшая власть в отцовстве, ограниченная монархией, и только для личности Адама и его наследников» (все это наш автор заключает именно из этих слов, как это можно увидеть на той же самой странице — 3., с. 244), и этого было бы достаточно для ответа; если бы я выразил пожелание, чтобы какой-либо трезвый человек только прочел текст и поразмыслил, кому и по какому случаю это говорилось, то он, без сомнения, удивился бы, каким образом наш автор нашел в нем *монархическую абсолютную власть*, если не обладал бы исключительно подходящей способностью самому обнаруживать ее там, где он не мог показать ее другим. И таким образом мы рассмотрели два места Писания — все, насколько мне помнится, что автор приводит для доказательства *верховой власти Адама*, того *главенства*, которое, говорит он, «веле-нием бога должно быть у Адама неограниченным и таким же необъятным, как все деяния его воли» — viz. Быт. 1, 28 и Быт. 3, 16, одно из них означает только подчинение низших видов животных людям, а другое — повиновение, которое жена обязана оказывать своему мужу; и то и другое достаточно далеки от того, которое подданные обязаны проявлять в отношении правителей политических обществ.

Глава VI
О ПРАВЕ АДАМА НА ВЕРХОВНУЮ ВЛАСТЬ
НА ОСНОВЕ ОТЦОВСТВА

50. Остается еще одно — и тогда, я полагаю, вам будет представлено мною все, что наш автор приводит в качестве доказательства верховной власти Адама, — это предположение о его естественном праве владычествовать над своими детьми, потому что он их отец, и автор настолько доволен этим правом *отцовства*, что вы найдете его почти на каждой странице; в частности, он заявляет: «Не только Адам, но и наследовавшие ему патриархи по праву отцовства обладали монархической властью над своими детьми» (с. 12). И еще на той же странице: «Поскольку это подчинение детей было источником всей монархической власти...» и т. д. Раз он так часто упоминает его, можно подумать, что это — главная основа всей его системы, и мы вполне можем ожидать ясного и четкого обоснования его, так как в качестве положения, необходимого для своей цели, он излагает следующее: «Каждый рожденный человек настолько далек от того, чтобы быть свободным, что самим актом своего рождения становится подданным того, кто его породил» (З., с. 156). Так что, поскольку один Адам был сотворен, а все остальные после него — рождены, никто не рождается свободным. Если мы теперь спрашиваем, каким образом Адам приобрел эту власть над своими детьми, он говорит нам здесь, что дав им жизнь. И еще раз говорит о том же (З., с. 223): «Это естественное владычество Адама может быть доказано на основе свидетельства самого Гроция, который учит нас, что *generatione jus acquiritur parentibus in liberos*»²⁴. И действительно, так как сам факт рождения ребенка делает мужчину отцом, его право отца в отношении своих детей может возникнуть только из него, и не из чего иного.

51. В упомянутом тексте Гроций не говорит нам, насколько далеко простирается эта *jus in liberos*²⁵, эта власть родителей над своими детьми; но наш автор, которому в данном вопросе всегда все ясно, заверяет нас, что это *высшая власть*, абсолютная власть над жизнью и смертью, подобная власти абсолютных монархов над своими рабами. Тот, кто спросит у него, каким образом или на каком основании рождение ребенка дает отцу такую абсолютную власть над ним, не получит никакого ответа; мы должны поверить ему на слово как в этом, так и в некоторых других вопросах и по этому слову должны сохранять

свою силу или ниспровергаться законы природы и установления правительства. Если бы он был абсолютным монархом, такой способ ведения диалога достаточно хорошо бы ему подходил; *pro ratione voluntas*²⁶ мог бы иметь силу в его устах, но очень неуместен в качестве доказательства или довода и мало послужит его защите абсолютной монархии. Сэр Роберту придется значительно уменьшить авторитет подданных, чтобы оставить себе надежду утвердить что-либо, просто сказав об этом. Бездоказательное мнение одного раба недостаточно весомо, чтобы разделаться со свободой и судьбами всех людей; если все люди от природы не равны — а я думаю, что они равны, — то, я уверен, все рабы равны между собой, и тогда я могу без всякой самонадеянности противопоставить одно свое личное мнение его мнению и быть уверенным в том, что мое заявление о том, что *рождение детей не делает их рабами отцов*, так же безусловно освобождает всех людей от рабства, как его утверждение, прямо противоположное моему, делает всех их рабами. Но чтобы поступить совершенно честно с этим положением, являющимся основанием учения всех тех, кто считает монархию *jure divino*, давайте выслушаем доводы в его пользу, высказанные другими, поскольку наш автор не выдвигает никаких.

52. Для того чтобы доказать, что отцы, дав жизнь детям, тем самым приобретают абсолютную власть над ними, иные, как я слышал, прибегали к следующему доводу: «Отцы имеют власть над жизнью своих детей, потому что они дают им жизнь и средства к существованию», таково единственное допустимое доказательство, поскольку не может быть никаких оснований для того, чтобы один человек от природы имел какие-либо претензии или видимость права на что-то у другого человека, чем он никогда не обладал, чего он никогда не давал, но что было получено за счет щедрости другого. 1. Я на это отвечаю, что всякий, кто дает что-либо другому, не всегда тем самым приобретает право взять это обратно. 2. Но у тех, кто говорит, что отец дает жизнь своим детям, настолько захватило дух от мыслей о монархии, что они не помнят, хотя и должны бы, бога, который есть «создатель и даритель жизни, в нем одном мы живем, движемся и имеем средства к существованию». Как можно думать о ком-то, что он дает жизнь другому, если он сам не знает, в чем состоит его собственная жизнь? Философы, проведя самые тщательные исследования, находят в затруднении относительно этого; а анатомы, потратя целые жизни на исследования, на вскрытия и тща-

тельное изучение тела человека, признают свое невежество в отношении строения и использования многих частей и органов человеческого тела, равно как и в отношении того действия, из которого в целом и состоит жизнь. И разве неотесанный батрак или еще более невежественный сластолюбец задумывает и создает такой замечательный механизм, как этот, и затем вселяет в него жизнь и разум? Может ли кто-либо сказать, что он создал органы, необходимые для жизни своего ребенка? Или может ли он сам предположить, что он дал жизнь и тем не менее не знает, какой субъект в состоянии ее получить или какие действия или органы необходимы для ее получения или сохранения?

53. Дать жизнь тому, что еще не имеет существования, — значит задумать и сотворить живое существо, сформовать части и органы тела, и изготовить их и приспособить к соответствующему использованию, и, соразмерив и подогнав друг к другу, вложить в них живую душу. Тот, кто мог бы это сделать, мог бы действительно в некоторой мере претендовать на то, чтобы уничтожить плоды своего собственного мастерства. Но найдется ли такой смельчак, который дерзнет таким образом нагло присвоить себе непознаваемые творения Всемогущего, который единолично сначала сделал и по-прежнему продолжает творить живую душу? Он один в состоянии вдохнуть в нее дыхание жизни. Если кто-либо полагает себя мастером этого дела, пусть он перечислит сделанные им части и органы тела ребенка, расскажет мне об их использовании и действии и о том, когда живая и разумная душа начала обитать в этом любопытном строении, когда проснулись чувства и каким образом этот задуманный им механизм думает и размышляет. Если он сделал его, то пусть, когда он выйдет из строя, по крайней мере скажет, где неисправности. «Образовавший глаз не увидит ли?» — говорит автор псалмов (Псалом 93, 9). Посмотрите на тщеславие этих людей. Строения одного этого органа достаточно, чтобы убедить нас во всемудрости создателя, и он может со всей очевидностью претендовать на нас как на плоды своего искусства, так что одно из самых обычных названий бога в Писании — «бог наш творец» и «господь наш творец». И поэтому, пусть наш автор, дабы возвеличить свое *отцовство*, для своего удовольствия заявляет (3., с. 159), что «даже та власть, которую сам бог осуществляет над людьми, есть власть по праву отцовства», все же его отцовство такое, что полностью исключает всякие претензии земных

родителей на это право; ибо он царь потому, что он действительно создал всех нас, на что никак не могут претендовать родители в отношении своих детей.

54. Но даже если бы люди обладали умением и способностью создавать своих детей, это произведение искусства не терпит такого пренебрежительного отношения, чтобы можно было представить себе, будто они могли бы делать их без предварительного замысла. Какой отец тысячи детей, когда он зачинает ребенка, думает о большем, чем утоление своей сиюминутной страсти? Бог в своей бесконечной мудрости вложил в конституцию людей сильное желание совокупления, чтобы тем самым продолжить человеческий род, что он по большей части делает без проявления такого намерения со стороны родителя, а часто против его согласия и воли. И более того, те, кто желает и замышляет детей, являются лишь обстоятельствами их появления на свет, и когда они задумывают и желают зачать их, то делают для их создания еще меньше, чем в мире Девкалион и его жена, которые помогали создавать людей, бросая камешки через голову²⁷

55. Но допустим, что родители создали своих детей, дали им жизнь и средства к существованию и отсюда последовала абсолютная власть. Это дало бы *отцу* лишь совместную с матерью суверенную власть над ними. Ведь никто не может отрицать того, что женщине принадлежит в этом равная, если не бóльшая доля, ибо она в течение долгого времени питает ребенка в своем теле за счет своего существования. Там он формируется и получает от нее исходные материалы и начала своей конституции; и трудно представить себе, чтобы разумная душа тут же вселилась в еще не сформировавшийся зародыш, как только отец внес свой вклад в акт зачатия, так что если и нужно предполагать, что ребенок что-либо заимствовал у своих родителей, то он безусловно должен быть больше обязан матери. Но как бы то ни было, матери нельзя отказать в равной доле участия в рождении ребенка, и, следовательно, отсюда не может возникнуть абсолютная власть отца. Правда, наш автор придерживается другого мнения, ибо он говорит: «Мы знаем, что бог при сотворении мира дал мужчине верховную власть над женщиной, так как он — более благородное и главное действующее лицо при зарождении потомства» (3, с. 172). Я не помню, и, когда очередь дойдет до того места, в котором бог «при сотворении мира» дает мужчине верховную власть над женщиной и по той причине, что «он —

более благородное и главное действующее лицо при зарождении потомства», у нас будет достаточно времени, чтобы рассмотреть его и дать ответ. Однако нет ничего нового в том, что наш автор выдает нам свои собственные измышления за бесспорные и божественные истины, хотя часто между его собственными и божественными откровениями существует огромное различие; ведь в Писании бог говорит: «Отец его и мать его, родившие его»²⁸

56. Те, кто приводит в качестве доказательства власти родителей над детьми встречающиеся у людей случаи *оставления детей на произвол судьбы или их продажи*, — удачливые спорщики, вместе с сэром Робертом, и не могут не разоблачить свое мнение уже тем, что основывают его на самом постыдном поступке и самом противоестественном убийстве, на которые способна человеческая натура. Логовища львов и волков не знают подобной жестокости. Эти дикие обитатели пустыни повинуются богу и природе, нежно и тщательно заботясь о своем потомстве. Они охотятся, стоят на страже, бьются и почти что голодают ради сохранения своей молодежи, никогда с ними не расстаются, никогда не бросают их, пока они не способны обходиться без посторонней помощи. И неужели это привилегия одного человека — поступать более противно природе, чем дикие и самые неукротимые из тварей? Разве бог не запрещает нам под страхом самого сурового наказания, т. е. смерти, лишать жизни любого человека, даже незнакомого и даже если нас подстрекают к этому? А разрешает ли он нам уничтожать тех, кого он поручил нашим заботам и вниманию, и требует от нас, чтобы мы в соответствии с велениями природы и разума и его данной в откровении заповедью берегли? Он с особым тщанием позаботился о том, чтобы все части сотворенного им мира, все разнообразные виды живых существ размножались и продолжали свой род, и заставил отдельных их представителей действовать так настойчиво для достижения этой цели, что они порой ради нее пренебрегают своим собственным личным благополучием и, кажется, забывают то общее правило самосохранения, которому природа учит все живое, и сохранение их потомства, как самое сильное начало, берет у них верх над конституцией присущей им природы. Так, мы видим, что, когда это нужно их потомству, робкие становятся храбрыми, злобные и жестокие — добрыми, хищные — нежными и великодушными.

57. Но если примеры того, что было, должны служить правилом для того, чему следует быть, то история снабди-

ла бы нашего автора случаями применения этой абсолютной отцовской власти во всей ее возвышенности и совершенстве, и он мог бы нам показать, как в Перу люди заводят детей с целью откормить их и съесть. Пример этот настолько выдающийся, что я не могу не привести его в виде авторской цитаты. «В некоторых провинциях, — говорит он, — столь жаждут человеческой плоти, что у них не хватает терпения дожидаться, пока дыхание покинет тело, и они сосут кровь из ран умирающего. Они устраивают публичную распродажу человеческого мяса, и их безумие в этом деле достигает такой степени, что они не щадят собственных детей, которых они имеют от иноплеменных женщин, захваченных на войне; ибо они делают пленниц своими любовницами и тщательно откармливают детей, которых от них имеют, примерно до тринадцати лет, когда их убивают и пожирают; и они поступают с матерями таким же образом, когда те стареют, не могут уже рожать детей и перестают поставлять им жаркое», Garcilasso de la Vega hist. des uncas de Peru, I. I. с. 12²⁹

58. Настолько далеко, до жестокости ниже уровня животных, может довести беспокойный ум человека, когда он забывает о разуме, который ставит его ночью наравне с ангелами. Но по-иному не может и быть, ибо речь идет о существе, мысли которого бесчисленнее песков и шире океана; фантазия и страсть должны неизбежно увести его на странные пути, если он не управляется разумом, который является его единственной звездой и компасом. Воображение всегда беспокойно и внушает самые разные мысли, а воля, когда разум забыт, готова к любому необычному делу; и в этом состоянии тот, кто уйдет дальше всех в сторону от обычных путей, считается самым подходящим вождем и уверен в том, что большинство последует за ним; а когда мода однажды закрепляет то, что начато безрассудством или хитростью, обычай делает его священным, и противоречить ему или ставить его под сомнение будет считаться наглостью или безумием. Тот, кто беспристрастно посмотрит на мир, обнаружит, что столь многое было введено и закреплено в религии, государственном правлении и нравах народов мира таким образом, что он не может не испытывать очень мало почтения к обычаям, распространенным среди людей и пользующимся у них доверием, и у него будет основание полагать, что леса и чащи, где неразумные, необразованные обитатели ведут правильную жизнь, следуя природе, более пригодны к тому, чтобы давать нам законы, чем города и дворцы, где те, кто называ-

ют себя цивилизованными и разумными, сбиваются с истинного пути, опираясь на авторитет примера.

Если для установления правила в каком-либо деле достаточно прецедентов, то наш автор обнаружил бы в Священном писании детей, принесенных в жертву родителями, и притом среди самого народа божьего. Автор псалмов сообщает нам (Пс. 105, 38): «Проливали кровь невинную, кровь сыновей и дочерей своих, которых приносили в жертву идолам Ханаанским». Но бог судил об этом не по правилам нашего автора, не позволил авторитету обычая пойти против своего праведного закона, но, как написано дальше, «и осквернилась земля кровью. И воспылал гнев Господа на народ Его, и возгнушался Он наследием своим». Убийство детей, даже если бы оно было обычаем, было объявлено преступлением как пролитие «крови невинной» и поэтому во мнении бога было грехом убийства, подобно тому как принесение их в жертву идолам было грехом идолопоклонства.

59. Пусть тогда, как говорит сэр Роберт — «в древности», люди «обычно продавали и кастрировали своих детей» (3., с. 155). Пусть они бросали их на произвол судьбы; добавьте к этому, если хотите — ибо это проявление еще большей власти, — что они производили их на свет, чтобы откармливать и пожирать их за своим столом. Если ссылка на это доказывает право поступать таким образом, мы можем с помощью того же самого довода оправдать разврат, кровосмешение и содомский грех, потому что имеются примеры, как древние, так и современные, и такого. Полагаю, что основная тяжесть этих грехов состоит в том, что они противоречат главному намерению природы, которая хочет увеличения числа людей, и продолжения человеческого рода в состоянии самого высокого совершенства, и безупречности семей при прочности супружеского ложа как необходимого для этого условия.

60. В подтверждение этой естественной власти отца наш автор приводит очень слабый довод, используя прямую заповедь бога из Писания; он говорит следующее: «Для подтверждения естественного права монархической власти мы находим в десяти заповедях, что закон, предписывающий повиновение монархам, изложен в словах *почитай отца твоего*» (с. 23). «В то время как многие признают, что правление только в абстрактном смысле является повелением бога, они не в состоянии доказать наличие какого-либо такого повеления в Писании, кроме как только ссылкой на отцовскую власть; и поэтому мы обнаружи-

ваем, что заповедь, предписывающая повиновение старшим, дана в словах *почитай отца твоего*; так что не только власть и право правления, но и форма правящей власти, и лицо, облеченное властью, — все являются велениями бога. Первый отец обладал не просто властью, но властью монархической, поскольку он стал отцом непосредственно от бога» (З., с. 254). С той же целью тот же самый закон приводится нашим автором в нескольких других местах и абсолютно таким же самым образом, т. е. упоминания о матери, как апокрифические слова, постоянно опускаются — великое доказательство честности нашего автора и справедливости его дела, которое потребовало от своего защитника рвения столь горячего, чтобы он смог искажать священный закон слова божия с целью заставить это слово соответствовать данному случаю; способ действия, не чуждый тем, кто не принимает истин, потому что их предлагают разум и откровение, а поддерживает догмы и партии для целей, отличных от истины, а затем решает защищать их любой ценой и обращается со словами и смыслом авторов так, чтобы они отвечали его цели, подобно тому как Прокруст³⁰ обращался со своими гостями, укорачивая или растягивая их, чтобы они лучше подходили под размер его понятий, и они всегда, подобно тем, кто подвергался такому обращению, оказывались изуродованными, ослабленными и бесполезными.

61. Ибо если бы наш автор изложил эту заповедь без подтасовки, как дал ее бог, и присоединил *мать* к отцу, каждый читатель увидел бы, что она направлена прямо против него и не только не устанавливает *монархическую власть отца*, но, напротив, ставит *мать* в равное с ним положение и не предписывает ничего, кроме того, что следует вместе и отцу и матери, ибо таков постоянный смысл Писания: «Почитай отца твоего и мать твою» (Исх. 20, 12); «Кто ударит отца своего или мать свою, того должно предать смерти» (Исх. 21, 15); «Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти» (Исх. 21, 17); то же повторяется в Лев. 20, 9 и нашим Спасителем (Матф. 15, 4); «Бойтесь каждый матери своей и отца своего» (Лев. 19, 3); «Если у кого будет сын буйный и непокорный, неповинующийся голосу отца своего и голосу матери своей... то отец его и мать его пусть возьмут его... и скажут...: «сей сын наш буен и непокорен, не слушает слов наших»» (Втор. 21, 18—20); «Проклят злословящий отца своего или мать свою» (Втор. 27, 16); «Слушай, сын мой, наставление отца твоего и не отвергай заве-

та матери твоей» (Притч. 1,8) — таковы слова Соломона, царя, который знал, что принадлежит ему как царю и как отцу, и тем не менее упоминает *отца* и *мать* вместе во всех наставлениях, которые он дает детям в своей книге Притчей. «Горе тому, кто говорит отцу: «зачем ты произвел меня на свет?», а матери: «зачем ты родила меня?»» (Ис. 45, 10); «У тебя отца и мать злословят» (Иез. 22,7); «Тогда, если кто будет пророчить, то отец его и мать его, родившие его, скажут ему: тебе не должно жить, и поразит его отец его и мать его, родившие его, когда он будет пророчить» (Зах. 13, 3). В данном случае не один отец, а отец и мать вместе имеют власть над жизнью и смертью. Так дается закон в Ветхом завете, а в Новом отец и мать равным образом объединяются в отношении повинования своих детей (Ефес. 6, 1). Правило гласит: «Дети, повинуйтесь своим родителям», и я не помню, чтобы я где-нибудь прочел: «Дети, повинуйтесь своему отцу», и ничего больше. В Писании *матери* также оказывается то уважение, которое она должна получать от детей, и если бы где-либо нашелся текст, в котором почитание или послушание детей относилось только к *отцу*, то маловероятно, чтобы наш автор, который претендует на то, что он строит все на Писании, пропустил бы его. Нет, Писание делает власть *отца* и *матери* в отношении тех, кого они породили, настолько равной, что в некоторых местах оно при перечислении даже пренебрегает приоритетом, который, как считают, полагается отцу, и сначала ставит *мать*, как в Лев. 19, 3. И из того, что отец и мать так постоянно соединяются вместе, как это обнаруживается всюду в Писании, мы можем сделать вывод, что почитание, которого они имеют право ожидать от своих детей, — это одно общее право, принадлежащее им обоим в столь равной степени, что ни один из них в отдельности не может претендовать на него целиком и ни один не может быть его лишен.

62. Можно только удивляться, каким образом наш автор из пятой заповеди делает вывод, что вся *власть изначально принадлежала отцу*. Каким образом он обнаруживает, что «монархическая государственная власть установлена и закреплена заповедью *почитай отца твоего и мать твою*». Если в соответствии с заповедями все почитание, что бы под этим ни понималось, составляет единственное право *отца*, потому что он, как говорит наш автор, «имеет верховную власть над женщиной как более благородное и главное действующее лицо при зарождении потомства», почему бог впоследствии всюду присоединяет

к нему *мать*, чтобы она разделила с ним это почитание? Может ли отец, используя эту свою верховную власть, освободить ребенка от оказания этого *почитания* своей *матери*? Писание не дает никакой такой вольности иудеям, и все-таки между мужем и женой часто были достаточно широкие расхождения, вплоть до развода и отдельной жизни; и, я думаю, никто не будет утверждать, что ребенок может не проявлять почитания своей матери, или, как говорит Писание, «злословить ее», даже если отец вдруг прикажет ему сделать это, и в равной мере мать не может спустить ему то, что он пренебрегает *почитанием* отца, из чего очевидно, что эта заповедь бога не дает отцу ни верховной власти, ни главенства.

63. Я согласен с нашим автором в том, что родители наделяются правом на это *почитание* природой, оно дается им за то, что они производят детей, и бог многими заявлениями прямо подтвердил его. Я понимаю также сформулированное нашим автором правило: «Что касается пожалований и даров, которые, подобно власти отца (разрешите мне добавить — *и матери*, ибо кого бог соединил, пусть тех ни один человек не разъединяет), ведут свое происхождение от бога или природы, то никакая власть человека, уступающая ей в силе, не может ограничить их или устанавливать какие-либо законы, ограничивающие их» (3., с. 158). Так что раз, согласно этому закону бога, мать имеет право на почитание со стороны своих детей, которое не подчинено воле отца, то мы видим, что эта *абсолютная монархическая власть отца* не может ни быть основана на нем, ни соответствовать ему; и его власть очень далека от *монархической*, очень далека от той абсолютности, за которую выступает наш автор, если другой имеет такую же власть над его подданными, как и он сам, и на основе того же права, и поэтому сам автор не может удержаться, чтобы не сказать, что «не понимает, каким образом чьи-либо дети могут быть свободны от подчинения своим родителям» (с. 12), что в обычной речи, я думаю, означает как *отца*, так и *мать*, или если слово *родители* в данном случае означают только *отца*, то я впервые узнаю о таком его значении, и при помощи такого употребления слов можно говорить что угодно.

64. В соответствии с доктриной нашего автора отец, имея абсолютную юрисдикцию над детьми, имеет и такую же власть над их потомством, и если правильно, что у отца есть такая власть, то и следствие выведено правильное. И тем не менее я спрашиваю нашего автора, может ли дед

своей властью освободить внука от почитания отца, которое тому подобает оказывать в соответствии с пятой заповедью? Если дед *по праву отцовства* наделен единоличной верховной властью и по заповеди «почитай отца твоего» требует того повиновения, которое полагается оказывать верховному правителю, то, очевидно, он может распорядиться, чтобы внук не чтит своего отца, но так как с точки зрения здравого смысла он так поступить не может, то очевидно, что заповедь «почитай отца твоего и мать твою» не может означать абсолютное подчинение верховной власти, но означает нечто другое. Следовательно, право, которым родители обладают от природы и которое подтверждено им пятой заповедью, не может быть той политической властью, которую наш автор производит от нее; ибо последняя, будучи в каждом гражданском обществе в каком-то отношении высшей, может освободить любого подданного от любого политического повиновения любому из его сограждан — подданных. Но какой закон правителя может дать ребенку свободу не *почитать своих отца и мать*? Это — вечный закон, связанный только с отношениями между родителями и детьми, и посему не содержит в себе ничего от власти правителя и не подчинен ей.

65. Наш автор говорит: «Бог дал отцу право или свободу отчуждать свою власть над детьми и передавать ее другому другому» (3., с. 155). Я сомневаюсь, что он может целиком и полностью *отчуждать и передавать* другому право *почитания*, которого должно ожидать от них. Но как бы то ни было, я уверен в том, что он не может «отчуждать и передавать» и одновременно сохранять одну и ту же власть; поэтому если верховная власть правителя, по определению нашего автора, есть «не что иное, как власть верховного отца» (с. 23), то, если правитель обладает целиком и полностью этим отцовским правом — а он должен им обладать, если *отцовство* служит источником всякой власти, — отсюда неизбежно следует, что подданные, даже будучи отцами, не могут обладать никакой юридической властью над своими детьми, никаким правом на почитание от них; ибо власть не может быть в руках другого и одновременно частично оставаться у родителей. Так что, в соответствии с собственным учением нашего автора, заповедь «почитай отца твоего и мать твою» никак нельзя понимать таким образом, что она относится к политическому подчинению и повиновению, поскольку законы, как в Ветхом завете, так и в Новом, предписывающие детям «почитать и слушаться родителей», даны были тем, отцы кото-

рых подчинялись гражданскому правлению и были такими же, как они, подданными в политических обществах; и приказывать им «почитать и слушаться родителей» в том смысле, какой вкладывает в эти слова наш автор, означало бы приказывать им быть подданными тех, кто не имел права требовать повиновения, поскольку юридическим правом на повиновение подданных целиком и полностью обладал другой; и это не только не учило бы повиновению, но, напротив, подстрекало бы к мятежу, ибо устанавливало такие права, которых на самом деле не существовало. Поэтому если эта заповедь «почитай отца твоего и мать твою» относится к политической власти, то она прямо опрокидывает монархию нашего автора; ведь если каждый ребенок должен выполнять ее по отношению к своему отцу, даже если речь идет не о семье, а об обществе, то каждый отец должен по необходимости обладать политической властью, и тогда будет столько суверенных правителей, сколько есть отцов; кроме того, мать тоже обладает этим правом, что уничтожает верховную власть одного высшего монарха. Но если «почитай отца твоего и мать твою» означает нечто отличное от политической власти, как оно по необходимости и должно означать, тогда это не имеет никакого отношения к теме, затронутой нашим автором, и никак не служит его цели.

66. «Закон, предписывающий повиновение монархам, — заявляет наш автор, — дан в следующих словах: «Почитай отца твоего», как будто изначально вся власть принадлежала отцу» (с. 23). А я говорю, что этот закон дан также в словах «почитай мать твою», как будто изначально вся власть принадлежала матери. Я спрашиваю, разве этот довод не так же действителен для одной стороны, как и для другой — *отец и мать* соединены друг с другом во всем Ветхом и Новом завете, где от детей требуется почитание или повиновение. Далее, наш автор говорит нам (3., с. 254), что «эта заповедь — *почитай отца твоего* — дает право управлять и делает форму правления монархической». На это я отвечаю, что если под словами «почитай отца твоего» подразумевается подчинение политической власти правителя, то они не имеют никакого отношения к тому долгу, который мы обязаны отдавать нашим родным отцам, которые являются подданными, потому что в соответствии с доктриной нашего автора они лишены всей этой власти — поскольку она целиком и полностью отдана правителю — и поэтому, будучи подданными и рабами наравне со своими детьми, в силу этого положения не

имеют права на любое такое *почитание или повиновение*, которое содержит в себе политическое подчинение. Если слова «почитай отца твоего и мать твою» означают тот долг, который мы должны отдавать нашим земным родителям, — а из толкования нашего Спасителя совершенно очевидно, что дело обстоит именно так (Матф. 15, 4 и все другие упомянутые места), — тогда они не могут относиться к политическому повиновению, а касаются лишь того долга, который следует отдавать лицам, не имеющим права на верховную власть, ни вообще на какую-либо политическую власть, подобную той, которой обладает правитель в отношении своих подданных. Ибо личность чьего-то собственного отца и право на повиновение, которое необходимо оказывать верховному правителю, — вещи несовместные, и поэтому данная заповедь, которая необходимо включает в себя личности наших земных отцов, должна означать наш долг перед ними, который отличен от нашего повиновения правителю и от исполнения которого нас не может освободить самая абсолютная власть государей. В чем заключается этот долг, мы рассмотрели в соответствующем месте.

67. И вот мы наконец изучили все, что у нашего автора имеет вид довода в пользу той *абсолютной неограниченной верховной власти*, изложенного в разделе 8, которой, как он полагает, обладал Адам, так что с того времени все люди рождались *рабами*, не имея никакого права на свободу. Но если творец, который ничего не дал, кроме существования, не сделал Адама *государем над его потомками*; если Адам (Быт. 1, 28) не был поставлен господином над людьми и получил не *частное владение*, которого были лишены и его дети, а только право и силу распоряжаться землей и низшими существами вместе с детьми человеческими; если также (Быт. 3, 16) бог не дал Адаму никакой политической власти над женой и детьми, а лишь подчинил Еву Адаму в качестве наказания или же предопределил подчинение слабого пола в управлении общими делами их семей, но не дал тем самым Адаму как мужу власти над жизнью и смертью, которая необходимо принадлежит правителю; если отцы, давая жизнь своим детям, не приобретают над ними такой власти; и если заповедь «почитай отца твоего и мать твою» также ее не дает, а лишь предписывает выполнение долга в равной мере по отношению к обоим родителям независимо от того, являются ли они подданными или нет, и в отношении *матери* так же, как и в отношении *отца*, если все это так — а из

сказанного, я полагаю, совершенно очевидно следует, что это именно так, — тогда, невзирая на все прямо противоположное, что так уверено говорят наш автор, у человека есть *естественная свобода*, поскольку все, у кого одинаковые природа, умственные и физические способности, по природе равны и должны пользоваться одними и теми же общими правами и привилегиями, пока в качестве доказательства верховной власти какого-либо одного лица не будет предъявлено очевидное веление бога, который есть *господин над всеми, вечно благословенный*, или же кто-либо сам не согласится подчиниться какому-либо стоящему выше человеку. Это столь очевидно, что наш автор признается, что «сэр Джон Хейворд, Блэквуд и Баркли³¹, великие поборники права королей» не могли этого опровергнуть и «единодушно допускают естественную свободу и равенство людей» неопровержимой истиной. А наш автор не только не представил ничего, что подтвердило бы его великий тезис о том, что «Адам был абсолютным монархом» и поэтому «люди от природы несвободны», но даже его собственные доказательства свидетельствуют против него, так что, применяя его собственный способ ведения полемики, можно сказать, что, «когда опровергнут этот первый ошибочный принцип, все устройство этого огромного механизма» абсолютной власти и тирании «рухнет само собой», и нет необходимости говорить что-либо еще в ответ на все, что он воздвигает на столь ложном и хрупком основании.

68. Но если вдруг возникнет такая потребность, он, чтобы избавить других от трудов, не щадит себя, доказывая с помощью своих собственных противоречий слабость своих собственных доктрин; абсолютная и единоличная власть Адама — вот чем он всюду полон и на чем все строит, и тем не менее он говорит нам (с. 12), «что, так же как Адам был господином над своими детьми, так и его дети, подчинявшиеся ему, обладали властью над своими собственными детьми и распоряжались ими». По подсчетам нашего автора, неограниченная и единоличная верховная власть *отцовства Адама* продержалась очень недолго, только первое поколение; но как только у Адама появились внуки, сэр Роберт смог мало что о ней сказать. Он заявил, что «Адам как отец своих детей имел абсолютную, неограниченную, монархическую власть над ними и, в силу ее, над теми, кого они породили, и тем самым над всеми поколениями»; и все же «его дети», *viz.* Каин и Сиф, в то же время имеют отцовскую власть над своими детьми, так

что они одновременно и *абсолютные владыки*, и тут же *подданные и рабы*. Адам обладает всей полнотой власти как *праотец своего народа*, а они пользуются частью ее как отцы. Он, породив их, имеет абсолютную власть над ними и их потомками, и тем не менее они на основании того же права имеют абсолютную власть над своими детьми. «Нет, — говорит наш автор, — дети Адама, от него зависевшие, обладали властью над своими собственными детьми, но тем не менее подчинялись прародителю». Прекрасное отличие и хорошо звучит, и очень жаль, что оно ничего не означает и не может быть согласовано со словами самого автора. Я с готовностью допускаю, что если предположить *абсолютную власть Адама* над своим потомством, то любой из его детей мог бы получить от него переданную и тем самым *подчиненную* власть над некоторыми или всеми остальными [потомками]. Но она не может быть той властью, о которой здесь говорит наш автор; это не власть, полученная благодаря пожалованию и на основании каких-либо полномочий, а естественная отцовская власть, которой отец обладает над своими детьми, ибо, во-первых, он говорит: «Так же как Адам был господином над своими детьми, так и его дети, подчинившиеся ему, обладали властью над своими собственными детьми». Следовательно, они были господами над своими собственными детьми таким же образом и по такому же праву, как и Адам, i. e. по праву родства, по праву *отцовства*. Во-вторых, очевидно, имеет в виду естественную власть отцов, поскольку ограничивает ее только *их собственными детьми*; переданная власть не имеет такого ограничения — только над своими собственными детьми, она может быть властью над другими в такой же мере, как и властью над своими собственными детьми. В-третьих, если это была переданная власть, она должна упоминаться в Писании, но в Писании нельзя найти основания для утверждения о том, что дети Адама имели какую-либо иную власть над своими детьми, чем ту, которой они обладали от природы как отцы.

69. То, что он в данном случае имеет в виду родительскую власть, и никакую иную, без сомнения, вытекает из того вывода, который он делает в следующих непосредственно за упомянутыми словами: «Я не понимаю тогда, каким образом дети Адама или любого другого человека могут быть свободны от подчинения своим родителям»; отсюда следует, что та *власть*, с одной стороны, и то «*подчинение*» — с другой, о которых говорит здесь наш автор, суть именно *естественная власть и подчинение*, которые

существуют между родителями и детьми. Ведь та власть, которой должны подчиняться дети каждого человека, не может быть никакой иной, и именно она, как постоянно утверждает наш автор, является абсолютной и неограниченной. Этой естественной властью родителей над своими детьми обладал и Адам в отношении своих потомков, заявляет наш автор; и этой же властью родителей над своими детьми обладали его дети в отношении своих детей при его жизни, тоже заявляет наш автор; так что Адам по естественному праву отца обладал абсолютной, неограниченной властью над всеми своими потомками, и в то же время его дети по тому же самому праву обладали абсолютной, неограниченной властью над своими. Тогда мы имеем дело с двумя абсолютными, неограниченными властями, существующими одновременно, и я хотел бы, чтобы кто-нибудь согласовал их друг с другом или со здравым смыслом; ибо вставленная им оговорка о подчинении делает это положение еще более нелепым. Иметь одну абсолютную, неограниченную, более того — не могущую быть ограниченной, власть в подчинении у другой — это столь явное противоречие, что более противоречивого ничего и быть не может. Адам — абсолютный властелин с неограниченной властью отцовства над всем своим потомством. Тогда все его потомки — его абсолютные подданные и, как заявляет наш автор, его рабы. Дети и внуки в равной мере находятся в этом состоянии подчинения и рабства, и тем не менее, говорит наш автор, «дети Адама имеют родительскую (i. e. абсолютную, неограниченную) власть над своими собственными детьми», что, попросту, означает, что они и рабы, и абсолютные монархи в одно и то же время и при одной и той же системе правления и одна часть подданных обладает абсолютной, неограниченной властью над другой по естественному праву отцовства.

70. Если, желая создать более благоприятное впечатление о нашем авторе, кто-нибудь выскажет предположение, что здесь он имеет в виду следующее: родители, сами подчиняющиеся абсолютной власти своего отца, тем не менее обладают каким-то правом распоряжаться своими детьми, то, должен признаться, он несколько ближе к истине, но несколько тем самым не поможет нашему автору, ибо тот всюду говорит об этом праве родителей как об абсолютной, неограниченной власти, и поэтому нельзя предположить, что он здесь понимает под этим что-либо иное, раз он сам ее не ограничил и не показал, насколько далеко она про-

стирается. А то, что он здесь имеет в виду родительскую власть, обладающую именно той полнотой, которая упомянута выше, очевидно из следующих ниже слов. «Это подчинение детей, — говорит он, — составляет источник всей монархической власти» (с. 12). Тогда то «подчинение», в котором, как он утверждает строкой ранее, «каждый человек находится по отношению к своим родителям» и, следовательно, в каком находились внуки Адама по отношению к своим родителям, было именно тем, которое явилось источником всей «монархической власти», i. e., по словам нашего автора, «абсолютной, не могущей быть ограниченной» власти. И тем самым дети Адама обладали «монархической властью» над своими детьми, тогда как сами они были подданными своего отца и такими же подданными, как и их дети. Но что бы он ни имел в виду, он, очевидно, допускает, что «дети Адама обладают родительской властью» (с. 12), поскольку все другие отцы имеют «родительскую власть над своими детьми» (3., с. 156). Отсюда необходимо следует одно из двух: либо дети Адама, даже при его жизни, имели — и, следовательно, все другие отцы имеют, — как говорит наш автор (с. 12), «монархическую власть над своими детьми по праву отцовства», либо «Адам не имел монархической власти по праву отцовства». Ибо право родителей распоряжаться своими детьми либо должно, либо не должно давать *монархическую власть* тем, кто этим родительским правом обладает. Если оно не дает, тогда ни Адам, ни кто-либо другой не может быть монархом на основании этого права, и тогда сразу же наступает конец всем политическим построениям нашего автора; если оно действительно дает *монархическую власть*, тогда каждый, у кого есть *родительское право*, обладает и *монархической властью*, и тогда в соответствии с патриархальной системой правления нашего автора будет столько монархов, сколько есть отцов.

71. Итак, пусть он сам и его последователи рассмотрят, какого рода монархию он установил. У государей, безусловно, есть все основания поблагодарить его за эти политические нововведения, благодаря которым в каждой стране создается столько абсолютных монархов, сколько есть отцов с детьми. И все же кто может винить за это нашего автора, поскольку такой вывод неизбежно встретится на пути всякого, кто рассуждает на основе принципов нашего автора? Ибо, отдав *абсолютную власть отцам по праву рождения потомства*, он оказался в нелегком положении, так как должен был решить, какая часть этой власти при-

надлежит сыну над детьми, которых он (сын) породил; и поэтому оказалось очень трудно отдать всю власть (что он и сделал) Адаму и вместе с тем разрешить его детям при его жизни получить какую-то часть ее, когда они сами стали родителями, которую он не очень-то хорошо знал, как отнять у них. Из-за этого он столь нерешителен в своих выражениях и столь неуверен, кому отдать эту абсолютную естественную власть, которую он называет *отцовством*. Иногда один только Адам обладает ею всей (с. 13; 3., с. 244, 245 и Предисл.).

Иногда ею обладают «родители», а это слово едва ли означает одного отца (с. 12, 19).

Иногда — «дети» еще при жизни своего отца (с. 12).

Иногда — «отцы семейств» (с. 78 и 79).

Иногда — «отцы» вообще (3., с. 155).

Иногда — «наследник Адама» (3., с. 253).

Иногда — «потомки Адама» (с. 244, 246).

Иногда — «праотцы, все сыновья или внуки Ноя» (3., с. 244).

Иногда — «самые старшие родители» (с. 12).

Иногда — все монархи (с. 19).

Иногда — все, кто обладает высшей властью (3., с. 245).

Иногда — «наследники тех первых прародителей, которые вначале были естественными родоначальниками всего народа» (с. 19).

Иногда — выборный король (с. 23).

Иногда — те, будь их мало или много, кто управляет «государством» (с. 23).

Иногда — тот, кто может захватить его, — «узурпатор» (с. 23; 3., с. 155).

72. Таким образом, это *новое ничто*, которое должно нести с собой всю силу, власть и управление, это *отцовство*, которое должно создать особу и воздвигнуть трон монархам, которым должны повиноваться народы, может, по мнению сэра Роберта, попасть в чьи угодно руки, любым способом, и тем самым, в соответствии с его политическими установлениями, дать демократии монархическую власть и сделать узурпатора законным государем. И если совершатся все эти прекрасные подвиги, то много хорошего сделают наш автор и все его последователи с их всемогущим отцовством, которое не может служить ничему, кроме расшатывания и разрушения всех законных правительств в мире и установления на их месте беспорядка, тирании и узурпации.

Глава VII
ОБ ОТЦОВСТВЕ И СОБСТВЕННОСТИ,
РАССМАТРИВАЕМЫХ ВМЕСТЕ
КАК ИСТОЧНИКИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

73. В предыдущих главах мы рассмотрели, что представляла собой, по мнению нашего автора, монархия Адама и на каких правах он ее основал. Основания, на которых он делает главное ударение как на таких, из которых, по его мнению, ему удобнее всего можно вывести монархическую власть для будущих государей, суть два, *viz.* отцовство и собственность, и поэтому он предлагает «устранить нелепости и неудобства доктрины о естественной свободе» путем «утверждения естественного и частного владения Адама» (3., с. 222). В соответствии с этим он говорит нам, что «основы и принципы правления необходимо зависят от первоисточника собственности» (3., с. 108). «Подчинение детей своим родителям является источником всей монархической власти» (с. 12), и «вся власть на земле либо берет свое начало в отцовской власти, либо узурпируется у нее, поскольку нельзя обнаружить никакого иного первоисточника какой бы то ни было власти» (3., с. 158). Я не буду сейчас останавливаться на том, как можно, не противореча самому себе, сказать, что «первые основы и принципы правления необходимо зависят от первоисточника собственности» и также что «нет никакого другого первоисточника какой бы то ни было власти, кроме власти отца», ибо трудно понять, почему не может быть «никакого другого первоисточника», кроме «отцовства», несмотря на то что «основы и принципы правления зависят от первоисточника собственности»; *собственность* и *отцовство* так же отличаются друг от друга, как владелец манора — от отца детей. Не понимаю я также и того, каким образом они, каждый из них, согласуются с тем, что сказал наш автор (3., с. 244) о приговоре бога в отношении Евы (Быт. 3, 16), что «это и есть первоначальное предоставление правления». Так что, если это было «первоисточником», тогда, по собственному признанию нашего автора, правление не имело своим *первоисточником* ни *собственность*, ни *отцовство*; и этот текст, который он приводит в качестве доказательства власти Адама над Евой, необходимо противоречит тому, что он говорит об *отцовстве*, что оно является *единственным источником всей власти*. Ибо если бы Адам, как утверждает наш автор, обладал любой такой царской властью над Евой, то это дол-

жно было бы произойти в силу какого-то иного права, а не родительского.

74. Но пусть он сам примиряет эти противоречия, как и многие другие, которые может в изобилии обнаружить у него тот, кто хотя бы внимательно прочтет его труд, а я теперь перейду к рассмотрению того, каким образом эти два первоисточника правления, *естественное* и *частное владение Адама*, совмещаются друг с другом и служат для доказательства и установления права наследственных монархов, которые, как обязывает их наш автор, все должны брать свою власть из этих *источников*. Давайте теперь предположим, что *с помощью дара, полученного от бога*, Адам сделан господином и единоличным владельцем всей земли в самом широком и всеобъемлющем значении этого слова, какое только мог бы пожелать сэр Роберт; давайте также предположим, что он *по праву отцовства* является абсолютным правителем над своими детьми с неограниченной верховной властью; я тогда задам вопрос: что станет с *естественной властью* и *частным владением* Адама после его смерти? И я не сомневаюсь, что будет дан ответ: они перейдут к его прямому наследнику, как говорит нам автор в нескольких местах; но совершенно очевидно, что таким путем никак нельзя передать его и *естественную власть*, и *частное владение* одному и тому же лицу. Ибо если мы допустим, что вся собственность, все имущество отца должны перейти старшему сыну (а чтобы установить это, потребуются некоторые доказательства) и он по этому праву получит все *частное владение* отца, однако *естественная власть* отца, родительская власть, не может перейти к нему по наследству. Ибо раз это право выпадает на долю человека только благодаря *производству потомства*, никто не может обладать этой естественной властью в отношении того, кого он не *произвел на свет*, если только не предположить, что человек может иметь право на что-либо, не делая того, на чем это право единственно основано. Ибо если отец обладает *естественной властью* над своими детьми благодаря *производству потомства*, а никоим образом не благодаря какому-либо иному праву, тот, кто их не произвел на свет, не может иметь этой *естественной власти* над ними, и поэтому независимо от того, справедливы или ложны слова нашего автора (З., с. 156) о том, что «каждый рожденный человек в силу самого акта рождения становится подданным того, кто его породил», необходимо следует, что никто в силу своего рождения не может стать подданным своего брата, который его не породил, если

только не предположить, что кто-либо по одному и тому же праву может попасть под *естественную и абсолютную власть* сразу двух разных людей, или же будет разумнее сказать, что от рождения человек находится под *естественной властью* своего отца только потому, что тот его породил, и что от рождения человек находится также под *естественной властью* своего старшего брата, хотя тот его не породил.

75. Тогда, если *частное владение* Адама, т. е. его *собственность* на живые существа, после его смерти всё целиком перешло к его старшему сыну, его наследнику (ибо если это не так, тогда немедленно наступает конец всей монархии сэра Роберта), а его *естественная власть*, та власть отца над своими детьми, которая есть результат его отцовства, немедленно после смерти Адама принадлежала одинаково всем его сыновьям, у которых были дети, по тому же самому праву, которым обладал их отец, то *верховная власть*, основанная на *собственности*, и *верховная власть*, основанная на *отцовстве*, отделились друг от друга, поскольку Каин как наследник единолично обладал властью, основанной на *собственности*, а Сиф и остальные сыновья обладали властью, основанной на *отцовстве*, одинаково с ним. Это — самое лучшее толкование, которое можно извлечь из доктрины нашего автора и из тех двух прав на *верховную власть*, которые он дает Адаму, одно из них само по себе ничего не означает, или же, если они оба должны сохраниться, они могут служить только тому, чтобы подрывать права государя и приводить в расстройство правление его потомков. Ибо, возводя свою доктрину на основе двух прав на *суверенную власть*, которые не могут вместе перейти по наследству и которые, как он допускает, могут быть разделены (ведь он соглашается с тем, что «дети Адама по праву частного владения имели свои отдельные территории») (с. 40; 3., с. 210), он заставляет нас постоянно испытывать сомнения в отношении его принципов — кому же принадлежит *верховная власть* или кому же мы обязаны повиноваться, поскольку *отцовство и собственность* — различные права и сразу же после смерти Адама стали принадлежать разным лицам. И какое же из них тогда должно было уступить другому?

76. Давайте посмотрим, как он сам представляет это. Ссылаясь на Гроция³², он говорит нам, что «дети Адама благодаря дарению, передаче собственности или своего рода отделению собственности еще при его жизни владели на правах частного владения своими отдельными territori-

ями; Авель владел своими стадами и пастбищами для них, у Каина были поля под хлеб и земля Нод, где он построил себе город» (З., с. 210). Здесь сам собой напрашивается вопрос, кто из этих двоих после смерти Адама стал господином. «Каин», — говорит наш автор (с. 19). По какому праву? — «Как наследник, ибо наследники прародителей, которые были естественными родоначальниками своего народа, являются господами не только над своими собственными детьми, но также и над своими братьями», — заявляет наш автор (с. 19). Что унаследовал Каин? — Отнюдь не все имущество, не все то, чем владел Адам на основе *частного владения*; ибо наш автор допускает, что Авель по праву, полученному от отца, «имел свою отдельную территорию для пастбищ на правах частного владения». Тогда то, чем Авель владел на основе *частного владения*, было исключено из владения Каина, ибо в его частном владении не могло находиться то, что было в *частном владении* другого, поэтому его верховная власть над братом исчезает вместе с этим *частным владением*; итак, теперь мы имеем двух верховных властителей, а воображаемое право *отцовства* Каина улетучилось, и он — не господин своему брату, или же, если Каин сохраняет свою верховную власть над Авелем, несмотря на *частное владение* последнего, тогда следует, что «первые основы и принципы правления» не имеют никакого отношения к «собственности», что бы ни говорил наш автор в противовес этому. Правда, Авель не истребил своего отца Адама, но это никак не влияет на наш довод, который опровергает сэра Роберта и в отношении потомков Авеля, и в отношении потомков Сифа, и вообще в отношении любого потомка Адама, кроме прямых наследников Каина.

77. В такое же неудобное положение он попадает, говоря о «трех сыновьях Ноя», в отношении которых он утверждает (с. 13), что «их отец поделил между ними весь мир». Тогда я спрошу, у кого из трех мы обнаружим *установление монархической власти* после смерти Ноя? Если у всех трех, как, представляется, утверждает там наш автор, тогда будет следовать, что монархическая власть основывается на земельной собственности и вытекает из *частного владения*, а не из *родительской власти* или *естественной власти*; и тогда кладется конец праву родителей распоряжаться детьми как источнику монархической власти, и столь возвеличенное *отцовство* совершенно исчезает. Если *монархическая власть* перешла по наследству к Симу как к старшему и наследнику отца, тогда «раздел

мира Ноем по жребию между сыновьями или его десятилетнее плавание по Средиземному морю, чтобы назначить каждому сыну причитающуюся ему часть», о чем сообщает нам наш автор (с. 15). — напрасно потерянный труд, раздел мира между ними был почти или, вернее, совершенно бесполезен, ибо его дар Хаму и Иафету мало чего стоил, если, несмотря на этот дар, Сим сразу же после смерти Ноя стал господином над ними. Или же, если это пожалование назначенных им территорий в *частное владение* осталось в силе, тогда здесь возникали два самостоятельных вида власти, не подчиненных одна другой, со всеми теми возникающими отсюда неудобствами, которые он перечисляет, выступая против *власти народа* (3., с. 158), и которые я изложу его собственными словами, заменив *народ* на *собственность*. «Вся власть на земле либо берет начало в отцовской власти, либо узурпируется у нее, поскольку нельзя найти никакого иного первоисточника какой бы то ни было власти; ибо, если допустить, что существуют два вида власти, никак не подчиняющейся одна другой, они будут находиться постоянно в борьбе за верховенство, ведь две высшие власти не могут найти согласия между собой. Если верховной станет отцовская власть, тогда власть», основанная на частном владении, «должна стать подчиненной и зависеть от нее; а если власть», основанная на собственности, «станет верховной, тогда отцовская власть должна ей подчиниться и не может осуществляться без разрешения собственников, что должно совершенно разрушить основу и ход природы». Это его собственные доводы против двух самостоятельных, независимых властей, которые я изложил в его собственных словах, поставив только вместо *власти народа* власть, основанную на собственности, и, когда он ответит на то, что он сам выдвинул здесь против двух самостоятельных властей, мы будем в состоянии понять, каким образом он может хоть сколько-нибудь удовлетворительно с точки зрения здравого смысла выводить всю монархическую власть из *естественной власти и частного владения* Адама, из взятых вместе *отцовства и собственности*, которые представляют собой самостоятельные права, не всегда принадлежащие одному и тому же лицу; и, как очевидно из его собственного признания, тут же отделяются друг от друга, как только смерть Адама и Ноя расчищает путь наследникам, хотя наш автор в своих писаниях часто сваливает их в одну кучу и не упускает случая использовать и ту и другую там, где, как он полагает, они лучше всего послужат его цели.

Но нелепость этого еще более полно раскроется в следующей главе, где мы рассмотрим пути передачи верховной власти Адама государям, которые правили после него.

Г л а в а VIII

О ПЕРЕДАЧЕ ВЕРХОВНОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ АДАМА

78. Подобно тому как сэр Роберт был не очень удачлив во всех приведенных им доказательствах верховной власти Адама, он не добился большего успеха и в изложении путей передачи ее будущим монархам, которые, если его воззрения справедливы, должны все получить свои права от него. Я изложу выдвигаемые им пути передачи власти, разбросанные тут и там в его писаниях, его собственными словами. В предисловии он говорит нам: «Поскольку Адам был монархом всего мира, никто из его потомков не имел никакого права чем-либо владеть, кроме как по его пожалованию или разрешению или же по наследству от него». Здесь он упоминает два пути передачи всего, чем владел Адам, а именно *пожалование* и *наследство*. Далее он говорит: «Все монархи либо известны, либо должны быть известны как прямые наследники тех первых прародителей, которые были вначале естественными родителями всего народа» (с. 19). «Не может быть какого бы то ни было множества людей, чтобы в нем, рассматриваемом само по себе, не было такого человека, который по природе имел бы право быть монархом над всеми остальными, поскольку он является прямым наследником Адама» (3., с. 253). Здесь, в этих двух цитатах, он допускает только один путь передачи монархической власти государям — *наследование*. В других местах он говорит: «Вся власть на земле либо берет начало в отцовской власти, либо узурпируется у нее» (3., с. 158). «Все монархи, которые существуют сейчас или существовали когда-либо, являются или были отцами своего народа, или наследниками таких отцов, или узурпаторами права таких отцов» (3., с. 253). А здесь он объявляет *наследование* или *узурпацию* единственными путями, которыми монархи приобретают эту первоначальную власть, но, кроме того, говорит нам: «Эта отцовская империя, поскольку она сама по себе была наследственной, в силу этого могла быть отчуждена жалованной грамотой или захвачена узурпатором» (3., с. 190). Тогда, следовательно, власть может быть передана по наследству, с по-

мощью пожалования или узурпации. И последнее, что самое восхитительное, он говорит нам (с. 100): «Безразлично, каким путем монархи приобретают свою власть, посредством ли выборов, дара, наследства или любыми иными способами, ибо именно образ правления в виде верховной власти делает их собственно монархами, а не средство получения короны», что, я думаю, есть самый полный ответ на всю его «гипотезу» в целом и рассуждение о монархической власти Адама как источнике, из которого должны были получить свою власть все государи. И он мог бы не утруждать себя столь длинным и подробным рассуждением, к которому он прибег, о наследниках и наследовании, если для того, чтобы сделать любого «собственно монархом», нужно лишь «править как высшая власть, а какими средствами он ее получил, не имеет значения».

79. При помощи такого выдающегося способа наш автор может сделать *собственно монархом* как Оливера³³, так и любого другого, кто придет ему на ум. И если бы он имел счастье жить при правлении Масаньелло³⁴, он бы не мог на основе этого своего собственного правила удержаться от воздания ему почестей, восклицая: «О король, живи вечно!», поскольку образ его правления, при котором он осуществлял высшую власть, сделал «собственно» королем того, кто всего лишь днем ранее был «собственно» рыбаком. И если бы Дон-Кихот научил своего оруженосца править так, как если бы он обладал высшей властью, наш автор, несомненно, мог бы стать самым лояльным верноподанным на «острове Санчо Пансы»³⁵ и должен был бы заслужить повышение при таких правительствах, поскольку, я полагаю, он первый политик, который, претендуя на то, чтобы поставить правление на его истинную основу и утвердить троны законных государей, сказал людям, что «собственно монарх — это тот, чей образ правления является осуществлением высшей власти, какими бы средствами он ее ни заполучил»; на простом языке это означает, что монархическая и высшая власть собственно и справедливо принадлежит тому, кто может любыми средствами захватить ее, а если это и должно означать быть «собственно монархом», то мне любопытно узнать, как ему на ум пришел «узурпатор» или где он его найдет.

80. Эта доктрина столь странна, что удивление перед нею заставило меня обойти молчанием, не сделав должных замечаний, те противоречия, в которые он впадает, объявляя иногда только *наследование*, иногда только *пожалование* или *наследование*, иногда только *наследование* или

узурпацию, иногда все три сразу, наконец, добавляя к ним *выборы* или *любые иные способы*, теми путями, которыми *монархическая власть* Адама, т. е. его право на верховное правление, могла быть передана будущим монархам и правителям, с тем чтобы дать им право на послушание и подчинение людей. Но эти противоречия так явно бросаются в глаза, что одно только чтение собственных слов автора делает их понятными для любого, и хотя то, что я цитировал из его труда (и что еще в изобилии можно было бы найти у него в том же духе и столь же понятное), могло бы, конечно, освободить меня от каких-либо дальнейших трудов в этом споре, однако, обещав себе изучить главные положения его доктрины, я несколько более подробно рассмотрю, каким образом *наследование*, *пожалование*, *узурпация* или *выборы* могут на основе его принципов вообще создавать системы правления в мире или давать кому бы то ни было право на империю исходя из этой монархической власти Адама, если бы было так убедительно доказано, что он был абсолютным монархом и господином всего мира.

Г л а в а IX О МОНАРХИИ, ПОЛУЧЕННОЙ ПО НАСЛЕДСТВУ ОТ АДАМА

81. Хотя не может быть ничего более очевидного, чем то, что мир должен управляться, и пусть даже все люди разделяют мнение нашего автора о том, что божественный промысел предопределил, чтобы это управление было *монархическим*, все же, поскольку люди не могут подчиняться тому, кто не в состоянии распоряжаться, и представления о правлении, существующие в уме, будь они абсолютно совершенными, абсолютно правильными, не могут издавать законов и предписывать людям правила поведения, не принесут пользы в установлении порядка и создании системы правления, в его осуществлении и использовании среди людей, если не учить также тому способу, при помощи которого можно узнавать то лицо, которому надлежит получить эту власть и осуществлять свое господство над другими. Следовательно, бесполезно говорить о подчинении и повиновении, не сообщив нам, кому мы должны повиноваться. Ибо, как бы совершенно я ни был убежден в том, что в мире должна существовать верховная власть и система правления, я буду все же свободен до тех пор,

пока не будет ясно, кто тот человек, который имеет право на мое повиновение, так как если не будет таких отличительных признаков, по которым его следует узнавать и которые бы отличали того, кто получил право управлять от других людей, то им могу оказаться я сам, так же как и любой другой человек. И поэтому хотя подчинение правительству должно быть долгом каждого, однако поскольку это не означает ничего, кроме подчинения руководству и законам тех людей, которые имеют власть распоряжаться, то для того, чтобы превратить человека в подданного, недостаточно убедить его, что в мире существует *монархическая власть*, но необходимы способы обозначения и узнавания лица, которому эта «монархическая власть» принадлежит по праву; и никого нельзя обязать сознательно подчиниться какой-либо власти, если его не убедить в том, кто есть та персона, которая имеет право осуществлять эту власть над ним. Если бы было по-другому, между пиратами и законными государями не было бы различия; тому, у кого сила, надо без лишнего шума повиноваться, а короны и скипетры переходили бы по наследству только к насилию и грабежу. Если не известно то лицо, которое имеет право мной руководить и предписаниям которого я обязан следовать, люди могли бы также менять своих правителей столь же часто и столь же просто, как своих врачей. Поэтому, для того чтобы подчинить сознание людей обязательству повиноваться, им необходимо не только знать, что где-то в мире есть власть, но и знать того, кто по праву облечен этой властью над ними.

82. На основании того, что уже было сказано, читатель может судить, насколько успешны были попытки автора дать Адаму *монархическую абсолютную власть*; но даже если бы положение с *абсолютной монархией* было таким ясным, как того желал бы наш автор (я же считаю прямо противоположное), все равно она была бы совершенно бесполезна для существующей ныне в мире системы правления народов, пока наш автор не пояснил бы следующие две вещи:

во-первых, что эта *власть Адама* не должна была прекратиться вместе с ним, но после его смерти была целиком и полностью передана какому-то другому лицу и так передавалась позже потомкам;

во-вторых, что живущие сейчас на земле государи и правители обладают этой *властью Адама* по праву наследственной передачи ее им.

83. Если не будет доказано первое из этих положений, тогда *власть Адама*, как бы ни была она велика и несомненна, не будет иметь никакого значения для существующих ныне в мире правительств и обществ и нам придется искать какой-либо другой источник власти для управления государствами помимо этой власти Адама, в противном случае в мире вовсе не будет никакого правления. Если не будет доказано второе положение, тогда будет уничтожена власть нынешних правителей и народ будет освобожден от подчинения им, ибо, раз у них нет более обоснованных притязаний на упомянутую власть — единственный источник всей власти, — чем у других людей, они не могут иметь права править ими.

84. Придумав абсолютную верховную власть Адаму, наш автор упоминает несколько путей ее передачи государям, которые должны были стать его преемниками, однако он делает главный упор на *наследование*, столь часто встречающееся в разных его рассуждениях; в предыдущей главе я приводил уже некоторые из этих мест, и мне нет необходимости здесь их снова повторять. Как было сказано, он воздвигает эту верховную власть на двойном основании, *viz. собственности и отцовстве*. Первое — право, которое, как полагает автор, он должен был иметь в отношении всех созданий, право владеть землей с населяющими ее животными и другими существами низшего разряда на ней и использовать это лично для себя, исключая остальных людей. Второе — право, которое, как полагает автор, он имел распоряжаться и управлять людьми, всем остальным человечеством.

85. Поскольку предполагалось, что все остальные люди были лишены обоих этих прав, то эти права должны были быть основаны на каком-то качестве, присущем только Адаму.

Наш автор полагает, что его *собственность* возникла из *дара*, полученного непосредственно от бога (Быт. 1, 28), *отцовство* вытекало из акта *рождения детей*. Теперь во всех случаях наследования, если наследник не получает по наследству то основание, на котором возникло право отца, он не может наследовать то право, которое из этого основания вытекало. Например, Адам имел право собственности на живые существа на основании *дара* и *пожалования* от всемогущего бога, который был господином и владельцем их всех; пусть это будет так, как говорит нам наш автор; однако после смерти Адама его наследник не мог иметь на них правового основания, никакого такого права

собственности, если только то же самое основание, — *viz. дар от бога* — не дало этого права и *наследнику*. Ибо если без этого прямого *дара* от бога Адам не мог ни владеть живыми существами, ни использовать их, а этот *дар* был сделан только лично Адаму, то его *наследник* не мог иметь никакого права на основании этого дара, и после смерти Адама дар должен снова быть возвращен Господину и Владыке: ведь прямые пожалования дают какое-либо право только в тех пределах, которые точно определены словами, выражающими пожалование, и только благодаря этому пожалованию и приобретается данное право. И следовательно, если, как утверждает наш автор, сам этот *дар* был сделан только лично Адаму, его наследник не мог наследовать его собственность на живые существа, а если этот *дар* был сделан кому-либо другому, кроме Адама, то надо показать, что это было сделано его наследнику в том смысле, как понимает это наш автор, *i. e.* одному из его детей, исключая всех остальных.

86. Но чтобы нам не слишком далеко уклониться в сторону вместе с нашим автором, суть дела такова: бог сотворил человека и вложил в него, как и во всех других животных, сильное желание самосохранения и для осуществления своего замысла — чтобы человек жил и пребывал какое-то время на лице Земли — в изобилии снабдил мир вещами, пригодными для употребления в пищу и изготовления из них одежды и для удовлетворения других жизненных потребностей, с тем чтобы столь изящное и чудесное произведение искусства не погибло тут же опять из-за собственной небрежности или отсутствия предметов первой необходимости, просуществовав лишь несколько мгновений, — бог, говорю я, сотворив таким образом человека и мир, говорил с человеком, *t. e.* направлял его с помощью его чувств и разума (так же как направлял он низших тварей с помощью их чувства и инстинкта, которыми он снабдил их для этой цели) на использование тех вещей, которые могли пригодиться ему для поддержания его существования и были даны ему как средства для его *сохранения*. И поэтому я не сомневаюсь в том, что еще до произведения (Быт. 1, 28, 29) этих слов (если необходимо понять в буквальном смысле слова, что они были произнесены) и без какого бы то ни было такого изложенного в них *дара* человек имел право использовать животных по воле бога и благодаря пожалованию от него. Ибо, поскольку желание, сильное желание сохранить свою жизнь и бытие было как принцип действия заложено в нем самим богом,

разум, «который был в нем голосом бога», не мог не внушить ему и не заверить его, что, следуя своей естественной склонности к сохранению своего существования, он выполняет волю своего творца и поэтому имеет право использовать тех животных, которые, как он мог обнаружить при помощи своего разума или чувств, были полезны для достижения этой цели. И таким образом, *собственность* человека на животных была основана на его праве использовать то, что было необходимо или полезно для его существования.

87. Поскольку это было причиной и основой *собственности Адама*, оно дало то же самое право, на том же самом основании всем его детям не только после его смерти, но и при его жизни, так что в этом не было никакой привилегии для его *наследника*, которая возвышала бы его над другими детьми и лишала бы последних равного права на использование низших тварей, достаточного для сохранения их существования; а это и была вся *собственность*, которой владел человек; и следовательно, верховная власть Адама, построенная на *собственности*, или, как называет ее наш автор, *частном владении*, сводится на нет. У каждого человека было право на животных — на основании той же привилегии, которая была и у Адама, — *viz.* по праву каждого заботиться о своем существовании и обеспечивать его, так что люди обладали этим правом сообща и дети Адама — вместе с ним. Но если кто-либо начал создавать свою *собственность* на какую-нибудь особую вещь (как он или кто-либо иной мог это сделать, будет показано в другом месте), эта вещь, если он не распорядился своим владением как-либо иначе с помощью прямого пожалования, естественно, переходила к его детям, и они имели право наследовать ее и владеть ею.

88. Здесь можно было бы с полным основанием спросить, каким образом дети получают это право владеть *собственностью* родителей после их смерти преимущественно перед всеми другими. Ведь она принадлежит лично родителям, и, когда они умирают, не передав фактически свое право другому, почему эта *собственность* не возвращается опять в общее владение людей? Вероятно, можно ответить, что общее согласие передало ее детям. И как мы видим, действительно, общая практика распоряжается ею именно так; но мы не можем сказать, что таково общее согласие людей, ибо его никогда не испрашивали и на самом деле не давали; и если это установило общее молчаливое согласие, тогда наследовать имущество своих родителей

было бы не естественным, а лишь положительным правом детей; но если эта практика применяется повсюду, тогда разумно полагать, что причина ее естественная. Тогда основание ее, я думаю, состоит в следующем. Самое первое и самое сильное желание, которое бог внушил людям и вложил в сами начала их природы, — это самосохранение, которое служит основой права каждого отдельного лица самому использовать животных для обеспечения своего существования. Но вслед за ним бог внушил людям такое же сильное желание продолжения рода и сохранения себя в потомстве, а это дает детям право на долю в *собственности* родителей и право наследовать их имущество. Люди являются собственниками того, что они имеют, не только ради самих себя — их дети имеют право на часть их имущества, и, когда смерть, положив конец пользованию им родителями, освобождает их от их собственности, это особое право детей соединяется с правом их родителей во владении тем, что отныне становится целиком и полностью собственностью детей, и это мы называем наследованием. Поскольку люди связаны таким же обязательством сохранять то, что они породили, как и сохранять себя, их отпрыски получают право на имущество, которым владеют родители. То, что у детей есть такое право, очевидно из божественных законов, а что люди убеждены, что у детей есть такое право, очевидно из законов земных; и те и другие законы требуют, чтобы родители обеспечивали своих детей.

89. Ведь в соответствии с естественным ходом вещей дети рождаются слабыми и неспособными себя обеспечить, и велением самого бога, который установил именно такой естественный ход вещей, у них есть право кормиться и содержаться за счет своих родителей, более того, право не только на простое существование, но и на удобства и удовольствия жизни в той мере, насколько может это позволить положение их родителей. Отсюда следует, что, когда родители оставляют сей мир и тем самым перестают проявлять необходимую заботу о своих детях, ее действие должно распространиться насколько можно дольше, и то, что родители накопили в течение своей жизни, понятно, предназначается, как того требует природа, для их детей; которых они обязаны обеспечивать после себя, хотя умирающие родители ничего и не заявляют об этом в ясно выраженных словах; природа повелевает передать их имущество их детям, которые тем самым приобретают право собственности и естественное право наследовать имущество

во своего отца, на которое не может претендовать остальное человечество.

90. Если бы не это право получать пищу и содержание от родителей, которое бог и природа дали детям и обязали родителей соблюдать как свой долг, то было бы разумно, чтобы отец наследовал имущество своего сына и в деле наследования получал предпочтение перед внуком. Ибо деду причитается получить по длинному счету за заботу и расходы, затраченные на воспитание и образование сына, и, по справедливости, следует думать, что этот счет должен быть оплачен. Но поскольку это делалось во исполнение того же самого закона, на основании которого он получал пищу и образование от своих собственных родителей, этот счет за образование, полученный от отца этого человека, оплачивается заботой и обеспечением его собственных детей; я бы сказал, оплачивается в таком размере, который требуется от платежа в зависимости от изменения собственности, если только нынешние потребности родителей не требуют возвращения имущества для их необходимого содержания и поддержания существования; ибо мы сейчас говорим не о почтении, признательности, уважении и почитании, которые дети всегда должны оказывать родителям, а об имуществе и жизненных удобствах, которые оцениваются деньгами. Но хотя на родителях и лежит обязанность вырастить и обеспечить своих детей, все же этот долг перед детьми не отменяет совсем оплату счета, по которому следует получить родителям, а лишь самой природой дает ему предпочтение перед ним. Ведь долг, который любой человек имеет по отношению к своему отцу, существует и дает отцу право наследовать имущество сына в тех случаях, когда ввиду отсутствия наследника право детей не исключает этого права. И следовательно, если человек имеет право получать содержание от своих детей, когда он в этом нуждается, а также пользоваться жизненными удобствами, получаемыми от своих детей, когда это позволяет необходимое для них и их детей обеспечение, то, если его сын умирает без наследника, отец по природе имеет право владеть его имуществом и наследовать его состояние (как бы ни были нелепы муниципальные законы некоторых стран, которые предписывают иной порядок наследования), так же как и его дети и их потомки — наследовать ему или, если таковых нет, его отец и его потомки. Но если таковых вообще не обнаруживается, т. е. нет родственников, тогда, как мы видим, имущество частного лица передается обществу и тем самым в политических

обществах переходит в руки государственного должностного лица, но в естественном состоянии опять становится совершенно общим; никто не имеет права наследовать его, никто не может получить его в собственность, отличную от той, которая существует на другие вещи, общие по природе, о чем я скажу в соответствующем месте.

91. Я столь подробно показал, на каком основании дети имеют право наследовать владение собственностью своих отцов, не только потому, что тем самым станет очевидным, что если Адам владел как собственностью (номинальной незначительной бесполезной собственностью, ибо она и не могла быть лучше, так как он был обязан кормить и содержать на ней своих детей и потомство) всю землю и ее продуктом, тем не менее, поскольку после его смерти все его дети получали по закону природы и права наследования совместное право собственности и право на владение собственностью на ней, это не могло передать ни одному из его потомков никакого права на верховную власть над всеми остальными, ибо, если каждый имел право наследовать свою часть, они могли пользоваться своим наследством либо какой-либо его частью или сообща, или совместно, или какими-либо его частями, разделив, как им больше нравилось. Но никто не мог претендовать на все наследство или на какую-то верховную власть, которая якобы его сопровождает, поскольку право наследования дало каждому такое же право собственности на долю имущества своего отца, как и всем остальным. Повторяю, что я не только из-за этого так тщательно рассмотрел основание наследования детьми собственности их отцов, но и потому, что это прольет дополнительный свет на наследование *правления и власти*, ибо в странах, где действующие там особые муниципальные законы передают все земельные владения целиком первородственному и в соответствии с этим обычаем так же происходит и передача власти наследникам, некоторые склонны были поддаться обману и припятать мнению, что в отношении как *имущества*, так и *власти* существует естественное или божественное право первородства и что наследование как *правления* над людьми, так и *собственности* на вещи произошло из одного и того же источника и должно передаваться по наследству в соответствии с одними и теми же правилами.

92. Собственность, источником которой является право человека использовать любое низшее животное для поддержания своего существования и удобства жизни, предназначается для блага и исключительной выгоды собст-

венника, так что он может, если потребуется, уничтожить то, чем он владеет, в процессе его использования; но правление, имеющее целью защиту права и собственности каждого человека путем охраны его от насилия или ущерба со стороны других, предназначено для блага управляемых. Ибо меч правителей предназначен быть «страшен для злых»³⁶, и этот «страх» должен заставлять людей соблюдать действующие законы общества (которые должны соответствовать законам природы) для общественного блага, i. e. блага каждого отдельного члена этого общества, в той мере, в какой оно может быть обеспечено общими правилами; меч не дается правителю только для его собственного блага.

93. Следовательно, как было показано, дети, будучи зависимы от своих родителей в средствах к существованию, имеют право наследовать собственность своего отца как то, что принадлежит им для их собственного блага и пользы и поэтому очень удачно называется *блага*, на которые первоорожденный не имеет исключительного или особого права ни по какому закону бога или природы — младшие дети обладают равным с ним правом, основанным на том же праве на содержание, обеспечение и поддержку со стороны родителей, которое они все имеют, и ни на чем больше. Но правление, имеющее целью благо управляемых, а не единственно выгоду правителей (их благо только вместе с благом всех остальных, поскольку они являются частью того политического тела, о всех частях и членах которого проявляется забота и чьи особые функции законами общества направляются на благо целого), не может наследоваться по тому же самому праву собственности, по которому дети наследуют имущество своих отцов. Право сына получать содержание и обеспечение предметами первой необходимости и жизненными удобствами за счет состояния своего отца дает ему право наследовать *собственность* отца для своего собственного блага, однако это не может дать ему никакого права наследовать также и то *правление* другими людьми, которое было у его отца. Все, что ребенок имеет право требовать от своего отца, — это содержание и обучение, а также то, что природа дает для поддержания жизни. Но он не имеет права требовать от него *правления* или *власти*. Он может существовать и получать от него ту часть благ и выгод образования, которая естественно причитается ему без *империи* и *власти*, коими (если они у него были) его отец был облечен для блага и пользы других, и поэтому сын не может претендовать на них или наследовать

их по такому праву собственности, которое целиком и полностью основано на его собственном личном благе и интересе.

94. Прежде чем мы можем узнать, кто имеет право наследовать правителю *империи* и получить ее в наследство от него, мы должны знать, каким образом получил свою власть первый правитель, на наследование которому кто-то претендует, на каком основании он владеет *империей*, по какому такому праву. Если вначале кому-то вложило скипетр в руки или возложило корону на голову согласие и соглашение людей, то оно и должно также направлять преемственность и передачу власти. Ибо обладание той же самой властью, которая сделала первого законным *правителем*, должно сделать таковым и второго и тем самым дать право престолонаследия. И в этом случае наследование или первородство само по себе не может иметь никакого права, никакого притязания на него, если только то согласие, которое установило форму правления, не определило таким образом и порядок престолонаследия. И отсюда мы наблюдаем, что порядок наследования корон в разных странах возлагает их на разные головы и по праву престолонаследия становится государем в одном месте тот, кто в другом месте был бы подданным.

95. Если бог своим пожалованием и данной в откровении заповедью вначале предоставил *правление и власть* какому-либо человеку, тот, кто будет выдвигать претензии на это право, должен иметь такое же самое прямое пожалование от бога для того, чтобы стать преемником. Ибо, если линия наследования и передачи власти другим по нисходящей не будет таким образом определена, никто не сможет наследовать это право первого правителя; в этом случае дети не имеют права наследования; и первородство не может предъявлять никаких претензий, если бог, творец этого установления, не предписал этого. Так, мы видим, что притязания семьи Саула, получившего свою корону непосредственным велением бога, прекратились вместе с его правлением; а Давид, царствовавший по тому же праву, что и Саул, — *viz.* велением бога — наследовал его трон, отстранив Ионафана и все притязания наследников по линии отца. А если Соломон имел право наследовать своему отцу, то это, должно быть, произошло не по праву первородства, а по какому-то иному праву. «Представитель младшей линии», или сын сестры, должен иметь предпочтение в престолонаследии, если он имеет то же самое право, которым обладал первый законный государь.

А если основанием власти является только прямое веление самого бога, тогда, если так повелевает бог, самый младший, Вениамин, должен получить в наследство корону как представитель того племени, которое первым владело ею.

96. Если *родительское право*, акт *рождения* дают человеку *правление* и *власть*, то наследование и первородство не могут дать никакого права. Ибо тот, кто не может наследовать право своего отца, которое заключалось в *рождении*, не может наследовать ту власть над своими братьями, которой обладал его отец над ними по отцовскому праву. Но об этом я еще выскажусь дальше. А пока очевидно, что любое правление, будь оно вначале основано на *родительском праве*, *согласии народа* или *прямом велении самого бога*, — каждое из них может занять место другого и тем самым начать новое правление на новом основании, — повторяю, любое правление, начатое на одном из этих оснований, может по праву наследования перейти только к тем, кто владеет правом того, кому они наследуют. Власть, основанная на *договоре*, может перейти только к тому, кто имеет право на нее в соответствии с этим договором; власть, основанную на *рождении*, может получить только тот, кто *рождает*; а власть, основанную на *прямом пожаловании* или *даре бога*, может по праву наследования получить только тот, кому это пожалование ее передает.

97. Из сказанного мною, я полагаю, ясно одно: поскольку право использовать животных первоначально основывалось на праве человека кормиться и пользоваться жизненными удобствами, а естественное право детей наследовать блага своих родителей — на их праве на то же самое содержание и жизненно необходимые предметы из собственности своих родителей, чья природная любовь и нежность учат заботиться о детях как о самих себе, и все это — лишь на благо владельца или наследника, оно не может быть основанием для того, чтобы дети наследовали *правление* и *власть*, у которых иной источник и иная цель. Первородство также не может иметь никаких притязаний на право исключительного наследования ни *собственности*, ни *власти*, что мы более полно увидим далее в надлежащем месте. Здесь же было достаточно показать, что *собственность*, или *частное владение* Адама, не могла передать никакой верховной власти или правления его наследнику, который, не имея права наследовать все имущество своего отца, не мог тем самым получить какую бы то ни было верховную власть над своими братьями; и поэтому, если Адам и был облечен какой-то верховной властью вследст-

вие его владения *собственностью* — чего в действительности не было, — она должна была умереть вместе с ним.

98. Подобно тому как верховная власть Адама — если он, в силу того что владел всем миром, имел какую-то власть над людьми — не могла быть унаследована никем из его детей в ущерб всем остальным, потому что все они имели право разделить наследство и каждый имел право на часть имущества своего отца, так и верховная власть Адама, основанная на праве *отцовства*, если он таковой и обладал, не могла перейти по наследству кому-либо из его детей. Ибо, по мнению нашего автора, право властвовать над теми, кого он *породил*, было приобретено благодаря тому, что он их породил, и эту власть нельзя было передать по наследству, потому что данное право, будучи следствием абсолютно личного акта и на нем основанное, делает такой же и власть, которую нельзя наследовать. Ведь отцовская власть, это естественное право, возникающее только из отношения отца и сына, так же не может быть наследуема, как и само это отношение, и человек может претендовать на наследование родительской власти отца над своими детьми в такой же мере, в какой он может претендовать на наследование супружеской власти мужа, чьим наследником он является, над его женой. Так как власть мужа основана на договоре, а власть отца — на *рождении*, он может наследовать власть, полученную в результате брачного договора и являющуюся исключительно личной, в той же мере, в какой он может унаследовать власть, полученную благодаря рождению потомства, которая может распространяться только на личность самого родителя и ни на кого больше, если только не считать, что рождение может служить основанием для права на власть того, кто не рождает.

99. На основании сказанного выше представляется обоснованным задать вопрос: поскольку Адам умер раньше Евы, не должен ли был его наследник (положим, Каин или Сиф) по праву наследования *отцовства Адама* иметь верховную власть над своей матерью Евой? Ведь *отцовство Адама* есть не что иное, как его право управлять своими детьми, потому что он их породил, и тот, кто наследует *отцовство Адама*, не наследует ничего — даже в том смысле, как это понимает наш автор, — кроме права Адама управлять своими детьми, потому что он их породил. Так что монархия наследника не включала бы Еву или в противном случае, поскольку эта монархия была бы не чем иным, как *отцовством Адама*, переданным по наследству, наслед-

ник должен был бы иметь право повелевать Евой, потому что Адам ее породил, ибо *отцовство* не может означать ничего иного.

100. Возможно, наш автор скажет, что отец может отдать свою власть над ребенком, а тем, что может быть передано по соглашению, можно владеть по праву наследования. На это я отвечу, что отец не может отдать власть над своим ребенком. Возможно, он может до некоторой степени потерять ее, но передать ее он не может; если какой-либо другой человек ее приобретет, это произойдет не по разрешению отца, а в результате какого-либо собственного действия этого человека. Например, отец, естественно небрежный в отношении своего ребенка, продает или отдает его другому человеку, а тот в свою очередь бросает его на произвол судьбы; третий человек, подобрав его, воспитывает, лелеет и обеспечивает его как своего собственного. В этом случае, я думаю, никто не будет сомневаться в том, что сыновний долг и повинование должны оказываться прежде всего этому приемному отцу; и если кто-либо из двух остальных и мог бы требовать чего-либо от ребенка, то это касается только его настоящего отца, который, возможно, может потерять свое право на значительную часть того долга, который заключается в заповеди «почитай родителей своих», но не может передать его другому. Тот, кто купил и забросил ребенка, не получил благодаря этой покупке и разрешению отца никакого права на долг или почитание со стороны ребенка, а получит это право только тот, кто своим собственным авторитетом, выполняя обязанности отца и проявляя отцовскую заботу о заброшенном и погибающем дитяти, создал себе своей отеческой заботой право на пропорциональную ей степень отцовской власти. Это будет более понятно после рассмотрения природы отцовской власти, для чего я отсылаю читателя ко второй книге.

101. Но вернемся к рассматриваемому вопросу. Очевидно, что отцовская власть, возникающая только на основе *рождения* (ибо наш автор помещает ее только там), не может быть ни *передана*, ни *унаследована*. И тот, кто не производит потомства, может не более обладать отцовской властью, которая отсюда возникает, чем может иметь право на какую-то вещь тот, кто не выполняет того условия, с которым она только и соединена. Если спросить, по какому закону отец имеет власть над своими детьми, несомненно, ответ будет — по закону природы, который дает такую власть над ними тому, кто их произвел на свет. Если

также спросят, по какому закону наследник нашего автора получил право наследования, я думаю, ответят, что тоже по закону природы. Ведь я не вижу, чтобы наш автор привел хотя бы одно слово Писания для доказательства права такого наследника, о котором он говорит. Почему же тогда закон природы дает отцам родительскую власть над детьми? Потому что они действительно *породили* их, и тот же самый закон природы дает ту же самую отцовскую власть над братьями наследнику, который их не *породил*; отсюда следует, что либо отец имеет свою родительскую власть не благодаря рождению потомства, либо наследник ее вообще не имеет. Ибо трудно понять, каким образом закон природы, который является законом разума, может дать родительскую власть отцу над своими детьми на основе только одной причины — *рождения потомства*, а старшему сыну над его братьями — без этой единственной причины, *i. e.* вообще без всякого основания. И если старший по закону природы может наследовать эту отцовскую власть без того единственного основания, которое дает на нее право, то так же может и младший, и вообще посторонний человек; ибо там, где нет основания для кого-нибудь одного — а оно есть только для того, кто дает жизнь потомству, — все имеют равные права. Я уверен, что наш автор не выдвигает никакого основания, а когда это делает кто-либо другой, мы увидим, справедливо оно или нет.

102. А пока — сказать, что по закону природы человек имеет право наследовать имущество другого потому, что он — его родственник и, как известно, одной с ним крови, и в силу этого по тому же самому закону природы совершенно чужой ему по крови человек имеет право наследовать его состояние, ничуть не хуже по смыслу, чем сказать, что по закону природы тот, кто дает жизнь своим детям, имеет над ними отцовскую власть и в силу этого по закону же природы тот, кто не дает им жизнь, имеет над ними отцовскую власть. Или, полагая, что закон страны дал абсолютную власть над детьми только тем, кто сам воспитывал и кормил своих детей, разве мог бы кто-нибудь утверждать, что этот закон дал любому человеку, который ничего подобного не делал, абсолютную власть над теми, кто не были его детьми?

103. Поэтому, если можно будет показать, что супружеская власть может принадлежать тому, кто не является мужем, тогда, я полагаю, будет также доказано, что отцовская власть нашего автора, приобретенная в результате рождения потомства, может быть унаследована сыном

и что брат, как наследник власти своего отца, может иметь отцовскую власть над своими братьями и в соответствии с тем же самым правилом и супружескую власть; но пока это не доказано, я думаю, мы можем быть уверенными в том, что отцовская власть Адама, эта высшая власть *отцовства*, если бы таковая существовала, не могла бы быть передана или перейти по наследству его прямому наследнику. Если это принесет нашему автору хоть какую-нибудь пользу, я с готовностью соглашусь с ним, что *отцовская власть* никогда не будет утрачена, потому что она будет существовать в мире столько, сколько будут существовать отцы; но ни один из них не будет иметь отцовской власти Адама или вести свою власть от него, но у каждого будет своя собственная на основе того же права, по которому обладал своей властью Адам, *viz.* благодаря *рождению* потомства, а не благодаря наследству или преемственности, так же как мужья обладают своей супружеской властью не по наследству от Адама. И мы, таким образом, видим, что поскольку у Адама не было никакой такой *собственности*, никакой такой *отцовской власти*, которые давали бы ему *верховную* юрисдикцию над человечеством, то и равным образом его верховная власть (если у него вообще была таковая), основанная на одном из этих прав, не могла перейти к его наследнику, но должна была прекратиться вместе с ним. Следовательно, как было доказано, ни Адам не был монархом, ни его воображаемая монархия не была наследственной, и поэтому власть, которая сейчас существует в мире, — не та, которой обладал Адам, ибо все, что Адам мог иметь, согласно основаниям нашего автора, — либо на основе *собственности*, либо на основе *отцовства* — по необходимости умерло вместе с ним и не могло быть передано потомкам по наследству. В следующей главе мы рассмотрим, был ли у Адама какой-либо такой наследник, который унаследовал его власть, как о том говорит наш автор.

Глава X

О НАСЛЕДНИКЕ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ АДАМА

104. Наш автор говорит нам (3., с. 253): «Является неопровержимой истиной, что не может быть никакого скопления людей, какого бы то ни было, большого или малого, пусть даже собранного из разных уголков и самых отдаленных областей мира, чтобы в этом скоплении, рас-

смаатриваемом само по себе, не было бы одного человека, который по природе имеет право быть монархом над всеми остальными, будучи прямым наследником Адама, а все же остальные — его подданные; каждый человек по природе либо монарх, либо подданный». И еще (с. 20): «Если бы сам Адам был еще жив и теперь был готов умереть, несомненно, есть один человек, и только один в мире, кто является его прямым наследником». Пусть, с разрешения нашего автора, это «скопление людей» будет собранием всех государей земли, тогда, по установлению нашего автора, будет «среди них один, кто по природе имеет право быть монархом над всеми остальными, будучи прямым наследником Адама». Отличный способ утвердить троны государей и добиться повиновения их подданных, учредив сто или, может быть, тысячу титулов (если столько государей насчитывается в мире) против любого ныне царствующего монарха, причем каждый из них на основе положений нашего автора имеет такое же законное основание, как и тот, кто носит корону. Если это право наследника имеет какое-то значение, если оно есть *веление бога*, как говорит нам, по-видимому, наш автор (З., с. 244), разве не должны все подчиняться ему, от самых высших до самых низших? Могут ли те, кто носит титул государя, не имея права быть *наследниками* Адама, требовать на основе этого права повиновения от своих подданных и не быть обязанными оказывать его по тому же самому закону? Либо правление в этом мире не должно требовать и придерживаться этого права наследника Адама, и тогда само изобретение такого права не имеет смысла, поскольку быть или не быть наследником Адама ничего не значит для права на власть, либо, если, как утверждает наш автор, оно действительно является истинным правом на правление и верховную власть, тогда первое, что надо сделать, — это найти этого истинного наследника Адама, посадить его на его трон, и тогда все властители и государи мира должны прийти и отказать ему свои короны и скипетры как нечто принадлежащее им не в большей мере, чем любым их подданным.

105. Ибо, или это право наследника Адама быть по природе властителем всего человеческого рода (так как люди все вместе составляют одно *скопление*) есть право, не необходимое для того, чтобы стать законным властителем, и, следовательно, могут быть законные властители и без него, и тогда права и власть властителей не зависят от него, или же все властители мира, кроме одного, — не-

законные и, следовательно, не имеют права на повиновение подданных. Или это право наследника Адама есть то, благодаря чему монархи владеют своими коронами и имеют право на подчинение своих подданных, и тогда только один может им пользоваться, а все остальные, будучи подданными, не могут требовать никакого повиновения от других людей, которые являются лишь такими же подданными, как и они, или же это не то право, благодаря которому властители правят и имеют право на повиновение своих подданных, и тогда властители являются таковыми без него, и эта фантазия о естественной верховной власти наследника Адама бесполезна для повиновения и правления. Ведь, если монархи имеют право на владычество и повиновение своих подданных, которые не являются и никак не могут быть наследниками Адама, какая польза от такого права, если мы обязаны подчиняться и без него? Если же монархи, которые не являются наследниками Адама, не имеют права на верховную власть, то мы все свободны до тех пор, пока наш автор или кто-либо другой за него не покажет нам настоящего наследника Адама. Если будет только один наследник Адама, в мире может быть только один законный монарх, и никто по совести не может быть обязан оказывать повиновение до тех пор, пока не будет установлено, кто он такой; ведь им может оказаться кто-то, о ком неизвестно, не принадлежит ли он к младшему дому, и все остальные имеют одинаковые права. Если имеется больше одного наследника Адама, то каждый является его наследником, и тем самым каждый обладает монархической властью. Ведь, если два сына могут быть вместе наследниками, тогда все сыновья в равной мере наследники, и тем самым все, будучи сыновьями или сыновьями сыновей Адама, являются наследниками. Право наследника не может быть разделено между этими двумя, ибо в соответствии с ним либо только один человек, либо все люди — монархи. Выберите себе то, что вам нравится, — это расторгает узы правления и повиновения; поскольку, если все люди — наследники, они не обязаны повиноваться никому; если же только один — никто не может быть обязан оказывать ему повиновение до тех пор, пока он не станет известен и его право не будет установлено.

Глава XI КТО ЭТОТ НАСЛЕДНИК?

106. Великий вопрос, который во все века мучил человечество и навлек на него большую часть тех несчастий, в результате которых разорялись города, опустошались страны и нарушался мир на земле, состоит не в том, должна ли быть власть в мире и откуда она появилась, а в том, кто должен ее иметь. Решение этого вопроса имеет не меньшее значение, чем безопасность государей и мир и благосостояние их земель и монархий, и поэтому следует полагать, что реформатор политики должен изложить его верно и занять здесь ясную позицию. Ибо, если этот пункт останется спорным, все остальное принесет очень мало пользы, а искусство, употребленное на то, чтобы украсить власть всем великолепием и соблазнами, которые может добавить к ней абсолютность, не показав, кто имеет право обладать ею, послужит лишь тому, чтобы еще больше усилить естественное властолюбие человека, которое и само по себе всегда слишком велико. К чему это может привести, как не к тому, чтобы побудить людей более охотно бросаться в схватку и тем самым заложить верную и постоянную основу для бесконечных раздоров и беспорядков вместо того мира и спокойствия, которые являются обязанностью правительства и целью человеческого общества?

107. Наш автор более, чем другие, обязан позаботиться о том, чтобы определить это лицо, так как его утверждение о том, что «назначение гражданской власти осуществляется божественным установлением», сделало и передачу власти, и саму власть священными, так что никакое соображение, никакое действие или ухищрение человека не может отнять ее у того лица, кому она, в соответствии с этим божественным правом, предназначена, никакая необходимость или хитрость не может поставить кого-либо другого на его место. Ибо если *назначение гражданской власти осуществляется божественным установлением*, а тот, кому она таким образом назначена, должен быть *наследником Адама*, как говорит наш автор в предыдущей главе, то стать монархом тому, кто не является наследником Адама, было бы таким же святотатством, какое совершил бы среди иудеев тот, кто стал бы *священником*, не принадлежа к потомству Аарона. Ибо *не только то, что священство вообще учреждено божественным установлением, но и то, что оно предназначено исключительно для представителей линии и потомства Аарона*, сделало невозможным

получение сана или отправление обязанностей священника кем-либо, кроме лиц, являющихся отпрысками Аарона, преемственность которых поэтому тщательно соблюдалась, и тем самым лица, которые имели право на сан священника, безусловно известны.

108. Давайте тогда посмотрим, какие усилия предпринял наш автор, чтобы дать нам узнать, кто этот *наследник*, который *по божественному установлению имеет право быть монархом над всеми людьми*. С первым упоминанием о нем мы встречаемся в следующих словах (с. 12): «Поскольку это подчинение детей является источником всей монархической власти по повелению самого бога, отсюда следует, что гражданская власть не только вообще учреждается божественным установлением, но даже специально предназначается старейшим родителям». Вопросы, имеющие, подобно данному, такое большое значение, должны быть выражены простыми словами, которые допускали бы как можно меньше сомнений или двусмысленности, и, я думаю, если язык способен выражать что-либо отчетливо и ясно, то именно отношения родства и разные степени кровной близости относятся к такого рода вещам. Поэтому следовало бы пожелать, чтобы наш автор употребил в данном случае несколько более понятные выражения, с тем чтобы мы могли лучше знать, кому же именно «*божественное установление*» предназначает «*осуществление гражданской власти*», или по крайней мере сказал нам, что он имел в виду под «*старейшими родителями*». Ибо, я полагаю, если бы ему и «*старейшим родителям*» его семьи была выделена или дарована земля, он бы подумал, что это еще нуждается в разъяснении и вряд ли еще известно, кому она потом будет принадлежать.

109. В строгом смысле слова — а строгость смысла, безусловно, необходима в рассуждениях такого рода — *старейшие родители* означает либо самых старых мужчин и женщин, у которых есть дети, либо таких, которые дольше других производили на свет детей, и тогда утверждение нашего автора сводится к тому, что право на *гражданскую власть*, в соответствии с *божественным установлением*, имеют те отцы и матери, которые дольше всех жили на свете или дольше других сохраняли способность к деторождению. Если в этом утверждении содержится какая-либо нелепость, отвечать за нее должен наш автор; и если тот смысл, который он в него вкладывает, будет отличаться от моего толкования, его нужно винить за то, что он не высказался ясно. Я уверен, однако, в том, что слово «*родите-*

ли» не может означать наследников-мужчин, а «старейшие родители» — малого ребенка, который тем не менее иногда может быть истинным наследником, если здесь может быть всего один. И мы тем самым по-прежнему все также пребываем в растерянности относительно того, кому же принадлежит *гражданская власть*, невзирая на это *предназначение божественного установления*, как будто вообще не было никакого такого *предназначения* или же наш автор ничего о нем не сказал. Это *предназначение старейшим родителям* оставляет нас в более полном неведении относительно того, кто в соответствии с *божественным установлением* имеет право на *гражданскую власть*, чем тех, кто вообще никогда ничего не слышал о *наследнике* и передаче власти по наследству, о чем так подробно и много говорит наш автор. И хотя главная цель его писаний — учить повиновению тех, кто имеет на него право, которое, как он нам говорит, передается по наследству, тем не менее определение того, кто же эти «те», кому это право по наследству принадлежит, он оставляет, подобно философскому камню³⁷ в политике, вне пределов досягаемости для всякого, кто хочет извлечь его из его писаний.

110. Эта неясность не может быть отнесена за счет недостатков языка такого большого мастера стиля, каким является сэр Роберт, когда он сам для себя решит, что он хочет сказать; и поэтому я боюсь, что, обнаружив, как трудно было бы выработать правила передачи власти по наследству в соответствии с божественным установлением и как мало бы это отвечало его цели или вело к выяснению и установлению прав государей, если бы такие правила передачи власти по наследству были выработаны, он предпочел скорее удовлетвориться неопределенными и общими выражениями, которые могли бы не резать слух людей, готовых довольствоваться ими, чем предложить какие-либо четкие правила передачи этого *отцовства* Адама по наследству, благодаря которым сознание людей могло быть удовлетворено в отношении того, кому оно перешло, и стали бы известны те лица, которые имели право на монархическую власть и вместе с ней на повинование людей.

111. Как же еще можно объяснить тот факт, что, уделив столько внимания *передаче власти и наследнику Адама, прямому наследнику, истинному наследнику*, он так и не сказал нам, что обозначается словом «наследник» и каким образом нам узнавать, кто же этот *прямой или истинный наследник*? Я не помню, чтобы где-либо он прямо говорил об этом, но в тех случаях, когда этот вопрос все же встает,

он касается его очень осторожно и неопределенно, хотя это столь необходимо, что без этого все рассуждения о правлении и повиновении на основе его принципов совершенно ни к чему не приведут и *отцовская власть*, как бы хорошо она ни была доказана, не принесет никому пользы. Поэтому он говорит нам (З., с. 244): «Не только вообще установление власти, но и ограничение ее одним видом, т. е. монархией, и предоставление ее отдельному человеку и линии Адама, все это — три веления бога; ни Ева, ни ее дети не могли ни ограничить власть Адама, ни присовокупить к нему других; и то, что было дано Адаму, было дано в его лице его потомству». Здесь наш автор снова сообщает нам, что «божественное веление» ограничило передачу монархической власти Адама по наследству. Кому? «Линии и потомству Адама», — говорит наш автор. Замечательное *ограничение, ограничение*, охватывающее все человечество. Ибо если наш автор сможет найти среди людей такого, который не принадлежит к *линии и потомству* Адама, он, возможно, сможет сказать ему, кто является этим прямым наследником Адама. Но что касается нас, то я в отчаянии: как это *ограничение* империи Адама его *линией и потомством* поможет нам обнаружить *одного наследника*? Это упомянутое нашим автором *ограничение*, пожалуй, избавит от труда тех, кто искал бы его среди рода животных, если бы таковые вообще существовали, но очень мало будет способствовать обнаружению *одного прямого наследника* среди людей, хотя оно предлагает краткое и легкое решение вопроса о переходе монархической власти Адама по наследству, сообщая нам о том, что ее должны получить *линия и потомство* Адама, т. е., говоря попросту, ее может получить любой, поскольку нет на земле такого человека, который не имел бы права принадлежать к *линии и потомству* Адама, и, пока она тут сохраняется, она держится в пределах ограничения, введенного нашим автором по велению бога. Более того, он говорит нам (с. 19), что «такие наследники являются господами не только над своими собственными детьми, но и над своими братьями»; этими словами, а также словами, следующими далее, которые мы тотчас рассмотрим, он, кажется, пытается нам внушить, что *наследником* является старший сын, хотя нигде, насколько мне известно, не говорит это прямо; однако на основе приводимых им далее примеров Каина и Иакова мы можем допустить, что на данный момент его мнение относительно наследников состоит в том, что там, где есть разные дети, право быть *наследником*

принадлежит старшему сыну. Мы уже показали, что первородство не может дать никакого права на отцовскую власть. Мы с готовностью допускаем, что отец может обладать естественным правом на своего рода власть над своими детьми, но что старший брат имеет такую же власть над своими братьями — это еще нужно доказать. Насколько мне известно, ни бог, ни природа нигде не возложили такую юрисдикцию на перворожденного, разум тоже не может обнаружить никакого такого естественного превосходства среди братьев. Закон Моисея дал старшему двойную долю благ и имущества, но мы нигде не находим, чтобы ему от природы или по *велению бога* принадлежало превосходство или владычество, и примеры, приводимые в данном случае нашим автором, являются всего лишь довольно слабыми доказательствами права перворожденного на гражданскую власть и владычество и скорее показывают прямо противоположное.

112. Вот что он говорит в упомянутом выше месте: «И мы поэтому обнаруживаем, что бог сказал Каину о его брате Авеле: «Он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним»³⁸. На это я отвечу:

1. Эти слова бога к Каину многими толкователями понимаются с очень большим основанием в смысле, совершенно отличном от того, в каком использует их наш автор.

2. Что бы они ни означали, их нельзя понять таким образом, будто Каин, как старший, имел естественную власть над Авелем, ибо выдвигалось условие: «Если делаешь доброе», и, таким образом, слова относились лично к Каину, и, что бы под этим ни подразумевалось, оно зависело от его поступков и не вытекало из его права первородства и, следовательно, никоим образом не могло быть утверждением владычества перворожденного вообще. Ведь уже до этого Авель владел своими «отдельными территориями по праву частного владения», как признает сам наш автор (З., с. 210), которые он не мог бы получить в ущерб праву наследника, если бы *по божественному велению* Каин как наследник был должен получить все владение своего отца.

3. Если бы эти слова должны были по воле бога стать хартией первородства и пожалования владения старшим братьям вообще как таковым по праву наследования, мы могли бы ожидать, что они должны были включать всех его братьев. Ибо мы вполне можем предположить, что у Адама, который населил мир своими наследниками, к тому времени, когда они выросли и стали взрослыми

мужчинами, было больше сыновей, чем упомянутые два, тогда как сам Авель едва назван; и слова в оригинале вряд ли могут, при любом правильном толковании, относиться к нему.

4. Слишком большая натяжка — строить доктрину, имеющую столь огромное значение, на таком неопределенном и неясном месте Писания, которое может быть так же — нет, даже лучше — понято в совершенно ином смысле и поэтому может служить лишь плохим доказательством, столь же сомнительным, как и то, что оно должно доказать, особенно когда ни в Писании, ни в разуме нельзя найти больше ничего в пользу или поддержку ее.

113. Далее следует (с. 19): «Соответственно, когда Иаков купил у брата его первородство, Исаак благословил его следующим образом: «Будь господином над братьями твоими, и да поклонятся тебе сыны матери твоей»³⁹, — как я понимаю, еще один пример, привлеченный нашим автором, чтобы показать власть, основанную на первородстве, и к тому же замечательный. Ибо человек, обосновывающий естественную власть монархов и выступающий против любого договора, должен мыслить совершенно необычно, чтобы привести в качестве доказательства пример, где его собственный рассказ об этом основывает все право на договоре и передает империю младшему брату, если только куплю-продажу не считать договором, ведь он говорит нам: «Когда Иаков купил у брата его первородство». Но оставим это, давайте рассмотрим саму историю, как ее использует наш автор, и мы обнаружим следующие ошибки, допущенные им:

1. Наш автор рассказывает ее таким образом, будто Исаак дал свое благословение Иакову сразу же после того, как тот купил *первородство*, ибо он говорит: «Когда Иаков купил... Исаак благословил его», тогда как в Писании это изложено совсем по-другому. Ибо, оказывается, между двумя событиями прошло какое-то время, и, если мы возьмем историю в том порядке, как она происходила, это время было далеко не малое; между ними находится все пребывание Исаака в Гераре и сделки с Авимелехом (Быт. 26), Ревекка тогда была красивой и, следовательно, молодой, Исаак же, когда он благословлял Иакова, был стар и дряхл. И Исав тоже жалуется на Иакова (Быт. 27, 36), что тот «два раза» хитростью занял его место. «Он взял первородство мое,— говорит он,— и вот теперь взял благословение мое»; слова эти, я думаю, относятся и к разному времени, и к разным действиям.

2. Другая ошибка нашего автора состоит в том, что, по его предположению, Исаак дал *благословение* Иакову и поставил его *господином над братьями своими*, потому что у того было *право первородства*: ибо наш автор приводит этот пример для доказательства того, что тот, кто обладает *правом первородства*, тем самым имеет право быть *господином над своими братьями*. Но из текста также совершенно ясно видно, что Исаак вообще не знал, что Иаков купил право первородства, ибо когда он благословлял его, то считал не Иаковым, а принял его за Исава. И Исав тоже не понимал никакой связи между *первородством* и *благословением*, ибо он говорит: «Он загнул меня уже два раза; он взял первородство мое и вот теперь взял благословение мое»⁴⁰; в то время как, если бы *благословение*, состоявшее в том, чтобы быть *господином над своими братьями, относилось к первородству*, Исав не мог бы жаловаться на это как на второй обман, ибо, когда Исав продал Иакову свое *первородство*, тот получил только то, что Исав ему продал, и ничего больше; следовательно, это понималось таким образом, что власть, если эти слова ее обозначают, явно не относилась к *первородству*.

114. А то, что во времена патриархов правом наследника считалась не власть, а только большая доля имущества, очевидно из Быт. 21, 10, ибо Сара, считая Исаака наследником, говорит: «Выгони эту рабыню и сына ее, ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком», а это могло означать только то, что тот не должен претендовать на равную часть имущества своего отца после его смерти, а должен сразу получить свою долю и уйти. Соответственно мы читаем (Быт. 25, 5, 6): «И отдал Авраам все, что было у него, Исааку (сыну своему), а сынам наложниц, которые были у Авраама, дал Авраам подарки и отослал их от Исаака, сына своего, еще при жизни своей». То есть Авраам раздал часть имущества всем своим другим сыновьям и отослал их, а то, что он сохранил, большую часть его состояния, Исаак, как наследник, получил после его смерти; но хотя он и был наследником, он не имел права быть *господином над своими братьями*, ибо, если бы он имел, зачем было Саре желать лишить его одного из его *подданных* или уменьшить число его *рабов*, приказав отослать Измаила?

115. Таким образом, по закону привилегия *первородства* состояла лишь в получении двойной доли наследства, так что мы видим, что до Моисея, во времена патриархов, откуда наш автор якобы берет свой образец, и не знали

и не думали, что первородство дает кому-либо правление или империю, отцовскую или королевскую власть над братьями. И если это не достаточно ясно из истории Исаака и Измаила, посмотрите в I Пар. 5. 1, 2 — там можно прочесть следующие слова: «Рувим — первенец; но, когда осквернил он постель отца своего, первенство его отдано сыновьям Иосифа, сына Израилева, с тем, однако же, чтобы не писаться им первородными; потому что Иуда был сильнейшим из братьев своих и вождь от него, но первенство *перенесено* на Иосифа»; а в чем состояло это первенство, нам рассказывает Иаков, благословляя Иосифа (Быт. 48, 22), в следующих словах: «Я даю тебе, преимущественно перед братьями твоими, один участок, который я взял из рук Аморея мечом моим и луком моим». Отсюда не только становится абсолютно ясно, что первенство было не чем иным, как двойной долей наследства, но и сам текст книги Паралипоменон определенно выступает против утверждения нашего автора и показывает, что власть не была частью первородства. Ведь он говорит нам о том, что у Иосифа было первородство, но власть принадлежала Иуде. Можно подумать, что наш автор очень любит само слово *первородство*, когда он приводит этот пример Иакова и Исава для доказательства того, что власть над братьями принадлежит наследнику.

116.1. Потому что доказывать, что власть по велению бога принадлежала старшему сыну, на основе того, что в данном случае она принадлежала самому младшему, Иакову, каким бы путем он ее ни получил, — значит приводить неудачный пример. Ведь если он и доказывает что-то, то лишь только то, что вопреки мнению нашего автора «предназначение власти старшему осуществляется не благодаря божественному установлению», и тогда изменить это положение уже будет нельзя. Ибо, если по закону бога или природы абсолютная власть и империя принадлежат старшему сыну и его наследникам, так что они являются верховными монархами, а все остальные их братья — рабами, тогда наш автор дает нам основание сомневаться, имеет ли старший сын полномочия расстаться с ней в ущерб своим потомкам, ибо он говорит нам (3., с. 158), что «в отношении даров и пожалований, источником которых являются бог или природа, никакая низшая власть человека не может ни ограничить их, ни устанавливать какой-либо запретительный закон, направленный против них».

117. 2. Потому что это место (Быт. 27, 29), приведенное нашим автором, вовсе не касается власти одного брата над другим, ни подчинения Исава Иакову. Ибо из истории ясно, что Исав никогда не был подданным Иакова, а жил отдельно в земле Сеир, где он основал отдельный народ и государство, в котором сам был государем в такой же мере, в какой Иаков был в своей собственной семье. Если рассмотреть сам текст, то его никак нельзя понять в том смысле, что он относится к Исаву или к личной власти Иакова над ним, ибо слова «братья» и «сыны матери твоей» не могли быть использованы в буквальном смысле Исааком, который знал, что у Иакова только один брат; и эти слова не только далеки от того, чтобы быть верными в буквальном смысле, и не только не устанавливают какую-либо власть Иакова над Исавом, а напротив, в истории мы находим прямо противоположное, ибо Иаков несколько раз называет Исава господином, а себя — его рабом (Быт. 32): и он «поклонился Исаву до земли семь раз, подходя к Исаву» (Быт. 33). Оставляю читателю самому судить, был ли тогда Исав подданным и вассалом, более того (как говорит нам наш автор, все подданные — рабы), рабом Иакова, а Иаков — его верховным властителем по праву первородства; и пусть сам читатель, если сможет, поверит тому, что слова Исаака: «Будь господином над братьями твоими, и да поклонятся тебе сыны матери твоей» — подтверждают верховную власть Иакова над Исавом в силу того *первородства*, которое он получил от него.

118. Кто прочтет историю Иакова и Исава, узнает, что после смерти их отца ни один из них не имел никакой юрисдикции или власти над другим; они жили в дружбе и равенстве, как подобает братьям, ни *господин*, ни *раб* своему брату, но независимо друг от друга, оба были главами своих самостоятельных семейств, где они не получали никаких законов друг от друга, но жили отдельно и были теми корнями, от которых пошли два отдельных народа, управлявшиеся двумя самостоятельными правительствами. Следовательно, то благословение Исаака, на котором наш автор строит власть старшего брата, означает лишь то, что бог сказал Ревекке (Быт. 25, 23): «Два племени во чреве твоём, и два различных народа произойдут из утробы твоей; один народ сделается сильнее другого, и больший будет служить меньшему». И так Иаков благословил Иуду (Быт. 49) и отдал ему скипетр и власть; отсюда наш автор мог бы с таким же успехом доказывать, что юрисдикция и власть над братьями принадлежат третьему сыну, с ка-

ким на основе упомянутого благословения Исаака он доказывает, что она принадлежала Иакову. В обоих случаях это были только предсказания того, что много лет спустя случится с их потомками, а отнюдь не объявление права наследовать власть в том или другом случае. И вот перед нами два достойнейших и единственных довода нашего автора, имеющие целью доказать, что «наследники являются господами над своими братьями».

1. Поскольку бог говорит Каину (Быт. 4), что, как бы грех ни влек его к себе, он должен или может господствовать над ним. Ведь самые ученые толкователи понимают это так, что речь идет о грехе, а не об Авеле, и выдвигают в подтверждение этого столь основательные причины, что из такого неопределенного текста нельзя сделать никакого сколько-нибудь убедительного вывода, отвечающего цели нашего автора.

2. Поскольку в Быт. 27 Исаак предсказывает, что сыны Израилевы, потомки Иакова, будут господствовать над жителями Едома, потомками Исава. Следовательно, утверждает наш автор, «наследники являются господами над своими братьями». Я предоставляю всякому самому судить об этом заключении.

119. А теперь мы видим, как наш автор обеспечил переход к потомкам и передачу по наследству монархической власти, или отцовского господства Адама: его преемником должен быть его *наследник*, который получает всю власть своего отца и становится после его смерти таким же господином, каким был его отец, «не только над своими собственными детьми, но и над своими братьями», и все переходит к нему от его отца и так далее *in infinitum*⁴¹. Но, однако ж, он ни разу не говорит нам, кто этот наследник; и единственное указание, которое мы получаем от него в этом основополагающем вопросе, содержится только в приводимом им случае с Иаковом; обозначая словом «первородство» то, что перешло от Исава к Иакову, он оставляет нам догадываться, что под наследником он понимает старшего сына, хотя я не помню, чтобы он где-либо прямо упоминал право перворожденного, но на протяжении всего трактата он укрывается под защитой неопределенного выражения «наследник». Но пусть даже мы примем его толкование, т. е. что наследником является старший сын (ибо если старший сын не наследник, тогда не будет никаких отговорок в отношении того, почему бы всем сыновьям в равной мере не быть наследниками) и тем самым по праву первородства имеет господство над своими

братьями; это всего лишь один шаг к установлению престолонаследия, и, пока он не покажет нам, кто может быть прямым наследником во всех тех случаях, когда может произойти так, что у нынешнего обладателя титула нет сына, по-прежнему останутся все те же трудности, какие были и раньше. Но это он обходит молчанием и, пожалуй, поступает мудро; ибо после того, как утверждаешь, что «лицо, обладающее этой властью, так же как власть и форма правления, — веление бога и божественное установление» (З., с. 254, 12), что может быть мудрее, чем осторожность, дабы не поднимать относительно этого лица какой-либо вопрос, решение которого непременно привело бы его к признанию в том, что бог и природа ничего о нем не определили. А если наш автор не в состоянии показать, кто по праву природы или ясному безусловному закону бога имеет прямое право наследовать власть этого природного монарха, о котором он так подробно распространился, когда тот умер, не оставив сына, то он может никак не утверждать себя и в отношении всего остального; поскольку для того, чтобы успокоить умы людей и определить, кому они должны подчиняться и сохранять верность, более необходимо показать им, кто на основе первоначального права, превосходящего волю и любые действия людей и предшествующего им, правомочен получить эту *отцовскую юрисдикцию*, чем показать, что по природе такая *юрисдикция* существует; ибо мне бесполезно знать, что существует такая *отцовская власть*, которой я обязан и готов повиноваться, если при наличии многих претендентов я не знаю также то лицо, которое по справедливости наделено и облечено ею.

120. Ведь главный вопрос в этом деле касается долга моего повиновения и обязательства совести, которым я связан, по отношению к тому, кто по праву является моим господином и правителем, и поэтому я должен знать то лицо, которое наделено этим правом отцовской власти и тем самым приобретает право требовать от меня повиновения. Ибо пусть даже будет справедливым его утверждение (с. 12), что «гражданская власть не только вообще определяется божественным установлением, но и предназначается она специально старейшим родителям» (З., с. 254) и что «не только власть и право править, но и форма правящей власти и лицо, обладающее этой властью, все определяются велением бога»; все же если он не покажет нам во всех случаях, кто это лицо, *предопределенное* богом, кто этот *старейший родитель*, все его абстрактные по-

нятия монархической власти, когда они должны будут применяться на практике, а люди сознательно оказывать повиновение, не будут означать равным счетом ничего. Ибо *отцовская юрисдикция* не есть нечто такое, чему нужно повиноваться, так как она не может повелевать, а представляет собой лишь то, что дает одному человеку такое право, какого нет у другого; и если оно переходит по наследству к другому человеку, который не может иметь отцовской юрисдикции, чтобы повелевать и заставить себе повиноваться, то, когда я повинуюсь тому, кому отцовская власть не дает права на мое повиновение, нелепо говорить, что я оказываю повиновение *отцовской власти*; ибо тот, кто не может показать свое божественное право на власть распорядиться мною, а также то, что такая власть существует в мире на основании божественного права, не может иметь никакого божественного права на мое повиновение.

121. И отсюда, будучи не в состоянии доказать право какого бы то ни было государя на правление как наследника Адама, которое, следовательно, совершенно бесполезно и лучше бы его оставить в покое, он готов разрешить все на основе современного владения и делает гражданское повиновение обязательным как *узурпатору*, так и законному монарху и тем самым право *узурпатора* столь же законным. Он говорит следующее (З., с. 253), и его слова заслуживают того, чтобы их запомнили: «Если узурпатор лишает трона истинного наследника, повиновение подданного отцовской власти должно продолжаться и ждать божьего провидения». Однако я оставляю пока его толкование права узурпаторов и рассмотрю его позже, в должном месте, и хочу, чтобы мой здравомыслящий читатель подумал, насколько благодарны должны быть государи такой политической доктрине, как эта, которая допускает, что *отцовская власть* — i. e. право на правление — может находиться в руках какого-нибудь Кэда или Кромвеля⁴² и, следовательно, раз отцовской власти должно оказывать все повиновение, им будут оказывать повиновение подданные на основе того же самого права и на таких же основаниях, как и законным государям; все же это учение, настолько опасное, должно необходимо вытекать из того, что вся политическая власть объявляется не чем иным, как отцовской властью Адама по праву и *божественному установлению*, передаваемой от него по наследству, хотя автор и не в состоянии показать, кому она передается или кто ее наследует.

122. Для того чтобы установить правление в мире и чтобы обязательство повиноваться вошло в сознание каждого человека, так же необходимо убедить его в том, кто имеет право на эту власть (если предположить вместе с нашим автором, что вся власть есть не что иное, как обладание *отцовством* Адама), это *отцовство*, когда обладатель ее умирает, не оставив сыновей, которые могли бы непосредственно унаследовать ее, как необходимо было сказать ему, что после смерти отца право на нее имеет старший сын. Ибо необходимо по-прежнему помнить, что главный вопрос (тот, о котором, можно было бы полагать, наш автор рассуждает, если бы он иногда не забывал о нем) состоит не в том, существует ли в мире власть, которую следует называть «отцовской», не зная, кто является ее носителем, а в том, какие лица имеют право требовать повиновения себе, ибо если есть какая-то власть, i. e. право управлять, то не имеет значения, называется ли она «отцовской» или «королевской», «естественной» или «приобретенной», «высшим отцовством» или «высшим братством», при условии, что мы знаем, кто ею обладает.

123. Затем я хочу спросить: при наследовании этой *отцовской власти*, этого *высшего отцовства*, имеет ли внук от дочери преимущественное право перед племянником от брата? Или внук от старшего сына, еще дитя, перед младшим сыном, взрослым мужчиной в расцвете сил? Или дочь перед дядей или любым другим мужчиной, потомком по мужской линии? Или внук от младшей дочери перед внучкой от старшей дочери? Или старший сын от наложницы перед младшим сыном жены? Здесь также возникнет множество вопросов о законности наследников, и какое различие по природе существует между женой и наложницей? Ведь муниципальные или положительные законы людей здесь ничего не могут значить. Далее можно еще спросить, унаследует ли эту *отцовскую власть* старший сын — идиот, а не младший сын — мудрый человек? И какой должна быть степень глупости, чтобы исключить старшего? И кто будет об этом судить? Или сын идиота, отстраненного от наследства за свое безрассудство, а не сын его мудрого брата, который царствовал? Кто обладает *отцовской властью*, если вдовствующая королева ждет ребенка от умершего короля и никто не знает, будет ли это сын или дочь? Кто из двух близнецов мужского пола, появившихся на свет с помощью кесарева сечения чрева матери, будет наследником? Получит ли сестра по отцу предпочтение перед дочерью единокровного брата?

124. В отношении прав на престолонаследие и права наследования можно высказать и упомянутые выше, и еще гораздо больше подобных им сомнений, и все это не пустые рассуждения, а такие, которые, как показывает нам история, касаются наследования корон и королевств; и если нам недостает их, то за известными примерами этого нам не нужно ходить далеко — не дальше другого королевства, расположенного на этом самом острове, о чем мне нет необходимости говорить что-либо еще, поскольку искусный и ученый автор «*Patriarcha non Monarcha*» весьма полно об этом рассказал⁴³. Пока наш автор не разрешил все сомнения относительно прямого наследника, которые могут возникнуть, и не показал, что они явно определяются законом природы или данным в Откровении законом бога, все его предположения о *монархической, абсолютной, верховной, отцовской власти Адама* и переходе этой власти к его наследникам не принесут ни малейшей пользы для установления власти или утверждения права хотя бы одного государя, живущего ныне на земле, а скорее все расстроят и поставят под сомнение. Ибо пусть наш автор говорит нам сколько ему угодно долго и пусть также все люди верят тому, что Адам обладал *отцовской* и в силу этого *монархической властью*, что она (единственная власть в мире) *перешла к его наследникам* и что в мире нет никакой другой власти, кроме этой, — пусть все это будет таким же ясным доказательством, каким является на самом деле заблуждением, все же, если не будут устранены сомнения в отношении того, кому эта *отцовская власть передана по наследству* и кому она теперь принадлежит, никто не может быть обязан повиноваться, если только кто-нибудь не скажет, что я обязан оказывать повиновение *отцовской власти* человека, который облечен этой *отцовской властью* не в большей мере, чем я сам; а это равносильно тому, чтобы сказать, что я подчиняюсь человеку потому, что у него есть право управлять, и, если меня спросят, откуда я знаю, что у него есть право управлять, я должен ответить, что узнать, есть ли у него вообще такое право, невозможно; ибо основанием моего повиновения не может быть то, что, как я знаю, таковым не является; и в еще меньшей степени основанием моего повиновения может быть то, о чем вообще никто не может знать, является ли оно таковым.

125. И поэтому весь этот шум об *отцовстве Адама*, величии его власти и необходимости предположить ее существование никак не способствует установлению власти тех, кто правит, и не определяет повиновения подданных,

которые должны повиноваться, если они не могут сказать, кому они должны повиноваться, или если нельзя узнать, кто должен править, а кто — повиноваться. В том состоянии, в каком находится сейчас мир, не знающий и никогда уже не узнающий, кто есть наследник Адама, это *отцовство*, эта *монархическая власть Адама*, переходящая к его наследникам, была бы не более полезна для управления человечеством, чем заверения нашего автора (если бы он их дал) в том, что для успокоения умов людей или сохранения их здоровья Адам обладал даром прощать грехи и вылечивать болезни, который по божественному установлению перешел к его *наследнику*, — пока этого наследника невозможно узнать. И разве не столь же разумно поступил бы тот, кто на основе этих заверений нашего автора пошел бы и покаяться в своих грехах и ожидал бы полного отпущения грехов или же с целью поправить здоровье принял бы лекарство от любого, кто назвался священником или врачом или обманом присвоил себе эти занятия, заявляя: «Я получаю отпущение грехов благодаря способности, перешедшей по наследству от Адама» или «Я буду вылечен целительной силой, перешедшей по наследству от Адама», как и тот, кто говорит: «Я подчиняюсь и повинуюсь *отцовской власти*, перешедшей по наследству от Адама», когда признается, что все эти полномочия и способности переходят по наследству только к его единственному наследнику и что этот наследник неизвестен?

126. Правда, знатоки гражданского права претендуют на то, что они решили некоторые из этих дел, касающихся престолонаследия государей; но с точки зрения принципов нашего автора они вмешались в такое дело, которое к ним не относится. Ибо, если вся политическая власть должна вести свое происхождение только от Адама и быть передана только его последовательно сменяющим друг друга наследникам, по *велению бога и божественному установлению*, это есть верный и высший предшественник всякого правления; и следовательно, положительные человеческие законы не могут определять то, что само является основой всякого закона и правления и должно получить свои установления только от закона бога и природы. И поскольку в данном случае оно хранит молчание, я склонен полагать, что не существует такого права, которое должно передаваться этим путем; я уверен, что, если бы оно существовало, оно было бы бесполезно и люди пребывали бы в состоянии большей растерянности в отношении правления и подчинения правителям, чем если бы такого права вооб-

ще не было; поскольку благодаря действующим законам и согласию, которые *божественное установление* (если бы оно было) исключает, можно уверенно принять меры против всех этих бесконечных неразрешимых сомнений, но никогда нельзя понять, каким образом божественное естественное право, к тому же имеющее такое значение, как весь порядок и покой в мире, должно быть передано потомкам без какого-либо ясного, естественного или божественного правила, касающегося его. И наступил бы конец всякому гражданскому правлению, если бы гражданская власть *назначалась наследнику божественным установлением* и вместе с тем *этим же божественным установлением* личность этого наследника не могла бы стать известной. Поскольку по божественному праву эта *отцовская монархическая власть* принадлежит только ему, ни человеческое благоразумие, ни согласие не получают возможность облечь ею кого-либо еще; ибо, если только один человек имеет божественное право на повиновение людей, никто не может претендовать на это повиновение, а лишь только тот, кто может продемонстрировать это право; и умы людей не могут ни под каким другим предлогом быть принуждены к этому. А тем самым это учение подрезает под корень всякое правление.

127. Таким образом, мы видим, как наш автор, выдвигая в качестве твердой основы утверждение о том, что то самое *лицо*, которое должно править, и есть *веление бога* и определяется *божественным установлением*, говорит нам в основном только то, что это лицо и есть *наследник*, но, кто этот наследник, мы должны догадаться сами; и тем самым это *божественное установление*, назначившее эту власть лицу, для узнавания которого у нас нет никакого правила, поступило так же, как если бы вообще никому не было назначения. Но что бы ни предпринимал наш автор, *божественное установление* не делает таких нелепых назначений; нельзя предположить также, чтобы бог установил священный закон, что одно определенное лицо должно иметь право на что-либо, и, однако, не дал правил, по которым можно было бы выделить и узнать это лицо, или давал *наследнику* божественное право на власть и вместе с тем не указывал, кто этот *наследник*. Скорее следовало бы полагать, что наследник не имел такого права по *божественному установлению*, чем считать, что бог дал бы такое право *наследнику*, но оставил неясным и неразрешимым вопрос о том, кто этот наследник.

128. Если бы бог дал землю Ханаанскую Аврааму и в самых общих выражениях кому-то после него, не назвав его семени, благодаря чему можно было бы узнать, кто был этот «кто-то», то определить право на землю Ханаанскую было бы заданием столь же достойным и полезным, как определить право корон, дать империю Адаму и его наследникам, последовательно правившим после него, не сказав, кто его наследник. Ибо слово «наследник», если нет правила, как узнать, кто он, означает только кого-то, я не знаю кого, и ничего больше. Бог, делая *божественным установлением* правило, что люди не должны сочетаться браком с *близкими родственниками*, считает недостаточным сказать: «Никто ни к какой родственнице по плоти не должен приближаться с тем, чтобы открыть наготу»⁴⁴, но, сверх того, дает правила, чтобы знать, кто эти *близкие родственники*, запрещенные *божественным установлением*, ибо в противном случае этот закон был бы бесполезен, поскольку бессмысленно вводить ограничения или давать привилегии людям в таких общих выражениях, что по ним нельзя узнать конкретного человека, которого они касаются. Но поскольку бог нигде не сказал, что прямой наследник получит в наследство все состояние или владение своего отца, то нам не следует удивляться, что он нигде не указал, кто должен быть этим наследником; ибо мы не можем ожидать того, чтобы он, никогда не замышляя нечто такое, никогда не предполагая никакого наследника в этом смысле, должен был где-то назвать или назначить какое-либо лицо на это место,— как мы могли бы ожидать, если бы дело обстояло по-другому. И поэтому хотя в Писании встречается слово «наследник», там нет такого наследника, как понимает его наш автор, того, кто по праву природы должен был наследовать все, что имел его отец, отстранив своих братьев. Отсюда Сарра предполагает, что, если бы Измаил остался в доме и участвовал в дележе имущества Авраама после его смерти, этот сын рабыни мог бы быть наследником вместе с Исааком, и поэтому она говорит: «Выгони эту рабыню и сына ее, ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком»⁴⁵. Но это не может оправдать нашего автора, который, сказав нам, что в каждом собрании людей есть один, который является *истинным* и *прямым наследником Адама*, должен был бы нам сказать, каковы законы наследования. Поскольку он дал нам весьма скудные наставления относительно правил, по которым можно узнать, кто является *наследником*, давайте теперь посмотрим, что сообщает нам по этому необходимо-

му и основополагающему вопросу рассказанная им история из Писания, на которой он пытается целиком построить свое учение о правлении.

129. Чтобы оправдать название своей книги, наш автор начинает свою историю перехода монархической власти Адама по наследству следующими словами (с. 13): «Это господство, которое Адам по велению бога имел над всем миром и которым по праву, переходившему от него по наследству, обладали патриархи, было так же велико...» и т. д. Как он доказывает, что патриархи по наследству обладали ею? Относительно *владычества над жизнью и смертью*, говорит он, «мы обнаруживаем, что Иуда, отец, вынес смертный приговор своей невестке Фамари за то, что она была блудницей» (с. 13). Как это доказывает, что Иуда обладал абсолютной и высшей властью? «Он вынес смертный приговор». Вынесение смертного приговора не является обязательным признаком высшей власти, обычно это обязанность правителей более низкого положения. Право устанавливать законы жизни и смерти действительно признак высшей власти, но вынесение приговора в соответствии с этими законами может быть сделано другими, и поэтому данное утверждение вряд ли может служить доказательством, что он обладал верховной властью. Как будто можно было бы сказать: «Судья Джеффрис в последнее время вынес смертный приговор, следовательно, судья Джеффрис обладал верховной властью!» Однако могут возразить: «Иуда сделал это не по поручению другого и, следовательно, сделал по своему собственному праву». Кто знает, было ли у него вообще какое-либо право? В пылу гнева он мог сделать то, чего не имел права делать. «Иуда распоряжался жизнью и смертью». Как это проявляется? Он осуществил это право, он «вынес смертный приговор Фамари». Наш автор думает, что, раз он так поступил, это является очень хорошим доказательством того, что он, следовательно, имел право так поступать. Он с ней также спал. Если применить тот же способ доказательства, он имел право делать это тоже, когда справедлива такая последовательность, при которой из какого-либо деяния вытекает право на такое деяние. Авессалом также мог бы быть среди монархов нашего автора, ибо он вынес такой смертный приговор своему брату Амнону в совершенно схожих обстоятельствах и к тому же добился приведения его в исполнение⁴⁶, если только этого достаточно, чтобы доказать владычество над жизнью и смертью.

Но даже если допустить, что все это является недвусмысленным доказательством верховной власти, кто же был тот, кто обладал этим «господством по праву, перешедшему к нему по наследству от Адама, которое так же велико и всеобъемлюще, как самая абсолютная власть любого монарха»? Наш автор отвечает: «Иуда». Иуда — младший сын Иакова, его отец и старшие братья были еще живы; так что, если принять доказательство самого нашего автора, младший брат еще при жизни своего отца и старших братьев может *по праву наследования* обладать монархической властью Адама; и если кто-то обладающий такими качествами может быть монархом по праву наследования, то почему им не может быть каждый человек? И если Иуда при жизни отца и старшего брата был бы одним из наследников Адама, то я не знаю, кого можно отстранить от этого наследства. Все люди могут быть монархами по наследству так же, как Иуда.

130. «Если коснуться войны, то мы видим, что Авраам командовал войском, состоявшим из 318 бойцов — членов его семьи, а Исав встретил своего брата Иакова с 400 вооруженными людьми. Относительно же мира: Авраам вступил в союз с Авимелехом и т. д.» (с. 13). Разве нельзя человеку иметь в семье 318 мужчин, не будучи наследником Адама? У какого-нибудь вест-индского плантатора их больше, и он может, если захочет (кто в этом сомневается?), собрать их и повести на индейцев, чтобы отомстить им за любой ущерб, нанесенный ими, и все это без «абсолютной власти монарха, полученной им по наследству от Адама». Разве не было бы это блестящим доводом для доказательства того, что установлением бога вся власть перешла от Адама по наследству и что сама личность и власть этого плантатора явилась *велением божьим*, потому что он в своей семье обладал властью над слугами, рожденными в его доме и купленными за его деньги? Ибо как раз именно так обстояло дело с Авраамом: во времена патриархов, так же как сейчас в Вест-Индии, богатые покупали слуг и служанок и благодаря их естественному приросту, а также приобретению новых создали большие и многочисленные семейства, и, хотя они их использовали и на войне, и в мирной жизни, разве можно считать, что власть, которую они над ними имели, была тем наследством, которое перешло к ним от Адама, тогда как они купили ее за свои деньги? Всадник, участвующий в походе на врага и купивший свою лошадь на ярмарке, был бы таким же убедительным доказательством того, что владелец ее

«обладал той властью, которую Адам велением бога имел над всем миром, по праву, перешедшему к нему», как Авраам, возглавивший слуг своего семейства, является доказательством того, что патриархи обладали этой властью по праву наследования, полученному от Адама, поскольку право на власть, которое хозяин имел в обоих случаях, над людьми или лошадьми, основывалось только на том, что он их купил; а приобретение власти над чем-либо с помощью торговой сделки и денег не есть ли новый способ доказательства, что она получена по наследству и наследственна?

131. «Но объявление войны и заключение мира являются признаком верховной власти». Пусть именно так обстоит дело в политических обществах. Следовательно, разве в Вест-Индии человек не может, собрав своих сыновей, друзей и компаньонов, наемных солдат или рабов, купленных за деньги, или, может быть, отряд, состоящий из всех этих людей, вести войну и сохранять мир, если представится такой случай, и «также скреплять договоры клятвой», не будучи государем, абсолютным монархом над теми, кто пошел с ним? Тот, кто ответит, что не может, должен тогда допустить, что множество капитанов кораблей, множество частных плантаторов должны быть абсолютными монархами, ибо они во всяком случае делают то, о чем сказано выше. В политических обществах вопросы войны и мира могут решаться только верховной властью этих обществ, потому что война или мир сообщают разное движение силе такого политического тела и объявлять войну или заключать мир может лишь тот, кто направляет силу всего тела, а в политических обществах это только верховная власть. В добровольных обществах тот, кто на время получает такую власть по согласию, может решать вопросы войны и мира так же, как и один человек сам для себя; состояние войны характеризуется не количеством участников, а враждебностью сторон, когда у них нет какого-либо высшего судьи, к которому они могли бы обратиться.

132. Решение на деле вопросов войны и мира является лишь доказательством только одной власти — власти отдавать распоряжения проводить или прекращать враждебные действия тем, за кого принимается это решение; и во многих случаях любой может иметь эту власть, не обладая никакой политической верховной властью. Поэтому объявление войны или заключение мира не доказывает, что тот, кто это делает, является политическим правителем и еще менее того — монархом; ибо тогда и республики тоже должны быть монархами, ибо они так же определенно

решают вопросы войны и мира, как и монархические правительства.

133. Но даже если допустить, что это — *признак верховной власти* Авраама, разве это является доказательством перехода к нему по наследству *верховой власти* Адама над всем миром? Если да, то оно, без сомнения, будет таким же достоверным доказательством перехода по наследству *власти Адама* и к другим. И тогда республики, так же как и Авраам, будут *наследниками Адама*, потому что они, так же как и он, решают вопрос «война или мир». Если вы скажете, что эта *власть Адама* не переходит по праву наследования к республикам, хотя они объявляют войну и заключают мир, я скажу то же самое об Аврааме, и тогда конец вашему доводу; если вы будете отстаивать свой довод и заявите, что те, кто решает вопрос о войне и мире, — а республики, несомненно, его решают — действительно «наследуют власть Адама», тогда конец вашей монархии, если только вы не скажете, что республики, «по наследству пользующиеся *властью Адама*», являются монархиями, и тогда это будет действительно новый способ превращения всех правительств в мире в монархическое.

134. Дабы честь этого нового открытия принадлежала нашей автору — ибо, признаюсь, это вовсе не я, проследившая принципы автора, первый обнаружил, а затем приписал ему это новшество, — моим читателям следует знать, что (как бы нелепо это ни казалось) он проповедует его сам, когда остроумно заявляет (с. 23): «Во всех монархиях и республиках мира, будь в них правитель верховным отцом народа или всего лишь истинным наследником такого отца, получи он корону благодаря узурпации или в результате выборов, управляют ли республикой немногие избранные или множество, все равно власть, которой обладает один, или многие, или все они, есть единственная законная и естественная власть верховного отца», а это право «отцовства», как он постоянно говорит нам, в частности (с. 12), на странице, непосредственно предшествующей этому примеру с Авраамом, есть «царская и королевская власть». Он утверждает, что те, кто управляет республиками, обладают этой царской властью; а если справедливо, что царской и королевской властью обладают те, кто управляет республиками, то также справедливо, что республики управляются; ибо если царской властью облечен тот, кто управляет, то он по необходимости должен быть монархом; и следовательно, все республики суть не что иное, как откровенные монархии; и тогда какая нужда

подымать еще шум по этому вопросу? Формы правления в мире такие, какие должны быть; в нем нет ничего, кроме монархии. Таков, несомненно, кратчайший путь, который мог бы найти наш автор, чтобы изгнать с лица земли все другие формы правления, кроме монархической.

135. Но все это вряд ли доказывает, что Авраам, как наследник Адама, был монархом. Если бы он по праву наследования был монархом, Лот, принадлежавший к той же самой семье, должен был бы быть его подданным по этому праву прежде, чем слуги в его семье; но мы видим, что они жили как друзья и как равные; и когда их пастухи ссорились, ни один из них не претендовал на отправление правосудия или превосходство, и они расходились по взаимному согласию (Быт. 13); отсюда как Авраам, так и библейский текст называют его «братом Авраама» — слово, обозначающее дружбу и равенство, а не право отправления правосудия и власть, хотя в действительности он был лишь его племянником. И если наш автор знает, что Авраам был наследником Адама и монархом, то, кажется, он знал больше, чем сам Авраам или его слуга, которого он послал сватать невесту своему сыну; ибо, когда тот описывает выгоды этого брака, чтобы тем самым убедить молодую женщину и ее друзей, он говорит: «Я раб Авраамов, Господь весьма благословил господина моего, и он сделался великим. Он дал ему овец и волов, серебро и золото, рабов и рабынь, верблюдов и ослов; Сарра, жена господина моего, уже состарившись, родила господину моему одного сына, которому он отдал все, что у него» (Быт. 24, 36) [34—36]. Можно ли полагать, что благоразумный слуга, который столь обстоятельно расписывал величие своего господина, не упомянул бы о короне, которую должен был получить Исаак, если бы он знал о таковой? Можно ли представить себе, если он или его господин думали о чем-то таком — а из всех остальных причин эта была наиболее подходящей для того, чтобы его миссия завершилась успешно, что он намеренно не сказал им по такому важному случаю, как этот, что Авраам — царь, титул, хорошо известный в то время, потому что девять из них были его соседями?⁴⁷

136. Но как представляется, это открытие держалось в тайне, чтобы наш автор сделал его снустя две или три тысячи лет, и пусть эта честь принадлежит ему; он только должен был бы позаботиться о том, чтобы этому наследнику Адама вместе со всей его властью перешло по наследству и немного земли Адама; ибо хотя эта власть, которой Авраам (если мы можем поверить нашему автору), так же

как и другие патриархи, «обладал по праву, перешедшему к нему по наследству, была так же велика и всеобъемлюща, как самая абсолютная власть любого монарха, который когда-либо существовал со времен сотворения мира», однако его усадьба, его территории, его владения были очень ограниченными и скудными, ибо он не владел и пядью земли, пока не купил поле и пещеру сынов Хета, чтобы похоронить в ней Сарру.

137. История Исава, которая добавлена к истории Авраама для доказательства того, что «патриархи действительно обладали той властью, которую Адам имел над всем миром, по праву, переходившему от него», доставляет еще больше удовольствия, чем предыдущая. «Исав встретил своего брата Иакова с четырьмя сотнями вооруженных людей»; поэтому он был властителем по праву наследника Адама. Следовательно, четырехсот вооруженных людей, собранных каким-то образом в один отряд, достаточно, чтобы доказать, что тот, кто их ведет, — властитель и наследник Адама. В Ирландии были тори⁴⁸ (кто бы там ни был в других странах), которые поблагодарили бы нашего автора за столь лестное мнение о них, особенно если бы поблизости не было никого, кто обладал бы еще более законным правом в пятьсот вооруженных людей и кто мог бы поставить под сомнение их королевскую власть достоинством в четыре сотни людей. Стыдно так шутить — чтобы не сказать грубее — в столь серьезном споре. Вот Исав приводится в качестве доказательства того, что власть Адама, «абсолютная власть Адама, такая же великая, как у любого монарха, по праву переходит по наследству к патриархам»; и в той же самой главе (с. 19) Иаков приводится в качестве примера того, кто «по праву первородства был господином над своими братьями». Тем самым мы имеем двух братьев, абсолютных монархов по одному и тому же праву и одновременно наследников Адама; старший — наследник Адама потому, что он встретил своего брата с четырьмястами людьми, а младший — наследник Адама по «праву первородства». Исав «обладал властью, которую Адам имел над всем миром по праву, перешедшему к нему, такой же великой и всеобъемлющей, как самая абсолютная власть любого монарха», и одновременно «Иаков господствовал над ним по праву, которое имеют наследники, быть господами над своими братьями». *Risum teneatis?*⁴⁹ Должен признаться, я никогда не встречал человека, способного столь ловко, как сэр Роберт, вести таким путем рассуждение. Но к своему несчастью, он неужи-

данно выдвинул такую гипотезу, которая не могла быть приспособлена к природе вещей и человеческих дел, его принципы не могли быть согласованы с тем строем и порядком, которые бог установил в мире, и поэтому необходимо должны часто вступать в противоречие со здравым смыслом и опытом.

138. В следующем разделе он нам говорит: «Эта патриархальная власть сохранялась не только до потопа, но и после него, что частично доказывается словом «патриарх»». Слово «патриарх» действительно более чем «частично доказывает», что «патриархальная власть» сохранялась в мире до тех пор, пока существовали патриархи; ибо необходимо, чтобы существовала патриархальная власть, пока имеются патриархи, так же как необходимо, чтобы существовала отцовская и супружеская власть, пока есть отцы и мужья; но это всего лишь игра слов. То, что он хочет ложным образом внушить, — это как раз то рассматриваемое здесь положение, которое требуется доказать, *viz.* что «патриархи действительно обладали той властью, которую Адам имел над миром», той предполагаемой абсолютной всемирной властью Адама, которая «по праву перешла от него». Если он утверждает, что такая абсолютная монархия существовала в мире вплоть до всемирного потопа, я был бы рад узнать, из каких источников он это взял, ибо, признаюсь, я не мог найти ни слова об этом в своей Библии. Если под «патриархальной властью» он понимает нечто другое, тогда она не имеет никакого отношения к рассматриваемому вопросу. И каким образом слово «патриарх» «частично доказывает», что те, кто назывался таким именем, обладали абсолютной монархической властью, я, признаюсь, не понимаю и, следовательно, не могу отвечать на это до тех пор, пока аргумент не будет сформулирован немного яснее.

139. «Три сына Ноя владели миром, — говорит наш автор, — который их отец поделил между ними, так что ими был заселен весь мир» (с. 14). Мир мог быть заселен отпрысками сыновей Ноя, хотя он вообще не делил мир между ними, так как земля могла быть *наполнена* и без раздела. Поэтому весь этот довод нашего автора в данном случае не доказывает такого раздела. Однако я допускаю, что он прав, и затем спрашиваю: раз мир разделен между ними, кто из этих трех наследник Адама? Если *власть Адама, монархия Адама* по праву перешла только к старшему, тогда другие два могли быть лишь его *подданными, его рабами*. Если по праву она перешла всем трем братьям,

то по тому же самому праву она перейдет всем людям, и тогда его утверждение о том, что «наследники — господа над своими братьями» (с. 19), не может быть справедливым, и все братья и, следовательно, все люди будут равны и независимы, все будут наследники монархии Адама и, следовательно, все тоже монархи, один в такой же мере, как и другой. Но будет сказано: «Их отец Ной поделил мир между ними»; тем самым наш автор позволяет Ною больше, чем всемогущему богу, ибо (З., с. 211) он полагал несправедливым, что сам бог дал мир Ною и его сыновьям в нарушение права первородства Ноя. Он говорит следующее: «Ной остался единственным наследником мира; кто бы мог подумать, что бог отнимет у него его право первородства и сделает его, из всех людей мира, единственным держателем земель наравне с его сыновьями?» И однако ж здесь он полагает уместным, чтобы Ной лишил Сима его права первородства и поделил мир между ним и его братьями. Так что это «первородство», когда захочет наш автор, должно, и когда он захочет, не должно быть священным и нерушимым.

140. Если Ной действительно поделил мир между своими сыновьями и его распределение владений между ними было верным, тогда конец божественному установлению: все рассуждение нашего автора о наследнике Адама вместе со всем тем, что он на нем построил, пропадает даром, и естественная власть королей рушится; тогда «форма правящей власти и лицо, обладающее этой властью», не будут (как он говорит о них — З., с. 254) «велеием бога», они будут лишь «велеием» человека. Ибо если право наследника было бы велеием бога, божественным правом, ни один человек, отец или не отец, не мог бы его изменить. Если это не божественное право, то оно всего лишь человеческое, зависящее от воли человека, а поэтому там, где человеческое установление не дает его, перворожденный не имеет права превосходства над своими братьями, и люди могут доверить правление тому и в той форме, кому и в какой они сочтут нужным.

141. Он продолжает: «Большая часть самых просвещенных народов на земле стремится доказать свое происхождение от кого-либо из сыновей или племянников Ноя» (с. 14). Сколько насчитывает эта большая часть самых просвещенных народов и кто они такие? Боюсь, что китаец, великий и чрезвычайно просвещенный народ, так же как и некоторые другие народы Востока, Запада, Севера и Юга, не очень беспокоятся на этот счет. Все, кто верит

в Библию (полагаю, они и составляют «большую часть самых просвещенных народов» нашего автора), должны по необходимости вести свое происхождение от Ноя; но что касается остальных людей, они мало думают о его сыновьях и племянниках. Но если знатоки геральдики и древностей всех народов (ибо обычно именно эти люди трудятся над тем, чтобы обнаружить истоки происхождения народов) или все народы сами будут «стремиться доказать свое происхождение от кого-либо из сыновей или племянников Ноя», какое это может иметь отношение к доказательству того, что «власть, которую имел Адам над всем миром, по праву перешла к патриархам»? Можно заключить, что тех, от кого народы или расы людей «стремятся доказать свое происхождение», они считают знаменитыми людьми, прославившимися в потомках величием своих добродетелей и дел. Однако дальше этого они не заглядывают и не изучают, чьими наследниками они были, но смотрят на них как на тех, кто возвысился благодаря своим собственным достоинствам до такой степени, что осеняет славой и тех, кто в грядущие века мог претендовать на то, чтобы вести от них свое происхождение. Но если это были Огиг, Геркулес, Брахма, Тамерлан, Фарамонд и даже Юпитер и Сатурн⁵⁰, пусть это будут имена тех, от кого разные расы людей, как древние, так и современные, стремились вести свое происхождение, разве это докажет, что эти люди «обладали властью Адама, по праву перешедшей к ним по наследству»? Если нет, то это всего лишь цветистое выражение нашего автора с целью ввести в заблуждение читателя и само по себе ничего не означающее.

142. И такое же значение имеет то, что он нам говорит относительно этого раздела мира: «Некоторые утверждают, что это было сделано по жребию, а другие — что Ной в течение 10 лет плывал по Средиземному морю и разделил мир на Азию, Африку и Европу» — доли трех его сыновей. Видимо, Америка тогда была оставлена тому, кто смог бы ее захватить. Трудно догадаться, почему наш автор прилагает столько усилий, чтобы доказать раздел мира Ноем между сыновьями, и не упускает ни одной выдумки, пусть она будет всего лишь фантазией, которую он может где бы то ни было найти, чтобы подтвердить свое мнение, поскольку такой «раздел», если он что-либо доказывает, должен по необходимости ликвидировать право наследника Адама, если только три брата вместе не могут быть наследниками Адама. И поэтому следующие слова: «Хотя способ, каким был проведен этот раздел, точно не известен,

вполне определенно то, что сам раздел был осуществлен семьями, произошедшими от Ноя и его детей, где родители были главами семейств и государями» (с. 15), если допустить, что он прав и что эти слова имеют какую-то силу для доказательства того, что вся власть в мире есть не что иное, как власть Адама, «по праву переходящая по наследству», докажут только то, что отцы детей — все наследники этой власти Адама. Ибо, если в те времена Хам и Иафет и другие родители, а не только старший сын были главами и государями в своих семействах и имели право делить землю между семьями, что мешало младшим братьям, которые тоже были отцами семейств, иметь такое же право? Если Хам и Иафет были государями по праву, перешедшему к ним по наследству, несмотря на какое-то право их старшего брата быть наследником, младшие братья по тому же самому праву, перешедшему к ним по наследству, ныне являются государями; и тем самым вся естественная власть королей, о которой говорит наш автор, распространится только на их собственных детей и не дальше, и по этому естественному праву ни одно царство не может быть больше семьи. Так как либо эта *власть Адама над всем миром* по праву переходит только к старшему сыну, и тогда может быть только один наследник, как утверждает наш автор (с. 19), либо она по праву переходит одинаково всем сыновьям, и тогда ее будет иметь каждый отец семейства, как имели три сына Ноя. Что бы вы ни выбрали, и то и другое уничтожает существующие ныне в мире системы правления и королевства, поскольку, кто бы ни обладал этой «естественной властью короля», по праву перешедшей к нему по наследству, он должен получить ее либо таким же образом, как получил ее, по рассказу нашего автора, Каин, и быть господином над своими братьями и тем самым единственным властителем всего мира, либо, как он нам здесь рассказывает, как получили ее три брата, Сим, Хам и Иафет, и тем самым быть только государем в своей собственной семье, а все семьи независимы друг от друга. В соответствии с правом прямого наследника весь мир должен быть одной единой империей, или же в соответствии с «властью Адама, переходящей по наследству родителям семейств» каждая семья сама по себе должна быть самостоятельным государством. И только к этому склоняются все доказательства перехода власти Адама по наследству, которые он нам здесь приводит. Ибо, продолжая свой рассказ об этом наследовании, он говорит:

143. «В вавилонском смешении языков мы должны непременно найти установление царской власти во всех царствах мира» (с. 14). Если вы должны найти его, ради бога, найдите, и тогда вы совершите новое открытие в истории. Но вы должны нам показать его до того, как мы будем обязаны поверить тому, что царская власть была установлена в мире на основе ваших принципов. Ибо, я думаю, никто не будет оспаривать того, что «в царствах мира» установилась царская власть; но чтобы в мире существовали царства, некоторые властители которых обладали своими коронами «по праву, перешедшему к ним по наследству от Адама», — это, мы думаем, не только *недостовечно*, но и абсолютно невозможно. Если у нашего автора нет лучшей основы для своей монархии, чем предположение о том, что случилось при вавилонском смешении языков, то монархия, которую он на этом воздвигает, вершина которой должна достичь неба, чтобы объединить людей, послужит только тому, чтобы разделить и рассеять их, как та башня, и, вместо того чтобы установить в мире гражданское правление и порядок, не приведет ни к чему, кроме сумятицы.

144. Ибо он говорит нам, что народы, на которые люди были разделены, «были отдельными семьями, в которых отцы были правителями; отсюда кажется, что даже в сумятице бог постарался сохранить отцовскую власть, распределив разнообразие языков в соответствии с разнообразием семей» (с. 14). Для любого, но только не для нашего автора было бы чрезвычайно трудно так просто обнаружить в тексте, который он здесь приводит, что все народы, которых коснулось это смешение языков, управлялись отцами и что «бог постарался сохранить отцовскую власть». В тексте слова следующие: «Это сыновья Симовы по племенам их, по языкам их, в землях их, по народам их»⁵¹; и то же самое говорится о Хаме и Иафете, после того как перечислены их потомки, и во всем этом ни слова не говорится ни об их правителях, ни о формах правления, ни об *отцах*, ни об *отцовской власти*. Но наш автор, который очень скор на то, чтобы обнаружить «отцовство» там, где никто другой не мог увидеть ни малейших его признаков, говорит нам определенно, что их «правителями были отцы и бог постарался сохранить отцовскую власть». А почему? Потому, что те, кто принадлежал к одному и тому же роду, говорили на одном языке и поэтому при разделе в силу необходимости держались вместе. Это равносильно тому, чтобы рассуждать примерно следующим образом: армия

Ганнибала⁵² состояла из различных народностей, и он держал вместе тех, кто говорил на одном языке, поэтому отцы были командирами каждого отряда и Ганнибал оберегал *отцовскую власть*. Или: заселяя Каролину⁵³, приехавшие туда англичане, французы, шотландцы, валийцы селились вместе, и ими страна была разделена «на земли их по языкам их, по племенам их, по народам их», и, следовательно, была проявлена забота об *отцовской власти*. Или: поскольку во многих частях Америки каждое маленькое племя жило обособленной группой, имело особый язык, из этого можно было бы сделать вывод о том, что «бог старался сохранить отцовскую власть» или что поэтому их правители «обладали властью Адама, по праву перешедшей к ним по наследству», хотя мы не знаем ни кто были их правители, ни какая у них форма правления, а только то, что они были разделены на маленькие независимые общества, говорившие на разных языках.

145. Писание ни слова не говорит об их правителях и формах правления, а только рассказывает о том, как люди были разделены на отдельные языки и народы; и поэтому говорить нам определенно о том, что *отцы* были их *правителями*, тогда как Писание ничего такого не говорит, — значит не опираться на авторитет Писания, но излагать измышления собственного ума, если мы уверенно утверждаем как неоспоримый факт то, о чем полностью умалчивают источники. На том же основании, вообще без всякого основания, он говорит: «Они не были смятенными толпами без руководителей или правителей, свободными избирать таких правителей или системы правления, какие им нравились».

146. Ибо я задаю вопрос: когда все люди все еще говорили на одном языке, все собрались на равнине Сеннаар, подчинялись ли они тогда все одному монарху, *который обладал властью Адама, по праву перешедшей к нему?* Если нет, тогда, очевидно, никто не думал о наследнике Адама, никто не знал о праве управлять, основанном на этом положении наследника, ни бог, ни человек не заботились об *отцовской власти Адама*. Если когда люди были одним народом, жили все вместе и говорили на одном языке и вместе строили город и когда, совершенно очевидно, они не могли не знать законного наследника, ибо Сим дожил до времени Исаака, много лет спустя после вавилонского смешения языков, — если тогда, повторяю, они не подчинялись монархическому правлению отцовства Адама по праву, перешедшему к наследнику, то, очевидно, никто не

принимал во внимание никакого *отцовства*, никто не признавал никакой монархии, которой должен был владеть *наследник Адама*, не было никакой империи Сима в Азии и, следовательно, такого раздела мира Ноем, о котором говорил наш автор. И насколько мы в состоянии сделать какой-либо вывод из Писания об этом деле, на основании данного текста представляется, что, если у них и была какая-либо система правления, она скорее была республикой, чем абсолютной монархией. Ибо Писание говорит нам (Быт. 11): «Сказали они». Не какой-то государь приказал строить этот город и башню, это делалось не по приказу одного *монарха*, но по совету многих, свободным народом — «построим себе город». Они строили его для себя как свободные люди, а не как рабы для своего господина и хозяина — «прежде, нежели рассеемся по лицу всей Земли» — и чтобы, однажды построив город, обеспечить постоянное место для своих жилищ и семей. Это был совет и намерение народа, который был волеи разделиться на части, но хотел держаться вместе как одно целое, и это не было бы необходимым или возможным у людей, связанных воедино правлением одного монарха; если бы, как говорит нам наш автор, они все были *рабами* под абсолютной властью монарха, им не нужно было бы проявлять такую заботу, чтобы помешать себе удалиться за пределы его владений. Я спрашиваю, не сказано ли об этом в Писании более ясно, чем о *наследнике Адама или отцовской власти*.

147. Но если они, будучи единым народом, как говорит о том бог (Быт. 11, 6), имели над собой одного правителя, одного властителя по естественному праву, абсолютного и верховного, «какую заботу проявил бог, чтобы сохранить родительскую власть высшего отцовства», если вдруг он разрешает им создать из него семьдесят два (ибо столько насчитал наш автор) «отдельных народа», под властью самостоятельных правителей, и сразу выйти из повиновения своему суверену? Это значит понимать заботу бога как нам угодно и называть ей что нам угодно. Есть ли смысл говорить, что бог стремился сохранить *отцовскую власть* для тех, кто ею не обладал? Ибо, если они были подданными верховного правителя, какой властью они обладали? Было ли это примером заботы бога о сохранении *отцовской власти*, когда он отобрал истинное *верховное отцовство* у естественного монарха? Есть ли основание утверждать, что бог ради сохранения *отцовской власти* позволяет создать несколько новых государств с новыми правителями, которые все не могли обладать *отцовской властью*? И разве не

столь же обоснованно можно утверждать, что бог стремился уничтожить *отцовскую власть*, когда он допустил, чтобы тот, кто ею обладал, позволил разорвать свое государство на части и разделил его с несколькими своими подданными? И не будет ли доводом в пользу монархического правления, очень похожим на сказанное выше, говорить о том, что когда какая-либо монархия дробится на кусочки и делится среди восставших подданных, то бог стремится сохранить монархическую власть, превращая сложившуюся империю во множество мелких государств? Если кто-нибудь скажет, что то, что происходит по воле провидения, должно сохраниться, бог тщательно сохраняет это явление и посему люди должны уважать его как необходимое и полезное, то это будет звучать весьма странно, и никто не подумает, что оно достойно подражания. Но я уверен, что не может быть правильным или истинным следующее: что Сим, например (ибо тогда он был жив), имел *отцовскую власть*, или верховную власть по праву *отцовства* над тем единым народом в Вавилоне и что в последующее время, еще при жизни Сима, семьдесят два других получили *отцовскую власть*, или верховную власть по праву *отцовства* над тем же самым народом, разделенным на столько же отдельных государств. Либо эти семьдесят два отца действительно были правителями до смещения языков, и тогда они не были одним народом, но сам бог говорит, что были; или же они были республикой, и тогда куда делась монархия? Либо эти семьдесят два отца обладали *отцовской властью*, но не знали этого. Странно! Эта *отцовская власть* должна была быть единственным источником происхождения правления у людей, и тем не менее все человечество этого не знало! И еще более странно, что смещение языков внезапно открыло это для них, что во мгновение ока эти семьдесят два узнали, что обладают *отцовской властью*, а все другие узнали, что они должны ей подчиняться, и каждый знал ту конкретную *отцовскую власть*, подданным которой он являлся! Тот, кто может полагать, что это аргументируется на основе Писания, может отсюда создать любую модель «Утопии»⁵⁴, которая лучше всего будет удовлетворять его фантазии или интересу, и, разделившись таким образом с этим *отцовством*, оправдывает как государя, который претендует на мировую империю, так и его подданных, которые, будучи отцами семейств, откажутся от всякого повиновения ему и разделят его империю на менее крупные государства, где будут править сами. Ибо всегда останется сомнение в том, кому же из них при-

надлежала отцовская власть, пока наш автор не даст определенного ответа: Симу (который был тогда еще жив) или этим семидесяти двум новым государям, положившим начало стольким же новым царствам в его владениях и с его же подданными, принадлежало право управлять, поскольку наш автор говорит нам, что как тот, так и другие обладали *отцовской* (т. е. верховной) *властью*, и приводит их в качестве примеров тех, кто действительно «обладал властью Адама, по праву перешедшей к ним по наследству, которая была так же велика и всеобъемлюща, как самая абсолютная власть любого монарха». По крайней мере неизбежно одно: если «бог стремился сохранить отцовскую власть в семидесяти двух вновь созданных народах», то необходимо следует, что он в такой же мере стремился уничтожить все притязания наследника Адама, поскольку он проявил заботу и поэтому действительно сохранил отцовскую власть столь многих (по крайней мере семидесяти одного), которые не могли быть наследниками Адама, когда законный наследник (если бог вообще установил любое такое наследство) не мог быть неизвестен — Сим тогда был жив, а они все составляли единый народ.

148. Его следующий пример тех, кто обладал этой властью патриархов, — Нимрод (с. 16)⁵⁵; но не знаю, по какой причине наш автор, кажется, обошелся с ним слегка нелюбезно, заявив, что тот «незаконно увеличил свою империю, силой посягал на права других глав семейств». Эти «главы семейств» в его рассказе о смешении языков в Вавилоне назывались «отцами семейств». Но как они назывались, не важно, если мы знаем, кто они; ибо эта отцовская власть должна принадлежать им либо как наследникам Адама, и тогда одновременно их не могло быть семьдесят два или больше одного, либо как естественным родителям своих детей, и тем самым каждый отец будет иметь *отцовскую власть* над своими детьми на основе того же самого права и в таком же большом объеме, как имели те семьдесят два, и поэтому они будут независимыми государями над своими собственными потомками. Взяв своих «глав семейств» в этом последнем смысле (в этом месте трудно придать этим словам какой-либо иной смысл), он дает нам очень изящное описание происхождения монархии в следующих словах (с. 16): «И в этом смысле его можно назвать создателем и основателем монархии» — *viz.* незаконно, силой посягающим на права отцов в отношении своих детей, чья отцовская власть, если она есть, принадлежит им по праву природы (ибо как еще могли ее полу-

чить те семьдесят два?), никто не мог отобрать ее у них без их согласия; и тогда я просил бы нашего автора и его друзей посмотреть, в какой мере это касается других государей и, в соответствии с его заключением в том абзаце, не сведет ли это всю царскую власть тех, владения которых выходят за пределы их семейств, либо к тирании и узурпации, либо к выборам и согласию отцов семейств, которое очень мало будет отличаться от согласия народа.

149. Все приводимые им в следующем разделе примеры (с. 17) — двенадцати старейшин идумейских, девяти царей из маленького уголка Азии во времена Авраама, тридцати одного царя в Ханаане, истребленных Иисусом Навилом, — и то старание, с которым он пытается доказать, что все они были суверенными государями и что в каждом городе в те времена был царь, — все они — прямые свидетельства против него, доказывающие, что не власть Адама, «по праву наследования перешедшая» к ним, делала царей. Ведь, если бы они владели своими царствами по этому праву, тогда либо над всеми ими должен был быть только один суверен, либо каждый отец семейства был бы такой же законный государь и имел бы такое же законное притязание на царствование, как и они. Ибо, если все сыновья Исава, каждый из них, как младший, так и старший, имели бы право *отцовства* и были бы тем самым суверенными государями после смерти своего отца, то же самое право имели бы после них их сыновья и так далее, включая всех потомков, что ограничит всю естественную власть отцовства только теми, кого они сами произведут на свет, и их потомками; эта власть отцовства умирает вместе с главой каждой семьи и освобождает место для такой же власти отцовства, которую каждый из его сыновей приобретает над своими соответствующими потомками. Тем самым действительно сохраняется власть отцовства, и она понятна, но абсолютно не соответствует цели нашего автора. Ни один из примеров, которые он приводит, не является доказательством ни какой-либо власти, которой они обладали по праву отцовства, перешедшему к ним, как наследники отцовской власти Адама, ни какой-либо власти, которой они обладали в силу своего собственного отцовства. Ибо, если *отцовство Адама* распространялось на все человечество, оно могло перейти по наследству только к одному, а от него — только к его прямому наследнику, и тем самым в соответствии с этим правом в мире в данный момент мог быть только один монарх; а по праву отцовства, не перешедшему от Адама, оно должно быть только таким, каким

его делало то обстоятельство, что они сами были отцами, и поэтому могло распространяться только на их собственных потомков. Так что если те двенадцать старейшин идумейских, если Авраам и девять его соседей-царей, если Иаков и Исав и тридцать один царь в Ханаане, семьдесят два царя, искалеченные Адонивесехом, тридцать два царя, которые пришли к Венададу⁵⁶, семьдесят греческих царей, воевавших с Троей, были все, как утверждает наш автор, суверенными государями, то, очевидно, цари брали свою власть из какого-то другого источника, а не из *отцовства*, поскольку некоторые из них имели под своей властью не только своих собственных потомков, и это является доказательством того, что они не могли быть все наследниками Адама. Ибо я сомневаюсь, что какой-либо человек может предъявить какие-то притязания на власть по праву *отцовства*, понятную или возможную для кого-нибудь, кроме как наследник Адама или как основатель рода, властвующий над своими собственными потомками, естественным путем им рожденными. И если бы наш автор смог показать, что кто-либо из этих государей, столь обширное перечисление которых он здесь нам приводит, обладал своей властью в силу первого или второго права, думаю, я бы уступил ему и признал его правоту, хотя совершенно очевидно, что все его доказательства неуместны и прямо противоречат тому, что он хочет при их помощи доказать, — *viz.* что *власть, которую Адам имел над миром, по праву перешла по наследству к патриархам.*

150. Сообщив нам (с. 16), что «правление патриархов продолжалось через Авраама, Исаака и Иакова до египетского пленения», он говорит нам (с. 17): «Благодаря отчетливым следам мы можем наблюдать это правление патриархов вплоть до того момента, когда израильяне пришли в Египет, где осуществление верховного правления патриархов было прервано, потому что они были в подчинении у более сильного государя». Что представляют собой эти следы отцовского правления в том смысле, как понимает его наш автор, *i. e.* абсолютной царской власти, переходящей от Адама и осуществляемой по праву *отцовства*, — мы уже видели, *t. e.* за 2290 лет вообще никаких следов; ибо во всем этом периоде времени он не может обнаружить ни одного примера того, чтобы кто-нибудь претендовал на монархическую власть по праву *отцовства* или осуществлял ее, и не может показать никого, кто, будучи властителем, являлся бы наследником Адама. Все его доказательства сводятся лишь к тому, что в то время в мире

были отцы, патриархи и властители; но относительно того, чтобы отцы и патриархи обладали какой-то абсолютной деспотической властью, и по какому праву властители обладали своей властью, и каков был ее объем, Писание хранит полное молчание. Совершенно очевидно, что по праву *отцовства* они не требовали и не могли требовать никакого права на власть и империю.

151. Слова о том, что «осуществление верховного правления патриархов было прервано, потому что они были в подчинении у более сильного государя», доказывают лишь то, что я ранее подозревал, — *viz.* что «юрисдикция или правление патриархов» — ошибочное выражение и не означает у нашего автора того, что он хотел бы все же при помощи его внушить, — *отцовскую* и *царскую власть*, такую абсолютную верховную власть, какая, как он полагает, была у Адама.

152. Ибо как он может говорить, что «юрисдикция патриархов была прервана в Египте», где был монарх, под монархическим правлением которого находились израильтяне, если юрисдикция «патриархов» была «абсолютной монархической властью»? А если нет, если она была чем-то совсем иным, почему он поднимает такой шум о власти, которая вообще не рассматривается и не имеет никакого отношения к затронутому вопросу? Осуществление юрисдикции «патриархов», если она была «царской», не прерывалось, пока израильтяне были в Египте. Правда, осуществление «царской» власти не было тогда в руках кого-либо принадлежавшего к обещанному семени Авраама, как не было оно таковым и раньше, насколько мне известно; но какое это имеет отношение к перерыву в «царской власти, как переходящей по наследству от Адама», если только наш автор не будет утверждать, что эта избранная линия Авраама имела право наследовать власть Адама. А тогда для чего нужны его примеры семидесяти двух правителей, которым была сохранена отцовская власть во время вавилонского смешения языков? Зачем он привлекает двенадцать государей — сынов Измаила и старейшин идумейских — и присоединяет их к Аврааму, Исааку и Иакову в качестве примеров осуществления истинного «правления патриархов», если осуществление «юрисдикции патриархов» в мире прерывалось во всех случаях, когда верховная власть не принадлежала потомкам Иакова? Боюсь, «верховная юрисдикция патриархов» не только «прерывалась», но и была совсем потеряна в мире со времен египетского пленения, ибо с того времени трудно обнаружить кого-ли-

бо, кто осуществлял ее как наследство, перешедшее к нему от патриархов Авраама, Исаака и Иакова. Я думаю, монархическое правление послужило бы цели автора в руках фараона или кого-либо еще. Но обнаружить, к чему склоняются его рассуждения во всех местах, нелегко; так, особенно в данном месте трудно догадаться, что он имеет в виду, когда говорит: «Осуществление верховной юрисдикции патриархов в Египте», или каким образом это служит доказательством перехода власти Адама по наследству к патриархам или кому-либо еще.

153. Ибо я полагал, что он приводил нам из Писания доказательства и примеры монархического правления, основанного на отцовской власти, переходящей от Адама, а не излагал историю иудеев, у которых мы еще не находим царей, появившихся у них много лет спустя после того, как они стали народом; а когда цари стали их правителями, нет никакого упоминания о том, что они являются наследниками Адама или царями в силу отцовской власти, как и нет оснований для притязаний на это. Я ожидал, что, говоря так много о Писании, он приведет оттуда примеры целого ряда монархов, права которых ясно указывали бы на *отцовство Адама* и которые, как его наследники, обладали бы отцовской юрисдикцией и осуществляли бы ее над своими подданными, и что это было истинное правление патриархов, тогда как он не доказывает ни то, что патриархи были царями, ни то, что цари или патриархи были наследниками Адама или хотя бы претендовали на это; и можно таким же образом доказать, что патриархи были все абсолютными монархами, что власть и патриархов и царей была только отцовской и что эта власть перешла к ним по наследству от Адама. Повторяю, все эти положения могут быть с таким же успехом доказаны сбивчивым рассказом о множестве мелких царьков в Вест-Индии, заимствованным у Фердинандо Сото⁵⁷ или из любой из наших последних историй о Северной Америке, либо семьюдесятью греческими царями, которых наш автор взял у Гомера, как и всем тем, что он берет из Писания, приводя это множество царей, которых он подсчитал.

154. А мне представляется, что он должен был бы оставить в покое Гомера и его Троянские войны, поскольку его огромное рвение в защите истины или монархии привело его к такому взрыву эмоций, направленных против «философов и поэтов», что в своем предисловии⁵⁸ он говорит нам, что «в наши дни слишком много находится таких, кто получает удовольствие, гоняясь за мнениями философов

и поэтов, чтобы обнаружить такой источник правления, который мог бы обещать им какое-либо право на свободу, к величайшему позору христианства и содействуя распространению атеизма». И однако, эти язычники, философ Аристотель и поэт Гомер, не отвергаются нашим ревностным христианским политиком, если они предлагают что-либо такое, что может послужить его цели, пусть даже к величайшему позору христианства и содействуя распространению атеизма; пусть он сам посмотрит. Я не могу не наблюдать у авторов, которые (это очевидно) пишут отнюдь не ради истины, насколько рвение в защите интересов своей партии готово приписать *христианство* своим намерениям и обвинить в *атеизме* тех, кто не хочет подчиниться их учениям и не глотает слепо их чепуху.

Но вернемся к его истории, взятой из Писания. Наш автор далее говорит нам (с. 18), что «после возвращения израильтян из пленения бог проявлял особую заботу о них, избрал последовательно Моисея и Иисуса Навина, чтобы они управляли как государи вместо верховных отцов». Если правильно, что они «возвратились из пленения», то должны были вернуться в свободное состояние, а это должно подразумевать, что до и после своего «пленения» они были свободны, если только наш автор не скажет, что перемена хозяев есть возвращение «из пленения» или что раб «возвращается из пленения», когда он с одной галеры переведен на другую. Тогда если они «возвратились из пленения», то, совершенно очевидно, в те времена, как бы ни утверждал наш автор в своем предисловии прямо противоположное, существовала разница между *сыном, подданным* и *рабом*, и ни *патриархи* до, ни их правители после этого «египетского пленения не считали своих сыновей или подданных частью своего имущества» и не распоряжались ими с такой абсолютной властью, как и «другими своими вещами».

155. Это очевидно в случае с Иаковом, которому Рувим предложил в качестве заложников своих двух сыновей, а Иуда был в конечном итоге залогом благополучного возвращения Вениамина из Египта⁵⁹. Все это было бы напрасным, излишним и своего рода насмешкой, если бы Иаков обладал по отношению к каждому члену своей семьи такой же властью, как и над своим волом или ослом, как *владелец* над своим *имуществом*; а предложения, которые сделали Рувим или Иуда, были бы таким же залогом возвращения Вениамина, как если бы кто-либо взял двух

ягнят из стада своего хозяина и предложил одного в качестве залога того, что он благополучно вернет другого.

156. Когда они возвратились из этого «пленения», что тогда? «Бог, проявляя особую заботу о них, израильтянах...» Хорошо, что хотя бы однажды он в своей книге позволил богу проявить какую-то заботу об одном народе, ибо в других местах он говорит о людях так, как будто бог никак не заботился о них, ни о ком из них, а только об их монархах, а остальной народ, сообщества людей выглядели как стада крупного рогатого скота, только для обслуживания, удовольствия и удовлетворения своих государей.

157. «Избрал последовательно Моисея и Иисуса Навина, чтобы они управляли как государи». Хитроумный довод нашел наш автор, чтобы доказать заботу бога об отцовской власти и наследниках Адама, состоящий в том, что в этом случае как выражение его заботы о своем собственном народе он избирает в качестве государей над ними тех, у кого нет ни малейших притязаний ни на то, ни на другое. Избраны были Моисей из племени левитов и Иисус Навин из племени Ефрема, ни один из которых не имел никакого права на *отцовство*. Но, утверждает наш автор, они заняли место верховных отцов. Если бы бог где-либо так же открыто заявил о том, что он выбрал таких *отцов* в качестве правителей, как он сделал это в отношении Моисея и Иисуса Навина, мы могли бы поверить, что Моисей и Иисус Навин были «вместо них»; но поскольку этот вопрос остается нерешенным, то, пока не найдено более убедительного доказательства, тот факт, что бог избрал Моисея правителем своего народа, доказывает, что правление принадлежало *наследнику Адама* или *отцовству* не в большей мере, чем избрание богом Аарона из племени левитов в качестве священника докажет, что сан священника принадлежал наследнику Адама или *праотцам*; ибо бог мог избрать Аарона священником, а Моисея — правителем Израиля, хотя ни одна из этих должностей не предназначалась *наследнику Адама* или *отцовству*.

158. Наш автор далее продолжает: «А после них он подобным образом некоторое время выдвигал судей, чтобы они защищали его народ во время опасности» (с. 18). Это доказывает, что источником правления была отцовская власть и что она перешла от Адама к его наследникам, так же хорошо, как все сказанное выше, только здесь наш автор, кажется, признается, что эти судьи — все правители, которых они тогда имели, — были лишь доблестными людьми, которых они делали военачальниками, чтобы за-

считаться во времена опасностей. А разве бог не может выдвигать таких людей, если у отцовства нет права на правление?

159. Но, заявляет наш автор, «когда бог дал израильтянам царей, он восстановил древнее и первоначальное право наследования отцовского правления по прямой линии» (с. 18).

160. Каким образом бог его «восстановил»? Особым законом? определенной заповедью? Мы ничего такого не находим. Следовательно, наш автор имеет в виду, что, когда бог дал им царя, он, давая им царя, «восстановил право etc.». Восстановить *de facto* право наследования отцовской власти по прямой линии — значит вручить кому-либо то правление, которое действительно было в руках его отцов, а он благодаря наследованию по прямой линии имел на него право. Ибо, во-первых, если бы это было другое правление, не то, которое было в руках его предков, то это означало бы не наследование «древнего права», а начало нового. Ведь если какой-либо государь даст человеку кроме его древнего родового владения, которого в течение нескольких веков его семья была лишена, дополнительно еще поместье, ранее никогда не бывшее во владении его предков, то о нем можно сказать, что он «восстановил право наследования по прямой линии» только в отношении того, чем раньше владели его предки. Поэтому если власть царей Израиля была несколько больше той, которой обладали Исаак и Иаков, то это означало, что им не «восстановили» право наследования власти, а дали новую власть, как бы вы ее ни называли, *отцовская* или нет; и пусть, кто хочет, подумает в соответствии с тем, что было ранее сказано, была ли прежде у Исаака и Иакова такая же власть, как у царей израильских, и, я полагаю, они найдут, что ни Авраам, ни Исаак, ни Иаков вообще не обладали никакой царской властью.

161. Далее, не может быть никакого «восстановления первоначального и древнего права наследования по прямой линии» чего бы то ни было, если тот, кому оно дается, не имеет права наследования и не будет законным и прямым наследником того, кому он наследует. Может ли быть «восстановлением» то, что начинается в новой семье, или же «восстановлением древнего права наследования по прямой линии», когда корона дается тому, кто не имеет права ее наследовать и кто не имел бы ни малейшей возможности притязать на нее, если бы продолжалась прямая линия наследования? Первый царь, которого бог дал изра-

ильтянам, Саул, принадлежал к племени Вениамина. Было ли «древнее и первоначальное право наследования по прямой линии восстановлено» у него? Следующим был Давид, младший сын Иессея, из потомства Иуды, третьего сына Иакова. Было ли «древнее и первоначальное право наследования отцовского правления по прямой линии восстановлено» у него? Или у Соломона, его младшего сына и наследника трона? Или у Иеровоама — над десятью коленами? Или у Афалии, женщины, которая царствовала шесть лет и не имела никакого отношения к царской крови? Если «древнее и первоначальное право наследования отцовского правления по прямой линии» было «восстановлено» у кого-то из них или их потомков, тогда «древнее и первоначальное право наследования отцовского правления по прямой линии» принадлежит младшим братьям в такой же мере, как и старшим, и может быть восстановлено у любого живущего ныне человека. Ибо живущий ныне человек (сэр Роберт так же, как и любой другой) может в соответствии с наследованием по прямой линии иметь право на все то, что могут иметь младшие братья наравне со старшими по «древнему и первоначальному праву наследования по прямой линии». И пусть весь мир судит, какое смелое право наследования своего *отцовского* или *царского* правления по прямой линии «восстановил» наш автор для обеспечения прав и наследования корон там, где любой может их иметь.

162. Но, однако, наш автор говорит (с. 19), что, «когда бог избирал какое-нибудь особое лицо и делал его царем, он имел в виду, что потомство тоже должно было этим пользоваться, поскольку потомство в достаточной мере включалось в личность отца, хотя в пожаловании упоминался только отец». Тем не менее это никак не помогает прямому престолонаследию, ибо, если, как утверждает наш автор, подразумевается, что пожалованием будет пользоваться *потомство* получателя дара, это не определяет порядка престолонаследия, поскольку, если бог дает что-либо человеку и его *потомству* в целом, никто из этого *потомства* в отдельности не может один на это претендовать, всякий, кто принадлежит к его роду, будет иметь равное право. Если скажут, что наш автор имел в виду *наследника*, то, я полагаю, наш автор желал бы употребить это слово так же, как и любой другой человек, если бы это послужило его цели; но поскольку Соломон, наследовавший трон Давида, был его наследником не в большей мере, чем Иеровоам, который наследовал ему в управлении де-

сстью коленами, был его потомком, у нашего автора было основание воздержаться от высказывания той идеи, что бог имел в виду наследников, когда царство не сохранялось в прямом наследовании, против чего наш автор не мог возражать, и потому оставил свое престолонаследие столь неопределенным, как будто он вообще ничего о нем не говорил. Ибо, если бог дал бы человеку и его *потомству* царскую власть, как была дана земля Ханаанская Аврааму и его семени, разве не должны были бы все они иметь на нее право — все иметь свою долю в ней? И можно с таким же успехом утверждать, что в соответствии с пожалованием бога Аврааму и его семени земля Ханаанская должна была принадлежать только одному из его семени, исключая всех остальных, как и утверждать, что в соответствии с пожалованием богом владения человеку и его *потомству* это владение должно было принадлежать лишь одному из его *потомства*, исключая всех остальных.

163. Но каким образом наш автор докажет, что, когда бог избирал какое-нибудь особое лицо и делал его царем, он имел в виду, что (полагаю, что автор подразумевает здесь «его») «потомство тоже должно было этим пользоваться»? Разве он так скоро забыл Моисея и Иисуса Навина, которых, как он говорит в этом самом разделе, «бог, проявляя особую заботу, избрал, чтобы они правили как государи», и судей, которых поставил бог? Разве эти государи, обладавшие властью *верховного отцовства*, не имели такую же власть, как цари, и, если их особо избрал сам бог, разве их потомство не должно было воспользоваться этим выбором наравне с потомством Давида и Соломона? Если в их руки вложил отцовскую власть непосредственно бог, почему их *потомство* не извлекло пользу из этого пожалования в виде наследования этой власти? Или, если они обладали ею как наследники Адама, почему их наследники не пользовались ею после них по праву, перешедшему к ним? Ведь они не могли быть наследниками друг друга. Обладали ли Моисей, Иисус Навин и судьи такой же властью и на таком же основании, как Давид и цари, и была ли она наследуемой для одного, но не для другого? Если она не была *отцовской властью*, тогда избранный народ божий управлялся теми, кто не обладал *отцовской властью*, и эти правители сумели обойтись без нее. Если это была *отцовская власть* и бог избирал тех, кто должен был осуществлять ее, тогда правило нашего автора, по которому, «когда бог избирал какое-нибудь лицо и делал его *верховным*» правителем (ибо я полагаю, что

слово «царь» лишено очарования, дело не в титуле, а во власти), «он имел в виду, что потомство тоже должно было этим пользоваться», не действует, потому что после их исхода из Египта и до времени Давида (400 лет) *потомство* никогда «в столь достаточной мере не включалось в личность отца», так что у всех тех судей, которые вершили суд в Израиле, ни один сын после смерти своего отца не наследовал правления. Если, чтобы избежать этого, скажут, что бог всегда избирал личность наследника и тем самым, перенося на него *отцовскую власть*, исключал его потомков из тех, кто мог ее наследовать, то совсем не так обстояло дело с Иеффаем: он договорился с людьми и они сделали его судьей над собой, как известно (Суд. 11).

164. Следовательно, напрасно утверждать, что, «когда бог избирает какое-нибудь особое лицо» осуществлять *отцовскую власть* (ибо если это будет не царь, то я хотел бы знать разницу между царем и тем, кто должен осуществлять *отцовскую власть*), «он имеет в виду, что потомство тоже должно этим пользоваться», поскольку мы обнаруживаем, что власть судей заканчивалась вместе с ними и не переходила к их *потомству*; а если у судей не было *отцовской власти*, то, я думаю, нашему автору или любым друзьям его принципов будет затруднительно сказать, кто же тогда обладал *отцовской властью*, т. е. осуществлял правление и верховную власть у израильтян; и я подозреваю, что они должны признаться, что этот избранный народ божий существовал как народ несколько столетий, не зная и не думая об этой *отцовской власти* или вообще о каком-либо проявлении монархического правления.

165. Чтобы увериться в этом, нужно всего лишь прочесть историю Левита и войны с сынами Вениаминовыми в последних трех главах Книги судей, и когда обнаружится, что Левит обратился за правосудием к народу и колену и собрание народа обсудило, решило и постановило все, что было сделано по этому случаю, то необходимо сделать вывод, что либо бог не *стремится сохранить отцовскую власть* в своем собственном избранном народе, либо *отцовскую власть* можно сохранить там, где нет монархического правления. Если справедливо второе, тогда отсюда следует, что, хотя *отцовская власть* будет доказана как нельзя лучше, она не обязательно влечет за собой необходимость монархического правления; если справедливо первое, тогда покажется очень странным и невероятным, что бог предписал считать *отцовскую власть* священной среди сынов человеческих, так что без нее не было никакой

власти или правления, и, однако, это великое и основополагающее установление, это самое важное и необходимое из всех остальных, было скрыто и пребывало в небрежении 400 лет у его собственного народа, даже когда он предоставил им правление и вместе с ним предписал правила относительно различных состояний и отношений людей.

166. Прежде чем покончить с этим, я должен опросить нашего автора, откуда он знает, что, «когда бог избирает какое-нибудь особое лицо и делает его царем, он имеет в виду, что потомство тоже должно этим пользоваться». Выражает ли это бог в виде закона природы или в откровении? В том же самом законе он должен сказать, кто из его *потомства* должен получить корону по наследству, и тем самым указать наследника, или же позволить его *потомству* делить власть или драться за нее; оба этих положения в одинаковой мере нелепы и таковы, что уничтожат всякую выгоду для *потомства* от такого пожалования. Когда делается любое такое заявление о намерении бога, наш долг — верить, что бог имеет в виду именно это, но до этого наш автор должен предъявить нам какое-то более убедительное основание, прежде чем мы будем обязаны принять его как подлинного глашатая намерений бога.

167. Наш автор утверждает, что «потомство в достаточной мере включалось в личность отца, хотя в пожаловании упоминался только отец». И тем не менее бог, отдавая землю Ханаанскую Аврааму (Быт. 13, 15), счел уместным включить в пожалование и «его семья». Право быть священнослужителем также было дано «Аарону и его семени». И корону бог дал не только Давиду, но и «его семени». И как бы наш автор ни заверял нас, что бог «имеет в виду, что потомство должно этим пользоваться, когда избирает кого-либо царем», мы, однако, видим, что царство, которое он дал Саулу, не упомянув после него его семья, так и не перешло ни к одному из его потомков; и я был бы рад узнать причину, почему, выбирая царя, бог должен предусматривать, чтобы потомство этим пользовалось в большей мере, чем выбирая судью в Израиле; и почему пожалование *отцовской власти* царю более полно принимает во внимание *потомство*, чем подобное же пожалование власти судье? Должна ли *отцовская власть* по праву перейти к потомству одного, но не другого? Необходимо показать какую-то причину этого различия, дело не только в названии, когда дается одна и та же *отцовская власть* и способ ее предоставления тот же самый — выбор человека богом; ибо, я полагаю, когда наш автор говорит: «Бог по-

ставил судей», он никоим образом не допускает, что они были избраны народом.

168. Но поскольку наш автор столь убежденно заверяет нас в той заботе, которую проявил бог о сохранении *отцовской власти*, и претендует на то, чтобы строить все, как он говорит, на авторитете Писания, мы вполне можем ожидать, что народ, чьи закон, государственное устройство и история главным образом содержатся в Писании, снабдит его самыми ясными примерами заботы бога о сохранении отцовской власти в народе, о котором, как все согласны, он заботился особенно тщательно. Давайте же тогда посмотрим, в каком состоянии находилась эта *отцовская власть*, или правление, у евреев с того момента, когда они стали народом. По признанию нашего автора, онуцел период от их исхода в Египет до возвращения из пленения — свыше 200 лет. С того момента и до того времени, когда бог дал израильтянам царя, — о периоде более 400 лет — наш автор ведет очень скудный рассказ, и, действительно, во все это время нет ни малейших следов отцовского или царского правления у них. Но затем, говорит наш автор, «бог восстановил древнее и первоначальное право наследования отцовского правления по прямой линии».

169. Что за «наследование отцовского правления по прямой линии» было тогда установлено, мы уже видели. Я теперь только рассмотрю, сколько оно длилось, а это было с их пленения, около 500 лет; с того времени и до покорения их римлянами, примерно 650 лет спустя, «древнее и первоначальное право наследования отцовского правления по прямой линии» было снова утрачено, и они продолжали существовать как народ в земле обетованной без него. Так что из 1750 лет, что они были избранным народом Божиим, они имели у себя наследственное царское правление менее одной трети этого времени, а от того периода не осталось ни малейших следов хотя бы одного мгновения «отцовской власти или восстановления древнего и первоначального права наследования ее по прямой линии», какой бы источник ее происхождения мы ни предполагали — от Давида, Саула, Авраама или — единственный верный источник на основе принципов нашего автора — от Адама.

КНИГА ВТОРАЯ

Глава I

1. В предыдущем рассуждении было доказано:

1) что Адам не обладал ни благодаря естественному праву отцовства, ни благодаря определенному дару, полученному от бога, такой властью над своими детьми и таким владычеством над миром, какие ему приписывают;

2) что если бы он и обладал такой властью, то тем не менее его потомки не имели бы на нее никакого права;

3) что если бы его потомки обладали такой властью, то, поскольку не существует ни закона природы, ни закона, установленного богом, которые определяли бы, кто является подлинным наследником во всех могущих возникнуть случаях, постольку правопреемственность и, следовательно, право на власть не могли бы быть точно определены;

4) если бы и было определено такое право, то все же, поскольку сведения о том, какая линия потомков Адама является старшей, давным-давно полностью утрачены, среди различных человеческих племен и родов, существующих в мире, нет ни одного, который мог бы хоть в какой-то степени больше, чем любой другой, претендовать на роль старшего дома и обладать правом наследования.

После того как все эти предпосылки, как мне думается, были ясно доказаны, невозможно, чтобы правители, ныне существующие на земле, извлекали какую-либо выгоду или получали хотя бы малейшую тень власти из того, что принято считать основным источником всей власти, — *частного владения Адама и отцовской юрисдикции*. Таким образом, тот, кто не считает справедливым и обоснованным полагать, что всякое существующее в мире правление является продуктом лишь силы и насилия и что люди живут вместе по тем же правилам, что и звери, среди которых все достается сильнейшему, — чем закладывается основание для вечного беспорядка и смуты, волнений, мятежа и восстания (тех вещей, против которых так яростно выступают последователи этой теории), — по необходимости должен найти иную причину возникновения правления как тако-

вого, другой источник политической власти и другой способ определения и узнавания тех лиц, которые ею обладают, чем те, которым учил нас сэр Роберт Ф.

2. С этой целью, мне думается, будет уместно дать определение того, что я считаю политической властью, с тем чтобы власть *должностного лица* над частным можно было отличить от власти *отца* над своими детьми, от власти *хозяина* над своими слугами, от власти *мужа* над своей женой и от власти *господина* над своим рабом. Хотя все эти виды власти иногда оказываются в руках одного человека, однако если его рассматривать с точки зрения этих различных отношений, то это может помочь нам отличить один вид власти от другого и показать разницу между правителем государства, отцом семейства и капитаном галеры.

3. Итак, *политической властью* я считаю *право* создавать законы, предусматривающие смертную казнь и соответственно все менее строгие меры наказания для регулирования и сохранения собственности, и применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государства от нападения извне — и все это только ради общественного блага.

Глава II

О ЕСТЕСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ

4. Для правильного понимания политической власти и определения источника ее возникновения мы должны рассмотреть, в каком естественном состоянии находятся все люди, а это — *состояние полной свободы* в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли.

Это также *состояние равенства*, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, — никто не имеет больше другого. Нет ничего более очевидного, чем то, что существа одной и той же породы и вида, при своем рождении без различия получая одинаковые природные преимущества и используя одни и те же способности, должны также быть равными между собой без какого-либо подчинения или подавления, если только господь и владыка их всех каким-либо явным проявлением своей воли не поста-

вит одного над другим и не облетит его посредством явного и определенного назначения бесспорным правом на господство и верховную власть.

5. Это природное равенство людей рассудительный Гукер¹ считает самоочевидным и неоспоримым настолько, что делает его основанием того долга взаимной любви меж людьми, на котором он строит наши обязанности по отношению друг к другу и откуда он производит великие принципы справедливости и милосердия. Вот что он говорит: «Точно такое же естественное побуждение привело людей к осознанию того, что их долгом в не меньшей степени является и любить ближних, как самих себя; ибо, для того чтобы постигнуть вещи, которые являются равными, необходимо всем обладать одной мерой; ведь если я не могу не желать, чтобы каждый человек относился ко мне в той же мере хорошо, как он хотел бы этого для самого себя, то как же могу я рассчитывать хотя бы в какой-то степени удовлетворить это свое желание, если я сам не буду стараться удовлетворить подобное же желание, которое возникает, несомненно, у других людей, поскольку природа всех людей одинакова? Если им будет предложено что-либо противоречащее этому желанию, то это, несомненно, во всех отношениях огорчит их так же, как и меня; таким образом, если я творю зло, то я должен приготвиться к страданиям, поскольку нет никакого основания, чтобы другие люди проявили в отношении меня большую любовь, нежели я в отношении их; следовательно, мое желание любви насколько возможно более сильной со стороны равных мне по природе налагает на меня естественную обязанность питать в отношении их подобное же по силе чувство; из этого отношения равенства между нами и нам подобными естественный разум вывел для направления жизни несколько правил и заповедей, известных каждому человеку» (Церковн. полит., кн. I).

6. Но хотя это есть состояние свободы, это тем не менее не состояние своеволия; хотя человек в этом состоянии обладает неограниченной свободой распоряжаться своей личностью и собственностью, у него нет свободы уничтожить себя или хотя бы какое-либо существо, находящееся в его владении, за исключением тех случаев, когда это необходимо для более благородного использования, чем простое его сохранение. Естественное состояние имеет закон природы, которым оно управляется и который обязателен для каждого; и разум, который является этим законом², учит всех людей, которые пожелают с ним считаться, что,

поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого; ибо все люди созданы одним всемогущим и бесконечно мудрым творцом; все они — слуги одного верховного владыки, посланы в мир по его приказу и по его делу; они являются собственностью того, кто их сотворил, и существование их должно продолжаться до тех пор, пока ему, а не им это угодно; и, обладая одинаковыми способностями и имея в общем владении одну данную на всех природу, мы не можем предполагать, что среди нас существует такое *подчинение*, которое дает нам право уничтожать друг друга, как если бы мы были созданы для использования одного другим, подобно тому как низшие породы существ созданы для нас. Каждый из нас, поскольку он *обязан сохранять себя* и не оставлять самовольно свой пост, обязан по той же причине, когда его жизни не угрожает опасность, насколько может, *сохранять остальную часть человечества* и не должен, кроме как творя правосудие по отношению к преступнику, ни лишать жизни, ни посягать на нее, равно как и на все, что способствует сохранению жизни, свободы, здоровья, членов тела или собственности другого.

7. И с тем чтобы удерживать всех людей от посягательства на права других и от нанесения ущерба друг другу и соблюдать закон природы, который требует мира и *сохранения всего человечества*, проведение в жизнь закона природы в этом состоянии находится в руках каждого человека, вследствие чего каждый обладает правом наказания нарушителей этого закона в такой степени, в какой это может воспрепятствовать его нарушению. Ведь *закон природы* оказался бы, как и все другие законы, касающиеся людей в этом мире, бесполезным, если бы в этом естественном состоянии никто не обладал *властью проводить в жизнь* этот закон и тем самым охранять невинных и обуздывать нарушителей; и если в этом естественном состоянии каждый может наказывать другого за любое содеянное тем зло, то каждый может так и поступать. Ибо в этом *состоянии полного равенства*, где, естественно, нет никакого превосходства и юрисдикции одного над другим, то, что один может сделать во исполнение этого закона, должен по необходимости иметь право сделать каждый.

8. Таким образом, в естественном состоянии *один человек приобретает какую-то власть над другим* однако все же не полную или не деспотическую власть распоряжаться

преступником, когда тот оказывается в его руках, распоряжаться под влиянием вспышки страстей или безграничной фантазии своей собственной воли, но только для возмездия ему в такой степени, в какой это предписывают спокойный рассудок и совесть, чтобы это соответствовало его нарушению, а именно настолько, чтобы это служило *воздаянием и остражкой*; ибо только эти два повода служат основанием для того, чтобы один человек законно причинил другому зло, — то, что мы называем *наказанием*. Преступая закон природы, нарушитель тем самым заявляет о том, что он живет не по правилу *разума* и общего равенства, которые являются мерилom, установленным богом для действий людей ради их взаимной безопасности, а по другому правилу; и, таким образом, он становится опасен для человечества, и те узы, которые охраняют людей от ущерба и насилия, ослаблены и нарушены им, что является преступлением в отношении всего рода человеческого, его мира и безопасности, предусмотренных законом природы. В силу этого каждый человек благодаря тому праву, которым он обладает для сохранения человечества вообще, может сдерживать или в необходимых случаях уничтожать вредные для людей вещи и, таким образом, может причинять зло всякому, кто преступил этот закон, в такой мере, чтобы заставить его раскаяться в содеянном и тем самым удержать его, а на его примере и других от подобных злодеяний. И в этом случае и по этой причине каждый человек имеет право наказать преступника и быть исполнителем закона природы.

9. Я не сомневаюсь в том, что это покажется весьма странной доктриной для некоторых людей; но прежде чем они осудят ее, я бы хотел, чтобы они разъяснили мне, по какому праву какой-либо владыка или государство могут приговаривать к смерти или *наказывать чужеземца* за любое преступление, совершенное им в их стране. Несомненно, что их законы, основанные на санкции, полученной в виде выраженной воли законодательного собрания, не распространяются на чужестранца. Они ему ничего не говорят, а если бы даже и говорили, то он не обязан их слушать. Законодательный орган, благодаря которому они повелевают подданными этого государства, не имеет власти над ним. Те, кто обладает верховной властью издавать законы в Англии, Франции или Голландии, для индейца таковы же, как и весь остальной мир, — люди, не облеченные властью. И следовательно, если по закону природы каждый человек не обладает властью наказывать за

нарушения этого закона в тех случаях, когда по здравом размышлении обстоятельства этого требуют, то я не вижу, каким образом судьи какого-либо общества могут *наказывать чужеземца* из другой страны, поскольку в отношении него они обладают не большей властью, чем каждый человек естественно обладает ею в отношении другого.

10. Помимо преступления, заключающегося в нарушении закона и в отходе от справедливого правления разума, когда человек настолько вырождается, что заявляет об отказе от принципов человеческой природы и становится вредным существом, встречается также обычное нанесение *ущерба* тому или другому лицу, и какому-либо человеку наносится вред в силу этого нарушения. В этом случае тот, кому нанесен ущерб, обладает помимо права наказания, имеющегося у него, как и у всех других людей, еще особым правом искать *возмещения* у того, кто причинил ему вред. И любое другое лицо, которое считает это справедливым, может также присоединиться к потерпевшему и помогать ему получить обратно от преступника столько, сколько нужно, чтобы возместить понесенный ущерб.

11. Из-за того что существуют эти *два отдельных права* (одно заключается в *каре* за преступление *для острастки* и для предотвращения подобных нарушений; этим правом наказания обладает каждый; другое право заключается во взимании *возмещения*, которым обладает только потерпевшая сторона), случается так, что судья, который, будучи судьей, обладает общим правом наказания, вложенным в его руки, может часто, когда общественное благо не требует исполнения закона, *отменить* наказание за преступные деяния своей собственной властью; но тем не менее он не может *освободить* от обязанности дать удовлетворение, которое должно получить любое частное лицо за понесенный им ущерб. Тот, кто понес ущерб, обладает правом требовать его [удовлетворения] от своего собственного имени, и только он может от него *освободить*. Потерпевший обладает этой властью воспользоваться собственностью или услугами преступившего закон *по праву самозащиты*, подобно тому как каждый человек властен наказывать за преступление, чтобы воспрепятствовать его повторному совершению, *по имеющемуся у него праву сохранения всего человечества* и совершения всех разумных деяний, какие он может, для достижения этой цели. И таким образом, оказывается, что каждый человек в естественном состоянии обладает властью убить убийцу как для того, чтобы посредством примера, показывающего, какое наказание

следует за это со стороны каждого, удержать остальных от подобного преступления, которое нельзя ничем возместить, а также и для того, чтобы *обезопасить* людей от покушений преступника, который, отрекшись от рассудка, общего правила и мерила, данного богом человечеству, сам посредством несправедливого насилия и совершенного им убийства одного человека объявил войну всему человечеству; и следовательно, его можно уничтожить как *льва* или *тигра*, одного из тех диких кровожадных зверей, с которыми люди не могут иметь ни совместной жизни, ни безопасности. И на этом основан великий закон природы: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека»³. И Каин настолько был убежден в том, что каждый обладает правом уничтожить такого преступника, что после убийства своего брата он восклицает: «Всякий, кто встретится со мною, убьет меня»⁴, настолько ясно было это запечатлено в сердцах всего человечества.

12. По этой же причине человек в естественном состоянии может *наказывать и за меньшие нарушения* этого закона. Возможно, будет задан вопрос: *наказывать смертью? Я отвечаю, что каждое нарушение может быть наказано до такой степени и с такой строгостью, чтобы это было невыгодно для преступника, дало ему повод для раскаяния и устрасило других, побудив их воздержаться от подобных поступков.* Каждое преступление, которое может быть совершено в естественном состоянии, может быть в естественном состоянии также равным образом наказано, притом в таком же размере, как и в государстве. Хотя сейчас в мою задачу не входит вдаваться здесь в подробности закона природы или в вытекающие из него *меры наказания*, все же несомненно, что такой закон существует и он так же понятен и ясен разумному существу и исследователю этого закона, как действующие законы государств; нет, пожалуй, еще яснее, поскольку разум легче понять, чем причуды и запутанные измышления людей, преследующих противоречивые и скрытые интересы, облеченные в слова; ведь действительно именно таковы в своей большей части *гражданские законы* стран, которые справедливы лишь настолько, насколько они основываются на законе природы, посредством которого они должны регулироваться и истолковываться.

13. На эту необычную доктрину, а именно что в *естественном состоянии каждый обладает исполнительной властью*, вытекающей из закона природы, последуют, я не сомневаюсь, возражения, что неразумно, чтобы люди сами

были судьями в своих собственных делах, что себялюбие делает людей пристрастными к себе и к своим друзьям и что, с другой стороны, дурной характер, страсть и мстительность заведут их слишком далеко при наказании других, а отсюда не последует ничего, кроме смятения и беспорядка, и что поэтому бог, несомненно, установил правление как таковое для ограничения пристрастности и насилия со стороны людей. Я легко допускаю, что *гражданское правление* является подходящим средством, избавляющим от неудобств естественного состояния, а неудобства эти, несомненно, должны быть огромными, когда люди оказываются судьями в своих собственных делах; ведь нетрудно себе представить, что тот, кто был настолько несправедлив, что нанес ущерб своему брату, вряд ли будет настолько справедлив, чтобы осудить за это самого себя. Но я бы хотел, чтобы те, кто выдвигает это возражение, помнили, что *абсолютные* монархи всего лишь люди, и если правление должно быть средством, избавляющим от тех зол, которые неизбежно возникают, когда люди оказываются судьями в своих собственных делах, и естественное состояние поэтому нетерпимо, то я хочу знать, что это за правление и насколько оно лучше естественного состояния, когда один человек, повелевая множеством людей, волея быть судьей в своем собственном деле и может поступать в отношении всех своих подданных, как ему заблагорассудится, причем никто не имеет ни малейшего права ставить под сомнение правоту или проверять тех, кто осуществляет его прихоть? И во всем, что бы он ни делал, поступая по рассудку, по ошибке или по страсти, ему должны подчиняться? А ведь в естественном состоянии, где люди не должны покоряться несправедливой воле другого, положение обстоит гораздо лучше: и если тот, кто судит, судит ошибочно в своем или в каком-либо другом деле, то он отвечает за это перед остальным человечеством.

14. Часто выдвигают в качестве сильнейшего возражения вопрос: «*Где находятся или когда-либо находились люди в таком естественном состоянии?*» На это в настоящее время достаточно ответить, что поскольку *все государи* и правители *независимых* государств во всем мире находятся в естественном состоянии, то совершенно очевидно, что никогда не было и даже не будет такого положения, когда множество людей в мире не находилось бы в этом состоянии. Я назвал всех правителей *независимых* сообществ безразлично к тому, находятся они или нет в союзе с другими; дело в том, что не всякое соглашение кладет конец

естественному состоянию между людьми, но только то, когда люди взаимно соглашаются вступить в единое сообщество и создать одно политическое тело; люди могут давать друг другу обязательства и заключать другие соглашения и все же оставаться по-прежнему в естественном состоянии. Обещания и сделки, связанные с обменом etc. между двумя людьми на необитаемом острове, о которых упоминает Гарсиласо де ла Вега в своей истории Перу⁵, или между швейцарцем и индейцем в лесах Америки, обязательны для них, хотя они всецело находятся в естественном состоянии по отношению друг к другу, ибо правдивость и выполнение обещаний свойственны людям как людям, а не как членам общества.

15. Тем же, кто утверждает, что никакие люди никогда не находились в естественном состоянии, я буду возражать, прибегая не только к авторитету рассудительного Гукера (Церковн. полит., кн. I, разд. 10), который говорит: «Законы, о которых до сих пор упоминалось», т. е. законы природы, «связывают людей полностью именно как людей, хотя они никогда не имели какого-либо установившегося содружества, никогда не имели торжественного соглашения между собой о том, что делать или чего не делать; но поскольку мы сами по себе не в состоянии обеспечить себя достаточным количеством вещей, необходимых для такой жизни, к которой стремится наша природа, — жизни, соответствующей человеческому достоинству, то, чтобы восполнить эти недостатки и несовершенства, которые свойственны нам, когда мы живем порознь и исключительно сами по себе, мы, естественно, склонны искать общения и товарищества с другими. Это было причиной того, что люди сначала объединились в политические общества». Но помимо того, я утверждаю, что все люди естественно находятся в этом состоянии и остаются в нем до тех пор, пока по своему собственному согласию они не становятся членами какого-либо политического общества; и я не сомневаюсь, что в ходе этого рассуждения мне удастся сделать это вполне ясным.

Глава III О СОСТОЯНИИ ВОЙНЫ

16. *Состояние войны* есть состояние вражды и разрушения. И следовательно, сообщая словом или действием не об опрометчивом и поспешно принятом, но о продуманном

и твердом решении лишить жизни другого человека, сделавший это *вовлекает себя в состояние войны* с тем, в отношении кого он заявил о подобном намерении, и, таким образом, подвергает свою собственную жизнь опасности со стороны другого или всякого, кто будет помогать тому защищаться и примет его сторону. Вполне здраво и справедливо, чтобы я обладал правом уничтожить то, что угрожает мне уничтожением. Ибо *по основному закону природы* нужно стремиться *оберегать человека* насколько возможно; когда нельзя уберечь всех, то необходимо в первую очередь думать о безопасности невинных. И человек может уничтожить того, кто с ним воюет или проявляет враждебность по отношению к нему и является угрозой для его существования, по той же причине, по которой он может убить *волка* или *льва*; ведь люди эти не связаны узами общего закона разума, ими руководят только сила и насилие, и, следовательно, их можно рассматривать как хищных зверей, как опасных и вредных существ, которые несомненно уничтожат человека, как только он окажется в их власти.

17. Отсюда следует, что тот, кто пытается полностью подчинить другого человека своей власти, тем самым *вовлекает себя в состояние войны* с ним; это следует понимать как объявление об умысле против его жизни. Ибо у меня имеется основание заключить, что тот, кто хочет подчинить меня своей власти без моего согласия, будет поступать со мной, добившись своего, как ему заблагорассудится, и может даже уничтожить меня, если у него будет такая прихоть; ведь никто не может желать *иметь меня в своей неограниченной власти*, если только он не собирается принудить меня силой к тому, что противоречит праву моей свободы, i. e. сделать меня рабом. Быть свободным от подобной силы является единственным залогом моего сохранения; и разум побуждает меня смотреть на него как на врага моей безопасности, который стремится отнять у меня *свободу*, обеспечивающую ее; таким образом, тот, кто *пытается поработить* меня, тем самым ставит себя в состояние войны со мной. Того, кто в естественном состоянии *пожелал бы отнять свободу*, которой обладает всякий в этом состоянии, по необходимости следует считать умышляющим отнять и все остальное, поскольку *свобода* является основанием всего остального. Подобным же образом того, кто в общественном состоянии пожелал бы отнять *свободу*, принадлежащую членам этого общества или государства, следует подозревать в умысле отнять у них

и все остальное и, таким образом, считать находящимися в состоянии войны.

18. Это делает законным *убийство* человеком *вора*, который не причинил ему никакой боли, не заявлял ни о каком умысле против его жизни, а только посредством применения силы захотел захватить его в свою власть, чтобы отнять у него деньги или то, что ему заблагорассудится. Поскольку он, не имея права, применяет силу, чтобы захватить меня в свою власть, то независимо от того, каковы его замыслы, у меня нет оснований предполагать, что тот, кто пожелал бы *отнять мою свободу*, не отнял бы у меня, когда он будет иметь меня в своей власти, и все остальное. И вследствие этого для меня законно считать его *находящимся со мной в состоянии войны*, т. е. убить его, если я могу; ведь именно этой опасности он по справедливости подвергает себя, кто бы он ни был, если он вызывает состояние войны и является в ней *агрессором*.

19. И вот здесь мы имеем ясную *разницу между естественным состоянием и состоянием войны*; а эти состояния, что бы ни утверждали некоторые люди⁶, столь же далеки друг от друга, как состояние мира, доброй воли, взаимной помощи и безопасности и состояние вражды, злобы, насилия и взаимного разрушения. Люди, живущие вместе согласно разуму, без кого-либо, повелевающего всеми ими, имеющего власть судить между ними, *действительно находятся в естественном состоянии*. Но сила или заявление о готовности ее применить в отношении другого лица, когда на земле нет никого высшего, к кому можно было бы обратиться за помощью, — это и есть *состояние войны*; и именно отсутствие возможности подобного обращения дает человеку право вести войну против *агрессора*, хотя бы он являлся членом общества и был собратом по гражданству. Таким образом, *вор*, которому я не могу иначе повредить, как только обратившись к закону, если он украл все мое имущество, может быть убит мной, когда он набросится на меня, хотя бы он только хотел украсть у меня лошадь или одежду; потому что закон, который был создан для сохранения моей жизни, когда он не может вмешаться для ее спасения, как в данном случае применения силы, — а если моя жизнь будет потеряна, то это уже невозможно возместить — позволяет мне прибегнуть к самозащите и к праву войны, к свободе убить нападающего в качестве средства спасения в том случае, когда причинаемое зло может быть непоправимым, поскольку нападающий не даст ни времени обратиться к нашему общему судье, ни вре-

мени для вынесения законного решения. *Отсутствие общего судьи, обладающего властью, ставит всех людей в естественное состояние; сила без права, обращенная против личности человека, создает состояние войны как в том случае, когда есть общий судья, так и в том случае, когда его нет.*

20. Когда же применение силы больше не имеет места, *тогда состояние войны прекращается* между теми, кто находится в обществе, и обе стороны подвергаются справедливому определению закона, потому что тогда имеется возможность прибегнуть к иску за прошлую потерю и воспрепятствовать будущему ущербу. Но когда возможности подобного обращения нет, как это имеет место в естественном состоянии из-за отсутствия действующих законов и судей, обладающих властью, к которым можно обратиться, *то однажды начавшееся состояние войны продолжается*, причем невинная сторона имеет право уничтожать другую при всякой возможности до тех пор, пока нападающий не предложит мир и не пожелает примирения на таких условиях, которые позволяют возместить любой уже нанесенный им ущерб и обеспечить безопасность невинного в будущем. Тогда же, когда имеется возможность обращения к закону и к поставленным на то судьям, но этого средства лишают путем явного нарушения правосудия и бесстыдного извращения законов с целью прикрытия или оправдания насилия или ущерба со стороны каких-либо людей или группы людей, *тогда трудно представить что-либо иное, кроме состояния войны*. Ведь когда применяется насилие и наносится ущерб, хотя бы и руками тех, кто назначен для отправления правосудия, то это тем не менее остается насилием и ущербом, как бы ни прикрывалось оно именем, видимостью или формой закона, ибо цель закона — защищать невинного и восстанавливать справедливость посредством беспристрастного применения закона ко всем, на кого он распространяется; когда же это не делается *bona fide*⁷, то в отношении пострадавших *ведется война*, и так как им уже не к кому обратиться на земле для восстановления справедливости, то в подобных случаях им остается единственное средство — обратиться к небу.

21. Избежать этого состояния войны (когда уже нет иного прибежища, кроме неба, и когда уже исчезают все различия и не существует никакой власти, которая вынесла бы решения относительно спорящих) — вот главная причина того, что люди образуют общество и отказываются от естественного состояния. Ведь когда имеется какая-ли-

бо власть, какая-либо сила на земле, от которой можно получить помощь, если к ней *обратиться*, то продолжение состояния войны исключается и спор решается этой властью. Если бы существовал какой-либо подобный суд, какое-либо высшее судилище на земле, чтобы решить, кто прав — Иеффай или аммонитяне, то они никогда не дошли бы до состояния войны; но мы видим, что он был вынужден воззвать к *небу*: «Господь Судия (говорит он) да будет ныне судьей между сынами Израиля и между Аммонитянами!» (Суд. 11,27); и после этого он сам становится обвинителем и, уповав на свое обращение к небу, ведет свое войско в бой. Вот почему в подобных спорах, когда ставится вопрос, *кто будет судьей*, речь не идет о том, кто именно будет решать спор; всякий знает, что Иеффай здесь говорит нам: *Господь судия* рассудит. Когда на земле нет судьи, то остается *обращаться* к господу на небесах. Вопрос, следовательно, не в том, кто именно будет судить, поставил ли другой себя в состояние войны со мной и могу ли я, как это сделал Иеффай, воззвать к небу. Об этом только я сам могу судить по своей совести, так как ответчу за это в день Страшного суда верховному судии всех людей.

Глава IV О РАБСТВЕ

22. *Естественная свобода* человека заключается в том, что он свободен от какой бы то ни было стоящей выше его власти на земле и не подчиняется воле или законодательной власти другого человека, но руководствуется только законом природы. *Свобода человека в обществе* заключается в том, что он не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве, и не находится в подчинении чьей-либо воли и не ограничен каким-либо законом, за исключением тех, которые будут установлены этим законодательным органом в соответствии с оказанным ему доверием. *Свобода*, следовательно, — это не то, о чем говорит нам сэръ Р. Ф. (З., с. 5): «Свобода для каждого — делать то, что он пожелает, жить, как ему угодно, и не быть связанным никаким законом». *Свобода людей в условиях существования системы правления* заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью, созданной

в нем; это — свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека, в то время как *естественная свобода* заключается в том, чтобы не быть ничем связанным, кроме закона природы.

23. Эта *свобода* от абсолютной, деспотической власти настолько необходима для сохранения человека и настолько тесно с этим связана, что он не может расстаться с ней, не поплатившись за это своей безопасностью и жизнью. Ибо человек, не обладая властью над собственной жизнью, *не может* посредством договора или собственного согласия *отдать себя в рабство* кому-либо или поставить себя под абсолютную, деспотичную власть другого, чтобы тот лишил его жизни, когда ему это будет угодно. Никто не может дать большую власть, чем та, которой он сам обладает, и тот, кто не может лишить себя жизни, не может дать другому власти над ней. Действительно, если человек по своей вине лишился права на свою собственную жизнь из-за какого-либо действия, за которое он заслуживает смерти, то тот, кто получил право на его жизнь, может, когда преступник находится в его власти, не лишать того немедленно жизни и использовать у себя на службе, и этим он не причиняет ему никакого ущерба; ведь когда бы тот ни почувствовал, что тяготы рабства перевешивают ценность его жизни, то в его власти посредством сопротивления воле своего господина навлечь на себя смерть, которой он желает.

24. Это есть совершенное состояние *рабства*, которое представляет собой не что иное, как *продолжающееся состояние войны между законным победителем и пленником*. Ведь стоит им лишь однажды заключить между собой *договор* и прийти к соглашению об ограниченной власти, с одной стороны, и о повиновении — с другой, как состояние войны и *рабства* прекращается на все время, пока действует договор; ибо, как уже говорилось, ни один человек не может по соглашению передать другому то, чем он сам не обладает, — власть над своей собственной жизнью.

Я должен признать, что мы находим случаи у евреев, а также и у других народов, когда люди продавали себя; но ясно, что это была продажа на *тяжелую работу, а не в рабство*. Ведь совершенно очевидно, что продавший себя человек не находился под абсолютной, безграничной деспотической властью, ибо господин не обладал властью убить его в любое время, убить человека, которого он через опре-

деленный срок обязан был отпустить и не держать больше у себя на службе; и господин подобного слуги был столь далек от безграничной власти над его жизнью, что он не мог по собственному желанию даже искалечить его, и потеря слугою глаза или зуба делала его свободным (Исх. 21).

Г л а в а V О СОБСТВЕННОСТИ

25. Будем ли мы рассматривать естественный *разум*, который говорит нам, что люди, однажды родившись, имеют право на самосохранение и, следовательно, на еду и питье и на тому подобные вещи, которые природа предоставляет для поддержания их существования, или же мы будем рассматривать *откровение*, которое передает нам рассказ о благах земных, которые бог даровал Адаму и Ною с его сыновьями, совершенно ясно, что бог, как говорит Давид (Пс. 115, 16)⁸, «землю дал сынам человеческим», дал ее всему человечеству в целом. Но если это предположить, то некоторым весьма трудно себе представить, каким образом кто-либо вообще получил какую-либо вещь в *собственность*. Можно было бы ограничиться таким ответом: если на основе предположения, что бог отдал мир Адаму и его потомству всем вместе, трудно различать *собственность*, то на основе предположения, что бог отдал мир Адаму и его прямым наследникам, исключив всю остальную часть его потомства, ни один человек, кроме всеобщего монарха, не может обладать какой-либо *собственностью*. Но я не удовлетворюсь этим, а попытаюсь показать, каким образом у людей могла оказаться *собственность* на отдельные части того, что бог отдал всему человечеству сообща, и притом без какого-либо четкого соглашения между всеми членами сообщества.

26. Бог, отдавший мир всем людям вместе, наделил их также разумом, чтобы они наилучшим образом использовали этот мир для жизни и удобства. Земля и все на ней находящееся даны людям для поддержания и облегчения их существования. И хотя все плоды, которые на ней естественным образом произрастают, и все животные, которых она кормит, принадлежат всему человечеству, так как они являются стихийным порождением природы и находятся в силу этого в естественном состоянии, и никто первоначально не имеет частной собственности, исключая

ющей остальную часть человечества, на что-либо из них, все же поскольку они даны для пользования людям, то по необходимости должно быть средство *присваивать* их тем или иным путем, прежде чем они могут принести хоть какую-либо пользу или вообще пойти на благо какому-либо отдельному человеку. Плоды или оленина, которыми питается дикий индеец, не знающий, что такое огораживание, и все еще являющийся одним из общинников, должны быть его, и быть его (i. e. частью его) настолько, чтобы другой не мог больше иметь никакого права на них, прежде чем они могут в какой-то мере пойти на поддержание его жизни.

27. Хотя земля и все низшие существа принадлежат сообща всем людям, все же каждый человек обладает некоторой *собственностью*, заключающейся в его собственной *личности*, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что *труд* его тела и *работа* его рук по самому строгому счету принадлежат ему. Что бы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим *трудом* и присоединяет к нему нечто принадлежащее лично ему и тем самым делает его своей *собственностью*. Так как он выводит этот предмет из того состояния общего владения, в которое его поместила природа, то благодаря своему *труду* он присоединяет к нему что-то такое, что исключает общее право других людей. Ведь, поскольку этот *труд* является неоспоримой собственностью трудящегося, ни один человек, кроме него, не может иметь права на то, к чему он однажды его присоединил, по крайней мере в тех случаях, когда достаточное количество и того же самого качества [предмета труда] остается для общего пользования других.

28. Тот, кто питается желудями, подобранными под дубом, или яблоками, сорванными с деревьев в лесу, несомненно, сделал их своей собственностью. Никто не может отрицать, что эта еда принадлежит ему. Я спрашиваю, когда они начали быть его? когда он их переварил? или когда ел? или когда варил? или когда принес их домой? или когда он их подобрал? И совершенно ясно, что если они не стали ему принадлежать в тот момент, когда он их собрал, то уже не смогут принадлежать ему благодаря чему бы то ни было. Его *труд* создал различие между ними и общим; он прибавил к ним нечто сверх того, что природа, общая мать всего, сотворила, и, таким образом, они стали его частным правом. И разве кто-нибудь сможет сказать,

что он не имел права на эти желуди или яблоки, которые он таким образом присвоил, поскольку он не имел согласия всего человечества на то, чтобы сделать их своими? Было ли это воровством — взять себе таким образом то, что принадлежало всем вместе? Если бы подобное согласие было необходимо, то человек умер бы с голоду, несмотря на то изобилие, которое дал ему бог. Мы видим в случаях *общего владения*, остающегося таким по договору, что именно изъятие части того, что является общим, и извлечение его из состояния, в котором его оставила природа, кладут *начало собственности*, без которой все общее не приносит пользы. А изъятие той или другой части не зависит от четко выраженного согласия всех совместно владеющих. Таким образом, трава, которую щипала моя лошадь, дерн, который срезал мой слуга, и руда, которую я добыл в любом месте, где я имею на то общее с другими право, становятся моей *собственностью* без предписания или согласия кого-либо. *Труд*, который был моим, выведя их из того состояния общего владения, в котором они находились, *утвердил* мою *собственность* на них.

29. Если бы требовалось ясно выраженное согласие каждого совладельца на то, чтобы кто-либо взял себе любую часть того, что дано в общее владение, то дети или слуги не могли бы разрезать мясо, которое их отец или хозяин дал им всем, не выделив каждому его особой доли. Хотя вода, бьющая из ключа, принадлежит каждому, но кто же станет сомневаться, что вода, находящаяся в кувшине, принадлежит только тому, кто ее набрал? Его *труд* взял ее из рук природы, где она была общей собственностью и принадлежала одинаково всем ее детям, и тем самым он *присвоил* ее себе.

30. Таким образом, этот закон разума делает оленя собственностью того индейца, который его убил; разрешается, чтобы вещи принадлежали тому, кто затратил на них свой труд, хотя до этого все обладали на них правом собственности. И среди тех, кого считают цивилизованной частью человечества, кто создал и умножил положительные законы для определения собственности, этот первоначальный закон природы, определяющий *начало собственности* на то, что прежде было общим, все еще существует; и в силу этого закона любая рыба, которую кто-либо выловит в океане — в этом огромном совместном владении всего человечества, каким он все еще остается, — а также любая куропатка, которую кто-либо поймает, *становится благодаря труду* того, кто извлекает их из состояния общего

владения, в каком они были оставлены природой, *собственностью* того, кто над этим потрудился. И даже у нас заяц, на которого кто-либо охотится, считается собственностью того, кто преследует его во время травли; так как это животное все еще считают общим владением, а не частной собственностью человека, то кто бы ни затратил свой *труд* на поиски и преследование любого представителя этого вида, тем самым извлекает его из природного состояния, в котором он был общим, и здесь *начинается собственность*.

31. На это, пожалуй, возразят, что если собирание желудей или других земных плодов и т. п. дает на них право, то тогда каждый может забрать себе столько, сколько захочет. На это я отвечу: нет, не так. Тот же закон природы, который таким путем дает нам *собственность*, точно так же и *ограничивает* размеры этой *собственности*. «Бог дал нам все обильно» (1 Тим. 6, 17) — вот голос разума, подтвержденный вдохновением. Но для чего он дал нам это? Для *наслаждения*. Человек имеет право обратить своим трудом в свою *собственность* столько, сколько он может употребить на какие-нибудь нужды своей жизни, прежде чем этот предмет подвергнется порче. А то, что выходит за эти пределы, превышает его долю и принадлежит другим. Ничто не было создано богом для того, чтобы человек это портил или уничтожал. И таким образом, если учесть изобилие природных благ, которое было в мире длительное время, и небольшое количество людей, использовавших эти блага, если учесть также, на какую малую часть этих припасов могло распространиться трудолюбие одного человека, дабы накопить в ущерб другим, в особенности если держаться в границах, установленных на основании того, что можно было ему *использовать*, то становится ясно, что тогда оставалось мало места для ссор или споров относительно созданной подобным образом *собственности*.

32. Но *главным предметом собственности* являются теперь не плоды земли и не звери, которые на ней существуют, а *сама земля*, которая заключает в себе и несет с собой все остальное; мне думается, ясно, что и эта *собственность* была приобретена таким же образом, как и предыдущая. *Участок земли*, имеющий такие размеры, что один человек может вспахать, засеять, удобрить, возделывать его и потребить его продукт, составляет *собственность* этого человека. Человек как бы отгораживает его своим трудом от общего достояния. Его право не утрачивается, если даже и сказать, что каждый обладает равным с ним правом на эту

землю и, следовательно, он не может присвоить ее, не может огородить ее без согласия всех своих собратьев, всего человечества. Когда бог отдал мир всем людям вместе, он приказал человеку трудиться, и то жалкое состояние, в котором тот находился, требовало этого от него. Бог и разум человека приказывали ему покорить землю, i. e. улучшить ее на благо своей жизни, и для этого вложить в нее нечто ему самому принадлежащее, его труд. Тот, кто, повинуясь этой заповеди бога, покорял, вспахивал и засеивал какую-либо часть ее, тем самым присоединял к ней то, что было его *собственностью*, на которую другой не имел права и которую не мог, не причиняя ущерба, взять от него.

33. Подобное *присвоение* какого-либо участка *земли* посредством его улучшения также не наносило ущерба какому-либо другому человеку, поскольку все еще оставалось достаточно такой же хорошей земли, и в большем количестве, чем то, которое могли бы использовать люди, еще не обеспеченные ею. Таким образом, на деле никогда для других не оставалось меньше, если кто-либо отчуждал часть для себя; ведь тот, кто оставляет столько, сколько может использовать другой, — все равно что не берет совсем ничего. Никто ведь не мог считать, что ему нанесен ущерб, если другой человек напился, пусть и большими глотками, когда для другого оставалась целая река той же воды, из которой он мог утолять свою жажду. А с землей и с водой, где и того и другого достаточно, дело обстоит совершенно одинаково.

34. Бог отдал мир всем людям сообща; но так как он отдал им его для их блага и для того, чтобы они могли извлечь из него наибольшие удобства для жизни, то нельзя предположить, будто бы он хотел, чтобы мир всегда оставался в общем владении и невозделанным. Он дал его для того, чтобы им пользовались прилежные и рассудительные (и *труд давал им право на это*), а не для прихоти или алчности сварливых и вздорных. Тот, кому осталось для улучшения столько же земли, сколько было уже занято, не должен был сетовать, не должен вторгаться туда, где уже было достигнуто улучшение трудом другого; если он так поступал, то ясно, что он желал воспользоваться трудами другого, на что он не имел права, а не землей, которую бог дал ему вместе с другими для того, чтобы ее обрабатывать, и которой осталось еще столько же, сколько уже занято, и, больше, чем он мог бы с пользой распорядиться или охватить своим трудолюбием.

35. Верно, что в Англии или в любой другой стране, где есть *общая земля* и где правление подчиняет много людей, обладающих деньгами и ведущих торговлю, никто не имеет права огораживать или присваивать какую-либо часть ее без согласия всех совладельцев, поскольку эта земля остается в общем владении по договору, i. e. по закону страны, который нельзя нарушать. И хотя эта земля является общей для некоторых людей, она не является таковой для всего человечества, но представляет собой общее владение данной страны или данного прихода. Кроме того, часть, оставшаяся после подобного огораживания, уже не будет для остальных совладельцев такой же, как весь участок, когда все они могли использовать его целиком, в то время как вначале и при первом заселении огромного общего владения — мира — дело обстоит совершенно иначе. Закон, которому подчинился человек, скорее был в пользу *присвоения*. Бог приказал, и собственные нужды человека заставляли его *трудиться*, и его неотъемлемой *собственностью* было все, к чему он прилагал свой труд. Как мы видим, подчинение земли человеческому труду, или ее возделывание, и владение ею связаны друг с другом. Одно давало право на другое. Таким образом, бог, приказав покорять землю, давал тем самым основание для *присвоения*; а условия человеческой жизни, которые требуют труда и материалов для работы, по необходимости вводят *частную собственность*.

36. Мету собственности природа правильно установила в соответствии с тем, как далеко простираются *труд* человека и *его жизненные удобства*: никто не мог бы подчинить себе своим трудом, или присвоить себе, все, и никто не мог бы использовать для удовлетворения своих потребностей больше, чем только незначительную часть всего этого; так что этим путем ни одному человеку невозможно было нарушить права другого или приобрести себе собственность в ущерб своему соседу, у которого оставалось столь же хорошее владение и такой же величины (после того как тот изъял свое), как и до того, как это было присвоено. В первые века от сотворения мира, когда людям больше угрожала опасность затеряться, отдалившись от своих товарищей, в существовавших тогда огромных пустынных просторах земли, чем испытывать затруднения от недостатка места для земледелия, эта мера действительно ограничивала *владения* каждого человека очень скромными размерами, определявшимися тем, что он мог себе присвоить, не нанося ущерба другому. Еще и теперь, хотя мир кажется

переполненным, эту же меру все еще можно применить без ущерба для кого бы то ни было⁹. Предположим, что какой-либо человек или семья находятся в таком же состоянии, какое существовало, когда мир впервые заселялся детьми Адама или Ноя; пусть он поселится в каких-либо отдаленных пустынных местностях Америки, и мы увидим, что те *владения*, какие он сможет себе приобрести, исходя из того *мерила*, которое мы дали, не будут очень обширными, и не будут даже и теперь наносить ущерб остальной части человечества, и не будут давать другим повод для жалоб или считать себя потерпевшими ущерб от посягательств этого человека, хотя в настоящее время человеческая раса распространилась во все уголки земного шара и бесконечно превосходит то небольшое число людей, которое было вначале. Более того, избыток *земли* представляет столь небольшую ценность *без труда*, что даже в Испании, как я слышал из достоверных источников, человеку могут разрешить пахать, сеять и собирать урожай без всяких помех на земле, на которую у него нет других прав, кроме того, что он ее использует. Тамошние жители, напротив, даже считают себя обязанными тому, кто благодаря своему прилежанию получил дополнительное количество зерна, в котором они нуждались, с заброшенной и, следовательно, бесплодной земли. Так это или не так, я не придаю этому особого значения; однако смею открыто утверждать, что то же самое правило *собственности*, согласно которому каждый человек должен иметь столько, сколько он может использовать, могло бы по-прежнему сохранять силу в мире, не стесняя кого-либо, поскольку в мире достаточно земли для того, чтобы удовлетворить двойное количество населения, если бы только не *изобретение денег* и молчаливое соглашение людей о придании им ценности не ввело (по соглашению) большие владения и право на них; каким образом это было сделано, я скоро покажу более подробно.

37. Несомненно, что вначале, до того, как желание иметь больше, нежели нужно человеку, изменило внутреннюю ценность вещей, которая зависит только от их полезности для жизни человека, или до того, как люди *согласились*, что *маленький кусочек желтого металла*, который может сохраняться, не истираясь и не ржавея, будет обладать такой же ценностью, как огромный кусок мяса или целая куча зерна, хотя люди имели право присваивать благодаря своему труду каждый для себя столько даров природы, сколько каждый мог использовать, все же это не могло быть слишком большим и не могло наносить ущерб

другим, так как подобное же изобилие все еще оставалось для тех, кто хотел приложить такое же старание. К этому я должен добавить, что тот, кто присваивает землю благодаря своему труду, не уменьшает, а, напротив, увеличивает общий запас, имеющийся у человечества; ведь продукты, идущие на поддержание человеческой жизни, даваемые одним акром огороженной и обработанной земли (говоря строго об одном и том же продукте), по количеству в десять раз превосходят те, которые дает акр такой же плодородной земли, которая лежит невозделанной в общем владении. И следовательно, тот, кто огораживает землю и получает с десяти акров гораздо большее количество необходимых для жизни вещей, чем он мог получить со ста, оставленных в естественном состоянии, дает человечеству, можно сказать, девяносто акров; ведь теперь его труд снабжает его продовольствием с десяти акров, какое было бы продукцией ста акров, лежащих невозделанными в общем владении. Я здесь расценил возделанную землю очень низко, исчисляя ее продукт как десять к одному, когда на самом деле правильнее было бы говорить о ста к одному. Ибо, спрашиваю я, разве может тысяча акров земли, находящейся в диких лесах и невозделанных пустошах Америки, оставленной в естественном состоянии, без какого-либо улучшения, пахоты или животноводства, дать своим нуждающимся и жалким обитателям столько же жизненных благ, сколько дают десять акров столь же плодородной земли в Девоншире, где они хорошо возделаны?

До присвоения земли тот, кто собирал столько диких плодов, убивал, ловил или приручал столько животных, сколько мог, тот, кто подобным образом затрачивал свои усилия на какие-либо продукты, стихийно произведенные природой, чтобы каким-то образом изменять их по сравнению с тем состоянием, в котором их создала природа, приложив к ним свой *труд*, тем самым *приобретал их в собственность*. Но если они погибали, находясь в его владении, без положенного для них применения, если фрукты гнили или оленина протухала до того, как он мог их потребить, то он нарушал общий закон природы и подлежал наказанию; он отрывал от доли своего соседа, так как он *имел право только на то, что было необходимо для его потребностей*, дабы эти продукты могли служить для обеспечения его жизни.

38. Такой же *мерой* определялось и *владение землей*; на все то, что он выращивал и жал, складывал и использовал

до того, как оно портилось, он имел особое право; какие бы пастбища он ни огораживал, какое бы количество скота он ни держал, и ни кормил, и ни использовал, весь этот скот и продукты также были его. Но если трава на его огороженном участке сгнивала на корню либо урожаем на его полях погибал, не будучи собранным и сложенным, то этот участок земли, несмотря на его огораживание, все же следовало рассматривать как пустошь, и он мог быть владением любого другого человека. Так, например, вначале Каин мог взять себе столько земли, сколько мог обработать, и сделать эту землю своей собственностью, и все же оставалось достаточно для того, чтобы овцы Авеля могли кормиться; нескольких акров хватило бы для владений их обоих. По мере же роста семей и по мере того, как трудолюбие увеличивало их имущество, их владения расширялись соответственно с нуждой в них; однако все еще земля находилась в общем владении без *фиксированной собственности на те участки*, которыми они пользовались, пока они не объединились в сообщества, стали вести оседлый образ жизни и построили города; и тогда по согласию они с течением времени стали устанавливать *границы своих территорий*, и пришли к соглашению со своими соседями об их размерах, и по своим собственным законам установили размеры владений людей, принадлежавших к одному обществу. Ведь мы видим, что в той части мира, которая была заселена первой и поэтому, вероятнее всего, должна была иметь больше обитателей еще даже во времена Авраама, они свободно странствовали туда и сюда со своими отарами и стадами, доставлявшими им средства к существованию; и Авраам это делал в той стране, где он был чужеземцем. Из этого явствует, что по крайней мере большая часть *земли находилась в общем владении*, что жители не придавали ей ценности, а также не претендовали на собственность большую, чем они могли использовать. Но когда где-нибудь не хватало места для того, чтобы их стада могли пастись вместе, тогда они по согласию, подобно тому как это сделали Авраам и Лот (Быт. 13, 5), разделялись и увеличивали свои пастбища там, где им больше было по душе; и по той же самой причине Исав ушел от отца своего и брата своего и поселился на горе Сеир (Быт. 36, 6).

39. И таким образом, не предполагая, что Адам имел какое-либо право частного владения и собственности на весь мир, не распространявшееся на всех остальных людей, — а доказать это нельзя никоим образом, равно как и вывести чью-либо собственность из этого, — но предпо-

ложив, что *мир* был дан, как это и было в действительности, всем детям человеческого *вместе*, мы видим, как *труд* мог принести людям определенное право на владение несколькими участками для своих личных надобностей; здесь уже не могло быть сомнения в праве и не было места для ссор.

40. Не является также и странным, как это, пожалуй, может показаться до размышления, что *собственность*, возникшая благодаря *труду*, может перевесить общность владения землей. Ведь именно *труд создает различия в стоимости* всех вещей; и пусть каждый поразмыслит, какова разница между акром земли, засаженной табаком или сахарным тростником, засеянной пшеницей или ячменем, и акром той же земли, лежащей невозделанной в общем владении, на которой не ведется никакого хозяйства, и он обнаружит, что улучшение благодаря *труду составляет* гораздо большую часть *стоимости*. Мне думается, что будет весьма скромной оценкой, если сказать, что из *продуктов* земли, полезных для человеческой жизни, девять десятых являются *результатом труда*. И даже более того; если мы будем правильно оценивать вещи, которые мы используем, и распределим, из чего складывается их стоимость, что в них непосредственно от *природы* и что от *труда*, то мы увидим, что в большинстве из них девяносто девять сотых следует отнести всецело на счет *труда*.

41. Не может быть более ясного доказательства этому, чем то, которое являет ряд американских племен; они имеют обширные земельные владения, и им не хватает всех жизненных благ; природа одарила их так же щедро, как и любой другой народ, средствами к довольству, i. e. плодородной почвой, которая в состоянии в изобилии производить все, что может дать пищу, одежду и удовольствия; и все же эти племена, так как их земли не улучшаются благодаря труду, не обладают и одной сотой тех благ, которыми мы наслаждаемся; и король обширной и плодородной местности там питается, одевается и живет хуже, чем поденщик в Англии.

42. Чтобы сделать это несколько яснее, давайте проследим путь некоторых самых обычных вещей, удовлетворяющих наши жизненные потребности, на их различных стадиях, до того, как мы начинаем их использовать, и посмотрим, какую часть своей *стоимости* они получают *благодаря человеческому усердию*. Хлеб, вино и сукно являются необходимыми вещами и имеются в огромном количестве; и тем не менее желуди, вода и листья или шкуры были бы

нашими хлебом, питьем и одеждой, если бы *труд* не снабжал нас более полезными товарами. Ведь если *хлеб* ценнее желудей, *вино* ценнее воды, а *сукно* или *шелк* ценнее листьев, шкур или мха, то всем этим мы целиком *обязаны труду* и усердию; одни из этих вещей — это та пища и одежда, которыми снабжает нас непосредственно, без нашей помощи, природа; другие же — это те продукты, которые изготовляют для нас наше усердие и наши старания. Тот, кто сравнит, насколько одни из этих вещей превосходят другие по ценности, увидит, насколько *труд составляет гораздо большую часть стоимости* вещей, которыми мы наслаждаемся в этом мире; а земля, которая дает сырье, вряд ли должна учитываться хоть в какой-то мере или же должна, самое большее, включаться как очень маленькая часть ее, такая маленькая, что даже у нас та земля, которая целиком предоставляется природе, которую не превращают в пастбище, пашню или сад, называется *пустышью*, какой она в сущности и является; и мы видим, что польза от такой земли почти что равна нулю. Это показывает, насколько количество людей более важно, чем обширность владений, и что в увеличении земель и правильном их использовании и состоит великое искусство правления, и тот правитель, который будет столь мудр и богоподобен, что установит законы свободы для защиты и поощрения честного усердия людей против сил угнетения и узости партии, в скором времени станет неодолим для своих соседей. Но это между прочим. Вернемся к нашему рассуждению.

43. Акр земли, который приносит здесь двадцать бушелей пшеницы, и другой акр земли в Америке, который при той же затрате труда принес бы столько же, обладают, несомненно, одинаковой естественной внутренней стоимостью. И все же прибыль, которую человечество получает от одного, за год составляет 5 фунтов стерлингов, а от другого, возможно, не составит и одного пенни, если все, что получил от этого акра индеец, оценить и продать здесь; во всяком случае, скажу по истине, не составит и одной тысячной. Следовательно, именно *труд придает земле большую часть стоимости*, без него она вряд ли что-нибудь стоила; именно ему мы обязаны большей частью всех ее полезных продуктов; ведь солома, мякина, хлеб, полученные с этого акра пшеницы, имеют большую ценность, чем продукты с одного акра такой же хорошей земли, которая лежит невозделанной, и все это является результатом труда. Ибо в *хлебе*, который мы едим, нужно учитывать не

только труд земледельца, жнеца и молотильщика и пот пекаря; сюда нужно прибавить и труд тех, кто приручал быков, кто добывал руду и камень и ковал железо, кто рубил и пилил деревья, пошедшие на постройку плуга, мельницы, печи и всяких других приспособлений, число которых очень велико и которые необходимы для того, чтобы это зерно из посеянных семян превратилось в хлеб; все это должно *относиться* на счет *труда* и рассматриваться как его результат: природа и земля дали лишь почти ничего не стоящие сами по себе вещи. Если бы мы составили список *тех вещей, которые созданы человеческим трудом и которые используются для получения каждого караваля хлеба* до того, как он попал к нам на стол, то такой список выглядел бы довольно необычно, перечисли мы все эти вещи: железо, дерево, кожа, кора, лес, камень, кирпич, уголь, известь, парусина, красители, смола, деготь, мачты, канаты и все материалы, используемые на корабле, который доставил любую из вещей, употребляемых любым из рабочих в процессе любой стадии работы; все это почти невозможно подсчитать, перечень всего был бы по крайней мере слишком длинным.

44. Из всего этого очевидно, что хотя предметы природы даны всем сообща, но человек, будучи господином над самим собой и *владельцем своей собственной личности*, ее действий и ее *труда*, в качестве такового заключал в себе самом *великую основу собственности*¹⁰; и то, что составляло большую часть того, что он употреблял для поддержания своего существования или для своего удобства, когда изобретения и искусство улучшили условия жизни, было всецело его собственным и не находилось в совместном владении с другими.

45. Таким образом, *труд* вначале давал право на *собственность* всякий раз, когда кому-либо было угодно применить его к тому, что находилось в общем владении, и этого общего владения в течение долгого времени оставалось гораздо большая часть и еще и сейчас остается больше, чем то, что человечество использует. Люди сначала по большей части довольствовались тем, что им для их нужд непосредственно, без их помощи, предоставляла природа; и хотя впоследствии в некоторых частях земного шара (где рост населения и скота, равно как и *употребление денег*, способствовал тому, что земли стало мало и поэтому она начала представлять известную ценность) некоторые *общества* установили границы своих отдельных территорий и посредством созданных ими самими законов упоря-

дочили владения частных лиц в своем обществе и, таким образом, *путем договора* и соглашения утвердили *собственность*, начало которой положили труд и усердие, а при заключении союзов между различными государствами и королевствами они публично заявляли (либо же это молча подразумевалось) об отказе от всех притязаний и прав на землю, находившуюся во владении другого, и по общему согласию отказались от своих претензий, вытекавших из естественного общего права, которое они первоначально имели на эти местности, и, таким образом, посредством *положительного соглашения* утвердили у себя *собственность* в различных частях и уголках земли; и все же до сих пор имеются *огромные земельные угодья*, которые (их обитатели не присоединились к остальному человечеству и не участвовали в соглашении об использовании их общих денег) *лежат невозделанными*, и этих земель больше, чем используют или могут использовать живущие на них люди, и, таким образом, эти земли все еще находятся в общем владении. Хотя подобный случай вряд ли может иметь место среди той части человечества, которая договорилась об употреблении денег.

46. Большую часть тех *вещей*, которые *действительно* полезны для человеческой жизни и которые необходимость поддерживать свое существование заставляла искать первых обитателей земли, как и американцев сейчас, составляют обычно *скоропортящиеся вещи*, такие, которые, если они не будут использованы, испортятся и погибнут сами по себе. Золото, серебро и бриллианты — это вещи, которым придали стоимость прихоть или соглашение, а не их действительная полезность и необходимость для поддержания жизни. Так вот, из тех хороших вещей, которые природа давала всем, каждый имел право (как уже говорилось) брать столько, сколько мог использовать, и получал в *собственность* все, на что он мог воздействовать своим трудом; все, на что простиралось его трудолюбие и что он выводил из естественного состояния, принадлежало ему. Тот, кто *собирал* сто бушелей желудей или яблок, тем самым получал их в *собственность*; они становились его добром, как только он их собрал. Он должен был заботиться только о том, чтобы использовать их до того, как они испортятся, в противном случае он брал больше своей доли и грабил других. И действительно, было глупым, да к тому же и бесчестным, накапливать больше, чем он мог использовать. Если он отдавал часть кому-либо другому, чтобы эти продукты не пропали бесполезно, будучи его собствен-

ностью, то тем самым он их тоже использовал. А если он менял сливы, которые могли сгнить через неделю, на орехи, которые он мог бы есть целый год, то он никому не наносил ущерба; он не расточал общего запаса, не уничтожал ни одной части от той доли продуктов, которая принадлежала другим, поскольку ничто не погибало бесполезно в его руках. Далее, если он отдавал свои орехи за кусок металла, цвет которого ему понравился, или обменивал овец на ракушки или шерсть на искрящийся камешек или на бриллиант и хранил их всю свою жизнь, то он не нарушал прав других; он мог накапливать этих долговечных вещей столько, сколько ему угодно, потому что *выход за пределы его правомерной собственности* состоит не в том, что у него много имущества, а в том, что часть его портится, не принося ему никакой пользы.

47. И таким образом было введено употребление денег, некоей долговечной вещи, которая может храниться у человека, не подвергаясь порче, и которую люди принимают по взаимному соглашению в обмен на действительно полезные, но недолговечные средства существования¹¹

48. И поскольку различные степени усердия способствовали тому, что люди приобретали имущество различных размеров, то это *изобретение денег* дало им возможность накапливать и увеличивать его. Предположим, что имеется остров, не имеющий никакой возможности вести торговлю с остальным миром; при этом на острове всего сотня семейств, но там имеются овцы, лошади, коровы и другие полезные животные, съедобные плоды и земля в таком количестве, что урожай с нее мог бы прокормить в сто тысяч раз больше народа, но ничто на самом острове либо по причине своей обычности, либо по причине недолговечности не в состоянии заменить *деньги*. Какая же причина была бы тогда у кого-либо для увеличения своих владений — или за счет плодов своего собственного трудолюбия, или в обмен на подобные же скоропортящиеся полезные товары других — сверх того, что необходимо для его семьи и для создания обильных запасов? Там, где нет ничего такого, что обладало бы долговечностью, редко встречалось и представляло бы такую ценность, что это стоило бы накапливать, там люди не будут склонны увеличивать свои *земельные владения*, даже если бы земля была очень плодородной и они могли бы свободно ее занимать. На что, спрашиваю я, понадобились бы человеку десять тысяч или сто тысяч акров превосходной *земли*, хорошо возделанной и с большим количеством скота на ней, если бы дело про-

исходило в середине удаленных от моря частей Америки, где у человека не было бы надежды на торговлю с другими частями света, торговлю, которая бы принесла ему *деньги* благодаря продаже продуктов? Эту землю не стоило бы огораживать, и мы увидели бы, что он снова отдает в нераздельное владение дикой природе все, что превышало бы то количество, которое необходимо для обеспечения жизненными благами его самого и его семьи.

49. Так вот, вначале весь мир был подобен Америке, и в еще большей степени, чем теперь, ведь тогда нигде не знали такой вещи, как *деньги*. Но стоит только найти нечто, что могло бы *использоваться* и цениться в качестве *денег* среди его соседей, и вы увидите, что тот же самый человек сразу начнет *увеличивать* свои *владения*.

50. Но поскольку золото и серебро, которые лишь в незначительной степени необходимы для существования человека в сравнении с пищей, одеждой и средствами передвижения, имеют свою *стоимость* лишь благодаря соглашению людей, причем все же труд главным образом является *мерилом*, то очевидно, что люди согласились на непропорциональное и неравное владение землей, обнаружив благодаря молчаливому и добровольному согласию способ, посредством которого человек может честно иметь гораздо большее количество земли, нежели то, с которого он может использовать продукт; он состоит в том, чтобы получать в обмен на свои излишки золото и серебро, которые можно накапливать без ущерба для кого-либо: эти металлы не портятся и не разрушаются в руках владельцев. Подобный раздел вещей на неравные частные владения люди осуществили вне рамок общества и без какого-либо договора, только лишь приписав стоимость золоту и серебру и молчаливо согласившись на применение денег¹², потому что при государственном правлении законы регулируют право собственности и владение землей определяется действующими конституциями.

51. И таким образом, мне думается, очень легко понять, как мог труд вначале послужить источником права собственности на общие произведения природы и как трата этой собственности на наши нужды ограничила ее. Тогда не могло быть причин для споров о праве владения и никакого сомнения в величине тех владений, которые это право давало. Право и удобство шли рука об руку; ведь так как человек обладал правом на все, к чему он мог приложить свой труд, то у него не было искушения трудиться, чтобы производить больше, нежели он мог использовать. При

этом не оставалось места для споров относительно права владения и не было покушения на права других; всегда было видно, какой кусок человек себе отрезал, и было бесполезно, равно как и бесчестно отрезать себе слишком много или брать больше, нежели нужно.

Глава VI ОБ ОТЦОВСКОЙ ВЛАСТИ

52. Могут, пожалуй, осудить как наглое критиканство, если в сочинении подобного рода подвергать осуждению те слова и названия, которые уже являются общепринятыми. И все же, возможно, не будет неуместным предложить новые термины там, где старые могут вводить людей в заблуждение, как это, вероятно, произошло с выражением *отцовская власть*; это выражение, по-видимому, представляет ту власть, которую родители имеют над своими детьми, исключительно *отцу*, как если бы *мать* не обладала ею ни в какой мере; однако же если мы обратимся к разуму или к откровению, то мы увидим, что и она имеет такое же право. Это может дать повод для вопроса: не правильнее ли было бы более точно называть его *родительским правом*? Ведь какие бы обязательства природа и рождение ни накладывали на детей, эти обязательства, несомненно, должны в равной мере связывать их с обеими причинами их существования. И действительно, мы видим, что положительный закон, данный богом, везде соединяет их вместе без какого-либо различия там, где он требует повиновения от детей. «Почитай отца твоего и мать твою» (Исх. 20, 12), «Кто будет злословить отца своего или мать свою» (Лев. 20, 9), «Бойтесь каждый матери своей и отца своего» (Лев. 19, 3), «Дети, повинуйтесь своим родителям» (Еф. 6, 1) и т. д. — так говорится в Ветхом и Новом завете.

53. Если бы только приняли должным образом во внимание хотя бы это, даже не вникая глубже в этот вопрос, то уже и тогда, возможно, люди избежали бы тех грубых ошибок относительно власти родителей, которые они совершили. Эту власть можно было бы называть абсолютным господством и монархической властью, когда под названием *отцовской власти* она, казалось, приписывалась отцу и это не слишком резало слух. Но если бы эта предполагаемая абсолютная власть над детьми называлась *родительской* и тем самым обнаружилось бы, что она принадлежит

также и *матери*, это звучало бы очень странно, и самое название показывало бы абсурдность этого. Ведь если бы и *мать* имела в этом какую-то долю, это сослужило бы плохую службу тем людям, которые усиленно добиваются абсолютной власти и полномочий *отцовства*, как они это называют, и вряд ли оказало бы поддержку *монархии*, которую они отстаивают, когда из самого названия уже было бы ясно, что основная власть, откуда они будут производить правление исключительно одного лица, была представлена не одному, но двум лицам совместно. Но оставим этот спор о названиях.

54. Хотя я сказал выше, в главе второй, что *все люди по природе равны*, меня не следует понимать так, что это *равенство* распространяется на всё: *возраст* или *добродетель* могут давать людям справедливое превосходство; *исключительные достоинства и заслуги* могут поставить кого-либо над общим уровнем; *происхождение* может побудить одних, а союз или выгоды других оказывать почтение тем, кому природа, благодарность или другие поводы обязывают его оказывать. И тем не менее все это не противоречит тому *равенству*, в котором находятся все люди в отношении юрисдикции или господства одного над другим. Именно об этом *равенстве* я и говорил как об относящемся к рассматриваемому предмету, имея в виду то *равное право на свою естественную свободу*, которое имеет каждый человек, не будучи обязан подчиняться воле или власти какого-либо другого человека.

55. Я признаю, что *дети* не рождаются в этом состоянии полного *равенства*, хотя они рождены для него. Когда они появляются на свет и в течение некоторого времени после этого, их родители обладают своего рода господством и юрисдикцией над ними, но это только временно. Узы этого повиновения подобны тем пеленкам, в которые дети завернуты и которые их поддерживают во время их младенческой слабости; возраст и разум, по мере того как дети растут, ослабляют их, пока наконец они совершенно не спадают и не оставляют человека в его собственном полном распоряжении.

56. Адам был сотворен совершенным человеком, его тело и ум полностью владели соответственно силой и мыслью, и, таким образом, он был в состоянии с первого мгновения своего существования заботиться о своем пропитании и о своей безопасности и управлять своими действиями согласно предписаниям закона разума, которым снабдил его господь. После него мир заселяется его потомками,

которые все рождаются слабыми и беспомощными младенцами, без знания и понимания. Но для того чтобы возместить недостатки этого несовершенного состояния, пока рост и возраст не устранят их, Адам и Ева и после них все родители по закону природы были обязаны оберегать, кормить и воспитывать детей, которых они породили, не как свое собственное произведение, но как произведение того, кто сотворил их самих, всемогущего господа бога, за которое они ответственны перед ним:

57. Закон, который управлял Адамом, был тот же самый, который должен был управлять всем его потомством, — закон разума. Но его потомки, появившиеся на свет иным путем, не таким, как он, а посредством естественного рождения, в силу этого рождались невежественными и не могли пользоваться разумом, и, следовательно, они и не подпадали тотчас же под действие этого закона: ведь никто не может подчиниться тому закону, который ему не был объявлен. А поскольку этот закон может быть объявлен или может стать известным только при помощи разума, то о том, кто не дошел еще до пользования своим разумом, нельзя сказать, что он подпадает под действие этого закона, а дети Адама, которые в момент рождения не подпадали тотчас же под действие этого закона разума, не были и тотчас же свободны. Ведь закон в его подлинном смысле представляет собой не столько ограничение, сколько руководство для свободного и разумного существа в его собственных интересах и предписывает только то, что служит на общее благо тех, кто подчиняется этому закону. Если бы они могли быть счастливее без этого закона, то он, как бесполезная вещь, исчез бы сам по себе; и вряд ли заслуживает названия тюремной ограды то, что лишь охраняет нас от болот и пропастей. Таким образом, несмотря на всевозможные лжетолкования, целью закона является не уничтожение и не ограничение, а сохранение и расширение свободы. Ведь во всех состояниях живых существ, способных иметь законы, там, где нет закона, нет и свободы. Ведь свобода состоит в том, чтобы не испытывать ограничения и насилия со стороны других, а это не может быть осуществлено там, где нет закона. Свобода не является «свободой для каждого человека делать то, что он пожелает», как нам говорят¹³ (ибо кто мог бы быть свободным, если бы любой другой человек по своей прихоти мог тиранить его?); она представляет собою свободу человека располагать и распоряжаться как ему угодно своей личностью, своими действиями, владениями и всей своей собствен-

ностью в рамках тех законов, которым он подчиняется, и, таким образом, не подвергаться деспотической воле другого, а свободно следовать своей воле.

58. Следовательно, *власть, которую родители имеют над своими детьми, проистекает из той обязанности, которая на них возложена, — заботиться о своем потомстве во время несовершеннолетия детства. Просвещать ум и управлять действиями этих еще несведущих младенцев до тех пор, пока разум не вступит в свои права и не избавит их от этой заботы, — вот в чем нуждаются дети и что обязаны делать родители. Бог дал человеку разумение, чтобы направлять его действия, предоставил ему свободу воли и свободу действий, соответственно с этим связанные, в границах того закона, которому он должен подчиняться. Но на то время, пока он находится в таком состоянии, что не имеет собственного *разумения*, которое бы направляло его *волю*, он не должен иметь и никакой собственной воли; тот, кто за него думает, должен также и *желать* за него; он должен диктовать его воле и определять его действия; но когда сын достигнет того возраста, с которого его *отец* стал *свободным человеком*, тогда *сын* тоже *становится свободным*.*

59. Это содержится во всех тех законах, которым подчиняется человек, будь то естественные или гражданские законы. Подчиняется ли человек закону природы? *Что освободило его* от этого закона? Что дало ему возможность свободно распоряжаться своей собственностью по своему желанию в рамках этого закона? Я отвечаю: состояние зрелости, когда его можно считать способным познать этот закон, для того чтобы он соразмерял с ним свои действия. Когда он достигает этого состояния, то считается, что он знает, в какой мере закон должен быть его руководителем и в какой мере он может использовать свою *свободу*, и, таким образом, он ее приобретает; до тех пор кто-либо другой должен им руководить, тот, кто, как предполагается, знает, в какой мере закон допускает свободу. Если такое состояние разума, такой возраст, с которого человек становится ответственным за себя, *сделали его свободным*, они же должны сделать свободным и его сына. Подчиняется ли человек закону Англии? *Что освободило его* от этого закона, т. е. дало ему свободу распоряжаться своими действиями и своими владениями по своей собственной воле в рамках разрешенного этим законом? Способность узнать этот закон, что, согласно этому закону, достигается с возрастом в 21 год, а в некоторых случаях и раньше. Если это *сдела-*

ло свободным отца, то должно сделать свободным также и сына. До тех пор, как мы видим, закон считает, что у сына нет воли, но что им должна руководить воля его отца или опекуна, которые должны разуместь за него. А если отец умер, не назвав того, кто вместо него выполнял бы этот долг, если он не обеспечил наставника, который должен руководить его сыном во время его несовершеннолетия, в то время, когда ему не хватает разума, то об этом заботится закон; кто-то другой должен управлять им и решать за него до тех пор, пока он не достигнет состояния свободы и его разум не сможет взять на себя руководство его волей. Но после этого и отец и сын свободны в равной мере, как наставник и ученик, вышедший из состояния несовершеннолетия; они оба в равной мере обязаны подчиняться тому же закону, причем у отца не остается никакой власти над жизнью, свободой или имуществом сына независимо от того, находятся ли они только в естественном состоянии и подчиняются закону природы или же подчиняются положительным законам установленного правительства.

60. Но если кто-либо в силу каких-то природных недостатков не достигает такой степени разума, когда он способен был бы знать закон и жить, сообразуясь с ним, то он никогда не сможет стать свободным человеком, ему никогда не дадут возможности проявлять свою собственную волю (потому что он не знает ее границ и не обладает разумением, которое является подлинным ее руководителем), но он продолжает находиться под руководством и под началом других все то время, пока его собственный разум не способен к исполнению этой задачи. Вот почему сумасшедшие и слабоумные никогда не бывают свободны от родительской власти. «Дети, которые еще не достигли того возраста, когда они могут пользоваться здравым рассудком, который бы ими руководил; слабоумные, которые благодаря своему природному недостатку никогда не будут пользоваться им; в-третьих, сумасшедшие, не могущие, очевидно, в данный момент пользоваться им, руководствуются разумом, который руководит другими людьми, являющимися их наставниками, пекущимися об их благе», — говорит Гукер (Церковн. полит., кн. I, разд. 7). Все это не более, по-видимому, чем та обязанность, которую бог и природа возложили на человека, равно как и на другие существа, заботиться о своем потомстве до тех пор, пока оно не будет в состоянии само о себе заботиться, и вряд ли

может служить примером или доказательством монархической власти *родителей*.

61. Таким образом, мы *рождаемся свободными*, так же как мы рождаемся разумными, но это не означает, что мы тотчас же пользуемся и тем и другим; возраст, который приносит одно, приносит вместе с ним и другое. И таким образом, мы видим, как *естественная свобода и повиновение родителям* могут совмещаться друг с другом и быть оба основаны на одном и том же принципе. *Ребенок свободен* по праву своего отца, по разуму своего отца, который должен управлять им, пока у него не будет собственного разума. *Свобода человека в совершеннолетнем возрасте и повиновение* ребенка, который еще не достиг этого возраста, *родителям* настолько согласуются друг с другом и настолько различимы, что самые ослепленные из тех, кто отстаивает монархию, исходя из *права отцовства*, не могут не заметить это *различие*, самые упрямые не могут не допустить их совместимость. Если бы их доктрина была совершенно истинной, если бы подлинный наследник Адама был сейчас известен и если бы он утвердился благодаря этому праву как монарх на своем троне, облеченный всей абсолютной, неограниченной властью, о которой говорит сэр Р. Ф., и если бы он умер сейчас же после рождения своего наследника, то разве *ребенок*, как бы он ни был свободен и каким бы суверенным государем ни был, не находился бы в подчинении у своей матери и няньки, у наставников и гувернеров до тех пор, пока возраст и воспитание не дали бы ему разум и способность управлять собой и другими? Его жизненные потребности, здоровье и просвещение его ума потребовали бы, чтобы им руководила воля других, а не его собственная; и тем не менее разве кто-либо подумает, что это ограничение и повиновение несовместимы с той свободой или той верховной властью, на которые он имеет право, или лишает его их, или отдает его империи тем, кто правил ею во время его младенчества? То управление, под которым он находился, только лучше и быстрее подготовило его к этому. Если кто-либо спросит меня: с какого *возраста* мой сын может стать *свободным*? Я отвечаю: именно с того возраста, с какого его монарх считается совершеннолетним и может управлять. «Но с какого времени,— говорит рассудительный Гукер (Церковн. полит., кн. I, разд. 6),— о человеке можно сказать, что он уже столь овладел употреблением своего разума, что может понимать те законы, с которыми он обязан сообразовывать свои действия,— это гораздо легче ощутить чувст-

вом, чем кому-либо определить с помощью умения и знаний».

62. Сами государства обращают на это внимание и допускают, что существует *время, когда люди* должны начать *поступать как свободные люди*, и потому до этого срока не требуют от них ни присяги, ни клятвы на верность, ни какого-либо публичного признания или заявления о повиновении правительству своих стран.

63. Следовательно, *свобода* человека и свобода поступать по его собственной воле *основываются* на том, что он обладает *разумом*, который в состоянии научить его тому закону, по которому он должен собой управлять, и дать ему понять, в какой степени у него остается свобода его собственной воли. Предоставить ему безграничную свободу до того, как он будет иметь разум, который мог бы им руководить, — это не значит предоставить ему привилегию его природы быть свободным, но значит отбросить его в среду зверей и оставить его в таком жалком состоянии, которое столь же ниже достоинства человека, как и их состояние. Вот что вкладывает *власть* в руки *родителей* для того, чтобы они управляли своими детьми во время их *несовершеннолетия*. Бог поручил им заботиться о своем потомстве и наделил их соответствующей этому склонностью к нежности и заботе, дабы умерять эту власть, дабы применять ее так, как это предписывает его мудрость, на благо детей до тех пор, пока они должны находиться под этой властью.

64. Но по какой причине эта забота, которую *родители* обязаны проявлять к своему потомству, должна превратиться в *абсолютное деспотическое господство* отца? Ведь власть отца не идет дальше того, чтобы теми средствами, которые он считает наиболее подходящими, дать такую силу и здоровье их телу, энергию и прямоту их умам, какие в наибольшей степени подходят его детям, для того чтобы они приносили как можно больше пользы себе и другим, и, если это необходимо по его состоянию, заставлять их работать, когда они могут, для их собственного пропитания. Но в этой власти *мать* также имеет свою долю наряду с *отцом*.

65. Больше того, эта *власть* вообще принадлежит отцу не по какому-либо особому праву природы, а лишь поскольку он является опекуном своих детей, так что, когда он перестает о них заботиться, он утрачивает свою власть, которой обладал над ними до тех пор, пока заботился об их пропитании и образовании, с которыми она неразрывно

связана; и эта власть в такой же мере принадлежит *примному отцу* подкидыша, как и настоящему отцу другого. Столь малую власть дает человеку над его потомством один лишь *акт зачатия*, если его заботы на этом кончаются и если этим ограничиваются те права, которые он имеет благодаря имени и авторитету отца. А что станет с этой *отцовской властью* в той части света, где одна женщина имеет одновременно не одного, а несколько мужей? Или в тех частях Америки, где в случаях, когда муж и жена расходятся, что бывает часто, все дети остаются у матери, следуют за ней и находятся полностью на ее иждивении и попечении? Если отец умирает в то время, когда дети еще малы, то разве они, естественно, не обязаны так же повиноваться своей *матери* во время их несовершеннолетия, как и своему отцу, если бы он был жив? А разве кто-либо скажет, что *мать* обладает законодательной властью над своими детьми? Что она может устанавливать постоянные правила, которые будут налагать на них вечные обязательства и согласно которым они должны будут решать все дела, связанные с их собственностью, и ограничивать свою свободу на всем протяжении своей жизни? Или разве она может заставлять соблюдать эти правила под угрозой смертной казни? Ведь это является прерогативой *власти должностного лица*, отец обладает не более чем ее тенью. Его власть над детьми только временна и не распространяется ни на их жизнь, ни на их собственность — это только помощь ввиду слабости и несовершенства их младенчества, средство, необходимое для их воспитания. И хотя *отец* может распоряжаться своим имуществом, как ему угодно, когда его детям не угрожает гибель от нужды, все же *его власть* не распространяется ни на их жизнь, ни на имущество, которое они приобрели благодаря своему трудолюбию или чьей-либо щедрости; она не распространяется также и на их свободу, когда они уже достигли совершеннолетнего возраста. *Империя отца* тогда кончается, и он уже не может распоряжаться свободой своего сына, как и свободой любого другого человека. И весьма далека от абсолютной или вечной юрисдикции та юрисдикция, из-под которой человек может уйти, имея разрешение божественной власти: «Оставит отца и мать и прилепится к жене своей»¹⁴.

66. Но хотя наступает время, когда *ребенок* становится столь же *свободен* от подчинения воле и велениям своего отца, как и сам отец свободен от подчинения воле кого-либо другого, и каждый из них ограничен только тем, что яв-

ляется общим для них обоих, будь то закон природы или гражданские законы страны, все же эта свобода не освобождает сына от обязанности *почитать своих родителей*, которая наложена на него законом бога и природы. Бог сделал родителей орудиями своего великого замысла продолжить род человеческий и через их посредство вложил жизнь в их детей. Точно так же как он наложил на них обязанность кормить, охранять и воспитывать свое потомство, он наложил и на детей вечную обязанность *почитать своих родителей*; эта обязанность заключается в том, что внутреннее уважение и почтение должны выражаться посредством всевозможных внешних проявлений, и удерживает ребенка от всего, что может принести вред, оскорбить, обеспокоить или подвергнуть опасности счастье или жизнь тех, от кого он получил свою жизнь; и это обязывает его предпринимать все те действия, которые необходимы для защиты, поддержки, помощи и удобства тех, благодаря кому он появился на свет и кто дал ему возможность наслаждаться жизнью. От этой обязанности не может освободить детей никакое государство, никакая свобода. Но это весьма далеко от того, чтобы давать родителям власть повелевать своими детьми или власть создавать законы и располагать по своему усмотрению их жизнью и свободой. Одно дело — быть обязанным *почитать, уважать, благодарить и помогать*; а другое — требовать абсолютного повиновения и покорности. *Почитание*, которое *дети обязаны проявлять в отношении своих родителей*, должен проявлять и монарх на престоле по отношению к своей матери; и однако, это не уменьшает его авторитета и не подчиняет его ее управлению.

67. Покорность несовершеннолетнего облакает отца временной властью, которая заканчивается вместе с несовершеннолетием ребенка; а *почитание*, которое *дети обязаны проявлять в отношении своих родителей*, дает родителям постоянное право на уважение, почтение, поддержку и услужливость в большей или меньшей степени в соответствии с тем, были ли уход со стороны отца, издержки и доброта при воспитании ребенка большими или меньшими. Это не прекращается с окончанием несовершеннолетия, а остается в силе во все периоды человеческой жизни при всех условиях. Отсутствие разграничения между этими двумя видами власти, а именно тем, который имеет отец в виде права на *руководство* детьми во время их несовершеннолетия, и правом на *почитание* с их стороны во время всей его жизни, пожалуй, вызвало большую часть

ошибок в этом вопросе. Ведь строго говоря, первое из этих прав является скорее привилегией детей и обязанностью родителей, а не прерогативой отцовской власти. Питание и образование детей являются настолько обязательными для родителей ради блага их детей, что ничто не может освободить их от обязанности заботиться об этом. И хотя *власть приказывать и наказывать* неразрывно связана с этим, все же бог заложил в основы человеческой природы такую нежность к своему потомству, что вряд ли следует опасаться, что родители будут слишком ревностно использовать свою власть; строгостью злоупотребляют редко, так как сильная естественная склонность влечет в противоположную сторону. И вот почему всемогущий господь, желая подчеркнуть мягкость своего обращения с израильтянами, говорил им, что, наказывая, «он учит их, как человек учит сына своего» (Втор. 8, 5), т. е. с нежностью и любовью, и обращался с ними не более сурово, чем это было совершенно для них необходимо, а если бы он им попустительствовал, то это уже отнюдь не было бы добротой. Вот та власть, которой *детям* приказано *повиноваться*, чтобы старания и заботы их родителей не возрастали или не оставались вознагражденными.

68. С другой стороны, *почитание* и поддержка в старости — все то, чего требует благодарность взамен тех благ, которые получены через родителей и от них, является неотъемлемой обязанностью ребенка и подлинной привилегией родителей. Они предназначены на пользу родителей точно так же, как другое — на пользу ребенка; хотя воспитание, эта обязанность родителей, по-видимому, больше всего требует власти, так как невежество и слабость младенческого возраста нуждаются в ограничении и исправлении, что является зримым проявлением правления и своего рода владычеством. А та обязанность, которая определяется словом *почитание*, требует меньше повиновения, хотя это обязательство в большей степени распространяется на выросших, чем на младших, детей. Ведь кто может подумать, что заповедь «Дети, повинуйтесь своим родителям» требует от человека, имеющего собственных детей, такой же покорности своему отцу, какой эта заповедь требует от его малолетних детей в отношении его самого, и что, исходя из этого положения, он был бы обязан выполнять все повеления своего отца, если бы тот из упоения властью проявлял такое неразумие, что обходился бы с ним все еще как с мальчиком?

69. Следовательно, первая часть *отцовской* власти или скорее обязанности, которая состоит в *воспитании* детей, принадлежит отцу таким образом, что она заканчивается в определенный период. Когда дело воспитания выполнено, она исчезает сама по себе, а может быть отчуждена и раньше: ведь человек может передать дело воспитания своего сына в другие руки; а тот, кто сделал своего сына *учеником* другого человека, на это время передал ему большую часть того повиновения, которым ребенок обязан ему самому и своей матери. Что же касается другой части — *обязанности почитать* родителей, то это право родители тем не менее сохраняют за собой целиком; ничто не может его отменить; оно настолько неотделимо от них обоих, что власть отца не может лишить мать этого права и ни один человек не может освободить своего сына от обязанности *почитать* ту, которая родила его. Но обе эти власти весьма далеки от той власти, которая создает законы и заставляет им повиноваться с помощью таких наказаний, которые могут затрагивать имущество, свободу, члены тела и жизнь. Право повелевать заканчивается вместе с несовершеннолетним возрастом; и хотя после этого почитание и уважение, поддержка и защита и все то, к чему человека может обязывать благодарность ради самых высоких благодеяний, на которые он способен по своей природе, всегда являются обязанностью сына по отношению к своим родителям, все это, однако, не влагает скипетра в руку отца, не дает ему верховной власти повелевать. Он не может распоряжаться собственностью своего сына или его действиями и не имеет никакого права на то, чтобы его воля во всем диктовала воле его сына; однако во многих случаях его сыну, возможно, подобает, если это не будет слишком уж неудобно для него самого и его семьи, проявлять почтение к воле отца.

70. Человек может быть обязан *почитать* и уважать старого или мудрого человека; защищать своего ребенка или друга; оказывать поддержку и помощь находящимся в беде и проявлять благодарность благодетелю в такой степени, что всего, чем он располагает, всего, что он в силах сделать, будет недостаточно, чтобы погасить свой долг. Но все это не дает никому ни власти, ни права создавать законы для того, кто ему обязан. И совершенно ясно, что все это следует не из самого имени отца; не только потому, что, как уже говорилось, те же самые права имеет и мать, но потому, что эти обязательства в отношении родителей и та степень, в какой требуется их выполнение от детей,

могут меняться в зависимости от различной заботы и доброты, хлопот и расходов, которых часто затрачивается на одного ребенка больше, чем на другого.

71. Это показывает причину, по которой *родители в обществах*, где они сами являются подданными, сохраняют *власть над своими детьми* и имеют такое же право на повиновение с их стороны, как и те, что находятся в естественном состоянии. Это вряд ли было бы возможно, если бы вся политическая власть носила отцовский характер и в действительности они бы представляли одно и то же: ведь если бы вся отцовская власть находилась в руках государя, то тогда подданный, естественно, не мог располагать никакой ее долей. Но эти две власти, *политическая и отцовская*, столь совершенно различны и раздельны, покоятся на столь различных основаниях и существуют для столь различных целей, что каждый подданный, если он является отцом, обладает такой же *отеческой властью* над своими детьми, как государь над своими. И каждый государь, имеющий родителей, обязан проявлять в отношении их такое же сыновнее почтение и повиновение, какое самый последний из его подданных проявляет в отношении своих родителей; и поэтому этот подданный не может обладать какой-либо частью или степенью такого рода власти, какою государь или должностное лицо обладают над своими подданными.

72. Хотя обязанность родителей *воспитывать* своих детей и обязанность детей *почитать* своих родителей содержат всю власть, с одной стороны, и повиновение — с другой, которые вытекают из этого отношения, все же существует обычно *у отца и другая власть*, благодаря которой он имеет возможность влиять на повиновение своих детей; хотя он имеет ее наравне с другими людьми, все же случаи ее проявления почти постоянно предоставляются отцам в их собственных семьях, а примеры другого ее применения редки и менее заметны, вот почему она и считается частью *отцовской юрисдикции*. Это власть, которой обычно располагают люди, *передать свое имущество* тем, кто им больше всего по душе. Дети обычно рассчитывают унаследовать имущество отца в определенных пропорциях в согласии с законом и обычаями каждой страны; все же, как правило, во власти отца — наделить этим имуществом более скупо или более щедро сообразно с тем, насколько поведение того или иного ребенка соответствовало его желанию и настроению.

73. Это оказывает немалое влияние на повиновение детей; и так как всегда с правом пользоваться землей связывалось повиновение правительству данной страны, частью которой является эта земля, то обычно предполагалось, что *отец* мог обязать свое потомство повиноваться *тому правительству*, подданным которого он сам являлся, и что заключенный им договор связывал и их, тогда как это есть лишь необходимое условие, с которым связано владение землей и унаследование владений, находящихся под властью этого правительства, и может распространяться только на тех, кто принимает эти владения на этом условии, и, следовательно, это не является естественным долгом или обязательством, а есть добровольное повиновение. Ведь *дети каждого человека*, будучи по своей природе столь же свободны, как и он сам или как был любой из его предков, могут, пока они находятся в этом состоянии свободы, избрать то общество, к которому они захотят присоединиться, то государство, подданными которого они захотят стать. Но если они хотят получить *наследие* своих предков, то они должны взять его на тех же условиях, на которых им владели их предки, и подчиниться всем обязательствам, которые сопутствуют такому владению. Посредством этой власти отцы обязывают своих детей повиноваться даже и тогда, когда те вышли из несовершеннолетия, и обычно подчиняют их также той или иной политической власти. Однако это происходит не благодаря особому праву *отцовства*, а только благодаря награде, находящейся у них в руках, посредством которой они могут принуждать к покорности и вознаграждать за нее; и они располагают не большей властью, чем та, которую француз может иметь над англичанином, если бы этот француз пообещал оставить тому поместье, что, несомненно, в значительной степени обязывало бы англичанина к повиновению; а если это поместье будет ему оставлено и он захочет им воспользоваться, то ему, несомненно, придется принять его на тех условиях, которые связаны с *владением землей* в той стране, где она находится, будь то Франция или Англия.

74. В заключение следует сказать, что хотя *отцовская власть* повелевать распространяется только на время несовершеннолетия детей и может проявляться только в той степени, в какой это необходимо для дисциплинирования этого возраста и для управления им; что хотя почтение и уважение и все то, что латиняне называли *почтительностью*, которую дети неизменно должны проявлять по от-

ношению к своим родителям на протяжении всей их жизни и во всех состояниях, поддерживая и оберегая их так, как это положено, не дают отцу права управлять, т. е. создавать законы и устанавливать наказания для своих детей; хотя в силу этого он не имел власти распоряжаться собственностью или действиями своего сына, однако нетрудно понять, как в первые века существования мира и в особенности в тех местах, где малочисленность населения дает возможность семьям расселяться в никому не принадлежащих областях и им есть куда переселиться и обосноваться в еще не занятых местностях, *отцу семейства* легко было стать его государем *. Он был правителем начиная с младенчества своих детей; и так как без какого-либо правления им было бы трудно жить вместе, то вероятнее всего, что благодаря выраженному или молчаливому согласию детей, когда они выросли, это правление было предоставлено отцу и, собственно говоря, оно продолжалось без какого-либо изменения. Ведь действительно для этого не требовалось ничего более, как позволить *отцу* осуществлять одному в его семье ту исполнительную власть закона природы, которой естественно располагает каждый свободный человек, и благодаря этому позволению они передали ему монархическую власть на то время, пока они в ней пребывали. Но это произошло не в силу какого-то *отцовского права*, а только по согласию его детей, что очевидно из следующего: никто не сомневается, что если бы какой-либо чужеземец, случайно или по делу попавший в его семью, убил кого-либо из его детей или совершил какое-либо другое преступление, то отец мог бы приговорить его к смерти и казнить его или наказать каким-либо иным

* Следовательно, мнение, высказанное одним *архифилософом*¹⁵, не является невероятным: «Главное лицо в каждом хозяйстве всегда было, так сказать, королем; так что когда известное число хозяйств объединялось в гражданские общества, то короли были своего рода первыми правителями среди них, что также, по-видимому, является причиной и того, почему продолжали носить название отцов те, кто из отцов стали владыками; точно так же, вероятно, возник и старинный обычай правителей поступать так, как Мельхиседек, и, будучи царями, выполнять обязанности священника, которые сначала выполнялись отцами. Как бы то ни было, это не единственный вид порядка, который возник в мире. Определенные неудобства послужили причиной для создания ряда других; так что, короче говоря, всякий общественный порядок, какого бы рода он ни был, по-видимому, возник в результате намеренного совещаия, собеседования и соглашения между людьми, считавшими это удобным и одобряющим; не является невозможностью то, что в природе как таковой человек мог бы жить без какого-либо общественного порядка» (*Гукер*. Церковн. полит., кн. I, разд. 10).

образом точно так же, как и любого из своих детей. Этого он не мог бы сделать в силу какой-то отцовской власти над тем, кто не являлся его ребенком, но только в силу той исполнительной власти закона природы, на которую он как человек имел право; и только он один мог наказать его в своем семействе, где его дети из уважения к нему отказались осуществлять такую власть, уступив ее достоинству и авторитету, и по их желанию она осталась именно у него, а не у кого-либо другого из всей остальной семьи.

75. Таким образом, для детей было легко и почти естественно посредством молчаливого согласия, которого трудно было избежать, уступить *власть и правление отцу*. С самого детства они привыкли подчиняться его руководству и обращаться к нему со своими маленькими разногласиями; а когда они стали взрослыми, кто больше подходил для того, чтобы управлять ими? Их небольшое имущество, при том что алчность у них была еще меньше, редко служило поводом для серьезных споров; а если они и возникали, то кто бы мог быть для них более подходящим судьей, чем тот, чьими заботами каждый из них был вскормлен и воспитан и кто относился с нежностью к ним всем? Нет ничего удивительного, что они не делали различия между несовершеннолетием и совершеннолетием, не ожидали с нетерпением двадцати одного года или какого-либо другого возраста, который дал бы им возможность свободно распоряжаться собой и своим имуществом, поскольку у них не могло возникнуть желание закончить свое ученичество. Правление, которому они подчинялись в этот период, продолжалось и в дальнейшем, скорее служило им защитой, чем ограничивало их свободу, и они нигде не могли найти больших гарантий для своего спокойствия, свободы и имущества, чем при *правлении отца*.

76. Так естественные *отцы семейств* путем неощутимого изменения делались также и *политическими монархами*; а так как им случалось долго прожить и оставить способных и достойных наследников в течение ряда поколений или иным образом, то они заложили основы наследственной или выборной королевской власти в соответствии с различными конституциями и обычаями, в зависимости от того, как судьба, умысел или случай это определяли. Но если государи носят свое звание по праву своих отцов и это является достаточным доказательством естественного *права отцов* на политическую власть, поскольку они обычно были теми, в чьих руках мы находим *de facto* бразды правления, то повторяю, что, если этот аргумент правилен, он

в такой же степени доказывает, что все государи, и даже только государи, должны быть и священниками, так как несомненно, что вначале «отец семейства был священником точно так же, как он был правителем в своем хозяйстве».

Глава VII

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЛИ ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

77. Бог создал человека таким существом, что, по господнему решению, нехорошо было быть ему одиноким, и, положив необходимость, удобства и склонности могучими побудительными силами, которым должен был подчиниться человек, он заставил его искать общества, равно как и снабдил его разумом и языком, дабы тот мог поддерживать его и наслаждаться им. *Первое общество* состояло из мужа и жены, что дало начало обществу, состоящему из родителей и детей; к этому с течением времени добавилось общество из хозяина и слуги. И хотя все они могли, как это обычно и происходило, сочетаться и образовывать одну общую семью, в которой хозяин или хозяйка обладали в некотором роде правом правления, свойственным семье, однако ни одно из этих обществ и все они вместе не являлись *политическим обществом*, как мы увидим, если рассмотрим различные цели, связи и границы каждого из них.

78. *Брачное сообщество* образуется посредством добровольного соглашения между мужчиной и женщиной; и хотя оно преимущественно сводится к соединению и к праву каждого супруга на тело другого, поскольку это необходимо для основной цели — произведения потомства, оно вместе с тем влечет за собой взаимную поддержку и помощь, а также общность интересов, поскольку им необходимо не только объединить свою заботу и привязанность, но также обеспечить общее потомство, которое имеет право на пропитание и поддержку с их стороны до тех пор, пока не будет в состоянии само о себе заботиться.

79. Ведь целью *союза между мужчиной и женщиной* является не просто порождение потомства, но продолжение рода; этот союз между мужчиной и женщиной должен продолжаться даже и после рождения потомства столь долго, сколь это необходимо для пропитания и поддержки детей, которых обязаны содержать те, кто их произвел, до того возраста, пока дети не будут в состоянии обходиться без посторонней помощи и сами о себе заботиться. Мы ви-

дим, что этому закону, который установил бесконечно мудрый творец для творений рук своих, неизменно повинуются низшие существа. У тех живородящих существ, которые питаются травой, *союз между самцом и самкой* длится не дольше, чем сам половой акт, потому что сосцы самки в состоянии прокормить детеныша до того момента, пока он сможет питаться травой, и самец только осуществляет зачатие, но не заботится ни о самке, ни о детеныше, для поддержания которых он ничего не в состоянии дать. Но у хищных животных союз длится дольше, так как самка не в состоянии полностью содержать себя и питать свое многочисленное потомство исключительно своей добычей; это более трудный, равно как и более опасный, способ существования, чем питание травой; поддержка самца необходима для содержания их общей семьи, члены которой не могут сами содержать себя до того, как они будут в состоянии сами ходить на добычу, следовательно, здесь необходима общая забота самца и самки. То же самое наблюдается и у всех птиц (за исключением некоторых домашних птиц, где изобилие пищи дает возможность петуху не кормить потомство и не заботиться о нем), птенцы которых нуждаются в пище, находясь в гнезде, и самец и самка продолжают находиться в союзе до тех пор, пока птенцы не научатся летать и не смогут сами заботиться о своем пропитании.

80. И в этом, мне думается, заключается основная, если не единственная, причина того, что *у людей самец и самка связаны более длительным союзом*, чем у других существ, а именно потому, что самка способна зачать, и *de facto* снова обычно бывает беременна, и приносит новое потомство задолго до того, как предыдущий ребенок перестает нуждаться в поддержке и помощи своих родителей и будет в состоянии сам о себе заботиться; он все еще нуждается в помощи, которую ему обязаны оказывать его родители. Вследствие этого отец, который обязан заботиться о тех, кого он зачал, должен находиться в брачном союзе с той же женщиной дольше, чем другие существа, потомство которых может само заботиться о себе раньше, чем снова наступает период деторождения, и брачная связь которых распадается сама собой и они свободны до тех пор, пока Гименей¹⁵ в свое обычное ежегодное время снова не призывает их выбирать новых супругов и подруг. При этом нельзя не восхищаться мудростью великого творца, который наделил человека даром предвидения и способностью запасать на будущее, равно как и обеспечивать настоящие

нужды, и сделал необходимым, чтобы *общество мужчины и женщины было более длительным*, чем самца и самки у других существ; так, чтобы их трудолюбие поощрилось и чтобы их интересы были лучше соединены на предмет обеспечения всем необходимым и создания запасов для их общего потомства, которому сильно повредили бы беспорядочные связи или легкое и частое расторжение брачного союза.

81. Но хотя *человечество* связано этими обязательствами, которые делают *брачные узы* более прочными и более длительными у человека, чем у других видов животных, все же имеется повод для вопроса: почему это *соглашение*, при котором обеспечено производство и воспитание потомства и наследование, нельзя сделать ограниченным — либо в зависимости от согласия, либо на определенное время, либо при определенных условиях, подобно любым другим добровольным соглашениям? Ведь в самой природе вещи, равно как и для ее цели, нет необходимости, чтобы это было всегда пожизненным. Я имею в виду тех, кто не подвержен ограничениям какого-либо положительного закона, предписывающего, чтобы все подобные договоры были вечными.

82. Но так как муж и жена, хотя они и имеют одну общую заботу, все же думают по-разному, то они неизбежно иногда будут проявлять и различную волю; поскольку необходимо, чтобы окончательное решение, i. e. руководство, было возложено на кого-либо, то оно, естественно, падает на долю мужчины как более способного и более сильного. Но это распространяется только на то, что относится к их общим интересам и собственности, и оставляет жене полное и свободное владение тем, что по договору составляет ее особое право, и дает мужу не большую власть над ее жизнью, чем она имеет над его жизнью. *Власть мужа* настолько далека от власти абсолютного монарха, что *жена* во многих случаях свободна разойтись с ним, когда естественное право или их договор допускают это, независимо от того, был ли этот договор заключен ими самими в естественном состоянии или по обычаям и законам страны, в которой они живут; и дети в случае такого раздельного жительства отходят к отцу или матери в соответствии с тем, что предписывает договор.

83. Так как все цели *брака* могут быть осуществлены при политическом правлении, равно как и в естественном состоянии, то гражданский правитель не умаляет ни права, ни власти каждого из тех, кто, естественно, необходим

для этих целей, viz. для произведения потомства и для взаимной поддержки и помощи, пока они находятся вместе, но только разрешает любой спор, который может возникнуть между мужем и женой по этому поводу. Если бы дело обстояло иначе и абсолютное *главенство* и власть над жизнью и смертью, естественно, принадлежали мужу и были бы *необходимы для общества мужа и жены*, то не могло бы быть брака ни в одной из тех стран, где мужу не дана такая абсолютная власть. Но цели брака не требуют, чтобы муж был облечен такой властью, и условие *брачного сообщества* не дает ему ее, поскольку в ней в данной ситуации нет никакой необходимости. *Брачное сообщество* может существовать и достигать своих целей без этого; ведь общность имущества и право распоряжаться им, взаимная помощь и поддержка и все прочее, относящееся к *брачному сообществу*, могут изменяться и регулироваться тем договором, который соединяет мужчину и женщину в это сообщество в той мере, в какой это связано с произведением на свет потомства и воспитанием детей до тех пор, пока они не станут самостоятельными; ничто не является необходимым ни для какого общества, если это не необходимо для тех целей, ради которых данное общество создано.

84. *Сообщество между родителями и детьми* и различные права и власть, соответственно принадлежащие им, я настолько подробно рассмотрел в предыдущей главе, что мне нет необходимости говорить что-либо об этом здесь. И мне думается, совершенно очевидно, что это значительно отличается от политического общества.

85. *Хозяин и слуга* — эти названия так же стары, как и история, но они относятся к людям, находящимся в совершенно различных условиях; так, например, свободный человек делает себя слугой другого, продав ему на некоторое время те услуги, которые он обязуется выполнять взамен той платы, которую он получит; и хотя это обычно связано с тем, что он входит в семью своего хозяина и подчиняется установленному там порядку, но тем не менее это дает хозяину только временную власть над ним, причем не превышающую то, что содержится в заключенном между ними *договоре*. Но существует другой род слуг, которых мы называем особым именем *рабы*: это пленные, взятые в справедливой войне, и по естественному праву они находятся в абсолютном подчинении и под деспотической властью своих хозяев. Эти люди, как я сказал, утратили право на свою жизнь и вместе с этим свою свободу и потеряли свое имущество; и, находясь в *состоянии рабства*, они

не могут иметь какой-либо собственности; следовательно, в этом состоянии их нельзя считать какой-либо частью *гражданского общества*, главной целью которого является сохранение собственности.

86. Теперь мы рассмотрим *главу семьи* со всеми этими подчиненными и родней — *женой, детьми, слугами и рабами*, которые объединены под домашним правлением в семье; все это, как бы оно ни было похоже по своему порядку, обязанностям и числу на небольшое государство, все же весьма далеко от него как по устройству, власти, так и по цели; или же, если это рассматривать как монархию, а *paterfamilias*¹⁷ — как абсолютного монарха, то подобная абсолютная монархия будет обладать очень неустойчивой и кратковременной властью, поскольку уже ясно из вышеизложенного, что *глава семьи* обладает весьма определенной и по-разному ограниченной как в отношении времени, так и в отношении размера властью над теми несколькими лицами, которые составляют эту семью; ведь если не считать рабов (а семья является в одинаковой степени семьей, и его власть как *paterfamilias* так же велика независимо от того, имеются ли в этой семье рабы или нет), то он не обладает законодательной властью над жизнью и смертью никого из них и вообще не имеет никакой власти, которой бы не могла обладать *в семье и хозяйка*. И совершенно несомненно, что не может иметь никакой абсолютной власти над всей *семьей* тот, кто обладает лишь весьма ограниченной властью над каждой отдельной личностью, входящей в эту семью. Но насколько *семья* или какое-либо подобное общество людей отличаются от того, что является собственно *политическим обществом*, мы лучше всего увидим, рассмотрев, из чего состоит само *политическое общество*.

87. Человек рождается, как было уже доказано, имея право на полную свободу и неограниченное пользование всеми правами и привилегиями естественного закона в такой же мере, как всякий другой человек или любые другие люди в мире, и он по природе обладает властью не только охранять свою собственность, т. е. свою жизнь, свободу и имущество, от повреждений и нападений со стороны других людей, но также судить и наказывать за нарушение этого закона других, как того заслуживает, по его убеждению, данное преступление, даже смертью, в тех случаях, когда гнусность поступка, по его мнению, этого требует. Но поскольку ни одно *политическое общество* не может ни быть, ни существовать, не обладая само правом охранять собственность и в этих целях наказывать преступления

всех членов этого общества, то *политическое общество* налицо там, и только там, где каждый из его членов отказался от этой естественной власти, передав ее в руки общества во всех случаях, которые не препятствуют ему обращаться за защитой к закону, установленному этим обществом. И таким образом, всякий частный суд каждого отдельного члена исключается, и общество становится третейским судьей, устанавливая постоянные правила, беспристрастные и одни и те же для всех сторон, и с помощью людей, получивших от общества полномочия проводить в жизнь эти правила, разрешает все разногласия, которые могут возникнуть между любыми членами этого общества в отношении всякого правового вопроса, равно как и наказывает те преступления, которые любой член общества совершил по отношению к обществу, такими карами, которые установлены законом. Вследствие этого легко различить, кто находится и кто не находится вместе в *политическом обществе*. Те, кто объединены в одно целое и имеют общий установленный закон и судебное учреждение, куда можно обращаться и которое наделено властью разрешать споры между ними и наказывать преступников, *находятся в гражданском обществе*; но те, кто не имеют такого общего судилища, я имею в виду — на земле, все еще находятся в естественном состоянии, при котором каждый, когда нет никого другого, сам является судьей и палачом, а это, как я уже показал, и есть совершенное *естественное состояние*.

88. Таким образом, государство получает власть устанавливать, какое наказание должно полагаться за различные нарушения, совершенные членами этого общества, и какие нарушения того заслуживают (это есть *законодательная власть*), так же как оно обладает властью наказывать за ущерб, нанесенный любому из его членов любым из тех, кто не входит в это общество (это *власть* решать вопросы *войны и мира*), и все это для сохранения собственности всех членов общества, насколько это возможно. Но хотя каждый человек, вступивший в гражданское общество и ставший членом какого-либо государства, тем самым отказался от своей власти наказывать преступления против закона природы и осуществлять свое собственное частное правосудие, все же вместе с правом судить за преступления, которое он передал законодательной власти во всех случаях, когда он может обратиться к суду, он дал право государству употреблять его силу для исполнения приговоров государства в тех случаях, когда его к этому призывают: ведь эти приговоры являются его собственными,

так как они вынесены им самим или его представителями. И здесь мы имеем первоначало *законодательной* и *исполнительной* власти гражданского общества, которой надлежит определять на основании постоянных законов, в какой мере должны наказываться преступления, когда они совершены внутри государства, а также определять с помощью решений, принимаемых в каждом отдельном случае на основании обстоятельств данного дела, в какой мере должен возмещаться ущерб, нанесенный извне, и в обоих этих случаях употреблять силу всех членов общества, когда это потребуется.

89. Следовательно, когда какое-либо число людей так объединено в одно общество, что каждый из них отказывается от своей исполнительной власти, присущей ему по закону природы, и передает ее обществу, то тогда, и только тогда, существует *политическое, или гражданское, общество*. И это происходит, когда какое-либо число людей, находящихся в естественном состоянии, вступает в общество, чтобы составить один народ, одно политическое тело под властью одного верховного правительства, или когда кто-либо присоединяется к ним и принимается в какое-либо уже существующее государство. Тем самым он уполномочивает общество или, что все равно, его законодательную власть создавать для него законы, каких будет требовать общественное благо; он должен способствовать исполнению этих законов (как своим собственным установлением). И это *переносит людей* из естественного состояния *в государство*, поскольку на земле появляется судья, имеющий власть разрешать все споры и возмещать любой ущерб, который может быть нанесен любому члену государства; этим судьей является законодательная власть или назначенное ею должностное лицо. В тех же случаях, когда есть какое-то число людей, хотя бы и связанных между собой, но не имеющих такой принимающей решения власти, к которой они могли бы обратиться, они все еще находятся в *естественном состоянии*.

90. Отсюда очевидно, что *абсолютная монархия*, которую некоторые считают единственной формой правления в мире, на самом деле *несовместима с гражданским обществом* и, следовательно, не может вообще быть формой гражданского правления. Ведь *цель гражданского общества* состоит в том, чтобы избежать и возмещать те неудобства естественного состояния, которые неизбежно возникают из того, что каждый человек является судьей в своем собственном деле. Это достигается путем установления известного

органа власти, куда каждый член этого общества может обратиться, понеся какой-либо ущерб или в случае любого возникшего спора, и этому органу должен повиноваться каждый член этого общества *. В тех случаях, когда существуют какие-либо лица, не имеющие такого органа, к которому они могли бы обратиться для разрешения каких-либо разногласий между ними, эти лица все еще находятся в *естественном состоянии*. И в таком состоянии находится каждый *абсолютный государь* в отношении тех, кто ему *подвластен*.

91. Ведь предполагается, что он, и только он, обладает всей, и законодательной и исполнительной, властью и нельзя найти никакого судьи, не к кому обратиться, кто бы мог справедливо и беспристрастно решить дело, обладая необходимыми полномочиями, и от чьего решения можно было бы ожидать помощи и возмещения любого ущерба или неудобства, которые можно претерпеть от самого государя или по его приказу. И таким образом, подобный человек, как бы он ни назывался — *царь*, или *владелецный сеньор*, или еще как-нибудь, в такой же степени находится в *естественном состоянии* по отношению ко всем, кто ему подвластен, как и по отношению ко всему остальному человечеству. Ведь во всех случаях, когда имеются два каких-либо человека, у которых нет ни постоянного правила, ни общего судьи, к которому они могли бы обратиться на земле для решения их споров о том, кто из них прав, они все еще находятся в *естественном состоянии* ** и испытывают все неудобства этого с одной лишь прискор-

* «Общественная власть всего общества выше любого человека, входящего в это общество; и основное назначение этой власти в том, чтобы давать законы всем, кто ей подчиняется, и этим законам в таких случаях мы должны повиноваться, если только нет причин, из которых по необходимости явствовало бы, что закон разума или бога утверждает обратное» (Гукер. Церковн. полит., кн. I, разд. 16).

** «Для того чтобы устранили все такие взаимные жалобы, оскорбления и обиды», т. е. то, что сопутствует людям в естественном состоянии, «не было никакого иного способа, кроме как достичь согласия и соглашения среди самих себя путем установления своего рода общественного правления и подчинения ему, с тем чтобы те, кого они наделили властью управлять и выносить решения, обеспечивали остальным мир, покой и счастливое состояние. Людям всегда было известно, что в тех случаях, когда проявлялась сила и наносился им ущерб, они сами могли быть своими защитниками; они знали, что как бы люди не стремились к своей выгоде, но если это делалось в ущерб другим, то этого не должно было терпеть, и все люди всеми допустимыми средствами должны этому препятствовать. Наконец, они знали, что ни один человек, находящийся

бной разницей для подданного или, скорее, раба абсолютного повелителя: в обычном естественном состоянии он волен сам судить о своем праве и поддерживать его, насколько в его силах; теперь же, когда его собственностью распоряжается воля и каприз его монарха, ему не только некуда обратиться, как это следует делать тем, кто живет в обществе, но он лишен свободы судить о своем праве или защищать его, как если бы он стоял на ступень ниже обычного состояния разумных существ; и, таким образом, он подвержен всем бедствиям и неудобствам, которых может опасаться человек от того, кто, находясь в ничем не ограниченном естественном состоянии, еще и развращен лестью и облечен властью.

92. Тому же, кто полагает, что *абсолютная власть очищает кровь* людей и исправляет низость человеческой натуры, достаточно хотя бы прочитать историю нашей или любой другой эпохи, чтобы убедиться в противном. Тот, кто был бы наглым и несправедливым в лесах Америки, вряд ли стал бы лучше на троне, где, вероятно, привлекут науку и религию, чтобы оправдать все, что он будет творить в отношении своих подданных, а меч заставит сразу же замолчать тех, кто осмелится сомневаться в этом. К чему приводит *защита абсолютной монархии*, каких отцов отечества она делает из государей и до какой степени счастья и безопасности она доводит гражданское общество, в котором достиг совершенства этот род правления, легко увидит тот, кто ознакомится с недавним рассказом о Цейлоне¹⁸.

93. В самом деле, в *абсолютных монархиях*, так же как и при других формах правления, существующих в мире, подданные имеют право обращаться к закону, а судьи вольны разрешать любые споры и сдерживать любое насилие, которое может проявиться среди самих подданных, между одним и другим. Подобное положение всякий считает необходимым и верит, что тот, кто решит уничтожить его, будет отъявленным врагом общества и человечества.

в здравом уме, не может взять на себя определение своего собственного права и согласно своему собственному решению отстаивать это право, поскольку каждый человек в отношении себя самого, равно как и в отношении тех, кого он любит, пристрастен; и следовательно, ссоры и неприятности будут бесконечны, если только люди не дадут своего общего согласия на то, чтобы все определялось теми, кого они сообща выделяют и без чьего согласия не может быть основания для того, чтобы один человек решил стать господином или судьей другого» (*Гужер*. Церкви. полит., кн. I, разд. 10).

Но происходит ли это от подлинной любви к человечеству и к обществу и от того милосердия, которое мы должны проявлять друг к другу, — в этом можно сомневаться: ведь это не больше, чем то, что каждый человек, который любит свое могущество, выгоду или величие, может и, естественно, должен делать, — не давать вредить друг другу или уничтожать друг друга тем животным, которые трудятся и надрываются только ради его удовольствия и выгоды; и поэтому о них заботятся не из любви, которую хозяин якобы к ним питает, но из любви хозяина к самому себе и ради той выгоды, которую они ему приносят. Ведь стоит только спросить, какая защита, *какое ограждение* существует в подобном состоянии *против насилия и угнетения со стороны этого абсолютного владыки*? Самый вопрос уже вряд ли является допустимым. Они готовы ответить вам, что за самую просьбу о безопасности полагается смерть. Между подданным и подданным, согласятся они, должны существовать правила, законы и судьи ради их взаимного мира и безопасности. Но во всем, что касается *правителя*, он должен быть *абсолютным*, и он выше всех подобных обстоятельств; поскольку он обладает властью причинять больший ущерб и творить больше зла, то, когда он это делает, это справедливо. Если вы спросите, как можно защититься от вреда или ущерба с той стороны, откуда творит их эта самая сильная десница, то это сочтут голосом крамолы и мятежа. Как будто бы люди, оставив естественное состояние и вступив в общество, согласились, что все, кроме одного, должны удерживаться законами, но что он, этот один, должен по-прежнему сохранять всю свободу естественного состояния, увеличившуюся вместе с властью и превратившуюся в распущенность вследствие безнаказанности. Это все равно что думать, будто люди настолько глупы, что они стараются избежать вреда от *хорьков* или *лис*, но довольны и даже считают себя в безопасности, когда их пожирают *львы*.

94. Но что бы ни болтали льстецы с целью отвлечь умы людей, это не мешает людям чувствовать; и когда они замечают, что какой-либо человек, независимо от того, какое положение он занимает, вышел из границ гражданского общества, в котором они живут, и что им не к кому обратиться на земле за защитой от того зла, которое он им может причинить, то они начинают думать, что сами находятся в естественном состоянии по отношению к тому человеку, который, как они считают, находится в таком состоянии, и стараются так скоро, как только могут, обрести

ту безопасность и защиту в гражданском обществе, для которых оно было первоначально учреждено и ради которых только они в него вступили. И поэтому, хотя, возможно, вначале (как будет показано более подробно в дальнейшей части этого рассуждения) какой-то один добродетельный и превосходный человек, выделившийся среди остальных, из уважения к его хорошим качествам и добродетелям как к своего рода естественному авторитету был отмечен тем, что бразды правления, равно как и вынесение решений по их спорам, по молчаливому согласию перешли в его руки без каких-либо иных мер предосторожности, кроме уверенности в его справедливости и мудрости, все же когда время, придающее авторитет и (как пытаются убеждать нас некоторые) святость обычаям, которые возникли благодаря небрежности и простодушной непредусмотрительности первых веков, породило преемников иного склада, то народ нашел, что его собственность не находится в безопасности при том правлении, какое было (в то время как правление не имеет иной цели, кроме сохранения собственности), и что он не мог пользоваться ни безопасностью, ни покоем, ни считать, что живет в гражданском обществе, до тех пор пока законодательная власть не была отдана в руки коллективного органа, который можно называть сенатом, парламентом или как угодно *. Благодаря этому каждое отдельное лицо стало наравне с другими, самыми ничтожными людьми подданным тех законов, которые оно само как член законодательного органа установило; точно так же никто не мог по своей собственной власти избежать силы закона после того, как этот закон был создан. Не мог никто также под предлогом превосходства просить об исключении для собственных нарушений или для нарушений, совершенных кем-либо из его близких. Ни для одного человека, находящегося в гражданском обществе, не может быть сделано исключения из законов

* «Первоначально, когда однажды был одобрен определенный порядок, то возможно, что тогда ничего больше не думали относительно образа правления, но все предоставлялось мудрости и благоразумию тех, которые должны были править, пока люди на опыте не обнаружили, что это очень неудобно для всех заинтересованных сторон, так что вещь, которую они изобрели в качестве лекарства, на самом деле только увеличила ту язву, которую должна была излечить. Они увидели, что причиной всех человеческих несчастий стало то, что люди жили по воле одного человека. Это принудило их создать законы, благодаря которым все люди могли заранее видеть свои обязанности и знать, какие наказания влечет за собой их нарушение» (Гукер. Церковн. полит., кн. I, разд. 10).

этого общества *. Ведь если какой-либо человек может делать все, что ему заблагорассудится, и на земле не будет места, куда можно было бы обратиться для исправления причиненного им зла или для защиты от него, то, спрашивая я, не будет ли такой человек все еще полностью в естественном состоянии; но тем самым он не может быть ни частью, ни членом этого гражданского общества, если только кто-либо не станет утверждать, что естественное состояние и гражданское общество — это одно и то же; но до сих пор я еще не нашел ни одного столь страстного приверженца анархии, который бы стал на этом настаивать.

Глава VIII

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

95. Поскольку люди являются, как уже говорилось, по природе свободными, равными и независимыми, то никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного *согласия*. Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и *надевает на себя узы гражданского общества*, — это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества. Это может сделать любое число людей, поскольку здесь нет ущерба для свободы остальных людей, которые, как и прежде, остаются в естественном состоянии свободы. Когда какое-либо число людей таким образом *согласилось создать сообщество* или государство, то они тем самым уже объединены и составляют *единый политический организм*, в котором *большинство* имеет право действовать и решать за остальных.

96. Ведь когда какое-либо число людей создало с согласия каждого отдельного лица *сообщество*, то они тем самым сделали это *сообщество* единым организмом, обладающим правом выступать как единый организм, что может происходить только по воле и решению *большинства*.

* «Гражданский закон, являющийся актом государства в целом, тем самым имеет власть над каждой из отдельных частей этого государства» (*Гукер*. Церковн. полит., кн. I, разд. 10).

Ведь то, что приводит в действие какое-либо сообщество, есть лишь согласие составляющих его лиц, а поскольку то, что является единым целым, должно двигаться в одном направлении, то необходимо, чтобы это целое двигалось туда, куда его влечет большая сила, которую составляет *согласие большинства*: в противном случае оно не в состоянии выступать как единое целое или продолжать оставаться единым целым, *единым сообществом*, как на то согласились все объединенные в него отдельные лица; и, таким образом, каждый благодаря этому согласию обязан подчиняться *большинству*. И вот почему мы видим, что в законодательных собраниях, облеченных властью силою положительных законов, в тех случаях, когда в положительном законе, который облек их властью, не указано число, *действие большинства* считается действием целого и, разумеется, определяет силу целого, которой по закону природы и разума оно обладает.

97. И таким образом, каждый человек, согласившись вместе с другими составить единый политический организм, подвластный одному правительству, берет на себя перед каждым членом этого сообщества обязательство подчиняться решению *большинства* и считать его окончательным; в противном же случае этот *первоначальный договор*, посредством которого он вместе с другими вступил в одно общество, не будет что-либо значить и вообще не будет договором, если этот человек останется свободным и не будет иметь никаких иных уз, кроме тех, которые он имел, находясь в естественном состоянии. Ведь как тогда будет выглядеть любой договор? Какое это будет новое обязательство, если человек будет связан любыми постановлениями общества лишь постольку, поскольку он сам это считает удобным и дал на это свое согласие? Ведь тогда он будет все еще пользоваться такой же свободой, какой он пользовался до этого договора или какой пользуется человек, находящийся в естественном состоянии, который может побудить себя и согласиться на любые действия, если он считает их подходящими для себя.

98. Ведь если *согласие большинства* не будет разумно восприниматься как *действие целого* и не будет обязательным для каждого отдельного человека, то ничто, за исключением согласия каждого индивидуума, не сможет сделать что-либо действием целого, но достижение подобного согласия вряд ли является возможным, если мы примем во внимание болезни и деловые обстоятельства, которые значительно количеству людей, хотя это число и будет на-

много меньше всех членов общества, по необходимости не дают возможности присутствовать на общем собрании. Если же к этому добавить разнообразие мнений и противоположность интересов, которые неизбежно наличествуют всегда, когда люди собираются вместе, то создание общества при подобных условиях будет напоминать только приход Катона в театр, который пришел лишь для того, чтобы сейчас же уйти¹⁹. Подобное устройство сделает могучего *Левиафана*²⁰ менее долговечным, чем самые слабые существа, и он не переживет даже дня своего рождения, а это можно предположить только в том случае, если мы сможем допустить, что разумные существа пожелают создавать общества лишь для того, чтобы они распались; ведь если *большинство* не может решать за всех, то такие общества не могут выступать как единое целое, и, следовательно, они немедленно вновь распадутся.

99. Следовательно, подразумевается, что все, кто из естественного состояния объединяется в *сообщество*, отказываются в пользу *большинства* этого сообщества от всякой власти, необходимой для осуществления тех целей, ради которых они объединились в общество, если только они не договорились совершенно определенно о каком-либо числе, превышающем простое большинство. И все это совершается посредством одного лишь согласия на *объединение в единое политическое общество*, а это и есть весь тот *договор*, который существует или должен существовать между личностями, вступающими в *государство* или его создающими. И таким образом, то, что является началом *всякого политического общества* и фактически его *составляет*, — это всего лишь согласие любого числа свободных людей, способных образовать большинство, на объединение и вступление в подобное общество. И именно это, и только это, дало или могло дать *начало* любому *законному правлению* в мире.

100. На это мне делают два возражения.

Первое, «что не имеется примеров в истории, чтобы какая-либо группа людей, независимых и равных друг другу, сошлась и подобным образом учредила правительство».

Второе, «невозможно с точки зрения права, чтобы люди поступили подобным образом, поскольку все люди, будучи рожденными под властью какого-либо правительства, должны повиноваться ему и не свободны учреждать новое».

101. На первое я отвечу, что нет ничего удивительного, что *история* лишь очень мало сообщает нам о людях, которые *жили вместе в естественном состоянии*. Неудобства

подобного состояния, а также любовь к обществу и желание его вызвали то, что стоило какому-либо количеству людей встретиться, как они сразу же объединялись и вступали в соглашение, если они решали быть вместе. Если же мы не можем предположить, что *люди* когда-то были в *естественном состоянии*, лишь на том основании, что мы мало об этом слышали, то мы в равной мере можем предположить, что солдаты армий Салманасара или Ксеркса ²¹ никогда не были детьми, потому что мы мало слышали о них до того, как они стали взрослыми мужчинами и составили армии. Государственный строй повсюду предшествует летописям, и литература редко появляется у народа, прежде чем длительное существование гражданского общества при помощи других более необходимых искусств обеспечило безопасность, удобства и изобилие для народа, и люди только тогда начинают интересоваться историей *основателей* своего государства и ищут его источник, когда из их памяти уже изгладилось воспоминание о нем. Ведь с *государствами* происходит то же, что и с отдельными лицами: они обычно не имеют никакого представления о своем рождении и младенчестве. А если им что-либо и известно о происхождении их государства, то они обязаны этим случайным записям, которые велель другими. Что же касается записей, которыми мы располагаем, о появлении какого-либо государства в мире, за исключением тех, где говорится о государстве евреев, когда непосредственно вмешался сам бог, причем эти записи не в пользу отцовской власти, то все они либо являются очевидными примерами такого начала, о котором я говорил, либо по крайней мере в них имеются явные следы его.

102. Тот, кто не допускает, что *возникновение* Рима и Венеции произошло путем объединения нескольких свободных и независимых друг от друга людей, среди которых не было ни естественного превосходства, ни подчиненности, тот должен обладать странной склонностью к отрицанию очевидных фактов, когда они не согласуются с его гипотезой. И если можно верить словам Джозефа Акосты ²², то он говорит нам, что во многих частях Америки вообще не было никакого государственного правления. «Имеются весьма веские и явные основания,— говорит он,— предполагать, что эти люди, а именно перуанцы, в течение длительного времени не имели ни королей, ни государств, а жили группами, как еще до сих пор живут во Флориде чериканы, индейцы Бразилии и многие другие нации, которые не имеют постоянных королей, но в случае

необходимости в мирное или военное время выбирают своих руководителей по собственному желанию» (кн. I, гл. 25). Если скажут, что каждый человек там родился подданным своего отца или главы семьи, то уже было доказано, что повиновение, которое ребенок оказывал отцу, не отнимало у него свободы вступить в то политическое общество, которое он считал подходящим. Но как бы то ни было, эти люди, совершенно очевидно, были действительно свободны; и какое бы превосходство некоторые политики теперь ни приписывали кому-нибудь из них, они сами на это не претендовали, но по согласию были все равными, до тех пор пока по тому же согласию они не устанавливали у себя правителей. Таким образом, их политические общества все начались с добровольного союза и с взаимного соглашения людей, действующих свободно при выборе своих правителей и форм правления.

103. И я надеюсь, что тем, кто покинул Спарту вместе с Фалантом, о чем говорится у Юстина (кн. III, гл. 4), будет позволено быть свободными людьми, независимыми друг от друга, и создать государственное правление по своему собственному соглашению²³. Таким образом, я привел из истории несколько примеров свободных людей, находящихся в естественном состоянии, которые, собравшись вместе, объединились и положили начало государству. И если отсутствие подобных примеров может служить аргументом, доказывающим, что государственный строй не начинался и не мог начаться таким образом, то я полагаю, что защитникам отцовской империи лучше не прибегать к подобному доказательству и не выдвигать его против естественной свободы. Ведь если они могут привести так много примеров из истории, когда государства создавались на основе отцовского права (хотя в лучшем случае аргумент, посредством которого на основе того, что было, доказывается то, что по праву должно быть, не имеет большой силы), то, мне думается, можно было бы без особой опасности уступить им в этом вопросе. Однако если мне позволено давать советы в этом случае, то им лучше было бы не слишком уж старательно разыскивать источник происхождения государств, как они уже начали *de facto*, а то ведь они найдут при основании большинства из этих государств нечто очень мало благоприятствующее той идее, которую они проводят, и той власти, которую они защищают.

104. В заключение следует сказать: разум совершенно очевидно на нашей стороне, и он говорит, что люди по

природе свободны, а исторические примеры показывают, что те *государства*, которые возникли на земле мирным путем, брали свое начало из этой основы и были *созданы соглашением людей*. Остается мало места для сомнений в том, на чьей стороне правда или каковы были мнение и практика человечества при *создании первых государств*.

105. Я не буду отрицать, что если мы оглядываемся назад настолько, насколько это нам позволяет история, к истокам происхождения *государств*, то мы обычно обнаруживаем, что они находились под властью и управлением одного человека. И я также склонен полагать, что в тех случаях, когда семья была достаточно многочисленной, чтобы содержать самое себя, и продолжала существовать как сплоченное целое, не смешиваясь с другими, как это часто бывает там, где имеется много земли и мало людей, правление обычно начиналось с отца. Ведь отец, обладая по закону природы той же властью, что и всякий другой человек, — наказывать в необходимых, по его мнению, случаях за любые нарушения этого закона, — мог, следовательно, наказывать своих непокорных детей даже и тогда, когда они уже были взрослыми и самостоятельными; и весьма возможно, что и они так же покорно принимали наказание от него и все объединялись вместе с ним против преступника, в свою очередь давая отцу тем самым власть выполнять свой приговор в случае какого-либо проступка, и тем самым фактически делали его законодателем и правителем всех, кто оставался в составе его семьи. Ему более чем кому-либо можно было доверять; отцовская любовь охраняла их собственность и их интересы, которые находились на его попечении; а привычка повиноваться ему с детства облегчала повиновение скорее именно ему, чем кому-нибудь другому. И следовательно, если они должны были иметь кого-либо, кто управлял бы ими, поскольку правления трудно избежать среди живущих вместе людей, то кто же, как не их общий отец, мог быть скорее всего этим человеком, если только небрежность, жестокость или какой-либо другой душевный или телесный недостаток не делали его непригодным для этого? Но в тех случаях, когда либо умирал отец и оставлял наследника, который по малолетству, недостатку ума, мужества или каких-либо других качеств менее всего был пригоден для управления, либо когда встречались несколько семейств и решали продолжать жить совместно, можно не сомневаться, что они использовали свою естественную свободу для выбора того, кого они считали наиболее способным и наиболее подхо-

дящим для того, чтобы хорошо управлять ими. Этому соответствует то, что мы находим у народов Америки, которые (живя вне досягаемости мечей завоевателей и расширяющегося господства двух великих империй — Перу и Мексики) наслаждались своей природной свободой, хотя *caeteris paribus*²⁴ они обычно предпочитали наследника своего покойного короля; однако же если они обнаруживали его в каком-либо отношении слабым или неспособным, то обходили его и выбирали своим правителем самого крепкого и самого храброго.

106. Таким образом, хотя, оглядываясь назад на такое расстояние, какое допускают летописи, сохранившие сведения о заселении земного шара, и история народов, мы обычно обнаруживаем, что *правление* находилось в одних руках, однако это не опровергает того, что я утверждаю (*viz.*), что *зарождение политического общества* зависит от согласия отдельных лиц объединиться и создать одно общество и эти лица, когда они подобным образом вступили в соглашение, могут установить любую, по их мнению пригодную, форму правления. Но поскольку это дало повод людям ошибаться и полагать, что по самой своей природе правление было монархическим и принадлежало отцу, постольку не будет неуместно рассмотреть здесь, почему люди вначале обычно останавливались на этой форме; и хотя, возможно, верховенство отца могло при первоначальном учреждении некоторых государств привести к возникновению и сосредоточению вначале власти в одних руках, но все же совершенно очевидно, что причиной продолжения такой формы *правления*, когда оно осуществляется *одним лицом*, было не почтение или уважение к отцовскому авторитету; ведь все мелкие монархии, т. е. почти все *монархии*, недалеко ушедшие от своего первоначала, были обычно или хотя бы иногда *выборными*.

107. Прежде всего сначала правление отца во время детства его отпрысков приучило их к руководству *одного человека*, и они усвоили, что там, где оно проводится с заботой и умением, с любовью и привязанностью к тем, кто находится под его руководством, этого вполне достаточно для достижения и обеспечения людям всего того политического счастья, которого они искали в обществе. Нет ничего удивительного, что они прибегли к этой форме правления и совершенно естественно на нее натолкнулись, ведь именно к такой форме они все привыкли с детства и по опыту знали, что она необременительна и надежна. Если же к этому мы добавим, что *монархия* является простой

и самой очевидной формой для людей, которых ни опыт не научил различным формам правления, ни тщеславие и бесстыдство империи не привели к осознанию того, что надо опасаться покушений на прерогативы и остерегаться неудобств абсолютной власти, на которую склонна претендовать и которую склонна навязывать им наследственная монархия, то нет ничего странного, что они не слишком утруждали себя размышлением о методах ограничения каких-либо беззаконий со стороны тех, кому дали над собой власть, и не старались уравновесить власть правительства путем передачи отдельных частей ее в разные руки. Они не чувствовали угнетения со стороны тиранической власти, и ни обычай их эпохи, ни их владения, ни их образ жизни (который предоставлял весьма мало пищи для алчности или честолюбия) не давали им никакого повода опасаться ее или от нее защититься; и вот почему нет ничего удивительного, что они создали себе такую *структуру правления*, которая, как я уже сказал, не только была самой очевидной и простой, но также лучше всего подходила к их настоящему положению и состоянию, когда они более нуждались в защите от иноземных вторжений и набегов, чем во многообразии законов. При одинаковости для всех простого, бедного образа жизни, когда желания людей сдерживались узкими пределами небольшой собственности каждого, оставалось мало поводов для споров и, следовательно, не было необходимости во многих законах для их разрешения. И тогда не нужна была система правосудия, поскольку было мало проступков и мало преступников. Следовательно, нельзя не предположить, что те, кто настолько нравились друг другу, что желали объединиться в общество, были связаны каким-либо знакомством и дружбой друг с другом и доверием друг к другу; они гораздо больше опасались остальных, чем друг друга, и, таким образом, нельзя не предположить, что их первой заботой и первой мыслью было — как защитить себя от иноземных сил. Для них было естественным создать для себя такую *форму правления*, которая бы лучше всего служила этой цели, и избрать самого мудрого и самого храброго, для того чтобы он предводительствовал ими в войнах, и вел их против врагов, и в этом главным образом был их *правителем*.

108. Так, мы видим, что у американских индейцев, где все еще наблюдается та же картина, как в первые века в Азии и в Европе, когда население было слишком мало-численным для страны и отсутствие жителей и денег не

толкало людей на увеличение своих земельных владений или на споры из-за стремления расширить размеры своих угодий, *короли* представляют собой немного больше, чем *генералы их армий*; и хотя на войне их власть абсолютна, дома и в мирное время они обладают весьма малой властью и весьма умеренным суверенитетом; решения о мире и войне обычно выносятся либо народом, либо в совете, хотя сама война, так как она не допускает многовластия, естественно, передает командование *только в руки короля*.

109. И также в самом Израиле *основным занятием судей и первых царей*, по-видимому, было *выступать в качестве полководцев на войне и предводителей армий*; это совершенно явственно выступает (помимо того, что на это указывается — «выходить и входить пред народом»²⁵, что означает, что они отправлялись на войну и возвращались домой во главе своих войск) в истории Иеффая. Аммонитяне пошли войной на Израиль, жители Галаада в страхе послали за Иеффаем, побочным отпрыском их семьи, которого они изгнали, и заключили с ним условие, что если он поможет им против аммонитян, то они сделают его своим правителем; это было выражено в следующих словах: «И народ поставил его над собой начальником и вождем» (Суд. 11, 11), что, по-видимому, было то же самое, как и быть *судьей*. «Иеффай был судьей Израиля» (Суд. 12, 7), т. е. был их вождем, «шесть лет». И когда Иофам порицает сихемитов, напоминая, как обязаны они были Гидеону, который был их *судьей* и правителем, то он говорит им: «За вас отец мой сражался, не дорожил жизнью своею, и избавил нас от руки Маданитян» (Суд. 19, 17). О нем говорится только то, что он совершил в качестве *полководца*: и действительно, это все, что мы можем найти в его истории или в остальной части Книги судей. И Авимелеха преимущественно называют *царем*, хотя он, самое большее, был *полководцем*. И когда наконец, устав от дурного поведения сыновей Самуила, дети Израиля пожелали иметь царя, «как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши» (1 Цар. 8, 20), то бог, удовлетворяя их желания, говорит Самуилу: «Я пришлю к тебе человека из земли Вениаминовой, и ты помажь его в правителя народу моему — Израилю, и он спасет народ мой от руки Филистимлян» (9, 16), как если бы единственное *занятие царей* — это предводительствовать их армиями и сражаться, защищая их; соответственно и Самуил при помазании Саула, выливая на него елей из сосуда, говорит ему: «Господь помазывает тебя в правите-

ли наследия своего» (10, 1). Вот почему, после того как Саул торжественно был избран *царем* и ему отдали почести племени в Массифе, те, кто не хотел иметь его своим царем, не делали никаких возражений, кроме следующего: «Ему ли спасать нас?» (10, 27), как если бы они хотели сказать, что этот человек не подходит для того, чтобы быть их *царем*, так как не обладает достаточными военными способностями и опытом, чтобы быть в состоянии защитить их. А когда Господь решил передать власть Давиду, то об этом говорится в следующих словах: «Но теперь не устоять царствованию твоему; Господь найдет себе мужа по сердцу своему, и повелит ему Господь быть вождем народа своего» (13, 14), как будто бы вся *царская власть* сводилась к тому, чтобы быть их *полководцем*. И вот почему те *колена*, которые остались верными семье Саула и сопротивлялись правлению Давида, придя в Хеврон и заявляя о своем подчинении Давиду, среди прочих доводов в пользу того, что они должны повиноваться ему как своему царю, указывают на то, что он действительно был их *царем* во времена Саула и что, следовательно, у них нет оснований не признать его теперь своим *царем*. «Еще вчера,— сказали они,— и третьего дня, когда Саул царствовал над нами, ты выводил и вводил Израиля; и сказал Господь тебе: «ты будешь пасти народ мой Израиля, и ты будешь вождем Израиля»»²⁶.

110. Следовательно, происходило ли дело таким образом, что *семья* постепенно *вырастала и становилась государством*, и отцовская власть передавалась старшему сыну, и каждый в свою очередь рос под этой властью и молчаливо ей повиновался, и необременительность ее и беспристрастие не обижали никого, и каждый с ней соглашался, пока время, по-видимому, не утвердило это и не установило право наследования в силу давности обычая; или же несколько семейств или потомки нескольких семейств, оказавшиеся вместе по воле случая, или в силу соседства, или по деловым обстоятельствам, объединились в общество, и необходимость в полководце, под водительством которого они могли бы защитить себя от врагов на войне, и то огромное доверие, которое люди питали друг к другу в эту бедную, но добродетельную эпоху в силу ее простодушия и искренности (таковы почти все эпохи, когда создаются государства, которые впоследствии существуют длительное время), побуждали первых основателей государств обычно сосредоточивать власть в руках одного человека без каких-либо четких границ или пределов, кро-

ме тех, каких требовал характер дела и цель правления; независимо от того, по какой из этих причин власть была первоначально вложена в руки одного лица, несомненно, что, кому бы она ни доверялась, это делалось лишь ради общественного блага и безопасности и именно в этих целях в те времена, когда государства находились в младенчестве, лица, обладавшие этой властью, обычно ее и использовали. А если бы они так не поступали, то молодые общества не могли бы существовать; не имея подобных отцов-кормильцев, заботливых и внимательных к общественному благу, все государства разрушились бы от слабости и болезни своего младенчества; и государь и народ вскоре погибли бы вместе.

111. Но хотя *золотой век* (прежде, чем пустое тщеславие и amor sceleratus habendi²⁷, злое вожеление, развратили людские умы и создали ошибочное представление о власти и чести) обладал большей добродетелью, а следовательно, лучшими правителями, равно как и менее порочными подданными, и тогда, с одной стороны, *не было превышения власти* для угнетения народа и, как следствие, не было, с другой стороны, какого-либо *спора о привилегиях* для уменьшения или ограничения власти должностных лиц *, и, таким образом, не было споров между повелителями и народом о правителях или о правлении; и все же, когда честолюбие и роскошь последующих веков стали удерживать и увеличивать власть, не делая того, ради чего эта власть была дана, и при помощи лести приучили правителей иметь собственные и отдельные от их народа интересы, тогда люди сочли необходимым более тщательно изучить *происхождение* и права *правительства* и найти способ *ограничить беззакония* и *предотвратить злоупотребление* той властью, которую они передали в другие руки лишь ради своего блага, но которую стали использовать им во вред.

* «Первоначально, когда однажды был одобрен определенный порядок, то возможно, что тогда ничего больше не думали относительно образа правления, но все предоставлялось мудрости и благоразумию тех, которые должны были править, пока люди на опыте не обнаружили, что это очень неудобно для всех заинтересованных сторон, так как вещь, которую они изобрели в качестве лекарства, на самом деле только увеличила ту язву, которую должна была излечить. Они увидели, что причиной всех человеческих несчастий стало то, что люди жили по воле одного человека. Это принудило их создать законы, благодаря которым все люди могли заранее видеть свои обязанности и знать, какие наказания влечет за собой их нарушение» (*Гукер. Церковн. полят., кн. I, разд. 10*).

112. Таким образом, мы можем видеть, насколько вероятно, что люди, которые были от природы свободными и по собственному согласию либо покорились правлению своего отца, либо объединились как представители нескольких семейств, чтобы создать государство, обычно передавали *власть в руки одного человека* и предпочитали повиноваться *одному лицу*, не ограничивая и никак не регулируя его власть, так как они доверяли его честности и благоразумию, хотя им никогда не снилось, что монархия есть *jure divino*, о которой мы ничего не слышали от кого-либо из представителей человечества до тех пор, пока это откровение не было нам сделано богословием этого последнего века ²⁸; в равной мере люди никогда не допускали и того, чтобы отцовская власть имела право повелевать или являлась основанием всякого правления. Всего этого достаточно, чтобы показать, что в той мере, в какой мы обладаем какими-то историческими доказательствами, мы имеем основание заключить, что всякое мирное образование *государства имело в своей основе согласие народа*. Я говорю *мирное*, так как буду иметь случай говорить в другом месте о завоевании, которое некоторые считают способом происхождения государства.

Следующее возражение, которое, как я обнаружил, высказывается против образования государств тем способом, который я указывал, заключается в следующем.

113. «Поскольку все люди рождаются в том или ином государстве, то невозможно, чтобы кто-либо из них был когда-нибудь свободен и был волен объединиться с другими и положить начало новому государству или быть в состоянии создать законное правительство».

Если этот аргумент справедлив, то, спрашиваю я, каким же образом на свете появилось столько законных монархий? Ведь если кто-либо, исходя из этого предположения, может показать мне на земле какого-либо человека в любую эпоху, который *свободен* положить начало законной монархии, то мне придется показать ему десять других *свободных людей*, которые в то же время вольны объединиться и положить начало новому государству в форме монархии или какой-либо еще; тем самым показывается, что если кто-либо *родившийся под властью* другого может быть настолько *свободным*, чтобы обладать правом повелевать людьми в новой самостоятельной империи, то всякий *родившийся под властью* другого может быть столь же *свободен* и в состоянии сделаться повелителем или подданным в самостоятельном отдельном государстве. И таким

образом, согласно их собственному принципу, либо все люди, независимо от своего *рождения*, свободны, либо же на свете существует лишь один законный государь, одно законное правительство. И тогда им ничего не остается делать, как просто показать нам, какой именно; и когда они это сделают, то я не сомневаюсь, что все человечество охотно согласится ему повиноваться.

114. Хотя это достаточный ответ на их возражение, показывающий, что оно ставит их в столь же трудное положение, как и тех, против кого они его употребляют, я все же попытаюсь еще глубже раскрыть слабость этой аргументации.

«Все люди,— говорят они,— рождаются под властью какого-либо правительства, и поэтому они не могут свободно устанавливать новое. Каждый родится подданным своего отца или своего государя и поэтому связан вечными узами повиновения и верности». Совершенно очевидно, что человечество никогда не было связано никаким природным *повиновением от рождения*, которое обязывало бы людей без их собственного согласия повиноваться государям и их наследникам, и никогда не соглашалось на это.

115. Ведь в истории, как священной, так и гражданской, чаще всего встречаются примеры того, как люди выходили из повиновения и отказывались подчиняться той юрисдикции, под которой они родились, и той семье или сообществу, в которых они выросли, и *создавали новые государства* в других местах; отсюда появилось все то множество мелких государств, которые существовали в первоначальную эпоху и количество которых непрерывно увеличивалось, до тех пор пока было достаточно места, а затем более сильный или более удачливый поглощал более слабого, а великие державы снова распадались на части и превращались в мелкие владения. Все это дает множество доказательств против отцовского правления и ясно доказывает, что не природное право отца, переходящее к его потомкам, создало вначале государство, так как на подобной основе невозможно было создать такое множество маленьких царств; все они представляли бы собой одну всеобщую монархию, если бы люди не были *свободны отделяться* от своих семейств и от своего государства, каково бы оно ни было, и, отделившись, создавать отдельные государства и другие правления, которые они считали подходящими.

116. Так происходило в мире от его начала до сегодняшнего дня. И сейчас свободе человечества не в большей

степени препятствует то, что люди *рождаются в организованных и древних государствах*, которые имеют установленные законы и устойчивые формы правления, чем если бы они родились в лесах среди их ничем не ограниченных обитателей, которые там скитаются. Ведь те, кто уверяет нас, что, «родившись под властью какого-либо правительства, мы, естественно, являемся его подданными» и не имеем никакого права или основания на свободу естественного состояния, не располагают никаким другим доводом (оставляя в стороне рассуждения об отцовской власти, на что мы уже ответили), кроме того, что поскольку наши отцы и предки отказались от своей естественной свободы, то они тем самым обрекли себя и свое потомство на вечное подчинение тому правительству, которому они сами подчинились. Справедливо, что, какое бы обязательство или обещание кто-либо ни сделал от своего имени, он обязан их выполнять, но он *не может ни по какому договору* обязать к этому *своих детей* или свое потомство. Ведь его сын, став совершеннолетним, так же свободен, как и отец, и любое *действие отца может не в большей степени ограничивать свободу его сына*, чем свободу кого-либо другого. Отец действительно может обусловить подобными обязательствами право на владение той землей, которой он пользовался в качестве подданного какого-либо государства, причем эти условия могут обязывать его сына принадлежать к данному сообществу, если он хочет обладать теми владениями, которые принадлежали его отцу; поскольку данное имение — собственность его отца, то он может распоряжаться им или ставить любые условия по собственному желанию.

117. И вот это-то обычно являлось причиной ошибки в данном вопросе; так как государства не разрешают, чтобы какая-либо часть их владений была отрезана или чтобы какой-либо частью пользовался кто-либо, кроме принадлежащих к данному сообществу, то сын обычно может пользоваться владениями своего отца только на тех же условиях, на которых ими пользовался его отец, т. е. став членом общества; тем самым он сразу же ставит себя в подчинение тому правительству, которое он находит установленным, в такой же степени, как любой другой подданный этого государства. И таким образом, только *согласие свободных людей, родившихся под властью какого-либо правительства, делает их членами этого государства*, и это согласие дается порознь поочередно, по мере того как каждый достигает совершеннолетия, а не всеми вместе; люди не за-

мечают этого и считают, что этого вообще не происходит или что это не обязательно, и заключают, что они являются подданными по природе, точно так же как они являются людьми.

118. Но совершенно очевидно, что сами *правительства* понимают это иначе; они *не претендуют на власть над сыном только потому, что они обладали этой властью над отцом*; точно так же они не считают детей своими подданными, хотя их отцы и находились в подданстве. Если у английского подданного рождается сын от англичанки во Франции, то чьим подданным он является? Он не является подданным английского короля, так как он еще должен быть допущен к связанным с этим привилегиям. Точно так же он не является и подданным французского короля, ведь в этом случае как мог бы его отец обладать свободой увести его и воспитывать по собственному желанию? И разве кто-либо когда-либо считался *предателем* или *дезертиром*, если он покидал ту страну, в которой он просто родился от родителей-иностранцев, или участвовал в военных действиях против этой страны? Таким образом, совершенно очевидно, что из практики самих государств, так же как и из законов здравого разума, следует, что *ребенок не рождается подданным какой-либо страны или правительства*. Он находится под опекой и под властью своего отца, пока не достигает совершеннолетия; а тогда он является свободным человеком, который волен выбирать, под властью какого правительства он хочет находиться и членом какого государственного организма он хочет стать. Ведь если сын англичанина, родившийся во Франции, свободен и может так поступать, то очевидно, что на него не налагается никаких обязательств, вытекающих из того, что его отец является подданным определенного королевства; точно так же он не связан никаким из договоров, заключенных его предками. А тогда почему его сын в силу тех же причин не обладает такой же свободой, хотя бы он и родился где-либо в другом месте? Ведь власть, которой отец по природе обладает над своими детьми, является одной и той же, где бы они ни родились, и узы естественных обязательств не ограничены какими-либо конкретными границами королевств и государств.

119. *Каждый человек*, как было показано, *по природе свободен*, и ничто не в состоянии поставить его в подчинение какой-либо земной власти, за исключением его собственного согласия; необходимо рассмотреть, что следует считать *достаточным выражением согласия* человека, кото-

рое влекло бы за собой его подчинение законам какого-либо правительства. Обычно различают выраженное и молчаливое согласие, которое мы сейчас и рассмотрим. Никто не сомневается, что лишь *выраженное согласие* какого-либо человека, вступающего в какое-либо общество, делает его подлинным членом этого общества, подданным его правительства. Трудность заключается в том, что́ следует понимать под *молчаливым согласием* и в какой степени оно обязывает, i. e. в какой степени следует считать, что человек согласился и тем самым подчинился какому-либо правительству, когда он не сделал никаких заявлений по этому поводу. На это я скажу, что всякий человек, который владеет или пользуется какой-либо частью территории какого-либо государства, тем самым дает свое *молчаливое согласие* и в такой же степени обязан повиноваться законам этого правительства в тот период, когда он пользуется этим владением, как и всякий другой, находящийся под властью этого правительства, независимо от того, состоит ли это владение из земли, навечно закрепленной за ним и за его наследниками, или из жилища, снятого на неделю, или же это просто право бесплатного передвижения по дорогам; и на деле оно распространяется на само существование любого человека в пределах территории этого государства.

120. Для того чтобы лучше понять это, следует принять во внимание, что каждый человек, впервые вступая в какое-либо сообщество и присоединившись к нему, присоединяет также и подчиняет обществу те владения, которые он имеет или которые приобретет и которые еще не принадлежат какому-либо другому государству. Ведь было бы прямым противоречием, если бы кто-либо вступал в общество вместе с другими для защиты и регулирования собственности и при этом предполагал, что его земля, земля человека, собственность которого должна регулироваться законами общества, должна быть изъята из юрисдикции того правительства, подданным которого является сам он, владлец этой земли. Следовательно, тем же самым актом, посредством которого кто-либо присоединяет свою персону, бывшую прежде свободной, к государству, тем же самым актом присоединяет к этому государству и свои владения, которые до того были свободными; и оба они, и персона и ее владения, становятся подчиненными правительству и власти этого государства до тех пор, пока это государство существует. Отсюда вытекает, что каждый, кто по праву наследования, покупки, разрешения или каким-либо иным

путем пользуется какой-либо частью земли, присоединенной подобным образом и находящейся под властью этого государства, должен принимать ее вместе с теми обязательствами, которые с этим связаны, т. е. подчиняясь правительству государства, под юрисдикцией которого находится эта земля, в такой же степени, как и каждый из подданных этого государства.

121. Но так как правительство обладает непосредственной юрисдикцией только над землей и эта юрисдикция распространяется на ее владельца (до того, как он фактически включает себя в общество), только пока он живет на этой земле и пользуется ею, то и *обязательство*, лежащее на каждом в силу этого пользования, *подчиняться правительству начинается и кончается вместе с пользованием*; таким образом, когда владелец, который не давал ничего правительству, кроме *молчаливого согласия*, откажется от указанного владения посредством дара, продажи или иным образом, то он свободен идти и присоединиться к любому другому государству или вступить в соглашение с другими для основания нового *in vacuis locis*²⁹, в любой части света, которую они найдут свободной и никому не принадлежащей. Между тем тот, кто однажды посредством фактического соглашения и какого-либо *явного* волеизъявления дал свое *согласие* являться членом какого-либо государства, обязан вечно и неизменно быть и оставаться подданным этого государства и никогда снова не может пользоваться свободой естественного состояния, если только в результате какого-либо бедствия правительство, которому он подчиняется, не распадается или если оно посредством какого-либо публичного акта не лишает его права оставаться в дальнейшем членом этого общества.

122. Но если человек подчиняется законам какой-либо страны, ведет спокойную жизнь и пользуется привилегиями и защитой этих законов, то это еще *не делает его членом данного общества*; это только местная защита и подчинение, которые обязательны для всех тех и ожидаются от всех тех, кто, находясь в состоянии войны, пребывает на территории любого государства, на все части которого распространяется действие его законов. Однако это не в большей степени *делает человека членом данного общества*, вечным подданным данного государства, чем делало бы человека подданным того, в семье которого он в силу каких-либо причин пребывал некоторое время; хотя во время такого пребывания он был бы обязан повиноваться законам и подчиняться правлению, которое он там нашел.

И действительно, мы видим, что *иностранцы* всю свою жизнь живут под властью другого правительства и пользуются привилегиями и защитой его и хотя они обязаны, даже по совести, подчиняться его велениям в такой же степени, как и местные жители, но они все же не становятся в силу этого *подданными или членами данного государства*. Ничто не может сделать человека таковым, кроме как его фактическое вступление в сообщество посредством положительного обязательства и непосредственно выраженного обещания и договора. Именно это, я считаю, относится к началу политических обществ, и именно такое *согласие делает любого человека членом* какого-либо государства.

Глава IX

О ЦЕЛЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВЛЕНИЯ

123. Если человек в естественном состоянии так свободен, как об этом говорилось, если он абсолютный господин своей собственной личности и владений, равный самым великим людям и никому не подчиненный, то почему растается он со своей свободой, почему отказывается он от этой империи и подчиняет себя власти и руководству какой-то другой силы? На это напрашивается самый очевидный ответ, что хотя в естественном состоянии он обладает подобным правом, но все же пользование им весьма ненадежно и ему постоянно угрожает посягательство других. Ведь, поскольку все являются властителями в такой же степени, как и он сам, поскольку каждый человек ему равен, а большая часть людей не особенно строго соблюдает равенство и справедливость, постольку пользование собственностью, которую он имеет в этом состоянии, весьма небезопасно, весьма ненадежно. Это побуждает его с готовностью отказаться от такого состояния, которое хотя и является свободным, но полно страхов и непрерывных опасений; и не без причины он разыскивает и готов присоединиться к обществу тех, кто уже объединился или собирается объединиться ради взаимного *сохранения* своих жизней, свобод и владений, что я называю общим именем «*собственность*».

124. Поэтому-то великой и *главной целью* объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является *сохранение их собственности*. А для этого в естественном состоянии не хватает многого.

Во-первых, не хватает *установленного*, определенного, известного закона, который был бы признан и допущен по общему согласию в качестве нормы справедливости и несправедливости и служил бы тем общим мерилом, при помощи которого разрешались бы между ними все споры. Ведь хотя закон природы ясен и понятен всем разумным существам, однако люди руководствуются своими интересами, к тому же они его не знают, так как не изучали, и поэтому не склонны признавать его в качестве закона, обязательного для них в применении к их конкретным делам.

125. *Во-вторых*, в естественном состоянии не хватает *знающего и беспристрастного судьи*, который обладал бы властью разрешать все затруднения в соответствии с установленным законом. Ибо каждый в этом состоянии является одновременно и судьей, и исполнителем закона природы, а люди пристрастны к себе, и страсть и месть очень даже могут завести их слишком далеко и заставить проявить слишком большую горячность в тех случаях, когда дело касается их самих; точно так же небрежность и безразличие могут сделать их слишком невнимательными к делам других людей.

126. *В-третьих*, в естественном состоянии часто недостает *силы*, которая могла бы подкрепить и поддержать справедливый приговор и *привести* его в исполнение. Те, кто совершает какую-либо несправедливость, вряд ли удержатся от того, чтобы силой настоять на своем, когда они в состоянии это сделать; подобное сопротивление часто делает наказание опасным и нередко гибельным для тех, кто пытается его осуществить.

127. Таким образом, люди, несмотря на все преимущества естественного состояния, находятся в скверных условиях, пока они в нем пребывают, и быстро вовлекаются в общество. Вот почему получается так, что мы редко видим, чтобы какое-либо количество людей сколько-нибудь длительное время жило вместе в этом состоянии. Недобства, которым они при этом подвергаются в результате беспорядочного и ненадежного применения власти, которой обладает каждый человек для наказания проступков других, вынуждают их искать убежища под сенью установленных правительством законов, и здесь они стремятся найти *сохранение своей собственности*. Именно это побуждает их столь охотно отказываться от того индивидуального права на наказание, которым обладает каждый, для того чтобы оно осуществлялось только тем из них, кто будет

назначен на это, и посредством тех законов, о которых согласятся сообщество или уполномоченные на то лица. И вот это-то и является первоначальным *правом и источником* как *законодательной*, так и *исполнительной власти*, а равно и самих правительств и обществ.

128. Ведь в естественном состоянии, не говоря о свободе, которой человек обладает для невинных развлечений, он обладает двумя видами власти.

Во-первых, это власть делать то, что он считает необходимым для сохранения себя и других в рамках *закона природы*. По этому закону, общему для всех, он и все остальное *человечество представляют собой одно сообщество*, составляют единое общество, отличное от всех других творений. И если бы не разложение и порочность выродившихся людей, то не требовалось бы никакого другого; не было бы необходимости, чтобы люди отделялись от этого великого и естественного сообщества и посредством положительных соглашений составляли ряд меньших отдельных объединений.

Другая власть, которой обладает человек в естественном состоянии, — это *власть наказывать за преступления*, совершенные против данного закона. От обоих этих видов власти он отказывается, когда присоединяется к частному, если я могу так выразиться, или отдельному политическому обществу и вступает в какое-либо государство, отделенное от остального человечества.

129. От первой *власти, viz. совершать все, что он считает необходимым для сохранения себя и остальной части человечества, он отказывается* ради того, чтобы это регулировалось законами, созданными обществом, в той мере, в какой этого потребует сохранение его самого и остальной части этого общества; а эти законы общества во многих отношениях ограничивают ту свободу, которую он имел по закону природы.

130. *Во-вторых, от власти наказывать он отказывается* полностью и употребляет свою естественную силу (которую он до того мог использовать для исполнения закона природы по своему собственному единоличному решению, когда считал это необходимым) для оказания помощи исполнительной власти общества в той мере, в какой этого потребует закон. Ведь, находясь теперь в новом состоянии, в котором он будет пользоваться многими благами благодаря труду, помощи и обществу других членов того же общества, равно как и защитой всей его силы, он должен также расстаться в такой же мере со своей естественной

свободой ради обеспечения себя, в какой этого потребуют благо, процветание и безопасность общества; это не только необходимо, но и справедливо, поскольку остальные члены общества поступают подобным же образом.

131. Но хотя люди, когда они вступают в общество, отказываются от равенства, свободы и исполнительной власти, которыми они обладали в естественном состоянии, и передают их в руки общества, с тем чтобы в дальнейшем этим располагала законодательная власть в той мере, в какой этого будет требовать благо общества, все же это делается каждым лишь с намерением как можно лучше сохранить себя, свою свободу и собственность (ведь нельзя предполагать, чтобы какое-либо разумное существо сознательно изменило свое состояние на худшее). Власть общества или созданного людьми *законодательного органа никогда не может простирается далее, нежели это необходимо для общего блага*; эта власть обязана охранять собственность каждого, не допуская тех трех неудобств, о которых говорилось выше и которые делали естественное состояние столь небезопасным и ненадежным. И кто бы ни обладал законодательной или верховной властью в любом государстве, он обязан править согласно установленным *постоянным законам*, провозглашенным народом и известным народу, а не путем импровизированных указов; править с помощью *беспристрастных и справедливых судей*, которые должны разрешать споры посредством этих законов, и применять силу сообщества в стране *только при выполнении таких законов*, а за рубежом — для предотвращения вреда или для получения возмещения за него и для охраны сообщества от вторжений и захватов. И все это должно осуществляться ни для какой иной цели, но только в интересах *мира, безопасности и общественного блага* народа.

Глава X О ФОРМАХ ГОСУДАРСТВА

132. Поскольку с момента объединения людей в общество большинство обладало, как было показано, всей властью сообщества, то оно могло употреблять всю эту власть для создания время от времени законов для сообщества и для осуществления этих законов назначенными им должностными лицами; в этом случае *форма* правления будет представлять собой совершенную *демократию*; или

же оно может передать законодательную власть в руки нескольких избранных лиц и их наследников или преемников, и тогда это будет *олигархия*; или же в руки одного лица, и тогда это будет *монархия*; если в руки его и его наследников, то это *наследственная монархия*; если же власть передана ему только пожизненно, а после его смерти право назначить преемника возвращается к большинству, то это *выборная монархия*. И в соответствии с этим сообщество может устанавливать сложные и смешанные формы правления и в зависимости от того, что оно считает лучшим. И если законодательная власть первоначально была передана большинством одному или нескольким лицам лишь пожизненно или на какое-то ограниченное время, а затем верховная власть снова должна была вернуться к большинству, то, когда это происходило, сообщество могло снова передать ее в какие ему угодно руки и, таким образом, создать новую форму правления. Ибо *форма правления зависит от того, у кого находится верховная власть*, которая является *законодательной* (невозможно предположить, чтобы низшая власть предписывала вышей или чтобы кто бы то ни было, кроме верховной власти, издавал законы); в соответствии с этим *форма государства* определяется тем, у кого находится законодательная власть.

133. Под *государством* я все время подразумеваю не демократию или какую-либо иную форму правления, но *любое независимое сообщество* (any independent community), которое латиняне обозначили словом «civitas»; этому слову в нашем языке лучше всего соответствует слово «государство» (commonwealth), оно более точно выражает понятие, обозначающее такое общество людей, а английские слова «община» (community) или «город» (city) его не выражают, ибо в государстве могут быть подчиненные общины, а слово «город» у нас имеет совершенно иное значение, чем «государство». Вот почему во избежание двусмысленности я стараюсь использовать слово «государство» в этом смысле, в котором, как я обнаружил, его употреблял король Яков I³⁰, и я полагаю, что это подлинное значение данного слова; если же кому-либо это не нравится, то я готов с ним согласиться, как только он заменит его более подходящим словом.

ОБ ОБЪЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ
ВЛАСТИ

134. Основной целью вступления людей в общество является стремление мирно и безопасно пользоваться своей собственностью, а основным орудием и средством для этого служат законы, установленные в этом обществе; *первым и основным положительным законом всех государств является установление законодательной власти; точно так же первым и основным естественным законом, которому должна подчиняться сама законодательная власть, является сохранение общества* и (в той мере, в какой это будет совпадать с общественным благом) каждого члена общества. Эта *законодательная власть* является не только *верховой властью* в государстве, но и священной и неизменной в руках тех, кому сообщество однажды ее доверило. И ни один указ кого бы то ни было, в какой бы форме он ни был задуман и какая бы власть его ни поддерживала, не обладает силой и обязательностью закона, если он не получил *санкции законодательного органа*, который избран и назначен народом. Ибо без этого данный закон не будет обладать тем, что совершенно необходимо для того, чтобы он стал действительно *законом*, — *согласием общества*, выше которого нет ничего, и издавать законы не может иметь права никто, кроме как с согласия этого общества * и на основании власти, полученной от его членов. И следовательно, все то *повиновение*, которое любой может быть обязан посредством самых торжественных обязательств оказывать,

* «Законная власть издавать законы, управляющие целыми политическими обществами людей, настолько принадлежит тем же самым обществам в целом, что если какой-либо государь или мопарх на земле стал бы осуществлять это сам, а не по предписанию, непосредственно и лично получешому от бога, и не на основании полномочий, вытекающих первоначально из согласия тех лиц, которые должны подчиняться его законам, то это ничем не лучше обычной тирании. Те законы, которые не получили, следовательно, общественного одобрения, не являются законами» (*Гукер. Церковн. полит.*, кн. I, разд. 10). «По этому поводу мы, следовательно, должны заметить, что так как люди по природе не обладают полной и абсолютной властью повелевать целыми политическими сообществами людей, то поэтому совершенно без нашего согласия мы не можем быть в подчинении какого-либо человека. А на то, чтобы нами повелевали, мы соглашаемся, если то общество, частью которого мы являемся, когда-либо прежде на это согласилось и не отменило позднее этого соглашения подобным же всеобщим решением.

Следовательно, человеческие законы, какого бы рода они ни были, создаются только посредством соглашения» (там же).

в конце концов заканчивается в этой *верховой власти* и направляется теми законами, которые она издает. И никакая присяга какой-либо иностранной державе, и никакая отечественная подчиненная власть не могут освободить любого члена общества от *повиновения законодательному органу*, действующему по доверию от общества; равным образом нельзя любого члена общества обязать повиноваться чему-либо противному изданным таким образом законам или же повиноваться в большей степени, чем они это допускают; смешно воображать, что кто-либо может быть обязан полностью *повиноваться какой-либо власти* в обществе, которая не является *верховой властью*.

135. Хотя *законодательная власть*, независимо от того, сосредоточена ли она в руках одного человека или нескольких, осуществляется ли она непрерывно или только через определенные промежутки, хотя она и является *верховой властью* в каждом государстве, но все же:

Во-первых, она не является и, вероятно, не может являться абсолютно *деспотической* в отношении жизни и достоинства народа. Ведь она представляет собой лишь соединенную власть всех членов общества, переданную тому лицу или собранию, которые являются законодателями; она не может быть больше той власти, которой обладали эти лица, когда они находились в естественном состоянии, до того, как они вступили в общество и передали эту власть сообществу. Ибо никто не может передать другому большую власть, нежели та, которую он сам имеет, и никто не обладает абсолютной деспотической властью над собой или над кем-либо другим, правом лишить себя жизни или лишить жизни или имущества другого. Человек, как было доказано, не может подчинять себя деспотической власти другого; и так как в естественном состоянии он не обладал деспотической властью над жизнью, свободой или собственностью другого, но имел лишь такую власть, как закон природы давал ему для сохранения себя и остальной части человечества, то это, следовательно, все, что он дает или может передать государству, а тем самым *законодательной власти*, так что законодательная власть не может иметь больше этого. Эта власть в своих самых крайних пределах *ограничена общественным благом*. Она не имеет иной цели, кроме сохранения [общества], и, следовательно, никогда не может иметь права уничтожать, порабощать или

умышленно разорять подданных *. Обязательства закона природы не перестают существовать в обществе, но только во многих случаях они более четко выражены, и в соответствии с человеческими законами им сопутствуют известные наказания, для того чтобы принудить их соблюдать. Таким образом, закон природы выступает как вечное руководство для всех людей, для законодателей в такой же степени, как и для других. Те законы, которые они создают для направления действий других людей, должны, так же как и их собственные действия и действия других людей, соответствовать закону природы, т. е. божьей воле, проявлением которой он является; и так как основным законом природы является сохранение человечества, то никакая человеческая санкция не может быть благодетельной или обоснованной, если она тому противоречит.

136. Во-вторых, законодательная, или высшая, власть не может брать на себя право повелевать посредством произвольных деспотических указов **; наоборот, она обязана отправлять правосудие и определять права подданного посредством провозглашенных постоянных законов и известных уполномоченных на то судей. Ведь так как закон при-

* «Общества покоятся на двух основах; одна из них — естественная склонность, вследствие чего все люди стремятся к общественной жизни и товариществу; вторая — порядок, в отношении которого было достигнуто явное или тайное соглашение, затрагивающее характер их союза при совместной жизни; это последнее представляет собой то, что мы называем законом государства, подлинной душой политического организма, части которого оживляются законом, держатся им вместе и побуждаются к действию в том направлении, в каком этого требует общественное благо. Политические законы, установленные для поддержания внешнего порядка среди людей и управления ими, никогда не бывают сформулированы так, как они должны быть сформулированы, если только мы не предположим, что воля человека по своей внутренней сущности упряма, мятежна и отвращается от всякого повиновения священным законам его природы; одним словом, если только мы не предположим, что человек в отношении своего разращенного ума неаманного лучше дикого зверя, и тогда законы, несмотря на это, дают возможность так направлять его внешние действия, чтобы эти действия не были препятствием для общего блага, ради которого созданы общества. Если они этого не делают, они не являются совершенными» (Гужер. Церкви. полит., кн. I, разд. 10).

** «Человеческие законы являются мерилом в отношении людей, действия которых они должны направлять; однако, хотя они и являются таким мерилом, для них существуют также высшие законы, которыми они меряются, и этих законов два: закон бога и закон природы; таким образом, человеческие законы должны создаваться в соответствии с общими законами природы и так, чтобы они не противоречили какому-либо определенному закону Священного писания. В противном случае эти законы дурно созданы» (Гужер. Церкви. полит., кн. III, разд. 9).

«Сдерживать людей до такой степени, чтобы это причинило им неудобства, по-видимому, неразумно» (Там же, кн. I, разд. 10).

роды не является писанным законом и его нигде нельзя найти, кроме как в умах людей, то тех, кто благодаря страсти или личным интересам будет искажать или неправильно применять его, не так-то легко убедить в их ошибке, если не имеется поставленного на то судьи. В этом случае закон не служит, как он должен, для того, чтобы определять права и охранять собственность тех, на кого распространяется его действие, в особенности там, где каждый к тому же является судьей, толкователем и исполнителем его, и притом в своем собственном деле; и тот, на чьей стороне право, обычно располагает только своей личной силой, а следовательно, не имеет достаточной силы, чтобы защитить себя от обид или чтобы наказать преступников. Для того чтобы избежать этих неудобств, которые приводят в расстройство человеческую собственность в естественном состоянии, люди объединяются в общество, дабы иметь объединенную силу всего общества для сохранения и защиты своей собственности и иметь *постоянные законы*, определяющие ее, благодаря которым каждый может знать, что ему принадлежит. Для этого люди передают всю свою природную власть обществу, в которое они вступают, а общество вкладывает законодательную власть в руки тех, кого оно считает для этого подходящими; при этом люди надеются, что ими будут управлять посредством *провозглашенных законов*, в противном же случае их мир, покой и собственность будут по-прежнему в таком же неопределенном положении, как и в естественном состоянии.

137. Абсолютная деспотическая власть, или управление без *установленных постоянных законов*, не может ни в какой мере соответствовать целям общества и правительства, для которых люди отказались от свободы естественного состояния и связали себя соответствующими узами, только чтобы сохранить свою жизнь, свободу и имущество и чтобы с помощью *установленных законоположений* о праве и собственности обеспечить свой мир и покой. Нельзя предположить, чтобы они намеревались, даже если бы они и были в состоянии поступить так, передать какому-либо лицу или нескольким лицам *абсолютную деспотическую власть* над своими личностями и достоянием и вложить власть в руки должностного лица для того, чтобы тот неограниченно творил произвол в отношении их. Ведь это значило бы поставить себя в еще более худшее положение, чем естественное состояние, когда они обладали свободой защищать свои права от посягательств других и в равной мере имели силу, чтобы отстоять их, подверг-

шись нападению одного человека или сразу многих. Если же мы предположим, что они подчиняли себя *абсолютной деспотической власти* и воле одного законодателя, то они обезоружили себя и вооружили его, так что он в любую минуту может сделать их своей добычей. Ведь в гораздо худшем положении находится тот, кто зависит от деспотической власти одного человека, имеющего у себя под началом 100 000, чем тот, кто подчиняется деспотической власти 100 000 отдельных людей; ведь никто не может иметь гарантию, что воля того, кто имеет подобную власть, лучше, чем воля других людей, хотя бы его сила и была в 100 000 раз больше. И следовательно, какова бы ни была форма государства, правящая власть должна управлять с помощью *провозглашенных и установленных законов*, а не импровизированных приказов и неопределенных решений. Ибо человечество очутится в гораздо худшем положении, чем в естественном состоянии, если оно вооружит одного человека или немногих людей объединенной силой множества, для того чтобы принудить это множество людей повиноваться произволу непомерных и выходящих за рамки возможного требований, которые вдруг взбредут им на ум, или ничем не ограниченной и до этого момента неизвестной воле при отсутствии каких-либо установленных мерил, которые могли бы направлять действия властвующих и оправдывать их. Ведь вся власть правительства существует только для блага общества, и, поскольку она не должна быть *деспотической* и произвольной, постольку она должна осуществляться при помощи *установленных и опубликованных законов*, так чтобы и народ знал свои обязанности и находился в безопасности в пределах закона, и правители также держались в своих границах и не испытывали бы искушения благодаря находящейся в их руках власти применять ее в таких целях и с помощью таких мер, о которых они не дерзнули бы заявить открыто.

138. *В-третьих, верховная власть не может лишить* какого-либо человека какой-либо части его *собственности* без его согласия. Ибо сохранение собственности является целью правительства, и именно ради этого люди вступают в общество; и, таким образом, отсюда по необходимости предполагается и требуется, чтобы люди *обладали собственностью*, так как без этого следует предположить, что они, вступая в общество, теряют то, что являлось целью, ради которой они вступили в него; это слишком большая нелепость, вряд ли кто-либо с ней согласится. Следовательно, *люди, находясь в обществе, обладают собствен-*

ностью; они имеют такое право на имущество, которое по закону сообщества является их собственностью, что никто не имеет права отнять у них их добро или какую-либо его часть без их собственного согласия; без этого они не имеют вообще никакой *собственности*. Ведь я действительно не имею никакой собственности, если другой может по праву отнять ее у меня, когда ему заблагорассудится, без моего согласия. Таким образом, ошибочно думать, что верховная, или *законодательная, власть* любого государства может делать все, что ей угодно, и *деспотически* распоряжаться имуществом подданных или брать часть этого имущества по собственной прихоти. Этого можно не очень опасаться в тех системах правления, где *законодательный орган* состоит, полностью или целиком, из собраний, состав которых меняется, а члены которого после роспуска подчиняются общим законам своей страны наравне с прочими. Но в тех системах правления, где *законодательный орган* представляет собой одно постоянно действующее собрание или же вся законодательная власть сосредоточена в руках одного человека, как в абсолютных монархиях, все же существует опасность, что эти лица или лица будут считать, что они имеют особые интересы, отличные от интересов остальной части сообщества, и поэтому будут склонны увеличивать свои собственные богатства и власть, беря все, что им вздумается, у народа. Ведь *собственность* человека вовсе не находится в безопасности, хотя бы имелись хорошие и справедливые законы, отделяющие его собственность от собственности его сограждан, если тот, кто повелевает этими гражданами, обладает властью изъять у любого частного лица любую долю его *собственности* по своему желанию и пользоваться и располагать ею, как ему заблагорассудится.

139. Но *правительство*, в чьих бы руках оно ни находилось, как я уже показал, обладает властью только на том условии и *ради той цели*, чтобы люди могли иметь и обеспечить свою *собственность*; государь или сенат, какой бы властью они ни обладали для издания законов, регулирующих *собственность* между подданными, все же никогда не могут обладать властью брать себе всю или какую-либо часть *собственности* подданных без их собственного согласия, ведь это фактически значило бы оставить подданных вообще без всякой *собственности*. И для того чтобы убедиться, что даже *абсолютная власть* там, где она необходима, не является *деспотической*, будучи абсолютной, но все же ограничена теми обстоятельствами и определяется теми

целями, которые требуют, чтобы в некоторых случаях эта власть была абсолютной, нам достаточно рассмотреть обычную практику военной дисциплины. Сохранение армии, а тем самым всего государства требует *абсолютного повиновения* приказу каждого вышестоящего офицера, и вполне справедливо, что за неповиновение или оспаривание самых опасных или неразумных приказов полагается смерть; и все же мы видим, что сержант, который может приказать солдату подойти к жерлу пушки или стоять в проломе крепостной стены, где он почти наверняка погибнет, не может приказать этому солдату дать ему хотя бы пени из своих денег; точно так же и *генерал*, который может приговорить его к смерти за самовольное оставление поста или за неповиновение самым безрассудным приказам, не может при всей своей абсолютной власти над жизнью и смертью распорядиться хотя бы одним фартингом из собственности этого солдата или присвоить хотя бы малую толику из его имущества; и тем не менее этому солдату он может приказать все, что угодно, и повесить за малейшее неповиновение, так как подобное слепое повиновение необходимо для достижения той цели, ради которой командир обладает своей властью, т. е. для сохранения остальных; но право распоряжаться его имуществом не имеет к этому никакого отношения.

140. Это правда, что правительства не могут содержаться без больших расходов, и каждый, кто пользуется своей долей защиты, должен платить из своего имущества свою долю на его содержание. Но все же это должно делаться с его собственного согласия, т. е. с согласия большинства, которое дает его либо само, либо через посредство избранных им представителей. Ведь если кто-либо будет претендовать на *право вводить* и *взимать налоги* с народа своей собственной властью и без такого согласия со стороны народа, то он тем самым посягает на *основной закон собственности* и препятствует осуществлению цели правительства. Ибо каким правом собственности могу я обладать на то, что другой может по праву взять себе, когда ему за благо рассудится?

141. *В-четвертых, законодательный орган не может передать право издавать законы в чьи-либо другие руки.* Ведь это право, доверенное народом, и те, кто им обладает, не могут передавать его другим. Только народ может устанавливать форму государства, делая это посредством создания законодательной власти и назначения тех, в чьих руках она будет находиться. И когда народ заявил: мы бу-

дем подчиняться предписаниям и управляться *законами*, созданными для нас такими-то людьми и в такой-то форме, — никто больше не может сказать, что другие люди будут создавать *законы* для народа; точно так же и народ не может быть связан какими-либо иными *законами*, кроме тех, которые изданы теми, кто был избран народом и уполномочен создавать для него *законы*. *Законодательная* власть, поскольку она исходит от народа через посредство положительного добровольного дара и учреждения, не может быть ничем иным, кроме как тем, что передано этим положительным даром, а он был сделан только для создания *законов*, а не для создания *законодателей*, и *законодательный орган* не имеет права передоверить свою законодательную власть и передавать ее в другие руки.

142. Вот те пределы, которые полномочия, данные обществом, и закон бога и природы *установили для законодательной* власти всякого государства, во всех формах правления.

Во-первых, они должны управлять посредством *опубликованных установленных законов*, которые не должны меняться в каждом отдельном случае, напротив, должен существовать один закон для богатого и бедного, для фаворита при дворе и для крестьянина за плугом.

Во-вторых, эти *законы* должны предназначаться ни для какой иной конечной цели, кроме как для *блага народа*.

В-третьих, они *не* должны *повышать налоги* на собственность народа без *согласия народа*, данного им самим или через его представителей. И это, собственно, касается только таких государств, где *законодательный орган* действует непрерывно или по крайней мере где народ не сохранил какую-то часть законодательной власти за депутатами, которые время от времени избираются им самим.

В-четвертых, *законодательный орган* не должен и *не может передавать законодательную власть* кому-либо другому или передоверить ее кому-либо, кроме как тем, кому ее доверил народ.

Глава XII

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ, ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И ФЕДЕРАТИВНОЙ ВЛАСТИ В ГОСУДАРСТВЕ

143. *Законодательная* власть — это та власть, которая имеет право *указывать*, как должна быть употреблена *сила государства* для сохранения сообщества и его членов. Но

так как те законы, которые должны постоянно соблюдаться и действие которых непрерывно, могут быть созданы за короткое время, то нет необходимости, чтобы *законодательный* орган действовал все время и тогда, когда ему нечего будет делать. И кроме того, поскольку искушение может быть слишком велико при слабости человеческой природы, склонной цепляться за власть, то те же лица, которые обладают властью создавать законы, могут также захотеть сосредоточить в своих руках и право на их исполнение, чтобы, таким образом, сделать для себя исключение и не подчиняться созданным ими законам и использовать закон как при его создании, так и при его исполнении для своей личной выгоды; тем самым их интересы становятся отличными от интересов всего сообщества, противоречащими целям общества и правления. Вот почему в хорошо устроенных государствах, где благо целого принимается во внимание так, как это должно быть, *законодательная власть* передается в руки различных лиц, которые, собравшись должным образом, обладают сами или совместно с другими властью создавать законы; когда же они это исполнили, то, разделившись вновь, они сами подпадают под действие тех законов, которые были ими созданы; это для них новая и непосредственная обязанность, которая побуждает их следить за тем, чтобы они создавали законы для блага общества.

144. Но так как законы, которые создаются один раз и в короткий срок, обладают постоянной и устойчивой силой и нуждаются в *непрерывном исполнении* или наблюдении за этим исполнением, то необходимо, чтобы *все время существовала власть*, которая следила бы за *исполнением* тех законов, которые созданы и остаются в силе. И таким образом, *законодательную* и *исполнительную власть* часто надо разделять.

145. Существует еще одна *власть* в каждом государстве, которую можно назвать *природной*, так как она соответствует той власти, которой по природе обладал каждый человек до того, как он вступил в общество. Ведь хотя в государстве члены его являются отличными друг от друга личностями и в качестве таковых управляются законами общества, все же по отношению к остальной части человечества они составляют одно целое, которое, как прежде каждый из его членов, все еще находится в естественном состоянии по отношению к остальной части человечества. Отсюда следует, что все споры, которые возникают между кем-либо из людей, находящихся в обществе, с те-

ми, которые находятся вне общества, ведутся народом; и ущерб, нанесенный одному из его членов, затрагивает, в вопросе о возмещении этого ущерба, весь народ. Таким образом, принимая это во внимание, все сообщество представляет собой одно целое, находящееся в естественном состоянии по отношению ко всем другим государствам или лицам, не принадлежащим к этому сообществу.

146. Следовательно, сюда относится право войны и мира, право участвовать в коалициях и союзах, равно как и право вести все дела со всеми лицами и сообществами вне данного государства; эту власть, если хотите, можно назвать *федеративной*. Лишь бы была понята сущность, а что касается названия, то мне это безразлично.

147. Эти две власти, *исполнительная* и *федеративная*, хотя они в действительности отличаются друг от друга, так как одна из них включает в себя *исполнение* муниципальных законов общества *внутри* его самого по отношению ко всему, что является его частями, другая же включает в себя *руководство внешними безопасностью и интересами общества* в отношениях со всеми теми, от кого оно может получить выгоду или потерпеть ущерб, все же эти два вида власти почти всегда объединены. И хотя эта *федеративная власть* при хорошем или дурном ее осуществлении имеет огромное значение для государства, все же она менее способна руководствоваться предшествующими постоянными положительными законами, чем *исполнительная власть*; и поэтому по необходимости она должна предоставляться благоразумию и мудрости тех, в чьих руках она находится, для того чтобы она была направлена на благо общества. Ведь *законы*, касающиеся взаимоотношений подданных друг с другом, направлены на руководство их действиями и вполне могут *предшествовать* им. Но то, что следует сделать в отношении иностранцев, во многом зависит от их поступков и от различных замыслов и интересов, и это по большей части следует *предоставлять благоразумию* тех, кому доверена эта власть, чтобы они могли руководствоваться самым лучшим, что дает их искусство, ради пользы государства.

148. Хотя, как я сказал, *исполнительная* и *федеративная власть* в каждом сообществе в действительности отличается друг от друга, все же их вряд ли следует разделять и передавать одновременно в руки различных лиц. Ведь обе эти власти требуют для своего осуществления силы общества, и почти что невыполнимо сосредоточивать силу государства в руках различных и друг другу не подчинен-

ных лиц или же создавать такое положение, когда *исполнительная и федеративная власть* будут *доверены лицам*, которые могут действовать независимо, вследствие чего сила общества будет находиться под различным командованием, а это может рано или поздно привести к беспорядку и гибели.

Глава XIII

О СОПОДЧИНЕННОСТИ ВЛАСТЕЙ В ГОСУДАРСТВЕ

149. Хотя в конституционном государстве, опирающемся на свой собственный базис и действующем в соответствии со своей собственной природой, т. е. действующем ради сохранения сообщества, может быть всего *одна верховная власть*, а именно *законодательная*, которой все остальные подчиняются, и должны подчиняться, все же законодательная власть представляет собой лишь доверенную власть, которая должна действовать ради определенных целей, и поэтому по-прежнему остается *у народа верховная власть* устранять или *заменять законодательный орган*, когда народ видит, что *законодательная власть* действует вопреки оказанному ей доверию. Ведь вся *переданная на основе доверия власть* предназначается для достижения одной цели и ограничивается этой целью; когда же этой целью явно пренебрегают или оказывают ей сопротивление, то доверие по необходимости должно быть отобрано, и власть возвращается в руки тех, кто ее дал, и они снова могут поместить ее так, как они сочтут лучше для их безопасности и благополучия. И таким образом, *сообщество* постоянно *сохраняет верховную власть* для спасения себя от покушений и замыслов кого угодно, даже своих законодателей, в тех случаях, когда они окажутся настолько глупыми или настолько злонамеренными, чтобы создавать и осуществлять заговоры против свободы и собственности подданного. Ведь ни один человек и ни одно общество людей не обладают властью передать свое *сохранение* или, следовательно, средства к тому абсолютной воле и деспотическому господству другого: когда кто-либо будет стараться привести их в такое рабское состояние, то они всегда будут сохранять право на то, с чем они не имеют права расстаться, а также право избавить себя от тех, кто посягает на этот основной священный и неизменный закон *самосохранения*, ради которого они вступили в общество. И таким образом, можно сказать, что в этом отношении

общество всегда представляет собой верховную власть, но его нельзя считать таковой при наличии какой-либо формы правления, так как эта власть народа не может осуществляться до тех пор, пока не распущено правительство.

150. Во всех случаях, пока существует правление, *законодательная власть является верховной.* Ведь то, что может создавать законы для других, необходимо должно быть выше их; а поскольку законодательная власть является законодательной в обществе лишь потому, что она обладает правом создавать законы для всех частей и для каждого члена общества, предписывая им правила поведения и давая силу для наказания, когда они нарушены, постольку *законодательная власть по необходимости должна быть верховной* и все остальные власти в лице каких-либо членов или частей общества проистекают из нее и подчинены ей.

151. В некоторых государствах, где *законодательный орган* не всегда действует, а *исполнительная власть* доверена одному лицу, которое также участвует и в законодательном органе, то это одно лицо с некоторой натяжкой можно также назвать *верховным.* Не потому, что этот человек носит в себе всю верховную власть, каковой является власть законодательная, но потому, что он сам в себе носит право *верховного исполнения,* из чего проистекают все различные подчиненные виды власти или по крайней мере наибольшая часть их, которыми обладают все нижестоящие должностные лица; так как над ним нет вышестоящего законодательного органа, так как нет такого закона, который мог бы быть создан без его согласия, — а вряд ли можно ожидать, что будет такой закон, который когда-либо подчинит его остальной части законодательного органа, — то он вполне справедливо в этом отношении может быть назван *верховным.* Но следует отметить, что, хотя ему приносится *присяга* и *клятва на верность,* она приносится ему не как верховному законодателю, а как *верховному исполнителю закона,* созданного совместной властью его и других; *присяга* представляет собой лишь *повиновение в соответствии с законом;* когда же он нарушает этот закон, то он не имеет права притязать на повиновение и не может его требовать иначе, кроме как будучи общественным деятелем, наделенным властью закона; и поэтому его следует считать образом, фантомом или представителем государства, движимым волею общества, объявленной в его законах; и следовательно, он не имеет ни воли, ни

власти, кроме тех, которыми обладает закон. Но когда он теряет это представительство, эту общественную волю и действует по своей личной воле, то он роняет себя и является лишь частным лицом без власти и без воли, которое не имеет права на повиновение; члены общества обязаны повиноваться только воле общества.

152. *Исполнительная власть*, если она находится где угодно, но только не в руках лица, которое участвует также и в законодательном органе, явно является подчиненной и подотчетной законодательной власти и может быть по желанию изменена и смещена; это значит, что не *высшая исполнительная власть* свободна от подчинения, а *высшая исполнительная власть*, доверенная одному человеку, который, принимая участие в законодательном органе, не имеет отдельного вышестоящего законодательного органа, которому он подчиняется и подотчетен, подчинен тому лишь в такой степени, в какой он сам примкнет и даст свое согласие; таким образом, он подчинен не в большей степени, чем он сам будет это считать нужным, а это, как можно с уверенностью заключить, будет лишь в самой незначительной степени. О прочих *министерских* и *подчиненных властях* в государстве нет необходимости говорить, поскольку они столь многочисленны и существуют в таком бесконечном разнообразии, в разных обычаях и учреждениях отдельных государств, что невозможно подробно рассказать о всех них. Мы коснемся лишь того, что необходимо для наших целей, и отметим, что ни одно из них не обладает каким-либо видом власти, кроме той, которая передана им посредством определенного дара и поручения, и все они подотчетны какой-либо другой власти в государстве.

153. Нет никакой необходимости и даже нет большого удобства в том, если *законодательный орган* будет *действовать непрерывно*. Однако это абсолютно необходимо для *исполнительной власти*: ведь не всегда имеется нужда в создании новых законов, но всегда необходимо выполнять те законы, которые созданы. Когда *законодательный орган* передал *исполнение* созданных им законов в другие руки, то у него все еще остается власть взять это из других рук, когда к тому будет причина, и наказать за любое дурное управление, нарушающее законы. То же самое справедливо и в отношении *федеративной власти*, так как и она, и исполнительная власть — обе являются *министерскими* и *подчиненными по отношению к законодательной власти*, которая, как было показано, в конститу-

ционном государстве является верховной. В этом случае также предполагается, что *законодательный орган* состоит из нескольких лиц (если он будет состоять из одного лица, то он не может не действовать непрерывно, и, таким образом, как верховная власть, естественно, будет обладать верховной исполнительной властью наряду с законодательной), которые могут *собираться и осуществлять свои законодательные функции* в те сроки, какие предусмотрены в первоначальной конституции или определены их решением при окончании предыдущей сессии, или же тогда, когда им заблагорассудится, если нигде не было предусмотрено какое-либо время созыва либо же их созыв не был предписан каким-либо другим образом. Ведь верховная власть им доверена народом, они всегда являются ее носителями и могут осуществлять ее, когда им угодно, если только их первоначальная конституция не ограничивает их определенными периодами или если они посредством акта той верховной власти, которой они обладают, не перенесли это на определенный срок, и тогда, когда настанет этот срок, они имеют право *собраться и снова действовать*.

154. Если *законодательный орган* или какая-либо часть его состоят из представителей, избранных на этот срок народом, которые впоследствии возвращаются в обычное состояние подданных и не принимают участия в законодательном органе, кроме как по новому выбору, то это право выбора должно также осуществляться народом либо в определенные назначенные сроки, либо же тогда, когда он будет призван к этому. В этом последнем случае право созывать законодательный орган обычно дается исполнительной власти и имеет одно из следующих двух ограничений в отношении срока: либо первоначальная конституция требует, чтобы представители *собирались и действовали* через определенные промежутки, и тогда исполнительная власть не делает ничего, кроме официального издания руководств к их выбору и созыву в соответствии с должными формами, или же благоразумию исполнительной власти предоставляется выносить решение об их созыве путем новых выборов, когда обстоятельства или острые нужды народа требуют изменения старых законов, или создания новых, или же устранения либо предотвращения любых неудобств, которые терпит народ или которые ему угрожают.

155. Здесь могут спросить: что произойдет, если исполнительная власть, обладая силой государства, использует эту силу, чтобы воспрепятствовать *созыву и работе*

законодательного органа, в то время как первоначальная конституция или народные нужды требуют этого? Я утверждаю, что применение силы в отношении народа без всякого на то права и в противоречие доверию, оказанному тому, кто так поступает, представляет собой состояние войны с народом, который обладает правом *восстановить свой законодательный орган, чтобы он осуществлял его власть*. Ибо народ создал законодательный орган для того, чтобы он осуществлял его законодательную власть либо в определенное время, либо тогда, когда в этом есть необходимость, а когда ему мешает какая-либо сила делать то, что необходимо для общества и от чего зависит безопасность или сохранение народа, народ вправе устранить эту силу силой же. Во всех положениях и состояниях лучшее средство против силы произвола — это противодействовать ей силой же. Применение силы без полномочий всегда ставит того, кто ее применяет, в состояние войны как агрессора и дает право поступать с ним соответствующим образом.

156. Право созывать и распускать законодательный орган — право, которым обладает исполнительная власть, — не дает исполнительной власти верховенства над законодательной, а является просто доверенным полномочием, данным ей в интересах безопасности народа в том случае, когда неопределенность и переменчивость человеческих дел не могут вынести постоянного установленного правила. Ведь невозможно, чтобы первые создатели государства благодаря какому-либо предвидению в такой степени смогли предугадывать будущие события, чтобы быть в состоянии установить точно определенные периоды созывов и длительности работы *законодательных органов* во все времена, причем так, чтобы это в точности отвечало всем потребностям государства. Лучшим средством против этого недостатка было доверить это благоразумию тех, кто всегда будет налицо и чьей задачей является следить за общественным благом. *Постоянные частые созывы законодательного органа* и длительные периоды его заседаний без особой на то необходимости не могут не быть тягостны для народа и с течением времени обязательно создадут более опасные неудобства; и тем не менее стремительный ход событий иногда может потребовать немедленной помощи этого органа, малейшее промедление с его *созывом* может подвергнуть народ опасности; иногда же вопросы, рассматриваемые этим органом, могут иметь такое огромное значение, что ограниченное время его заседаний может

оказаться слишком коротким для его работы и лишить народ того блага, которое он мог бы получить только благодаря зрелому обсуждению их. Что же в таком случае можно сделать, чтобы сообщество не подвергалось время от времени неизбежному риску с той или с другой стороны, порождаемому раз навсегда фиксированными промежутками и периодами *созыва и работы законодательного органа*, как не доверить это благоразумию тех, кто, будучи налицо и разбираясь в положении общественных дел, может использовать эту прерогативу на благо общества? А в чьи руки лучше всего это передать, как не в руки тех, кому доверено исполнение законов для той же цели? Таким образом, если назначение времени для *созыва и заседаний законодательного органа* не установлено первоначальной конституцией, то оно, естественно, переходит в руки исполнительной власти, причем не как деспотической власти, зависящей от собственной прихоти, — эти полномочия всегда должны использоваться только на благо общества, как этого требуют события и изменения в делах. В мою задачу не входит установить, возникает ли меньше неудобств тогда, когда существуют *определенные сроки созыва законодательного органа*, или тогда, когда это предоставлено на *усмотрение государя*, или, возможно, тогда, когда имеется смешение того и другого; я хотел только показать, что, хотя исполнительная власть может обладать прерогативой *созывать и распускать* подобные *сессии законодательного органа*, она из-за этого все же не является верховной в отношении его.

157. Вещи в этом мире находятся в таком непрерывном изменении, что ничто не остается долго в том же состоянии. Так, народы, богатства, торговля, сила меняют свое местонахождение; могущественные цветущие города превращаются в руины и с течением времени оказываются забытыми пустынными уголками, в то время как другие отдаленные места становятся многолюдными странами, изобилующими богатством и населением. Но вещи не всегда изменяются одинаково, и частные интересы нередко сохраняют обычаи и привилегии, когда оснований для них уже нет; нередко случается, что в государствах, где часть законодательного органа состоит из *представителей*, избираемых народом, с течением времени это *представительство* становится крайне *неравным* и не соответствующим тем основам, на которых оно первоначально было установлено. К каким чудовищным неностям приводит следование обычая, когда смысла в нем уже нет, мы можем ви-

деть, если обратим внимание на одно лишь название города, от которого не осталось ничего, кроме руин, где почти что нет никаких строений, кроме овчарни, и нет жителей, кроме пастуха, а этот город посылает *столько же представителей* в великое собрание законодателей, как и целое графство, густонаселенное и обладающее большими богатствами³¹. Чужеземцы этому удивляются, и каждый вынужден признать, что необходимо принять соответствующие меры, хотя большинство считает, что здесь трудно что-нибудь придумать, поскольку конституция законодательного органа является первоначальным и верховным актом общества, предшествуя всем его положительным законам и завися исключительно от народа, и поэтому ни одна низшая власть не может изменить ее. И поэтому *народ*, после того как однажды учрежден *законодательный орган*, не имеет при такой системе правления, о которой мы говорили, *никакой власти* для принятия мер, до тех пор пока эта система правления существует; думают, что против этого неудобства нет никакого средства.

158. *Salus populi suprema lex*³² является, несомненно, настолько справедливым и основным законом, что тот, кто искренне ему следует, не может внасть в какое-либо пагубное заблуждение. Следовательно, если исполнительная власть, имеющая право созывать законодательный орган, заботясь больше о правильной пропорции, чем о форме *представительства*, регулирует не по старому обычаю, а на разумной основе *число членов* от всех мест, которые имеют право самостоятельного представительства, на что никакая часть народа, как бы она ни была объединена, не может претендовать иначе, как пропорционально к той помощи, которую она оказывает обществу, то в этом случае нельзя считать, что будет создан новый законодательный орган, напротив, будет восстановлен старый и настоящий и исправлены те беспорядки, которые возникли с течением времени столь же незаметно, как и неизбежно. Ведь интересы и намерения народа требуют справедливого и *равного представительства*; тот, кто приближает его к этому, является несомненным другом и установителем правительства и не может не получить согласие и одобрение сообщества. *Прерогатива* представляет собой не более чем власть в руках государя для заботы об общественном благе в тех случаях, когда в связи с непредвиденными и переменчивыми событиями определенные и неизменяемые законы не могут служить надежным руководством; что бы ни делалось явно для блага народа и для установления власти правительства

на его истинных основах — это есть и всегда будет справедливой *прерогативой*. Право создавать новые объединения и в связи с этим выбирать *новых представителей* предполагает, что с течением времени *нормы представительства* могут меняться и справедливое право быть представленными получают те места, которые раньше такого права не имели, и по той же причине те, что имеют право, теряют его и становятся слишком незначительными для той привилегии, которую раньше имели. Не изменение нынешнего положения, возникшего, вероятно, вследствие продажности и разложения, является покушением на правительство, а его стремление нанести ущерб народу или угнетать его и создать какую-либо группу или партию, отличную от всего остального общества и находящуюся по отношению к нему в неравном положении. Все, что не может не быть признано полезным для общества и всего народа и осуществлено посредством справедливых и серьезных мероприятий, всегда, когда это будет сделано, оправдывает себя; и если народ изберет своих *представителей* на основе справедливых и, бесспорно, *равных пропорций*, соответствующих первоначальной структуре правительства, то нельзя сомневаться, что это явится волей и актом общества независимо от того, кем это было разрешено или кто был тому причиной.

Глава XIV О ПРЕРОГАТИВЕ

159. Где законодательная и исполнительная власть находится в различных руках (как это имеет место во всех умеренных монархиях и правильно организованных правительствах), там благо общества требует, чтобы некоторые вещи были предоставлены благоразумию того, кто обладает исполнительной властью. Ведь законодатели не в состоянии предвидеть все и создавать соответствующие законы на все случаи, когда это может быть полезно обществу, и тогда исполнитель законов, имея в своих руках власть, обладает на основе общего закона природы правом использовать ее на благо общества во многих случаях, когда муниципальный закон не дает никаких указаний, до тех пор пока не будет удобно собрать законодательный орган и издать соответствующий закон. Существует много вещей, которых закон никак не может предусмотреть; и их необходимо предоставить благоразумию того, в чьих руках на-

ходится исполнительная власть, для того чтобы он распоряжался так, как того требуют общественное благо и выгода; более того, в некоторых случаях необходимо, чтобы сами законы уступали место исполнительной власти или, скорее, этому основному закону природы и правления, *viz.* чтобы, насколько только возможно, были *сохранены все* члены общества. Ведь может возникнуть целый ряд обстоятельств, когда строгое и неуклонное соблюдение законов может принести вред (как, например, нельзя снести дом невинного человека, чтобы прекратить пожар, когда горит соседний дом), а иногда человек может подпасть под действие закона, который не делает различия между людьми, за поступок, который может заслуживать награды и прощения; надо, чтобы правитель обладал властью во многих случаях умерять строгость закона и прощать некоторых преступников, поскольку *целью правительства* является *сохранение всех* по мере возможности, и следует щадить даже виновных, когда это не наносит ущерба невинным.

160. Эта власть действовать сообразно собственному разумению ради общественного блага, не опираясь на предписания закона, а иногда даже вопреки ему, и *есть* то, что называется *прерогативой*. Так как в некоторых системах правления законодательная власть не является постоянно действующей и обычно слишком громоздка и поэтому поворачивается слишком медленно, а для исполнения закона необходима быстрота и поскольку также невозможно предвидеть и, таким образом, заранее создать соответствующие законы на все необходимые случаи, которые касаются общества, или создать такие законы, которые не будут причинять вреда, если их исполнять с неукоснительной строгостью во всех случаях и по отношению ко всем лицам, которых это может коснуться, поэтому исполнительной власти предоставляется свобода делать многое по собственному выбору, чего не предусматривает закон.

161. Эта власть, пока она употребляется на благо общества и сообразно с ответственностью и целями правительства, *несомненно, является прерогативой* и никогда не ставится под вопрос. Ведь люди очень редко или даже никогда не требуют тщательного или неукоснительного соблюдения всех тонкостей; они далеки от того, чтобы исследовать *прерогативу*, до тех пор пока она в какой-либо приемлемой степени используется для той цели, для которой она предназначалась, т. е. на благо народа, а не явно во вред ему. Но если в отношениях между исполнительной властью и народом возникает сомнение *относительно ве-*

щи, именуемой *прерогативой*, склонность употреблять такую *прерогативу* на благо народа или во вред ему легко решает это сомнение.

162. Легко понять, что во времена младенчества правительств, когда государства лишь немногим отличались от семей по количеству людей, они в столь же малой степени отличались от них по количеству законов. И поскольку правители были для народа как бы отцами, опекающими его ради его собственного блага, то правление почти полностью являлось *прерогативой*. Обходились немногими установленными законами, а благоразумие и забота правителя делали остальное. Но когда ошибка или лесть побудила слабых государей использовать эту власть в их собственных личных целях, а не на общее благо, народ стал стремиться посредством определенных законов ограничить прерогативу в тех ее проявлениях, в каких народ терпел от нее ущерб. И таким образом, народ счел необходимым установить *ограничения для прерогативы* в тех случаях, в каких сам народ и его предки прежде предоставляли полную свободу решений благоразумию тех государей, которые пользовались данной прерогативой только по справедливости, т. е. на благо своего народа.

163. И следовательно, те, кто утверждает, что народ *посягает на прерогативу*, когда ограничивает определенными законами какую-либо ее часть, имеют весьма превратное представление о правлении. Ведь поступая подобным образом, народ не отнимает у государя ничего принадлежащего ему по праву, а лишь заявляет, что та власть, которую народ неограниченно оставлял в его руках или в руках его предков, чтобы они употребляли ее на благо народа, становится не тем, что народ ему предоставил, когда государь употребил ее на что-то иное. Ибо целью правления является благо сообщества, и все изменения, которые в нем производятся для этой цели, не могут быть *посягательством* на кого-либо, поскольку никто из находящихся у власти не может обладать правом, употребляемым для какой-либо иной цели; а *посягательством* является лишь то, что наносит ущерб или препятствует общественному благу. Те, кто говорят иначе, рассуждают так, как если бы государь обладал отдельными, не имеющими никакого отношения к благу сообщества интересами и не был бы сам для этого создан; а это есть корень и источник происхождения почти всех тех бед и беспорядков, которые имеют место при монархическом правлении. И действительно, если это так, то народ, находящийся под властью такого

государя, не является обществом разумных существ, объединившихся ради взаимного блага; значит, не они сами поставили над собой правителей, чтобы охранять это благо и способствовать ему; напротив, на них следует смотреть лишь как на стадо низших существ, находящихся под властью хозяина, который их содержит и распоряжается ими для своего удовольствия или выгоды. Если бы люди были настолько лишены разума и настолько скотоподобны, чтобы вступить в общество на таких условиях, то *прерогатива* действительно могла бы стать такой, какой ее хотят иметь некоторые, — деспотической властью, направленной на то, чтобы вредить народу.

164. Но поскольку нельзя предположить, чтобы разумное существо, будучи свободным, стало повиноваться другому во вред себе (хотя когда человек находит хорошего и мудрого правителя, то он, возможно, не считает ни необходимым, ни полезным четко ограничивать во всем его власть), постольку *прерогатива* не может представлять собой что-либо иное, кроме как разрешение со стороны народа его правителям делать некоторые вещи по их собственному свободному выбору, когда закон молчит, а иногда также и поступать вопреки букве закона ради общественного блага; и народ соглашается с этим, когда это сделано. Ведь хороший государь, который помнит об оказанном ему доверии и заботится о благе своего народа, не может обладать слишком большой *прерогативой*, т. е. слишком большой властью творить добро; слабый же и дурной государь, притязаящий на то, что власть, которой его предшественники пользовались без предписания закона, является *прерогативой*, принадлежащей ему по его сану, которой он может пользоваться по собственному усмотрению, преследуя или осуществляя интерес, отличный от интересов народа, такой государь дает народу повод заявить о своем праве и ограничить ту власть, которую народ, пока она осуществлялась на благо ему, молчаливо допускал.

165. Вот почему тот, кто заглянет в *историю Англии*, увидит, что *самая большая прерогатива* всегда была в руках наших самых мудрых и самых лучших государей, ибо народ, наблюдая, что в целом их действия были направлены на общее благо, не оспаривал того, что совершалось вне закона ради этой цели или если какая-либо человеческая слабость или ошибка (ведь государи всего лишь люди, созданные подобно другим) проявлялась в некоторых небольших отклонениях от этой цели, но все же было видно, что в основном их поведение диктовалось только лишь за-

ботой о народе. Вот почему народ, имея основание быть довольным этими государями, в тех случаях, когда они поступали не по закону или вопреки букве закона, соглашался с содеянным и без малейшей жалобы давал им возможность увеличивать сколько угодно свою *прерогативу*, справедливо считая, что они этим не наносили ущерба законам, поскольку они поступали в соответствии с основой и целью всех законов — общественным благом.

166. Такие богоподобные государи действительно имели некоторое право на деспотическую власть, если пользоваться аргументом, который доказывает, что абсолютная монархия является лучшим правлением в мире, поскольку сам господь бог подобным образом управляет вселенной; ведь такие короли были наделены частью его мудрости и благости. На этом основана пословица: «Правление хороших государей всегда было наиболее опасным для свобод их народа», поскольку их преемники, распорядившись властью с иными мыслями, возводили действия этих хороших правителей в прецедент и считали их мерилom своей *прерогативы*, как если бы то, что делалось исключительно на благо народа, давало им право причинять вред народу, когда им заблагорассудится. Это часто вызывало споры, а иногда и общественные беспорядки, прежде чем народ мог вернуть себе свое первоначальное право и добивался того, чтобы *прерогативой* не объявлялось то, что ею в действительности никогда не было, поскольку невозможно, чтобы кто-либо в обществе когда-либо имел право причинять вред народу, хотя весьма возможно и здраво, чтобы народ не стремился установить границы *прерогативы* тех королей или правителей, которые сами не преступали границ общественного блага. Ибо *прерогатива является не чем иным, как правом творить общественное благо без закона*.

167. Право *созыва парламента* в Англии в том, что касается времени, места и срока, является, несомненно, *прерогативой* короля, но при том условии, что она будет использована на благо нации, как этого потребуют время и обстоятельства. Ведь невозможно предусмотреть, в каком месте парламенту будет лучше всего собраться и в какое время, а поэтому выбор здесь предоставляется исполнительной власти, чтобы наилучшим образом содействовать общественному благу и соответствовать целям парламента.

168. В том, что касается *прерогативы*, будет задаваться старый вопрос: «Но кто будет судьей, определяющим правильность применения этой власти?» Я отвечаю: между

действующей исполнительной властью, обладающей подобной прерогативой, и законодательным органом, зависящим от нее в отношении созыва, *на земле* не может быть *судьи*; точно так же, как не может быть судьи между законодательной властью и народом, если исполнительный либо законодательный орган, получив власть в свои руки, умыслит поработить или уничтожить народ или станет осуществлять это. Против этого у народа нет никаких средств, как и во всех других случаях, где для него нет судьи на земле, кроме как *обращения к небесам*. Ведь правители, пытаясь совершить это, используют власть, которую народ никогда не передавал в их руки (нельзя же предположить, чтобы народ согласился на то, чтобы кто-либо управлял во вред ему), и, следовательно, делают то, на что они не имеют права. А в тех случаях, когда группа людей или какой-либо отдельный человек лишаются своего права или находятся под давлением власти без права и им некуда обратиться на земле, тогда они вольны воззвать к небесам, если они считают повод достаточно серьезным. И следовательно, хотя *народ* не может быть *судьей*, обладающим по конституции этого общества высшей властью для определения и вынесения действительного приговора в этом случае, все же он сохраняет по закону, предшествующему и превосходящему все положительные законы людей, то окончательное определение, которым обладает все человечество в тех случаях, когда не к кому обратиться на земле, *viz.* правом судить о том, имеется ли у него достаточный повод воззвать к небесам. И лишиться этого суждения народ не может, поскольку свыше человеческих сил в такой степени покориться другому, чтобы дать ему свободу уничтожить себя; бог и природа никогда не разрешали человеку забываться в такой степени, чтобы пренебрегать самосохранением, и поскольку он не может сам лишиться себя жизни, то он не может дать такое право и другому. Пусть никто не думает, что тем самым кладется основа для вечных беспорядков: ведь это не вступает в силу, пока неудобство не становится столь велико, что большинство его ощущает и тяготится им и тогда оно считает необходимым исправить это положение. Но исполнительной власти или мудрым государям никогда не нужно допускать этой опасности, и именно ее они больше всего должны избегать, и она больше всех других является самой губительной.

Глава XV
ОБ ОТЦОВСКОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И ДЕСПОТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ,
РАССМАТРИВАЕМЫХ СОВМЕСТНО

169. Хотя я имел уже случай говорить о них порознь, но поскольку величайшие ошибки недавнего прошлого относительно правления возникли, как я полагаю, благодаря смешению этих различных видов власти друг с другом, то, возможно, будет нелишним рассмотреть их здесь совместно.

170. Итак, *во-первых, отцовская или родительская* власть есть не что иное, как та власть, которую родители имеют над своими детьми, управляя ими ради их же блага, пока они не научатся пользоваться своим разумом или не достигнут такой степени познания, когда можно будет предположить, что они в состоянии понимать тот закон, будь то закон природы или муниципальный закон их родины, которым они должны руководствоваться, — в состоянии, говорю я, познать его, подобно другим людям, живущим как свободные люди под сенью этого закона. Привязанность и нежность к своим детям, которые бог вселил в сердца родителей, делают очевидным, что это правление не должно быть суровым и деспотичным, но должно быть направлено только на помощь, обучение и сохранение их потомства. Но как бы то ни было, как я уже доказал, нет никаких оснований, по которым можно было бы считать, что оно распространяется в какое-то время на решение вопроса о жизни и смерти детей в большей степени, чем это имеет место по отношению к кому-либо другому; точно так же нет никакого повода для того, чтобы эта родительская власть держала ребенка, когда он уже стал взрослым, в подчинении воле родителей, за исключением того, что раз он получил жизнь и образование от своих родителей, то обязан проявлять уважение, почтение, благодарность, оказывать помощь и поддержку всю свою жизнь как отцу, так и матери. И таким образом, верно, что *родительское правление* является естественным правлением, но оно ничуть не распространяется на цели и юрисдикцию правления политического. *Власть отца* совершенно не распространяется на *собственность* детей, которой могут распоряжаться только они сами.

171. *Во-вторых, политическая власть* — это та власть, которую каждый человек, обладая ею в естественном состоянии, передал в руки общества и тем самым правите-

лям, которых общество поставило над собой с выраженным или молчаливым доверием, что эта власть будет употреблена на благо членов общества и на сохранение их собственности. Следовательно, эта *власть*, которой обладает каждый человек в *естественном состоянии* и которую он уступает обществу во всех тех случаях, когда общество может охранять его, должна применять такие средства для сохранения его собственности, которые он считает хорошими и которые допускает природа, а также наказывать нарушение закона природы другими так, чтобы (настолько, насколько он может об этом судить) это могло бы содействовать сохранению его и остального человечества. Таким образом, *цель и мерило этой власти*, когда она находится в руках каждого человека в естественном состоянии, заключается в сохранении всех принадлежащих к его обществу, т. е. всего человечества в целом, в силу чего эта власть, находясь в руках должностного лица, не может иметь иной *цели* и иного *мерила*, как сохранять членов этого общества, а значит, сохранять их жизнь, свободы и имущество. И следовательно, эта власть не может быть деспотической и абсолютной, распространяющейся на их жизнь и богатства, которые, насколько возможно, должны сохраняться; напротив, это должна быть *власть*, которая *создавала бы законы* и предусматривала бы за их нарушение такие *наказания*, которые способствовали бы сохранению целого, отсекая такие части, и только такие, которые настолько уже испорчены, что угрожают целому и здоровому, без чего никакая суровость не является законной. И эта *власть* *проистекает лишь из договора* и соглашения и из взаимного согласия тех, кто составляет сообщество.

172. *В-третьих, деспотическая власть* — это абсолютная, неограниченная власть, которой обладает один человек над другим, имея возможность лишить его жизни, когда ему заблагорассудится. Это такая власть, которой не дает природа, так как она не провела такого различия между одним человеком и другим; ее не может предоставить и договор; поскольку человек не обладает подобной неограниченной властью над своей собственной жизнью, постольку он не может дать и другому человеку такую над ней власть; эта власть является *лишь следствием* угрозы утраты своей собственной жизни, которой подвергает себя агрессор, когда ставит себя в состояние войны с другим. Ведь он расстается с разумом, который дал господь, чтобы он был законом между человеком и человеком и общей связью, посредством которой человеческий род объединен

в одно товарищество и общество; и, отрешившись от мирного образа жизни, которому разум учит, и применив военную силу, чтобы навязать свои несправедливые притязания другому, когда у него нет на то права, и, таким образом, отрешившись от своего собственного рода и опустившись до уровня животных, делая силу, которая им свойственна, своим законом и правом, он сам ставит себя в такое положение, когда пострадавший и остальная часть человечества, которая присоединится к последнему для осуществления правосудия, вправе уничтожить его как любого другого дикого зверя или любое вредное животное, которые не дают возможность человечеству жить в обществе и пользоваться безопасностью³³. И таким образом, *пленные, взятые в справедливой и законной войне, и только в такой, подчиняются деспотической власти*; а эта власть, так как она вытекает не из договора и не допускает его вообще, представляет собой лишь продолжение состояния войны. Какой договор можно заключить с человеком, который не может распоряжаться собственной жизнью? Какое условие он может исполнить? А если ему хоть однажды разрешить распорядиться собственной жизнью, то *деспотическая и неограниченная власть его господина прекращается*. Тот, кто является господином над самим собой и над своей жизнью, обладает также правом на средства ее сохранения; таким образом, *как только заключается договор, рабство прекращается*, и тот, кто вступает в договорные отношения со своим пленником, тем самым отказывается от своей абсолютной власти и прекращает состояние войны.

173. *Природа предоставляет* первый из этих видов власти, *viz. отцовскую власть, родителям* для блага их детей во время их младенчества, чтобы возместить недостаток у них понимания и способности распоряжаться своей собственностью (под *собственностью* я, как и в других местах, подразумеваю здесь ту собственность, которой люди обладают, на самих себя, равно как и на свое имущество). *Добровольное соглашение* дает второй вид власти, *viz. политическую власть правителям* на благо их подданных, дабы обеспечить им владение и пользование их собственностью. И угроза расплаты собственной жизнью *дает* третий вид власти, *деспотическую власть господам*, ради их собственного блага, над теми, кто лишен всякой собственности.

174. Тот, кто рассмотрит различное происхождение и размеры и разные цели этих видов власти, ясно увидит,

что *отцовская власть* настолько же меньше власти *должностного лица*, насколько *деспотическая* власть ее превосходит, и что *абсолютная власть*, у кого бы она ни находилась, весьма далека от того, чтобы быть видом гражданского общества; она настолько же несовместима с ним, как рабство с собственностью. *Отцовская власть* существует только там, где младенчество делает ребенка неспособным распоряжаться своей собственностью; *политическая* — там, где люди имеют в своем распоряжении собственность; а *деспотическая* — распространяется на тех, кто совершенно не имеет никакой собственности.

Глава XVI О ЗАВОЕВАНИИ

175. Хотя правительства первоначально не могли возникнуть иначе, чем так, как это описывалось выше, равно как и государства не могли быть *основаны* на чем-либо ином, кроме *согласия народа*, но все же беспорядки, которыми честолюбие наполнило мир, были таковы, что в шуме войны, которая составляет столь значительную часть истории человечества, на это *согласие* мало обращается внимания. Вот почему многие ошибочно принимали силу оружия за согласие народов и считали завоевание одной из первопричин возникновения правления. Но *завоевание* столь же далеко от установления какого-либо правления, как разрушение дома — от постройки нового на том же месте. Действительно, дорога новому государственному строю часто открывается благодаря уничтожению прежнего; но без согласия народа никогда нельзя создать новый строй.

176. То, что *агрессор*, ставящий себя в состояние войны с другим и *несправедливо посягающий* на права другого человека, *никогда не может получить* благодаря подобной несправедливой войне *право над покоренным*, легко будет признано всеми людьми, которые не сочтут, что разбойники и пираты обладают правом власти над всеми теми, кого им удалось одолеть силой, или что люди связаны обещаниями, исторгнутыми у них незаконным применением силы. Если разбойник вломится в мой дом и, приставив мне к горлу кинжал, заставит меня приложить печать к обязательству передать ему мое имение, то разве это даст ему какое-либо право? Точно таким же правом, добытым с помощью меча, обладает и *несправедливый завоеватель*,

который принуждает меня к подчинению. Несправедливость и преступление — одно и то же, независимо от того, совершены ли они венценосцем или мелким негодяем. Титул преступника и количество его приспешников не меняют характера преступления, разве что отягощают его. Разница только в том, что крупные разбойники наказывают мелких, чтобы держать их в повиновении, а крупных награждают лаврами и триумфами, так как они слишком сильны для слабых рук правосудия в этом мире и сами обладают властью, которая должна наказывать преступников. Что я могу предпринять против разбойника, вломившегося подобным образом в мой дом? *Воззвать* к закону для осуществления правосудия. Но возможно, что в правосудии мне отказано, или я калека и не могу пошевелиться, или я ограблен и не имею средств для этого. Если господь лишил меня всех средств, с помощью которых можно восстановить справедливость, то мне ничего не остается, кроме терпения. Однако мой сын, когда будет в состоянии, сможет искать поддержки закона, которой лишен я; он или его сын может возобновить свое *прошение*, пока он не восстановит свое право. Но покоренные или их дети не имеют ни суда, ни судьи, к которым они могли бы обратиться на земле. Тогда они могут *воззвать*, как это сделал Иеффай, к *небесам* и повторять свое *обращение* до тех пор, пока они вновь не получают природное право своих предков, которое заключалось в том, что они могли иметь над собой такой законодательный орган, который бы большинство одобрило и свободно признало. Если на это будут возражать, что это вызовет бесконечные беспорядки, то я отвечаю: не в большей степени, чем правосудие, когда оно доступно всем, кто к нему взывает. Тот, кто докучает без причины своему соседу, наказывается за это решением суда, к которому он обращается. Тот же, кто *обращается к небесам*, должен быть уверен, что право на его стороне, и притом такое право, которое стоит труда и издержек, связанных с этим обращением; ведь ему придется отвечать перед таким трибуналом, который невозможно обмануть и который, несомненно, воздаст каждому соразмерно тому злу, которое он причинил своим собратьям по подданству, т. е. любой части человечества. Отсюда совершенно очевидно, что тот, кто *побеждает в несправедливой войне*, не может благодаря этому *приобрести право на покорность и повиновение побежденного*.

177. Но предположим, что победа будет сопутствовать правой стороне, и рассмотрим положение *победителя*

в законной войне, чтобы узнать, какую власть он получает и над кем.

Во-первых, совершенно очевидно, что в результате завоевания он *не получает власти над теми, кто воевал вместе с ним*. Те, кто сражался на его стороне, не могут нести ущерб в результате завоевания, но должны по крайней мере быть в такой же степени свободными людьми, как и раньше. Чаще всего они служат на определенных условиях, причем подразумевается, что они должны будут вместе со своим предводителем участвовать в дележе добычи и что на их долю выпадут различные другие преимущества, которые сопутствуют победоносному мечу, или что они по крайней мере получают какую-либо часть завоеванной страны. И *народ-завоеватель не станет*, я надеюсь, *из-за завоевания* рабом и не будет носить свои лавры лишь для того, чтобы показать, что им, народом, пожертвовали ради триумфа его предводителя. Те, кто основывает абсолютную монархию на праве меча, превращают своих героев, являющихся основателями таких монархий, в отъявленных *убийц* и забывают, что еще и другие офицеры и солдаты сражались на их стороне в выигранных ими битвах, или помогали им покорить побежденных, или же совместно с ними владели завоеванными странами. Некоторые говорят нам, что английская монархия была основана во время норманнского завоевания и что поэтому наши государи имеют право на абсолютную власть. Если бы это было верно (поскольку из истории это представляется иначе) и Вильгельм³⁴ имел право вести войну на этом острове, то все же его власть, основанная на завоевании, могла простираться лишь на саксов и бриттов, которые являлись тогда обитателями этой страны. Норманны, пришедшие вместе с ним и помогавшие ему в завоевании, и все их потомки являются свободными людьми, а не подданными в результате завоевания, какую бы власть ни давало это завоевание. И если я или кто-либо другой станем претендовать на свободу на основании того, что мы являемся их потомками, то доказать противное будет весьма трудно; и совершенно очевидно, что закон, который не делает никакого различия между одним и другим, не предусматривает какой-либо разницы между свободой и привилегиями того и другого.

178. Но предположим, хотя это бывает и редко, что победители и побежденные так и не сливаются в один народ, обладающий одними и теми же законами и свободой. Рассмотрим теперь, *какой властью законный завоеватель об-*

даает над покоренными; эта власть, как я говорил, является чисто деспотической. Он обладает абсолютной властью над жизнями тех, кто, начав несправедливую войну, поставил свою жизнь под угрозу, но не над жизнями или состоянием тех, кто не участвовал в войне, равно как и не над собственностью даже тех, кто на самом деле участвовал в ней.

179. *Во-вторых*, я утверждаю, что *победитель* не получает никакой иной власти, кроме как над теми, кто действительно помогал, участвовал или одобрял несправедливое применение силы против него. Так как народ не давал своим правителям полномочий творить беззаконие, каким является ведение несправедливой войны (ведь народ никогда сам не обладал такими полномочиями), то его нельзя считать виновным в насилии и несправедливости, совершенных в несправедливой войне, в большей мере, чем он действительно в этом участвовал, равно как нельзя считать народ виновным в каком-либо насилии или угнетении, которое его правители употребляли в отношении самого же народа или какой-либо части его собратьев по подданству, ведь народ в равной степени не уполномочивал их ни на то, ни на другое. Правда, победители редко утруждают себя подобными различиями, они охотно допускают, чтобы смятение, вызванное войной, перемешало все; однако это еще не меняет права. Ведь власть победителя над жизнью побежденных существует лишь потому, что последние применили силу, чтобы совершить или поддержать несправедливость, и поэтому он может обладать такой властью лишь над теми, кто участвовал в этом применении силы; все остальные невинны; и он обладает не большим правом на власть над народом данной страны, который не причинил ему никакого вреда и, таким образом, не ставил под угрозу свою жизнь, чем над кем-либо другим, кто без всяких посягательств и провокаций жил совместно с ним в дружеских отношениях.

180. *В-третьих*, *власть*, которую *победитель* получает над побежденными в справедливой войне, является *полностью деспотической*; он обладает абсолютной властью над жизнями тех, кто, поставив себя в состояние войны, ставил свою жизнь под угрозу, но этим он не приобретает права и власти над их имуществом. Я не сомневаюсь, что это может показаться с первого взгляда странной доктриной, поскольку она совершенно расходится с тем, что принято в этом мире; нет ничего более обычного, чем, говоря о владении странами, сказать, что такая-то страна ее завоевала,

как если бы завоевание без всяких других хлопот давало право на владение. Но мы должны учесть, что, как свидетельствует опыт всех времен и народов, сильные и могучие редко руководствуются правом при осуществлении своего правления, хотя одним из проявлений покорности со стороны побежденных является принятие без спора тех условий, которые начертаны победоносным мечом.

181. Хотя для всех войн обычно сочетание насилия и ущерба и редко случается так, что агрессор не причиняет вреда имуществу, применяя силу в отношении тех лиц, против которых он ведет войну, все же только применение силы ставит человека в состояние войны. Независимо от того, наносит ли он ущерб с помощью силы или же, нанеся ущерб потихоньку, путем обмана, отказывается возместить за содеянное и с помощью силы удерживает захваченное (это то же, как если бы с самого начала сделать это с помощью силы), именно несправедливое применение силы создает войну. Ибо тот, кто вламывается в мой дом и вышвыривает меня за дверь или, пробравшись туда мирным путем, силой держит меня снаружи, фактически делает одно и то же. Предположим, что мы находимся в таком состоянии, когда не имеем общего судьи на земле, к которому я бы мог обратиться и которому мы оба обязаны были бы подчиниться; как раз о таком случае я сейчас говорю. Именно *несправедливое применение силы ставит человека в состояние войны* с другим, и тем самым тот, кто в этом виновен, ставит под угрозу свою жизнь. Ведь, распrostившись с разумом, который является законом, установленным между человеком и человеком, и применяя силу, подобно зверям, он подлежит уничтожению со стороны того, против кого он применяет силу, как любой хищный зверь, опасный для существования человека.

182. Однако неправильные действия отца не являются проступками детей, и последние могут быть существами разумными и мирными, несмотря на скотство и несправедливость отца; отец благодаря своим прегрешениям и насилиям может ставить под угрозу лишь свою собственную жизнь, не вовлекая, однако, своих детей в свой грех или разорение. Его имущество, которое природа, желающая сохранить все человечество, насколько это возможно, сделала собственностью детей, дабы не допустить их гибели, все еще продолжает принадлежать его детям. Предположим, что они не участвовали в войне либо по причине младенчества, отсутствия, либо по собственному желанию и они не совершили ничего, что ставило бы под

угрозу их имущество; и *завоеватель не имеет никакого права* отнимать его у них лишь на том основании, что он покорил того, кто силой хотел добиться его гибели; хотя, возможно, он и обладает некоторым правом на это имущество, чтобы возместить ущерб, нанесенный ему войной и защитой своего права; насколько это распространяется на имущество покоренных, мы еще увидим в дальнейшем. Таким образом, тот, кто *благодаря завоеванию имеет право на личность человека* и может уничтожить его, если ему заблагорассудится, *не имеет* вместе с тем права на владение и пользование *его имуществом*. Ведь именно грубая сила, к которой прибегнул агрессор, дает право его противнику лишить его жизни и уничтожить его, если ему заблагорассудится, как вредное животное. Но лишь понесенный ущерб дает ему право на имущество другого человека: ведь хотя я могу убить разбойника, напавшего на меня на большой дороге, я все же не могу (хотя это и кажется меньшим) отобрать у него деньги и отпустить его: это было бы грабежом с моей стороны. Его сила и состояние войны, в которое он себя поставил, побудили его рисковать жизнью, но это не дает мне права на его имущество. Таким образом, *право завоевания простирается лишь на жизнь* тех, кто участвовал в войне, но *не на их имущество*, которое может быть использовано лишь в такой мере, чтобы возместить понесенный ущерб и военные издержки; причем и тогда необходимо охранять права невинных жен и детей.

183. Предположим, что справедливость полностью на стороне *победителя*, и все же он *не имеет права* захватывать больше, чем то, что мог поставить на карту побежденный; его жизнь зависит от милости победителя, и его услуги и имущество последний может использовать для возмещения понесенного ущерба; но победитель не может взять имущество жены и детей побежденного; они также имеют право на имущество, которым он пользовался, и свою долю в имении, которым он владел. Например, я, находясь в естественном состоянии (а все государства находятся в естественном состоянии по отношению друг к другу), нанес ущерб другому человеку и отказался дать удовлетворение; это порождает состояние войны, в которой я силой защищаю несправедливо добытое, что делает меня агрессором. Я побежден; моя жизнь, и это справедливо, как поставленная на карту, зависит от милости победителя, но не жизнь моей жены и детей. Они не вели войны и не способствовали ей. Я не мог поставить на карту их

жизни, ведь они не принадлежали мне, и я не мог ими распоряжаться. Моя жена имеет право на долю моего имения; эту долю я также не мог поставить на карту. Также и мои дети, родившиеся от меня, имеют право на то, чтобы я содержал их своим трудом или пособием. Таким образом, здесь мы имеем следующее положение: победитель имеет право на возмещение понесенного ущерба, а дети имеют право на имение отца для своего пропитания; что же касается доли жены, то независимо от того, имеет ли она право на нее благодаря своему труду или договору, совершенно очевидно, что муж не мог поставить на карту то, что принадлежит ей. Как следует поступить в подобном случае? Я отвечаю: основной закон природы состоит в том, что все, что только можно, должно быть сохранено; отсюда вытекает, что если не имеется достаточно имущества, чтобы полностью *удовлетворить* обе стороны, *viz. потери победителя* и потребности детей, то тот, кто и так обладает достатком, должен отказаться от чего-либо, хотя бы он при этом и не получал полного удовлетворения, и уступить неотложному и первоочередному праву тех, кому без этого угрожает гибель.

184. Но предположим, что *издержки и ущерб войны* должны быть компенсированы победителю до последнего фартинга и что дети побежденного, лишившись всего имущества своего отца, должны быть обречены на голодную смерть; и все же удовлетворение, которое в данном случае должен получить победитель, вряд ли даст ему *права на какую-либо страну, которую он завоеует*. Ведь ущерб, понесенный от войны, вряд ли будет равным стоимости значительного *участка земли* в любой части света, где вся земля находится в чьем-либо владении и где нет невозделанной земли. А если я не отнял землю победителя, что совершенно невозможно, поскольку я являюсь побежденной стороной, то едва ли какой-либо иной причиненный мной ущерб может сравниться с ценностью моей земли, если предположить, что она так же хорошо обработана и по своим размерам приближается к той его земле, где прошли мои войска. Уничтожение годового или же двухгодичного продукта является почти максимальным ущербом, который обычно можно нанести (так как он редко достигает размеров продукта четырех или пяти лет). Что же касается денег и им подобных богатств и сокровищ, отнятых у побежденного, то они не относятся к дарам природы, они обладают лишь фантастической, воображаемой стоимостью: природа не снабдила их ничем подобным; по ее

мерилу они обладают не большей ценностью, чем вампомпеке³⁵ американцев для европейского государя или серебряные европейские деньги в прежние времена для американца. А продукт за 5 лет не равен по своей ценности вечному наследственному владению *землей* в тех местах, где вся земля находится в чьем-либо владении и не остается невозделанных участков, которые мог бы занять тот, чьи права на владение недвижимостью были нарушены. Это легко понять: ведь если устранить воображаемую стоимость денег, то диспропорция [между величиной ущерба и стоимостью земли] будет больше, нежели между пятью и пятьюстами; хотя в то же время продукт полугода стоит дороже наследственного владения там, где *земли* больше, чем находится ее во владении жителей и чем они используют, причем каждый имеет право использовать невозделанную землю; но там победители не стараются завладеть *землями побежденных*. Таким образом, никакой ущерб, который люди в естественном состоянии (а все государя и правительства по отношению друг к другу таковы) терпят друг от друга, не дает победителю власти лишить собственности потомство побежденного и отнять у них то наследство, которое должно находиться во владении их самих и их потомков во всех поколениях. Победитель действительно будет склонен считать себя господином, а само положение покоренных не даст им возможности отстаивать свое право. Но если это все и так, это не дает еще никакого иного права, чем то, которое голая сила дает сильнейшему над слабейшим. А на таком основании более сильный будет иметь право на все, что ему заблагорассудится захватить.

185. Над теми же, кто стал на его сторону в войне, а также над теми жителями покоренной страны, которые не оказывали ему сопротивления, и даже над потомством тех, кто оказывал ему сопротивление, победитель, даже в справедливой войне, на *основании своего завоевания не имеет права повелевать*. Они свободны от какого-либо подчинения ему, и если их прежнее правительство распущено, то они вольны создать себе новое.

186. Верно, что победитель обычно силою принуждает их, приставив меч к их груди, пойти на его условия и подчиниться такому правительству, которое ему заблагорассудится им дать; но вопрос заключается в том, какое право имеет он так поступать? Если будет сказано, что они подчиняются по собственному согласию, то тогда подразумевается, что их *согласие необходимо* для того, чтобы *дать*

победителю право управлять ими. Остается только поразмыслить над тем, в какой мере обещания, исторгнутые силой без права, можно считать согласием и насколько они обязывают. На это я скажу, что они совершенно не обязывают, потому что если другой получает что-либо от меня силой, то право по-прежнему сохраняется за мной, и он обязан возместить мне это в ближайшее время. Тот, кто силой отнимает у меня лошадь, должен вернуть ее в ближайшее время, и я по-прежнему сохраняю за собой право взять ее обратно. По той же причине тот, кто силой вынуждает у меня обещание, должен в ближайшее же время дать мне возмещение, i. e. освободить меня от этого обязательства, или я сам возьму его обратно, i. e. решу, буду ли я его выполнять. Ведь закон природы, накладывая на меня обязательство только по тем правилам, которые предписывает природа, не может обязать меня нарушить ее правила; а исторгнуть у меня что-либо силой и будет означать именно это. Не меняет дела, если сказать: «Я даю обещание»; это не в большей мере извиняет силу и обходит право, чем в том случае, когда я опускаю руку в свой карман и сам даю свой кошелек грабителю, который требует его, приставив к моей груди пистолет.

187. Из всего этого вытекает, что *правление, силой навязанное победителем* покоренным, вести войну с которыми он не имел права, или тем, кто не участвовал в войне против него, когда он был прав, *не накладывает на них никаких обязательств.*

188. Но предположим, что все в этом сообществе, будучи членами одного и того же политического организма, совместно участвовали в несправедливой войне, в которой они были побеждены, и, следовательно, их жизнь зависит от милости победителя.

189. Я утверждаю, что это не касается их детей, находящихся в младенческом возрасте. Ведь поскольку отец сам не имеет права распоряжаться жизнью и свободой своего ребенка, постольку ни одно из его действий, очевидно, не может ставить их под угрозу. Таким образом, дети, что бы ни случилось с их отцами, являются свободными людьми, и абсолютная власть *победителя* распространяется лишь на личность тех людей, которые были им побеждены, и заканчивается вместе с их смертью; и даже если он будет распоряжаться ими как рабами, находящимися в его абсолютной деспотической власти, он *не имеет такого права владычества* над их детьми. Власть над ними он может иметь только с их собственного согласия, что бы

он ни заставлял их говорить или делать; и у него нет законного права до тех пор, пока сила, а не выбор принуждает их к покорности.

190. Каждый человек рождается с двойным правом: *во-первых, с правом свободы личности*, над которой ни один другой человек не имеет власти и свободно распоряжаться которой может только он сам; *во-вторых, с правом, преимущественным перед любым другим человеком, наследовать вместе с братьями имущество своего отца.*

191. По первому из них человек *по природе свободен* от подчинения какому-либо правительству, хотя бы он и родился в месте, находящемся под его юрисдикцией. Но если он отказывается подчиниться законному правительству страны, в которой он родился, то должен также отказаться от права, принадлежащего ему по законам этого правительства, и от имущества, которое перешло к нему там от его предков, если это было правительство, созданное с их согласия.

192. По второму жители любой страны, которые происходят от тех, кто был покорен, и по наследству обладают правом на их имущество, и имеют правительство, навязанное им вопреки их свободному согласию, *сохраняют право на владения своих предков*, хотя они не соглашаются добровольно на правление, жестокие условия которого были силой навязаны хозяевам этой страны. Так как первый *завоеватель никогда не имел права на землю* этой страны, то люди, являющиеся потомками или претендующими на то, что они являются потомками тех, кого силой принудили покориться ярму насильно навязанного правительства, всегда имеют право сбросить его и освободиться от узурпации или тирании, которые принес им меч, пока их правители не создадут для них такой государственный строй, на который они охотно и по собственному выбору согласятся. Кто может сомневаться в том, что греческие христиане, потомки древних владельцев этой страны, могут по праву сбросить турецкое иго, под которым они так долго стонут, как только у них для этого появится сила? Ведь ни одно правительство не имеет права на повиновение со стороны народа, который не согласился на это добровольно; а этого народ, очевидно, никогда не сможет сделать, если только он не будет находиться в состоянии полной свободы выбора своего правительства и правителей или по крайней мере до тех пор, пока этот народ не обладает такими устойчивыми законами, на которые он сам или его представители дали свое добровольное согласие,

а также до тех пор, пока народу не будет позволено владеть принадлежащей ему собственностью, а это означает, что народ будет являться собственником того, что он имеет, что никто не может взять какую-либо часть этого, не получив согласия самого народа, без чего люди при любом правлении не находятся в положении свободных людей, а являются настоящими рабами, подчиняющимися военной силе.

193. Но даже допуская, что *победитель* в справедливой войне имеет право на владения побежденных, равно как и право распоряжаться их жизнью — а этим, совершенно очевидно, он *не обладает*, — то отсюда еще не следует что-либо напоминающее *абсолютную власть* при продолжении правления. Потому что потомки побежденных будут все свободными людьми, если победитель наделит их именьями и собственностью, чтобы они жили в его стране (без этого она не будет ничего стоить); и что бы он ни предоставил им, они обладают этим, поскольку это им предоставлено, как *собственностью*; что означает, что *без собственного согласия человека это не может быть у него взято*.

194. Их *личность свободна* по прирожденному праву, а их *собственность*, будь она больше или меньше, *принадлежит им и находится в их собственном распоряжении*, а не в его; в противном случае это не собственность. Предположим, что победитель дает одному человеку тысячу акров, ему и его потомкам навечно; другому же он сдает в аренду тысячу акров пожизненно, из расчета арендной платы в 50 фунтов стерлингов или в 500 фунтов стерлингов в год. Разве не обладает один из них правом на свою тысячу акров навечно, а другой — в течение своей жизни при уплате указанной арендной платы? И разве не обладает пожизненный арендатор *собственностью* на все, что он получает сверх своей арендной платы благодаря своему труду и прилежанию во время указанного срока, если, положим, это вдвое превысит арендную плату? Разве может кто-либо сказать, что король или завоеватель после своего пожалования может по праву победителя отнять всю землю или часть ее у наследников того или другого при его жизни, если тот платит арендную плату? Или разве он может отнять у каждого из них по своей прихоти имущество или деньги, которые они получили с этой земли? Если он может это сделать, то тогда прекращаются и аннулируются все свободные и добровольные *договоры* в мире; тогда ничего не требуется для того, чтобы расторгнуть их в любое время, кроме достаточной силы; и все *пожалования* и обе-

щания *стоящих у власти* являются лишь насмешкой и обманом. Разве может быть что-либо более смехотворное, чем сказать: «Я даю это вам и вашим детям навсегда», и при этом сказать это самым определенным и торжественным образом, какой только можно придумать, и вместе с тем понимать это так, что я имею право, если мне заблагорассудится, завтра отнять это у вас?

195. Я не буду обсуждать сейчас, не освобождены ли государи от выполнения законов своей страны; но вот в чем я уверен — они обязаны подчиняться законам бога и природы. Никто, никакая власть не могут освободить их от обязательств, накладываемых этим вечным законом. Они столь велики и столь сильны, что в случае *обещаний* ими может быть связано само всемогущество. *Пожалования, обещания и клятвы* — это те узы, которые *связывают всемогущего*, что бы ни говорили некоторые льстецы князьям мира, которые все вместе, со всеми своими народами впридачу, являются в сравнении с великим богом лишь каплей в море или пылинкой на весах, незначительным ничтожеством!

196. Вкратце *положение дел в случае завоевания* можно изложить следующим образом: победитель, если справедливости на его стороне, обладает деспотическим правом над личностями всех, кто фактически помогал вести войну против него и участвовал в ней, и имеет право на возмещение понесенного им ущерба и издержек за счет их труда и имений, не ущемляя права кого-либо другого. Над остальной частью народа, если там были люди, которые не соглашались на войну, а также над детьми самих пленников, равно как и над владениями тех и других, он не имеет никакой власти; и таким образом, *завоевание не дает ему самому законного права владычества* над ними или передачи его своему потомству; напротив, он является агрессором, если посягает на их имущество и тем самым ставит себя в состояние войны с ними; и ни он сам, ни кто-либо из его преемников не имеет больше права на властвование, чем датчане Хингар или Хубба имели здесь, в Англии, или имел бы Спартак, если бы он покорил Италию³⁶; а это значит, что они могут сбросить свое ярмо, как только бог даст мужество и возможность к этому тем, кто находится в покоренном состоянии. Какое бы право ассирийские цари ни имели на Иудею благодаря мечу, бог помог Езекии сбросить власть этой захватнической империи. «И был Господь с ним: везде, куда он ни ходил, поступал он благоразумно. И отложился он от царя Ассирийского, и не стал служить

ему» (4 Цар. 18, 7)³⁷ Отсюда совершенно очевидно, что сбросить власть, которая установлена над кем-либо не правом, а силой, хотя бы это и называлось мятежом, не является все же преступлением перед лицом господина, но это именно то, что он разрешает и одобряет, даже если бы этому препятствовали обещания и договоры, исторгнутые силой; ведь весьма вероятно для всякого, кто внимательно читал рассказ об Ахазе и Езекии, что ассирийцы покорили Ахаза и низложили его и сделали Езекию царем при жизни его отца и что Езекия по соглашению оказывал ему почтение и платил ему дань все это время³⁸

Глава XVII ОБ УЗУРПАЦИИ

197. Поскольку завоевание можно назвать иноземной узурпацией, то *узурпация* является своего рода домашним завоеванием, с той разницей, что узурпатор никогда не может иметь право на своей стороне, ибо *узурпация* может быть только тогда, когда кто-либо *овладевает тем, на что имеет право другой*. Если это только *узурпация*, то она представляет собой лишь смену лиц, а не форм и установлений правления: ведь если узурпатор распространяет свою власть за пределы того, что по праву принадлежало законным князьям или правителям государства, то это является *тиранией*, а не просто узурпацией.

198. Во всех законных правительствах назначение лиц, которые должны осуществлять правление, является столь же естественной и необходимой их частью, как и сама форма правления, и это то, что первоначально было установлено народом. Вот почему все государства с установившейся формой правления имеют также законы, согласно которым назначаются те, кто в какой-либо мере будет участвовать в органах власти, и установленные методы передачи им права. Для анархии подобает скорее не иметь вообще никакой формы правления или же согласиться на то, что она будет монархической, однако она не указывает пути, как узнать или назначить то лицо, которое станет обладать властью и будет монархом. Тот, кто приобретает хоть какую-то долю власти иными путями, чем те, которые предписаны законами сообщества, не имеет права на то, чтобы ему повиновались, хотя бы форма государства все же сохранялась, поскольку он не является тем лицом, которого назначили законы, а следовательно, не тем лицом,

на которое дал согласие народ. И ни один такой *узурпатор* и никто из его потомства никогда не могут иметь права на власть до тех пор, пока народ не будет иметь свободу выразить свое согласие, и действительно его выразит, и утвердит пребывание у власти того, кто до сих пор ее узурпировал.

Глава XVIII О ТИРАНИИ

199. Если узурпация есть осуществление власти, на которую имеет право другой, то *тирания* — это *осуществление власти помимо права*, на что никто не может иметь права. И это есть использование власти, которую кто-либо имеет в своих руках, не на благо тех, кто подчиняется этой власти, но в целях своей личной частной выгоды, когда правитель, какими бы полномочиями он ни обладал, кладет в основу своих действий не закон, а свою волю и его распоряжения и действия направлены не на сохранение собственности его народа, но на удовлетворение его собственного честолюбия, мстительности, жадности или какой-либо другой недостойной страсти.

200. Если кто-либо может сомневаться в справедливости или разумности сказанного, поскольку оно выходит из-под пера скромного подданного, то я надеюсь, что авторитет короля сделает это для него приемлемым. Король Яков I³⁹ в своей речи, обращенной к парламенту в 1603 году, сказал следующее: «Я всегда буду предпочитать благо народа и всего государства каким-либо частным и личным моим целям при составлении хороших законов и конституций, поскольку я всегда считал, что богатство и благо государства являются моим величайшим благом и блаженством в этом мире и именно этим законный король полностью отличается от тирана. Ибо я утверждаю: главная и величайшая разница между законным королем и тираном-узурпатором состоит в том, что, в то время как гордый и честолюбивый тиран считает свое королевство и народ предназначенными лишь для удовлетворения своих желаний и неумеренных appetитов, праведный и справедливый король, напротив, признает, что он предназначен для обеспечения богатства и защиты собственности своего народа». А в его речи к парламенту в 1609 году содержатся следующие слова: «Король связывает себя двойной клятвой о соблюдении основных законов своего королевства. Молчаливо, поскольку, будучи королем, он обязан охра-

нять как народ, так и законы своего королевства, и вслух при своей клятве во время коронации; точно так же каждый справедливый король в благоустроенном королевстве обязан соблюдать договор, заключенный с его народом посредством его законов, создавая свое правительство на этой основе в соответствии с тем договором, который бог заключил с Ноем после потопа: «Впредь время сева и жатвы, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся, пока существует земля». И поэтому король, управляющий благоустроенным королевством, перестает быть королем и вырождается в тирана, как только он перестает управлять согласно своим законам». И несколько далее: «Вот почему все короли, которые не являются ни тиранами, ни клятвопреступниками, будут рады ограничить себя пределами своих законов. А те, кто побуждает их к противоположному, суть твари и гады, приносящие вред как им, так и государству». В таких словах ученый король, хорошо понимавший суть вещей, излагает разницу между *королем* и *тираном*, которая заключается лишь в том, что один создает законы, ограничивающие его власть, и целью его правления является общественное благо, второй же все подчиняет своей воле и прихоти.

201. Было бы ошибочно думать, что этот недостаток присущ лишь монархиям; другие формы правления столь же ему подвержены. Везде, где власть, вложенная в чьи-либо руки для управления народом и для сохранения его собственности, применяется в других целях и используется для того, чтобы разорить его, терзать или подчинить деспотическим и беспорядочным приказаниям тех, кто обладает этой властью, везде она тотчас же становится *тиранией* независимо от того, один ли человек пользуется этой властью или несколько. Вот почему мы читаем о тридцати тиранах в Афинах, равно как и в Сиракузах; и невыносимая власть децемвиров в Риме была ничуть не лучше⁴⁰

202. *Где кончается закон, начинается тирания*, если закон преступается во вред другому. И если кто-либо из находящихся у власти превышает данную ему по закону власть и использует находящуюся в его распоряжении силу для таких действий по отношению к подданному, какие не разрешаются законом, то он при этом перестает быть должностным лицом, и поскольку он действует подобным образом без надлежащих полномочий, то ему можно оказывать сопротивление, как и всякому другому человеку, который силой посягает на права другого. Это признается в отношении низших должностных лиц. Тому, кто имеет

право схватить меня на улице, можно оказывать сопротивление как разбойнику и грабителю, если он попытается вломиться в мой дом, чтобы исполнить данное ему предписание, хотя я и знаю, что он имеет ордер и обладает юридическими полномочиями, дающими ему право арестовать меня вне дома. И мне бы очень хотелось узнать, почему это не должно относиться к самым высшим должностным лицам, равно как и к самым низшим. Разве это было бы разумно, если бы старший брат на том основании, что он получил большую часть отцовского имущества, имел тем самым право отнять любую из долей своих младших братьев? Или если бы богач, владеющий всей округой, на этом основании имел право захватить, когда ему заблагорассудится, дом и сад своего бедного соседа? Если человек на законном основании обладает огромной властью и богатствами, превосходящими то, чем располагает подавляющее большинство сынов Адама, то это далеко не предлог и тем более не основание для грабежа и угнетения, каковыми является незаконное причинение вреда другому; напротив, это является в значительной степени отягчающим обстоятельством. Преступать пределы власти не имеет права ни высокопоставленное, ни низшее должностное лицо; это в равной степени непростительно как королю, так и констеблю. Для первого это еще хуже, поскольку он облечен большим доверием, уже имеет гораздо большую долю, нежели остальные из его братьев, и, как предполагается, благодаря полученному им образованию, роду своих занятий и имеющимся у него советникам гораздо лучше знает меру справедливости и несправедливости.

203. Но разве *можно противиться велениям государя?* Разве можно оказывать ему сопротивление всякий раз, как кто-либо будет чувствовать себя обиженным и считать, что с ним поступили несправедливо? Это приведет в расстройство и сокрушит все государства, и вместо правления и порядка не останется ничего, кроме анархии и смятения.

204. На это я отвечу, что *силу следует противопоставлять лишь несправедливой и незаконной силе*; всякий же, кто оказывает сопротивление в любом другом случае, навлекает на себя справедливое осуждение бога и людей; и поэтому не возникнет никакой опасности или смятения, как это часто предполагают, так как:

205. *Во-первых*, в ряде стран особа государя по закону является священной, и, таким образом, что бы он ни приказывал или ни делал, его особа по-прежнему свободна от

всякого посягательства или насилия, в отношении него нельзя применять ни силу, ни какое-либо юридическое порицание или осуждение. Тем не менее можно оказывать сопротивление незаконным действиям какого-либо низшего должностного лица или других уполномоченных государем лиц, если только он сам фактически не поставит себя в состояние войны со своим народом, распустит правительство и понудит народ прибегнуть к той защите, на которую имеет право всякий находящийся в естественном состоянии. И кто может предсказать, чем окончится такое положение вещей? Соседнее королевство показало миру странный пример⁴¹. Во всех же остальных случаях *священность особы государя избавляет его от всяких неудобств*, благодаря чему он находится в безопасности от всякого насилия и вреда, пока существует власть, так что не может быть более разумного порядка. Ведь вряд ли часто будут возникать случаи, когда он лично может принести вред, к тому же этот вред не может быть очень большим, поскольку сам он своими лишь собственными силами не в состоянии ни уничтожить законы, ни угнетать основную массу народа; если же какой-либо государь будет проявлять столь большую слабость и столь дурной характер, чтобы желать сделать это, то неудобство в виде некоторых частных злоупотреблений, которые могут порой иметь место в тех случаях, когда на трон восходит государь-самодур, вполне уравновешивается миром для народа и безопасностью правления в лице главного должностного лица, поставленного таким образом вне опасности; для государства гораздо безопаснее, если иногда несколько частных лиц подвергнется опасности пострадать, чем если главу республики можно будет легко и при малейшем поводе ставить под удар.

206. *Во-вторых*, эта привилегия распространяется только на личность самого короля и не препятствует тому, чтобы ставились под сомнение, встречали сопротивление и противодействие те, кто несправедливо применяет силу, хотя бы они и претендовали на получение от него тех полномочий, которые не санкционированы законом. Это совершенно очевидно в том случае, когда некто имеет королевский приказ арестовать какого-либо человека и ему на то даны королем все полномочия; и однако, обладатель этого приказа не может для его исполнения вломиться в дом человека, равно как не может исполнить это повеление короля в некоторые дни или в некоторых местах, хотя в полученном им предписании ничего не говорится о подо-

бном исключении; но это те ограничения, которые наложены законом, и если кто-либо их нарушает, то королевское предписание не является тому оправданием. Ведь, поскольку власть дана королю лишь по закону, он не может уполномочить кого-либо поступать вопреки закону или оправдать подобный поступок предоставленным им полномочием. *Поручение* или *повеление* любого должностного лица, когда он не имеет на то права, является столь же *недействительным* и *незначащим*, как если бы оно исходило от любого частного лица. Разница между тем и другим заключается в том, что должностное лицо обладает некоторой властью в определенных пределах и для определенных целей, а частное лицо совсем ее не имеет. Ведь не *поручение*, а *власть* дает право действовать; однако против законов не может быть никакой власти. Но, не взирая на подобное сопротивление, особа короля и власть находятся в безопасности, и, таким образом, не существует угрозы ни для правителя, ни для правления.

207. *В-третьих*, предположим, что имеется правление, при котором особа главного должностного лица не является подобным образом священной; все же *доктрина* о законности *сопротивления* всяким незаконным проявлениям его власти *не будет* при всяком незначительном случае угрожать ему или *вносить смуту в государство*. Ибо где можно восстановить справедливость в отношении потерпевшего и возместить понесенный им ущерб посредством обращения к закону, там не может быть повода для применения силы, которая используется лишь тогда, когда человеку препятствуют обратиться к закону. Ведь враждебной силой считается лишь такая сила, которая не дает возможности подобного обращения. И только такая *сила ставит* того, кто ее применяет, в *состояние войны* и делает законным сопротивление ему. Некто, держа в руке меч, требует у меня на большой дороге кошелек, в то время когда я, может быть, не имею в кармане и двенадцати пенсов; этого человека я могу убить на законном основании. Другому я даю подержать сто фунтов стерлингов, только пока я схожу с коня, и он отказывается вернуть мне их, когда я снова сел верхом, и при этом обнажает свой меч, чтобы силой защищать обладание этими деньгами, если я пытаюсь взять их обратно. Вред, который этот человек мне причиняет, в сто или даже в тысячу раз больше, чем тот, который собирался мне причинить первый (которого я убил прежде, чем он действительно нанес мне какой-либо ущерб); и тем не менее я могу на законном основании

убить одного, а другого не могу даже ранить на законном основании. Причина этого очевидна: ведь один применял *силу*, которая угрожала моей жизни, и у меня не было *времени обратиться к закону за защитой*, а если бы я лишился жизни, тогда обращаться к закону было бы уже слишком поздно. Закон не мог бы вернуть жизнь моему мертвому телу, потеря была бы невозместимой; вот почему для предотвращения этого закон природы дал мне право *уничтожить* того, кто поставил себя в состояние войны со мной и угрожал мне уничтожением. Но в другом случае моя жизнь не находилась в опасности и я мог воспользоваться *преимуществом обращения к закону* и вернуть себе таким путем сто фунтов стерлингов.

208. *В-четвертых*, если же незаконные действия, творимые должностным лицом, продолжаются (с помощью той власти, которой он обладает), а применению средств, положенных по закону, мешает та же самая власть, все же *право сопротивления*, даже в случае таких самых отвратительных актов тирании, *не нарушит* внезапно или по ничтожному поводу *порядок правления*. Ведь если все эти действия распространяются лишь на случаи, касающиеся нескольких частных лиц, то хотя они обладают правом защищать себя и вернуть себе силой то, что у них было взято незаконной силой, однако же по этому праву нелегко вовлечь их в борьбу, в которой они наверняка погибнут; один или несколько из угнетенных людей не в состоянии нарушить *порядок правления*, когда основная масса народа не считает, что это ее касается, как не в состоянии буйный безумец или недовольный сумасброд опрокинуть благоустроенное государство; народ столь же мало склонен следовать за одним, как и за другим.

209. Но если какое-либо из этих незаконных действий распространилось на большинство народа или же если злоупотребления и угнетения коснулись лишь немногих, но в таких случаях, когда предшествующие обстоятельства и последствия наводили на мысль, что опасность угрожает всем, и если все люди глубоко убеждены, что законы, а вместе с ними и их достоинство, свободы и жизни в опасности, а возможно, и их религия, то я не знаю, что мешает им оказывать сопротивление незаконной силе, которая против них применяется. Это, я признаю, *неудобство*, которое *сопутствует всякому правлению*, когда правители довели его до подобного состояния, так что они сами находятся на подозрении у своего народа; это, пожалуй, самое опасное состояние, в которое они могут себя поста-

вить,— в чем их менее следует жалеть, потому что этого так легко избежать; ведь невозможно, чтобы правитель, если он действительно желает добра своему народу и заботится о его сохранении и блюдет его законы, не добился того, чтобы народ видел и чувствовал это; это так же невозможно, как если бы дети не видели, что отец семейства любит их и заботится о них.

210. Но если все люди будут видеть, что говорится одно, а делается другое, используются уловки, чтобы обойти закон, и данная по доверию прерогатива (которая является неограниченной властью в отношении некоторых вещей, оставленной в руках государя на благо, а не во вред народу) применяется в целях, противоположных тем, ради которых она была дана; если народ увидит, что министры и ниже стоящие должностные лица избираются так, чтобы они подходили для таких целей, и что они пользуются благоволением или отставляются в зависимости от того, насколько они способствуют этим целям или противодействуют им; если народ видит, что неоднократно проявляется неограниченная власть и что втихомолку поощряется определенная религия (хотя публично против нее выступали), которую уже готовы ввести, и что распространяющие ее получают всяческую поддержку, а если это не может быть сделано, то их всячески одобряют и привечают; если *целый ряд акций показывает, что органы власти* все склоняются к этому, то как может какой-либо человек не чувствовать себя в душе убежденным в том, к чему идет дело? В такой же мере он не может не размышлять о том, как ему спастись, если он убежден, что капитан корабля, на котором он находится, везет его и всех остальных в Алжир ⁴², поскольку он видит, что капитан все время держится этого курса, хотя противные ветры, течь в корабле и недостаток людей и продуктов часто вынуждали его на некоторое время отклоняться от этого курса, но он упорно снова ложился на него, как только ему позволяли ветер, погода и прочие обстоятельства.

Глава XIX

О РАСПАДЕ СИСТЕМЫ ПРАВЛЕНИЯ

211. Тот, кто хочет сколь-либо ясно говорить о *распаде системы правления*, должен сначала провести различие между *распадом общества* и *распадом системы правления*. То, что создает сообщество и сводит людей из разъединен-

ного естественного состояния в *одно политическое общество*, — это соглашение, которое каждый заключает со всеми остальными о том, чтобы объединиться и выступать в качестве одного целого и стать таким образом единым особым государством. Обычной и почти единственной причиной, по которой *распадается этот союз*, является вторжение иноземных войск, которые завоевывают его. Ибо в этом случае (поскольку люди не в состоянии поддерживать и сохранять себя как *один целый и независимый организм*) союз людей, относящийся к тому целому, которое из них состояло, должен неизбежно прекратиться, и, таким образом, каждый возвращается к тому состоянию, в котором он был раньше, и получает свободу самому о себе заботиться и обеспечивать свою безопасность так, как он считает это подходящим, в каком-либо другом обществе. Когда какое-либо *общество распадается*, несомненно, что система правления этого общества не может остаться. Нередки случаи, когда мечи завоевателей подрезают системы правления у самого корня и разрубают общества на куски, лишая покоренную или рассеянную массу защиты и поддержки того общества, которое должно было бы предохранить ее от насилия. Мир слишком хорошо знает об этом и является слишком просвещенным, чтобы допускать подобный способ распада систем правления, так что об этом нет необходимости больше говорить; и не требуется слишком много аргументов для доказательства того, что, когда *общество распадается*, система правления не может продолжать существовать; это столь же невозможно, как невозможно, чтобы каркас дома устоял, когда материалы, из которых он сделан, разбросаны и расшвыряны ураганом или все они превращены землетрясением в кучу мусора.

212. Помимо этого свержения *извне системы правления* *распадаются под действием сил изнутри*.

Во-первых, когда *изменяется законодательный орган*. Гражданское общество представляет собой состояние мира среди тех, из кого оно состоит и меж коими состояние войны исключено благодаря третейскому суду, который они создали в виде своего законодательного органа для прекращения всех разногласий, которые могут возникнуть между ними; именно в своем *законодательном органе* члены государства соединены и объединены все вместе в одно связанное живое тело. Это та *душа, которая дает форму, жизнь и единство* государству; благодаря этому отдельные члены пользуются взаимным влиянием, симпатией и связью; и вот почему, когда *законодательный орган раз-*

бит или *распущен*, происходят распад и смерть. Ведь если *сущность и единство общества* состоят в том, чтобы иметь одну волю, то законодательный орган, будучи однажды учрежден большинством, обладает правом провозглашать и осуществлять эту волю. *Создание законодательного органа* является первым и основным актом общества, благодаря которому обеспечивается *продолжение союза людей* под руководством определенных лиц и при ограничениях, проистекающих из законов, созданных уполномоченными на то лицами с согласия народа и по его назначению, без чего ни один человек и никакое число людей среди них не могут иметь власти создавать законы, обязательные для остальных. Когда один или несколько человек возьмутся составлять законы, не будучи на то уполномочены народом, то созданные ими законы не будут иметь силы и народ не будет обязан им повиноваться; благодаря этому люди снова окажутся вне какого-либо подчинения и могут создать себе *новый законодательный орган*, который они считают лучше, и совершенно вольны сопротивляться применению силы со стороны тех, кто, не имея на то права, захотел бы их к чему-либо принудить. Каждый может поступать по собственной воле, когда те, кто по уполномочию общества должен был бы провозглашать его волю, лишены этой возможности и их место узурпировано другими, которые не имеют на то ни права, ни полномочия.

213. Подобное положение возникает обычно в государстве из-за тех, кто злоупотребляет властью, которой он облечен; и трудно считать, что является справедливым, и знать, на кого здесь падает вина, не будучи знакомым с формой правления, при которой это происходит. Предположим, что законодательная власть находится совместно у трех различных лиц:

1. Одно наследственное лицо — обладает постоянной высшей исполнительной властью и вместе с тем властью созывать и распускать два других органа власти в определенные промежутки времени.

2. Собрание наследственного дворянства.

3. Собрание представителей, избранных *pro tempore*⁴³ народом. Такая форма правления предполагается, очевидно:

214. *Во-первых*, когда одно подобное лицо, или государь, ставит свою собственную деспотическую волю на место законов, которые представляют собой волю общества, провозглашенную законодательным органом, то тогда *законодательная власть меняется*. Ведь в действительности

законодательным органом является тот, постановления и законы которого исполняются и которому необходимо повиноваться; когда же устанавливаются другие законы и издаются другие постановления, причем они насильственно проводятся вопреки тем, которые были созданы законодательным органом, поставленным обществом, то очевидно, что *законодательная власть изменилась*. Кто бы ни вводил новые законы, не будучи на то уполномочен обществом, или кто бы ни подрывал старые, тот отвергает и уничтожает ту власть, которой они были созданы, и таким образом учреждает *новый законодательный орган*.

215. *Во-вторых*, когда государь препятствует законодательному органу собраться в должное время или мешает ему действовать свободно для осуществления тех целей, ради которых он был создан, то *законодательная власть* меняется. Ведь законодательная власть — это ни определенное число людей, отнюдь нет, ни их собрание, если у них нет также свободы обсуждать и досуга, чтобы совершенствовать то, что направлено на благо общества; когда эти условия отняты или изменены, так что общество лишено возможности осуществлять принадлежащую ему власть, то *законодательный орган* действительно *меняется*. Ибо не названия составляют правительства, а использование и применение той власти, которая, как предполагалось, должна им сопутствовать; таким образом, тот, кто лишает законодательный орган этой свободы или препятствует ему проводить свою деятельность в должные сроки, фактически *уничтожает законодательную власть и ликвидирует систему правления*.

216. *В-третьих*, когда по деспотической воле государя заменяются выборщики или меняется процедура выборов без согласия народа и в разрезе с его общими интересами, то тогда также *меняется и законодательная власть*. Ведь когда избирают не те, кого уполномочило общество, или избирают иным образом, чем это предписано обществом, то те, кто избран, не представляет собой законодательного органа, назначенного народом.

217. *В-четвертых*, передача народа в подданство иностранной державе либо государем, либо законодательным органом, несомненно, представляет собой *изменение законодательной власти* и, следовательно, *распад системы правления*. Ведь та цель, ради которой народ вступил в общество, заключается в том, чтобы охранять цельное, свободное, независимое общество, управляемое своими

собственными законами; все это утрачивается, когда людей передают под власть кого-либо другого.

218. Вполне понятно, почему при таком государственном устройстве *распад системы правления* относится за счет государя; дело в том, что он распоряжается силой, казной и должностями государства и часто убеждает себя или его лестью убеждают другие в том, что он в качестве верховного должностного лица не подлежит никакому контролю; лишь он один в состоянии принимать значительные меры для подготовки подобных изменений под видом законной власти, и он, держа ее в своих руках, может устрашать или подавлять противящихся как раскольников, бунтовщиков и врагов правительства; вместе с тем никакая другая часть законодательного органа или народа не в состоянии сама по себе попытаться провести какое-либо изменение законодательной власти без открытого и явного восстания, которое сразу же будет замечено; а когда оно берет верх, то результаты его весьма мало отличаются от иноземного завоевания. Кроме того, государь при такой форме правления обладает властью распускать другие части законодательного органа и тем самым превращать их членов в частных лиц, которые никогда не могут вопреки ему или без согласования с ним изменить законодательную власть посредством закона, поскольку его согласие необходимо для того, чтобы дать любому из их указов эту санкцию. Однако же в той мере, в какой другие части законодательного органа каким-либо образом способствуют любому покушению на образ правления и помогают осуществлению или же не препятствуют (что в их силах) осуществлению подобных замыслов, они виновны и являются соучастниками в том, что, бесспорно, является величайшим преступлением, в котором люди могут быть виновны по отношению друг к другу.

219. Есть один путь, вступив на который может распасться такая система правления, а именно когда тот, кто обладает верховной исполнительной властью, пренебрегает своими обязанностями и не исполняет их, так что уже изданные законы не могут быть введены в действие. Это совершенно очевидно приводит к анархии и в конце концов к *распаду системы правления*. Ведь законы создаются не ради сам х законов, но для того, чтобы они выполнялись и тем самым служили узами, связывающими общество, чтобы держать все части политического тела в надлежащих местах и при надлежащем функционировании; когда это полностью прекращается, то явно *прекращается* и

правление, и народ становится беспорядочной массой, лишенной всякого порядка и связи. Там, где не продолжается более отправление правосудия для обеспечения прав людей и в обществе не остается какой-либо власти, которая направляла бы его силу или обеспечивала бы нужды населения, там, несомненно, *не остается и правительства*. Когда законы не могут исполняться, то это все равно как если бы законов не было; а правление без законов, как я полагаю, представляет собой тайну в политике, непостижимую для человеческого разума и несовместимую с человеческим обществом.

220. В этом и в других подобных случаях, когда *правление распалось*, народ волен сам позаботиться о себе, создав новый законодательный орган, отличающийся от прежнего или составом, или формой, или же и тем и другим в зависимости от того, что народ сочтет более соответствующим интересам его безопасности и блага. Ведь *общество* никогда не может в результате ошибки какого-либо лица утратить природное и первоначальное право, которое оно имеет, на самосохранение, что может быть достигнуто только с помощью установленного законодательного органа и справедливого и беспристрастного осуществления изданных им законов. Однако человечество не находится в столь жалком состоянии, чтобы оно не могло использовать данное средство до тех пор, пока не будет слишком поздно вообще прибегать к какому-либо средству. Говорить *народу*, что он может позаботиться о себе, создав новый законодательный орган, когда в результате угнетения, хитрости или передачи под власть иноземной державы его прежний законодательный орган уничтожен,— это значит сказать ему только, что он может ожидать помощи, когда уже слишком поздно и зло неизлечимо. На деле это означает лишь допустить сперва, чтобы люди стали рабами, а затем начать заботиться об их свободе, и, когда они находятся в цепях, говорить им, что они могут поступать как свободные люди. Но если только это так, то это скорее насмешка, нежели помощь; и люди никогда не могут быть в безопасности от тирании, если у них нет средств избежать ее до того, пока они не очутятся полностью под ее властью; и отсюда следует, что они имеют право не только избавиться от тирании, но и не допустить ее.

221. Существует, следовательно, во-вторых, еще один путь *распада системы правления*, а именно когда законодательный орган или государь, кто-либо из них, действует вопреки оказанному им доверию.

Во-первых, законодательный орган действует вопреки оказанному ему доверию, когда он пытается посягать на собственность подданных и стать сам или сделать какую-либо часть сообщества хозяином или неограниченным повелителем жизни, свободы или имущества народа.

222. Причина, по которой люди вступают в общество, — это сохранение их собственности; и цель, ради которой они избирают и уполномочивают законодательный орган, заключается в том, чтобы издавались законы и устанавливались правила в качестве гарантии и охраны собственности всех членов общества, дабы ограничивалась власть и умерялось господство каждой части и каждого члена общества. Ведь никак нельзя предположить, будто воля общества заключалась в том, чтобы законодательный орган обладал властью уничтожить то, что каждый собирается обеспечить, вступая в общество, и ради чего люди стали подчиняться поставленным ими самими законодателям; когда же законодатели пытаются отнять и уничтожить собственность народа или повергнуть его в рабство деспотической власти, то они ставят себя в состояние войны с народом, который вследствие этого освобождается от обязанности какого-либо дальнейшего повиновения и свободен обратиться к общему прибежищу, которое бог предусмотрел для всех людей против силы и насилия. Следовательно, в том случае, когда законодательный орган преступит этот основной принцип общества и в силу честолюбия, страха, безумия или подкупа попытается захватить сам или передать в руки кого-либо другого абсолютную власть над жизнью, свободой и имуществом народа, то из-за этого нарушения доверия он лишается той власти, которую передал в его руки народ для совершенно противоположных целей, и эта власть возвращается народу, который имеет право восстановить свою первоначальную свободу и посредством учреждения нового законодательного органа (такого, какой он сочтет подходящим) обеспечить собственную безопасность и защиту, что является той целью, ради которой люди находятся в обществе. То, что я здесь сказал в отношении законодательной власти вообще, справедливо также и в отношении главы исполнительной власти, который, получив двойное доверие — как участник законодательного органа и как верховный исполнитель закона, действует в нарушение того и другого, когда пытается навязать свою деспотическую волю в качестве закона общества. Он тоже *действует в нарушение* оказанного ему доверия и тогда, когда либо пытается использовать силу, казну

и должности общества для подкупа *представителей* и для поддержки ими его замыслов, либо открыто заранее привлекает на свою сторону *выборщиков* и предписывает им избрать тех, кого он посредством уговоров, угроз, обещаний или иным каким-либо способом обратил в своих сторонников, и использует выборщиков для выбора тех, кто заранее пообещал голосовать и издавать законы, как им скажут. Но разве подобрать кандидатов и *выборщиков* и изменить способ *выборов* не означает подрезать образ правления под самый корень и отравить сам источник общественной безопасности? Ведь народ, сохранив за собой право выбирать своих *представителей* как ограду своей собственности, не мог сделать это для какой-либо иной цели, кроме как для того, чтобы эти представители могли всегда свободно избираться и, будучи так избраны, свободно действовать и советовать, как того требуют, по их суждению, необходимость для государства и общественное благо, после рассмотрения и зрелого обсуждения. Те же, кто отдают свой голос еще до того, как услышат обсуждение и взвесят доводы всех сторон, не в состоянии так поступать. Подготовка подобного законодательного собрания и попытка представить явных проводников собственной воли главы исполнительной власти в качестве подлинных *представителей* народа и законодателя общества, несомненно, является столь грубым *нарушением доверия* и столь полным заявлением о своем умысле свергнуть правительство, с каким только можно встретиться. Если же к этому еще прибавить награды и наказания, явно применяемые для этой же цели, и всевозможные превратные толкования закона, для того чтобы убрать и уничтожить всех, кто стоит на пути к осуществлению этого замысла и не хочет стать соучастником предательства свободы своей родины, то не будет никаких сомнений в том, что происходит. Какую власть должны иметь в обществе те, кто подобным образом применяет ее в нарушение оказанного им доверия, связанного с их должностью с самого ее учреждения, легко определить; и невозможно не видеть, что тот, кто однажды попытался совершить подобную вещь, уже не может больше заслуживать доверия.

223. На это, возможно, будет сказано, что так как народ невежествен и всегда недоволен, то ставить основу правления в зависимость от неустойчивого мнения и непостоянного настроения народа — это значит обрекать государство на несомненную гибель; и *ни одно правительство не будет в состоянии долго существовать*, если народ сможет

создавать новый законодательный орган всякий раз, как будет недоволен прежним. На это я отвечаю: дело обстоит как раз наоборот. Люди не так легко отказываются от старых форм, как это могут некоторые предположить. Их с трудом удастся убедить исправить явные недочеты в той структуре, к которой они привыкли. И если там имелись какие-либо изначальные недостатки или что-либо неподобающее было введено как дань времени или подкупу, то нелегко добиться изменений даже тогда, когда все на свете видят, что для этого имеется возможность. Эта медлительность народа и его нежелание отказываться от старых порядков привели к тому, что после многих революций, происходивших в этом королевстве в наш век и в прошлые века, у нас все еще сохранилась или после некоторого периода бесплодных попыток вновь к нам вернулась наша старая законодательная система — король, палата лордов и палата общин; и какие бы вызывающие действия со стороны короны ни приводили к необходимости снимать ее с головы некоторых из наших государей, они никогда не заводили народ настолько далеко, чтобы передать ее другой династии.

224. Но скажут, что эта гипотеза послужит возбудителем частых восстаний. На это я отвечаю:

Во-первых, не в большей степени, чем какая-либо другая гипотеза. Ведь когда народ делают несчастным и он оказывается подверженным злоупотреблениям деспотической власти, можно сколько угодно восхвалять его правителей и называть их сынами Юпитера; пусть они будут священными и божественными, снизошедшими с неба или помазанными им; выдавайте их за кого или за что угодно — все равно произойдет то же самое. Народ, с которым все время дурно обращаются и права которого нарушают, будет готов при первом же случае освободиться от лежащего на нем тяжкого бремени. Он будет желать и искать возможности, которая при переменчивости, слабости и случайности человеческих дел редко заставляет себя долго ждать. Тот, кто не видел подобных примеров на своем веку, очевидно, мало жил на свете, и тот, кто не может привести примеров этого при всевозможных видах правления в мире, должно быть, очень мало читал.

225. Во-вторых, отвечаю я, такие революции не происходят при всяком незначительном беспорядке в общественных делах. Грубые ошибки со стороны власти, многочисленные неправильные и неудобные законы и все промахи человеческой слабости народ перенесет без бунта и ропота. Но

если в результате длинного ряда злоупотреблений, правонарушений и хитростей, направленных к одному и тому же, народу становится ясно, что здесь имеется определенный умысел, и он не может не чувствовать, что его гнетет, и не видеть, куда он идет, то не приходится удивляться, что народ восстает и пытается передать власть в руки тех, кто может обеспечить ему достижение целей, ради которых первоначально создавалось государство и без которых древние названия и благовидные формы ничуть не лучше, а гораздо хуже, чем естественное состояние или чистейшая анархия; неудобства столь же велики и столь же близки, но средство исцеления находится гораздо дальше и труднее.

226. В-третьих, отвечу я, *данная доктрина* о том, что народ властен заново обеспечить свою безопасность с помощью нового законодательного органа, когда его законодатели нарушили оказанное им доверие, посягнув на его собственность, является *лучшей гарантией от восстания* и наиболее вероятным способом воспрепятствовать ему. Ибо восстание — это сопротивление не отдельным лицам, но власти, которая основывается лишь на конституциях и законах правительства; те же, кто силой нарушают их и силой же оправдывают свое нарушение, — кем бы они ни были — являются истинными и подлинными *мятежниками*. Ведь когда люди вступили в общество и создали гражданское правление, то они исключили применение силы и ввели законы для сохранения собственности, мира и единства между собой; те же, кто снова применяет силу в противоположность законам, начинают *rebellare*, т. е. вновь создают состояние войны и являются подлинными мятежниками. Вероятнее всего, это делают как раз те, кто находится у власти (из-за претензий на авторитет, из-за искушения применить силу, которую они имеют в своих руках, а также из-за лести их приближенных); самый подходящий способ воспрепятствовать этому злу — показать опасность и несправедливость этого тем, кто подвергается величайшему искушению впасть в него.

227. В обоих вышеупомянутых случаях, когда либо изменяется законодательный орган, либо законодатели действуют вразрез с теми целями, для которых они были назначены, те, кто виновны, *виновны в мятеже*. Ведь когда кто-либо силой уничтожает установленный законодательный орган в каком-либо обществе и законы, созданные этим органом в соответствии с оказанным ему доверием, он тем самым уничтожает третейский суд, на который согла-

сил ся каждый для мирного разрешения всех споров и который должен был являться препятствием к состоянию войны между людьми. Те, кто устраняет или меняет законодательный орган, уничтожают ту решающую силу, которой никто не может обладать, кроме как по назначению народа и с его согласия, и тем самым уничтожают власть, созданную народом, которую никто, кроме него, не может учреждать, и вводят власть, которую народ не разрешал; такие люди фактически *создают состояние войны*, которое представляет собой состояние, где действует голая сила, никем не одобренная; и таким образом, устраняя учрежденный обществом законодательный орган (чьи решения одобрены народом и объединили народ и которые народ рассматривает как свою собственную волю), они развязывают узел и *заново повергают народ в состояние войны*. И если те, кто силой уничтожает законодательный орган, являются *мятежниками*, то и самих законодателей, как было показано, нельзя не считать таковыми: когда те, кто был поставлен для защиты и охраны народа, его свободы и собственности, силой посягают на них и пытаются их отнять, то они тем самым ставят себя в состояние войны с теми, кто сделал их своими защитниками и охранителями мира, — в этом случае они доподлинно и при самых отягчающих обстоятельствах суть *rebellantes* — мятежники.

228. Но если те, кто говорит, что «это дает основание для восстания», подразумевают, что если сказать народу, что он освобождается от повиновения, когда производятся незаконные покушения на его свободу или собственность, и может оказывать сопротивление незаконному насилию со стороны тех, кто были его должностными лицами, когда они покушаются на его собственность в нарушение оказанного им доверия, то могут возникнуть гражданские войны или внутренние беспорядки, и вследствие этого подобная доктрина недопустима, так как она является губительной для мира во всем мире, тогда эти люди могут с таким же успехом и на том же основании сказать, что честные люди не могут оказывать сопротивления разбойникам или пиратам, поскольку это может привести к беспорядку или кровопролитию. Если в подобных случаях и свершится какое-либо зло, то *обвинять* в этом следует не того, кто защищает свое собственное право, а *того*, кто *посягает* на право своего ближнего. Если невинный, честный человек должен для сохранения мира спокойно отдать все, что он имеет, тому, кто захочет захватить это с помощью насилия,

то я бы хотел, чтобы подумали о том, какого рода мир будет тогда в мире, состоящем лишь из насилия и грабежа, и который будет поддерживаться лишь ради выгоды разбойников и угнетателей. Кто бы не посчитал, что между могущественными и ничтожными установлен замечательный мир, когда ягненок без сопротивления допускает, чтобы всевластный волк перегрыз ему горло? Пещера Полифема дает нам превосходнейший образец такого мира и такого правления, когда Улисс и его спутникам ничего не оставалось, как спокойно допускать, чтобы их пожрали⁴⁴. И можно не сомневаться, что Улисс, будучи благоразумным человеком, проповедовал *пассивное повиновение* и призывал их к спокойному покорству, разъясняя им, какое значение для человечества имеет мир, и показывая, какие неудобства могут возникнуть, если они станут сопротивляться Полифему, во власти которого они находились.

229. Целью правления является благо человечества; а что *лучше для человечества* — это чтобы народ всегда был предоставлен ничем не ограниченной воле тирании или чтобы можно было иногда оказывать сопротивление правителям, когда они переходят всякую меру в использовании своей власти и направляют ее на уничтожение, а не на сохранение собственности своего народа?

230. Пусть теперь кто-либо возразит, что всякий раз, когда какая-нибудь сумасбродная голова или мятущийся дух захотят перемены правления, это может приводить к несчастью. Верно, подобные люди могут порождать возмущение, когда им заблагорассудится, но все это приведет лишь к их собственной справедливой гибели и уничтожению. Ведь пока несчастье не станет всеобщим и злые умыслы правителей не сделаются очевидными или их посяательства не будут ощутимы для большей части народа, до тех пор народ, который более склонен страдать, чем восстановить справедливость сопротивлением, не склонится к возмущению. Примеры отдельной несправедливости или угнетения того или иного несчастного человека не трогают народа. Но если у народа имеется убеждение, основанное на явных доказательствах, что осуществляются замыслы, обращенные против его свободы, и общий ход событий и их направление не могут не возбуждать в народе сильные подозрения в злых умыслах его правителей, то кого следует за это порицать? Кто же в состоянии помочь, если те, кто мог бы избежать этого, сами навлекают на себя подобные подозрения? Разве следует порицать народ, если он обладает умом разумных существ и может понимать ве-

щи только такими, какими он их обнаруживает и чувствует? И разве это скорее не *вина тех*, кто приводит вещи в такое положение, что они не хотелось бы, чтобы думали о том, что оно таково, каково есть? Я признаю, что гордость, честолюбие и пылкость частных лиц иногда вызывали большие беспорядки в государствах, а клики были губельны для общественного положения и королевств. Но что являлось *чаще* причиной *несчастья* — *безрассудство народа* и желание свергнуть законную власть его правителей или же *наглость правителей* и их попытки захватить и осуществлять деспотическую власть над своим народом, угнетение ли или неповиновение служило первым толчком к беспорядкам — определить это я предоставлю беспристрастной истории. В одном я, однако, твердо уверен: будь то правитель или подданный, но если он пытается силой покушаться на права государя или народа и его действия ведут к *низвержению системы и структуры любого справедливого правления*, то он виновен в ужаснейшем преступлении, на которое, по-моему, способен человек, и должен отвечать за все те несчастья, за кровь, насилия и разорение, которым подверглась страна в результате разрушения системы правления. И тот, кто поступает таким образом, должен по справедливости считаться общим врагом и чужой человечества, и с ним следует поступать соответствующим образом.

231. Если *подданные* или *иностранцы* посягают силой на собственность какого-либо народа, им можно оказывать *сопротивление* силой — с этим согласны все. Но то, что можно оказывать *сопротивление* и *должностным лицам*, если они совершают то же самое, — это недавно отрицалось; как будто бы те, кто по закону обладают величайшими привилегиями и преимуществами, тем самым имеют власть нарушать те самые законы, на основании которых эти люди только и были посажены на лучшие места, чем их братья; напротив, их преступление тем больше, так как они одновременно не проявили благодарности за большую долю, которую они имеют по закону, и нарушили доверие, которое было оказано им их братьями.

232. Если кто-либо применяет *силу без права* — как это делает в обществе каждый, кто поступает незаконно, — то он ставит себя в *состояние войны* с теми, против кого он ее так применяет; а в таком состоянии все прежние узы разрываются, все другие права недействительны и каждый имеет *право* защищать себя и *сопротивляться агрессору*. Это столь очевидно, что даже сам Баркли⁴⁵, этот величай-

ший адвокат власти и священности королей, вынужден признать, что народ в некоторых случаях имеет законное право *сопротивляться* своему королю; и притом это говорится в той главе, где он старается показать, что божественный закон воспрещает народу какой-либо мятеж. Тем самым очевидно, даже из его собственной доктрины, что поскольку народ в некоторых случаях может оказывать *сопротивление*, то не всякое сопротивление *государям* является мятежом. Вот его слова: «Quod si quis dicat, Ergone populus tyrannicae crudelitati et furori jugulum semper praebebit? Ergone multitudo civitates suas fame, ferro et flammâ vastari, seque, conjuges, et liberos fortunae ludibrio et tyranni libidini exponi, inque omnia vitae pericula omnesque miserias et molestias à Rege deduci patientur? Num illis quod omni animantium generi est à naturâ tributum, denegari debet, ut sc. vim vi repellant, seseq; ab injuriâ tueantur? Huic breviter responsum sit, Populo universo non negari defensionem, quae juris naturalis est, neque ultionem quae praeter naturam est adversus Regem concedi debere. Quapropter si Rex non in singulares tantum personas aliquot privatum odium exerceat, sed corpus etiam Reipublicae, cujus ipse caput est, i. e. totum populum, vel insignem aliquam ejus partem immani et intolerandâ saevitiâ seu tyrannide divexet: populo, quidem hoc casu resistendi ac tuendi se ab injuriâ potestas competit, sed tuendi se tantum, non enim in principem invadendi: et restituendae injuriae illatae, non recedendi à devitâ reverentiâ propter acceptam injuriam. Praesentem denique impetum propulsandi non vim praeteritam ulciscendi jus habet. Horum enim alterum à naturâ est ut vitam scilicet corpusque tueamur. Alterum vero contra naturam, ut inferior de superiori supplicium sumat. Quod itaque populus malum, antequam factum sit, impedire potest, ne fiat, id postquam factum est, in Regem authorem sceleris vindicare non potest: Populus igitur hoc amplius quam privatus quisquam habet: Quod huic, vel ipsis adversariis iudicibus, excepto Buchanan, nullum nisi in patientia remedium superest. Cùm ille si intolerabilis tyrannis est (modicum enim ferre omnino debet) resistere cum reverentia possit». Barclay contra Monarchom. l. 3. c. 8.

В переводе это означает:

233. «Но если кто-либо спросит, должен ли народ всегда быть беззащитным перед лицом жестокости и ярости тирании? Должны ли люди видеть, как их города грабятся и обращаются в пепел, как их жены и дети подвергаются похоти и ярости тиранов и как они сами и их семьи разо-

ряются их королем и им приходится переносить все бедствия нужды и угнетения, и при этом они все же должны оставаться спокойными? Разве одни люди должны быть лишены общей привилегии противостоять силе силой, которую природа так свободно предоставляет всем другим существам для предохранения их от насилия? Я отвечаю: самозащита есть часть закона природы; сообщество не может быть ее лишено, даже если приходится выступать против самого короля; но мстить ему ни в коем случае не должно быть позволено народу; это не соответствует данному закону. В случае если король не только проявляет ненависть к каким-либо отдельным лицам, но и выступает против всего государства, главой которого он является, и посредством невыносимо дурного обращения жестоко тиранит весь народ или значительную его часть, то в этом случае народ имеет право оказать сопротивление и защитить себя от насилия. Но при этом должна соблюдаться следующая предосторожность — чтобы люди только защищали себя, а не нападали на своего государя; они могут возместить понесенный ущерб, но ни при каких обстоятельствах не должны преступать границы должного уважения и почтения. Они могут отразить нынешнее нападение, но не должны мстить за прошлые обиды. Ибо для нас естественно защищать свою жизнь и здоровье, но если низший станет наказывать высшего, то это противно природе. Злой умысел против себя народ может предотвратить еще до его осуществления; но если злой умысел свершился, нельзя мстить за это королю, хотя бы он и был инициатором подлости. Вот в чем, таким образом, привилегия народа в целом больше, чем та, которой обладает какое-либо частное лицо; частные лица, даже по мнению наших противников (за исключением Бьюкенена⁴⁶), не имеют иного средства, кроме терпения; но весь народ в целом может с почтением оказывать сопротивление невыносимой тирании; когда же она только умеренная, то народ должен ее терпеть».

234. В такой мере этот великий адвокат монархической власти разрешает *сопротивление*.

235. Правда, он присоединяет к этому, неизвестно за чем, две оговорки.

Во-первых, он говорит, что сопротивление должно оказываться с почтением.

Во-вторых, это сопротивление должно быть без возмездия или наказания; он мотивирует это тем, что *низший не может наказывать высшего*.

Первое. Как оказывать сопротивление силе, не нанося ответного удара, или как ударить с почтением, — нужно немалое искусство, чтобы сделать это понятным. Тот, кто будет сопротивляться нападению только со щитом, чтобы прикрываться от ударов, или в какой-либо еще более почитательной позе, не имея меча в руке, чтобы смирить самоуверенность и силу нападающего, быстро окажется не в состоянии сопротивляться и увидит, что такая защита лишь навлечет на него еще худшее обхождение. Этот способ сопротивления столь же смешон, как и высмеиваемое Ювеналом поведение в драке: «Ubi tu pulsas, ego varulo tantum»⁴⁷. А исход боя неизбежно будет таким же, какой он здесь описывает:

Libertas pauperis haec est:
Pulsatus rogat, et pugnīs concisus, adorat,
Ut liceat paucis cum dentibus inde reverti⁴⁸.

Таким неизбежно будет исход подобного мнимого сопротивления, когда люди не могут нанести ответных ударов. Следовательно, тому, кто может оказывать сопротивление, должно быть разрешено ударять. А тогда пусть наш автор или кто-либо еще попробует стукнуть по голове или дать по физиономии со всем тем почтением и уважением, которые он считает подходящими. Тот, кто может сочетать удары и почтение, может, насколько я понимаю, заслужить за свои труды вежливую почитательную взбучку, где бы это ни произошло.

Второе. Что касается его второго положения — низший не может наказывать высшего, то это, вообще говоря, справедливо, пока тот является высшим. Но оказывать сопротивление силе силой означает состояние войны, которое уравнивает сражающиеся стороны, аннулирует все прежние отношения уважения, почтения и превосходства; а тогда остается только то неравенство, что тот, кто сопротивляется несправедливому агрессору, имеет над ним верховенство, состоящее в том, что он имеет право, если одолеет, наказать преступника как за нарушение мира, так и за все происходящее из этого зло. Вот почему Баркли в другом месте, будучи более последовательным, отрицает, что сопротивление королю может быть законным в каком-либо случае. Однако здесь он оговаривает два случая, когда король может сам себя низложить. Вот его слова: «Quid ergo nulline casus incidere possunt quibus populo sese erigere atque in Regem impotentius dominantem arma capere et inva-

dere jure suo suâque autoritate liceat? Nulli certe quamdiu Rex manet. Semper enim ex divinis id obstat, Regem honorificato; et qui potestati resistit, Dei ordinationi resistit: Non aliàs igitur in eum populo potestas est quam si id committat propter quod ipso jure rex esse desinat. Tunc enim se ipse principatu exiit atque in privatis constituit liber: Hoc modo populus et superior efficitur, reverso ad eum sc. jure illo quod ante regem inauguratum in interregno habuit. At sunt paucorum generum commissa ejusmodi quae hunc effectum pariunt. At ego cum plurima animo perlustrem, duo tantum invenio, duos, inquam, casus quibus rex ipso facto ex Rege non regem se facit et omni honore et dignitate regali atque in subditos potestate destituit; quorum etiam meminit Winzerus. Horum unus est, Si regnum et rempublicam evertere conetur, hoc est, si id ei propositum, eaque intentio fuerit ut disperdat, quemadmodum de Nerone fertur, quod is nempe senatum populumque Romanum, atque adeo urbem ipsam ferro flammâque vastare, ac novas sibi sedes quaerere decrevisset. Et de Caligula, quod palam denunciavit se neque civem neque principem senatui amplius fore, inque animo habuerit, interempto utriusque ordinis Electissimo quoque Alexandriam commigrare, ac ut populum uno ictu interimeret, unam ei cervicem optavit. Talia cum rex aliquis meditatur et molitur serio, omnem regnandi curam et animum illico abjicit, ac proinde imperium in subditos amittit, ut dominus servi pro derelicto habiti, dominium.

236. Alter casus est, Si rex in alicujus clientelam se contulit, ac regnum quod liberum à majoribus et populo traditum accepit, alienae ditioni mancipavit. Nam tunc quamvis forte non eâ mente id agit populo plane ut incommodet: Tamen quia quod praecipuum est regiae dignitatis amisit, ut summus scilicet in regno secundum Deum sit, et solo Deo inferior, atque populum etiam totum ignorantem vel invitum, cujus libertatem sartam et tectam conservare debuit, in alterius gentis ditionem et potestatem dedit; hâc velut quadam regni ab alienatione effecit, ut nec quod ipse in regno imperium habuit retineat, nec in eum cui collatum voluit, juris quicquam transferat; atque ita eo facto liberum jam et suae potestatis populum relinquit, cujus rei exemplum unum annales Scotici suppeditant». Barclay contra Monarchom. Lib. 3. C. 16.

В переводе это означает:

237. «Так как же, неужели ни в одном случае народ не может по праву и по своему собственному полномочию помочь себе, взяться за оружие и напасть на своего короля,

властно повелевающего им? Никогда, пока он остается королем. «Почитай короля» и «Тот, кто сопротивляется власти, сопротивляется велению бога» — вот божественные изречения, которые никогда этого не позволят. Народ, таким образом, никогда не может выступить против него с применением силы, если только он не совершит чего-либо такого, в результате чего он перестанет быть королем. Ибо тогда он сам лишает себя короны и достоинства и возвращается к состоянию частного лица, и народ становится свободным и верховным; та власть, которой народ обладал в междуцарствие, до того как они венчали его на царство, снова переходит к народу. Но существует всего лишь несколько противозаконных действий, которые приводят к подобному состоянию. Тщательно обдумав этот вопрос, я могу указать лишь два. Имеется всего два случая, говоря я, когда король, *ipso facto*⁴⁹, перестает быть королем и утрачивает всю власть и королевскую прерогативу над своим народом; на это обратил внимание также Винцерус⁵⁰.

Первый случай, когда он пытается свергнуть правительство, т. е. если он задался целью и умыслил уничтожить королевство и государство, как это сообщается о Нероне, который решил вырезать сенат и римский народ, опустошить город огнем и мечом и затем переехать в какое-либо другое место, и о Калигуле⁵¹, который открыто заявил, что он не желает более быть главой народа и сената, что он собирается перерезать достойнейших людей обоих сословий, а затем удалиться в Александрию и что он хотел бы, чтобы у народа была всего одна шея, которую он мог бы перерубить одним ударом. Если какой-либо король питает подобные замыслы и действительно стремится осуществить их, то он тут же отказывается от всяких забот и мыслей о государстве и, следовательно, теряет право управлять своими подданными, точно так же как господин утрачивает власть над своими рабами, если он их покинул.

238. Второй случай тот, когда король становится вассалом другого и подчиняет свое королевство, оставленное ему предками, и народ, переданный в его руки свободным, господству другого. Пусть его намерения и не были направлены во вред народу, но он тем самым утратил основную часть королевского достоинства, а именно являться следующим после бога и подчиняться только ему, быть верховным правителем в своем королевстве, а также и потому, что он предал или принудил свой народ, свободу которого он обязан был тщательно охранять, перейти под власть и господство иноземной нации. Посредством такого

как бы отчуждения своего королевства он сам утрачивает ту власть, которой он раньше в нем обладал, не передавая ни малейшего права тем, на кого бы он ее ни возложил; и посредством этого своего акта он освобождает народ, и тот теперь может сам собой распоряжаться. Один из таких примеров можно найти в «Шотландских хрониках».

239. В подобных случаях Баркли, великий защитник абсолютной монархии, вынужден признать, что королю можно оказывать *сопротивление* и что он *перестает быть королем*. Иными словами, говоря вкратце, чтобы не увеличивать примеров, в тех случаях, когда король *не имеет полномочий*, он *не король* и ему можно оказывать *сопротивление*; ибо, когда бы ни прекратилось действие *полномочий*, король тут же перестает быть королем и становится подобным другим людям, не имеющим полномочий. Те же два случая, которые он привел, весьма мало отличаются от вышеупомянутых по своей разрушительности для правительств; он лишь опустил тот принцип, из которого вытекает его доктрина, а именно нарушение доверия, поскольку не сохраняется та форма правления, о которой была договоренность, и не осуществляется цель самого правления, которая заключается в общественном благе и сохранении собственности. Когда король сам себя низложил и поставил себя в состояние войны со своим народом, то было бы хорошо, если бы Баркли и те, кто разделяет его мнение, сообщили нам, что может помешать народу преследовать судебным порядком того, кто не является королем, как народ поступил бы со всяким другим человеком, поставившим себя в состояние войны с ним. Я хочу еще обратить внимание на одно место у Баркли, когда он говорит: «Злой умысел против себя народ может предотвратить до его осуществления»; тем самым он допускает *сопротивление*, когда тирания еще только замышляется. «Если какой-либо король (говорит он) питает подобные замыслы и действительно стремится осуществить их, то он тут же отказывается от всяких забот и мысли о государстве»; таким образом, согласно ему, пренебрежение общественным благом должно считаться доказательством подобного *замысла* или по крайней мере достаточным поводом для *сопротивления*. А причину всего этого он излагает в следующих словах: «потому что он предал или принудил свой народ, свободу которого он обязан был с большим старанием охранять». То, что он добавляет, — «перейти под власть и господство иноземной нации» — ничего не значит, так как вина и злоупотребление заключаются в утрате народом *свободы*, ко-

тору ю король *обязан был сохранить*, и никакой разницы не составляет, под власть каких лиц народ принуждают перейти. Право народа в равной мере нарушено и свобода его утрачена независимо от того, сделают ли его рабом каких-либо лиц его собственной национальности или *иноземной нации*; именно в этом заключается ущерб, и только против этого народ имеет право защиты. Во всех странах можно найти примеры, показывающие, что оскорбление наносит не перемена национальности лиц, находящихся у власти, а перемена правления. Билсон, епископ нашей церкви и великий сторонник власти и прерогативы государей, признает, если я не ошибаюсь, в своем трактате «Христианская покорность»⁵², что *государи могут утратить свою власть* и свое право на покорность со стороны подданных; а если еще нужны авторитеты в вопросе, где и без того все ясно, то я могу отослать своего читателя к Брэктону, Фортестью, к автору «Зеркала»⁵³ и к другим — к авторам, которых нельзя заподозрить в том, что они незнакомы с нашим строем или являются его врагами. Но я думаю, что одного Гукера могло бы быть достаточно для удовлетворения тех людей, которые, опираясь на него в своей церковной политике, каким-то странным образом склонны отрицать те принципы, на которых он ее основывает. Не делают ли их при этом своими орудиями более хитроумные деятели, чтобы заставить их лить воду на свою мельницу, — об этом им стоило бы получше подумать. Я убежден только в том, что их гражданская политика столь нова, столь опасна и столь разрушительна как для правителей, так и для народа, что, так же как прошедшие века никогда не могли допустить ее проведения, точно так же можно надеяться, что и грядущие времена, освобожденные от наветов этих египетских надсмотрщиков, будут питать отвращение к памяти о подобных гнусных льстецах, которые, поскольку это им было, очевидно, на руку, превращали всякое правление в абсолютную тиранию и хотели бы, чтобы все люди рождались в таком состоянии, какое, по мнению этих низких душ, им подходило, — в рабстве.

240. Здесь, вероятно, будет задан обычный вопрос: «*Кто будет судьей* и решит, действует ли государь или законодательный орган вопреки оказанному им доверию?» Возможно, что недовольные и злонамеренные люди будут распускать в народе подобные слухи, когда государь будет только лишь пользоваться положенной ему прерогативой. На это я отвечаю: *народ будет судьей*; ибо кому же еще быть *судьей* и определять, правильно ли поступает его доверен-

ное лицо или уполномоченный и действует ли он в соответствии с оказанным ему доверием, как не тому, кто уполномочил это лицо и кто должен, так как он его уполномочил, по-прежнему обладать властью отозвать его, если он не оправдал доверия? Если это разумно в случаях, касающихся частных лиц, то почему должно быть иначе в вещах величайшей важности, когда речь идет о благе миллионов и когда также и зло, если ему не воспрепятствовать, несравненно больше, а возмещение очень трудно, дорого и опасно?

241. Но, далее, этот вопрос («кто будет судьей?») не может означать, что судьи вообще нет. Ведь, когда нет суда на земле для разрешения споров между людьми, *судьей* является *господь бог*, восседающий на небесах. Только он один воистину есть судия праведный. Но *каждый человек* является *судьей* для самого себя как во всех остальных случаях, так и в этом, когда другой поставил себя в состояние войны с ним и когда ему приходится взывать к всевышнему судье, как это сделал Иеффай.

242. Если возникает спор между государем и какими-либо людьми из его народа в таком вопросе, когда закон молчит или является сомнительным, а дело представляет величайшую важность, то я бы считал, что в таком случае самым подходящим *третейским судьей* должен являться *народ* в целом. Ведь в тех случаях, когда государю оказано доверие и он не подвластен простым обычным установлениям законов и если какие-либо люди оказываются потерпевшими и считают, что государь действует вопреки оказанному ему доверию или превышает его, то кто же еще является более подходящим *судьей*, чем *народ* в целом (который первоначально оказал ему это доверие), чтобы судить о том, насколько далеко оно, по мнению народа, должно было простирается? Но если государь или кто-либо из стоящих у власти отклонит подобный путь разрешения спора, то тогда можно воззвать только к небу. Сила в отношениях между лицами, которые не знают высшей на земле или которая не позволяет обратиться к какому-либо судье на земле, есть, собственно, состояние войны, в коем можно обращаться только к небу; и в таком состоянии *потерпевшая сторона* сама должна определять, когда является правильным подобное обращение и когда к нему прибегнуть.

243. Заключаем. Та *власть, которую каждый отдельный человек передал обществу*, когда он вступал в него, никогда не может снова вернуться к отдельным людям, до тех пор пока общество продолжает существовать, но всегда

будет оставаться у сообщества, потому что без этого не может быть сообщества, не может быть государства, что противоречило бы первоначальному соглашению. Следовательно, когда общество вручило законодательную власть какому-либо собранию людей, для того чтобы эта власть находилась у них и их преемников, и это собрание имеет право и полномочие назначать таких преемников, то *законодательная власть не может вернуться к народу* до тех пор, пока существует данный государственный строй. Дело в том, что народ, дав законодательному органу право существовать непрерывно, тем самым передал свою политическую власть этому органу и не может вернуть ее себе. Но если народ ограничил деятельность своего законодательного органа и сделал эту высшую власть в руках какого-либо лица или собрания только временной или если вследствие злоупотреблений лиц, находящихся у власти, они ее утрачивают, то в результате такой утраты или окончания установленного срока *эта власть возвращается к обществу*, и народ имеет право действовать в качестве верховной власти и продолжать являться законодательным органом, либо создать новую форму законодательной власти, либо, сохраняя старую форму, передать эту власть в новые руки, как сочтет лучшим.

Конец

**МЫСЛИ
О ВОСПИТАНИИ**

SOME
THOUGHTS
CONCERNING
Education.

---

*Doctrina vires promovet insitas,
Rectique cultus pectora roborant:
Utrumque defecere mores,
Dedecorant bene nata culpa.*

Hor. L. IV. Od. 4.

By Mr. JOHN LOCKE.

The Fifth Edition Enlarged.

L O N D O N,
Printed for A. and J. Churchill, at the
Black Swan in Pater-noster-row, 1705.

ВОСПИТАНІИ

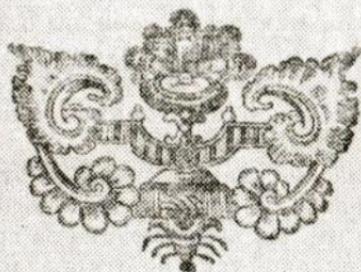
ДѢТЕЙ

ГОСПОДИНА ЛОККА

Переведено

съ французскаго на российский
языкъ

Императорскаго Московскаго Универси-
тета Профессоромъ Николаемъ
Боговскимъ.

Печатано при Императорскомъ Москов-
скомъ Университетѣ,
1755 года.

Титульный лист первого издания
«Мыслей о воспитании» на русском языке

ЭДВАРДУ КЛЭРКУ ИЗ ЧИПЛИ, ЭСКВАЙРУ

Сэр.

Эти мысли о воспитании, выходящие сейчас в свет, по праву принадлежат Вам, так как они были написаны несколько лет назад для Вас и представляют собою лишь то, что Вы уже имеете у себя в виде моих писем. Я так мало изменил что-либо, кроме порядка, в котором они посылались Вам в разное время и по разным случаям, что читатель легко убедится по интимности стиля и его манере, что это скорее частная беседа двух друзей, чем трактат, предназначенный для широкой публики.

Настоянния друзей — обычное оправдание публикаций, авторы которых боятся, чтобы в них не увидели намеренного выступления. Но я, как Вы знаете, могу по совести сказать, что, если бы некоторые лица, слышавшие об этих моих записках, не выразили настойчивого желания увидеть их напечатанными, они бы продолжали покониться среди частной переписки, для которой предназначались. Но, высказав убеждение, что этот мой сырой набросок, если сделать его достоянием публики, может принести некоторую пользу, люди, мнение которых я высоко ценю, затронули то, что всегда будет для меня иметь превалярующее значение; ибо я считаю неперменным долгом каждого человека служить своей стране в полной мере его возможностей, и я не вижу, какую разницу полагает между собою и животным тот человек, который думает иначе. Данная тема представляет столь большой интерес, и правильный метод воспитания является столь универсально полезной вещью, что, если бы я находил, что мои способности соответствуют моим желаниям, я бы не нуждался в увещаниях и настояниях других. Впрочем, незначительность этих заметок и мое справедливое в них сомнение не мешают мне из чувства стыда за столь малый вклад внести свою малую лепту, коль скоро от меня требуют только одного — чтобы я отдал это на суд публики. Если найдутся еще люди того же калибра и тех же взглядов, которым мои записки настолько понравятся, что они сочтут их достойны-

ми печати, то я могу льстить себя надеждой, что чтение их ни для кого не останется потерянным трудом.

Ко мне самому обращалось в последнее время за советом столько лиц, признающих в своем недоумении, как воспитывать своих детей, и ранняя испорченность молодежи настолько сделалась в наше время предметом общих жалоб, что нельзя счесть за назойливого человека того, кто выступает публично с обсуждением этого вопроса и предлагает что-либо хотя бы только с целью проощрить других или ускорить дело исправления, ибо ошибки в воспитании менее терпимы, чем что-либо другое. Подобно неправильностям, допущенным в первой стадии пищеварения, которые никогда не исправляются во второй или третьей, они наносят непоправимый ущерб, остающийся на все периоды и моменты жизни.

Я так далек от того, чтобы с преувеличением оценивать предложенное здесь, что несколько не буду огорчен, имея в виду именно Вашу пользу, если кто-либо другой, более способный и подходящий для выполнения такой задачи, в настоящем трактате, приуроченном к нашему английскому джентри, исправит ошибки, которые я сделал; для меня гораздо желательнее, чтобы воспитание и образование молодого джентльмена (то, что должно заботить каждого) были поставлены на правильный путь, чем чтобы было принято мое мнение об этом. Впрочем, вы не откажетесь засвидетельствовать, что метод, который я предлагаю здесь, дал необычайный эффект в применении к сыну одного джентльмена, для которого он не предназначался¹. Я не стану отрицать, что хороший природный склад ребенка сильно тому способствовал; однако я думаю, что как Вы, так и родители убедились, что противоположные приемы, соответствующие обычной муштровке детей, не улучшили бы этот характер, не внушили бы ему любви к своему учебнику, не научили бы находить удовольствие в учении и не вызвали бы желания, которое у него сейчас есть, научиться большему, чем воспитатели считали нужным его научить.

Но моя задача сейчас не в том, чтобы рекомендовать этот трактат Вам, чье мнение о нем я уже знаю, или свету, опираясь на Ваше мнение или покровительство.

Хорошее воспитание детей настолько является долгом и интересом родителей и благополучие нации настолько зависит от него, что каждому бы следовало серьезно принимать его к сердцу и, тщательно исследовав и разобрав, что советуют в данном случае каприз, обычай или разум,

содействовать со своей стороны повсеместному осуществлению того способа воспитания молодежи с учетом различных условий ее жизни, который всего легче, быстрее и вернее способен создать добродетельных, дельных и способных людей в границах их различных призваний; хотя всего важнее учитывать призвание джентльмена. Ибо, если люди этого ранга однажды поставлены воспитанием на верный путь, они быстро приведут в порядок все остальное.

Не знаю, достиг ли я в этом кратком рассуждении чего-либо большего, чем выражение моих добрых желаний в этом направлении; такое, какое есть, оно находится сейчас в руках публики, и, если в нем имеется что-нибудь достойное ее внимания, она обязана этим Вам. Моя привязанность к Вам послужила первым толчком к нему, и я испытываю удовольствие оттого, что могу оставить потомству этот знак дружбы, которая нас связывала. Ибо я не знаю ни большего удовольствия в этой жизни, ни лучшего воспоминания, которое можно оставить после себя, чем длительная дружба с честным, дельным и достойным человеком, любящим свою страну.

Остаюсь, сэр,
Ваш покорнейший
и преданный слуга

Джон Локк

Март 7. 1690 г.

§ 1. Здоровый дух в здоровом теле — вот краткое, но полное описание счастливого состояния в этом мире. Кто обладает и тем и другим, тому остается желать немногого; а кто лишен хотя бы одного, тому в малой степени может компенсировать что бы то ни было иное. Счастье или несчастье человека в основном является делом его собственных рук. Тот, чей дух — неразумный руководитель, никогда не найдет правильного пути; а тот, у кого тело нездоровое и слабое, никогда не будет в состоянии продвигаться вперед по этому пути. Правда, есть люди, обладающие столь крепкой и столь хорошо от природы слаженной конституцией — как физической, так и духовной, что они нуждаются лишь в небольшой помощи со стороны других, что одна только сила их природной одаренности от самой колыбели влечет их к прекрасному, и благодаря преимуществу их счастливой природной организации они способны делать чудеса. Но примеры такого рода немногочисленны, и можно, мне думается, сказать, что девять десятых тех людей, с которыми мы встречаемся, являются тем, что они есть, — добрыми или злыми, полезными или бесполезными — благодаря своему воспитанию. Именно оно и создает большие различия между людьми. Незначительные или почти незаметные впечатления, производимые на нашу нежную организацию в детстве, имеют очень важные и длительные последствия: здесь имеет место то же самое, что и у истоков некоторых рек, где небольшое усилие может отвести податливые воды в русла, которые заставят их течь почти в противоположных направлениях; благодаря этому слабому воздействию, которое оказано на них у самых истоков, движение вод получает различные направления, и они в конце концов достигают весьма отдаленных и далеко отстоящих друг от друга мест.

§ 2. Я думаю, что детскую душу так же легко направить по тому или иному пути, как и речную воду; но хотя в этом и заключается основная задача воспитания и должно заботиться главным образом о внутренней стороне человека, однако не следует оставлять без внимания и брентную оболочку. С последней я поэтому начну и пре-

жде всего рассмотрю вопросы, касающиеся здоровья тела: этого вы, пожалуй, скорее всего и ожидаете от меня, имея в виду ту ученую специальность, в которой меня считают более подготовленным². К тому же с этими вопросами можно скорее покончить, так как, если я не ошибаюсь, круг этих вопросов весьма невелик.

§ 3. Насколько здоровье необходимо нам для профессиональной деятельности и счастья и насколько каждому, кто желает играть какую-либо роль в мире, нужна крепкая конституция, способная переносить лишения и усталость, — это настолько ясно, что не требуется каких-либо доказательств.

§ 4. Мои дальнейшие рассуждения о здоровье касаются не того, что должен делать врач с больным и хилым ребенком, а того, что должны делать родители, не обращаясь к помощи медицины, для оберегания и укрепления здоровой или по меньшей мере неболезненной конституции своих детей. А это можно, пожалуй, выразить в следующем коротком правиле: джентльмены должны закалять своих детей так же, как это делают честные фермеры и зажиточные йомены³. Но матери, может быть, сочтут это правило слишком суровым, а отцы найдут его слишком кратким; поэтому я объясню свою мысль более подробно. При этом я буду исходить из того общего, достоверного и заслуживающего внимания женщин наблюдения, что природа большинства детей портится или по меньшей мере терпит ущерб от баловства и изнеженности.

§ 5. Первое, о чем следует заботиться, — это чтобы дети ни зимою, ни летом не одевались и не закутывались слишком тепло. Когда мы появляемся на свет, наше лицо не менее чувствительно, чем любая другая часть тела. Только привычка закаляет тело и делает его более выносливым к холоду. По этому поводу скифский философ дал очень выразительный ответ афинянину, который удивлялся, как тот может ходить голым в мороз и снег. «Как ты можешь выносить, — сказал скиф, — чтобы твое лицо подвергалось действию холодного зимнего воздуха?» «Но мое лицо приучено к этому», — ответил афинянин. «Вообрази же себе, что я весь — лицо», — возразил скиф⁴. Наше тело будет переносить все, к чему оно приучено с самого начала.

Прекрасный и подходящий к занимающей нас сейчас теме пример того, что может сделать привычка (пример, правда, обратного характера — он относится к случаю чрезмерной жары), я нашел в одном новейшем и интересном описании путешествия и приведу его словами самого

автора. «На Мальте, — говорит он, — жара сильнее, чем в какой бы то ни было части Европы, сильнее даже, чем в Риме, и притом чрезвычайно удушлива, особенно в связи с тем, что там редко дуют освежающие ветры. По этой причине простой народ там черен, как цыгане. Однако крестьяне там не боятся солнца: они работают в самое жаркое время дня без перерывов и не укрываясь от его палящих лучей. Это убедило меня в том, что сама природа может приводить ко многим таким явлениям, которые кажутся невозможными, лишь бы мы приучались к ним с самого детства. Так именно поступают мальтийцы, которые закаляют тела своих детей и приучают их к жаре, заставляя их начиная с колыбели и до десятилетнего возраста ходить нагишом — без рубашек, без панталон и с обнаженными головами»⁵.

Поэтому позвольте мне посоветовать вам не защищаться слишком усердно от холода при нашем климате. В Англии есть люди, которые носят одну и ту же одежду и зимою и летом без всяких дурных последствий, не ощущая холода в большей мере, чем другие. Но если в отношении мороза или снега приходится делать уступку матери из-за того, что она боится вреда, а отцу из-за того, что он боится осуждения, то пусть по крайней мере зимнее платье мальчика не будет слишком теплым. И вы должны, между прочим, помнить, что если природа так хорошо прикрыла его голову волосами и настолько укрепила их за первые год-два его жизни, что он в состоянии почти целый день бегать с раскрытой головой, то лучше всего и на ночь оставлять его голову неприкрытой; ведь ничто так не предрасполагает к головным болям, к простуде, катарам, кашлю и разным другим заболеваниям, как привычка держать голову в тепле.

§ 6. Высказывая это, я имел в виду мальчика, потому что главная цель моего рассуждения заключается в выяснении надлежащих методов воспитания молодого джентльмена начиная с детских лет. Эти методы не могут во всем подходить к воспитанию дочерей; однако нетрудно будет разобрать, в чем различие пола требует применения различных приемов воспитания.

§ 7. Я советовал бы также обмывать ему ежедневно ноги холодной водой, а обувь делать настолько тонкой, чтобы она промокала и пропускала воду, когда ему случится ступить в нее. Боюсь, что против меня ополчатся матери и служанки. Первые найдут, что это слишком грязно, а вторые, вероятно, решат, что им придется слишком много

трудиться над чисткой его чулок. Но ведь поистине здоровье дороже (во много раз дороже) всех этих соображений. Всякий, кто подумает о том, как вредно и опасно промачивать ноги нежно воспитанным молодым людям, пожалеет, что он не ходил босиком, подобно детям бедных родителей, которые благодаря этому, в силу привычки, настолько легко переносят сырость ног, что не больше от нее простужаются и не больше терпят вреда, чем от сырости рук. И что, спрошу я вас, если не привычка, создает для других людей такую большую разницу между руками и ногами? Я не сомневаюсь, что если бы человек привыкал с детства ходить всегда босиком, а руки держать закутанными в теплые митенки с надетыми поверх их «ручными башмаками», как называются перчатки у голландцев⁶, то промачивать руки было бы для него столь же опасным, как опасно теперь для весьма многих людей промачивать ноги. Для предотвращения этой опасности нужно обувь мальчиков делать так, чтобы она пропускала воду, а также ежедневно мыть им ноги в холодной воде. Это можно рекомендовать и по соображениям чистоты; но здесь я имею в виду интересы здоровья и поэтому не приурочиваю мытье ног к точно определенному времени дня. Мне известен случай, когда это делалось с хорошим результатом каждый вечер, всю зиму без перерывов, причем употреблялась самая холодная вода. Ребенок обмывал свои ноги по колено водой, которая была покрыта толстой пленкой льда, хотя он был в столь малом возрасте, что не был еще способен сам растирать и вытирать себе ноги; а начали его приучать к этому, когда он был совсем мал и очень нежен. Важна сама цель — закаливание этих частей тела путем частого и вошедшего в привычку обмывания холодной водой и предупреждение таким способом того вреда, который причиняется людям, иначе воспитанным, когда они случайно промачивают ноги; поэтому выбор времени — дня или вечера — можно, мне думается, предоставить благоразумию и удобству родителей. Время, по моему мнению, безразлично, лишь бы успешно осуществлять самый прием: обретенные в результате этого здоровье и закалка стоят и более дорогой цены. К тому же указанный прием предохраняет и от мозолей, что для некоторых явится очень ценным вознаграждением. Только начинайте это делать весной, с тепловатой водой, и переходя постепенно ко все более холодной, пока через несколько дней не перейдете к совершенно холодной; затем уже продолжайте так и зимой и летом. Здесь, как и в других случаях отступлений от

обычного образа жизни, необходимо следить за тем, чтобы перемена достигалась мягкими и нечувствительными переходами: таким путем мы можем приучить свое тело ко всему, не испытывая страданий и не подвергая себя опасности.

Не трудно предвидеть, как склонны будут принять эту теорию любящие матери. Подвергать такому обращению их нежных малюток — разве это не значит, самое меньшее, убивать их? Как! Погружать их ноги в холодную воду в зимнее время, когда и без того не удастся достаточно их согреть? Чтобы несколько рассеять их страх, приведу примеры, без которых редко выслушиваются даже самые очевидные доводы. Сенека рассказывает нам о себе, что он имел привычку купаться в середине зимы в холодной ключевой воде⁷. Если бы он не считал это не только выносимым, но и полезным для здоровья, он вряд ли стал бы это делать, так как его огромное богатство позволяло ему тратить на теплые ванны; а в его возрасте (он был тогда уже стар) были простительны и большие поблажки. Кто-нибудь, может быть, подумает, что к этому суровому приему побуждали его стоические принципы. Пусть так; допустим, что учение школы заставляло его переносить и холодную воду. Но что делало это полезным для его здоровья? Ведь здоровье его не страдало от этой суровой привычки. А что нам сказать о Горации, который не согрел себя славой какой-либо школы и менее всего сочувствовал строгостям стоического учения? Между тем и он уверяет нас, что у него была привычка купаться зимою в холодной воде⁸. Некоторые при этом, может быть, подумают: в Италии значительно теплее, чем в Англии, и температура воды там очень отличается от зимней температуры наших вод. Но если реки Италии теплее, то реки Германии и Польши значительно холоднее, чем у нас; однако там евреи — как мужчины, так и женщины — купаются, не делая перерывов, во все времена года, и притом без всякого вреда для здоровья. Не всякий также склонен видеть чудо или какое-то особенные достоинства источника св. Уинфреда в том, что холодные воды этого знаменитого источника не причиняют вреда нежным телам купающихся в нем людей⁹. Всем известны теперь многочисленные случаи, когда холодные купания производят чудеса над людьми с большой и слабой конституцией, возвращая им здоровье и силу; такие купания не могут поэтому быть бесполезны или переносимы, когда речь идет о физическом укреплении и закаливании тех, кто обладает лучшей конституцией.

Если эти примеры, касающиеся взрослых людей, некоторые могут посчитать неподходящими для детей потому-де, что организм детей еще слишком нежен и не способен переносить такие эксперименты, то пусть думающие так посмотрят, как поступали со своими детьми германцы и как поступают современные ирландцы, и они убедятся, что и дети, какими бы нежными их ни считали, могут переносить без всякой опасности для себя обмывание холодной водой не только ног, но и всего тела. В горной части Шотландии и теперь еще некоторые женщины применяют этот режим к своим детям в середине зимы и находят, что холодная вода не причиняет им никакого вреда, даже если в ней плавают лед.

§ 8. Мне нет надобности говорить здесь о плавании в том возрасте, когда мальчик уже способен учиться плавать, и если есть кому его учить. Умение плавать многим спасает жизнь, и римляне считали его настолько необходимым, что ставили на одну доску с грамотой, а о человеке плохо воспитанном и ни к чему негодном у них существовала поговорка: «Он не научился ни грамоте, ни плаванию» (*Nec literas didicit, nec natare*). Но помимо того что мальчику полезно усвоить это искусство, поскольку оно может пригодиться ему в нужную минуту, польза, которая получается при этом для здоровья от частого купания в холодной воде в период летней жары, настолько многообразна, что здесь, мне думается, нет надобности что-либо говорить о поощрении к этому занятию; необходимо только, чтобы соблюдалась следующая предосторожность: ребенок не должен входить в воду, пока он разгорячен физическим упражнением, взволновавшим его кровь или пульс.

§ 9. Также очень полезно для всякого, и особенно для детей, проводить много времени на открытом воздухе и как можно меньше бывать возле огня, даже зимою. Этим путем мальчик также будет приучаться к жаре и холоду, к солнцу и дождю; а если тело человека не привыкнет их переносить, оно будет плохо служить ему на этом свете; взрослому же человеку слишком поздно начинать привыкать к ним. Привыкать надо с ранних лет, и притом постепенно: таким путем можно сделать тело выносливым почти ко всему. Если я посоветую предоставлять ребенку бегать на ветру и на солнце без шапки, то навряд ли мой совет будет принят. Он вызвал бы тысячу возражений, которые по существу сводились бы к одному лишь соображению, а именно что ребенок загорит на солнце. Но держать юного джентльмена всегда в тени, никогда не выпуская его на

солнце и ветер из опасения за цвет его лица, — это, может быть, хороший способ сделать из него красавчика, но не человека дела. И хотя красота дочерей требует еще большей заботы, однако я возьму на себя смелость сказать, что чем больше они будут находиться на воздухе, тем более сильными и здоровыми они будут; и чем ближе их воспитание будет по суровости подходить к воспитанию их братьев, тем полезнее будет для всей их дальнейшей жизни.

§ 10. Игра на открытом воздухе, насколько мне известно, скрывает в себе только одну опасность, которая заключается в том, что дети, разгоряченные бегом, садятся или ложатся на холодную землю. Эту опасность я признаю; также и холодное питье, когда человек разгорячен работой или физическими упражнениями, уносит в могилу или близко подводит к ней, причиняя лихорадку или другие болезни, большее количество людей, чем какая-либо другая известная мне причина. Эти вредные последствия легко предупредить, когда ребенок мал, так как в этом возрасте он редко остается без присмотра. И если в детские годы ему будут постоянно и строго запрещать садиться на землю и пить холодную жидкость, то правило предосторожности, превратившись в привычку, сильно поможет ему оберечь себя, когда он выйдет из-под надзора своей няни или воспитателя. Это все, что можно, как я думаю, сделать в данном отношении; ведь когда мальчик подрастет, он должен получить свободу и во многих вещах необходимо будет предоставить ему самостоятельность, ибо нельзя же вечно держать его под надзором. Самым лучшим и надежным контролем будут тогда те хорошие принципы, которые вы внушили ему, и те привычки, которые ему привили; поэтому им-то и следует уделять самое большое внимание. А от предостережений и правил, как бы часто их ни повторяли, вы в данном случае, как и в других, можете ожидать эффекта лишь в той мере, в какой практика будет превращать эти правила в привычки.

§ 11. Упоминание о девочках заставляет меня вспомнить одну вещь, о которой не следует забывать, а именно: платье вашего ребенка не должно делаться слишком тесным, особенно в груди. Предоставим природе возможность формировать тело так, как она считает лучшим: предоставленная самой себе природа работает гораздо лучше и точнее, чем если бы следовала нашим указаниям. И если бы женщинам приходилось самим формировать тела своих детей в своих утробах, как они часто пытаются исправлять

их тела уже после рождения, мы, наверное, имели бы так же мало детей, хорошо сложенных от рождения, как мало встречаем таких детей среди тех, которые подвергаются тесной шнуровке или другим искусственным воздействиям. Я думаю, что эти соображения должны были бы удерживать серьезных людей (я не говорю о невежественных нянях и корсетных мастерах) от вмешательства в дело, которого они не понимают; они бы должны были остерегаться отклонять природу от ее путей в формировании членов тела, раз они не знают, как устроен хотя бы самый незначительный и наименее важный из них. Между тем я видел так много детей, страдающих от тесной шнуровки, что остается сделать следующий вывод: кроме обезьян есть, по-видимому, и другие создания, которые, будучи немного разумнее обезьян, губят своих детей бессмысленной нежностью и чрезмерными объятиями.

§ 12. Узкая грудь, короткое, с неприятным запахом дыхание, больные легкие и искривления позвоночника — вот естественные и почти постоянные результаты ношения жесткого корсета и тесного платья. Этот способ создавать тонкую талию и красивую фигуру приводит только к большему их уродованию. Ведь на самом деле ничего другого, кроме непропорциональности частей тела, не может получиться, когда пища, вырабатываемая в нескольких органах тела, не может распределяться так, как указывает природа. Что же в таком случае удивительного в том, если она, отлагаясь там, где не встречается препятствий, где какая-либо часть тела не так крепко затянута, делает одно плечо или бедро выше или толще, чем это требуется правильной пропорцией? Всем известно, что у китайцев очень маленькие ноги (в которых они почему-то находят что-то красивое) получаются оттого, что они с детства их туго затягивают и завязывают. Я видел недавно пару китайских башмаков, которые, как мне сказали, предназначались для взрослых женщин: эти башмаки очень мало подходили к ногам наших женщин того же возраста и по своим размерам едва ли оказались бы пригодны для какой-либо из наших маленьких девочек. Кроме того, замечено, что китайские женщины очень малы ростом и живут недолго, в то время как их мужчины имеют рост, обычный для прочих мужчин, и живут они столько же. Эти дефекты китайских женщин некоторыми приписываются неразумному затягиванию ног, так как этим затрудняется циркуляция крови и от этого страдают рост и здоровье всего тела. А как часто мы видим, что при повреждении маленькой

части ступни от вывиха или ушиба вся нога (или бедро) теряет свою силу и питание и отсыхает? Насколько же худших последствий можно ожидать, если грудная клетка, в которой помещаются сердце и седалище жизни, неестественно сдавливается и нормальному развитию ее ставятся преграды?

§ 13. Что касается пищи, то она должна быть совсем обыкновенной и простой; и я бы советовал, пока ребенок ходит в детском платье или по крайней мере до двух-или трехлетнего возраста, вовсе не давать ему мяса. Но как это ни полезно для его здоровья или силы в настоящем или в будущем, я боюсь, что родители с этим не согласятся, так как они сбиты с толку собственной привычкой есть слишком много мяса: они готовы думать, что их дети, как и они сами, если не будут иметь мяса по крайней мере два раза в день, то подвергнутся опасности умереть с голода. Я уверен, что зубы у детей прорезывались бы с гораздо меньшей опасностью для них, что они гораздо менее были бы подвержены болезням в младенческом возрасте и у них закладывалась бы более надежная основа здорового и сильного организма, если бы нежные матери и неразумная прислуга не закармливали их так и в первые три или четыре года совсем не давали им мяса.

Но если мой юный джентльмен уж так обязательно должен получить мясо, то пусть он получает его только раз в день, и притом только одного сорта. Обыкновенная говядина, баранина, телятина и т. д. безо всякой другой приправы, кроме голода, лучше всего; и нужно как следует заботиться о том, чтобы он ел много хлеба, одного хлеба или с чем-либо другим, и чтобы хорошо пережевывал какую бы то ни было твердую пищу. Мы, англичане, часто относимся к этому с пренебрежением, а отсюда происходят всякие расстройства желудка и другие очень вредные последствия.

§ 14. На завтрак и ужин очень полезно давать детям молоко, молочный суп, кашу на воде, овсянку и целый ряд блюд, которые принято готовить в Англии; нужно только заботиться о том, чтобы все эти блюда были просты, без обильных примесей и очень мало приправлены сахаром, а еще лучше совсем без него. Особенно же тщательно следует избегать всяких приностей и других вещей, которые могут горячить кровь. Следует также умеренно солить их пищу и не приучать к сильно приправленным блюдам. Наш орган вкуса именно благодаря привычке получает пристрастие к приправам и ко всякой изысканной пище;

а чрезмерное употребление соли не только вызывает жажду и заставляет пить больше, чем следует, но и в других отношениях вредно действует на тело. Я думаю, что ломоть хорошо замешанного и хорошо пропеченного полубелого хлеба¹⁰, иногда с маслом или сыром, а иногда и без него, мог бы часто быть лучшим завтраком для моего юного джентльмена. Я уверен, что этот здоровый завтрак делает его столь же сильным человеком, как и более тонкие блюда; да если приучить его к такому завтраку, он и нравиться ему будет не меньше. Когда мальчик просит есть не в установленное время, не давайте ему ничего другого, кроме сухого хлеба. Если он голоден, а не капризничает только, он удовлетворится одним хлебом; если же он не голоден, то ему вовсе не следует есть. Этим вы достигнете двух хороших результатов. Во-первых, привычка заставит его полюбить хлеб, ибо, как я сказал, наш вкус и желудок находят удовольствие в том, к чему мы их приучили. Другая польза, достигаемая этим, заключается в том, что вы не приучите его есть больше и чаще, чем требует природа. Я не думаю, что все люди обладают одинаковым аппетитом: у одних желудки от природы крепче, у других слабее. Но я думаю, что многие люди становятся гурманами и обжорами в силу привычки, не будучи таковыми от природы; и я вижу, что в разных странах люди, которые едят только два раза в день, так же сильны и бодры, как и те, которые постоянным упражнением приучили свои желудки напоминать о себе четыре или пять раз. Римляне почти ничего не ели до ужина; это была единственная настоящая еда даже у тех, которые ели более одного раза в день; и те, кто имел привычку завтракать — одни в восемь часов, другие в девять, третьи в двенадцать или несколько позже, — никогда не ели мяса и не заставляли для себя готовить особого блюда. Август, будучи уже величайшим монархом на земле, рассказывает нам, что он брал с собой в одноколку кусок хлеба¹¹. А Сенека, сообщая в своем 83-м письме, какой режим он установил для себя, уже будучи стариком, когда возраст допускал послабления, говорит, что он имел привычку съедать за обедом лишь кусок сухого хлеба и даже не садился за стол¹², хотя его состояние позволяло ему (если бы этого требовало его здоровье) тратить на обед не худший, чем любой принятый в Англии, даже в два раза больше. Повелители мира росли на этой скудной пище; и молодые джентльмены в Риме не чувствовали недостатка силы, физической или духовной, из-за того, что они ели лишь один раз в день. Если же случилось, что кто-либо не

был в состоянии поститься до ужина, который был единственной установленной едой, то он брал только кусок сухого хлеба или — самое большее — несколько изюминок, чтобы «заморить червячка».

Это правило умеренности считалось настолько необходимым для здоровья и работы, что обычай садиться за стол один раз в день устоял против наплыва роскоши, которая была занесена в среду римлян их завоеваниями и грабежами на Востоке, и даже те, кто отказались от старинной умеренности в еде и стали задавать пиры, не начинали их раньше вечера. Садиться за стол больше одного раза в день считалось столь чудовищным, что до времен Цезаря¹³ римляне находили предосудительным устраивать пир или садиться за стол до захода солнца. Поэтому, если в том не усмотрят чрезмерной суровости, я считал бы самым подходящим давать моему юному джентльмену также и к завтраку только хлеб. Вы не можете себе представить, какую силу имеет привычка; и я приписываю большую часть наших болезней в Англии тому, что мы едим слишком много мяса и слишком мало хлеба.

§ 15. Что касается времени еды, то я считал бы самым лучшим, насколько это возможно без каких-либо неудобств, не приурочивать еды к какому-либо определенному часу; ибо, если еда по установившейся привычке будет приурочиваться к определенным промежуткам времени, желудок ребенка будет требовать пищи к привычному часу и будет испытывать раздражение, если этот час пропущен; в результате или раздражение приведет к вредному излишеству, или же желудок ослабеет до потери аппетита. Поэтому я бы не устанавливал раз и навсегда одного определенного времени для завтрака, обеда и ужина, а скорее менял бы часы почти каждый день. Если же в промежутках между тем, что я называю установленной едой, ребенок захочет есть, то давайте ему всякий раз, когда он попросит, хороший кусок сухого хлеба. Если кто-либо счел бы такой режим питания слишком суровым и скудным для ребенка, то пусть знает, что ребенок никогда не будет голодать или чахнуть от недостатка пищи, если он кроме мяса к обеду и похлебки или чего-либо в этом роде к ужину будет еще получать хороший кусок хлеба и пиво всякий раз, когда захочет есть; такой режим я, по зрелому размышлению, считаю наилучшим для детей. Утро обыкновенно предназначается для учения, которому полный желудок является плохой подготовкой. Сухой хлеб, будучи самой лучшей пищей, в то же время создает меньше всего

соблазнов; и кто заботливо относится к физическому и духовному развитию ребенка и не желает из него сделать тупого и нездорового человека, не станет его пичкать за завтраком. И пусть не думают, что такой режим не подходит для человека с состоянием и высокого положения. Джентльмен должен воспитываться так, чтобы во все времена быть в состоянии носить оружие и стать солдатом. А кто в наше время так воспитывает своего сына, как будто предназначает его к тому, чтобы тот проспал всю жизнь в изобилии и довольстве, предоставленных ему большим состоянием, которое он собирается ему оставить, тот мало принимает в соображение примеры, которые видел, и время, в которое живет¹⁴.

§ 16. Питием ребенка должно быть только слабое пиво; да и его не следует никогда давать пить в промежутках между едой, а лишь после того, как тот съест кусок хлеба. Говорю это по следующим соображениям.

§ 17. 1. Питие в разгоряченном состоянии порождает больше лихорадок и желудочных расстройств, чем какая-либо другая известная мне причина. Если мальчик разгорячился от игры и испытывает жажду, хлеб не пойдет ему в рот; поэтому, если ему разрешается пить только под этим условием, он вынужден будет воздержаться, ибо, пока он сильно разгорячен, ему ни в коем случае нельзя пить; он должен будет раньше по крайней мере съесть добрый кусок хлеба, и таким образом будет выиграно время для того, чтобы подогреть пиво до температуры крови, и тогда уже можно его пить безопасно. Если у него сильная жажда, он охотно выпьет его нагретым до указанной температуры и лучше утолит свою жажду. Если же он не захочет его пить в таком нагретом виде, то от воздержания никакой беды не будет! Таким путем он приучится также к воздержанию, а это привычка весьма полезная как для физического, так и для душевного здоровья.

§ 18. 2. Запрещение пить без еды должно предупредить привычку часто подносить ко рту кружку; это опасное начало и подготовка к веселой компании. Путем привычки люди часто прививают себе чувство голода и жажды. И если вы захотите проделать этот опыт, вам удастся мальчику, однажды отученному от этой привычки, снова привить такую сильную потребность пить ночью, что он не в состоянии будет без этого заснуть. Кормилицы пользуются этим средством для убаюкивания плачущих детей, и я думаю, что матери обычно испытывают трудности, когда хотят отучить своих детей, только что взятых домой, от привыч-

ки пить ночью¹⁵ Поверьте, власть привычки одинаково проявляется как днем, так и ночью, и вы всякого можете, если захотите, приучить к тому, чтобы он испытывал жажду каждый час.

Я одно время жил в доме, где, чтобы успокоить капризного ребенка, всякий раз, когда он плакал, давали ему пить, так что он то и дело прихлебывал; не умея еще говорить, он выпивал в течение суток больше меня. Попробуйте, если хотите, и вы увидите, что употреблением как легкого, так и крепкого пива можно приучить себя чувствовать постоянную жажду. Главное, о чем следует помнить в деле воспитания, — это о том, какие привычки вы желаете вкоренить; поэтому в данном отношении, как и во всех других случаях, вы с самого начала не должны обращать в привычку то, что не думаете дальше продолжать и укреплять в ребенке. Для сохранения здоровья и трезвости не следует пить больше, чем этого требует естественная жажда; а тот, кто не ест соленого мяса и не пьет крепких напитков, будет редко испытывать жажду в промежутках между едой, разве только если он был приучен к такому несвоевременному питью.

§ 19. Прежде всего необходимо особенно тщательно следить, чтобы мальчик, если он изредка пьет вино и крепкие напитки, пил их возможно реже. В Англии ни один обычай не имеет такого распространения, как обычай давать детям вино; а между тем ничто так разрушительно не действует на них. Дети не должны никогда пить никаких крепких напитков, разве только в тех случаях, когда это требуется как лекарство для укрепления сердца, и притом лишь по предписанию врача. Но и в этих случаях нужно с особой строгостью следить за слугами и самым строгим образом ставить им на вид, если они нарушают предписания. Эта дурная порода людей, которая видит большую долю своего счастья в употреблении крепких напитков, всегда стремится угодить молодому барчуку, предлагая ему то, что больше всего нравится им самим. Находя, что им становится веселее от вина, они по глупости думают, что оно не причинит вреда и ребенку. За этим вы должны следить весьма тщательно и бороться против этого со всем умением и энергией, на которые вы способны; ибо ничто не закладывает столь прочного фундамента порче физической и нравственной, как привычка детей к крепким напиткам, особенно если они пьют втихомолку в обществе слуг.

§ 20. Вопрос о фруктах — один из самых трудных вопросов в деле ухода за здоровьем, особенно за здоровьем детей. Из-за них наши прародители рискнули раем, и неудивительно, что наши дети не могут устоять против соблазна, хотя бы это стоило им здоровья. На этот счет нельзя установить какого-либо общего правила; ибо я отнюдь не разделяю мнение тех, кто хотел бы почти совсем не давать детям фруктов как чего-то безусловно вредного для их здоровья. Такая строгость только возбуждает у детей сильнейшую жадность к фруктам и приводит к тому, что они едят их, как только им удастся их раздобыть, будь это хорошие или плохие, зрелые или незрелые фрукты. Я думаю, что детям вовсе не следует давать дынь, персиков, также слив большинства сортов и всех произрастающих в Англии сортов винограда, так как, обладая весьма соблазнительным вкусом, они содержат очень нездоровый сок¹⁶. Но клубнику, вишню, крыжовник и смородину, если они совершенно зрелые, можно, я думаю, разрешать им есть почти без всякого опасения и притом в довольно большом количестве, с тем, однако, условием, чтоб при этом соблюдались следующие предосторожности: 1) не есть их, как мы обыкновенно это делаем, после другой еды, когда желудок уже переполнен пищей: я думаю, что лучше их есть перед установленной едой или в промежутках между едой, а также давать детям на завтрак; 2) есть их с хлебом; 3) есть их совершенно спелыми. Я думаю, что, если есть фрукты с указанными предосторожностями, они будут скорее полезны, чем вредны для здоровья. Летние фрукты, соответствующие жаркому времени, в которое они появляются, освежают желудок, томящийся и изнемогающий от жары. Поэтому я бы совершенно не проявлял в этом отношении, по примеру многих других, строгости к детям; ибо, если в этом их сильно ограничивать, они, вместо того чтобы довольствоваться умеренными количествами разрешенных им отборных фруктов, удовлетворяют свое желание всякой попавшейся дрянью, как только остаются без надзора, или же подговаривают слугу доставать им их и наедаются до пресыщения.

Яблоки и груши, если они совершенно спелые и выдержаны в течение некоторого времени, также, я думаю, можно есть не опасаясь и во всякое время, притом в довольно большом количестве, особенно яблоки, которые, насколько мне известно, никогда не причиняют вреда здоровью после октября. Сушеные, неподсахаренные фрукты я также считаю полезными для здоровья. Но следует избе-

гать всякого рода сластей; трудно сказать, кому они причиняют больше вреда — тому ли, кто их делает, или тому, кто их ест¹⁷ Я уверен, что это один из наименее подходящих способов тратить деньги, какие только могло придумать тщеславие; поэтому я предоставляю его дамам.

§ 21. Из всего того, что похоже на баловство и измененность, ничего другого нельзя разрешать детям с большей снисходительностью, чем дать им возможность поспать. Только в этом нужно полностью удовлетворять их желание: ничто в такой мере не способствует росту и здоровью детей, как сон. Все, что нужно здесь регулировать, сводится к вопросу, какое время должно отводиться детскому сну. На это можно только сказать, что очень полезно приучать детей вставать рано утром. Это самое лучшее с точки зрения здоровья; и тот, для кого благодаря укоренившейся привычке вставать рано сделалось легким и привычным делом с самого детства, не станет, уже будучи взрослым, тратить лучшую и полезнейшую часть своей жизни в ленивой дремоте, валяясь в постели. Если поэтому будить детей надо рано утром, то отсюда следует, конечно, что они должны ложиться спать рано; тем самым они приучаются избегать нездоровой и вредной гульбы в вечерние часы; тот, кто соблюдает установленные часы сна, редко позволит себе большие отступления от нормального образа жизни. Я не хочу сказать, что ваш сын, выросши, никогда не засидится в компании позже восьми часов или не заболтается за стаканом вина до полуночи. Но пока что вы должны, прививая ему соответствующие привычки с ранних лет, развивать в нем, насколько возможно, нелюбовь к такой беспорядочности; и немалой выгодой будет то, что вследствие привычки к противоположному образу жизни ему неприятно будет засиживаться поздно, он будет этого избегать и очень редко устраивать ночные пирушки. Но если этого и не удастся достигнуть и мода и товарищи одержат верх и заставят его жить так, как живут другие в возрасте около двадцати лет, все-таки стоит приучить его рано вставать и рано ложиться ради улучшения его здоровья в настоящее время и ради других выгод.

Хотя я сказал, что детям, пока они малы, нужно давать большую свободу в отношении сна и даже предоставлять им возможность спать, сколько они хотят, однако я не думаю, что такая снисходительность к ним должна одинаково продолжаться и в будущем и что, когда они подрастут, нужно также позволять им лениво валяться в постели. Когда именно нужно начать их ограничивать — в возрасте

ли семи или десяти лет или в каком-нибудь другом, точно установить невозможно: необходимо принимать в соображение их темперамент, силу и конституцию. Но в возрасте между семью и четырнадцатью годами, если они оказываются слишком большими любителями постели, своевременно, мне думается, начать их постепенно ограничивать приблизительно восьмью часами сна, которые, как общее правило, достаточны для здоровых взрослых людей. Если вы приучили ребенка, как это и надо, всегда вставать ранним утром, вредная склонность слишком долго оставаться в постели легко будет устранена, и большинство детей будет склонно по собственному побуждению поменьше засиживаться в обществе поздними вечерами; правда, если за ними не следить, они склонны будут возмещать себе эти часы утренним лежанием, но этого ни в коем случае не следует допускать. Надо всегда будить и поднимать их в установленный для них ранний час; но нужно очень остерегаться будить их слишком быстро, громким или резким голосом или каким-либо другим внезапным и сильным шумом. Это часто пугает детей и причиняет им большой вред; такое нарушение здорового сна внезапной тревогой способно расстроить всякого. Когда нужно детей разбудить, непременно начинайте с тихого зова или с какого-либо легкого движения и таким путем постепенно выводите их из сонного состояния, применяя только ласковые слова и приемы до тех пор, пока они не очнутся и окончательно не придут в себя и пока вы не будете уверены, что они совсем проснулись. Принудительное пробуждение от сна, какими бы ласковыми приемами вы его ни вызывали, достаточно неприятно для них само по себе, и надо стараться не прибавлять еще других неприятностей, в особенности не делать ничего такого, что может испугать их.

§ 22. Постель ребенка должна быть жесткой, и стеганое одеяло лучше перины; жесткое ложе укрепляет члены, в то время как зарывание каждую ночь в перины изнеживает и расслабляет тело и часто является причиной слабости и предтечей ранней могилы. В значительной мере спаньем на перине вызываются помимо каменной болезни, которая часто возникает от теплого укутывания поясницы, и некоторые другие заболевания, а также та нежная и слабая конституция, которая является корнем всех болезней. Далее, тот, кто привык спать дома на жестком ложе, не будет страдать бессонницей во время своих путешествий (когда сон особенно необходим) из-за отсутствия привычной мягкой постели или из-за того, что подушки положены не

в том порядке. Мне думается поэтому, что постель ребенка следует устраивать различным образом, так, чтобы его голова лежала иногда выше, иногда ниже и чтобы он мог во сне быть нечувствительным ко всяким маленьким переменам, с которыми, наверное, будет сталкиваться всякий, кому не предназначено всю жизнь спать в удобной домашней постели и всегда иметь около себя горничную, которая бы тщательно за всем смотрела и тепло его укутывала. Сон — великое укрепляющее средство, данное природой. Тот, кто лишается его, очень страдает от этого; и очень несчастен человек, который может принимать это лекарство только из позолоченного кубка своей матери, а не из деревянной чашки. Тот, кто может спать крепко, принимает это лекарство, и совершенно неважно, спит ли он на мягкой постели или на жестких досках. Единственное, что необходимо, — это сон сам по себе.

§ 23. Есть еще одна вещь, которая имеет большое влияние на здоровье, именно — регулярный стул: люди с расстроенным желудком редко обладают сильным умом или крепким организмом. Но так как эта болезнь значительно легче исцеляется при помощи диеты и лекарств, чем противоположный недуг, то о ней нет необходимости много распространяться; ибо, если она принимает угрожающий характер, сделавшись чересчур сильной или затяжной, она заставит довольно скоро, иногда даже слишком скоро, послать за врачом; если же она не приняла значительного размера и не затянулась, то обычно лучше всего предоставить исцеление природе. С другой стороны, запор также имеет свои дурные последствия, а справиться с ним при помощи медицины значительно труднее: слабительные средства, которые, по внешнему впечатлению, приносят облегчение, на деле, однако, скорее усиливают, чем устраняют эту болезнь.

§ 24. Так как у меня были особые причины, чтобы заняться исследованием этой болезни, а в книгах я не находил указаний, как лечить ее, я принялся размышлять о ней, исходя из предположения, что можно вызывать в нашем теле и более значительные изменения, если найти правильный путь и правильно по этому пути идти.

1. Я принял в соображение, что отправление стула является результатом известных движений тела и главным образом перистальтического движения кишок.

2. Я принял в соображение также то обстоятельство, что различные движения, не являющиеся вполне произвольными, могут, однако, благодаря практике и постоян-

ным упражнениям превращаться в привычные, если стараться, непрерывно в том практикуясь, совершать их в определенное время.

3. Я наблюдал людей, которые, выкурив после ужина трубку табака, всегда имеют правильный стул, и у меня явилась мысль, не привычка ли в большей мере, чем табак, доставляет им это благодеяние природы; или по крайней мере если этот эффект вызывается табаком, то не скорее ли через возбуждение сильных движений кишок, чем благодаря его слабительным свойствам, так как во втором случае эффект был бы другой.

Раз я пришел таким образом к предположению, что это отправление можно превратить в привычку, то ближайшая задача заключалась в том, чтобы рассмотреть, каким путем и какими средствами можно вернее всего достигнуть этого результата.

4. Тогда я предположил, что если кто-либо после утреннего завтрака немедленно стал бы возбуждать природный процесс и пробовать, нельзя ли заставить себя иметь стул, то со временем он мог бы постоянным применением данного приема превратить это в привычку.

§ 25. Причины, по которым я избрал это время, были следующие:

1. Так как желудок до завтрака бывает пуст, то, приняв приятную для него пищу (ибо я никогда, за исключением крайних случаев, не заставлял бы никого есть то, что ему не по вкусу и когда у него нет аппетита), он в состоянии благодаря сжатию его мышц плотно охватить пищу; я сделал предположение, что это сжатие может, по всей вероятности, распространиться далее на кишки и таким образом усилить их перистальтическое движение, как мы видим, аналогичное происходит в обратном случае при коликах, когда движение, начавшись где-нибудь внизу, продолжается по всей длине кишок и заставляет даже желудок участвовать в этом ненормальном движении.

2. Во время еды у людей обычно ослабляется напряжение их мыслей, и духи¹⁸, освобожденные от других функций, с большей энергией распределяются в нижней части живота, способствуя, таким образом, тому же эффекту.

3. Если у людей бывает досуг для еды, то у них должно найтись и время, чтобы поухаживать за мадам Клоациной¹⁹ в той мере, в какой это необходимо для нашей настоящей цели; иначе — ввиду разнообразия человеческих дел и всяких случайностей — было бы невозможно приурочивать это действие к какому-либо определенному часу,

и привычка тем самым была бы нарушена. Так как редко случается, чтобы здоровые люди не ели хотя бы раз в день, пусть даже меняя час еды, то привычка может быть сохранена.

§ 26. На основании этих соображений стали производить опыты, и я не знаю человека, который, неуклонно проводя подобные опыты и не забывая систематически ходить в нужное место после первой еды — в какой бы час она ни происходила и независимо от того, есть ли позыв или нет, — и там побуждая природу исполнить ее долг, не достиг бы в течение нескольких месяцев желанных результатов и не развил бы у себя настолько регулярной привычки, что ему уже редко случалось оставаться без стула после первой еды, разве только по собственной небрежности: был ли у него позыв или нет, но, если только он отправлялся в нужное место и делал необходимое с своей стороны, он мог быть уверен, что природа окажется очень послушной.

§ 27. Поэтому я бы советовал применять этот прием и к ребенку ежедневно, сейчас же после того, как позавтракает. Заставляйте его садиться на судно, как будто бы опорожнение желудка было так же в его власти, как и наполнение его. Пусть только он и его няня не думают иначе, а только так; если заставлять его это делать и не позволять ему играть или есть второй раз раньше, чем он не добился стула или по крайней мере не приложил к тому всех стараний, то я не сомневаюсь, что в короткое время это станет для него естественным. Ибо есть основание думать, что дети, будучи поглощены игрою и не обращая никакого внимания на все остальное, часто пропускают без внимания естественные позывы, когда они их только слабо беспокоят; и таким образом они, пренебрегая своевременным призывом, постепенно доводят себя до постоянных запоров. То, что указанным способом можно предупредить запоры, является не только моим предположением: я знаю случай, когда благодаря непрерывной практике в течение некоторого времени добились того, чтобы ребенок имел регулярный стул каждое утро после завтрака.

§ 28. Найдет ли кто-либо из взрослых нужным проделать такой опыт — предоставим им самим решать; я же могу только сказать, что когда я размышляю о многочисленных вредных последствиях, причиняемых отсутствием этого необходимого естественного облегчения, то я не нахожу способа, который бы лучше помогал сохранению здоровья, чем указанный мной. Одного раза в сутки, я ду-

маю, достаточно, и никто, надо думать, не сочтет, что это слишком много. А добиться этого мы можем указанным способом, не прибегая к помощи лекарств, которые при лечении упорного хронического запора обычно оказываются весьма малоэффективными.

§ 29. Вот все, что я хотел вам сказать относительно ухода за ребенком при нормальном состоянии его здоровья. Может быть, от меня ждут, чтобы я дал некоторые медицинские указания относительно предупреждения болезней. В этом отношении следует, по-моему, лишь строго соблюдать следующее правило: никогда не давать детям никакого лекарства в целях предупреждения болезней. Я думаю, что соблюдение правил, указанных мною выше, лучше приведет нас к этой цели, чем желудочные средства наших барынь или аптечные снадобья. Эти средства вы должны применять весьма осторожно, иначе вместо того, чтобы предупредить болезни, вы только вызовете их. Точно так же не следует при всяком недомогании давать детям лекарства или звать врача, особенно если это человек достаточно ревностный, чтобы немедленно уставить окна склянками и наполнить желудки детей микстурами. Предоставлять детей целиком природе безопаснее, чем отдавать их в руки врача, всегда склонного к активному вмешательству и считающего, что и при обычных недомоганиях детей нужно лечить какими-то другими средствами помимо диеты или близкого к ней средства. Мой разум и опыт одинаково говорят мне, что к нежным детским организмам следует допускать таких врачей возможно реже и то только в случаях абсолютной необходимости. Немного свежеперегнанной воды с настоем красного мака — этой настоящей желудочной воды — в сочетании с покоем и воздержанием часто в самом начале кладут конец разным расстройствам, которые при слишком усердном применении лекарств могут превратиться в тяжелые заболевания. Если же такие мягкие меры не остановят развития болезни и не помешают ей превратиться в настоящую болезнь, то только тогда и будет своевременным обратиться за советом к разумному и осторожному врачу. Я надеюсь, мне легко поверят; никто не может усомниться в серьезности совета со стороны человека, который, затратив известное время на изучение медицины, рекомендует вам не слишком торопиться обращаться к медицине и врачам.

§ 30. Этим я заканчиваю свои соображения относительно тела и здоровья. Сказанное мною сводится к следующим немногим и легковыполнимым правилам: обилие све-

жего воздуха, упражнения, сон, простая пища; никаких вин или крепких напитков; очень мало лекарств; не слишком теплая и не слишком тесная одежда; приучать голову и ноги к холоду, часто обмывать ноги холодной водой и приучать их к сырости.

§ 31. Коль скоро мы установили надлежащий режим для поддержания в теле той силы и бодрости, при которых оно было бы способно подчиняться и следовать указаниям разума, то ближайшая и основная задача заключается в правильной организации самого разума, с тем чтобы он во всех случаях был склонен принимать лишь то, что соответствует достоинству и превосходству разумного создания.

§ 32. Если верно то, что я сказал в начале своего труда (а я в этом не сомневаюсь), именно что различия, наблюдаемые в нравах и способностях людей, зависят от воспитания в большей мере, чем от чего бы то ни было другого, то мы вправе сделать вывод, что в деле формирования детской души необходимо проявлять большую заботливость и что даже в ранние годы нужно давать ей такое направление, влияние которого сказывалось бы во всей жизни наших питомцев, ибо, если они будут поступать хорошо или дурно, похвала или порицание будут относиться именно к этой подготовке, и в случае совершения ими какой-либо неловкости общий голос решит, что виновато здесь их воспитание.

§ 33. Сила тела состоит главным образом в способности переносить лишения; точно так же обстоит и с душой. Великий принцип и основа всякой добродетели и достоинства заключаются в том, чтобы человек был способен отказываться от своих желаний, поступать вопреки своим наклонностям и следовать исключительно тому, что указывает разум как самое лучшее, хотя бы непосредственное желание влекло его в другую сторону.

§ 34. Большая ошибка, которую я наблюдал в деле воспитания детей, заключается в том, что родители редко уделяют достаточное внимание тому, чтобы сделать душу ребенка послушной дисциплине и разуму, и как раз в тот наиболее подходящий для этого период, когда юная душа наиболее нежна и легче всего подвержена воздействию. Родители, которым природа мудро внушила любовь к детям, очень склонны, если разум не контролирует этой естественной привязанности со всей бдительностью, очень склонны — скажу я — позволять ей переходить в слепую влюбленность. Родители любят своих малюток, и это их

долг; но часто они любят в своих детях также их недостатки. Нельзя, видите ли, ни в чем перечить детям; надо во всем предоставить им возможность поступать по своей воле; а так как дети в свои годы не способны к большим порокам, то родители думают, что можно без риска проявлять снисходительность к маленьким отступлениям от правильного поведения, что можно забавляться их милой шаловливостью, которая, по их родительскому мнению, вполне подходит к этому невинному возрасту. Но уже Солон очень хорошо ответил одному такому нежному родителю, который не хотел наказать ребенка за одну скверную выходку, извиняя ее тем, что это не важная вещь: да, сказал Солон, но привычка — важная вещь²⁰

§ 35. Любимчик должен научиться драться и дразнить других; он должен получать все, чего потребует, и делать то, что ему нравится. Так, родители, поощряя капризы детей и балуя их, когда они малы, портят в них природные задатки, а потом удивляются, что вода, источник которой они сами отравили, имеет горький вкус. Ибо, когда дети вырастают, вместе с ними вырастают также и их дурные привычки; когда же они становятся совсем взрослыми, слишком взрослыми, чтобы можно было с ними нянчиться, и их родители не могут больше забавляться ими как игрушками, тогда родители начинают жаловаться, что мальчишки-де непослушны и испорченны, тогда им уже неприятно видеть их своеволие, и их уже смущают дурные наклонности детей, которые они сами посеяли и поощряли в них, тогда — быть может, уже слишком поздно — они были бы рады вырвать те сорные травы, которые посеяли собственными руками и которые теперь пустили слишком глубокие корни, чтобы их можно было вырвать. Ибо если ребенок привык во всем проявлять свою волю, пока он носил детскую рубашонку, то почему мы должны считать странным, когда, надевши уже штаны, он стремится к тому же и претендует на то же самое? Конечно, с возрастом и его недостатки обнаруживаются сильнее; и мало есть родителей настолько слепых, чтобы они не чувствовали плохих результатов своей собственной снисходительности. Ребенок командовал своей няней до того, как научился говорить или ходить; он командовал своими родителями с тех пор, как научился лепетать. Почему же теперь, когда он вырос, когда он стал сильнее и умнее, чем был тогда, он должен стать сдержанным и покорным? Почему в возрасте семи, четырнадцати или двадцати лет он должен потерять ту привилегию, которую родительская снисходительность

широко предоставляла ему до сих пор? Сделайте опыт над собакой или лошадей или над каким-либо другим животным и посмотрите, легко ли, когда они уже стали большими, исправить те дурные привычки и то своеобразие, к которым они были приучены, когда были молоды. Между тем ни одно из этих животных и наполовину не наделено тем своеволием и тем самомнением, ни одно из них и наполовину не проникнуто тем желанием быть хозяином над собою и властвовать над другими, как человек.

§ 36. Как правило, мы обладаем достаточным благоразумием, чтобы начинать уход за упомянутыми другими созданиями с очень ранних лет и чтобы своевременно их дисциплинировать, если только мы хотим их сделать полезными и на что-либо годными. Только в отношении собственных детей мы здесь проявляем небрежность; и, сделав их дурными детьми, мы неразумно надеемся, что из них выйдут хорошие люди. Ибо если лучше ребенку дать виноград или леденец, когда ему это захочется, чем дать бедному дитяти расплакаться или огорчить его, то почему, когда он станет взрослым, не следует удовлетворять его желания, которые тянут его к вину или к женщинам? Ведь эти предметы в такой же мере соответствуют желаниям взрослого, в какой отвечали детским склонностям те предметы, из-за которых он плакал, когда был мал. Порок заключается не в том, чтобы иметь желания, соответствующие этим различным возрастам, а в неумении подчинять их правилам и ограничениям разума; разница заключается не в том, испытываете ли вы или не испытываете самих влечений, а в способности управлять ими и отказываться от них. Тот, кто не привык подчинять свои желания разуму других, когда он молод, вряд ли будет вслушиваться и подчиняться голосу своего собственного разума, достигши того возраста, когда он способен им пользоваться. И нетрудно предвидеть, какого рода человек, по всей вероятности, выйдет из такого субъекта.

§ 37. Таковы промахи, обычно совершаемые людьми, которые, видимо, с величайшей заботливостью относятся к делу воспитания своих детей. Но если мы посмотрим на обычное обхождение с детьми, то у нас появится основание удивляться тому, что при великой распущенности нравов, на которую жалуются все, вообще остались еще какие-то следы добродетели. Я хотел бы знать, можно ли назвать какой-либо порок, которому родители и те, кто непосредственно смотрит за детьми, не научили бы последних, порок, семена которого не были бы брошены ими в детские

души, как только дети стали способны воспринимать порок. Говоря это, я не имею в виду те примеры, которые родители и воспитатели сами дают детям, те образцы поведения, которые они выставляют перед ними напоказ и которые уже сами по себе служат достаточным поощрением; я хочу здесь обратить внимание на прямое обучение пороку, на активное сбивание детей с пути добродетели. Еще прежде чем дети научатся ходить, им внушают правила насилия, мести и жестокости. «Ударь меня, а я побью его» — вот урок, который дети слышат каждый день; и на это смотрят как на пустяк потому-де, что их руки еще не обладают достаточной силой, чтобы причинить какое-либо зло. Но я вас спрошу: разве это не развращает душу ребенка? Разве это не значит выводить детей на путь насилия и грубости? И если их с малых лет научили, что можно бить и обижать других чужими руками, и забавляться обидой, нанесенной другому, и смотреть на чужие страдания, то разве этим они не подготовляются к тому, чтобы делать то же самое, когда они станут достаточно сильными и будут в состоянии давать чувствовать свою силу и бить других уже с какой-либо целью?

Одежду, которой мы прикрываем наши тела из скромности и в целях согревания и защиты, родители — вследствие своего безрассудства или порочности — рекомендуют своим детям для иного применения. Она стала предметом тщеславия и соперничества. Ребенку внушается желание иметь новый костюм, чтобы в нем пощеголять; а когда маленькая девочка нарядится в свое новое платьице и в новую шапочку, может ли ее мамаша, называющая дочку своей королевой, своей принцессой, не научить ее — самое меньшее — любоваться собой? Таким путем маленькие дети приучаются гордиться своим платьем еще раньше, чем научились сами надевать его. А если родители их этому научили в столь раннем возрасте, то почему же им не продолжать в дальнейшем ценить себя за внешнее изящество изделий портного или модистки?

Ложь и увертки, извинения, мало чем отличающиеся от лжи, влагаются в уста малолетних и поощряются у детей и учеников, когда это выгодно учителям и родителям. Можно ли в таком случае рассчитывать, что ребенок, который видит, что уклонение от истины, когда оно направлено к выгоде его почтенного наставника, не только прощается ему, но даже одобряется, не станет пользоваться этой привилегией уже в своих интересах, если это сможет принести ему пользу?

Людам низших сословий нехватка средств не позволяет поощрять у своих детей неумеренность, вводя в соблазн изысканной пищей или упрашиванием есть и пить больше, чем нужно; но дурные примеры, которые они подают своим детям в такие моменты, когда у них бывает достаток, показывают, что их удерживает от излишеств не отвращение к пьянству и обжорству, а лишь недостаток средств. Но заглянем в дома тех, кому живется лучше: здесь еда и питье превратились в столь важное дело и в них находят такое счастье жизни, что если дети не получают своей доли, то в этом видят пренебрежительное к ним отношение. Соусы, и рагу, и всякая пища, которой придается специфический вкус с помощью всевозможных ухищрений кулинарного искусства, должны раздражить их аппетит в такой момент, когда их желудок и без того наполнен; а потом опасение, как бы желудок не оказался перегруженным, становится предлогом дать ребенку лишний стакан вина, чтобы помочь пищеварению, хотя этим пресыщение лишь усиливается. Если мой барчук немного не в духе, его первым делом спрашивают: «Не хочешь ли, дорогой, покушать? Что тебе дать?» И немедленно заставляют его есть и пить, причем пускается в ход вся человеческая изобретательность, чтобы придумать что-нибудь достаточно вкусное и изысканное, что могло бы пересилить отсутствие аппетита, которое природа мудро установила в качестве симптома начинающегося расстройства и для защиты против усиления последнего — с той целью, чтобы вместо обычной работы переваривания новой пищи, загружившей желудок, заняться исправлением и преодолением испорченных соков²¹

Но и в тех случаях, когда на долю детей выпало счастье такого родительского ухода, при котором благоразумие родителей удерживает их от излишеств стола и приучает к простой и неизысканной пище, дети едва ли могут быть ограждены от заразы, отравляющей их душу: здоровье детей, может быть, и достаточно хорошо оберегается благоразумным уходом, пока они находятся под опекой, однако их желания неизбежно следуют урокам, которые преподносят им со всех сторон в этой области эпикурейства. То признание, которым везде пользуется хорошая еда, не преминет с успехом подстрекнуть естественный аппетит и быстро возбудит в детях страсть к изысканному столу и склонность тратиться на него. Ведь все, даже обличители порока, называют это «хорошо жить». А что угрюмый разум решится противопоставить общественному мнению?

И может ли он рассчитывать, что к его голосу прислушаются, если он назовет излишеством то, что так хорошо ценится и всюду практикуется среди людей высшего круга?

В настоящее время этот порок принял столь крупные размеры и встречается столь сильную поддержку, что я уже не знаю, не претендует ли он на то, чтобы называться добродетелью. И не сочтут ли это за безумие или за незнание света, если кто-либо станет высказываться против него? Право, я готов был бы допустить, что сказанное мною будет с осуждением воспринято как неуместная, сатирическая выходка, но я затронул этот вопрос в надежде, что тем самым пробужу в родителях бдительность и внимание к вопросам воспитания их детей, что им станет ясно, насколько последние окружены со всех сторон не только соблазнами, но даже учителями порока, и, может быть, даже в лице тех людей, которые считаются абсолютно надежными.

Я не буду дольше останавливаться на этом предмете и еще менее склонен вдаваться во все подробности, которые показали бы, как много прилагается усилий к тому, чтобы сворачивать детей и каплю за каплей внедрять в них порок. Но я желал бы, чтобы родители трезво поразмыслили над тем, каким нарушениям и порокам незаметно обучаются их дети и не заключаются ли их долг и мудрость в том, чтобы дать детям уроки другого рода.

§ 38. Мне кажется ясным, что основа всякой добродетели и всякого достоинства заключается в способности человека отказываться от удовлетворения своих желаний, когда разум не одобряет их. Эту способность надо приобретать и совершенствовать посредством привычки, которая становится легкой и естественной, если упражняться в ней с ранних лет. Поэтому, если бы я мог рассчитывать, что меня послушают, то я бы посоветовал — в противоположность тому, что обычно делают, — приучать детей с самой колыбели подавлять свои желания и не руководствоваться своими влечениями. Первое, чему они должны научиться, — это понимать, что они получают ту или иную вещь не потому, что она им понравилась, а только потому, что она была признана подходящей для них. Если бы им давали только то, что им действительно необходимо, и всегда отказывали бы им в том, чего они требуют с плачем, они научились бы обходиться без желаемого и никогда не настаивали бы на своем с плачем и капризами; они бы и наполовину не были столь несносными для себя и для других, какими становятся обычно, если их с самого начала не

воспитывают, как я предлагаю. Если никогда не допускать исполнения их желаний только из-за выражаемого ими нетерпения, они так же мало будут плакать при отказе в чем-либо другом, как мало плачут из-за того, что им не дают луны с неба.

§ 39. Я не хочу этим сказать, что детям ни в чем не нужно давать поблажки или что я рассчитываю на то, чтобы они, не перестав еще носить детское платье, могли обладать разумом и тактом мужей света. Я вижу в них детей, которые нуждаются в нежном обращении, для которых игры и игрушки являются действительной потребностью. Моя мысль сводится лишь к тому, что, когда дети хотят получить или сделать что-либо им ненужное, не следует давать или разрешать это только потому, что они маленькие и им этого захотелось; напротив, у них должна быть уверенность, что если они будут приставать с каким-либо требованием, то именно поэтому им будет отказано. Я видел детей, которые, сидя за столом, ничего не просили из того, что подавалось, а удовлетворялись тем, что им давали. Но я видел также других детей, которые с криком требовали, чтобы им давали все, что находилось перед их глазами; они хотели, чтобы им давали от каждого блюда, и притом раньше, чем всем остальным. Разве эта разница не была создана тем, что вторые привыкли получать то, чего они просили или требовали с криком, а первые были приучены оставаться без удовлетворения. Чем младше дети, тем менее, я думаю, следует удовлетворять их недисциплинированные и беспорядочные желания; и чем слабее их собственный разум, тем сильнее необходимость подчинять их абсолютной власти и ограничениям со стороны тех, на чьем попечении они находятся. Отсюда, я соглашусь, будет вытекать тот вывод, что ухаживать за детьми должны только благоразумные люди. Если в свете принято иное, я ничего не могу сделать. Я говорю лишь, как, по моему мнению, следует поступать, и, если бы это уже вошло в обычай, мне бы не было нужды взывать к общественному вниманию рассуждениями на эту тему. Но я не сомневаюсь, что и другие, поразмыслив об этом, согласятся со мною, что, чем раньше начать применять указанный метод, тем легче пойдет дело как у детей, так и у воспитателей и что следует установить нерушимое правило: раз детям в чем-либо отказано, они не должны рассчитывать на то, что добьются этого криком и приставанием; иначе, награждая их за эти качества, вы как бы

задаетесь специальной целью приучать их к нетерпению и назойливости.

§ 40. Итак, кто ставит своею целью всегда управлять своими детьми, тот должен начинать это, пока те еще очень малы, и следить за тем, чтобы они полностью подчинялись воле родителей. Вы хотите, чтобы ваш сын, выйдя из детских лет, вас слушался? В таком случае вы непременно должны установить свой отцовский авторитет возможно раньше, а именно как только он стал способен подчиняться и понимать, в чьей власти находится. Если вы хотите, чтобы ваш сын питал к вам почтительный страх, запечатлейте в нем это чувство уже в детстве; а по мере того как он будет становиться старше, позволяйте ему сближаться с вами; при этом условии вы будете иметь в нем послушного подданного (как оно и должно быть) в детстве и преданного вам друга, когда он вырастет. По моему мнению, очень неправильно понимают должное обращение с детьми те, кто проявляют по отношению к ним снисходительность и фамильярность, пока они малы, и становятся суровыми к ним и держат на известном расстоянии от себя, когда они выросли; ибо свобода и потворство не приносят пользы детям, а недостаток рассудительности создает необходимость для них ограничений и дисциплины, и наоборот; властное и строгое отношение — плохой способ обращения с теми, кто уже обладает собственным разумом, чтобы им руководствоваться, если только вы не хотите стать в тягость своим детям, когда они вырастут, и не хотите, чтобы они втайне говорили про себя: «Когда ты наконец умрешь, отец?»

§ 41. Я полагаю, что всякий признает разумным, чтобы его дети, пока они малы, смотрели на родителей как на своих господ, как на облеченных полнотою власти руководителей, по отношению к которым проявляли бы почтительный страх; а впоследствии, когда они подрастут, чтобы они видели в родителях самых лучших и единственно надежных друзей и, как таковых, любили бы и уважали их. Указанный мною путь является, если я не ошибаюсь, единственным, который может обеспечить достижение таких результатов. Когда дети подрастут, мы со своей стороны должны видеть в них людей, равных нам, людей с такими же страстями, с такими же желаниями, как и наши страсти и желания. Мы желаем, чтобы к нам относились как к разумным созданиям, мы стремимся к свободе, мы не любим, если нам надоедают постоянными выговорами и окриками, и не миримся с тем, чтобы люди, с которыми

сталкиваемся, проявляли к нам суровое отношение или держали нас на почтительном расстоянии. Тот, кто, будучи взрослым, встречает подобное отношение к себе, будет искать другого общества, других друзей, других собеседников, с которыми он мог бы чувствовать себя легко. Поэтому если детей держать в строгости с самого начала, то, пока они дети, они будут послушны и будут спокойно подчиняться строгостям, как будто никогда не знали другого обращения. И если, по мере того как они будут подрастать и когда подрастут настолько, чтобы руководствоваться своим разумом, строгость управления будет мало-помалу (в той мере, в какой они будут заслуживать) смягчаться и обращение отца будет становиться все более мягким и, наконец, расстояние между ним и детьми уменьшится, то его прежняя строгость только усилит их любовь, так как дети поймут, что она была проявлением доброты к ним и желанием сделать их способными заслужить любовь родителей и уважение всех и каждого.

§ 42. В этом заключается общее правило для установления вашего авторитета над вашими детьми. Страх и почтительность должны дать вам первую власть над их душами, а любовь и дружба должны закрепить ее: ибо придет время, когда они перерастут розги и исправительные меры воздействия, и тогда — спрошу вас я — если любовь к вам не сделает их послушными и не внушит им чувства долга, если любовь к добродетели и желание поддержать свою репутацию не будет их удерживать на достойном пути, то какое у вас будет средство повернуть их на этот путь? Конечно, страх получить малую долю наследства из-за причиненных вам огорчений может сделать их рабами вашего богатства, но, несмотря на это, внутренне они будут оставаться дурными и испорченными. Однако эта сдержка ведь не останется навсегда. Всякий человек должен рано или поздно быть предоставлен самому себе, своему собственному руководству, и хороший, добродетельный и способный человек должен быть воспитан таковым внутренне. Поэтому все, что он должен получить от воспитания и что должно повлиять на его жизнь, необходимо своевременно вложить в его душу, а именно привычки, крепко переплетенные с самыми основами его натуры, а не притворное поведение и лицемерную личину, надетую лишь из страха и с единственной целью избежать в данное время гнева отца, который может лишить его наследства.

§ 43. После того как мы установили общее направление, которого следует держаться, уместно будет присту-

пить к несколько более детальному рассмотрению некоторых элементов необходимой дисциплины. Я так много говорил о необходимости соблюдения строгого режима по отношению к детям, что меня, быть может, заподозрят в том, что я недостаточно учитываю требования, которые предъявляют нам нежный возраст детей и нежная детская конституция. Но это подозрение рассеется, если вы послушаете, что я скажу дальше: поскольку я весьма склонен думать, что очень строгие наказания приносят в воспитании очень мало пользы, напротив — они причиняют большой вред, то можно, мне думается, установить, что при прочих равных условиях те дети, которые особенно часто подвергались наказаниям, редко выходят хорошими людьми. Все, на чем я до сих пор настаивал, сводится лишь к тому, что строгость, поскольку она необходима, тем уместнее, чем дети моложе, и что, если она при правильном применении произвела свой эффект, ее следует ослабить и заменить более мягким способом обращения.

§ 44. Послушание и уступчивость, внушенные детям настойчивостью родителей в столь раннем возрасте, что дети не могут помнить, как эти качества у них появились, будут казаться детям естественными и в дальнейшем будут проявлять свое действие с силой природных качеств, предупреждая всякое сопротивление и недовольство. Нужно лишь позаботиться об одном: начать применение этого метода в раннем возрасте, а затем неуклонно его держаться до тех пор, пока почтительный страх и уважение к родителям не войдут у детей в привычку, пока не исчезнут малейшие проявления непокорности с их стороны и они не проникнутся готовностью слушаться. Именно эта почтительность, если только удалось укрепить ее в детях (а этого следует добиться в раннем возрасте, ибо иначе эта почтительность может быть достигнута лишь ценою усилий и побоев, которых потребуется тем больше, чем позже начинают воспитывать, в сочетании с такой мерой снисходительности, которая не позволила бы детям использовать эту снисходительность во зло), должна явиться в будущем, после того как дети подрастут и сделаются разумнее, средством воздействия на них, а не побои, брань или другие унижительные наказания.

§ 45. Что это так, всякий легко согласится, если только подумает над тем, в чем заключается цель разумного воспитания и чем оно определяется.

1. Кто не имеет власти над своими наклонностями, кто не в состоянии устоять против импульса удовольствия или

страдания данной минуты и следовать голосу разума, указывающего, как нужно поступить, тот не обладает истинными принципами добродетели и деятельности и рискует оказаться ни на что не годным человеком. Эта выдержка, которая является противоположностью природной стихийности, должна приобретаться своевременно; привычка к ней, как истинная основа будущей жизнеспособности и счастья, должна внедряться в душу как можно раньше, уже с первых проблесков сознательности и понимания у детей, и тот, кто следит за их воспитанием, должен ее укреплять в них со всей тщательностью и всеми возможными средствами.

§ 46.2. С другой стороны, если душа ребенка слишком придавлена и принижена, если его ум пришиблен и сломлен слишком строгим обращением, он теряет всю свою силу и энергию и оказывается в еще худшем состоянии, чем в первом случае. Ибо своенравные юноши, отличающиеся живостью и умом, выходят иногда на правильную дорогу и таким образом становятся дельными и крупными людьми; но пришибленные, робкие и вялые души и духовно неразвитые люди вряд ли в состоянии когда-либо подняться и очень редко чего-либо достигают. Избегать той и другой опасности — большое искусство, и тот, кто нашел способ сохранить душу ребенка непринужденной, деятельной и свободной и в то же время удерживать ребенка от многих вещей, к которым его влечет, и направлять его к тому, что ему не совсем нравится, тот — скажу я — постиг, как примирить эти кажущиеся противоречия, тот, по моему мнению, овладел действительным секретом воспитания.

§ 47. Обычный метод воздействия телесным наказанием и розгой, который не требует ни усилий, ни много времени, этот единственный метод поддержания дисциплины, который широко признан воспитателями и доступен их пониманию, является наименее пригодным из всех мыслимых приемов воспитания, так как он приводит к обоим упомянутым вредным последствиям; а они, как мы показали, представляют собой Сциллу и Харибду²², которые с той или другой стороны губят всякого, кто сворачивает с правильного пути.

§ 48.1. Этот вид наказания совсем не способствует преодолению нашей естественной склонности предаваться физическим и мимолетным удовольствиям и всячески избегать страданий, а скорее поощряет эту склонность и тем самым укрепляет в нас то, что является корнем всех порочных поступков и отступлений от правильной жизни.

В самом деле, какой другой мотив, кроме чувственного удовольствия или страдания, руководит ребенком, который только из страха быть высеченным, вопреки своему влечению корпит над книгой или воздерживается есть нездоровый плод, в котором находит удовольствие? В данном случае он только отдает предпочтение большему физическому удовольствию или избегает большего физического страдания. И что, собственно, значит — регулировать его поступки и направлять его поведение, используя подобные мотивы? Разве это не значит — спрошу я вас — поощрять в нем то самое начало, искоренение и уничтожение которого является нашей задачей? Я не могу поэтому признать полезным для ребенка какое бы то ни было наказание, при котором стыд пострадать за совершенный поступок не действует на него сильнее, чем само страдание.

§ 49.2. Этот метод исправления естественно порождает в ребенке отвращение к тому, что воспитатель должен заставить его полюбить. Как легко наблюдать такое явление, что дети, которым раньше нравились те или другие вещи, начинают их ненавидеть, потому что из-за этих вещей они подвергаются побоям, брани и мучениям! И в этом нет ничего удивительного, так как и взрослых людей нельзя подобными приемами заставить полюбить что-нибудь. В самом деле, какой человек не проникся бы отвращением к самому невинному развлечению, хотя бы само по себе оно было для него безразличным, если бы его заставляли развлекаться побоями и бранью? Или подвергли бы такому же обращению за некоторые особенности в его манере развлекаться? Это было бы вполне естественно. Неприятная обстановка обычно отравляет самые невинные вещи, которые с нею связаны: один только вид чашки, из которой вы обычно принимаете отвратительное лекарство, вызывает у вас тошноту, и ничто находящееся в этой чашке уже не будет доставлять вам удовольствие, хотя бы она была исключительно чиста и красива и сделана из дорогого материала.

§ 50.3. Такой род рабской дисциплины создает рабский характер. Ребенок подчиняется и притворяется послушным, пока над ним висит страх розги; но как только этот страх отпал и ребенок, в отсутствие наблюдающего глаза, может рассчитывать на безнаказанность, он дает еще больший простор своей естественной наклонности, которая, таким образом, несколько не изменяется, а, напротив, лишь становится в нем значительно сильнее и обычно по-

сле такого насильственного сдерживания прорывается с еще большей силой.

§ 51.4. Или же: если строгость, доведенная до крайней степени, берет верх и приводит к исцелению от ранее прорывавшейся скверной склонности, то этот результат часто достигается за счет насаждения другого, худшего и более опасного недуга — душевной пришибленности, и тогда вместо неорганизованного юноши вы будете иметь слабоумное и жалкое существо, которое, правда, нравится глухим людям своей противоестественной скромностью, так как оно не шумит и не причиняет беспокойства, но в конце концов, вероятно, окажется неприятным для своих друзей и на всю жизнь останется бесполезным и для себя и для других.

§ 52. Побои и все прочие виды унижающих телесных наказаний не являются подходящими дисциплинарными мерами при воспитании детей, которых мы хотим сделать разумными, добрыми и талантливыми людьми; эти меры следует поэтому применять очень редко, и притом только по серьезным основаниям, и лишь в крайних случаях. С другой стороны, нужно тщательно избегать поощрения детей путем награждения их вещами, которые им нравятся. Кто дает своему сыну яблоко, или пряник, или какой-либо другой из наиболее любимых им предметов этого рода с целью заставить его сидеть за книгой, тот только поощряет его любовь к удовольствиям и потворствует этой опасной склонности, которую надлежало бы всеми средствами обуздывать и подавлять в нем. Вы никогда не сможете рассчитывать научить его управлять своим влечением, если, ставя ему преграды в одном случае, вы компенсируете это разрешением удовлетворить то же влечение в другом случае. Чтобы сделать из него хорошего, разумного и добродетельного человека, нужно научить его противостоять своим влечениям и отказывать в удовлетворении своему пристрастию к богатству, щегольству, лакомству и прочему, когда разум советует, а долг требует противоположного. Но когда вы побуждаете его делать что-нибудь полезное, даря ему деньги, или вознаграждаете за утомительное сидение за книгой удовольствием от лакомого кусочка, когда вы обещаете ему кружевной галстук или изящный костюм за исполнение какой-либо из его мелких обязанностей, то разве, предлагая ему все это в виде награды, вы не допускаете только, чтобы эти хорошие вещи стали его целью, и разве тем самым вы не поощряете его страсть к этим вещам, не приучаете его видеть в них свое

счастье? Так неправильно люди пользуются наградами и наказаниями, чтобы заставить детей проявить усердие в грамматике, в танцах и в некоторых других подобных предметах, не имеющих большого значения для их счастья или полезности в их жизни, и тем самым жертвуют добродетелью детей, извращают правила их воспитания и приучают к роскоши, чванливости, жадности и т. п. Ибо, потворствуя таким образом этим дурным наклонностям, которые они должны были бы ограничивать и подавлять, они закладывают основу будущих пороков, которых можно избежать, лишь обуздывая наши желания и с ранних лет приучая их подчиняться разуму.

§ 53. Я не хочу этим сказать, что нужно лишать детей тех удобств и удовольствий жизни, которые не причиняют вреда их здоровью или добродетели. Напротив, я желал бы, чтобы их жизнь стала насколько возможно приятной и веселой для них и чтобы они в полной мере пользовались всем, что может доставить им невинные удовольствия, однако с тем условием, чтобы они получали эти удовольствия только как результат построенных на взаимном уважении и признании их отношений с родителями и воспитателями. Но никогда не следует ни предлагать, ни доставлять им эти удовольствия в виде награды за выполнение той или другой обязанности, к которой они питают отвращение и которой они бы не исполняли добровольно без этого соблазна.

§ 54. Но вы скажете: «Если, с одной стороны, устранить розгу, а с другой — эти маленькие поощрения, которыми можно их привлечь, то как же тогда управлять детьми?» Устраните надежду и страх, и тогда исчезнет всякая дисциплина. Я согласен, что добро и зло, награда и наказание — единственные мотивы для разумного существа: это — шпоры и вожжи, которыми побуждается к работе и направляется все человечество, и поэтому они должны применяться также к детям. Ибо я советую родителям и воспитателям всегда помнить, что с детьми следует обращаться как с разумными существами.

§ 55. Я признаю, что, если мы хотим влиять на детей, нужно обещать им награды и предупреждать их о наказании. Ошибка, по-моему, заключается в том, что применяемые обычно награды и наказания плохо выбираются. Я полагаю, что телесные страдания и телесные удовольствия, когда они превращаются в награды или наказания, которыми рассчитывают воздействовать на детей, дают дурные результаты; ибо, как я уже сказал выше, они толь-

ко усиливают и укрепляют те склонности, подчинение и подавление которых является нашей задачей. Какое начало добродетели вы закладываете в ребенка, если отказ в удовлетворении его желания вы искупаете тем, что предлагаете ему взамен этого другое удовольствие? Это значит лишь расширять круг его влечений и приучать его перебрасываться с одного предмета на другой. Если ребенок требует с плачем, чтобы ему дали какой-либо вредный и опасный плод, вы покупаете его спокойствие тем, что дадите ему менее вредное лакомство. Этим вы, может быть, сохраняете ему здоровье, но портите душу и расстраиваете ее еще больше. Ибо вы меняете здесь только объект, но продолжаете потворствовать его желанию и соглашаетесь, что оно должно быть удовлетворено; а в этом именно, как я уже показал, лежит корень зла, и, пока вы не добьетесь того, чтобы он был способен отказываться от этого удовлетворения, ребенок может оставаться в данную минуту спокойным и вести себя как следует, но самая болезнь не исцелена. Поступая таким образом, вы поощряете и культивируете в нем то, что является источником всех зол и что при первом же случае — это можно сказать с уверенностью — прорвется еще более бурно, возбудит в нем еще более сильные желания, а вам причинит еще большее беспокойство.

§ 56. Те награды и наказания, посредством которых мы должны держать детей в порядке, совсем другого рода, и они-то обладают такой силой, что раз нам удалось добиться эффекта от них — дело, по моему мнению, уже сделано, и трудность преодолена. Честь и позор являются самыми могущественными стимулами души, когда она уже способна ценить их. Если вам удалось научить детей дорожить доброй репутацией и страшиться стыда и позора, вы вложили в них правильное начало, которое будет всегда проявлять свое действие и склонять их к добру. Но меня спросят: как же это сделать? Сознаюсь, что на первый взгляд это не лишено некоторой трудности; но я считаю, что эта задача заслуживает того, чтобы поискать путей ее осуществления и, найдя эти пути, по ним следовать, ибо в этом я вижу великий секрет воспитания.

§ 57. Во-первых, дети (быть может раньше, чем мы думаем) очень чувствительны к похвале и одобрению. Им доставляет удовольствие, если их уважают и ценят, особенно родители и те, от кого они зависят. Поэтому, если отец ласкает и хвалит их, когда они ведут себя хорошо, и показывает внешнюю холодность и невнимание к ним,

когда они ведут себя дурно, и если одновременно подобным же образом проявляют себя по отношению к ним мать и прочие окружающие, то потребуются немного времени, чтобы сделать детей чувствительными к этой разнице в отношениях; я не сомневаюсь, что этот метод обращения с детьми, если его держаться неуклонно, будет сам по себе оказывать большее действие, чем угрозы и побои, которые теряют свою силу, когда они становятся привычными, и делаются неприемлемыми, когда не сопровождаются чувством стыда; поэтому они должны быть исключены из обихода и применяться лишь в одном, указанном ниже случае, когда дело дошло до крайности.

§ 58. Но во-вторых, чтобы глубже внедрить в сознание детей понятия чести и позора и чтобы придать последним больше веса, необходимо, чтобы эти отличные друг от друга состояния всегда сопровождались приятными или неприятными вещами — не в качестве специальных наград или наказаний за тот или другой поступок, а как обязательно причитающихся и всегда выпадающих на долю тех, кто своим поведением поставил себя в положение человека достойного или недостойного похвалы. Такой способ обращения с детьми может в максимально мыслимой степени привести их к убеждению, что человек, которого хвалят и отличают за хорошее поведение, обязательно встретит и любовь и ласку со стороны каждого, а в результате этого он будет иметь и всякие другие хорошие вещи; и наоборот, кто своим дурным поведением вызывает неуважение к себе и не заботится о сохранении хорошей репутации, неизбежно станет предметом равнодушия и презрения, а следствием такого положения явится отсутствие всего, что могло бы доставить ему удовлетворение или удовольствие. Таким образом, объекты желаний превращаются в фактор, способствующий добродетели, поскольку твердый опыт учит детей с самого начала, что предметы, доставляющие удовольствие, принадлежат и достаются лишь тем, кто пользуется хорошей репутацией. Если вам удастся таким путем заставить их испытывать чувство стыда от своих недостатков (а я бы охотно ограничил этим все наказания) и находить удовольствие в том, что о них хорошо думают, то вы будете в состоянии делать с ними что хотите, и они полюбят все пути добродетели.

§ 59. Большая трудность заключается здесь, по моему мнению, в глупости и испорченности слуг, которым трудно помешать действовать в этих случаях вразрез с намерениями отца или матери. Дети, которым родители выразили

неодобрение по поводу какого-либо проступка, обычно находят приют и ласку у этих глупых льстецов, которые таким образом разрушают все то, что родители стремятся создать. Когда видно, что отец и мать сердиты на ребенка, все прочие должны проявлять к нему ту же холодность, и никто не должен ободрять его до тех пор, пока он не попросит прощения и исправлением своей вины не вернется на правильный путь и не восстановит своей прежней репутации. Если бы это правило неуклонно соблюдалось, в побоях и брани была бы, я думаю, малая надобность: выпадающие на долю детей хорошее самочувствие и удовлетворение быстро приучали бы их добиваться похвалы и избегать всяких поступков, которые, как они убедились, осуждаются всеми и обязательно должны причинить им страдание, даже в том случае, если их не будут ни бить за это, ни бранить. Это научит их скромности и чувству стыда, и они скоро начнут испытывать естественное отвращение ко всему тому, что, по их личному опыту, вызывало со стороны каждого неодобрение и пренебрежение к ним. Но как устранить этот вред, причиняемый слугами, — об этом пусть подумают и позаботятся родители. Я же придаю этому вопросу большое значение и считаю поистине счастливыми тех, кто в состоянии найти разумных людей для ухода за их детьми.

§ 60. Итак, следует всячески избегать частых побоев или брани, ибо этот способ исправления дает хорошие результаты лишь постольку, поскольку он вызывает у детей чувство стыда и отвращения к проступку, навлекшему на них наказание. И если главным элементом в их неприятном самочувствии не является сознание, что они совершили дурной поступок, и опасение, что они вызвали по отношению к себе неудовольствие своих лучших друзей, то боль от физического наказания будет действовать как несовершенное лекарство. Она только на время затянет рану, наложит на нее пластырь, но не затронет самого корня болезни; единственно, что действительно сдерживает, — это искренний стыд и боязнь вызвать неудовольствие. Только эти чувства должны управлять ребенком и удерживать его на правильном пути; телесные же наказания при частом их повторении утрачивают свою силу и вытравливают чувство стыда. Со стыдом у детей обстоит так же, как со скромностью у женщин, которая не может сохраниться, если часто нарушается. Что же касается боязни вызвать неудовольствие родителей, то она становится очень маловажным фактором, если внешние признаки этого неудовольствия

быстро исчезают и если несколькими ударами исчерпывается все искупление. Родителям следует хорошенько подумать о том, какие недостатки в их детях достаточно значительны, чтобы вызвать проявление их гнева. Но если их неудовольствие уже проявилось, и притом в такой степени, что влечет за собой какое-либо наказание, то не следует быстро менять гнев на милость, нужно возвращать детям прежнюю ласку не сразу и полное примирение откладывать до тех пор, пока их покорность и исключительно хорошее поведение не докажут их исправления. Если же не поступать так, то наказание вследствие привычки станет заурядным делом и потеряет всю свою эффективность: совершить проступок, подвергнуться наказанию и затем получить прощение будет считаться столь же естественным и неизбежным, как чередование дня, ночи и утра.

§ 61. Относительно хорошей репутации я сделаю еще лишь одно замечание: хотя не в ней заключается истинное начало и мерило добродетели (ибо добродетель — это сознание своего человеческого долга, а выполнение последнего заключается в повиновении творцу, в следовании указаниям того света, который бог даровал человеку с надеждой на благоволение и воздаяние), однако это нечто весьма близкое к добродетели: поскольку хорошая репутация выражает собою то признание и одобрение, которое разум других людей даст как бы по общему согласию добродетельным и добропорядочным поступкам, постольку она служит подходящим руководством и поощрением для детей, пока последние не подрастут настолько, чтобы быть способными судить самостоятельно и собственным разумом находить то, что правильно.

§ 62. Это соображение может явиться для родителей указанием, как им вести себя в отношении порицания или одобрения своих детей. Выговоры и упреки, без которых иногда вряд ли бывает возможно пройти мимо проступков детей, следует делать не только в спокойном, серьезном и бесстрастном тоне, но лучше также наедине, в отсутствие посторонних; наоборот, похвалу, если дети ее заслужили, они должны получать в присутствии посторонних. Похвала, когда она высказывается гласно, становится двойной похвалой; наоборот, когда родители показывают, что они не желают оглашать проступки своих детей, это заставляет последних больше дорожить своей репутацией и приучает их больше заботиться о сохранении хорошего мнения других людей, пока они думают, что пользуются им. Когда же их срамят при посторонних и тем оглашают их проступки,

они считают свою репутацию погибшей, и вместе с тем исчезает то, что их сдерживало; ибо, чем больше они будут думать, что их доброе имя запятнано, тем меньше они будут заботиться о его сохранении.

§ 63. Однако при правильном методе обращения с детьми вовсе не должна возникать столь большая потребность в применении обычных наград и наказаний, как мы думаем и как это установлено общей практикой. Ибо дети должны в своих невинных дурачествах, играх и детских выходках пользоваться полной свободой; их не следует в этом стеснять, пока эти проявления совместимы с подобающим уважением к присутствующим; в этих случаях следует относиться к ним с величайшей снисходительностью. Если исправление этих недостатков — недостатков не столько самих детей, сколько их возраста — предоставлялось бы действию времени, подражания и более зрелого возраста, как это и надлежит делать, то дети были бы избавлены от многих дурно применяемых и бесполезных мер наказания. Ведь эти наказания или неспособны одолеть данную естественную склонность детского возраста, что (поскольку они делаются привычными, оставаясь в то же время бесплодными) уменьшает их пользу в других, серьезных случаях, или же если они достаточно сильны, чтобы обуздать естественную резвость этого возраста, то только калечат и тело и душу.

Если шум и суматоха их игр в данный момент неудобны или не соответствуют месту или обществу, в котором они находятся (а это может быть только там, где с ними родители), то достаточно одного взгляда или слова отца или матери, если только они добились должного авторитета, для того, чтобы на это время удалить детей или успокоить их. Но это веселое настроение, которым природа мудро наделила детский возраст и характер, скорее следует поощрять для поддержания в них бодрости, для развития их сил и улучшения здоровья, чем подавлять и стеснять; да и главное искусство именно в том и заключается, чтобы все, чем должны заниматься дети, сделать игрой и развлечением.

§ 64. Здесь позвольте мне обратить внимание на одну вещь, которую я считаю ошибкой обычного метода воспитания: она заключается в обременении детской памяти всевозможными правилами и предписаниями, которые часто бывают недоступны их пониманию и всегда детьми забываются сейчас же, как только они их получили. Если вы желаете, чтобы дети выполнили какое-либо действие

или сделали это иначе, когда они его забывают или делают неудачно, заставляйте их много раз переделывать, пока они не достигнут совершенства. Этим вы добьетесь двух полезных результатов. Во-первых, вы увидите, способны ли они выполнить данную работу и можно ли рассчитывать, что они ее выполнят: ведь от детей иногда требуют таких вещей, которых, как мы убеждаемся уже на опыте, они не умеют делать, и раньше, чем требовать от них выполнения, следовало бы их поучить и поупражнять. Но воспитателю гораздо легче приказывать, чем учить. Другая польза, которая получается от этого, заключается в том, что, если дети будут многократно проделывать одно и то же действие до тех пор, пока оно не станет для них привычным, выполнение уже не будет зависеть от памяти или размышления, свойственных не детству, а зрелому возрасту, но станет у них чем-то естественным.

Так, например, для хорошо воспитанного человека кланяться джентльмену, когда тот его приветствует, и смотреть ему в лицо, когда тот говорит с ним, становится благодаря постоянной практике столь же естественным, как и дышать: для этого не требуется ни думать, ни рассуждать. Если вы таким путем излечили вашего ребенка от какого-либо недостатка, вы его излечили навсегда; и таким же способом вы можете искоренить в детях один за другим все недостатки и привить им какие угодно привычки.

§ 65. Я видел родителей, которые наваливали на своих детей такую кучу правил, что бедным малышам невозможно было запомнить и десятую их часть и еще менее из них они могли выполнять. И, несмотря на это, за нарушение многочисленных и часто совершенно нецелесообразных предписаний дети подвергались брани и побоям. Естественным результатом было то, что они пропускали мимо ушей указания, которые им давались, так как для них было очевидно, что всего их внимания недостаточно, чтобы предохранить их от нарушений и последующих наказаний. Поэтому пусть этих правил, которые вы даете своему сыну, будет возможно меньше; лучше пусть их будет меньше, а не больше того, что кажется абсолютно необходимым. Ибо если вы обремените его многочисленными правилами, то в результате неизбежно получится одно из двух: или вам придется своего сына очень часто наказывать, что будет иметь дурные последствия, так как наказание будет слишком частым и сделается привычным, или же вы будете вынуждены оставлять нарушение некоторых ваших правил безнаказанным, что, конечно, вызовет пренебре-

жительное отношение к ним и подорвет ваш авторитет в глазах сына. Создавайте лишь немного законов, но следите за тем, чтобы они, будучи раз созданы, соблюдались. Для малолетних детей требуется немного законов, и лишь по мере того, как они становятся старше и какое-либо правило в результате практики прочно утвердилось, вы можете прибавить новое.

§ 66. Но прошу вас помнить, что детей не следует учить при помощи запоминания правил, которые всегда будут ускользать из их памяти. Заставляйте их все, что, по вашему мнению, они должны уметь делать, усваивать путем необходимой практики, приурочивая эту практику к каждому подходящему случаю, а если возможно, сами создавайте эти случаи. Это будет порождать у них привычки, которые, раз установившись, будут действовать сами собой, легко и естественно, без помощи со стороны памяти. Но здесь позвольте мне сделать следующие два предупреждения: 1. Когда вы заставляете их упражняться в том, что вы хотели бы превратить у них в привычку, применяйте ласковые слова и мягкие уговоры, лучше в форме как бы напоминания о том, что они позабыли, чем в форме резких замечаний или брани за умышленный будто бы проступок. 2. Второе, что вам следует соблюдать, состоит в том, чтобы не стараться укоренять в них слишком много привычек сразу, иначе разнообразием вы собьете их с толку и основательно не разовьете в них ни одной привычки. Когда постоянная практика превратила какое-либо действие в нечто легкое для них и естественное и они его выполняют не раздумывая, вы можете перейти к другому.

Этот метод обучения детей путем повторяющейся практики, путем многократного выполнения под наблюдением и руководством воспитателя одного и того же действия до тех пор, пока дети не привыкнут делать это хорошо, с какой бы стороны мы ни рассматривали его, имеет столько преимуществ перед методом, рассчитанным на правила, которые дети должны усвоить с помощью памяти, что я могу только удивляться (если можно вообще удивляться дурным обычаям), как он мог оставаться в столь большом пренебрежении. Укажу здесь еще на одно преимущество. Пользуясь этим методом, мы можем видеть, соответствуют ли требования, предъявляемые к ребенку, его способностям и подходит ли тот или другой прием к природным дарованиям и конституции ребенка: это ведь также должно приниматься в соображение при правильном воспитании. Мы не должны рассчитывать на то, чтобы

полностью изменить их прирожденные характеры, чтобы сделать веселого человека задумчивым и серьезным, а меланхолика веселым человеком, не портя их. Бог наложил определенную печать на душу каждого человека, которая, подобно его внешнему облику, может быть немного исправлена, но вряд ли можно ее целиком изменить и превратить в противоположное.

Поэтому тот, кто имеет дело с детьми, должен основательно изучить их натуры и способности и при помощи частых испытаний следить за тем, в какую сторону они легко уклоняются и что им подходит, каковы их природные задатки, как можно их усовершенствовать и использовать. Он должен подумать над тем, чего им недостает, и могут ли они это приобрести с помощью прилежания и усвоить путем практики, и стоит ли об этом стараться. Ибо во многих случаях все, что мы можем сделать и к чему мы должны стремиться, — это использовать наилучшим образом то, что дала природа, предупредить те пороки и недостатки, к которым наиболее предрасположена данная конституция. Природные дарования каждого должны быть развиваемы до возможных пределов; но попытка привить ребенку что-либо другое будет только бесплодным трудом, окажется ему не к лицу и всегда будет производить неприятное впечатление принужденности и манерности.

Манерность, конечно, не является недостатком раннего детства или продуктом невоспитанной природы. Она принадлежит к той разновидности сорных трав, которая вырастает не на диком, невоздланном пустыре, а в саду в случае небрежного или неумелого ухода садовника. Требуется наличие умения и выучки, а также некоторое сознание необходимости хорошего воспитания, чтобы сделать человека склонным к манерности, которой он старается исправить природные недостатки и всегда ставит себе похвальную цель нравиться, хотя никогда этой цели не достигает; и чем больше он старается создать видимость привлекательности, тем менее ему это удастся. Вот почему необходимо тщательно следить за этим недостатком, ибо он является, собственно говоря, недостатком воспитания, правда, извращенного воспитания, которое, однако, выпадает часто на долю молодежи или вследствие ее собственного заблуждения, или вследствие дурного руководства ее воспитателей.

Если кто-либо станет разбирать, в чем заключается приятность в обращении, которая всегда нравится, то он

убедится, что она проистекает от естественного согласия между действием и тем внутренним настроением, которое, бесспорно, соответствует данному случаю. Нам не может не нравиться гуманный, доброжелательный и деликатный характер, где бы мы с ним ни сталкивались. Свободный дух, владеющий собою и всеми своими действиями, не низменный и не ограниченный, не высокомерный и не дерзкий, не запятнанный никакими серьезными пороками, — вот что пленяет каждого. Поступки, которые естественно исходят от такой благородной души, также нам нравятся, как ее подлинные внешние проявления, и, поскольку они являются как бы естественными эманациями духа и внутренней настроенности, они могут быть лишь свободными и непринужденными. В этом, мне кажется, заключается та красота, которая светится сквозь поступки некоторых людей, украшает все, что они делают, и пленяет всех, кто с ними соприкасается: постоянной практикой они придали своему поведению его форму, и мелкие выражения вежливости и уважения, которые установлены в человеческих взаимоотношениях природой или обычаем, они сделали в себе настолько непринужденными, что те кажутся не искусственными или заученными, а естественно вытекающими из душевной мягкости и доброжелательной настроенности.

Напротив, манерность есть неловкое и искусственное подражание тому, что должно быть непосредственным и непринужденным, и потому лишена той красоты, которая свойственна только естественному; ибо здесь между внешним действием и внутренним душевным настроением всегда существует разлад, обнаруживающийся в одной из следующих двух форм.

1. Или человек стремится надеть внешнюю личину такого душевного настроения, которого в действительности у него нет, и старается показать его с помощью искусственных приемов, но делает это так, что насилие, производимое им над самим собою, обнаруживается непосредственно. Так, люди стараются иногда казаться грустными, веселыми, любезными, не будучи таковыми.

2. Или же человек, вовсе не пытаясь симулировать несвойственное ему настроение, стремится лишь свое действительное настроение выразить в несоответствующем поведении: таковы в общезнании всякие искусственные движения и такого же рода действия, слова, взгляды, должностные выразить любезность и уважение к собеседникам или удовлетворение и удовольствие от их общества,

которые, однако, не являются естественным и искренним выражением ни того, ни другого, а скорее свидетельствуют о каком-то внутреннем дефекте или заблуждении. В этих случаях часто большую роль играет подражание другим, причем человек не разобрался, что, собственно, привлекательно в них и что является только особенностью характера. Но всякое притворство, откуда бы оно ни происходило, всегда неприятно; ибо мы, естественно, ненавидим все поддельное и осуждаем тех, кто ничем лучшим не может себя зарекомендовать.

Простота и безыскусственность натуры, предоставленной самой себе, гораздо лучше искусственной неприятной манерности и подобных заученных приемов плохой светскости. Отсутствие какого-либо светского качества или изящия в наших манерах, не отвечающих идеальным требованиям изящества, часто не замечаются и не вызывают осуждения. Но всякая неестественность нашего поведения бросает только свет на наши недостатки и всегда привлекает чужое внимание, отмечающее в нас отсутствие здравого смысла или искренности. Воспитатели должны следить за этим с тем большей тщательностью, что, как я уже отмечал выше, эта некрасивая черта бывает благоприобретенной: она создается неправильным воспитанием и свойственна людям, которые претендуют на хорошую воспитанность и не желают, чтобы их принимали за людей, не знакомых с правилами хорошего тона и приличия, принятыми в обществе. Этот недостаток создается, если я не ошибаюсь, манерой праздных увещаний тех воспитателей, которые сообщают детям правила и указывают примеры, не сочетая свои наставления с практикой, не заставляя своих воспитанников повторять данные действия в их присутствии с целью исправить то, что в них есть неуместного или принужденного, пока они не станут вполне привычными и непринужденными.

§ 67. Так называемым манерам, из-за которых детям столь часто достается и по поводу которых им приходится выслушивать столько благих увещаний со стороны мудрых нянек и гувернанток, по моему мнению, лучше обучать посредством примера, чем с помощью правил; в этом случае дети, если отстранить от них дурную компанию, будут гордиться тем, что они умеют держаться так же хорошо, как и другие, видя при том, что их за это хвалят и одобряют. Если же мальчик, вследствие некоторой небрежности в этом отношении, не умеет достаточно изящно снять шляпу или расшаркаться, то учитель танцев исправит этот

недостаток и сотрет с него ту природную простоту, которую люди, во всем следующие моде, называют неотесанностью.

Танцы, мне кажется, больше чем что бы то ни было, общают детям пристойную уверенность и умение держаться и, таким образом, готовят к обществу старших; поэтому я считаю, что танцам детей следует обучить возможно раньше, как только они становятся к этому способными. Ибо, хотя это искусство заключается в одной лишь внешней грации движений, оно, больше чем что-либо другое, сообщает детям — не знаю каким образом — мужественные привычки и повадки. Но не следует, по моему мнению, мучить маленьких детей всякими другими мелочами и тонкостями светского этикета.

Пусть вас не беспокоят те недостатки в детях, которые, как вам известно, исправит возраст. Поэтому, пока дети малы, отсутствие в них светской учтивости в обращении, если только им свойственна внутренняя деликатность (а ее вы должны стараться привить возможно раньше), должно меньше всего заботить родителей. Если их нежная душа исполнена чувством почтения к родителям и учителям, которое заключается в любви и уважении и в боязни оскорбить их, если она исполнена чувствами почтения и доброжелательства ко всем людям, это почтение само заставит их усвоить способы выражения, которые, по их наблюдению, больше всего нравятся. Обязательно поддерживайте в ребенке начала доброжелательства и приветливости, старайтесь, насколько можете, похвалами и поощрениями и пользуясь тем приятным состоянием, которые ими вызываются, обратить эти начала в привычку; когда же они пустили корни в его душе и закрепились постоянной практикой, вам уже нечего бояться: изящество в обращении и внешность утонченных манер явятся в свое время, если дети, выйдя из-под попечения няни, будут переданы в руки благовоспитанного человека — своего будущего гувернера.

Пока дети очень малы, нужно относиться снисходительно к некоторой небрежности с их стороны, если только она не сопровождается проявлениями гордости или дурного нрава; но эти черты следует исправлять немедленно, как только они проявились в каком-либо поступке, пользуясь теми способами, на которые я указывал выше. Я бы не хотел, чтобы сказанное мною относительно манер было понято в том смысле, будто люди достаточно умные, чтобы действовать упомянутым образом, не должны мягкими

приемами воспитывать движения и манеры детей в самом раннем возрасте. Это было бы очень полезно, если только те, кто ухаживает за детьми с того момента, когда последние научились ходить, умели бы и хотели бы правильно это делать. Я осуждаю лишь неправильные приемы, которые обыкновенно применяются в этом отношении. Детей, которым еще не давали никакого понятия о том, что значит хорошо себя держать, часто (особенно в присутствии посторонних) бранят за тот или другой промах с точки зрения хороших манер; их осыпают упреками и наставлениями относительно того, как снимать шляпу, расшаркиваться и т. д. Хотя люди, о которых мы сейчас говорим, делают вид, будто они хотят исправить ребенка, в действительности они в большинстве случаев стремятся лишь прикрыть свой собственный стыд: они перелагают порицание на бедных малышей, иногда в достаточно страстной форме, с целью отвратить его от себя, опасаясь, как бы присутствующие не приписали дурное поведение детей недостатку умения и внимания со стороны родителей.

Ибо что касается самих детей, то их никогда ни на йоту не исправляют подобные случайные уроки. Указывать им, что они должны делать, нужно в другое время; нужно заблаговременно воспитывать их практикой надлежащего и пристойного поведения, заставляя многократно повторять известные действия, а не принуждая наставлениями и угрозами немедленно сделать то, к чему их никогда не приучали и чего они не умеют как следует делать. Нагонять на них страх и бранить их, таким образом, на каждом шагу — это значит не учить их, а бесцельно терзать и мучить. Уж лучше оставить их в покое, чем бранить за проступок, в котором они не виноваты и исправить который не в силах. Гораздо лучше предоставить возрасту исцелить их от естественной детской небрежности и простоты, чем заставлять многократно выслушивать неуместные выговоры, которые не создают и не могут создать хороших манер. При хорошей натуре, проникнутой внутренней деликатностью, время и наблюдения сотрут большую часть внешней грубости, обусловленной недостаточным воспитанием, к тому моменту, когда дети подрастут, при условии, если они воспитываются в хорошей среде. Если же они воспитываются в дурной среде, никакие правила в мире и никакие мыслимые меры исправления не в состоянии будут их отшлифовать. Ибо вы должны признать за несомненную истину, что, какие бы наставления вы ни давали и какие бы уроки благовоспитанности ни вдалбливали

им каждый день, самое большое влияние на их поведение будет оказывать общество, в котором они вращаются, и поведение тех людей, которые за ними смотрят. Дети (да и взрослые люди) в большинстве случаев руководствуются в своих поступках примером. Мы все в некотором роде хамелеоны, которые всегда принимают окраску окружающих предметов; и нечего удивляться этому в детях, которые лучше понимают то, что видят, чем то, что слышат.

§ 68. Я уже упоминал о том большом вреде, который причиняют детям слуги, своею лестью притупляющие остроту и силу родительских выговоров и тем самым подрывающие авторитет родителей. С этой стороны детям угрожает и другое крупное зло, заключающееся в тех дурных примерах, которые они могут встретить среди низших слуг.

Если возможно, следует полностью устранить общение детей с ними, ибо вредное влияние дурных примеров как на благовоспитанность, так и на добродетели заражает детей, если они попадут под воздействие этих примеров. Дети очень часто научаются у невоспитанных и развращенных слуг таким выражениям, непристойным шалостям и порокам, о которых они другим путем, может быть, не узнали бы за всю свою жизнь.

§ 69. Трудно вполне предупредить это зло. Для вас будет большим счастьем, если вы никогда не будете иметь грубого или порочного слуги и ваши дети ничем не заразятся от него. Во всяком случае необходимо делать все возможное для предупреждения этого и держать детей возможно дольше в кругу родителей²³ и тех, кому вверен уход за ними. Для этого нужно, чтобы дети чувствовали себя в их присутствии непринужденно; нужно предоставлять детям всю свободу, соответствующую их возрасту, и не следует подвергать их ненужным стеснениям, пока они находятся на виду у своих родителей или воспитателей. Если эта среда превращается для них в тюрьму, не приходится удивляться, что она им не понравится. Не нужно мешать им быть детьми, играть или поступать по-детски, нужно только удерживать их от дурных поступков, а во всем остальном предоставлять им свободу. Далее, чтобы они могли полюбить свою домашнюю среду, нужно чтобы здесь же из родительских рук они получали все приятные для них вещи. Не следует допускать, чтобы слуги угождали детям, давая им крепкие напитки, вино, фрукты, игрушки и другие подобные вещи, которые могут сделать их общество приятным для детей.

§ 70. Заговорив о среде, в которой находятся дети, я почти готов бросить перо и не беспокоить вас больше этой темой: ведь поскольку эта среда имеет больше значения, чем все предписания, правила и наставления, то, мне думается, почти совершенно бесполезно распространяться о других вещах и толковать об этом почти бесцельно. Ведь вы готовы задать мне вопрос: что же мне делать с моим сыном? Если я стану держать его всегда дома, я рискую тем, что он будет надо мной командовать; если же я буду держать его у чужих людей, то как можно будет уберечь его от вредного воздействия грубости и порока, которые повсюду так распространены? Дома он, может быть, сохранит больше невинности, но в то же время будет меньше знать жизнь: оставаясь всегда в одной и той же среде и имея всегда дело с одними и теми же лицами, он, выйдя в свет, окажется ограниченным существом или чудачком.

Я признаю, что каждый из этих двух путей имеет свои отрицательные стороны. Пребывание вне дома, правда, сделает мальчика более смелым и более способным к тому, чтобы возиться и тягаться со своими сверстниками; кроме того, соревнование со школьными товарищами часто развивает в мальчиках живость и энергию. Но пока вы не найдете такой школы, в которой учитель способен следить за поведением школьников и показывать столь же значительные успехи в деле внедрения добродетели в их души и благовоспитанности в их поведение, как в обучении их классическим языкам, вы должны признать, что приписываете странную ценность словам, если, ставя языки древних греков и римлян выше того, что делало последних блестящими людьми, вы думаете, что стоит рисковать невинностью и добродетелью вашего сына ради слабого познания латыни и греческого. Ведь эта смелость и живость, которую подростки приобретают среди своих школьных товарищей, обычно представляет такую смесь грубости и дурно направленной самоуверенности, что им приходится отучиваться от этих непристойных и неблагоприятных способов пробиваться в жизни и смывать с себя всю приобретенную окраску, чтобы очистить место для более высоких принципов и таких методов поведения, которые делают человека действительно достойным. Кто примет в соображение, насколько противоположны друг другу умение жить добропорядочно и вести свои дела, как подобает человеку, с одной стороны, и те дерзость, плутовство и насилие, которым научает школьная среда, — с другой, тот согласится, что недостаток домашнего воспитания бес-

конечно предпочтительнее подобных достижений, и пострадается оберечь у себя дома невинность и скромность своего ребенка — качества, более родственные качествам, создающим полезного и способного человека, и легче к ним приводящие. Никто также не найдет и даже не предположит, чтобы уединение и стыдливость, в которых воспитываются его дочери, делали из них менее знающих и менее способных женщин. Когда они вступят в свет, общение с людьми даст приличествующую им уверенность в себе; а грубость и развязность, которые сопутствуют этому качеству, не нужны и мужчинам, ибо мужество и настойчивость, как я их понимаю, не заключаются в грубости и плохой воспитанности.

Добродетель труднее приобрести, чем знание света, и, однажды утраченная молодым человеком, она редко приобретается снова. Застенчивость и незнание света — недостатки, приписываемые домашнему воспитанию, — не являются необходимыми последствиями этого воспитания; но если бы даже было так, то эти недостатки вовсе не являются непоправимым злом. Порок — более упорное и вместе с тем более опасное зло по сравнению с указанными двумя недостатками. Поэтому против него и следует бороться в первую очередь. Если нужно тщательно предотвращать ту застенчивую мягкость, которая часто обесиливает детей, избалованных в условиях домашнего воспитания, то главным образом ради добродетели и из опасения, чтобы податливый характер не оказался восприимчивым к порочным впечатлениям и не подвергся слишком легко опасности развращения. Чтобы оберечь его добродетели, необходимо, прежде чем молодой человек покинет родительский дом и уйдет из-под надзора воспитателя, укрепить в нем твердость характера и помочь ему узнать людей; иначе он легко может быть увлечен на гибельный путь или в роковую пропасть раньше, чем достаточно хорошо будет осведомлен об опасностях общения с людьми и приобретет достаточную твердость, чтобы не поддаваться всякому искушению. А иначе бы застенчивость молодого человека и его незнание света не нуждались в столь многих ранних заботах. Общение с людьми может в значительной степени исцелить его от этих недостатков, а если оно не даст результата достаточно рано, это может послужить лишь более серьезным основанием к тому, чтобы иметь дома хорошего воспитателя. Ведь если нужно заботиться о том, чтобы молодой человек своевременно обрел мужественность и уверенность в себе, то главным образом

ради охраны его добродетели после того, как он вступит в свет и будет предоставлен самому себе.

Итак, если главное назначение решительности и самостоятельности для молодого человека заключается только в обеспечении его добродетели, то ради того, чтобы он приобрел уверенность в себе и известное умение постоять за себя среди людей, неразумно жертвовать его невинностью, которая может пострадать от общения с дурно воспитанными и порочными мальчиками. Ведь, если уверенность в себе или ловкость соединятся в нем с пороком и будут поощрять его к дурным поступкам, он тем вернее потеряет, и вам придется снова уничтожать и искоренять в нем то, что он приобрел от своих товарищей, или же предоставить ему возможность погибать. Мальчики неизбежно приобретут уверенность через общение со взрослыми, когда их будут вводить в общество последних; и это будет достаточно своевременно. А до того скромность и подчинение делают их более подходящими объектами для воспитания, и поэтому вовсе нет надобности вселять в них уверенность раньше времени. Внедрение в них начал добродетели и благовоспитанности и практическое их усвоение — вот что потребует больше всего времени, трудов и настойчивости. Это та приправа, которой они должны быть сдобрены, и притом так, чтобы нелегко было бы ее вытравить. Ею следует зарядить их заблаговременно и основательно, ибо общение с людьми после того, как они вступят в свет, увеличит их знания и придаст им больше уверенности, но слишком легко может нанести кое-какой ущерб их добродетели; поэтому они должны получать большой запас ее и быть ею глубоко пропитанными.

Как подготовить детей к общению с людьми и как вводить их в свет, когда они для этого созрели, мы рассмотрим в другом месте. Но как приобщение мальчика к разношерстной толпе недисциплинированных мальчишек, где он обучится ссорам при игре в трэп или плутовству при игре в спэн-фартинг²⁴, может подготовить его к светскому обращению или к деловым отношениям, — этого я не понимаю. Трудно также разгадать, какие это столь желательные отцу качества можно приобрести в той толпе товарищей, которую школа обычно собирает от самых различных родителей. Я убежден, что тот, кто может нести расходы на содержание домашнего воспитателя, получает у себя дома возможность сообщить своему сыну более изящные манеры, более мужественные мысли, лучшее понимание того, что достойно и прилично, вдобавок и более основательные

знания, а также возможность скорее сделать его зрелым человеком, чем это в состоянии сделать любая школа. Я отнюдь не осуждаю за это школьного учителя и не думаю, что это должно быть поставлено ему в вину. Большая разница иметь двух или трех учеников в одном доме или шестьдесят — восемьдесят мальчиков, проживающих в разных местах; ибо, как бы ни было велико усердие и искусство учителя, он в состоянии наблюдать за пятьюдесятью или ста учениками лишь в течение того времени, пока он находится вместе с ними в школе; нельзя также ожидать, что он сможет успешно учить их чему-либо, кроме того, что содержится в учебниках; формирование души и манер требует постоянного внимания и специального приспособления к каждому отдельному мальчику, а это невозможно в условиях большого количества детей и должно остаться бесплодным трудом (даже тогда, когда учитель располагает достаточным временем, чтобы изучать и исправлять специфические недостатки и дурные наклонности каждого), поскольку подросток большую часть суток предоставлен самому себе или главным образом влиянию своих товарищей.

Но отцы, наблюдая, что часто наибольшей удачей в жизни пользуются смелые и пронырливые люди, радуются, когда видят в своих сыновьях ранние проявления бойкости и ловкости; они принимают это за доброе предзнаменование их будущих жизненных успехов; в тех трюках, которые их сыновья выкидывают по отношению к своим товарищам или которым они научаются у них, видят овладение искусством жить и прокладывать себе дорогу в свет. Но я позволю себе сказать, что единственно надежную и правильную линию намечает тот, кто основу жизненных успехов своего сына полагает в добродетели и благовоспитанности. И не проказы и плутни, практикующиеся среди школьников, не их грубое обращение друг с другом и не хитроумные планы обворовывания фруктового сада создают способного человека, а принципы справедливости, великодушия и умеренности в сочетании с внимательностью и прилежанием, т. е. те качества, которыми школьники, как я думаю, мало научаются друг у друга. И если джентльмен, воспитанный дома, не научился им больше, чем мог бы научиться в школе, это значит, что отец его очень неудачно выбрал гувернера. Возьмите какого-либо мальчика из лучших учеников грамматической школы²⁵ и его сверстника, получившего надлежащее воспитание в отцовской семье, приведите обоих в хорошее

общество и посмотрите, кто из них будет в большей мере держать себя по-взрослому и обращаться к незнакомым людям с пристойной уверенностью. Я думаю, что самоуверенность школьника изменит ему или скомпрометирует его; если же она годится ему только для общения с мальчиками, уж лучше ему совсем обойтись без нее.

Если верить общим жалобам, порок в наши дни так быстро созревает и так рано пускает корни среди молодежи, что подросток не будет застрахован от этой распространенной заразы, если вы решитесь выпустить его из дому в общую массу сверстников и в выборе школьных товарищей доверитесь случаю или его собственным склонностям. Какие роковые причины привели к столь пышному расцвету порока среди нас в последние годы и кто доставил ему такое неограниченное господство, — это я предоставляю исследовать другим. Я желал бы, чтобы те, кто жалуется на великий и повсеместный упадок христианского благочестия и христианской добродетели, образования и приобретенной культуры среди джентри нашего поколения, задумались над тем, как это скорее исправить. Я убежден, что если при разрешении этой задачи не положить в основу воспитания юношества внедрение в него добрых начал, то все остальные усилия останутся тщетными. И если не позаботиться о насаждении и сохранении в подрастающем поколении невинности, умеренности и трудолюбия, то будет очень смешно рассчитывать, что те, кому предстоит в ближайшее время выступить на жизненной арене, будут иметь в изобилии добродетели, способности и образование, которые до недавнего времени обеспечивали Англии ее роль в мире. Я бы добавил: и мужество, хотя оно считается природным и наследственным качеством англичан. То, что говорили о недавних действиях на море²⁶, подобных которым наши предки не знали, даст мне повод сказать, что нравственная испорченность понижает в людях чувство мужества, и когда распушенность разъедает чувство чести, мужество редко переживает его надолго. И я думаю, невозможно найти пример нации, которая — как бы она ни прославилась своим мужеством — сохранила бы славу своего оружия или стала бы грозной для своих соседей после того, как в нее проник разврат и разрушил узы дисциплины, после того как порок настолько поднял голову, чтобы позволить себе выступать открыто, без всяких стеснений.

Итак, не скороспелая развязность или мелкие приемы житейской хитрости, а добродетель в прямом смысле яв-

ляется высокой и труднодостижимой целью воспитания. Всякие другие цели и достижения должны отступить перед нею на задний план. Это и есть то прочное и существенное благо, которое не должно быть только предметом наставлений и бесед воспитателя, но весь труд и все искусство воспитания должны быть направлены к тому, чтобы вооружить душу добродетелью, закрепить ее в ней, не прекращая этих усилий до тех пор, пока молодой человек органически не полюбит ее и не начнет видеть в ней свою силу, свою славу, свое удовольствие.

Чем быстрее мы добьемся успехов в этом отношении, тем легче будут даваться и все прочие достижения. Ибо тот, кого научили подчиняться добродетели, не будет противиться или упираться ни в чем другом, чего можно от него требовать. Поэтому я не могу не отдать предпочтение домашнему воспитанию юного джентльмена под непосредственным наблюдением отца и руководством хорошего гувернера, когда оно возможно и может быть надлежащим образом организовано; ибо это самый лучший и самый безопасный путь к указанной великой и главной цели воспитания. Дома джентльменов редко обходятся без разнообразного общества, и те должны приучать своих сыновей ко всем посторонним лицам, которые у них бывают, втягивать их в общение с талантливыми и благовоспитанными людьми, лишь только дети станут способны к такому общению. Не знаю также, почему бы тем, кто живет в деревне, не брать сыновей с собой, когда они делают визиты своим соседям. Я уверен, что отец, воспитывающий сына дома, имеет возможность больше держать его в своем обществе и поощрять, когда считает полезным; может лучше оберечь его от дурного влияния слуг и людей низшего сорта, чем при воспитании вне дома. Но решение этого вопроса должно быть в значительной мере предоставлено родителям и определяться их обстоятельствами и соображениями удобства; я только думаю, что это самый плохой способ ведения своих домашних дел, если отец хотя бы немного не старается приложить усилия для воспитания сына — этого наилучшего наследства, которое он может, каковым бы ни было его положение, оставить ему. Но если, поразмыслив, некоторые решат, что домашнее воспитание ограничивает юного джентльмена слишком узким кругом людей, а среда, возможная в обычных школах, не подходит для него, то я думаю, что можно найти способы избежать и того и другого неудобства.

§ 71. Учитывая, как велико влияние общества и как мы все, особенно дети, склонны к подражанию, я позволю себе обратить внимание родителей на следующую вещь: кто желает, чтобы его сын относился с уважением к нему и к его предписаниям, тот должен сам относиться с большим уважением к своему сыну. *Maxima debetur pueris reverentia*²⁷ Вы ничего не должны делать в его присутствии такого, в чем вы бы не хотели, чтобы он подражал вам. Если вы позволите себе сделать что-либо такое, что ему поставили бы в вину, он обязательно прикроется вашим примером, и притом так, что вам нелегко будет подступиться к нему, когда вы захотите надлежащим образом наказать его за это. Если вы наказываете его за то, что вы сами делаете на его глазах, он не поверит, что ваша строгость проистекает из добрых чувств к нему и что именно поэтому вы озабочены исправлением его недостатка, а склонен будет объяснить ее раздражительностью и деспотическим произволом отца, который без всякого основания отказывает сыну в той свободе и тех удовольствиях, которые он себе разрешает. Если же свободу, которую вы признаете за собой, вы мотивируете как привилегию достаточно зрелого возраста, которой ребенок не должен добиваться, то этим самым вы введете ребенка в еще больший соблазн совершать по вашему примеру подобные поступки. Ибо вы должны всегда помнить, что у детей появляется желание казаться взрослыми раньше, чем это думают, и что брюки им нравятся не своим покроем или удобством, а потому, что ношение их является знаком зрелого возраста или приближения к нему. Сказанное мною относительно поведения отца в присутствии своих детей должно быть распространено на всех, кто пользуется каким-либо авторитетом в их глазах, и на тех, к кому отец желал бы внушить им уважение.

§ 72. Но вернемся к вопросу о наградах и наказаниях. Поскольку, как я уже говорил, дисциплину розги не следует применять для борьбы со всякими детскими выходками, с неприличным поведением и всем прочим, что непременно исцеляет время и возраст, то вовсе нет надобности так часто бить детей, как это обычно практикуется. Если сюда присоединить обучение чтению, письму, танцам, иностранным языкам и тому подобные занятия, которые должны пользоваться той же привилегией, то при умелом воспитании очень редко представится повод для применения побоев или насилия. Правильный метод обучения этим вещам заключается в том, чтобы внушить детям любовь и склонность к тому, что вы предлагаете им

изучить и что потребует от них усердия и прилежания. Сделать это, по моему мнению, нетрудно, если руководить детьми надлежащим образом и осторожно применять указанные выше награды и наказания, соблюдая вместе с тем в методе обучения следующие немногие правила.

§ 73.4. Ни один предмет, который они должны изучать, не следует превращать в бремя для них или навязывать им как нечто обязательное. Все, что предлагается в такой форме, немедленно становится скучным; душа проникается отвращением к этому, даже в том случае, если оно раньше было для нее приятно или безразлично. Заставьте ребенка ежедневно гонять свой волчок, не считаясь с тем, хочется ли ему это делать или нет; вмените ему в обязанность, выполнению которой он должен уделить столько-то часов утром и после полудня,— и вы увидите, как скоро ему надоест при таких условиях любая игра. А разве не то же самое бывает и со взрослыми людьми? Разве то, что они с удовольствием делают по своей воле, не становится сразу же для них тягостным и невыносимым, как только они увидят, что это вменяется им в обязанность? Думайте о детях как вам угодно, но им так же хочется показать, что они свободны, что их хорошие поступки исходят от них самих, что они самостоятельны и независимы, как это хочется самому гордому из вас, взрослых людей.

§ 74.2. Поэтому даже то, к чему вам удалось их расположить, возможно реже заставляйте их делать в такое время, когда у них нет на то охоты и настроения. Человек может любить читать, писать, заниматься музыкой и т. п., однако бывают моменты, когда эти занятия не доставляют ему никакого удовольствия, и если в такие моменты он заставит себя заниматься ими, то будет лишь суетиться и мучиться без всякого толка. То же бывает и с детьми. За этими переменами настроения нужно следить внимательно и неукоснительно пользоваться теми благоприятными периодами, когда у них бывает готовность и расположение. А если дети недостаточно часто сами проявляют готовность, следует внушать им благоприятное расположение, беседуя с ними, прежде чем посадить их за какую-нибудь работу. Я думаю, что это дело нетрудное для благоразумного воспитателя, который изучил характер своего ученика и не затрудняется наполнить его голову подходящими идеями, способными возбудить в нем охоту к предстоящим занятиям. Таким способом можно сберечь много времени и усилий, так как ребенок усвоит в три раза больше, когда он настроен благоприятно, чем при затрате двойного коли-

чества времени и усилий, если он это делает неохотно или по принуждению. Если бы на это обращали должное внимание, можно было бы давать детям играть до изнеможения, и все-таки они имели бы еще достаточно времени для изучения того, что соответствует способностям каждого возраста. Но ничто подобное не учитывается и не может в должной мере учитываться при обычном способе воспитания. Грубая дисциплина розги основана на других принципах, лишена всякой привлекательности, не обращает внимания на настроение детей и не следит за моментами благоприятного настроения. Да и в самом деле, смешно было бы, внушив ребенку принуждением и побоями отвращение к занятиям, ожидать, что он свободно, по собственному побуждению бросит игру и с удовольствием воспользуется случаем поучиться. Между тем при правильной организации дела занятие каким-либо предметом учебной программы можно было бы превращать в такой же отдых от игры, каким игра является после учения. В том и в другом случае труд одинаков. Да и не он отталкивает детей; ибо они любят быть занятыми, а перемены и разнообразие, естественно, увлекают их. Единственная разница в том, что при так называемой игре они действуют по своему усмотрению и добровольно прилагают свои силы (которых, как вы можете заметить, они никогда не щадят), а к учению их принуждают: зовут, сажают насильно, подгоняют. Это-то их сразу отталкивает и охлаждает: они чувствуют утрату свободы. Добейтесь того, чтобы не воспитателю приходилось звать учиться, а чтобы они сами просили его поучить их, как они просят товарищей поиграть с ними; и тогда, удовлетворенные тем, что и здесь они действуют так же свободно, как и в других случаях, они и за учение будут приниматься с таким же удовольствием, и оно не будет отличаться от других их развлечений и игр. Тщательно придерживаясь этих приемов, можно возбудить в ребенке желание научиться всему, чему бы вы хотели его научить. Я признаю, что труднее всего справиться с первым или самым старшим, но, раз вы его поставили на правильный путь, уже нетрудно с его помощью вести остальных, куда вы захотите.

§ 75. Хотя и не подлежит сомнению, что наиболее подходящим временем для учебных занятий детей является то, когда они настроены и расположены к учению, когда ни душевная вялость, ни сосредоточение на каких-либо других мыслях не делают учение слишком трудным и противным для них, однако следует иметь в виду две ве-

щи: 1) если за такими моментами недостаточно тщательно следят и недостаточно пользуются ими всякий раз, когда они наступают, или если такие моменты наступают не так часто, как следовало бы, то нельзя пассивно допускать, чтобы из-за этого страдали успехи ребенка: нельзя давать ребенку привыкать к лени и этому нерасположению к учению в нем укрепляться; 2) хотя иные вещи плохо усваиваются, когда душа к ним не расположена или занята чем-либо другим, однако очень важно и стоит затрачивать усилия на то, чтобы приучить душу господствовать над собой и быть способной по собственному выбору освобождаться от увлечения одним предметом, обращаться легко и с удовольствием к другому или в любой момент стряхивать с себя вялость и энергично приниматься за то, что указывает разум или совет другого. Этого нужно добиваться в детях, изредка испытывая их в такие моменты, когда они из-за лени расслабляются или ради развлечения направляют свою энергию на что-либо другое, и пытаюсь заставить их активно заняться предлагаемым предметом. Если удастся таким способом приучить их душу господствовать над собой, отвлекаться, когда этого требуют обстоятельства, от одних мыслей и дел, чтобы заняться другим, менее привлекательным делом, это явится более полезным приобретением, чем знание латыни или логики и большей части тех предметов, которые обычно заставляют детей учить.

§ 76. Так как дети в эту пору жизни более подвижны и деятельны, чем в какую бы то ни было другую, и так как им безразлично, чем заниматься, лишь бы быть чем-то занятыми, то для них, при равенстве поощряющих условий, все равно — танцевать или играть в скотч-хоппер²⁸. Но в отношении тех предметов, изучение которых мы считаем для них необходимым, единственным и главным расхолаживающим фактором является, по моим наблюдениям, именно то обстоятельство, что от них этого требуют, что это вменяется им в обязанность, что из-за этого их бранят и мучают, что они это делают с дрожью и страхом, или, если они приступают к этим занятиям с охотой, их заставляют заниматься ими слишком долго, до крайнего утомления. Все это слишком урезывает их естественную свободу, которой они так сильно дорожат. Между тем только эта свобода сообщает подлинную прелесть и привлекательность их играм. Измените положение, и вы увидите, что они быстро переменяют объекты приложения своих сил, особенно если они будут видеть перед собой примеры дру-

гих, кого они уважают и ставят выше себя. А если устраивать так, чтобы то, чем занимаются на их глазах другие, прельщало их как привилегия более зрелого возраста или более высокого положения, то честолюбие и желание поодвинуться вперед, подняться выше, желание стать похожими на людей более высокого положения заставят их приняться за работу и продолжать ее с усердием и удовольствием,— удовольствием, находимым в том, что они начали ее делать по собственному желанию; и немалым поощрением явится для них в этих условиях наслаждение столь дорогой им свободой. Если ко всему этому присоединить удовлетворение, которое доставят им похвала и хорошая репутация, то я готов думать, что не понадобится никаких других мер поощрения, чтобы возбудить в них прилежание и усердие в той мере, какая необходима. Конечно, чтобы добиться этого результата, потребуются вначале и терпение и искусство, мягкость и внимание, а также разумное руководство. Но к чему вам нужны были бы воспитатели, если бы здесь не требовалось никакого труда. Зато, раз удалось этого добиться, все остальное придет само собою, гораздо легче, чем в условиях какой-либо более суровой и деспотичной дисциплины. Я думаю, что достигнуть этого совсем нетрудно. Я уверен, что никаких трудностей не должно быть там, где дети не видят перед собой дурных примеров. Поэтому серьезную опасность, по моему мнению, представляют: прислуга, другие плохо воспитанные дети и те порочные люди, которые портят детей как примером своего собственного дурного поведения, так и тем, что доставляют детям две вещи, которых те никогда не должны были бы получать,— я имею в виду порочные удовольствия и их поощрение.

§ 77. Как побои должны очень редко применяться для исправления детей, так и частая, в особенности страстная, брань, ибо она, по моему мнению, ведет к тем же дурным последствиям. Она умаляет авторитет родителей и уменьшает почтительность в ребенке, ибо вам всегда следует помнить, что дети рано научаются отличать разум от страсти; если они с уважением относятся к тому, что исходит от первого, то у них скоро развивается чувство презрения к проявлениям второй; если эти проявления в первый момент вызывают у них испуг, то он быстро, однако, проходит, и они, естественно, легко привыкают пренебрегать подобными пугалами, создающими большой шум, но не одушевленными разумом. Так как родители должны удерживать детей только от порочных поступков (которые в их

нежные годы бывают малочисленны), то одного взгляда или жеста должно оказаться достаточно для их исправления, когда они в чем-либо провинятся; если же иногда нужно реагировать словами, то слова должны быть серьезными, ласковыми и сдержанными и скорее иметь характер объяснения дурных и неприличных сторон поступка, чем сердитой головомойки, учиняемой ребенку, который не в состоянии полностью разобраться, относится ли ваше неудовольствие к нему лично или к его поступку. Страстная брань обычно сопровождается грубыми и скверными словами и поэтому имеет еще то дурное последствие, что научает им детей и служит для них оправданием, когда они их применяют; дети не постесняются применить к другим те эпитеты, которыми их наделяют родители или наставники, раз они видят перед собой столь авторитетное их применение.

§ 78. Я предвижу, что мне здесь возразят: так что же, вы никогда не станете бить или ругать детей за какой бы то ни было проступок? Значит, нужно предоставить волю всякой распущенности? Это не так страшно, как представляют себе, если в деле формирования детской души и внедрения в нее почтения к родителям, о котором говорилось выше, с самого начала взят правильный курс. Ведь побои, как мы это постоянно видим, приносят мало добра, если болью, ими причиняемой, исчерпывается все, что ощущается и пугает в наказании, ибо действие наказания быстро исчезает вместе с воспоминанием об этой боли. Однако есть один проступок, и только один, за который, по моему мнению, следует подвергать детей физическому наказанию, именно — упорство и открытое неповиновение. Но и в этом случае, я думаю, наказание должно по возможности проводиться так, чтобы главное в наказании заключалось в стыде, испытываемом от сечения, а не в боли. Только стыд, внушаемый самим поступком и заслуженным наказанием, является единственным действительным ограничением, совместимым с добродетелью. Боль от розги, если она не сопровождается стыдом, быстро исчезает и забывается и быстро же благодаря привычке теряет свою устрашающую силу. Я знал детей одной почтенной особы, которых угроза снять башмаки держала в таком же послушании, какое другим детям внушалось страхом угрожавшей им розги. Такое наказание я предпочитаю побоям: ибо, если вы хотите, чтобы ваши дети отличались истинно благородным характером, лучше, если им страшен стыд проступка и навлекаемый им позор, а не боль. Но упрям-

ство и упорное неповиновение должны подавляться силой и побоями: ибо против них нет другого лекарства. Вы должны быть уверены в том, что любое ваше предписание и любое запрещение встретят со стороны ребенка повиновение; здесь не должно быть никакого снисхождения, никакого сопротивления. Ибо раз дело доходит до состязания, до спора между вами и ребенком за власть — а это, собственно, и имеет место, когда вы приказываете, а он не слушается, — вы должны непременно добиться своего, скольких бы ударов это ни стоило, раз словами или жестом вам не удалось победить; иначе вы рискуете на всю жизнь остаться в подчинении у своего сына. Одна из моих знакомых, разумная и добрая мать, принуждена была в подобном случае свою маленькую дочь, только что взятую от кормилицы, высечь восемь раз подряд в одно и то же утро, пока ей удалось преодолеть ее упрямство и добиться повиновения в одной, собственно говоря, пустой и незначительной вещи. И если бы она бросила это дело немного раньше и высекла ее только семь раз, дитя было бы испорчено навсегда, и безуспешные побои только укрепили бы ее упрямство, которое впоследствии было бы весьма трудно исправить. Но, разумно настаивая, пока она не согнула ее духа и не сделала податливой ее волю, что является единственной целью исправления и наказания, мать прочно утвердила свой авторитет при первом же случае и впоследствии встречала со стороны дочери полное послушание и повиновение во всем; так что, если это был первый случай, когда она ее побила, то, мне думается, он же был и последним.

Боль, причиняемую розгой, раз уж пришлось применить эту меру, нужно продолжать усиливать до тех пор, пока она не одержит верх; она должна прежде всего сломить упорство ребенка и установить родительский авторитет, а затем уже рассудительность, соединенная с лаской, должна закрепить его навсегда.

Эти соображения, если бы мы лучше в них вдумались, должны были бы заставить нас быть более сдержанными в пользовании розгой и палкой и разрушить взгляд на побои как на какое-то универсальное средство, которое можно применять наобум во всех случаях. Несомненно, однако, одно: если побои не приносят пользы, то они причиняют большой вред; если они не доходят до души и не делают податливой волю, они ожесточают нарушителя; и какое бы страдание ему ни пришлось перенести за свою вину, от этого столь милое ему упорство станет еще милее, так как,

доставив раз победу, оно вооружает его для борьбы и поддерживает надежду на победу в будущем. Поэтому я не сомневаюсь, что плохо применяемые наказания сделали упрямыми и непокорными многих таких детей, которые при иных условиях были бы очень податливыми и послушными. Ибо какое действие это может оказать на его душу, которая главным образом и подлежит исцелению, если вы наказываете ребенка так, как будто вы только мстите за прошлый проступок, возбудивший ваш гнев? Если бы к его проступку не примешалось упрямства и своеволия, в нем не было бы ничего такого, что требовало бы столь суровой меры, как побои. Достаточно ласкового или серьезного увещания, чтобы исправить промахи слабости, забывчивости или рассеянности; а это все, что требуется. Но если здесь проявилась порочная воля, если это было нарочитым и упорным неповиновением, то наказание должно соразмеряться не с важностью или неважностью содеянного самого по себе, а с тем, насколько поступок противоречит требованию должного уважения и подчинения приказанию отца, и в этом случае наказание должно выполняться со всею строгостью и бить нужно с перерывами до тех пор, пока это не дойдет до души, пока вы не заметите признаков истинного сожаления, стыда и готовности к повиновению.

Для этого, разумеется, требуется нечто большее, чем усадить детей за работу и, если они не выполнили ее или выполнили не так, как мы хотели, только и делать, что сечь их. Требуются осторожность, внимание, наблюдение, тонкое изучение детского характера и тщательная оценка проступков ребенка, прежде чем прибегать к этому роду наказания. Разве это не лучше, чем вечно держать в руке розгу как единственное орудие дисциплины и, применяя ее то и дело, извратить и лишить это крайнее и полезное средство всякой эффективности в тех случаях, когда в нем есть действительная надобность? А разве можно ожидать чего-либо другого, если пользоваться им без разбора при всяком незначительном промахе ребенка. Если ошибка в грамматическом согласовании или неправильная постановка ударения в стихе должны навлекать суровое наказание плеткой на благонаправного и прилежного мальчика так же неизбежно, как и злостный проступок — на упрямого и испорченного ослушника, то как можно от такого метода исправления ожидать положительного действия на душу? А ведь к этому только и нужно стремиться, и если эта цель

достигнута, то вместе с этим придет само собой все остальное, чего только вы можете пожелать.

§ 79. Где нет дурного направления воли, которое требует исправления, там не может быть надобности в побоях. Всякие другие проступки, при которых душа правильно настроена и не отказывается подчиняться руководству и авторитету отца или воспитателя, представляют собой только ошибки, на которые часто можно смотреть сквозь пальцы; если же они требуют внимания, то здесь достаточны мягкие способы воздействия вроде совета, наставления или упрёка, пока повторное и умышленное пренебрежение этими указаниями не покажет вам, что недостаток коренится в умонастроении ребенка и что в основе этого неповиновения лежит явная порочность воли. Но там, где обнаружилось упорство, т. е. открытый вызов, его нельзя спускать или игнорировать, а следует при первом же случае подавить и обуздать; нужно только тщательно избегать ошибок: должна быть уверенность, что это действительно упрямство, а не что-либо другое.

§ 80. Но так как поводов к наказанию, и в особенности к побоям, следует всячески избегать, то я не думаю, что придется часто прибегать к этому средству. Если удалось внушить ребенку тот почтительный страх, о котором я уже говорил, то в большинстве случаев достаточно бывает простого взгляда. В самом деле, нельзя ожидать со стороны маленьких детей такого же поведения, той же серьезности и прилежания, которых мы требуем от людей более зрелых. Детские шалости и дурачества, свойственные их возрасту, надо, как я говорил, разрешать им и не обращать на это внимания. Небрежность, беззаботность и веселье лежат в природе их возраста, и строгость, о которой я говорил, не следует доводить до неуместного стеснения их в подобных случаях. Помимо того, не следует чересчур поспешно объяснять упрямством и своеволием то, что является естественным продуктом их возраста или темперамента. В подобных случаях дурного поведения следует приходить к ним на помощь и таким же образом помогать их исправлению, как мы это делаем по отношению к больным в случаях естественного недомогания: ведь если даже больного предупреждали о возможности рецидива, нельзя вменить ему в вину каждое его повторение, относя это полностью за счет небрежности больного и считая последнего упрямцем. К промахам, вызванным легкомыслием, нельзя, правда, относиться с пренебрежением и оставлять их без всякого замечания; однако, если в этих промахах не участвует со-

знательная воля, не нужно преувеличивать их значение и не надо так строго взыскивать за них, а исправлять мягкими мерами, насколько это допускают время и возраст. В результате дети начнут замечать, что в данном проступке наиболее предосудительно, и научатся избегать этого. Это будет поощрять их направлять свою волю к добру, что станет для них главной задачей, когда они убедятся, что это предохраняет их от проявления сильного недовольства и что при всяких других промахах они встречают со стороны воспитателей и родителей ласковое участие и помощь, а не гнев и сердитые упреки.

Удерживайте детей от порока и порочных наклонностей, и тогда на каждой ступени возраста их поведение, как правило, будет принимать форму, соответствующую этому возрасту и обществу, в котором они обычно вращаются; а с возрастом будет улучшаться их внимание и прилежание. Но для того чтобы ваши слова могли всегда иметь вес и авторитет в их глазах, когда это понадобится, вы должны — даже в тех случаях, когда вы предлагаете ребенку бросить какую-нибудь детскую выходку, — быть уверены в том, что добьетесь своего, вы не должны давать ему власти. Но вместе с тем, повторяю, я предпочел бы, чтобы отец в подобных случаях возможно реже вмешивался со своим авторитетом и приказами, да и во всех других случаях, в которых не проявляется склонность к порочным привычкам. Я полагаю, что есть лучшие способы справиться с детьми: мягкое урезонивание в форме рассуждения с ними (если только вы добились исходного пункта — подчинения вашей воле) может в большинстве случаев давать гораздо лучшие результаты.

§ 81. Может быть, покажется странным, что я говорю о рассуждении с детьми; тем не менее я вижу в этом наиболее правильный способ обращения с ними. Дети понимают рассуждения уже с того раннего возраста, когда начинают говорить; и если мои наблюдения меня не обманывают, им раньше начинает нравиться, когда с ними обращаются как с разумными существами, чем обычно думают. Это чувство гордости следует в них поддерживать и в меру возможности использовать в качестве главного орудия воспитания. Но, говоря о рассуждениях, я имею в виду лишь такие, которые подходят к детским способностям и уровню понимания. Никто не станет думать, что с мальчиком трех или семи лет можно рассуждать как со взрослым человеком. Длинные речи и философские рассуждения в лучшем случае приводят детей в изумление или

смущение, но нисколько не учат их. Поэтому, когда я говорю, что с ними можно обращаться как с разумными существами, я имею в виду, что вы должны мягкостью своего обращения и сдержанностью даже в мерах воздействия на них научить их понимать: то, что вы делаете, исходит от вашего разума, полезно и необходимо для них, что если вы что-нибудь приказываете или запрещаете им, то это не вытекает из каприза, страсти или фантазии. Это они способны понимать; я думаю, что они способны воспринимать доводы касательно любого добродетельного чувства, которое нужно в них возбудить, и любого проступка, от которого их следует удерживать; при этом нужно только пользоваться такими доводами, которые доступны их возрасту и уровню понимания, и выражать эти доводы совершенно краткими и простыми словами. Основания, на которых базируются некоторые обязанности и те источники добра и зла, из которых последние вытекают, может быть, нелегко уяснить и взрослым людям, не привыкшим отрешаться в своих мыслях от общепринятых мнений. Дети еще менее способны исходить в своих рассуждениях из далеких от их понимания принципов. Они не в состоянии освоить убедительность длинных дедукций. Доводы, которые на них действуют, должны быть очевидными и соответствовать уровню их мышления, должны быть, так сказать, осязательными, осязательными. Тем не менее, если мы будем учитывать их возраст, характер и наклонности, у нас никогда не будет недостатка в доводах, достаточно для них убедительных. И если не найдется другого, более специального довода, им всегда будет понятен и для них всегда будет достаточно убедителен, чтобы отвлечь от проступка, могущего обратить на себя внимание, тот довод, что этот проступок доставит им позор и порицание и возбудит ваше неудовольствие.

§ 82. Однако самый простой и легкий и вместе с тем самый эффективный способ воспитания детей и формирования их внешнего поведения заключается в том, чтобы показывать на наглядных примерах, как им следует поступать и чего они должны избегать. Если фиксировать их внимание на таких примерах из поступков знакомых им людей и сопровождать это отзывами о достоинстве или неприличии определенного поступка, это будет больше подталкивать либо удерживать их от подражания, чем какие бы то ни было обращенные к ним отвлеченные рассуждения. Никакие слова не могут сделать столь явными для их понимания добродетели и пороки, как поступки

других людей, если вы при этом руководите их наблюдением и фиксируете их внимание на той или иной хорошей или дурной черте в поведении этих людей. И положительные или отрицательные стороны многих вещей, при хорошем ли воспитании или дурном, будут лучше познаваться и глубже запечатлеваться из примеров других людей, чем из тех правил и наставлений, которые могут даваться по этому поводу.

Этот метод следует применять не только, пока дети еще малы, но и в течение всего последующего времени, пока они находятся на чьем-либо попечении или под чьим-либо руководством. Более того, может быть, это наилучший метод, которым отец может пользоваться так долго, как он сочтет нужным, и в любом случае, когда он желает в чем-либо исправить сына. Ибо ничто не проникает так незаметно и так глубоко в душу человека, как пример: какую бы дурную черту люди ни проглядели в себе и ни прощали себе самим, она может внушать им только отвращение и стыд, когда выступает перед ними в других людях.

§ 83. Относительно порки, когда она становится необходимой как крайнее средство, могут возникнуть сомнения, когда и кто должен производить ее: немедленно ли после совершения проступка, пока еще свежо и сильно впечатление от него, и должны ли сами родители сечь своих детей? По первому вопросу я полагаю, что не следует наказывать немедленно, чтобы не вносить в наказание элемент возбуждения; в этом случае справедливая мера наказания превышает и оно теряет свой должный вес: ибо даже дети в состоянии разобраны, когда мы действуем в состоянии возбуждения. Но как я уже говорил выше, только то получает в глазах детей наибольший вес, что представляется им спокойным проявлением родительского разума; а они умеют замечать эту разницу. Затем, если у вас есть подходящий для этого разумный слуга, участвующий в воспитании вашего ребенка (если у вас есть специальный воспитатель, сомнений здесь не возникнет), то мне думается, что самое лучшее, если боль будет причинена ребенку рукой чужого человека, хотя бы по распоряжению отца, который должен следить за исполнением наказания; здесь предпочтительнее сохранить авторитет отца, а озлобление ребенка, вызванное испытываемой им болью, лучше направить против лица, которое непосредственно наносит удары. Я бы вообще предпочитал, чтобы отец возможно реже бил своего ребенка, разве только в случае крайней необходимости и в качестве последнего средства;

и в этом случае, может быть, полезно будет это делать так, чтобы ребенок не скоро забыл о наказании.

§ 84. Но как я говорил выше, побои — это самая худшая, а потому самая крайняя из исправительных мер, которые можно применять к детям. Поэтому применять побои следует лишь в случаях крайней необходимости, когда все более мягкие меры испробованы и остались безуспешными; если строго придерживаться этого правила, необходимость в побоях будет возникать очень редко. Ибо нельзя себе представить, чтобы ребенок часто оспаривал (если случается, чтобы он вообще оспаривал) приказание отца в каком-либо конкретном случае; и если отец не станет вмешиваться со своей абсолютной властью, выраженной в форме непререкаемых правил, в сферу детских или безразличных поступков своего сына, в которой тот должен пользоваться свободой, или в сферу его учебных или других полезных для него занятий, в которой не должно применяться никакого принуждения, — тогда разве только при запрещении каких-либо порочных действий ребенок может проявить упорство и, следовательно, заслужить побои; таким образом, тот отец, который здраво мыслит и ведет воспитание ребенка, как следует его вести, будет иметь очень мало поводов для применения этого наказания. В самом деле, в каких пороках может повичиться ребенок в течение первых семи лет своей жизни, кроме лжи и некоторых скверных шалостей, повторение которых после прямого запрещения со стороны отца должно повлечь за собой обвинение его в упорстве и наказание розгой? Если всякая порочная тенденция при первом же ее обнаружении и проявлении в поступках будет встречена должным образом — сначала недоумением, а потом, в случае повторения, неудовольствием, выраженным в строгом взгляде отца, воспитателя и всех окружающих и в таком внешнем обращении, которое являет осуждение, — и если такое обращение будет продолжаться до тех пор, пока ребенок не почувствует этого и не устыдится своего проступка, тогда, я думаю, не будет надобности в каком-либо другом наказании, не будет никакого основания для применения побоев. Необходимость такого наказания обычно является только следствием проявленных ранее снисходительности и небрежности: если бы мы следили за порочными наклонностями с самого начала и исправляли первые же уклонения, ими вызванные, указанными выше более мягкими приемами, нам редко приходилось бы иметь дело более чем с одним ненормальным проявлением распущенности,

которое легко было бы исправить без всякого шума, и для этого не требовались бы такие суровые меры, как побои. Так можно было бы искоренить один недостаток за другим по мере их проявления, не оставляя ни следа, ни воспоминания, что они были когда-то. Но мы предоставляем этим недостаткам развиваться (проявляя снисходительность и оказывая потворство нашим малюткам), и только тогда, когда они стали упорными и многочисленными и их безобразие уже причиняет нам стыд и беспокойство, мы готовы взяться за плуг и борону, за лопату и мотыгу, которыми приходится рыть уже до самых корней, и тогда все наши силы, все умение и усердие, на которое мы способны, едва ли окажутся достаточными, чтобы очистить запущенную грядку, поросшую сорняком, и чтобы восстановить наши надежды на плоды, которые в свое время должны вознаградить нас за наш труд.

§ 85. Эта система, если она будет соблюдаться, избавит отца и ребенка от неприятности повторения приказаний и многочисленных правил о том, что следует делать и чего нельзя делать. Я, с своей стороны, держусь того мнения, что ни одно из тех действий, в которых проявляется склонность к порочным привычкам (а только такие действия и должны вызывать вмешательство отца с его авторитетом и приказаниями), не должно запрещаться детям раньше, чем они провинились в нем. Ибо, поскольку подобные запрещения предполагают, что дети способны совершить поступки, против которых неведение, может быть, было бы лучшей гарантией, постольку эти запрещения по меньшей мере способствуют поощрению таких поступков, если не приводят к еще более худшим результатам. И наилучшее средство предотвратить их заключается, как я уже говорил, в том, чтобы по поводу каждого поступка, в котором проявляется порочная наклонность, выражать глубокое изумление сразу же, как только ребенок будет замечен в этом. Например, если он впервые уличен во лжи или в какой-либо дурной шалости, первое, что нужно сделать, — это поговорить с ним о ней как о такой поразительно чудовищной вещи, которой нельзя было от него ожидать, и таким образом пристыдить его.

§ 86. На это мне, вероятно, возражают, что я могу вообразить что угодно относительно сговорчивости детей и преимуществ указываемых мною более мягких приемов, с помощью которых можно пристыдить и поощрить их, однако много есть таких детей, которые никогда по своей воле не станут братья за книги и за необходимую учебу, пока их

не принудят к этому розгами. Однако я боюсь, что это только отговорки обычных школ и рутины, которая никогда не допускала надлежащего испытания других приемов там, где это заслуживало бы внимания. Например, почему при обучении латинскому или греческому языку требуется применять розги, а при обучении французскому или итальянскому — не требуется? Дети учатся танцевать и фехтовать без воздействия розги; и даже более — они охотно и достаточно хорошо занимаются арифметикой, рисованием и тому подобным, не нуждаясь для этого в побоях. Это должно вызвать подозрение, нет ли чего чуждого, неестественного и непривлекательного для этого возраста в предметах, преподаваемых в грамматических школах, или в тех методах, которые там применяются, если заставить детей ими заниматься можно только жестокой поркой, да и то с большим трудом; или же мнение, будто нельзя обучать детей названным языкам без побоев, ошибочно.

§ 87. Но допустим, что некоторые дети настолько нерадивы и ленивы, что их нельзя заставить учиться теми мягкими средствами, которые я предлагаю. Конечно, необходимо согласиться, что среди детей встречаются всякие характеры. Отсюда, однако, не следует, что суровая дисциплина палки должна применяться ко всем; в отношении любого ребенка нельзя заключать о неприменимости к нему более мягких методов воспитания, пока эти методы не испытаны над ним со всею тщательностью. И лишь после того, как они оказались бессильными заставить его проявить все усердие и сделать все, что он в силах сделать, мы не находим извинения для его упорства.

Для таких детей побои являются подходящим средством исправления; но побои должны применяться иначе, чем это обыкновенно делается. Того, кто умышленно пренебрегает учением и упорно отказывается делать то, что ему по силам и чего требует от него отец, выражающий свое требование в форме положительного и серьезного приказания, не следует наказывать двумя или тремя сердитыми ударами за невыполненный урок, повторяя наказание снова и снова после каждого подобного поступка. Нет, если уже дошло до того, что своеволие становится очевидным и вызывает необходимость побоев, то, я думаю, наказание должно быть несколько серьезнее и строже, и порку (вперемежку с увещанием) надо продолжать до тех пор, пока впечатление, произведенное ею на душу ребенка, нельзя будет прочесть на его лице, услышать в его

голосе, увидеть в покорности ребенка, обнаружившего чувствительность не столько к боли, сколько к совершенному проступку и смягчившегося в искреннем сожалении о нем. Если же подобное наказание, испытанное несколько раз через надлежащие промежутки времени, осуществленное с крайней строгостью и сопровождавшееся все время выражением неудовольствия со стороны отца, не окажет действия, не исправит душу и не побудит к послушанию в дальнейшем, то чего можно ожидать от побоев и ради какой цели применять их дальше? Порка, если вы не можете ожидать от нее ничего хорошего, скорее будет походить на бешенство разъяренного врага, чем на доброжелательство сострадательного друга; такое наказание только подстрекает к дальнейшим проступкам и не дает надежды на исправление. Если на долю отца выпало несчастье иметь такого испорченного и неукротимого сына, то я уж не знаю, что остается ему еще делать — разве только молиться за него. Но я думаю, что если держаться правильного метода по отношению к детям с самого начала, то лишь очень немногие из них окажутся такими. А если подобные случаи и бывают, то не ими, однако, должны определяться правила воспитания тех детей, которые обладают лучшей натурой и могут быть руководимы при помощи лучших приемов.

§ 88. Если можно найти воспитателя, который, считая себя на месте отца, приняв его заботы и разделяя вышеизложенные идеи, будет стараться с самого начала осуществить их на практике, то в дальнейшем он убедится, что работа уже совсем легка, и ваш сын, мне думается, сделает такие успехи в учении и в благовоспитанности, каких вы, может быть, не представляете себе. Только никоим образом не разрешайте воспитателю, когда бы то ни было, бить мальчика без вашего согласия и распоряжения, по крайней мере до тех пор, пока вы на опыте не убедитесь в его рассудительности и сдержанности. Но вместе с тем, для того чтобы поднять его авторитет в глазах воспитанника, вы должны скрыть от последнего, что воспитатель не властен применять розги; кроме того, вы обязательно должны и сами оказывать воспитателю большое почтение и заставлять точно так же относиться к нему всю вашу семью. Ибо вы не можете рассчитывать, что ваш сын будет относиться с уважением к человеку, к которому его отец и мать, как он видит, относятся пренебрежительно. Если вы находите, что воспитатель достоин презрения, вы сделали плохой выбор; но если вы обнаруживаете свое презрение к нему,

ваш сын навряд ли будет относиться к нему иначе. А коль скоро это случится, то каким бы достойным человеком воспитатель ни был сам по себе и какими бы он ни обладал способностями к своему делу, все это пропадет для вашего сына и уже никогда не сможет стать для него полезным.

§ 89. Как пример отца должен учить ребенка уважению к своему воспитателю, так пример воспитателя должен побуждать ребенка к тем действиям, исполнение которых он от него требует. Собственное поведение воспитателя ни в коем случае не должно расходиться с его предписаниями, если только он не желает испортить ребенка. Бесцельно со стороны воспитателя говорить об обуздании страстей, если он дает волю какой-либо собственной страсти; и бесплодными будут его старания искоренить в своем воспитаннике порок или непристойную черту, которые он допускает в себе самом. Дурные примеры, несомненно, действуют сильнее хороших правил, и поэтому он должен всегда тщательно оберегать своего воспитанника от влияния дурных примеров, в особенности наиболее опасных — примеров прислуги: от этого общества следует держать мальчика подальше, притом не путем запретов, которые только подстрекут его к такому общению, а другими средствами, на которые я указывал.

§ 90. Во всем деле воспитания нет другой задачи, которой, видимо, уделялось бы так мало внимания и которая в то же время была бы столь трудно осуществимой, как та, о которой я собираюсь сейчас сказать. Я имею в виду задачу приставить к детям, лишь только они начинают говорить, рассудительного, трезвого, мало того — мудрого человека, на котором бы лежала забота вести их правильно и оберегать от всего дурного, особенно от заразительного влияния дурного общества. Я считаю, что это требует большой трезвости, сдержанности, нежности, усердия и осторожности — качеств, которые вряд ли могут сочетаться в одном лице у тех людей, которых можно иметь за обычное вознаграждение; да и вообще их нелегко найти. Что же касается необходимых для этого расходов, то я думаю, что нет лучшего способа расходовать деньги, чем тратить их на наших детей, и поэтому, если даже этот расход оказался выше обычного, он не должен почитаться чрезмерным. Тот, кто какой бы то ни было ценой доставляет своему ребенку хорошую душу, вооруженную правильными принципами, приспособленную к добродетельной жизни и к практической деятельности и украшенную вежливостью и благовоспитанностью, делает для него луч-

шее приобретение, чем если бы он израсходовал свои деньги ради увеличения своего имени на несколько акров земли. Экономьте сколько вам угодно на игрушках и забавах, на шелках и лентах, на кружевах и на других бесполезных расходах, но не скупитесь в таком необходимом деле, как это. Создавать ребенку денежное богатство и делать его убогим душой — это не значит разумно хозяйничать. Мне часто приходилось с удивлением наблюдать, как люди щедро тратят деньги на то, чтобы наряжать своих детей в красивые костюмы, роскошно обставлять их квартиру, обеспечивать богатым столом и чрезмерным количеством ненужной прислуги, и в то же время обрекают их на духовный голод, не прилагая достаточных стараний, чтобы прикрыть ту наготу, которая является самой постыдной, т. е. их прирожденные дурные наклонности и невежество. По-моему, это значит лишь приносить детей в жертву собственному тщеславию, так как в этом больше обнаруживается тщеславие людей, чем действительная забота о благе своих детей. Все, что вы сделаете ради духовного развития вашего сына, покажет вашу истинную привязанность к нему, хотя бы это было связано с уменьшением его денежного состояния. Мудрый и добрый человек вряд ли может не считаться благородным и счастливым человеком или быть им в действительности; но человек глупый или порочный не может быть ни благородным, ни счастливым, какое бы состояние вы ни оставили ему. И я вас спрошу — не предпочтете ли вы, чтобы ваш сын был таким, как некоторые люди с доходом в 500 фунтов в год, чем похожим на известных вам людей, имеющих доход в 5000 фунтов?

§ 91. Поэтому соображение о расходах не должно было бы останавливать тех, кто в состоянии их делать. Большая трудность будет в том, где найти подходящего человека; ибо люди молодые, малоспособные и малодобродетельные, непригодны для этого дела, а те, которые обладают этими качествами в большей степени, навряд ли согласятся взять на себя такие обязанности. Поэтому вы должны начать поиски заблаговременно и повсюду расспрашивать, ибо на свете есть люди всякого рода. Я вспоминаю, как Монтень в одном из своих «Опытов» рассказывает, что ученый Каstellion, чтобы не умереть с голоду, был вынужден заниматься изготовлением кухонных досок²⁹, в то время как отец Монтеня дал бы сколько угодно денег за такого воспитателя для своего сына, а Каstellion охотно бы взял на

себя эти обязанности на весьма умеренных условиях; но это вышло так потому, что они не знали друг о друге.

§ 92. Если для вас окажется трудным найти воспитателя, какого вы хотите иметь, вы не должны удивляться этому. Я могу лишь одно сказать: не жалейте ни хлопот, ни расходов, чтобы найти такого. Таким путем можно достигнуть всего, и смею вас уверить, что, если вам удастся получить хорошего воспитателя, вы никогда не пожалуете о своих расходах; напротив, вы всегда будете чувствовать удовлетворение от сознания, что деньги нашли себе наилучшее применение. Но ни в коем случае не берите никого по совету друзей, или из сострадания, или из-за громких рекомендаций. Мало того, если вы хотите сделать как должно, то одной репутации рассудительного человека с большим запасом учености (чего обычно только и требуют от воспитателя) будет недостаточно, чтобы это сослужило вам службу. Выбирая воспитателя, вы должны быть так же разборчивы, как и при выборе жены для сына, ибо вам не следует думать об испытательном сроке или рассчитывать на возможность последующей замены: это причинит вам большое неудобство, а вашему сыну еще большее. Когда я думаю о той разборчивости и тех предосторожностях, которые я вам рекомендую, мне кажется, что я советую вам нечто такое, что можно предложить, но практически нельзя выолнить. Но тот, кто учтет, как сильно правильно поставленная работа воспитателя отличается от обычных методов воспитания и как далеко не похожа она на то, что думают о ней многие, даже те, кто избирает для себя эту профессию, тот, быть может, согласится со мной, что человека, способного воспитать и формировать душу молодого джентльмена, не повсюду найдешь и что при подборе такого человека необходимо проявить больше энергии, чем обычно принято, иначе вы можете не достигнуть цели.

§ 93. Качества рассудительного и ученого человека — вот чего всякий, как я выше заметил, требует от воспитателя. Это вообще считается достаточным, и только этого обычно ищут родители. Но когда такой человек вытряхнет из себя всю латынь и логику, которые он вынес из университета, и напичкает ими своего ученика, то разве последний благодаря этим аксессуарам делается утонченным джентльменом? И можно ли ожидать, что он окажется более проникнутым началами и основами истинной добродетели и благородства, чем его юный воспитатель?

Чтобы сформировать молодого джентльмена, каким он должен быть, его воспитатель сам должен быть хорошо воспитан — он должен знать правила обхождения и формы вежливости применительно ко всему разнообразию лиц, времен и мест и заставлять своего воспитанника всегда соблюдать их в той мере, в какой этого требует его возраст. Этому искусству нельзя ни обучить, ни научиться по книгам. Оно дается лишь сочетанием хорошего общества и наблюдательности. Портной может сшить ему платье по моде, учитель танцев может придать грацию его движениям; но это хотя и украшает человека, однако не создает еще благовоспитанного джентльмена, даже в том случае, если к этому присоединяется ученость, которая, когда она дурно направлена, делает его более нахальным и невыносимым в обществе. Только благовоспитанность сообщает блеск и всем остальным его хорошим качествам и делает их полезными для него, доставляя ему уважение и расположение всех, с кем он сталкивается. При отсутствии благовоспитанности остальные его достоинства создают ему лишь репутацию гордого, самодовольного, тщеславного или глупого человека.

В дурно воспитанном человеке смелость принимает вид грубости и так именно воспринимается общественным мнением; ученость становится в нем педантизмом, остроумие — шутовством, простота — неотесанностью, добродушие — льстивостью. В таком человеке не может быть ни одного хорошего качества, которого недостаток воспитания не исказил бы, не обезобразил бы к невыгоде его обладателя. Даже добродетели и таланты, хотя бы они и получили должное признание, недостаточны, чтобы обеспечить человеку хороший прием и сделать его желанным гостем всюду, где он появляется. Никто не удовлетворяется неотделанными алмазами и не станет их носить в таком виде, если желает производить приятное впечатление. Они блестят лишь тогда, когда отшлифованы и вделаны в оправу. Хорошие качества составляют существенное богатство души, но только благовоспитанность служит для них оправой; и тот, кто хочет быть приятным, должен придавать своим поступкам не только силу, но и красоту. Солидности и даже практических талантов недостаточно. Изящная манера и форма во всем — вот что украшает человека и делает его привлекательным. В большинстве случаев манера действовать имеет большее значение, чем самое действие, и от нее зависит вызываемое последним удовольствие или неудовольствие. Манера, о которой мы го-

вориям, заключается не в искусстве снимать шляпу или говорить комплименты, а в надлежащей и свободной непринужденности языка, взглядов, движений, жестов, позы и т. д., соответствующих лицам и обстоятельствам, и может быть усвоена лишь путем привычки и практики. Поэтому, хотя все это не по силам детям и не следует ради этого мучить малышей, однако молодой джентльмен должен начать усваивать это и в значительной мере усвоить, пока он находится под руководством наставника, раньше, чем выйдет в свет и станет держаться на собственных ногах; ибо тогда обыкновенно бывает уже поздно рассчитывать на исправление некоторых некрасивых манер, вошедших в привычку и проявляющихся в мелочах. Ибо манера держать себя еще не такова, какою она должна быть, пока не сделалась естественной во всех мелочах, беря, подобно нальцам искусного музыканта, гармонические аккорды без усилий и без обдумывания. Если душа человека, находящегося в обществе, поглощена тем, что беспокойно следит за каждой мелочью в своем поведении, то вместо того, чтобы благотворно действовать на его душу, поведение его становится принужденным, неловким, лишенным всякой грации.

Помимо сказанного эту сторону воспитания необходимо поручать заботам воспитателя и по следующим соображениям. Промахи в отношении правил благовоспитанности, хотя и замечаются посторонними раньше, чем всякие другие, однако указываются человеку позже всего. И не потому только, что светское злословие склонно к нересудам, а потому, что этими нересудами всегда занимаются за спиной того, кто должен был бы извлечь из этих отзывов пользу для себя и исправиться благодаря этой критике.

И в самом деле, это настолько щекотливый пункт, не допускающий чужого вмешательства, что даже друзья, которые бы желали исправления данного недостатка, с трудом решаются когда-либо заговорить о нем и указать человеку, которого они любят, что он проявил в том или другом случае неблаговоспитанность. На промахи в других вещах позволительно изредка указывать другому человеку в вежливой форме, и исправление других его ошибок не считается нарушением хороших манер или дружбы. Но благовоспитанность именно и не позволяет касаться такой темы, она именно и не позволяет намекнуть другому человеку, что он проявил недостаток воспитанности. Такие замечания могут исходить только от тех, кто пользуется у него авторитетом; но даже с их стороны эти замечания могут показаться очень неприятными и грубыми взросло-

му человеку и, хотя бы выраженные в мягкой форме, будут болезненно восприняты тем, кто уже пожил среди людей. Поэтому необходимо, чтобы эта часть воспитания была главной заботой воспитателя, с тем чтобы привычное изящество и вежливость обхождения укрепились в его питомце раньше, чем он выйдет из-под его руководства, и чтобы он не нуждался в советах на этот счет впоследствии, когда у него не будет ни времени, ни охоты принимать их, да и не будет при нем человека, который бы давал их. Поэтому сам воспитатель должен быть прежде всего благовоспитанным, и молодой джентльмен, который усвоит от своего воспитателя хотя бы одно это качество, выйдет в свет, обладая большим преимуществом: он убедится, что одно это достоинство шире откроет ему дорогу, доставит ему больше друзей и обеспечит ему больший успех в свете, чем всякие ученые слова или реальное знание, которые он усвоил из свободных искусств или ученой энциклопедии своего воспитателя. Это не значит, что последними нужно пренебрегать, но ни в коем случае не следует оказывать им предпочтение или допускать, чтобы они приобретались за счет указанного достоинства.

§ 94. Помимо благовоспитанности воспитатель должен обладать хорошим знанием света, знанием обычаев, нравов, причуд, плутней и недостатков своего времени, в особенности страны, в которой живет. Он должен уметь показать их своему воспитаннику, поскольку находит того способным уразуметь их; должен научить его разбираться в людях и в их манерах, срывать маски, накладываемые на них профессией и притворством, различать то подлинное, что скрывается за такой внешностью, для того чтобы воспитанник — как это бывает с неопытными молодыми людьми, не получившими надлежащего предостережения, — не принимал одной вещи за другую, не судил по внешности, не поддавался впечатлению внешнего блеска, не обольщался хорошим обхождением или любезной услужливостью. Воспитатель должен учить своего воспитанника угадывать намерения людей, с которыми тот имеет дело, и быть осторожным с ними, не относиться к ним ни с чрезмерной подозрительностью, ни с чрезмерной доверчивостью; а так как молодой человек по своей природе в высшей степени склонен к одной из этих крайностей, то следует его поправлять и направлять в другую сторону. Он должен приучать своего воспитанника составлять себе, насколько это возможно, правильное суждение о людях на основании тех признаков, которые лучше всего показыва-

ют, что те представляют собой в действительности, и проникать своим взглядом в их внутреннее существо, которое часто обнаруживается в мелочах, в особенности когда эти люди находятся не в парадной обстановке и не начеку. Он должен ознакомить его с истинным положением вещей и внушить ему привычку не считать человека ни лучшим, ни худшим, ни более умным, ни более глупым, чем он есть в действительности. Так, постепенно, без чувства опасности и незаметно мальчик превратится во взрослого человека; это самый критический переход во всей жизни. Поэтому необходимо проследить со всей тщательностью за этим переломным периодом и провести через него молодого человека с величайшей осторожностью, а не выпускать его, как это обычно делается, сразу из-под руководства воспитателя в свет вполне самостоятельным человеком, подвергая риску быстро приобрести дурные наклонности. В самом деле, ведь нет более частого явления, чем примеры крайней распущенности, безрассудства и разврата, которым предаются молодые люди, как только они избавятся от режима сурового и строгого воспитания, что, по моему мнению, следует приписать неправильному методу воспитания, особенно в данном отношении. Ибо, будучи воспитаны в полном неведении того, что такое свет в действительности, и найдя в нем совсем не то, чему их учили и что они себе представляли, молодые люди легко дают другого сорта воспитателям, которых они обязательно встретят на своем пути, убедить себя, что тяготевшая над ними дисциплина и читавшиеся им лекции только формальности воспитания и что свобода, принадлежащая взрослым, заключается в широком и неограниченном пользовании тем, что раньше им запрещалось. Они показывают юному новичку свет, переполненный модными и блестящими образцами этого пользования, которые сразу его ослепляют. Мой юный джентльмен не прочь показать себя таким же взрослым человеком, как и любой из его блестящих сверстников, и он впадает во все крайности, которые наблюдает у самых развратных; так он старается завоевать себе репутацию и приобрести облик мужественности, отбрасывая скромность и умеренность, которые ему до сих пор внушались, и считает молодечеством ознаменовать свои первые шаги в свете нарушением всех правил добродетели, проповедовавшихся ему его воспитателем.

По моему мнению, одно из лучших средств предупредить это зло — показать ему, каков есть свет на самом деле, до того, как он вступит в него. Надо постепенно осве-

домлять молодого человека о модных пороках и предостерегать против приемов и намерений тех лиц, которые поставят своей задачей развратить его. Надо сказать ему об ухищрениях, к которым те прибегают, и о сетях, которые они расставляют, а время от времени следует выводить перед его глазами трагические и смешные примеры тех людей, которые погибают или погибли на этом пути; в наше время нет недостатка в подобных примерах, их нужно превратить в охранительные знаки, с тем чтобы страдания, болезни, нищета и позор подававших большие надежды юношей, доведенных таким образом до гибели, могли служить для него предостережением и показывали бы ему, как те самые люди, которые под личиной дружбы и уважения вели тех к гибели и помогали грабить их, пока они разорялись, потом с презрением от них отворачиваются. Он увидит это прежде, чем узнает ценою слишком дорогого опыта, что те, кто убеждает его не следовать разумным советам, полученным от воспитателя, и указаниям своего собственного разума (что, по их словам, означает быть на поводе у других), делают это только для того, чтобы иметь возможность самим руководить им, и уверяют его, будто он действует как самостоятельный человек, по собственному усмотрению и ради собственного удовольствия, когда на деле он, как малый ребенок, увлекается ими в пороки, которые лучше всего служат их целям. Вот знание, которое воспитатель должен стараться внушить ему при каждом удобном случае, добиваясь всеми способами, чтобы он его основательно понял и усвоил.

Я знаю, часто говорят, что открывать молодому человеку пороки века — значит обучать его этим порокам. Конечно, в этом есть значительная доля правды; однако все зависит от того, как это делать. Вот почему и нужен для этого человек рассудительный и способный, который знает свет и умеет судить о характере, наклонностях и слабых сторонах своего воспитанника. Кроме того, надо помнить, что теперь невозможно (как было, может быть, возможно раньше) удерживать молодого джентльмена от порока, оставляя его в полном неведении о нем, если только вы не намерены продержат его всю жизнь взаперти и никогда не пускать в общество. Чем больше его будут держать таким образом с завязанными глазами, тем меньше он будет видеть, когда выйдет из дома на вольный свет, и тем больше он будет подвержен опасности стать жертвой самого себя или других. Такой взрослый пленец, лишь только он появится со всей степенностью, вынесенной из родного

гнезда, непременно привлечет к себе взоры и вызовет гвалт всего городского птичника, где найдется и немало хищных птиц, готовых немедленно броситься в погоню за ним.

Единственная защита от света заключается в основном знании его, которое нужно давать молодому человеку постепенно, в той мере, в какой он может его усваивать, и, чем раньше, тем лучше, раз он находится в надежных и искусных руках. Занавес следует приоткрывать понемногу, и вводить его нужно шаг за шагом, указывая опасности, ожидающие его со стороны людей разных званий, характеров, намерений и кружков. Следует подготовить его к тому, что одни будут его задирать, другие ласкать; предупредить его, кто, по всей вероятности, будет враждовать с ним, кто — направлять на ложный путь, кто — подкапываться под него и кто — оказывать услуги. Следует научить его, как распознавать и различать этих людей, в каких случаях он должен давать им понять, что видит их цели и махинации, и когда он должен это скрывать. Если же он будет чересчур склонен полагаться на свою силу и умение, то досада и неприятность от могущей временами случиться неудачи, если только она не причинит ущерба его невинности, здоровью или репутации, могут послужить недурным средством научить его быть более осторожным.

Я должен сказать, что указанные соображения, касающиеся существенных элементов мудрости, не представляют собой продукт нескольких поверхностных мыслей или большой начитанности, а являются результатом опыта и наблюдений человека, жившего в свете с открытыми глазами и общавшегося с людьми разного сорта; поэтому я и считаю весьма важным внушать эти соображения молодому человеку при каждом подходящем случае, для того чтобы он, когда ему придется самостоятельно пуститься в житейское море, не оказался в положении моряка, плывущего без направления, компаса или морской карты; для того чтобы он заранее ознакомился с подводными камнями и мелями, с течениями и движущимися песками, умел бы хоть немного править рулем и не утонул бы до того, как приобретет опыт. Тот, кто не считает это более важным для своего сына и более требующим воспитателя, чем языки и науки, забывает, насколько полезнее правильно судить о людях и разумно вести с ними дела, чем уметь говорить по-гречески и по-латыни, или аргументировать при помощи модусов и фигур³⁰, или заполнить голову абстрактными спекуляциями натуральной философии и метафизикой;

насколько оно полезнее даже основательного знакомства с греческими и римскими писателями, хотя последнее для джентльмена намного важнее, чем быть хорошим перипатетиком или картезианцем³¹, так как эти древние писатели умели наблюдать и изображать мир человека и пролили много света на эту область знания. Кто отправится в восточные части Азии, тот найдет там способных и достойных людей, не имеющих обо всем этом никакого понятия; но нигде нельзя найти вполне культурного и достойного человека, не обладающего добродетелью, знанием света и вежливостью.

Джентльмен в значительной мере может, не очень рискуя умалить собственное достоинство или нанести ущерб своим делам, обойтись без большей части тех знаний, которые обыкновенно преподаются в современных европейских школах и обычно включаются в программу воспитания. Но благоразумие и благовоспитанность необходимы во всех положениях и при всяких обстоятельствах жизни. Между тем большинство молодых людей страдают недостатком этих качеств и вступают в жизнь менее отшлифованными и менее поворотливыми, чем следовало бы. Причина этого заключается именно в том, что этими качествами, воспитать которые более всего необходимо и воспитание которых более всего требует участия и помощи воспитателя, как правило, пренебрегают: считается, что это вовсе не входит в круг обязанностей воспитателя или является лишь маловажной их частью. Все общественное внимание сосредоточивается вокруг латыни и обучения наукам; и главный упор делается на то, чтобы мальчик преуспевал в предметах, значительная часть которых не имеет никакого отношения к жизненному призванию джентльмена, которое предполагает знания делового человека и подходящее его общественному рангу поведение и сводится к тому, чтобы он стал заметным и полезным человеком в своей стране сообразно своему положению. Если часы досуга или желание усовершенствоваться в каких-либо отраслях знания, в которые воспитатель только ввел его, побудят его сесть за учение, то усвоенные им ранее начатки знания в достаточной мере укажут ему путь, чтобы он мог при помощи собственного усердия пойти так далеко, как ему подскажет желание и позволят его способности.

Если же он решит, что руководство преподавателя поможет ему преодолеть некоторые трудности с меньшей затратой времени и сил, то он волен взять себе человека,

основательно знающего данный предмет, или такого, который, по его мнению, лучше всего подойдет для его целей. Но для того чтобы ознакомить питомца с какой-либо отраслью знания в том объеме, какой необходим молодому человеку при обычном ходе его занятий, достаточно обладать обыкновенными познаниями воспитателя. Вовсе не требуется, чтобы он был глубоким ученым или в совершенстве знал все те науки, с которыми молодому джентльмену следует познакомиться лишь в объеме общего обзора или краткой системы. Джентльмен, который пожелал бы иметь более глубокие познания, должен этого добиться уже потом, собственными дарованиями или усердием; ибо никто еще не достигал больших успехов в области знания и не становился выдающимся знатоком в какой-либо науке благодаря дисциплине и принуждению со стороны наставника.

Великая задача воспитателя заключается в том, чтобы формировать поведение и душу своего воспитанника, чтобы привить ему хорошие привычки, заложить в нем основы добродетели и мудрости, научить его постепенно знанию людей, внушить любовь и стремление подражать всему, что прекрасно и достойно похвалы, и вооружать его силой, энергией и усердием в стремлении к этим целям. Занятия, которые воспитатель требует от него, служат, так сказать, лишь для упражнения его способностей и заполнения его времени, для того, чтобы обереечь его от шалопайства и лени, научить его прилежанию, приучить делать усилия и дать ему некоторое представление о том, в чем он должен совершенствоваться уже самостоятельно. Ибо кто может ожидать, что под руководством воспитателя молодой джентльмен сделается законченным критиком, оратором или логиком? Что он постигнет глубины метафизики, натуральной философии или математики, овладеет в совершенстве историей или хронологией? Правда, кое-какие сведения по всем этим наукам следует ему сообщить, но лишь с тем, чтобы приоткрылась дверь и он мог бы заглянуть в нее и, так сказать, получить первую ориентировку, не останавливаясь, однако, на подробностях. А тот воспитатель, который стал бы задерживать своего воспитанника слишком долго и слишком далеко заводил бы его в большинстве этих наук, заслуживал бы строгого порицания. Но благовоспитанность, знание света, добродетель, прилежание и бережное отношение к доброму имени никогда не могут оказаться в избытке. И тот, кто обладает ими, не бу-

дет долго испытывать недостатка во всем остальном, что ему необходимо или желательно.

Так как нельзя надеяться, что он будет иметь достаточно времени и сил, чтобы научиться всему, то наибольшие усилия надлежит приложить к тому, что более всего необходимо, и обращать главное внимание на то, что более всего и чаще всего пригодится ему в свете.

Сенека жалуется на противоположную практику, господствовавшую в его время; между тем Бургерсдициусы и Шейблеры³² еще не развелись в те дни в таком обилии, как в наше время. Что бы он подумал, если бы он жил теперь, когда воспитатели считают своей главной обязанностью перегружать занятия и головы своих питомцев подобными авторами? Он имел бы гораздо больше оснований сказать: «Мы учимся не для жизни, а для диспутов» (*Non vitae, sed scholae discimus*)³³, и наше воспитание подготавливает нас скорее для университета, чем для жизни. Неудивительно, если те, кто создает моду, приспособляют ее к тому, чем они сами обладают, а не к тому, что нужно их питомцам. Но раз мода установилась, то нет ничего удивительного, что она преобладает в этом деле, как и во всех других делах, и что большинство из тех, кто находит для себя выгодным подчиниться ей, готово кричать о ереси, когда кто-либо отступает от нее. Но в то же время нельзя не удивляться тому, что люди выдающиеся и талантливые способны так сильно заблуждаться, следуя обычаю и слепой вере. Если бы они советовались со своим разумом, он указал бы им, что время их детей должно тратиться на усвоение того, что может оказаться для них полезным, когда они будут взрослыми, а не на то, чтобы забивать головы массой хлама, большей части которого они не будут вспоминать в течение всей своей жизни (и наверно, никогда им и не понадобится вспоминать, а то, что останется у них в памяти, послужит только во вред). Это настолько хорошо известно, что мне остается только спросить родителей, которые затратили средства на обучение своих юных наследников: разве не смешно будет, если их сыновья вступят в свет с налетом такого рода учености, и разве какое-либо проявление ее не уронит их во взглядах общества и не лишит его расположения? Действительно замечательное приобретение, достойное стать одной из задач воспитания, если оно ставит их в конфузливое положение как раз там, где они наиболее заинтересованы обнаружить свои таланты и воспитание!

Есть еще одно соображение, в силу которого главное внимание следует обращать на учтивость манер и знание света. Оно заключается в том, что способный человек зрелого возраста может сообщить молодому человеку достаточные сведения по любому из упомянутых предметов, даже если сам и не обладает в них глубокими познаниями: их можно почерпнуть из соответствующих книг, которые сообщат ему достаточные знания и превосходство, необходимые для того, чтобы указывать дорогу своему юному ученику. Но тот, кто сам мало знает свет и в особенности недостаточно воспитан, тот никогда не будет в состоянии правильно наставить другого в том и другом отношении.

Этим знанием он должен обладать — знанием, которое вошло бы в его натуру благодаря практике и общению с людьми и продолжительному культивированию в себе того, что, по его наблюдениям, практикуется и допускается в лучшем обществе. Если он этим знанием не обладает, ему неоткуда будет заимствовать его для пользы воспитанника: даже если бы он мог найти подходящие трактаты по этому предмету в книгах, в которых затрагиваются все частности поведения английского джентльмена, то примеры его собственной неблаговоспитанности, коль скоро он сам воспитан недостаточно, сводили бы на нет все его уроки, так как невозможно, чтобы кто-либо вышел вполне воспитанным из грубой, невоспитанной компании.

Этим я вовсе не думаю сказать, что подходящего воспитателя можно встретить каждый день или что можно получить его за обычное вознаграждение. Я считаю лишь, что те, кто в состоянии это делать, не должны жалеть ни поисков, ни расходов в столь важном деле, а те родители, которым их положение не позволяет пойти на большое вознаграждение, должны, во всяком случае, помнить, на что им следует главным образом обращать внимание при выборе человека, которому они доверяют воспитание своих детей; а если дети остаются на их собственном попечении, то всякий раз, находясь на глазах у детей, они должны помнить, на какую сторону своего собственного поведения обращать главное внимание: родители не должны думать, что все заключается в латыни и французском языке или в каких-то сухих системах логики и философии.

§ 95. Но вернемся к нашему методу. Хотя я и говорил, что суровый вид отца и внушенный детям в детстве почти-тельный страх послужат главным инструментом, с помощью которого должно направляться их воспитание, однако я далек от мыслей, что этого метода следует при-

держиваться в течение всего времени, пока дети находятся в режиме дисциплины и опеки. Я думаю, что такой режим должен ослабляться по мере того, как это будут допускать возраст, благоразумие и хорошее поведение. Я даже думаю, что отец хорошо сделает, если доведет это ослабление режима до того, что будет дружески беседовать со своим сыном, когда тот подрастет и станет способен к этому; и еще лучше, если он будет спрашивать его мнение и советоваться с ним относительно таких вещей, в которых тот что-либо знает или что-нибудь понимает. Этим отец достигнет двух важных результатов. Во-первых, это скорее внесет в мысли сына серьезность, чем какие бы то ни было правила и советы, которые отец может ему давать. Чем раньше вы начнете с ним обращаться как со взрослым человеком, тем раньше он и станет таковым; и если вы будете временами позволять ему вести серьезные разговоры с вами, вы незаметным образом возвысите его ум над обычными забавами юности и над теми пустяковыми занятиями, на которые она обычно себя растрчивает. Ибо легко заметить, что многие молодые люди дольше остаются школьниками по манере мыслить и общаться, чем это могло бы быть при других условиях, и именно по той причине, что родители удерживают их на этом расстоянии и в этом низком положении всем своим обращением.

§ 96. Другим очень важным результатом, которого вы достигнете путем такого обращения с ребенком, будет его дружеское отношение к вам. Многие отцы, щедро наделяя своих сыновей карманными деньгами соответственно их возрасту и положению, в то же время так тщательно скрывают от них свое состояние и свои дела, как будто бы оберегают государственную тайну от шпиона или врага. Если это даже не носит характера недоверия, то все же здесь нет признаков дружеской простоты, которую отец должен вносить в отношения с сыном; это отпугивает или подавляет все то живое, всю ту сердечность, с которой сын должен обращаться к отцу и доверяться ему. И я часто удивляюсь, видя отцов, которые, несмотря на всю свою большую любовь к сыновьям, своей постоянной холодностью, властным видом и неприступностью, сохраняемыми всю жизнь, создают такие отношения, как будто у них никогда не было желания иметь радость и утеху от тех, кого они любят больше всего на свете; и так вплоть до того самого момента, когда, переселяясь в другой мир, они расстаются с ними навсегда. Ничто так не утверждает и не скрепляет дружбы и расположения, как доверчивая беседа о своих

заботах и делах. Без этого другие проявления расположенности всегда оставляют некоторое сомнение; но если ваш сын видит, что вы открываете ему свою душу, если он убеждается, что вы хотите заинтересовать его своими делами, так как вы желаете, чтобы они со временем перешли в его руки, то он заинтересуется ими как своими собственными, и будет терпеливо ждать своего времени, а до того будет вас любить за то, что вы не держите его на почтительном расстоянии как чужого. Это покажет ему также, что состояние, которым вы обладаете, причиняет также некоторые заботы; и чем лучше он будет это понимать, тем меньше будет завидовать вашему состоянию и тем более будет считать себя счастливым под руководством такого любящего друга и заботливого отца. Навряд ли найдется молодой человек, настолько скудоумный и лишенный чувства, чтобы не радоваться, имея надежного друга, к которому он может обратиться за помощью и посоветоваться при случае. Сдержанность и неприступность, проявляемые отцами, часто лишают сыновей этого прибежища, которое было бы для них полезнее сотни выговоров и головоомоек. Если ваш сын примет участие в какой-либо шалости или позволит себе какую-либо выходку, то не лучше ли будет, если он это сделает с вашего ведома, чем без него? Раз уж приходится делать уступки молодому человеку в подобных вещах, то, чем больше вы будете в курсе его затей и планов, тем легче будет вам предотвращать большие беды; а указывая ему на вероятные последствия, вы обретете верное средство влиять на него в том направлении, чтобы он не делал и менее важных глупостей. Вы хотите, чтобы он открывал перед вами свое сердце и спрашивал вашего совета? В таком случае вы должны это сделать первым по отношению к нему и своим поведением приобрести его доверие.

§ 97. Но о чем бы он ни посоветовался с вами, если только это не грозит какой-нибудь роковой и непоправимой бедой, советуйте только как более опытный друг; не примешивайте к своему совету ничего похожего на приказание или властный тон. Не вносите сюда ничего такого, что было бы неуместно по отношению к постороннему человеку. Ибо это может навсегда отбить у сына охоту обращаться к вам с вопросами или пользоваться вашими советами. Вы должны иметь в виду, что он молодой человек и что ему свойственны такие удовольствия и прихоти, которые для вас остались достойным прошлым. Вы не должны ожидать, что его влечения будут точно такими, как

ваши, или что в свои двадцать лет он будет думать точно так же, как вы в пятьдесят. Так как юноша должен иметь некоторую свободу также и в проказах, то вам остается желать только одного — чтобы она использовалась с сыновней откровенностью и под наблюдением отца, и тогда большого вреда от этого не получится. А чтобы добиться этого, вам следует, как я уже говорил, беседовать с ним (насколько вы считаете его способным к этому) о ваших делах, ставить ему в дружеском тоне вопросы и спрашивать у него совета, а если он нашел правильное решение вопроса, принимать это решение как его совет; в случае же удачного результата следует также похвалить его. Это нисколько не умалит вашего авторитета, а только усилит его любовь и уважение к вам. Пока вы сохраняете свое состояние за собою, власть будет оставаться в ваших руках; между тем ваш авторитет будет тем вернее, чем больше он будет укрепляться доверием и привязанностью.

Ибо, пока опасение обидеть друга еще не действует в нем сильнее, чем страх потерять какую-либо долю из своего наследства, нельзя еще сказать, что вы имеете над сыном ту власть, какую должны иметь.

§ 98. Если дружеские беседы уместны между отцом и сыном, то тем более может снисходить до этого воспитатель по отношению к своему воспитаннику. Время, которое они проводят вместе, не должно уходить целиком на уроки и назидательные указания о том, что соблюдать и чему следовать. Выслушивая питомца и приучая его размышлять по поводу того, что ему предлагают делать, воспитатель облегчит ему понимание правил, будет содействовать более глубокому их усвоению и возбудит в нем вкус к занятиям и учению: он начнет ценить знание, видя, что оно научает его рассуждать, и находя для себя удовольствие и честь в том, что ему позволяют участвовать в беседе, что его доводы иногда одобряются и принимаются; в особенности следует его привлекать к обсуждению конкретных случаев из области морали, благоразумия и благовоспитанности, предлагая при этом высказывать свое мнение. Это лучше развивает ум, чем всякие формулы, как бы толково они ни излагались, и лучше закрепляет правила в памяти для практического применения. При таком методе вещи доходят до души и запечатлеваются в ней, сохраняя всю свою непосредственную убедительность, в то время как слова в лучшем случае являются лишь бледными представлениями: они лишь точные тени вещей и гораздо скорее забываются.

Высказывая свое мнение относительно тех случаев, на которых воспитатель остановил его внимание, и обсуждая совместно с ним подходящие примеры, мальчик гораздо лучше поймет основы и критерии пристойного и справедливого и будет получать более живые и более прочные представления о том, как ему должно поступать, чем при молчаливом, вялом и сонном выслушивании наставлений воспитателя, и гораздо лучше, чем из софистики логических диспутов или из составленных им самим декламаций на те или иные темы.

Диспуты не ведут мысль к истине, а лишь толкают ее на остроумничанье и фальшивое фразерство; декламации же развивают лукавство, склонность к шумному спору и упорству. И диспуты и декламации разрушают способность суждения и сбивают человека с пути правильного и честного рассуждения; поэтому их должен избегать всякий, кто стремится к самоусовершенствованию и желает быть приятным другим.

§ 99. Теперь представим себе, что вы дали своему сыну понять, что он от вас зависит и находится в вашей власти, и тем установили ваш авторитет; что непреклонно суровым отношением к нему в тех случаях, когда он упорствует в какой-нибудь дурной, запрещенной вами шалости и особенно во лжи, вы внушили ему почтительный страх; что, с другой стороны, предоставляя ему полную свободу, подобающую его возрасту, и не подвергая его в своем присутствии никаким стеснениям в его детских проказах и забавах (которые в детстве ему так же необходимы, как пища и сон), вы сделали ваше общество для него приятным; что своей снисходительностью и нежностью и в особенности лаская его в каждом случае, когда он поступает хорошо, и показывая ему свою привязанность в разнообразнейших формах, отвечающих его возрасту, которым природа научает родителей лучше, чем я могу научить, вы убедили его в вашей заботливости и любви к нему, — вот в этом случае и можно сказать, что вы привели его в такое состояние, какого могли бы желать; ибо вы взрастили в его душе чувство истинной почтительности, которое вам надлежит и в дальнейшем тщательно поддерживать в обоих его элементах — любви и страхе; а это — два великих начала, которые дадут вам возможность всегда влиять на него и направлять его душу на пути добродетели.

§ 100. Раз этот фундамент хорошо заложен и вы находите, что чувство почтения начинает в нем действовать, ближайшая задача заключается в том, чтобы тщательно

разобраться в его характере, в особенностях его душевной конституции. Упрямство, лживость и злонаправленные поступки не должны (как уже было сказано) допускаться с самого начала, каковы бы ни были особенности его характера. Нельзя допускать, чтобы эти семена порока пустили какие бы то ни было корни; здесь должен выступить на сцену ваш авторитет: он должен действовать на его душу, как только в ней возникли малейшие проблески сознания, и с силой естественного закона, а именно так, чтобы ребенок не заметил, когда именно ваш авторитет начал действовать, чтобы он не мог представить себе, что когда-либо могло быть иначе. Если почтение, которое он должен питать к вам, установится таким образом рано, ваш авторитет будет всегда для него священен, и ребенку будет так же трудно противиться ему, как законам своей природы.

§ 101. Установив таким образом очень рано свой авторитет и приучая ребенка путем достаточно мягкого его применения стыдиться того, что ведет к безнравственным привычкам (ибо я отнюдь не желал бы, чтобы вы употребляли брань или побои, если только упорство и неисправимость не создают абсолютной необходимости применить эти меры), вы должны, как только вы начинаете замечать в нем такие проявления, разобратсья в том, в какую сторону направляет его природный склад души.

Одни люди в силу неизменного склада своей конституции смелы, другие робки, одни самоуверенны, другие скромны, люди бывают покладисты или упрямы, любознательны или беззаботны, подвижны или вялы. В лицах людей и внешних очертаниях их тела наблюдается не больше различий, чем в строе и характере их души; разница здесь лишь в том, что характерные черты лица или линии тела со временем и с возрастом становятся яснее и отчетливее, в то время как особенности душевной физиономии наиболее различимы в детях, пока искусство и хитрость еще не научили их скрывать свои недостатки и прятать свои дурные наклонности под фальшивой внешностью.

§ 102. Поэтому своевременно начинайте внимательно наблюдать за характером вашего сына. В такие моменты, когда он совершенно непринужденно отдается своей игре и думает, что вы за ним не следите, присматривайтесь к тому, какие страсти и наклонности в нем преобладают: пылок он или кроток, дерзок или застенчив, сострадателен или жесток, откровенен или сдержан и т. д. Ибо сообразно различию этих качеств должны быть различны и ваши методы, и различным же образом должен проявляться ваш

авторитет. Эти прирожденные наклонности, эти преобладающие особенности конституции не поддаются исправлению правилами или прямым противодействием; особенно более низменные и дрянные из них, проистекающие из страха и малодушия, хотя, при умении, можно и их в значительной степени исправить и направить на хорошие цели. Но будьте уверены: если даже это удастся сделать, то все-таки груз всегда будет тянуть в ту сторону, куда с самого начала направила его природа. Поэтому если вы тщательно станете наблюдать за свойствами души сына на первых порах жизни, то будете в состоянии судить о направлении его мыслей и желании также и впоследствии, когда его затеи с возрастом усложнятся и ваш сын будет менять их облик.

§ 103. Я говорил вам раньше, что дети любят свободу и что поэтому нужно заставлять их делать то, что следует им делать, таким образом, чтобы они не чувствовали над собою никакого принуждения. Теперь же я вам скажу, что есть вещь, которую они любят еще больше, — это власть. Она именно и является первоисточником большинства порочных привычек, обычных и естественных. Эта любовь к власти и господству проявляется очень рано и в указываемых мною ниже двух формах.

§ 104. Мы видим, что дети почти с момента своего появления на свет (и уж, наверное, задолго до того, как научатся говорить) плачут, капризничают, сердятся и расстраиваются только ради того, чтобы добиться своего. Они хотят, чтобы другие подчинялись их желаниям; они требуют полного послушания от всех окружающих, особенно от тех, кто по возрасту или положению близок к ним или ниже, — лишь только они начинают замечать в других эти различия.

§ 105. Другое проявление их любви к господству — это желание присваивать себе вещи. Они стремятся к обладанию и к собственности; им нравится та власть, которую, как им кажется, доставляет собственность, то право распоряжаться вещами по своему усмотрению, которое они при этом получают. Кто не замечал в детях очень ранних проявлений этих двух наклонностей, тот плохо наблюдал за детским поведением; а кто не считает нужным уже в ранние годы уничтожать эти два источника всякой неправды и вражды, столь расстраивающие жизнь человечества, и заменять их противоположными привычками, тот упускает подходящий момент для закладки фундамента хорошего и достойного человека. Достижению этого могут,

я думаю, в известной мере способствовать следующие вещи.

§ 106. 1. Я уже говорил, что никогда не следует допускать, чтобы ребенок получал то, чего он требует, даже тогда, когда он просит обычным тоном, но в особенности если его требование выражается криком. Боюсь, однако, что мои слова будут плохо поняты и истолкованы в том смысле, что ребенок, по моему мнению, никогда ни о чем не должен просить своих родителей; а в этом усмотрят, вероятно, чрезмерное угнетение детской души, могущее пагубно отразиться на той любви и привязанности, которые должны существовать между детьми и родителями. Поэтому я должен объяснить свою мысль несколько подробнее. Дети должны пользоваться свободой заявлять родителям о своих нуждах, и эти заявления следует выслушивать и удовлетворять со всей нежностью, по крайней мере когда они еще в нежном возрасте. Но одно дело говорить: «Я голоден», а другое — «Мне хочется жаркого». Когда дети заявляют о своих желаниях, о естественных желаниях, о страдании, причиняемом голодом, жаждой, холодом или неудовлетворением какой-либо другой естественной потребности, долг родителей и тех, кто ухаживает за детьми, — облегчать эти страдания. Но дети должны предоставлять самим родителям выбирать и решать, что им требуется и в каком количестве; нельзя разрешать им самим выбирать и выражать просьбу таким образом: «Хочу вина», «Хочу белого хлеба»; сама по себе такая манера высказывания должна явиться причиной отказа.

§ 107. В данном случае родители должны отличать мнимые потребности от естественных, т. е. делать то, чему хорошо нас учит следующий стих Горация: *Queis humana sibi doleat natura negatis*³⁴ Истинно природными потребностями являются те, которые разум один, без помощи чего-либо другого, не в состоянии устранить, — те потребности, которым он не может помешать тревожить нас. Страдания от болезни и ран, от голода, жажды и холода, от бессонницы, от отсутствия отдыха или облегчения утомленных трудом членов ощущаются каждым человеком. Таких страданий не могут воспринимать безболезненно даже люди с прекрасно устроенной душой; поэтому они должны, при первом же появлении этих страданий, стремиться устранить их подходящими способами, без нетерпения и чрезмерной торопливости, если только отсрочка не угрожает каким-либо непоправимым делом. Страдания, которые проистекают от естественных потребностей, слу-

жат для нас напоминанием, предназначение которого — оберечь нас от больших бед, предвестниками которых они являются. Поэтому не следует относиться к ним с пренебрежением и доводить их до чрезмерного напряжения. Но чем больше дети будут приучаться благодаря мудрым заботам об укреплении их тела и души к лишениям этого рода, тем это будет для них лучше. Мне нет надобности предостерегать, что при закаливании нужно держаться известных границ и нужно заботиться о том, чтобы страдания, которым подвергают детей, не подавляли их духа и не причиняли вреда их здоровью: родители и сами слишком — в большей мере, чем следовало бы, — склонны к более мягкому обращению.

Но если естественные потребности детей следует удовлетворять, то никогда не надо удовлетворять их капризы; нельзя даже допускать, чтобы они выказывали подобные желания. Самое выказывание таких желаний должно вести к отказу. Детям нужно давать одежду, в которой они нуждаются; но они должны твердо знать, что если будут требовать обязательно такой-то материи или такого-то цвета, то этого-то они и не получат. Я не хочу этим сказать, что родители должны умышленно поступать наперекор желаниям детей, когда речь идет о несущественных вещах. Напротив: если дети этого заслужили своим поведением и вы уверены, что это не испортит их, не разнежит их душу и не разовьет в них любовь к пустякам, то, по моему мнению, нужно сделать все, что возможно, для их удовлетворения, с той именно целью, чтобы дети награждались удовольствием за свое хорошее поведение. Для детей самое лучшее, если они не находят удовольствия в подобных вещах и совсем не видят счастья в исполнении их прихотей, а относятся безразлично ко всему, что сама природа сделала для них несущественным. Этого главным образом должны добиваться их родители и воспитатели; но пока вы этого не добились, нельзя им предоставлять свободу требования, которая в отношении подобных капризов должна обуздываться постоянными отказами, неизменно следующими за капризными требованиями.

Это может показаться чересчур строгим нежным родителям при их естественной снисходительности; однако это не более как необходимость. Так как предлагаемый мною метод имеет целью отменить розги, то это обуздание детских языков окажется весьма полезным для внушения им того почтительного страха, о котором мы уже много говорили, и для поддержания в них должного уважения и по-

чтения к родителям. Во-первых, это будет приучать их сдерживаться и, таким образом, управлять своими наклонностями. Этим путем вы их научите искусству подавлять свои желания при первом же их проявлении, когда с ними легче всего справиться. Ведь, давая волю своим желаниям, мы придаем им жизнь и силу; а тот, у кого хватает дерзости превращать свои желания в требования, будет очень недалек от мысли, что он должен добиваться их осуществления. Я уверен, что всякому легче самому отказать себе в чем-либо, чем перенести отказ со стороны другого. Нужно поэтому с ранних лет приучать детей советоваться со своим разумом и пользоваться им раньше, чем давать волю своим наклонностям. Уметь останавливать свои желания и принуждать их к молчанию — это большой шаг вперед к господству над ними. Если дети усвоили привычку сдерживать порывы своих желаний и раньше, чем их высказывать, разбираться в их разумности, то эта привычка принесет им немалую пользу и в более важных вещах во всей их дальнейшей жизни. Ибо об одном я не считаю лишним повторять неустанно: о каком бы случае ни шла речь — важном или маловажном, главное (я чуть не сказал — единственное), что следует учитывать в каждом поступке ребенка, — это то, какое влияние он окажет на его душу; какую привычку этот поступок может породить и при известных условиях укоренить в нем; как это скажется в нем, когда он станет старше, и к чему в случае поощрения приведет его, когда он станет взрослым человеком.

Итак, я вовсе не думаю, что нужно умышленно причинять детям неприятности. Это слишком походило бы на бесчеловечность и бессердечие и могло бы заразить их теми же качествами. Нужно их приучать отказываться от своих влечений; их душу, как и тело, надо делать стойкой, свободной и сильной, прививая привычки обуздывать свои наклонности, а тело закалять в лишениях. Но все это нужно делать, не давая им ни малейшего повода заподозрить дурное отношение к ним. Постоянный отказ в том, чего они требуют или хотят самовольно взять, должен научить их скромности, покорности и умению сдерживаться; а награждение за скромность и молчание теми предметами, которые им хотелось бы получить, убедит их также в любви тех, которые строго требовали от них этого послушания. То, что они сейчас примиряются с отсутствием желаемого, есть добродетель, за которую следует их в другое время вознаградить чем-либо таким, что для них полезно и при-

ятно; нужно только, чтобы это доставалось им как естественный результат их хорошего поведения, а не как выторгованная плата. Но вы потеряете свой труд и, что важнее, любовь и уважение детей, если они смогут получать от других то, в чем вы им отказываете. Против этого нужно твердо бороться, за этим нужно тщательно следить. Здесь опять прислуга становится мне поперек дороги.

§ 108. Если начать воспитание вовремя, если с ранних лет приучать детей подавлять свои желания, эта полезная привычка сделает их дисциплинированными; по мере же того, как они становятся старше и рассудительнее, можно предоставлять им большую свободу в тех случаях, когда в них говорит разум, а не страсть: ибо к голосу разума всегда следует прислушиваться.

Но если никогда не следует слушать детей, когда они заводят речь об определенных вещах, которые им хотелось бы иметь (если только эти вещи не были раньше им обещаны), то, наоборот, всегда следует их выслушивать и отвечать обстоятельно и ласково, когда они спрашивают о чем-либо, что их заинтересовало, и хотят услышать объяснение от других.

Любознательность в детях нужно так же заботливо поощрять, как другие желания — подавлять. Но если капризы следует строго обуздывать, то есть все-таки одна сфера, в которой детской выдумке надо предоставлять слово и прислушиваться к нему. Развлечения так же необходимы, как труд и пища. Но развлечения невозможны без удовольствий, которые не всегда зависят от разума, а чаще — от воображения; поэтому надо позволять детям не только развлекаться, но и делать это так, как им нравится, если только развлечения невинные и не причиняют вреда их здоровью. В этой сфере, когда они придумывают какой-либо способ развлечения, не следует их связывать запретами. Впрочем, я думаю, что при хорошо поставленном воспитании у детей редко будет возникать необходимость просить о подобной свободе. Нужно заботиться, чтобы они всегда делали с удовольствием то, что для них полезно. Пока же их еще не довели до той степени совершенства, когда какое-либо полезное занятие может стать для них развлечением, необходимо предоставлять им полную свободу в придумываемых ими детских играх; они отстанут от них, когда сами пресытятся ими. Полезные же занятия следует прерывать в такой момент, когда дети еще занимаются с охотой, по крайней мере раньше, чем они устанут или почувствуют полное отвращение к ним; нужно, чтобы

дети могли возвращаться к полезным занятиям как к ожидаемому ими удовольствию. Нечего и думать, что дети правильно воспитаны, раз они еще не способны находить удовольствие в похвальных занятиях и раз чередование телесных и умственных упражнений еще не сделало для них жизнь и учение наслаждением, непрерывным потоком развлечений, в которых утомленные члены постоянно получают отдых и облегчение. Возможно ли это при всяком характере ребенка и захотят ли воспитатели и родители взять на себя этот труд, хватит ли у них благоразумия и терпения, чтобы добиться таких результатов,— я не знаю; но я не сомневаюсь, что в отношении большинства детей это достижимо, если только взять правильный курс на возбуждение в них желания похвалы, чести и доброго имени. А раз в них достаточно крепко заложены такие основы правильной жизни, с ними можно откровенно говорить о том, что им больше всего нравится, и направлять их или предоставлять им в этом отношении свободу, с тем чтобы они почувствовали, что их любят и лелеют, что те, под чьей опекой они находятся, не враги их удовольствий. Такое обращение заставит их любить ту руку, которая их ведет, и ту добродетель, к которой она их ведет.

Предоставление детям свободы в их развлечениях полезно также в том отношении, что в условиях такой свободы раскрываются природные характеры детей, выявляются их наклонности и способности, и разумные родители могут в этом почерпнуть указания относительно выбора для них карьеры и профессии и в то же время относительно способов исправления любого недостатка, который, по их наблюдениям, грозит направить ребенка на дурной путь.

§ 109.2. Дети, живущие вместе, часто спорят из-за господства, из-за того, кому из них командовать над остальными. Кто бы ни начал такой спор, его обязательно следует пресекать. Мало того, надо учить детей относиться друг к другу с величайшей уступчивостью, снисхождением и корректностью. Если они будут видеть, что это доставляет им уважение, любовь и признание и что они не теряют при этом ни одного из своих преимуществ, они будут находить в этом больше удовольствия, чем в нахальном командовании, т. е., очевидно, в противоположном складе отношений.

Взаимные обвинения детей, которые обычно выражаются только в гневных выкриках и мести, не должны вызывать с вашей стороны ни участия, ни внимания. Прояв-

лять терпимость к детским жалобам — это значит ослаблять и изнеживать их душу. А если они иногда переносят противоречия или обиды со стороны других, причем им не разрешают видеть в этом что-то необычайное и непереносимое, то оттого, что они таким образом приучаются терпеть и рано закаляются, никакого вреда для них не будет. Не откликаясь на жалобы обиженных, вы должны, однако, когда являетесь непосредственным свидетелем нанесенной обиды, побороть за нее в присутствии обиженного; если же жалоба действительно заслуживает вашего внимания, а также для предупреждения на будущее время сделайте выговор обидчику наедине, в отсутствие жалобщика, и заставьте его пойти просить у последнего прощения и исправить свою вину: он и сам это сделает охотнее, если выйдет так, как будто он действует по собственному побуждению; да и тот примет извинение более ласково, и, таким образом, дружба между ними укрепитя; помимо того, ваши дети усвоят привычку к вежливости.

§ 110. Что касается обладания и владения вещами, то учите детей легко и свободно делиться со своими друзьями тем, что у них есть, и заставьте их убедиться на опыте, что самый щедрый человек всегда оказывается и самым богатым да вдобавок еще пользуется признанием и одобрением; и тогда они быстро научатся быть щедрыми на деле. Я полагаю, что таким путем вы скорее сделаете братьев и сестер более ласковыми и вежливыми по отношению друг к другу, а следовательно, и к другим, чем десятками правил о хороших манерах, которыми обычно мучают и стесняют детей. Жадность и желание обладать и иметь под своей властью больше, чем нам нужно, являются корнем всех зол, и поэтому эти качества следует искоренять с ранних лет и со всей тщательностью, а противоположную черту — готовность делиться с другими — всячески поощрять выражениями похвалы и одобрения, всегда при этом заботясь о том, чтобы ребенок ничего не терял из-за своей щедрости. Пусть всегда, во всех случаях проявления подобной щедрости ребенок получает награду, и притом с процентами; и пусть он осязательно чувствует, что доброта, которую он проявляет по отношению к другим, небезвыгодна и для него самого, что она вызывает доброе отношение к нему со стороны как тех, кто воспользовался его добротой, так и тех, кто ее наблюдает со стороны. Делайте это предметом соревнования между детьми, чтобы они старались превзойти друг друга в этом отношении. Когда же, таким образом, благодаря постоянной практике дети ста-

нут легко делиться тем, что они имеют, с другими, добро-сердечие укоренится в них как привычка, и они будут находить удовольствие в том; что они добры, щедры, вежливы с другими, и гордиться этим.

Если следует поощрять в детях щедрость, то уж конечно нужно очень внимательно следить за тем, чтобы они не нарушали правил справедливости; нужно всякий раз, когда дети так поступают, исправлять их, а когда есть для этого основание, и строго взыскивать.

Наши первые действия в большей мере направляются себялюбием, чем разумом или размышлением, поэтому неудивительно, если поступки детей могут сильно отклоняться от истинных критериев справедливого и несправедливого, которые появляются в нашей душе как продукт развитого разума и серьезного размышления. Чем более они склонны делать ошибки в этом отношении, тем тщательнее необходимо следить за ними: не пропускать ни малейшего отступления от этой великой социальной добродетели и исправлять ошибки, и даже в самых незначительных и маловажных случаях нужно проливать свет на их неведение и предупреждать дурные привычки; если предоставить последним развиваться свободно, то, начавшись с пустяковых объектов — с булавок и вишневых косточек, эти привычки перерастут в крупные плутни и могут в конечном результате превратиться в закоренелую нечестность.

При первом же проявлении у детей склонности к какой-либо несправедливости родители и воспитатели должны подавлять ее выражением своего удивления и отвращения. Но так как дети не могут ясно понимать, что такое несправедливость, раньше, чем они поймут, что такое собственность и как она достается отдельным лицам, то самый надежный способ обеспечить честность — это заложить с ранних лет ее основы в форме щедрости и готовности делиться с другими тем, что они имеют или любят. Этому можно их научить рано, еще до того, как они достаточно овладеют языком и мышлением, чтобы составить себе ясное представление о собственности и понять, что принадлежит им по особому праву, исключаящему право других. И поскольку дети получают что-либо в большинстве случаев от своих родителей и редко не в виде подарка, а как-то иначе, то их можно сначала учить не брать и не удерживать у себя ничего, кроме того, что им дано лицами, имеющими, по их представлению, право распоряжаться данным предметом. По мере же их дальнейшего развития

можно сообщать и внушать им другие правила и примеры справедливости и права, относящиеся к «моему» и «твоему». Если же какой-либо несправедливый поступок явно проистекает не от ошибки с их стороны, а от порочности воли и мягкие выговоры и стыд не в состоянии исправить эту порочность и корыстную наклонность, то нужно применить более суровые средства исправления. Но отнимать у детей то, что они ценят и считают своей собственностью, должны только отец, воспитатель или же кто-либо другой по их поручению. На подобных примерах можно дать детям понять, как мало для них выгоды несправедливо присваивать себе то, что принадлежит другому, раз есть на свете люди посильнее и постарше их. Если же постараться — что я считаю возможным — внушить им с ранних лет искреннее отвращение к этому постыдному пороку, то это будет верным и действенным способом его устранения: это лучше предохранит их от бесчестности, чем все соображения, основанные на интересе. Ибо привычки действуют с большим постоянством и с большей легкостью, чем разум, к совету которого мы прибегаем редко и которому мы еще реже повинuemся именно в те моменты, когда наиболее в нем нуждаемся.

§ 111. Такой недостаток, как привычка плакать, не должен быть терпим в детях; и не только потому, что детский плач наполняет дом неприятным и неприличным шумом, а по более важным соображениям, касающимся самих детей, т. е. затрагивающим нашу главную цель в воспитании.

Плач детей бывает двоякого рода: упорный и властный или жалобный и воющий.

1. Плач детей часто является выражением притязания на господство и открытым проявлением их дерзости и упорства; не будучи в силах добиться осуществления своего желания, они хотят криком и плачем утвердить свое притязание и право на его удовлетворение. Это означает, что они явно настаивают на своем требовании и по-своему протестуют против угнетения и несправедливости тех, кто отказывает им в их желании.

§ 112.2. Иногда же детский плач вызывается подлинным страданием или искренним огорчением и является выражением жалости к себе по поводу этих страданий.

При внимательном наблюдении легко различить эти два рода плача по выражению лица, по взглядам, по действиям и особенно по тону самого плача; но ни того ни

другого не следует допускать и еще менее следует поощрять.

1. Упорный или капризный плач ни в коем случае не должен быть терпим, ибо это означало бы в другой форме потакать их желаниям и поощрять их страсти, обуздание которых является нашей главной задачей. А если, как это часто бывает, подобный плач следует за полученным наказанием, то он совершенно уничтожает все его полезное действие, ибо наказание, которое оставляет детей в состоянии открытой оппозиции, только способствует их порче. Всякие взыскания и наказания, налагаемые на детей, оказываются неудачными и бесплодными, если они не побеждают их волю и не научают их подавлять страсти, если они не делают их душу уступчивой и послушной указаниям родительского разума и этим не готовят к тому, чтобы впоследствии следовать указаниям своего собственного разума. Но если вы позволяете им в каждом случае, когда не исполняется их желание, уходить с плачем, то в результате получается, что они только укрепляются в своем желании, поддерживают в себе злость и вместе с тем заявляют о своем праве и решимости при первом удобном случае удовлетворить свою склонность. Это соображение является, следовательно, лишним аргументом против частого применения побоев: ибо всякий раз, когда вы прибегаете к этой крайней мере, не достаточно просто высечь или побить, но вы должны продолжать это наказание до тех пор, пока не убедитесь, что подчинили их душу, что они принимают наказание с покорностью и терпением; а обнаружить это вы лучше всего можете по их плачу и по тому, что они перестают плакать по вашему приказанию. Иначе телесное наказание детей превращается в бессмысленное мучительство: причинять детям телесную боль, не принося пользы их душе, — это чистая жестокость, а не способ исправления. Будучи доводом против частого применения телесных наказаний, указанный прием вместе с тем устраняет самую необходимость часто прибегать к ним. Ибо, если всякий раз, когда вы наказываете их, делаете это бесстрастно, трезво и вместе с тем основательно, нанося удары и причиняя боль не с бешенством и не сразу, а размеренно, чередуя удары с увещаниями, наблюдая за их действием и прекращая наказание лишь тогда, когда оно сделало ребенка покорным и послушным и вызвало в нем раскаяние, тогда дети редко будут нуждаться в повторении наказания, так как будут стараться избегать самих проступков, заслуживающих наказания. Кроме того, если на-

казание при таком способе не может остаться бесплодным, поскольку не было ни слишком слабым, ни недействительным, то оно не будет и чрезмерным, так как мы прекращаем его в тот момент, когда заметили, что оно дошло до души и исправило ее. Брань и побои должны всегда допускаться в возможно меньших дозах; но если это делается в пылу гнева, то необходимая мера редко соблюдается, а обыкновенно превышает, хотя и с эффектом менее чем достаточным.

§ 113.2. Многие дети склонны плакать по поводу всякой незначительной боли, испытываемой ими, и малейшая случившаяся с ними неприятность вызывает с их стороны жалобы и вопли. Не многие дети свободны от этого: это у них первый и естественный способ заявлять о своих страданиях и нуждах, пока они еще не научились говорить; сострадание же, которое считается обязательным по отношению к этому нежному возрасту, безрассудно поощряет и поддерживает в них эту привычку долгое время уже после того, как они научились говорить. Я понимаю, что долг тех, кто смотрит за детьми, — относиться к ним с сочувствием, когда последние испытывают какое-либо страдание; однако не следует выражать это в виде соболезнования. Помогайте им, облегчайте их страдания как только можете, но ни в коем случае не стоите жалобно над ними. Это расслабляет их душу, и они начинают поддаваться малейшей боли, выпадающей на их долю; благодаря этому боль глубже проникает в ту часть тела, в которой она в данный момент сосредоточена, и наносит более тяжелые раны, чем вызвала бы сама по себе. Дети должны быть закалены против всяких страданий, особенно телесных; они должны обладать лишь той чувствительностью, которая вытекает из искреннего стыда и из живого сознания своего доброго имени. Многочисленные превратности, которым подвержена наша земная жизнь, требуют от нас, чтобы мы не были слишком чувствительны к любому незначительному страданию. То, чему не поддается наша душа, производит лишь слабое впечатление и не причиняет нам особенно большого вреда. Только душевное страдание причиняет боль и затягивает ее. Эта стойкость и нечувствительность души — лучшее оружие, какое только и может быть у нас против обычных бед и случайностей жизни. А так как такая закалка достигается упражнением и привычкой в большей мере, чем каким-либо иным путем, то соответствующую практику необходимо начать своевременно; и счастлив тот, кто рано приобрел ее. Изнеженность духа,

которую следует предупреждать и излечивать, ничем, насколько мне известно, не усиливается у детей в такой степени, как плачем; поэтому ничто так не приостанавливает ее развитие и не подавляет ее, как запрещение такого рода жалоб. Когда дети испытывают незначительную боль от ушиба или падения, следует не выражать свою жалость, а не разрешать им повторять это. Таким образом, вы не только прекратите их плач, но и скорее вылечите их от неосторожности и предупредите дальнейшие падения, чем бранью или преувеличенными выражениями жалости. Но каковы бы ни были полученные ими ушибы, прекращайте их плач: это доставит им больше спокойствия и облегчения в данный момент и закалит их на будущее время.

§ 114. Первый род плача требуется прекращать строгостью; и когда для этого недостаточно одного только взгляда или прямого приказания, нужно побить: поскольку причина плача лежит в гордости, упорстве и строптивости, нужно сломить ту волю, в которой сидит порок, нужно покорить ее, применяя силу, достаточную для ее одоления. Второй же род плача вызывается обыкновенно душевной слабостью, т. е. причиной совершенно противоположной; поэтому к нему следует относиться с большей мягкостью. Уговоры, отвлечение мыслей в другую сторону, подтрунивание над хныканьем могут оказаться на первый раз подходящими приемами; но при этом необходимо учитывать обстоятельства каждого случая и особенности характера ребенка; никаких определенных и неизменных правил здесь нельзя дать: дело должно быть предоставлено благоразумию родителей и воспитателя. Можно, однако, как мне думается, в качестве общего правила рекомендовать на этот род плача всегда реагировать выражением порицания: отец должен всегда, пользуясь своим авторитетом, прекращать его — выражением большей или меньшей строгости в своих взглядах и словах в зависимости от возраста и степени упорства ребенка; во всяком случае каждый раз следует проявлять достаточную суровость, чтобы прекратить хныканье и положить конец беспорядку.

§ 115. Трусость и храбрость так тесно связаны с упомянутыми чертами характера, что нельзя здесь не остановиться на них. Страх — это чувство, которое, если им надлежащим образом управлять, имеет свою полезную сторону. И хотя редко бывает, чтобы себялюбие не поддерживало в нас это чувство бдительным и на достаточной высоте, однако возможен и избыток отваги. Безрассудная смелость и нечувствительность к опасности так же мало разумны,

как и трепет и испуг в случае приближения малейшей беды. Страх дан нам как предостережение, побуждающее нас напрягать наши способности и остерегаться грозящего зла; поэтому не бояться вовсе наступающей беды, не пытаться точно оценить опасность, а бросаться в нее очертя голову, не думая, какая от этого будет польза или что из этого выйдет,— это не решительность разумного существа, а ярость зверя. Тем, чьи дети обнаруживают такой темперамент, остается только пробудить в них разум, к голосу которого быстро заставит их прислушаться чувство самосохранения, если только (как это обычно бывает) какая-либо другая страсть не заставит их действовать очертя голову, без смысла и соображения. Нежелание испытать несчастье настолько естественно, что, я думаю, нет человека, который бы не боялся его; ведь страх есть не что иное, как беспокойное состояние ожидания, что с нами случится что-то неприятное. Следовательно, если кто-либо идет навстречу опасности, мы можем сказать, что его толкает на это или незнание, или веление какого-либо более властного чувства, ибо никто не враг себе настолько, чтобы идти на страдание добровольно и искать опасность ради опасности. Поэтому, если гордость, тщеславие или бешенство заглушают в ребенке страх или мешают ему последовать указанию этого чувства, нужно соответствующими мерами побороть указанные мотивы, чтобы небольшое рассуждение могло охладить его пыл и заставить его сообразить, стоит ли попытка риска. Но так как среди детей этот недостаток не так уж часто встречается, то я не буду подробно останавливаться на средствах его исправления. Гораздо более распространенным недостатком является малодушие, которое требует поэтому большего внимания.

Мужество является стражем и опорой всех других добродетелей, и без него человек навряд ли будет тверд в исполнении своего долга и навряд ли проявит характер истинно достойного человека.

Мужество, помогающее нам бороться с опасностями, внушающими нам страх, и с бедствиями, которые мы переживаем, очень полезно в том положении, в котором мы находимся в этой жизни, где нападения возможны со всех сторон. Поэтому весьма благоразумно снабжать детей указанным оружием возможно раньше. Правда, природный характер играет здесь большую роль; но даже в том случае, когда характер неполноценен и сердце само по себе слабо и робко, правильное воспитание может сделать его более решительным. Я уже указал, что нужно делать для

того, чтобы предупредить расслабление детской души страхами, внедренными в нас с детства, или хныканьем при каждом незначительном страдании. Теперь нам нужно рассмотреть, как закалить их характер и укрепить в них мужество, когда мы обнаруживаем, что они слишком подвержены страху.

Истинное мужество человека заключается, по моему мнению, в спокойном самообладании и в невозмутимом выполнении своего долга, какие бы бедствия его ни постигали и какие бы опасности ни лежали на его пути. Людей, обладающих этим качеством, так мало среди взрослых, что мы не можем ожидать его от детей. Однако кое-что сделать можно, а именно разумным руководством, незаметными переходами привести их к гораздо большим достижениям, чем мы ожидаем.

Невнимание к этой важной задаче в годы детства является, возможно, причиной того, что так мало людей обладает в полной мере этой добродетелью, уже будучи взрослыми. Я бы не сказал этого о нации, обладающей такой природной храбростью, как наша, если бы я считал, что истинное мужество требует лишь храбрости в бою и пренебрежения жизнью перед лицом врага. Конечно, эти качества являются немаловажными элементами мужества, и нельзя отрицать, что лавров и почестей достойны те доблестные люди, которые рискуют жизнью ради своего отечества. Однако это еще не все. Опасности угрожают нам и в других местах, не только на поле битвы: хотя смерть — царь ужасов, однако страшные лики физического страдания, бесчестья и нищеты также способны расстроить большинство людей, на которых они грозят обрушиться; и есть люди, которые, не робея перед одними опасностями, испытывают смертельный ужас перед другими. Истинное мужество готово встретиться с любой опасностью и остается непоколебимым, какое бы бедствие ни угрожало. Я не хочу этим сказать, что оно недоступно никакому страху вообще. Где опасность налицо, там не может не возникнуть чувство страха, если только мы не имеем дело с человеком тупоумным; где есть опасность, должно быть и сознание опасности, а также такая мера страха, которая держала бы нас настороже и заставила бы напрячь внимание, активность и энергию, не нарушая в то же время нашей способности спокойно думать и не мешая нам следовать указаниям разума.

Первый шаг к приобретению этой благородной и мужественной твердости заключается, как я уже упоминал,

в том, чтобы тщательно оберегать детей, пока они малы, от всякого рода страхов. Не допускать, чтобы детям рассказывали о разных ужасах и пугали их страшными предметами. Это часто настолько потрясает и расстраивает душу, что она уже никогда больше не может оправиться, и человек в течение всей своей жизни при первом намеке, при первом же возникновении какого-либо страшного представления теряется и смущается: тело расслабляется, душа в смятении, человек перестает быть самим собою и теряет способность к спокойному и разумному действию. Вызывается ли это привычным движением животных духов³⁵, проникших в организм при первом сильном впечатлении, или каким-либо изменением конституции, которое произошло менее понятным путем, но факт остается верным сам по себе. Примеры людей, которые на всю жизнь сохранили в своей слабой и робкой душе впечатление ужаса, пережитого в детстве, мы можем встретить повсюду; поэтому подобные впечатления нужно всячески предупреждать.

Затем следует постепенно и осторожно приучать детей к тем предметам, в отношении которых у них существует преувеличенный страх. Но здесь требуется большая осмотрительность: не следует проявлять чрезмерную торопливость и начинать это лечение слишком рано, иначе вы можете усилить зло, вместо того чтобы его устранить. От маленьких детей, которых еще носят на руках, нетрудно устранять пугающие их предметы; а пока они еще не умеют говорить и не способны понимать то, что им говорят, они едва ли воспримут рассуждения и доказательства, которыми приходится пользоваться, чтобы убедить их, что ничего опасного нет в тех страшных предметах, с которыми мы хотим их познакомить, приводя их постепенно в более близкое соприкосновение с ними. Поэтому редко приходится по отношению к детям применять этот прием раньше, чем они научатся ходить и говорить. Но если бы случилось, что ребенок испугался какого-либо предмета, который нелегко устранить из его обстановки, и если каждый раз, когда этот предмет бросается ему в глаза, ребенок обнаруживает признаки испуга, то следует применять всяческие способы успокоения его страха, пока этот предмет не станет для него привычным и безобидным, отвлекая мысль ребенка к другому или соединяя с данным предметом какие-либо занимательные и приятные впечатления.

Нетрудно, мне думается, заметить, что дети в первое время после рождения реагируют одинаково на все пред-

меты, попадающие в поле их зрения, если только последние не действуют болезненно на их зрение, что они не больше пугаются черного негра или льва, чем своей кормилицы или кошки. Что же в таком случае вызывает у них впоследствии чувство страха в известных сочетаниях форм и красок? Не что иное, как опасение вреда, ассоциирующегося с этими вещами. Я думаю, что если бы дитя каждый день сосало грудь другой кормилицы, оно бы в своем шестимесячном возрасте меньше пугалось перемены лиц, чем люди в возрасте шестидесяти лет. Причина, по которой ребенок не идет к постороннему человеку, заключается в том, что, привыкнув получать пищу и ласку от одного или двух лиц, постоянно находящихся при нем, ребенок боится, как бы, перейдя на руки к чужому человеку, он не лишился того, кто ласкает и кормит его и постоянно удовлетворяет его нужды, столь часто испытываемые; отсюда тот страх, который овладевает ребенком, когда его кормилица куда-нибудь уходит.

Единственное, что вызывает у нас естественный страх, — это страдание или утрата удовольствия. И так как эти чувства не связаны с формой, цветом или размером видимых предметов, то ни один предмет не возбуждает в них страха до тех пор, пока он не причинил им страдания или пока им не указали, что он может причинить вред. Веселый блеск и яркость огня и пламени так привлекают детей, что в первое время они всегда стремятся схватить огонь руками; лишь после того, как постоянный опыт, сопровождающийся мучительной болью, покажет им, как огонь жесток и безжалостен, они начинают бояться дотронуться до него и тщательно его избегают. Когда источник страха таков, нетрудно найти, откуда он возникает и как исцелить от него в тех случаях, когда страх, внушаемый предметом, основан на ошибке. Когда же душа окрепнет и научится владеть собою и преодолевать свои обычные страхи в маловажных случаях, она будет хорошо подготовлена к тому, чтобы встретиться с более реальными опасностями. Ваш ребенок поднимает крик и пускается бежать при виде лягушки — пусть другой поймает ее и положит на значительном расстоянии от него. Раньше всего приучите его спокойно наблюдать за этой лягушкой, а когда он к этому привыкнет — подходить к ней ближе и спокойно смотреть на ее прыжки; затем слегка дотрагиваться до нее, когда другой крепко держит ее в руке, и так далее, пока ребенок не научится обращаться с ней так же доверчиво, как с бабочкой или воробьем. Таким же путем

могут быть устранены и другие неосновательные страхи; нужно только стараться делать это не торопясь и не тянуть ребенка на следующую ступень уверенности, пока он крепко не утвердился на предыдущей. Так следует готовить юного воина к житейским битвам; при этом не надо рисовать опасность большей, чем она встречается в действительности; и каждый раз, когда вы заметите в нем преувеличенный страх, следует вести его вперед нечувствительными переходами, пока наконец, освободившись от своих страхов, он не справится с затруднением и не выйдет из него с честью. Если такие успехи будут повторяться часто, они заставят его убедиться в том, что опасности вовсе не всегда столь несомненны и велики, как рисуют нам наши страхи, и, чтобы избежать их, вовсе не следует обращаться в бегство или поддаваться дезорганизирующему, подавляющему и обессиливающему действию страха там, где наша честь или долг велит нам идти вперед.

Но поскольку главной основой страха у детей является боль, закаливать и вооружать их против страха и опасности можно, приучая их переносить ее. Вероятно, нежные родители сочтут это противоестественным по отношению к своим детям; а большинство родителей признает неразумным пытаться приучить кого-либо к боли, причиняя ее. Скажут, что это может внушить ребенку отвращение к человеку, который причиняет ему страдание, но никогда не сделает для него приемлемым самое страдание. Станный, скажут, метод! «Вы не хотите, чтобы детей секли и наказывали за проступки, и в то же время идете на то, чтобы мучить их, когда они ведут себя хорошо, ради самого мучения». Я не сомневаюсь, что такие возражения мне будут сделаны и что меня признают непоследовательным или фантазером за это предложение. Я признаю, что проводить это следует с большой осторожностью, и поэтому совсем неплохо, если это будет принято и одобрено лишь теми, кто правильно мыслит и вникает в суть дела. Я не хочу, чтобы детей часто били за их проступки, так как не хочу, чтобы они считали телесную боль величайшим наказанием. Но на этом же основании я хотел бы, чтобы им иногда причиняли боль при хорошем поведении с их стороны с той именно целью, чтобы они могли научиться переносить ее, не видя в боли величайшего из зол.

Насколько путем воспитания можно приучить молодежь переносить боль и страдания, достаточно показывает пример Спарты; и те, которые пришли к убеждению, что

телесное страдание вовсе не самое большое зло и вовсе не то, чего нужно больше всего бояться, сделали немалый шаг на пути к добродетели. Я не настолько неразумен, чтобы предлагать спартанскую дисциплину в наш век и при нашей конституции. Тем не менее я утверждаю, что, осторожно приучая детей переносить не морщась не столь уж сильную боль, мы можем внушить им твердость духа и заложить в них основы мужества и решительности на всю последующую жизнь.

Первый и необходимый шаг к этому — не хныкать над ними и не позволять им самим хныкать по поводу всякой незначительной боли, которую они испытывают. Но об этом я уже говорил в другом месте.

Кроме того, следует иногда умышленно причинять им боль, но делать это нужно в такое время, когда ребенок находится в хорошем настроении и уверен, что человек, причиняющий ему боль, именно в данный момент сердечно к нему расположен. Затем, это не должно сопровождаться никакими проявлениями ни гнева или неудовольствия, с одной стороны, ни сочувствия или раскаяния — с другой; необходимо также, чтобы причиняемая боль не была больше той, которую ребенок способен вынести без ропота и не принимая это ошибочно за наказание. Я видел, как при таких обстоятельствах и при соблюдении указанной меры ребенок, получивши несколько крепких ударов по спине, убегал со смехом; между тем этот самый ребенок заплакал бы от одного неласкового слова и очень чувствительно реагировал бы на наказание со стороны того же человека, хотя бы оно выразилось только в суровом взгляде. Убедите ребенка постоянным проявлением вашей заботы и лаской в полной вашей любви к нему, и вы сможете постепенно приучить его покорно и без жалоб переносить очень мучительное и суровое обращение с вашей стороны; аналогичное мы можем ежедневно наблюдать во взаимоотношениях детей при играх. Чем нежнее, по вашему мнению, ребенок, тем больше вы должны искать подходящих возможностей закалить его. Главное искусство заключается здесь в том, чтобы начинать с самого незначительного страдания, постепенно и незаметно затем усиливая его, и притом делать это в такие моменты, когда вы играете и забавляетесь с ним или хвалите его. И если вы добьетесь того, что в похвале, получаемой за мужество, он находит компенсацию за испытанное страдание, что он гордится этими проявлениями своего мужества, что он предпочитает пользоваться репутацией смелого и стойкого юноши, а не

уклоняться от незначительной боли или малодушно на нее реагировать, то вы можете надеяться, что со временем, опираясь на поддержку со стороны его растущего разума, вы одолеете в нем робость и исправите слабость его конституции. Когда он подрастет, нужно подвигать его на более смелые действия, чем те, на которые он способен в силу своего природного характера; если вы видите, что он отступает перед чем-либо таким, с чем, по вашему основательному предположению, вполне бы справился, если бы только имел смелость взяться за это, то сначала поддержите его, затем постарайтесь постепенно подвинуть его вперед, пользуясь присущим детям чувством стыда, пока наконец он не обретет уверенности в себе, а вместе с нею и власти над собою; в награду за свое достижение он должен получить похвалу и одобрение других. Когда же он таким образом постепенно приобретет достаточную решительность, чтобы не уклоняться из страха перед опасностью от исполнения своего долга; когда страх не будет в неожиданных или опасных случаях расстраивать его душу и приводить в дрожь его тело, лишать его способности к действию и побуждать уклониться от него — тогда можно будет сказать, что он обладает мужеством разумного существа. Такую именно закалку мы должны нутем привычки и упражнений давать детям, используя для этой цели каждый подходящий случай.

§ 116. Я часто наблюдал у детей следующую черту: когда им попадет в руки какое-нибудь беспомощное создание, они склонны дурно обходиться с ним: часто мучают и очень жестоко обращаются с маленькими птичками, бабочками и другими подобными беспомощными животными, оказавшимися в их власти, причем делают это с каким-то видимым наслаждением. Я считаю, что нужно здесь за ними следить и, если у них проявляется склонность к такой жестокости, учить их противоположному обращению; ибо под влиянием привычки мучить и убивать животных их душа будет постепенно грубеть также по отношению к людям; и те, которые находят удовольствие в причинении страданий и уничтожении низших существ, не будут особенно склонны проявлять сострадание и кроткое отношение к себе подобным. Наша практика учитывает это тем, что исключает мясников из состава присяжных, решающих вопросы жизни и смерти человека. Нужно с самого начала воспитывать в детях чувство отвращения к убийству или истязанию какого бы то ни было живого существа; нужно приучать их не портить и не уничтожать ни одной

вещи, кроме тех случаев, когда это необходимо для сохранения или пользы чего-либо другого, более ценного. В самом деле, если бы каждый ставил своей целью — в той мере, в какой это от него зависит, — сохранение всего человечества, что действительно является долгом каждого, и если бы эта цель сделалась регулятивным принципом нашей религии, нашей политики и морали, то человечество пользовалось бы большим покоем и было бы нравственнее, чем теперь. Но вернемся к нашей теме. Я не могу не одобрить благоразумие и доброту одной матери, моей знакомой, которая всегда относилась снисходительно к желанию своих дочерей иметь собак, белок, птичек или тому подобных животных, которыми маленькие девочки обыкновенно любят забавляться; но когда они получали этих животных, им вменялось в обязанность: хорошо обращаться с ними и старательно заботиться, чтобы те ни в чем не нуждались и не подвергались дурному обращению. Если же они проявляли небрежность в уходе за ними, это считалось большим проступком, за который дети или лишались животного, или по меньшей мере получали выговор. Таким образом они с ранних лет приучались к заботливости и добросердечию. И право, необходимо, как мне думается, приучать детей с самой колыбели мягко относиться ко всем чувствующим существам, и никому из них не приносить вреда, и никого из них не уничтожать.

Это удовольствие, которое они находят в причинении зла, под которым я подразумеваю бесцельную порчу любой вещи, и в особенности удовольствие, получаемое от причинения боли всему, что способно ее чувствовать, я могу себе объяснить только склонностью, внушенной им извне, привычкой, заимствованной из обычаев окружающей среды. Взрослые учат детей драться; взрослые смеются, когда дети причиняют боль другому, когда дети смотрят, как причиняется вред другому. Таким образом, примеры окружающих в большинстве случаев только укрепляют детей в этом чувстве. Все, чем их занимают и что им рассказывают из истории, сводится почти исключительно к войнам и убийствам; а почет и слава, окружающие завоевателей (которые в большинстве своем были только великими мясниками человечества), еще больше сбивают с правильного пути подрастающую молодежь, которая, таким образом, начинает думать, что кровопролитие — дело, достойное человека, и самая героическая из добродетелей. Так постепенно внедряется в нас противоестественная жестокость; и то, от чего отвращается чувство человек-

ности, санкционируется и рекомендуется нам обычаем как путь к славе. Так благодаря обычаю и общественному мнению становится удовольствием то, что само по себе таковым не является и быть не может. За этим нужно тщательно следить и с ранних лет принимать противоборствующие меры: насаждать и культивировать в детях противоположные, более естественные чувства доброты и сострадания, действуя при этом такими же осторожными методами, какие должны применяться по отношению к двум другим недостаткам, упомянутым выше. К этому, пожалуй, будет уместно присоединить только следующее предостережение: не следует вовсе взыскивать с детей или взыскивать очень мягко, когда они причиняют друг другу повреждения во время игр по неосторожности или неведению и не из желания причинить ущерб, а действуя безотчетно, хотя бы порою этот ущерб и был значителен. Ибо я не устану повторять, что, в каком бы проступке ребенок ни провинился и каково бы ни было последствие этого проступка, при взыскании нужно обращать внимание только на его корни, нужно учитывать лишь то, к какой привычке он может привести: именно на это должны быть ориентированы меры исправления, и поэтому ребенка не следует подвергать никакому наказанию за вред, причиненный игрою или неосторожностью. Исправления требуют лишь те недостатки, которые коренятся в душе; а если они таковы, что будут исправлены временем и не грозят породить никакой дурной привычки, то следует проходить мимо данного проступка и оставлять его без всякого взыскания, какими бы неприятными обстоятельствами он ни сопровождался.

§ 117. Другой способ внушать и поддерживать в молодежи чувства гуманности заключается в том, чтобы приучать ее к вежливости в разговоре и обращении с низшими и простонародьем, особенно с прислугой. Довольно часто приходится наблюдать, что дети в семьях джентльменов говорят с домашней прислугой языком господ, властным тоном, употребляют пренебрежительные клички, как будто это люди другой, низшей расы и низшей породы. Внушается ли это высокомерие дурным примером, преимуществом положения или природным тщеславием, безразлично: его всегда следует предупреждать и искоренять и на его место внедрять мягкое, вежливое и приветливое обращение с людьми низшего ранга. Превосходство молодых джентльменов от этого нисколько не умалится, их достоинство и авторитет только повысятся, если к внешней по-

чтительности нижестоящих людей присоединяется еще чувство любви и если в подчинении последних будет играть известную роль также личное уважение к тем, кому они подчиняются; к тому же слуги будут нести свою службу с гораздо большей готовностью и охотой, когда увидят, что их не третируют из-за того, что судьба поставила их ниже других, поставила у ног их хозяина. Нельзя допускать, чтобы дети утрачивали уважение к человеку из-за случайностей внешнего положения. Нужно внушить им, что, чем больше им дано, тем они должны быть добрее, сострадательнее и мягче к своим собратьям, стоящим ниже их и получившим более скудную долю в жизни. Если допускать, чтобы дети плохо обращались и грубо третировали людей на том основании, что, ввиду отцовского титула, приписывают себе некоторую власть над ними, то в лучшем случае это сделает их неблаговоспитанными; а если не принять против этого мер, то гордость превратится в привычное презрение к людям низшего положения. А к чему другому это может в конечном счете привести, как не к угнетению и жестокости?

§ 118. Любопытство у детей (о котором я имел случай упомянуть в § 108) есть не что иное, как влечение к знанию; оно должно быть поэтому поощряемо не только как хороший симптом, но и как великое орудие, данное им природой для устранения невежества, с которым они родились и которое, при отсутствии этой деятельной пытливости, сделало бы их тупыми и бесполезными созданиями. Средства для поощрения этого влечения и для сообщения ему активности и действенности заключаются, по моему мнению, в следующем:

1. С каким бы вопросом ребенок ни обратился, не следует обрывать или обескураживать его, как и допускать, чтобы над ним смеялись, а нужно отвечать на все его вопросы, объяснять ему все, что он желает знать, и делать это настолько понятным для него, насколько возможно при его возрасте и развитии. Но не сбивайте его с толку объяснениями или понятиями, ему недоступными, или разнообразием и обилием предметов, не относящихся непосредственно к предложенному им вопросу. Обращайте внимание на то, что в данном случае по существу интересует ребенка, а не на слова, которыми он это выражает; и если вы будете удовлетворять его любознательность, вы увидите, как расширяются его мысли, и убедитесь, насколько высоко можно поднять его, отвечая на его вопросы, выше, чем вы, может быть, воображаете. Ведь знание так же приятно

для ума, как свет для глаз: дети радуются и увлекаются им чрезвычайно, в особенности когда они видят, что к их вопросам относятся внимательно и что желание знать встречает поощрение и одобрение. Я не сомневаюсь, что главная причина, заставляющая многих детей целиком отдаваться глупым играм и бессмысленно тратить все свое время на пустяки, заключается в том, что они убедились, что их любознательность натолкнулась на стену и к их вопросам относятся с пренебрежением. Но если бы к детям относились более ласково и с большим уважением и на их вопросы давали бы надлежащие и удовлетворительные ответы, то я не сомневаюсь, что они находили бы больше удовольствия в учении и увеличении своих знаний, всегда находя здесь занимающую их новизну и разнообразие, чем в постоянном возвращении к своим играм и игрушкам.

§ 119.2. Помимо того что нужно давать детям серьезные ответы на вопросы и обогащать их ум сведениями, которые их в данный момент интересуют как что-то им действительно нужное, необходимо применять еще кое-какие специальные приемы и поощрения. Говорите в присутствии детей другим людям, с мнением которых они считаются, что дети знают такие-то и такие-то вещи: мы все, можно сказать, с колыбели — тщеславные и горделивые существа; так пусть же их тщеславие будет польщено такими вещами, которые пойдут им на пользу; пусть гордость заставит их поработать над тем, что может им пригодиться. С этой точки зрения вы должны будете убедиться, что нет лучшего стимула заставить старшего брата учиться чему-нибудь, чем возложить на него обучение его младших братьев и сестер тому же предмету.

§ 120.3. Если не следует с пренебрежением относиться к вопросам, задаваемым детьми, то следует в то же время тщательно заботиться о том, чтобы они никогда не получали неверных и уклончивых ответов. Дети легко замечают, когда к ним относятся пренебрежительно или обманывают их, и быстро научаются тем приемам пренебрежительного отношения, притворства и фальши, которые наблюдают со стороны других. Мы не должны нарушать правду в общении с кем бы то ни было, но менее всего — в общении с детьми; ибо если мы играем с ними в ложь, мы не только обманываем их ожидания и мешаем им получать знания, но и развращаем их невинность и учим их самому худшему из пороков. Они ведь путешественники, недавно прибывшие в чужую страну, о которой ничего не знают; поэтому совесть обязывает нас не вводить их в заблуждение;

пусть вопросы их иногда кажутся не очень серьезными, но ответы должны быть серьезны; эти вопросы могут показаться праздными нам, давно знакомым с ними, но для тех, кто еще ничего не знает, они имеют значение. Дети в отношении всего, что нам уже известно, — те же иностранцы: все вещи, с которыми они сталкиваются, вначале им так же неизвестны, как они были когда-то неизвестны и нам. И счастливы дети, которые встречаются с предупредительными людьми, готовыми снисойти к их невежеству и помочь им от него избавиться.

Если бы мы с вами в настоящий момент очутились в Японии со всей нашей мудростью и нашими познаниями, преувеличенная оценка которых, быть может, и является причиной нашего пренебрежительного отношения к мыслям и вопросам детей, и пожелали бы узнать все, что нужно знать в тамошних условиях, то я не сомневаюсь, что нам пришлось бы задать тысячу вопросов, которые какому-нибудь надменному или нерассудительному японцу показались бы весьма праздными и назойливыми, хотя для нас эти вопросы были бы весьма существенны и нам важно было бы получить на них ответы; и мы были бы рады найти человека достаточно снисходительного и любезного, который удовлетворил бы наши запросы и просветил бы наше невежество.

Когда дети сталкиваются с новым для них предметом, они обыкновенно задают обычный вопрос иностранца: «Что это такое?» Под этим они обычно подразумевают одно только название; поэтому сказать им, как это называется, обычно и означает дать правильный ответ на их вопрос. За этим обыкновенно следует вопрос: «А для чего это?» И на этот вопрос надо ответить прямо и точно: сказать о назначении вещи и применительно к уровню их понимания объяснить, каким образом она служит своему назначению. Точно так же нужно реагировать на всякие другие вопросы с их стороны: не отделяться от детей, пока вы не дали ответа, доступного их пониманию, более того, своими ответами наводить их на дальнейшие вопросы. А может быть, подобный разговор окажется и для взрослого человека вовсе не таким праздным и маловажным, как мы склонны думать. Естественные и не внушенные вопросы пытливых детей часто наводят на такие вещи, которые могут дать толчок мысли и умному человеку. И я думаю, что неожиданные вопросы ребенка могут научить большому, чем разговоры со взрослыми людьми, высказывающими ходячие мысли, которые лишь отражают заим-

ствованные понятия и предрассудки, привитые воспитанием.

§ 121.4. Быть может, не мешает иногда возбуждать любопытство детей, нарочно сталкивая их с необычными и новыми для них предметами с целью подстрекнуть их пытливость и предоставить им случай получить сведения об этих предметах. Если же случится, что любопытство заставит их задать вопрос о том, чего они не должны знать, то гораздо лучше, чем отделяться от них ложью или каким-нибудь пустым ответом, прямо сказать, что этого им еще не следует знать.

§ 122. Бойкость, проявляющаяся иногда так рано, вытекает из начала, которое редко сочетается с сильной телесной конституцией и редко развивается в интеллектуальную силу. Я думаю, что если захотеть сделать из ребенка более бойкого болтуна, то можно найти пути к этой цели; но я полагаю, что разумный отец предпочтет видеть своего сына способным и дельным человеком, когда тот вырастет, тому, чтобы он составлял приятную компанию и доставлял развлечение другим в детские годы. Если же я должен и на этом остановиться, то я сказал бы, что приятнее иметь ребенка, умеющего здраво рассуждать, чем ребенка, умеющего мило болтать. Поэтому поощряйте его любознательность, как только можете, удовлетворяя его запросы и обогащая его ум знаниями в пределах его способностей. Если рассуждения ребенка сколько-нибудь сносны, пусть он получает одобрение и похвалу; если же он совершенно запутался, нужно осторожно выводить его на правильный путь, а не смеяться над его ошибками; если он обнаруживает склонность рассуждать о вещах, с которыми сталкивается, старайтесь, насколько можете, чтобы никто не подавлял в нем этой склонности и не давал ей дурного направления софистической и фальшивой манерой разговаривать с ним. Ибо после всего прочего воспитание этой высшей и важнейшей способности нашей души заслуживает величайшей заботы и внимания с нашей стороны: правильное усовершенствование и упражнение нашего разума есть высшее совершенство, которого человек может достигнуть в этой жизни.

§ 123. В противоположность деятельному и пытливому темпераменту у детей иногда наблюдается вялое равнодушие, отсутствие интереса к чему бы то ни было и несерьезное отношение даже к своему делу. Это шалопутное настроение я считаю одним из самых худших качеств, какие только могут проявиться у детей, и одним из тех качеств,

которые труднее всего исцелить, если они свойственны ребенку от природы. Но так как в этом отношении возможны в иных случаях ошибки, необходимо заботиться о правильной оценке этого несерьезного отношения детей к книге и к занятиям, на которое мы нередко слышим жалобы. При первом появлении у отца подозрения, что его сын имеет склонность к бездельничанью, он должен тщательно проследить, проявляются ли вялость и равнодушие во всех действиях его сына, или же он вял и медлителен лишь в некоторых вещах, а в других проявляет активность и живость. Ибо, хотя бы мы и заметили, что ребенок зеваает за книгой и большую часть времени, которое он проводит в своей комнате или в классе, бездельничает, нельзя, однако, сейчас же делать заключение, что это происходит от лени, лежащей в его характере. Может быть, это ребячество, а может быть, он предпочитает учению что-нибудь другое, что привлекает его мысли, и его нелюбовь к книге, естественно, вызвана тем, что книга навязывается ему как обязательный урок. Чтобы вполне в этом разобраться, вы должны понаблюдать за ним во время игры, когда он находится за пределами классной комнаты и в часы свободные от учебных занятий, отдастся своим наклонностям, и посмотреть, не проявляет ли он подвижности и активности, не увлекается ли он той или другой целью, усердно и бодро добиваясь ее, пока не достигнет того, к чему стремится, или же он проводит свое время в ленивой и вялой дремоте. Если эта вялость появляется у него только тогда, когда он сидит за своим учебником, я думаю, что от нее легко вылечить его. Если же она лежит в самом характере, то для ее устранения потребуется несколько больше труда и внимания.

§ 124. Если по серьезности, проявляемой им в игре или в чем-либо другом, что его занимает в промежутках между часами занятий, вы убедились, что по натуре своей он вовсе не склонен к лени и что только отсутствие интереса вызывает у него равнодушие и вялое отношение к книжным занятиям, то сначала следует попытаться мягко поговорить с ним о неразумности и неправильности такого поведения, указывая, что оно приводит к значительной потере времени, которое он мог бы использовать для развлечения. Но обязательно говорите с ним в спокойном и ласковом тоне, вначале особенно не распространяясь, а ограничиваясь лишь этими краткими и простыми доводами. Если это привело к успеху, вы достигли цели самым желательным путем: доводами и лаской. Если же этот более мягкий

прием не имел успеха, тогда попытайтесь его пристыдить, посмеиваясь над ним, задавая ему каждый день за столом вопрос — если только нет при этом посторонних людей, — много ли он занимался сегодня своими уроками, а если он не приготовил их, хотя времени было достаточно, чтобы справиться с ними, высмеивайте его. Однако не присоединяйте к этому брани; ограничивайтесь только холодным тоном разговора и так держитесь по отношению к нему до тех пор, пока он не исправится. И пусть подобным же образом ведут себя по отношению к нему мать, воспитатель и все окружающие. Если и это не окажет желанного действия, то скажите ему, что больше не будете его принуждать заниматься с воспитателем, несущим заботы о его воспитании; что вы не намерены больше тратить денег на воспитателя ради того только, чтобы тот праздно проводил с ним время; что раз он предпочитает вместо книг заниматься тем-то и тем-то (смотря по тому, какой игрой он увлекается), то отныне только этим он и должен будет заниматься; и посадите его всерьез за его любимые игры, делайте это настойчиво и серьезно, утром и после полудня, до тех пор, пока он не пресытится полностью и у него не явится желание во что бы то ни стало заменить это несколькими часами книжных занятий. Но если вы задали ему урок в виде игры, то или вы сами должны обязательно присмотреть за ним, или же поручить кому-либо другому неуклонно следить за тем, чтобы он занимался, и не допускать, чтобы он и здесь проявлял свою лень. Я говорю: следите сами, ибо, как бы отец ни был занят, исцеление сына от такого крупного порока, как нежелание заниматься, заслуживает того, чтобы отец посвятил своему сыну два-три дня.

§ 125. Такие меры я предлагаю для тех случаев, когда мы имеем дело не с ленью, коренящейся в характере мальчика, а со специфическим или приобретенным отвращением к учению; это вы должны тщательно исследовать и различать. Но, следя за ним и наблюдая, что он делает в те часы, которыми располагает по своему усмотрению, вы или кто-либо другой вместо вас должны это делать незаметно для него, иначе ваше наблюдение будет мешать ему отдаваться своей склонности: будучи всецело ею поглощен, но не смея из страха, внушенного вами, добиваться того, к чему его влекут его мысли и сердце, он будет кое-как заниматься всем остальным, к чему у него нет влечения; и, таким образом, может показаться, что он ленив и вял, хотя в действительности он только проникнут

сейчас желанием делать другое и не решается на это из опасения, что вы увидите или узнаете об этом. Чтобы можно было в этом ясно разобраться, наблюдение должно производиться в вашем отсутствии, когда ребенка не связывает подозрение, что кто-то следит за ним. В эти часы полной свободы пусть кто-либо, на кого вы можете положиться, следит за тем, как он проводит время: не уходит ли оно у него в полном безделье именно тогда, когда он, ничем не сдерживаемый, предоставлен своей собственной склонности. Таким образом, по тому, чем он занимается в такие часы своей свободы, вы легко разберете, что именно заставляет его лениться в часы учения: вялость ли характера или отвращение к учебнику.

§ 126. Если какой-нибудь изъян конституции наложил печать на его душу и он вял и сонлив от природы, то справиться с этим малообещающим предрасположением — очень нелегкое дело; ибо, сопровождаемое обыкновенно безразличным отношением к будущему, оно характеризуется отсутствием двух великих стимулов к действию: предусмотрительности и желания. Возникает вопрос: как же привить и развить эти свойства в тех случаях, когда природа создала противоположный, холодный характер? Как только вы убедились, что перед вами такой случай, вы должны тщательно выяснить, не существует ли что-либо такое, что доставляет ребенку удовольствие; узнайте, что ему больше всего нравится, и, если вы в состоянии открыть в его душе какое-либо определенное влечение, усиливайте это влечение как только можете и используйте последнее, чтобы заставить его работать и возбудить его усердие. Если ему приятны похвала, игра или красивое платье и тому подобное или, с другой стороны, он боится боли, позора или вашего неудовольствия и тому подобного — что бы он ни любил больше всего (исключая, разумеется, лень, ибо она никогда не заставит его работать), — используйте это для того, чтобы влить в него жизнь и расшевелить его. При подобном равнодушном темпераменте вам нечего опасаться (как во всех других случаях) чрезмерно усилить влечение своим поощрением. Именно это вам и нужно, и потому вы должны стараться возбуждать в нем и усиливать его желание: ибо там, где нет желания, не может быть никакого усердия.

§ 127. Если вам не удастся таким путем оказать на него достаточное влияние и возбудить в нем бодрость, вызвать в нем активность, то вы должны занять его постоянным физическим трудом — этим можно развить в нем привыч-

ку делать что-нибудь. Правда, лучший способ сообщить ему привычку упражнять и применять свой интеллект заключался бы в том, чтобы заставить его усердно изучать какой-либо предмет. Но так как здесь незаметно, насколько он внимателен, и никто не может сказать, ленится ли ребенок или нет, то вы должны найти для него физическую работу, которую он был бы обязан выполнять постоянно; и если такая работа несколько тяжела и постыдна, то это не так уж плохо, ибо она тем скорее надоест ему и возбудит в нем желание вернуться к своему учебнику. Но если вы заменяете для него учебник другой работой, вы обязательно должны давать ему такое задание, чтобы это не давало ему возможности лениться. Только после того, как вы таким способом заставите его быть более внимательным и прилежным за учебником, вы можете, в виде награды за выполнение учебного задания в положенное время, давать ему некоторую передышку от этой другой работы и затем постепенно уменьшать эту работу по мере того, как замечаете, что его прилежание становится все более и более выдержанным, и совершенно освободить его от нее, когда он излечится от лентяйничанья за книгой.

§ 128. Мы уже отметили выше, что дети любят разнообразие и свободу и что именно это делает для них игры привлекательными, и поэтому не следует делать принудительную работу из их уроков и вообще из всего того, чему мы желаем их научить. Их родители, воспитатели и учителя склонны забывать это, и то нетерпение, которое они проявляют в своем желании засадить детей за полезную для них работу, мешает им втягивать последних в работу незаметным для них способом; а по частым понуканиям дети быстро распознают, что от них требуют и чего не требуют. Если эта ошибочная тактика уже внушила ребенку антипатии к учебнику, то лечение нужно начать с другого конца. Но так как теперь уже слишком поздно пытаться превратить для него учение в игру, то вы должны наметить обратный путь: вам нужно проследить, какой игрой он больше всего увлекается, и превратить ее в обязанность; заставляйте его каждый день определенное количество часов играть, и притом не в виде наказания, а в качестве занятия, которое вменяется ему в обязанность. При таких обстоятельствах, если я не ошибаюсь, самая любимая игра надоест ему за несколько дней настолько, что он предпочтет ей свой учебник или что-либо другое, особенно если это избавит его хотя бы от части возложенного на него урока обязательной игры и ему позволят часть времени, пред-

назначенного для указанного урока, уделить учебнику или какому-либо другому действительно полезному для него занятию. Я, по крайней мере, думаю, что это более действительное средство, чем прямое запрещение (которое обычно усиливает желание) или какое бы то ни было другое наказание, для исправления этого недостатка. Ибо если благодаря вашим усилиям аппетит его удовлетворен настолько, что наступило пресыщение (что можно безопасно проделать во всем, только не в еде и питье), и довели вы до этого пресыщения тем именно, от чего вы желали его отучить, то этим самым вы внушили ему отвращение, и вам нечего уже бояться, что у него снова появится та же страсть.

§ 129. Мне представляется достаточно очевидным, что праздность дети, как правило, ненавидят. Поэтому вся наша забота должна быть направлена к тому, чтобы их деятельный дух был всегда занят чем-либо полезным для них; если хотите этого добиться, вы должны превращать для них необходимые, по вашему мнению, занятия в развлечение, а не делать из них обязательную работу. Как это делать, чтобы дети в то же время не могли заметить умысла с вашей стороны, я здесь указал, а именно предлагая или заставляя их под тем или иным предлогом заниматься до пресыщения тем, от чего вы хотите их отучить, и внушая им таким способом отвращение к этому делу. Например, ваш сын слишком увлекается игрой с волчком. Заставляйте его играть по несколько часов в день и следите за тем, чтобы он это действительно делал: вы увидите, как быстро эта игра надоест и как захочется ему бросить ее. Этим путем — превращая развлечения, которые вам не нравятся, в обязательное для него занятие — вы добьетесь того, что он сам будет охотно браться за дело, которым вы бы хотели заставить его заниматься, особенно если это будет предлагаться ему в виде награды за выполнение урока предписанной ему игры. А разве вы не думаете, что, если заставить его каждый день гонять волчок до тех пор, пока это ему основательно не надоест, он охотно возьмется за учебник и даже будет жаждать его, когда вы это предлагаете ему как награду за то, что он усердно гонял волчок все положенное время? Дети видят малую разницу в том, что они делают, если только данная работа соответствует их возрасту; предпочитая одну вещь другой, они оглядываются на окружающих, и то, что те превращают в награду для детей, становится для них действительной наградой. Поэтому от их гувернера будет зависеть, явится ли скотч-

хоппер для них наградой за танцы или танцы — наградой за скотч-хоппер и что им будет приятнее: игра ли с волчком или чтение, игра ли в мяч или изучение глобуса? Все, что им хочется, — это быть занятыми, и притом тем, что, как им кажется, избрано ими самими или разрешено им в знак расположения их родителями и другими лицами, к которым они питают почтение и с которыми они хотели бы быть в хороших отношениях. Я думаю, что группа детей, руководимая таким образом и охраняемая от влияния дурного примера других, вся до единого будет учиться читать и писать и всему другому, чего бы вы захотели, с таким же рвением и удовольствием, с каким другие дети отдаются своим обычным играм. Так вы втянете самого старшего из них, и этим будет задан тон жизни в доме; и тогда уже невозможно будет оторвать детей от учения, как их обычно невозможно оторвать от игр.

§ 130. Я считаю, что дети должны иметь игрушки, и притом игрушки разного рода; но эти игрушки должны храниться у их воспитателей или у кого-либо другого, ребенок же должен получать в свое распоряжение одновременно лишь одну игрушку и, только когда он ее возвратит, получать другую. Это приучает с ранних лет остерегаться утраты или порчи вещей, находящихся в их обладании; обилие же и разнообразие игрушек, получаемых детьми в полное распоряжение, делает их легкомысленными и беспечными и с самого начала приучает быть мотами и расточителями. Я соглашусь, что это мелочи, которые могут показаться недостойными внимания воспитателя; но не следует упускать из виду и относиться с пренебрежением ни к чему, что формирует душу ребенка; все, что прививает детям привычки и навыки, заслуживает заботы и внимания со стороны воспитателя и, если смотреть на это с точки зрения последствий, вовсе не является мелочью.

Еще один момент в вопросе о детских игрушках заслуживает внимания родителей. Хотя мы согласились, что они должны быть разнообразными, однако, по моему мнению, ни одну из них не следует покупать. Этим устранится то большое разнообразие, которое часто создает для детей перегрузку и служит лишь к тому, что приучает их к постоянной погоне за переменной и изобилием, к беспокойству, к вечному желанию чего-то нового, к вечной неудовлетворенности тем, что они имеют. Подарки, которые принято делать детям родителей с солидным общественным положением в целях угождения, причиняют малюткам

большой вред. Это развивает в последних гордость, тщеславие и жадность чуть ли не ранее, чем они научаются говорить. Я знал маленького ребенка, который был настолько поглощен обилием и разнообразием своих игрушек, что утомлял свою няню, ежедневно перебирая их; ребенок так привык к этому изобилию, что никогда не считал его для себя достаточным и то и дело спрашивал: «А еще что, еще что? Что мне еще дадут?» Замечательное начало в ограничении желаний и замечательный путь к тому, чтобы сделать человека довольным и счастливым!

Но меня спросят: если никаких игрушек не следует покупать, то откуда дети будут получать те игрушки, которые им разрешается иметь? На это я отвечаю: пусть они сами их делают или по крайней мере стараются делать, и пусть занимаются этим; а до того пусть обходятся без игрушек, да у них и нужды не будет в особо хитрых игрушках. Гладкий камешек, кусок бумаги, связка ключей матери и любой предмет, которым они не могут поранить себя, — все это так же может развлекать маленьких детей, как и дорогие и затейливые игрушки из магазина, которые сейчас же портятся и ломаются. Дети никогда не скучают и не огорчаются из-за отсутствия таких игрушек, если только их не приучили к ним; когда они малы, игрушкой для них может явиться все, что попадает им в руки; когда же они становятся старше, они сами смогут их делать, если только другие не будут неразумно тратиться на то, чтобы их снабжать ими. Конечно, когда они начнут что-либо изобретать сами, нужно учить их и помогать им; но пока они сидят празднично в ожидании, что получат все из чужих рук, без всякого старания с своей стороны, не следует ничего им давать. А если вы помогаете им, когда они находятся в затруднении, вы будете им милее, чем если бы стали покупать им дорогие игрушки. Правда, такими игрушками, изготовление которых превышает их умение и пользование которыми связано с затратами труда, как, например, волчком или ракеткой³⁶ и другими в этом роде, нужно снабжать их: они должны получать их не ради разнообразия, а для упражнения; но из этих игрушек также нужно давать им самые простые. Если у них есть волчок, то кнутик и ремень нужно предоставить им сделать и приладить самим. Если же они сидят разинув рот в ожидании, что эти вещи сами свалятся им в руки, то пусть они остаются без них. Это приучит их добиваться того, что им нужно, собственными силами и собственным трудом, а тем самым они будут приучаться к скромности в желаниях, к трудолю-

бию, усердию, размышлению, сметливости и расчетливости; эти качества будут им полезны, когда они станут взрослыми, и поэтому должны приобретаться возможно раньше и усваиваться возможно глубже. Все игры и развлечения детей должны быть направлены к развитию в них хороших и полезных привычек, иначе они будут приводить к дурным. Все, что они делают в нежном возрасте, оставляет известный отпечаток, и отсюда они получают склонность к доброму или дурному; и ничего из того, что оказывает подобное влияние, не следует упускать из виду.

§ 131. Ложь — это такой удобный и общедоступный покров для любого дурного поступка, и она настолько распространена среди всякого рода людей, что ребенок вряд ли может не заметить, как ею пользуются во всех случаях; и только самой тщательной заботой можно уберечь его от опасности впасть в этот порок. Но ложь — столь дурное качество и мать столь многих пороков, которые она же и порождает и прикрывает, что необходимо внушать ребенку величайшее отвращение к ней. О лжи (если случайно, по какому-либо поводу, о ней заходит речь) следует всегда говорить с величайшим негодованием как о качестве, настолько несовместимом с именем и природой джентльмена, что ни один человек, пользующийся хоть каким-нибудь уважением, не может потерпеть, чтобы его обвинили во лжи; о ней нужно говорить как о признаке крайней бесчестности, низводящей человека на последнюю ступень постыдной низости и ставящей его на один уровень с самой презренной частью человечества и самыми отвратительными негодаями, как о чем-то, что не может быть терпимо ни в ком, кто желает иметь дело с порядочными людьми или пользоваться каким-либо уважением или доброй репутацией в свете. Когда ребенок в первый раз замечен во лжи, целесообразнее реагировать на это изумлением, как на нечто неожиданное и чудовищное с его стороны, а не наказывать его как за обыкновенный проступок. Если это не удержит его от повторения, то в следующий раз он должен получить строгий выговор и почувствовать большую немилость отца или матери и всех окружающих, знающих о его поступке. А если и этот способ не подействует, вы должны прибегнуть к побоям, ибо после таких предупреждений умышленная ложь должна всегда рассматриваться как упорство и никогда не должна оставаться безнаказанной.

§ 132. Дети, боясь, чтобы их проступки не обнаружись во всей своей наготе, склонны, подобно всем остальным сынам Адама, придумывать для себя оправдания. Это недостаток, который обычно граничит с ложью или приводит к ней и потому не должен быть терпим в них; но устранив его нужно скорее пристыжением, чем суровостью. Поэтому если ребенок, спрошенный о чем-нибудь, начинает с оправдания, то советуйте ему в серьезном тоне рассказать правду: если и после этого он упорно продолжает хитрить и лгать, его следует наказать. Но если он сразу сознается, вы должны похвалить его за искренность и простить ему его проступок, каков бы он ни был, и простить так, чтобы никогда больше не попрекать им и не напоминать о нем. Ибо если вы хотите, чтобы ему нравилось быть чистосердечным, если вы хотите постоянной практикой привить ему привычку быть чистосердечным, то вы должны заботиться о том, чтобы это никогда не причиняло ему ни малейшей неприятности. Напротив, откровенное признание с его стороны должно не только влечь за собой полную безнаказанность, но и поощряться какими-нибудь знаками одобрения. Если его оправдание в каком-либо случае таково, что вы никак не можете установить в нем какую-либо ложь, то пусть оно сойдет за правду. И вы ни в коем случае не должны выказывать какое-либо подозрение. Пусть он ценит свое доброе имя, которым пользуется в ваших глазах, возможно выше; ибо, если он однажды убедится, что его потерял, вы тем самым утратите сильное и лучшее средство влиять на него. Поэтому до тех пор, пока вы можете так поступать, не поощряя в нем лживости, не давайте ему думать, что вы считаете его лжецом. Из этого соображения можно на маленькие отступления от истины смотреть сквозь пальцы. Но после того как он был однажды наказан за ложь, вы уж никогда ни в коем случае не должны прощать ее, как только заметите, что он провинился в ней. Ибо, раз этот проступок был ему запрещен и он мог в дальнейшем его избежать, если бы не стремился к нему умышленно, повторение проступка свидетельствует о полной испорченности и должно повлечь за собой подобающее наказание.

§ 133. Таковы мои мысли относительно общего метода воспитания молодого джентльмена. Я склонен думать, что этот метод может оказать известное влияние на общий ход его воспитания; но я далек от мысли, что им охвачены и все частные моменты, которые могут возникнуть с возрастом или вследствие особенностей характера. Предпос-

лав эти общие соображения, мы должны теперь перейти к более специальному рассмотрению некоторых частных вопросов воспитания джентльмена.

§ 134. Я полагаю, что каждый джентльмен, сколько-нибудь заботящийся о воспитании своего сына, стремится к тому, чтобы сын его, помимо того состояния, которое он ему оставит, обладал еще следующими четырьмя вещами: добродетелью, мудростью, благовоспитанностью и знанием. Я не буду сейчас заниматься разбором того, применяются ли иногда некоторые из указанных терминов для обозначения одного и того же и не покрывают ли они в действительности друг друга. Для моей цели достаточно применять эти слова в общепринятом их значении, вполне, как мне думается, ясном, чтобы я мог быть понят без затруднения.

§ 135. Я считаю добродетель первым и самым необходимым из тех упомянутых качеств, которыми должен обладать [простой] человек или джентльмен, и вижу в ней абсолютное условие, при котором он только и может пользоваться признанием и любовью других и иметь цену и какое-либо значение в собственных глазах. Без нее, я думаю, он не будет счастлив ни в этом, ни в ином мире.

§ 136. В качестве основы добродетели в душе ребенка следует очень рано запечатлеть истинное понятие о боге как о независимом высшем существе, творце и создателе всех вещей, от которого мы получаем все блага, который любит нас и дарует нам все. Поэтому вы должны поселить в ребенке любовь и почтение к этому высшему существу. Для начала этого достаточно, и в дальнейшие подробности этой темы входить не следует, ибо нужно опасаться, что если мы станем слишком рано рассказывать ребенку о духах и будем раньше времени пытаться сделать для него понятной непостижимую природу этого бесконечного существа, то мы только наполним голову ребенка ложными представлениями о нем или собьем с толку непонятными идеями. Говорите ему только при случае, что бог создал все вещи и управляет ими, что он все видит, и слышит, и делает всяческое добро тем, кто его любит и повинуется ему. Вы убедитесь, что, слыша о таком боге, он довольно скоро додумается до других мыслей о нем, которые вам надлежит исправлять, как только вы обнаружите в них что-либо неправильное. И я думаю, что было бы лучше, если бы люди вообще оставались при такой идее о боге и не стремились слишком развить свои представления о существе, которое все должны признать непостижимым.

В этом своем стремлении многие люди, не обладающие достаточной силой и ясностью мысли, чтобы установить границу между тем, что они слобсны понять, и тем, чего они понять не в состоянии, впадают в суеверие или атеизм: или создают бога по своему подобию, или (не будучи в состоянии представить себе что-либо другое) вовсе отрицают его существование. И я склонен думать, что если заставлять детей постоянно, каждое утро и каждый вечер, обращаться к богу как своему создателю, хранителю и благодетелю с простой и короткой молитвой, соответствующей их возрасту и пониманию, то от этого получится гораздо большая польза для них с точки зрения усвоения религии, знания и добродетели, чем если занимать их мысли мудреными исследованиями его таинственной сущности и бытия.

§ 137. Внедрив в его душу (постепенно и сообразуясь с уровнем его понимания) подобную идею о боге и научив его молиться богу и прославлять его как своего творца и создателя всех благ, которыми ребенок наслаждается или может наслаждаться, воздерживайтесь от всяких бесед с ним о других духах до тех пор, пока упоминание о них, как, например, в случае, приводимом мною ниже, а также чтение Священного писания не наведут его на этот вопрос.

§ 138. Но даже тогда и во все время, пока он мал, непременно оберегайте его нежную душу от представлений и идей о духах и привидениях и от всяких страхов, связанных с темнотой.

Опасность в этом смысле угрожает со стороны неразумности слуг, имеющих привычку пугать детей, заставляя их слушать рассказы о «кровавой голове» и «окровавленных костях» и другие подобные повествования, с которыми связываются представления о чем-то страшном и опасном, чего дети имеют основание бояться, когда остаются одни, особенно в темноте. Против этого необходимо принимать самые тщательные меры, ибо хотя этим глупым приемом можно удержать детей от маловажных проступков, однако такое лекарство значительно хуже самой болезни: оно запечатлевает в воображении детей представления, которые потом преследуют их, наполняя страхом и ужасом. Подобные представления о страшных призраках, однажды проникшие в нежные души детей, производят сильное впечатление и глубоко западают им в душу, поскольку связаны с чувством ужаса; они так прочно фиксируются в детской душе, что нелегко, а иногда совершенно невозможно их оттуда изгнать; пока же эти представле-

ния остаются в душе, они часто тревожат ее странными видениями, заставляя детей и впоследствии трусить, когда они остаются одни, и даже в течение всей жизни бояться собственной тени и темноты. На это мне жаловались уже взрослые люди, которые были таким образом напуганы в детстве; хотя разум исправил в них воспринятые ложные идеи и они убедились, что нет никакого основания больше бояться невидимых существ в темноте, чем при свете, однако эти представления были способны при случае снова возникать в их предрасположенной фантазии, и освобождаться от них стоило немалого труда. А чтобы показать вам, насколько прочны страшные образы, засевшие в душе в ранние годы, я расскажу довольно примечательную правдивую историю. В одном западном городе жил человек с расстроенным умом, которого мальчишки обыкновенно дразнили, когда он попадался им навстречу. Однажды этот человек, увидев на улице одного из своих мучителей, забежал в ближайшую оружейную лавку и, схватив облаженную саблю, погнался за мальчиком. Последний, увидев его с этим оружием, бросился бежать, и, к счастью, у него хватило сил и проворства, чтобы добежать до отцовского дома раньше, чем сумасшедший мог его настигнуть. Дверь была только на щеколде; и когда мальчик уже схватился за щеколду, то повернул голову, чтобы посмотреть, как близко находится его преследователь; последний был уже у самого крыльца, держа поднятую саблю и готовый ударить его, и мальчик еле успел захлопнуть дверь, чтобы избежать удара, который хотя и не коснулся его тела, но глубоко задел его душу. Этот страшный образ произвел на мальчика столь глубокое впечатление, что оно сохранилось у него на многие годы, если не на всю жизнь. Ибо, передавая эту историю уже взрослым человеком, он говорил, что после этого случая он ни разу (насколько помнит) не подходил к той двери без того, чтобы не оглянуться назад, чем бы ни были заняты его мысли и как бы далеки они ни были перед тем от мыслей об этом сумасшедшем.

Если бы дети были предоставлены самим себе, они бы не больше боялись темноты, чем дневного, ясного солнечного света, они бы одинаково приветствовали темноту ради сна, как и свет ради своих игр. И не следует внушать им разными рассказами, что в темноте им будто бы угрожают опасности и более страшные вещи, чем при свете. А если глупость кого-либо из окружающих навязывает им идею, будто есть разница в том, находится ли в темноте или при свете, то вы должны возможно скорее вытравить

ее из их сознания. Научите детей, что бог, который создал все для их блага, создал ночь для того, чтобы они могли спать крепче и спокойнее, и что раз они находятся под его защитой, то и в темноте нет ничего такого, что могло бы им повредить. Дальнейшее просвещение их насчет бога и добрых духов нужно отложить до того момента, о котором будет речь ниже; что же касается злых духов, то будет хорошо, если вы сможете оградить их от всяких ложных представлений до тех пор, пока они не созреют для этого рода знаний.

§ 139. Если в ребенке уже заложены основания добродетели в виде истинного понятия о боге (которому мудро учит нас исповедание веры и которое усвоено ребенком в той мере, в какой позволяет ему возраст), а также в виде привычки молиться этому богу, то ближайшая задача заключается в том, чтобы приучить его говорить безусловную правду и всеми мыслимыми способами развить в нем добрый характер. Ребенок должен знать, что ему скорее простятся двадцать других проступков, чем один случай уклонения от истины с целью прикрыть вину каким-нибудь оправданием. Научить его своевременно любви и добром отношению к другим людям — это значит уже с самого начала заложить истинную основу честного человека; ведь все несправедливости обыкновенно происходят из нашей преувеличенной любви к себе и недостаточной любви к другим людям.

Это все, что я могу в основном сказать об этом предмете и что является достаточным, чтобы заложить в ребенке первый фундамент добродетели. По мере того как он становится старше, необходимо следить за направлением его природных наклонностей. Если эти природные тенденции отклоняют его больше, чем следует, в ту или другую сторону от истинного пути добродетели, необходимо принимать надлежащие меры. Ибо немногие из сынов Адама настолько счастливы, чтобы не родиться с какими-либо отклонениями природного характера, устранение или уравновешивание которых составляет задачу воспитания. Но входить в подробности этого значило бы выйти за рамки этого краткого трактата о воспитании. Я не ставлю себе задачи разобрать все добродетели и пороки и вопрос о том, какими путями может быть достигнута каждая конкретная добродетель и какими специальными средствами может быть исправлен каждый конкретный порок; впрочем, о наиболее обычных недостатках и о способах их исправления я говорил.

§ 140. Мудрость я понимаю в общепринятом смысле — как умелое и предусмотрительное ведение своих дел в этом мире. Она является продуктом сочетания хорошего природного характера, деятельного ума и опыта и в этом смысле недоступна детям. Самое большее, чего можно добиться в этом направлении, — это не дать им, насколько мы в силах, сделаться хитрецами; хитрость, это обезьянье подобие мудрости, как нельзя более далека от последней и так же уродлива, как уродлива сама обезьяна ввиду сходства, которое у нее имеется с человеком, и отсутствия того, что действительно создает человека. Хитрость есть только отсутствие разума: не будучи в состоянии достигнуть своих целей прямо, она нытается добиться их плутовскими и окольными путями; и беда заключается в том, что хитрость помогает только раз, а потом всегда лишь мешает. Совершенно невозможно сделать такое толстое или тонкое покрывало, которое скрывало бы тебя. Никому еще не удавалось быть настолько хитрым, чтобы скрыть это свое качество. И после того как хитрец разоблачен, всякий его боится, никто ему не доверяет, и все охотно объединяются против него, чтобы нанести ему поражение. Между тем человеку открытому, честному и мудрому никто не ставит препятствий, и он идет к своей цели прямым путем. Самая лучшая подготовка ребенка к мудрости заключается в том, чтобы привить ему правильные понятия о вещах, не успокаиваясь раньше, чем он их усвоит, в том, чтобы возбуждать его ум к высоким и достойным мыслям, чтобы держать его вдали от фальши и хитрости, всегда содержащей в себе большую примесь фальши. Но всего остального, чему можно научиться с течением времени из опыта и наблюдений, из знакомства с людьми, с их характерами и намерениями, нельзя ожидать от непросвещенной и беспечной детской природы или необдуманной горячности и беспечности юности. Все, что можно сделать в этом направлении в период незрелого возраста, — это — повторяю — приучить их к правде и искренности, к подчинению разуму и, насколько возможно, к обдумыванию своих поступков.

§ 141. Следующее хорошее качество, необходимое джентльмену, — благовоспитанность. Есть два вида неблаговоспитанности: первый заключается в робкой застенчивости, второй — в непристойной небрежности и непочтительности в обращении. И того и другого можно избежать соблюдением одного правила: не быть низкого мнения ни о себе, ни о других.

§ 142. Первую часть указанного правила следует понимать не в том смысле, что она направлена против скромности, а в смысле необходимости быть уверенным в себе. Мы не должны быть настолько высокого мнения о себе, чтобы переоценивать самих себя, и не должны приписывать себе превосходство над другими из-за какого-либо преимущества, будто бы свойственного нам. Мы должны лишь скромно принимать то, что нам приписывают как заслуженное. Но мы должны также иметь достаточно хорошее мнение о себе, чтобы быть в состоянии те действия, которые составляют нашу обязанность и которых ждут от нас, выполнять без смущения и растерянности в чем бы то ни было присутствии, соблюдая при этом те почтение и сдержанность, которые подобают рангу или положению каждого. Люди, и особенно дети, часто проявляют неуклюжую застенчивость в присутствии людей посторонних или выше стоящих: они путаются в своих мыслях, словах и взглядах и в этом своем смущении настолько теряются, что неспособны что-либо делать, по крайней мере с теми непринужденностью и изяществом, которые нравятся в людях и делают их привлекательными. Единственное средство исправить этот, как и любой другой, недостаток заключается в том, чтобы путем практики привить противоположную привычку. Но так как мы не можем привыкнуть к общению с посторонними и важными людьми, не бывая в их обществе, то эта сторона неблагоприятности может быть устранена только общением с разнообразными и вышестоящими людьми.

§ 143. Если вышеупомянутое проявление неблагоприятности заключается в чрезмерной озабоченности человека тем, как ему держаться по отношению к другим, то другое ее проявление выражается в недостаточном по внешности старании нравиться и оказывать почтение тем, с кем мы имеем дело. Чтобы быть свободным от этого недостатка, требуются две вещи: во-первых, душевная склонность не обижать других и, во-вторых, наиболее подходящий и приятный способ выражения этой склонности. По первому признаку мы называем людей обходительными, по второму — людьми с хорошими манерами. Второе из этих качеств заключается во внешней приятности и изяществе взгляда, голоса, слов, движений, жестов и всего внешнего поведения, которые в обществе пленяют и доставляют тем, с кем мы общаемся, чувство легкости и большого удовольствия. Это как бы язык, который служит выражением внутренней деликатности души, и по-

сколько этот язык, как и другие языки, в очень большой мере регулируется модой и обычаем каждой страны, то изучать его, в его правилах и практике, следует главным образом путем наблюдений и по поведению тех, кому удалось получить абсолютно хорошее воспитание. Другая сторона, которая лежит глубже, чем внешняя, заключается в общей благожелательности и внимании ко всем людям, побуждающим человека не проявлять в своем обращении какого бы то ни было презрения, неуважения и небрежности, а выражать свое уважение и признание каждому сообразно его положению и рангу и в согласии с обычаями и формами, принятыми в его стране. Такая настроенность души проявляется непосредственно в поведении человека, благодаря чему никто не чувствует себя стесненным в его обществе.

Я укажу здесь на четыре качества, которые являют наиболее выраженную противоположность этой первой и самой привлекательной из всех социальных добродетелей: любое из этих четырех качеств служит обыкновенно источником неделикатности. Я опишу их для того, чтобы можно было предохранить или исправить детей от их дурного влияния.

1. Первое качество состоит в природной грубости, которая делает человека нелюбезным к другим, невнимательным к их наклонностям, характерам, положению. Первый признак грубого человека — это не думать о том, что нравится или не нравится тем людям, в обществе которых он находится. Между тем часто можно встретить модно одетого человека, не признающего границ для своего нрава и готового толкать или наступать на ноги всякому, кто стоит ему на дороге, нисколько не заботясь о том, как тот к этому отнесется. Такая грубость бросается в глаза и вызывает отвращение в каждом; она никому не может быть приятна, и поэтому ее не должно быть у того, кто хочет, чтобы его считали хотя бы немного благовоспитанным. Ибо истинное назначение благовоспитанности заключается в том, чтобы сгладить природную резкость и настолько смягчить характеры людей, чтобы они могли быть обходительными и приспособляться к людям, с которыми им приходится иметь дело.

2. Презрительность, или отсутствие должного уважения, обнаруживающаяся во взглядах, словах или жестах, от кого бы это ни исходило, всегда вызывает неприятное чувство: никто не может спокойно переносить пренебрежительное отношение к себе.

3. Придирчивость и выискивание недостатков у других являются прямой противоположностью вежливости. Люди — независимо от того, повинны ли они в чем-либо или нет, — не желают, чтобы их недостатки выставлялись напоказ, выставлялись на свет, безразлично — перед ними или перед другими людьми. Клеймо, наложенное на человека, всегда причиняет стыд, и раскрытие или простое приписывание какого-нибудь недостатка не переносится им без некоторого неприятного чувства.

Насмешка — наиболее утонченный способ выставлять недостатки других; но так как обычно она облекается в остроумную и приличную словесную форму и, кроме того, развлекает общество, то у людей возникает ошибочное мнение, что в насмешке, если она держится в надлежащих границах, нет ничего невежливого. Поэтому-то такая шутовливость разговора допускается в среде лучшего общества, и подобные остряки благосклонно выслушиваются и обычно встречают одобрение и смех присутствующих. Но им следовало бы подумать о том, что увеселение остальной части общества происходит в данном случае за счет того, кого выставляют в шутовском свете и вынуждают испытывать неприятность, если только то, за что над ним посмеиваются, на самом деле не представляет чего-либо похвального. Ибо в последнем случае забавные образы и представления, из которых складывается шутка, одновременно содержат в себе похвалу и развлечение, и высмеиваемый также получает удовлетворение, принимая участие в общем развлечении. Но так как не всякий способен правильно оперировать этим тонким и щекотливым искусством, в котором малейший промах может все испортить, то я думаю, что те, кто не желает задевать других, особенно молодые люди, должны тщательно воздерживаться от насмешек, которые из-за небольшой ошибки или неправильного оборота речи могут надолго оставить в душе задетого человека воспоминание о том, как его больно, хотя и остроумно, укололи за какую-нибудь предосудительную черту.

Наряду с насмешливостью есть другая форма осуждения, в которой часто проявляется неблаговоспитанность, — это противоречие. Вежливость вовсе не требует от нас, чтобы мы всегда принимали все рассуждения и сообщения, которыми обмениваются в обществе, или проходили мимо всего, что нам приходится услышать. Иногда истина и доброе чувство требуют, чтобы мы выступили против мнения другого или исправили его ошибку, и это несколько не

противоречит требованию вежливости, если только делается с должной осторожностью и с учетом обстоятельств. Но встречаются люди — всякий может их наблюдать, — которые как бы одержимы духом противоречия и всегда, невзирая на правду или неправду, спорят в обществе с тем или другим, а то и с каждым, что бы те ни говорили. Это настолько очевидная и оскорбительная форма осуждения, что вряд ли найдется человек, который не сочтет себя задетым в подобном случае. Во всяком возражении на слова другого так легко заподозрить осуждение, и оно так редко принимается без некоторого чувства унижения, что высказывать его следует в самой осторожной форме и в самых мягких выражениях, какие только могут быть подысканы; в таких выражениях, которые в сочетании со всем поведением указывали бы на отсутствие желания противоречить. Возражение должно сопровождаться всеми знаками уважения и благожелательности, чтобы, выигрывая в споре, мы не теряли и расположения тех, которые слушают нас.

4. Раздражительность есть другой недостаток, который является противоположностью вежливости, и не только потому, что он часто толкает на неприличные и обидные выражения и поступки, но также и потому, что оказывается как бы косвенным обвинением и упреком в невежливости по адресу тех, против кого мы раздражены. Подобного подозрения или намека никто не примет без неприятного чувства. Кроме того, раздражительный человек расстраивает компанию, и согласие исчезает из-за одной выходки такого сварливого человека.

Так как счастье, к которому все столь упорно стремятся, заключается в удовольствии, то нетрудно понять, почему деликатный человек правится больше, чем дельный человек. Я думаю, что способности, искренность и доброе намерение солидного и достойного человека или действительного друга редко удовлетворяют нас в тех случаях, когда проявления их важности или солидности причиняют нам неприятные чувства. Власть и богатство и даже сама добродетель ценятся лишь постольку, поскольку они ведут нас к счастью. Поэтому плохо рекомендует себя другому в смысле содействия его счастью тот, кто, оказывая ему услуги, делает это в неприятной для него форме. Кто умеет доставлять приятное людям, с которыми он общается, не унижаясь в то же время до низкой, рабской лести, тот обрел истинное искусство жить среди людей и быть желанным и ценным повсюду. Поэтому приучение детей и мо-

лодых людей к вежливости должно стоять на первом плане, и делать это нужно с большою тщательностью.

§ 144. Есть еще один недостаток с точки зрения хороших манер — это преувеличенная церемонность, упорное стремление навязывать другому такие достоинства, которых у того нет и которых тот не может признать за собою, если он не сумасшедший или бесстыдный человек. Это больше походит на желание выставить человека на смех, чем на желание угодить ему, и по меньшей мере производит впечатление какого-то состязания в превосходстве и в лучшем случае только смущает; поэтому оно не имеет ничего общего с благовоспитанностью, вся цель и назначение которой только и заключаются в том, чтобы люди чувствовали себя приятно и получали удовлетворение от общения с вами. Правда, лишь немногие молодые люди подвержены этому недостатку, но если он у них проявляется или можно заметить в них такую наклонность, то необходимо им указывать на это и предостерегать их против такой ложно понимаемой вежливости. То, к чему они должны стремиться при общении с людьми, сводится к проявлению уважения, признания и благожелательности, к выказыванию по отношению к каждому обычной внешней почтительности и подобающего, согласно правилам вежливости, внимания. Вести себя так, не вызывая подозрений в лести, притворстве и низости, — это дело большого умения, которому могут научить лишь здравый смысл, разум и хорошее общество; но это имеет столь большое значение в общежитии, что стоит этому поучиться.

§ 145. Хотя умение держать себя хорошо в указанном смысле называется благовоспитанностью, как если бы это было специально результатом воспитания, однако, как я уже сказал, не следует чересчур доносить детей в этом отношении; я имею в виду такие требования, как снимать шапку по установленным правилам, расшаркиваться и т. д. Научите их скромности и благожелательности, если можете, и остальные хорошие манеры явятся сами собою; ведь истинная вежливость есть не что иное, как старание не выказывать при общении с людьми ни пренебрежения, ни презрения по отношению к кому бы то ни было. Каковы наиболее употребительные и наиболее ценимые способы ее выражения, мы уже говорили выше. Они так же своеобразны и различны в разных странах мира, как и языки, а потому, если здраво рассуждать, правила и наставления, даваемые на этот счет детям, так же бесполезны и не-

уместны, как если бы мы стали время от времени сообщать одно-два правила испанского языка тому, кто возвращается только среди англичан. Беседуйте сколько угодно с вашим сыном о вежливости, но, каково будет его общество, таковы будут и его манеры. Читайте сколько хотите лекции хлебопашцу, вашему соседу, который ни разу не выезжал за пределы своего прихода, — он останется по речи и манерам таким же придворным, каким был раньше, т. е. ни в том, ни в другом отношении он не сделается учтивее тех, среди кого он постоянно возвращается. Поэтому единственное, о чем следует в этом отношении позаботиться, — это, когда ребенок подрастет, взять для него воспитателя, который сам должен быть хорошо воспитанным человеком. Да в сущности, говоря по правде, если дети не делают ничего из упрямства, гордости или дурного нрава, уж вовсе не так важно, как они снимают шляпу или расшаркиваются. Если вы можете научить их любить и уважать других людей, то они найдут, когда этого потребует их возраст, способы для выражения этих чувств в приятной для всех форме, в тех манерах, к которым они приучались. Что же касается телодвижений и манеры держаться, то, как я уже сказал, учитель танцев в свое время научит их тому, что требуется в этом отношении. А до тех пор, пока они еще малы, никто не ждет от детей повышенного внимания к этим церемониям; беспечность допускается в этом возрасте, она так же приличествует детям, как учтивость — взрослым людям; и если очень требовательные люди усмотрят в этом недостаток, то, по моему убеждению, это по меньшей мере такой недостаток, на который следует смотреть сквозь пальцы и исправление которого надо предоставить времени, воспитателю и обществу. Поэтому я и думаю, что вам не стоит из-за этого мучить или бранить своего сына (как это часто, по моим наблюдениям, делают с детьми); только в тех случаях, если в его поведении проявляется гордость или дурной нрав, нужно исправлять его, действуя убеждением или пристыживая.

Хотя и не следует донимать детей, пока они малы, правилами и церемониальной частью воспитания, однако есть один род невежливости, который может развиваться вместе с ростом детей, если не помешать этому в ранние годы, — это страсть прерывать других во время речи, останавливать говорящего каким-нибудь возражением. Не знаю, обычай ли диспутов или репутация талантливости и учености, которую обыкновенно доставляет искусство диспутирования (как будто это единственное мерило и до-

казательство знания), развивают в молодых людях эту преувеличенную склонность при первом же случае и поводе поправить другого в его речи и блеснуть собственными талантами; но во всяком случае, как я убедился, в этом отношении особенно часто вызывают порицание школьники. Нет большей грубости, чем перебивать другого во время его речи; ибо если это не несносная глупость — отвечать другому, еще не зная, что он хочет сказать, то, во всяком случае, оно равносильно недвусмысленному заявлению, что нам надоело слушать говорящего, что мы пренебрегаем его мнением и, считая его неинтересным для общества, желаем, чтобы он выслушал нас, имеющих сказать нечто достойное его внимания. Это свидетельствует о большом неуважении, которое не может не быть оскорбительным. Между тем такой результат почти всегда получается при перебивании. Если же, как обычно бывает, к этому присоединяется исправление какой-либо ошибки или противоречие тому, что было сказано, то оно становится проявлением еще большей гордости и самомнения, поскольку мы таким образом навязываемся в учителя и берем на себя исправить рассказ другого или показать ошибки в его суждении.

Я не хочу этим сказать, что, по-моему, не должно быть никакого расхождения мнений при общении людей и никаких возражений в разговорах: это значило бы уничтожить величайшую пользу, которую приносит общение вообще и компания умных собеседников в частности, где вопрос освещается противоположными аргументами способных людей, аргументами, которые выявляют различные стороны и аспекты предмета; эти возможности были бы совершенно упущены, если бы каждый был обязан только соглашаться и поддакивать тому, кто говорил первым. Мои соображения направлены не против самого высказывания кем-либо своего разногласия с другим, а против формы, в которой оно высказывается. Молодых людей нужно учить, чтобы они не вмешивались в разговор со своим мнением, если их не спрашивают и пока другие не высказались и не замолчали; но и в этом случае — чтобы высказывались, лишь ставя вопросы, а не поучая. Они должны избегать категорических утверждений и учительского тона и скромно, как ученики, задавать свои вопросы, пользуясь общей паузой.

Такая подобающая им скромность не оставит в тени их способности и не ослабит силу их разума, но обеспечит им более благосклонное внимание и придаст бодший вес их

высказываниям. Слабый аргумент или ординарное замечание, высказанные в такой форме, предваренные выражением признания и уважения к мнению других, доставят молодому человеку больше похвалы и одобрения, чем самое едкое остроумие или самая глубокая ученость, сочетающиеся с грубой, назойливой и шумной манерой, что всегда шокирует слушателей; у последних всегда остается о таком человеке дурное мнение, даже в том случае, если он своими аргументами заслужил лучшего.

Итак, нужно тщательно следить за проявлениями этого недостатка у молодых людей, останавливать их при первом его проявлении и прививать им противоположную привычку, которой бы они держались во всех случаях общения с людьми. Это тем более необходимо, что страсть говорить, перебивать другого в споре и вести спор в повышенном тоне слишком часто можно наблюдать среди взрослых людей, даже принадлежащих к высшему обществу. Индейцы, которых мы называем варварами, соблюдают в своих разговорах и беседах гораздо больше пристойности и вежливости: они выслушивают собеседника в полном молчании, пока тот не закончит совершенно свою речь, и уже затем отвечают спокойно, без шума и страсти. И если не так обстоит дело в нашей цивилизованной части света, то мы должны это приписать небрежности воспитания, которое еще не искоренило в нас этого пережитка древнего варварства. Скажите, разве не было забавным зрелище, когда однажды две знатные дамы с двух противоположных сторон зала, по кругу которого сидели гости, затеяли спор и, все более возбуждаясь в пылу его и постепенно сближая свои стулья, очень скоро совсем сошлись вместе посредине зала, яростно продолжая при этом свой порядочно затянувшийся спор, похожие на двух бойцовых петухов, и не обращая никакого внимания на окружающих, которые не могли удержаться от улыбки. Это мне рассказала одна знатная особа, присутствовавшая при этом бое и не преминувшая отметить, до какой непристойности доводит людей горячность в споре; этому недостатку, который благодаря подражанию получил слишком большое распространение, воспитание должно уделять самое большое внимание. Всякий осуждает его в других, но обыкновенно не замечает его у себя; а многие, сознавая за собой этот недостаток, хотя и борются с ним, но не могут избавиться от него, так как небрежное воспитание позволило ему превратиться в привычку.

§ 146. Сказанное выше относительно общества, если это хорошо продумать, откроет, быть может, перед нами более широкую перспективу и покажет, что влияние общества идет значительно дальше. Та печать, которую накладывает на человека общение с другими людьми, выражается не в одних только формах вежливости — влияние среды идет глубже этой внешней стороны; и если давать правильную оценку нравственности и религиям мира, мы, возможно, открыли бы, что подавляющее большинство человечества даже те взгляды и обряды, за которые оно готово положить свою жизнь, восприняло скорее из обычаев своих стран и из постоянной практики окружающих людей, чем из доводов своего разума. Я говорю это лишь с целью показать, какое большое значение имеет, по моему мнению, общество для вашего сына во всех сторонах его жизни и как тщательно поэтому следует взвешивать и учитывать этот фактор, оказывающий на него более сильное влияние, чем все другое, что вы в состоянии делать.

§ 147. Вы, может быть, удивитесь, что я ставлю учение на последнее место, особенно если я скажу вам, что придаю ему наименьшее значение. Это может показаться странным в устах книжного человека и тем более похожим на парадокс, что обычно главным образом вопрос об учении вызывает оживленнейшее обсуждение, когда речь идет о детях, и почти только этот вопрос и имеется в виду, когда люди говорят о воспитании. Когда я размышляю о том, сколько шума поднимается вокруг вопроса о маленькой дозе латыни и греческого языка, сколько лет тратится на ее усвоение и сколько бесплодных забот и хлопот на это уходит, то я едва могу удержаться от мысли, что сами родители продолжают жить под страхом розги школьного учителя, в которой они видят единственное орудие воспитания, как будто вся цель последнего заключается в изучении одного-двух языков. Ибо иначе как был бы возможен тот факт, что детей держат прикованными к скамье в течение семи-восьми или десяти лучших лет их жизни ради усвоения одного или двух языков, которые, как мне думается, можно было бы усвоить с гораздо меньшей затратой труда и времени и изучить почти играючи.

Поэтому — простите меня — я не могу спокойно думать о том, что молодого джентльмена считают необходимым втолкнуть в общее стадо и затем погонять его розгой и плеткой из класса в класс, как бы сквозь строй «*ad carpendam ingenii cultum*»³⁷ Как же, скажете вы, по-вашему, он не должен уметь читать и писать? Неужели он должен

быть невежественнее нашего приходского пономаря, который Гопкинса и Стерихольда³⁸ считает лучшими поэтами в мире да к тому же своим плохим чтением превращает их в нечто худшее, чем они есть на самом деле?

Не торопитесь, пожалуйста. Читать и писать, обучать наукам — все это я признаю необходимым, но не главным делом. Я думаю, что вы сочтете совершенным глупцом того, кто добродетельного или мудрого человека не поставит бесконечно выше большого ученого. Я вовсе не отрицаю, что обучение наукам очень способствует развитию и добродетели и мудрости в людях с хорошими духовными задатками, но необходимо также согласиться с тем, что в других людях, не имеющих таких задатков, оно ведет лишь к тому, что они становятся еще более глупыми и дурными. Я говорю это с тем, чтобы вы, размышляя о воспитании вашего сына и подыскивая для него учителя или воспитателя, не имели в своих мыслях только латынь и логику. Обучать мальчика нужно, но это должно быть на втором плане, только как вспомогательное средство для развития более важных качеств. Ищите человека, который знал бы, как можно благоразумно сформировать характер мальчика; отдайте его в такие руки, которые сумеют, в пределах возможного, охранить его невинность, любовно поддерживать и развивать в нем хорошие начала, мягкими приемами исправлять и искоренять все дурные наклонности и прививать ему хорошие привычки. Это самое главное; и если вы хорошо позаботитесь об этом, то к этому можно присоединить также и учение, осуществляя это, как мне думается, наиболее легким путем с помощью методов, которые мы обсудим ниже.

§ 148. Когда ребенок умеет говорить, можно уже начать учить его читать. Но по этому поводу позвольте мне здесь снова напомнить о том, что слишком легко забывается, а именно: необходимо всячески заботиться о том, чтобы учение никогда не превращалось в обязательную работу, чтобы ребенок не смотрел на это как на задание. Как я уже сказал, мы по природе своей с самой колыбели любим свободу и поэтому питаем отвращение ко многим вещам только потому, что они нам предписываются. Я всегда держался того взгляда, что учение можно превратить в игру и развлечение для детей и что можно внушить им желание учиться, если привлекать их к учению как к делу чести и славы, если преподносить его как удовольствие и развлечение, как награду за исполнение чего-то другого и никогда не бранить и не наказывать их за пренебрежение

учением. В этом убеждении меня укрепляет пример португальцев, у которых дети учатся чтению и письму с таким увлечением и чувством соревнования, что их невозможно удержать от этого занятия; они учатся друг у друга, и с такой настойчивостью, как будто это им запрещалось. Припоминаю, как, будучи в доме одного моего друга, младшего сына которого, тогда малого ребенка, трудно было засадить за книжку (его учила читать дома мать), я посоветовал не требовать этого от него в качестве обязательного занятия, а испытать другое средство; и вот мы нарочно в его присутствии, не обращая на него внимания завели между собой разговор о том, что быть ученым — это привилегия и преимущество наследников и старших братьев; что это делает их утонченными джентльменами, пользующимися общей любовью, и что по отношению к младшим братьям является уже милостью то, что их воспитывают; что обучение чтению и письму есть уже нечто большее того, что им полагается; что, если это им нравится, пусть остаются грубыми и неотесанными людьми. Это так подействовало на мальчика, что он сейчас же пожелал учиться и не оставлял в покое свою няню, раньше чем она выслушает его урок. Я не сомневаюсь, что подобный прием может быть использован и в отношении других детей и что, изучив их характер, мы можем внушить им некоторые мысли, которые возбудят в них охоту учиться и заставят их добиваться учения как своего рода игры и отдыха. Но при этом, как я уже раньше говорил, никогда не следует возлагать на них учение в виде какого-то задания или превращать это в предмет докучки. Чтобы научить детей азбуке в процессе игры, можно пользоваться костями и игрушками с надписанными на них буквами; можно придумать еще двадцать приемов применительно к особенностям характера каждого, чтобы обращать этот метод обучения в развлечение для ребенка.

§ 149. Так можно, незаметно для детей, ознакомить их с буквами и научить читать, пользуясь методом, при котором они находили бы в этом только развлечение и, играя, усваивали бы то, чему других детей учат с помощью розги. На детей не следует возлагать ничего похожего на работу, никакого серьезного дела: они не в состоянии вынести это ни душевно, ни физически. Это приносит только вред их здоровью; и я не сомневаюсь, что многие возненавидели книги и учение на всю жизнь именно потому, что их пытались силой засадить за книгу в том возрасте, который не

выносит такого принуждения; это подобно пресыщению, после которого остается неустранимое отвращение.

§ 150. Так я пришел к мысли, что, приспособляя для этой цели детские игрушки, которые обыкновенно ни к чему не служат, можно при помощи разных уловок обучать детей чтению таким образом, чтобы они думали, что только играют. Можно, например, сделать шар из слоновой кости вроде тех, которые применяются в лотерее королевского дуба³⁹ и имеют 32 грани или, еще лучше, 24 или 25 граней, и на одних гранях приклеить *A*, на других — *B*, на третьих — *C*, на четвертых — *D*. Я бы предложил начинать только с этих четырех букв (а, может быть, для начала достаточно и двух), с тем чтобы только после того, как ребенок вполне их усвоит, добавлять другие, продолжая так до тех пор, пока каждая грань не будет иметь по одной букве и на шаре не составит весь алфавит. Затем я предложил бы, чтобы эту игру вели другие в присутствии ребенка: эта игра, если делать ставку на то, кто первый выкинет букву *A* или *B*, не менее занимательна, чем игра в кости, в которой выигрывает выбрасывающий шестерку или семерку. Ведя эту игру между собой, не пытайтесь привлекать к ней ребенка, чтобы этим не превратить ее в обязательное занятие: пусть он думает, что это игра только для взрослых, и тогда, я не сомневаюсь, он сам захочет поиграть в нее. А для того чтобы у него было лишнее основание считать, что это такая игра, к которой его допускают изредка из расположения к нему, прячьте по окончании игры шар в надежное и недоступное для него место; иначе он, получив возможность отдаваться этой игре в любое время, может потерять к ней вкус.

§ 151. Чтобы поддержать в ребенке рвение к этой игре, внушите ему мысль, что она составляет привилегию взрослых. А после того как он ознакомится таким путем с азбукой, он сможет, комбинируя буквы в слоги, незаметно для себя и научиться читать, ни разу притом не подвергшись ни брани, ни другим неприятностям и не получая отвращения к книгам из-за сурового обращения и мучений, которым он мог бы из-за них подвергаться. Если вы наблюдаете за детьми, то можете убедиться, что они берут на себя огромный труд, чтобы научиться некоторым играм, которые вызывали бы у них только отвращение, если бы они навязывались им как обязательное занятие. Я знаю одного очень знатного человека (еще больше заслуживающего уважение за свою ученость и добродетель, чем за свой сан и высокое положение), который, наклеив на шести

гранях игральной кости шесть гласных букв (ибо в нашем языке У является гласной) и на гранях трех других костей восемнадцать согласных, устроил из этого следующую игру для своих детей: кто выбросит одновременно наибольшее количество слов на четырех костях, тот выигрывает. Таким способом его старший сын — ребенок, еще носивший детское платьице, — научился, играя, читать по складам, проявляя большое рвение и ни разу не подвергшись брани или принуждению.

§ 152. Я видел маленьких девочек, которые целыми часами упражнялись, затрачивая много энергии, в игре в «камешки»⁴⁰, как они ее называют. Глядя на них, я думал, что недостает только какой-нибудь удачной выдумки, чтобы заставить их направить все свое рвение на что-нибудь более полезное для них; и по моему мнению, только ошибкой и небрежностью взрослых можно объяснить, что этого не делается. Дети гораздо менее склонны к лени, чем взрослые; и если некоторая часть этого деятельного настроения не направляется на полезные вещи, то в этом винить следует взрослых: полезные вещи могли бы стать для них не менее приятными, чем те, которыми они обычно занимаются, если бы взрослые хотя бы наполовину проявляли такую же готовность указывать им путь, с какой эти маленькие обезьянки стали бы следовать по нему. Я представляю себе, что бы было, если бы какие-нибудь мудрые португальцы некогда ввели этот прием среди детей своей страны, где, как мне говорили (об этом я уже упоминал), невозможно удержать детей от занятий чтением и письмом; а в некоторых местах Франции дети с колыбели учат друг друга петь и танцевать.

§ 153. Буквы, наклеиваемые на сторонах игральных костей или многогранника, лучше всего брать того же размера, что в Библии *in folio*⁴¹, притом без прописных букв; коль скоро ребенок научится читать напечатанное этими буквами, он через недолгое время научится и прописным; вначале же не следует его путать разнообразием. С такими же костями вы можете также устроить игру, очень похожую на «королевский дуб», что явится новой вариацией, и играть на вишни, яблоки и т. д.

§ 154. Кроме упомянутых выше можно изобрести еще двадцать других игр, основанных на буквах; тот, кому нравится этот метод, без труда придумает их и пустит в ход. Но упомянутые выше игральные кости я считаю настолько простыми и полезными, что трудно найти что-нибудь лучшее; да и вряд ли в этом окажется надобность.

§ 155. Вот все, что я считаю нужным сказать об обучении ребенка чтению. Никогда не следует при этом применять ни принуждения, ни брани; втягивайте его в чтение, если можете, обманом, но не делайте из этого обязательно занятия. Лучше ему научиться читать годом позже, чем получить в результате подобного метода отвращение к учению. Если вам приходится ссориться с ним, то, во всяком случае, по важным делам, из-за правды и добродетели; но не принуждайте его заниматься азбукой. Используйте свое искусство для того, чтобы сделать его волю уступчивой и податливой разуму: учите его любить добрую репутацию и похвалу, бояться дурного и низкого мнения о самом себе, особенно с вашей стороны и со стороны матери, и тогда все остальное будет достигнуто без большого труда. Но если вы хотите этого добиться, вы не должны его связывать и ограничивать правилами в вещах малозначительных или выговаривать ему за каждый незначительный проступок, хотя бы другим этот проступок показался важным. Но об этом я уже говорил.

§ 156. Когда в результате — под влиянием этих мягких приемов — ребенок начнет читать, дайте ему в руки какую-нибудь легкую и занимательную книгу, доступную его пониманию, содержание которой могло бы увлечь его и вознаградить за труд, потраченный на чтение, но во всяком случае не такую, которая набила бы ему голову совершенно бесполезным хламом или заложила бы в нем начала порока и неблагоразумия. Для этой цели лучше всего могут, по моему мнению, служить басни Эзопа, так как эти рассказы, пригодные для того, чтобы позабавить и заинтересовать ребенка, в то же время способны навести на полезные размышления даже взрослого человека; и если он запомнит их на всю жизнь, то не пожалеет, что они содержатся в его памяти рядом со зрелыми мыслями и серьезными вещами. Если его Эзоп снабжен картинками, он еще более его заинтересует и поощрит к чтению, расширив вместе с тем его знания; ибо когда детям о предметах зрительного восприятия только рассказывают, то это и бесполезно, и не удовлетворяет их, пока у них нет никакого представления об этих предметах; ибо эти представления создаются не звуками, а непосредственно самими предметами или их изображениями. Поэтому я считаю, что, как только ребенок начнет читать по складам, нужно давать ему возможно больше картинок, изображающих животных, с напечатанными на них названиями: это будет одновременно побуждать его к чтению и давать ему матери-

ал, возбуждающий любознательность и обогащающий знанием. Другой книгой, которая, по моему мнению, может быть использована для той же цели, является «Рейнеке Лис»⁴². А если лица, окружающие ребенка, будут часто беседовать с ним о прочитанных им рассказах и выслушивать его пересказы, то помимо других положительных результатов это еще больше поощрит и приохотит его к чтению, поскольку он убедится, что оно приносит известную пользу и развлечение. Такими приманками, видимо, совершенно пренебрегают при обычном методе, и обыкновенно проходит много времени, прежде чем учащиеся находят какую-нибудь пользу или удовольствие в чтении, которые могли бы поощрить их; поэтому они видят в книгах лишь модное развлечение или несносную доуку, ни к чему не нужную.

§ 157. Молитву господню, символ веры и десять заповедей ребенок должен твердо выучить наизусть, но, как мне думается, не путем самостоятельного чтения по молитвеннику, а со слов кого-либо другого, и даже до того, как он научился читать. Однако смешивать заучивание наизусть и обучение чтению, по моему мнению, не следует, чтобы одно не мешало другому. Обучение чтению нужно сделать, насколько возможно, мало похожим на трудное и обязательное занятие.

Не знаю, какие еще имеются книги на английском языке вроде вышеупомянутых, которые могли бы понравиться детям и поощрять их к чтению; но я склонен думать, что вследствие господства в деле воспитания детей школьных методов, ориентированных на то, чтобы принуждать их к учению страхом розги, а не привлекать к занятиям удовольствием, получаемым от него, такого рода полезные книги теряются среди массы всяких глупых книг и остаются в пренебрежении; насколько мне известно, из этой категории книг только и ценятся, что обычные *horn-book*⁴³, молитвенник, псалтырь, Новый завет и Библия.

§ 158. Что касается Библии, которой обычно заставляют детей заниматься ради упражнения и усовершенствования их способности к чтению, то я думаю, что сплошное чтение ее — без разбора, подряд, глава за главой — настолько лишено какой бы то ни было пользы для детей и в смысле усовершенствования их в чтении, и в смысле утверждения в основах религии, что хуже этого, пожалуй, и не придумать. Ибо какое удовольствие или поощрение может ребенок получать, упражняясь в чтении тех частей книги, в которых он ничего не понимает? И в какой мере

могут соответствовать умственному уровню ребенка законы Моисея, Песнь Соломона и пророчества Ветхого завета, Послания и Апокалипсис Нового завета? История евангелистов и Деяния, хотя и несколько легче, в целом, однако, также очень мало соответствуют детскому пониманию. Я согласен, что принципы религии нужно извлекать отсюда, и притом выраженные словами Писания; но ребенку нужно предлагать только то, что соответствует его способностям и понятиям. А это далеко не означает необходимости читать всю Библию подряд и притом ради самого чтения. К тому же какая должна получиться в голове ребенка несуразная путаница мыслей относительно религии — если вообще такие мысли у него могут возникнуть, — когда он читает в своем нежном возрасте всю Библию подряд, как слово божие, не делая никаких различий. Я склонен думать, что это именно и было настоящей причиной того, что некоторые люди всю жизнь не имели ясных и определенных идей о религии.

§ 159. Раз я уже коснулся этого предмета, то позвольте мне сказать, что некоторые места Писания могут оказаться подходящими для того, чтобы приохотить ребенка к чтению. Таковы история Иосифа и его братьев, Давида и Голиафа, Давида и Ионафана и т. п., а также другие места, которые следовало бы давать ему читать ради поучения, например: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними»⁴⁴, а также другие подобные доступные и ясные моральные правила, которые, если их надлежащим образом выбрать, могут быть использованы и для чтения, и для наставления. Пусть он перечитывает их часто, пока они не запечатлеются кренко в памяти; впоследствии же, когда он станет старше и созреет для их понимания, можно будет в подходящих случаях напоминать ему о них как о твердых священных правилах жизни и поведения. Чтение же всей Библии без разбора я считаю совершенно неподходящим занятием для детей, если это делается раньше, чем они ознакомились с наиболее ясными и основными частями ее и получили нечто вроде общего представления о том, чему они должны главным образом верить и следовать в жизни; причем это представление они должны, по моему мнению, воспринять в подлинных выражениях Писания, а не в тех выражениях, которые склонны применять и навязывать им люди, находящиеся во власти систем и аналогий. Чтобы избежать этого, доктор Уортингтон составил катехизис, в котором все ответы даны точными словами Писания⁴⁵. Это — пример, достойный

подражания, а форма изложения настолько удачна, что ни один христианин не может отвергнуть ее как непригодную для обучения его сына. После того как ребенок заучит наизусть молитву господню, исповедание веры и заповеди, ему полезно будет заучивать из такого катехизиса каждый день или каждую неделю по одному вопросу, насколько его разум способен воспринять их и память удержать. А после того как он основательно выучит на память этот катехизис настолько, чтобы сразу и гладко отвечать на любой вопрос из этой книги, может быть, уместно внедрить в его душу все остальные нравственные правила, рассеянные в разных местах Библии; это явится лучшим упражнением памяти и, кроме того, даст ему готовое руководство на всю жизнь.

§ 160. Когда ребенок уже умеет хорошо читать по-английски, пора приступить к обучению его письму. Для этого следует раньше всего научить его правильно держать перо; и только после того, как он полностью освоится с этим, можно позволить ему приложить перо к бумаге. Ибо не только детей, но и любого человека, желающего научиться делать что-либо хорошо, никогда не следует заставлять делать сразу слишком много или одновременно совершенствоваться в двух действиях, когда их можно разделить. Я считаю наилучшим итальянский способ держать перо только между большим и указательным пальцами; но относительно этого вы можете посоветоваться с каким-нибудь хорошим учителем чистописания или другим лицом, умеющим писать хорошо и быстро. Когда ребенок научится правильно держать перо, следует показать ему, как он должен класть перед собой бумагу и какое положение придать своей руке и телу. Когда он овладеет этими приемами, можно без больших затруднений научить его писать, доставши доску с вырезанными на ней буквами такой формы, какая вам больше всего нравится; но следует помнить, что буквы должны быть значительно крупнее тех, которыми он станет писать потом; ибо у каждого человека почерк естественно и постепенно становится мельче по сравнению с тем, с которого он начал, но никогда не становится крупнее. С такой выгравированной доски нужно сделать оттиски на нескольких листах хорошей бумаги красными чернилами, и обучающемуся остается только обводить буквы хорошим пером черными чернилами. Если предварительно показать ему, как надо начинать писать каждую букву и как обводить ее, его рука быстро освоится с формами этих букв. Когда он научится хорошо обводить

буквы, он должен перейти к упражнениям на чистой бумаге. Таким приемом вы легко сможете научить его писать любым почерком по вашему желанию.

§ 161. Когда ребенок научился писать хорошо и быстро, я считаю целесообразным не только продолжать его упражнения в письме, но и развивать эту практику письма дальше — в умении рисовать: это умение во многих случаях оказывается для джентльмена очень полезным, особенно если он путешествует; ибо оно часто помогает человеку несколькими удачно скомбинированными линиями выразить то, чего не передаст и не сделает понятным целый лист исписанной бумаги. Сколько зданий может увидеть человек, сколько машин и костюмов, образ которых можно воспроизвести и передать другим при небольшом умении рисовать! Между тем, передавая их словами, даже при самом точном описании, рискуешь вовсе утратить эти представления или, в лучшем случае, сохраняешь их в искаженном виде. Я не хочу сказать, что ваш сын должен быть настоящим живописцем; чтобы стать таковым хотя бы в сколько-нибудь приемлемой степени, от юного джентльмена потребовалось бы больше времени, чем он мог бы урвать от других, более важных занятий. Но ознакомиться с перспективой и искусством рисования настолько, чтобы сносно воспроизводить на бумаге любой предмет, который видишь, за исключением лиц, можно, мне думается, в короткое время, особенно если у него есть к этому способность. Но все, к чему у него нет способностей, за исключением вещей абсолютно необходимых, лучше спокойно оставить в стороне, чем бесцельно мучить его; в данном случае, как и во всех других случаях отсутствия безусловной необходимости, имеет силу правило: «*Nil invita Miperva*»⁴⁶.

1. Скоронись (искусство, как мне говорили, известное только в Англии)⁴⁷, пожалуй, заслуживает изучения ради двух целей: для более быстрого записывания того, что мы хотим сохранить в своей памяти, и для зашифровки того, что мы хотели бы скрыть от чужого глаза. Кто усвоил уже какой-либо способ письма, легко может его изменять для своего личного применения или по своей фантазии и вносить в него сокращения, соответствующие той практической области, в которой он будет ими пользоваться. Система мистера Рича⁴⁸ — наиболее удачно придуманная из всех, с которыми я знаком, — может, думается мне, быть значительно сокращена и упрощена всяким, кто хорошо знает и принимает в соображение грамматику. Но для

изучения этого способа сокращенного письма незачем торопиться с поисками учителя; мальчик не опоздает, если займется этим в любой момент, когда представится благоприятный случай, но при том только условии, если рука его уже хорошо тренирована в четком и быстром письме. Ибо мальчикам редко приходится прибегать к скорописи, и они ни в коем случае не должны заниматься ею раньше, чем научатся писать хорошо и приобретут основательный навык.

§ 162. Как только мальчик научился говорить по-английски, пора ему начать учиться какому-либо другому языку; ни у кого не возникает сомнений, когда в качестве такого языка предлагается французский. Причина лежит в том, что все свыклись с правильным методом обучения этому языку: он заключается в усвоении детьми языка из постоянных разговоров, а не с помощью грамматических правил. Этим же методом было бы легко обучать и латинскому языку, если бы воспитатель, всегда находясь с учеником, обращался к нему только на этом языке и заставлял его всегда отвечать на нем же. Но так как французский язык — живой язык и больше употребляется в разговоре, то ему нужно учиться раньше, для того чтобы еще гибкие органы речи могли привыкнуть к правильному образованию его звуков и мальчик усвоил хорошее французское произношение; чем дальше откладывать обучение, тем оно становится труднее.

§ 163. Когда мальчик уже хорошо говорит и читает по-французски (что при указанном методе обучения достигается обычно в один или два года), он может перейти к латинскому языку; странно только то, что родители, имея перед собой опыт с французским языком, не считают нужным обучать детей латыни тем же методом разговора и чтения. Нужно только позаботиться о том, чтобы мальчик за то время, что он обучается этим иностранным языкам, читая и разговаривая с воспитателем только на этих языках, не забыл читать по-английски. Это может предотвратить его мать или кто-либо еще, заставляя его ежедневно читать вслух избранные места из Библии или другую английскую книгу.

§ 164. Латынь я считаю для джентльмена абсолютно необходимой: действительно, благодаря обычаю, который преобладает над всем, латынь сделалась настолько важной частью воспитания, что ее вколачивают в детей при помощи порки и заставляют их тратить на нее много мучительных часов своего драгоценного времени, даже тех детей,

которым по выходе из школы никогда в жизни не придется больше иметь с ней дело. Может ли быть что-нибудь смешнее того, что отец тратит свои деньги и время сына, заставляя его изучать язык римлян, в то же время предназначая его для профессии, в которой тот не найдет для своей латыни никакого применения? Ведь он забудет в этих условиях и то небольшое, что вынес из школы и к чему он — можно в том поручиться десятью против одного — питает отвращение из-за тех мучений, которые оно ему доставило. И если бы не имелось среди нас на каждом шагу подобного рода примеры, то разве можно было бы поверить, что ребенка заставляют учиться начаткам языка, которым он никогда не будет пользоваться на предназначенном для него жизненном поприще, и в то же время пренебрегают чистописанием и счетоводством, которые приносят большую пользу во всяких условиях жизни, а для большинства профессий абсолютно необходимы. Но хотя знания, требующиеся для промышленности и торговли и вообще для деловых занятий в этом мире, в грамматических школах приобретаются редко или вообще не приобретаются, тем не менее не только джентльмены посылают в эти школы своих младших сыновей, предназначенных для торгово-промышленной деятельности, но туда отдают своих детей также торговцы и фермеры, хотя они не имеют ни намерения, ни возможности сделать из них ученых. Если вы спросите их, почему они это делают, они сочтут такой вопрос столь же странным, как если бы вы спросили их, почему они ходят в церковь. Здесь обычай заменяет разум, и этот метод настолько освящен в глазах тех, кто принимает обычай за разум, что они почти религиозно его соблюдают и крепко держатся за него, как будто их дети получают неправовверное воспитание, не заучив грамматики Лилли⁴⁹.

§ 165. Но при всей необходимости латыни для одних и убеждении в ее необходимости для других, которым она совершенно не нужна, я, во всяком случае, не могу, после некоторых размышлений, одобрить метод преподавания ее в грамматических школах. Доводы против этого метода настолько очевидны и убедительны, что побудили несколько благоразумных лиц отказаться от обычного пути и не без успеха применить другой метод — хотя и не совсем совпадающий с самым, как я считаю, легким, — который, коротко говоря, заключается в следующем: вовсе не мучить ребенка грамматикой, а учить его латыни, как учили его английскому языку, т. е. с помощью разговора

и не докучая никакими правилами. Ведь если поразмыслить, то новорожденному ребенку английский язык так же незнаком, как латинский; между тем английскому он научается без учителя и без правил грамматики; если бы при нем находился человек, с которым он мог бы постоянно разговаривать на латинском языке, он мог бы тем же способом научиться и этому языку, как научился ему Туллий⁵⁰. Если мы видим, как француженка научает английскую девочку говорить и читать по-французски в один-два года, не прибегая ни к каким грамматическим правилам и ни к каким-либо другим приемам, а лишь болтая с ней, то я могу лишь удивляться, что джентльмены упускают этот метод при обучении сыновей, как будто считают их более тупыми и менее способными, чем своих дочерей.

§ 166. Итак, если бы вы могли найти человека, который, умея сам говорить по-латыни, постоянно находился бы при вашем сыне, всегда говорил бы с ним и разрешал бы ему говорить и читать только на этом языке, то это было бы верным и настоящим способом, который бы я рекомендовал как самый легкий и наилучший, ибо этим путем ребенок без труда и не подвергаясь брани усвоит язык, из-за которого других детей семь-восемь лет подряд секут в школах; но помимо того, этот метод позволяет одновременно формировать ум и манеры ребенка и вдобавок сообщать ему сведения из различных областей знания, например значительную часть географии, астрономии, хронологии, анатомии, а также некоторые части истории и сведения из всех остальных отраслей знания о вещах, доступных внешним чувствам и требующих лишь немного большего, чем память. Ибо если идти правильным путем, то здесь именно и начинается наше знание, и фундамент нашего знания складывается из этих вещей, а не из отвлеченных понятий логики и метафизики, которые более способны доставлять забаву, чем обогащать наш разум сведениями с того момента, когда он впервые начинает их искать. Занявшись некоторое время этими абстрактными спекуляциями и не добившись ни успеха, ни пользы, которых они ожидали, молодые люди готовы прийти к низкому мнению о науке или о себе самих; у них появляется желание прекратить занятия и забросить свои книги, в которых нет ничего, кроме трудных терминов и пустых звуков, или утвердиться во мнении, что если в этих книгах и содержится реальное знание, то им не хватает интеллектуальных способностей для его усвоения. Что это так, я, пожалуй, мог бы убедить вас, ссылаясь на свой личный опыт.

В число предметов, которым молодой джентльмен должен учиться при пользовании указанным методом, пока другие его сверстники целиком заняты латынью и другими языками, я бы включил также геометрию: я знаю одного молодого джентльмена, воспитанного приблизительно таким образом, который умел доказывать некоторые теоремы Евклида, не достигши еще тринадцати лет.

§ 167. Но если вы не можете найти такого человека, который хорошо говорит по-латыни и, будучи вместе с тем способен просветить вашего сына в упомянутых областях знания, взялся бы выполнять эти задачи указанным методом, то наилучшей заменой последнего был бы следующий способ обучения, наиболее к нему близкий: выберите какую-нибудь легкую и занимательную книгу вроде басен Эзопа, выпишите английский перевод (возможно более буквальный) в одной строке, а все латинские слова, соответствующие английским, — в точно соответствующем месте в верхней строке. Пусть учащийся каждый день многократно перечитывает их до тех пор, пока основательно не освоится с латинским текстом басни; потом пусть займется другой басней, также до полного ее усвоения, не оставляя, однако, ранее заученного, а время от времени просматривая его, чтобы закрепить в своей памяти. Когда же он перейдет к письму, пусть переписывает их, что кроме упражнения в письме также подвинет его в изучении латыни. Это менее совершенный метод, чем разговорный способ обучения латинскому языку, и для усвоения духа и характера этого языка, который изменяет значение глаголов и существительных не посредством префиксов, подобно современным языкам, а путем изменения последних слогов, необходимо будет основательно заучивать глагольные формы, а затем склонение существительных и местоимений. Большие познания в грамматике, я думаю, ребенку не нужны, до тех пор пока он не научится читать самостоятельно «*Sanctii Minerva*» с примечаниями Цицерона и Перизония⁵¹

Кроме того, я считаю необходимым при обучении детей соблюдать еще следующее правило: когда они становятся перед чем-либо в тулик, в большинстве случаев не следует усиливать их затруднения, заставляя их самих выпутываться из положения, например, предлагая вопросы вроде: как будет в именительном падеже слово в предложении, которое они должны составить? Или задавать вопрос: «Что значит *aufere*?» — с целью навести на значение слова «*abstulere*»⁵² и тому подобное, когда они не могут правильно

ответить на этот вопрос. Это значит только тратить время, сбивая их с толку, тогда как нужно, пока они учатся и занимаются прилежно, поддерживать в них хорошее настроение и делать каждую вещь насколько возможно легкой и приятной для них. Поэтому всякий раз, когда они останавливаются в затруднении и хотят из него выйти, помогите им сейчас же преодолеть это затруднение, не делая ни выговора, ни упрека. Помните, что более грубые приемы имеют своим единственным источником тщеславие и сварливость учителя, ожидающего, что дети сразу усвоят все, что он сам знает, тогда как ему скорее следовало бы думать о том, что его дело — насаждать в них привычки, а не вдавливать сердито правила, которые приносят нам в жизни мало пользы и, во всяком случае, никакой пользы не приносят детям, забывающим их сейчас же после того, как вы им их дали. Я не стану отрицать, что в науках, значение которых заключается в упражнении разума, этот метод может иногда меняться и что там можно умышленно создавать трудности с целью возбудить рвение и приучить ум пользоваться своей силой и сообразительностью в рассуждении; но я думаю, что пока дети очень малы, а также при самом начале изучения какого-либо предмета этого не следует делать. В такой момент всякая вещь сама по себе трудна для них, и большее умение и искусство учителя заключаются в том, чтобы все сделать для них возможно более легким; и особенно бывает неуместно ставить детей перед затруднениями при обучении их языкам. Языки усваиваются зубрежкой, практикой и памятью, и на них говорят совершенно безукоризненно лишь тогда, когда не думают ни о каких грамматических правилах. Я согласен, что бывают случаи, когда приходится тщательно изучать грамматику языка, но такое изучение бывает нужно только взрослому человеку, когда он желает изучить какой-либо язык критически; а этим редко кто занимается, кроме профессиональных ученых. Я думаю, со мною согласится, что если джентльмену и следует изучить какой-либо язык, то это язык его родины, ибо он должен как можно лучше знать тот язык, которым постоянно пользуется.

Есть еще одно соображение, в силу которого учителя и преподаватели не должны создавать никаких трудностей для своих учеников, а, наоборот, должны облегчать им путь и с готовностью помогать двинуться с места, когда те останавливаются в затруднении. Детский ум узок и слаб и способен схватывать сразу лишь одну мысль. Если что-нибудь упадет в голову ребенка, оно целиком ее заполняет

на некоторое время, особенно если он движим какой-либо страстью. Поэтому, когда дети чему-либо учатся, умение и искусство учителя должны быть направлены к тому, чтобы очистить их головы от всяких других мыслей, чтобы освободить место для того, что он хочет вложить в них и что они должны усваивать со вниманием и усердием; иначе учение не дает никакого результата. Натура детей располагает их мысль к рассеиванию. Только новое захватывает их; что бы это новое ни представляло, дети сейчас же этим увлекаются и быстро же удовлетворяются. Одна и та же вещь им быстро надоедает, и почти все их удовольствие заключается в перемене и разнообразии. Фиксировать их летающие мысли — это значит вступить в противоречие с естественным состоянием детства. Зависит ли это от особенностей их интеллекта или от подвижности и неустойчивости их животных духов, над которыми их душа еще не имеет полной власти, однако ясно: сосредоточивать упорно свои мысли на одном каком-либо предмете для детей мучительно. Продолжительное и непрерывное внимание — одна из самых трудных задач, какую только можно на них возложить; поэтому, если кто-либо требует от них прилежания, он должен постараться сделать свое задание насколько возможно привлекательным и приятным для них и по меньшей мере не допускать, чтобы с этим связывалась какая-либо неприятная или устрашающая идея. Если они не принимают за свои книги с любовью и охотой, то нет ничего удивительного в том, что их мысли постоянно уносятся от того, что внушает им отвращение, и ищут лучшего развлечения в более приятных предметах, за которыми они и будут неизбежно гоняться.

Я знаю, что обычно способ воспитателей добиваться внимания со стороны своих учеников и сосредоточивать их мысли на том, чем они в данный момент занимаются, сводится к выговорам и наказаниям за малейшую рассеянность. Но такое обращение обязательно производит обратное действие. Слова, выражающие раздражение, или побои со стороны воспитателя наполняют душу ребенка ужасом и страхом, которые немедленно завладевают им всецело и не оставляют места для других впечатлений. Думаю, что каждый читающий эти строки вспомнит при этом, какой беспорядок вызывали в его мыслях нетерпеливые и властные слова его родителей и учителей; как они на некоторое время сбивали его с толку настолько, что он едва соображал, что он говорит и что ему говорят. Он сейчас же терял из виду предмет, которым был занят; душа наполнялась

беспорядком и смятением, и он утрачивал в этом состоянии способность сосредоточить внимание на чем бы то ни было. Конечно, родители и воспитатели должны устанавливать и укреплять свой авторитет над теми, кто находится под их опекой, внушать им для достижения этой цели почтительный страх и при помощи своего авторитета управлять ими. Но, получив такое господство над ними, они должны пользоваться им с большой умеренностью и не делать из себя пугало, в присутствии которого ученики вечно должны дрожать. Такая строгость может облегчить им управление, но ученикам она принесет очень мало пользы. Дети ничему не могут научиться, пока их мысли охвачены и расстроены каким-либо аффектом, в особенности когда это аффект страха, который производит сильнейшее впечатление на их еще нежный и слабый дух. Держите их душу в непринужденном и спокойном состоянии, если вы хотите, чтобы она воспринимала ваши наставления или обогащалась знанием. В трепещущей душе так же невозможно вычертить чуткие и правильные буквы, как и на трясущейся бумаге.

Великое искусство учителя заключается в том, чтобы вызвать и удержать внимание своего ученика; если это ему удалось, он может уверенно подвигаться вперед настолько быстро, насколько позволяют способности учащегося; но при отсутствии этого условия все его шумные старания не приведут к цели. Чтобы добиться этого, он должен заставить ребенка понять (насколько это возможно) пользу того, чему он его учит, и показать ему, что то, чему он научился, помогает ему делать то, чего раньше он не умел делать, а именно то, что дает ему некоторую власть и реальное преимущество перед другими, кто этих сведений не приобрел. С этим учитель должен сочетать еще мягкость во всех своих наставлениях, а также нежность в обращении, дабы дать ребенку почувствовать, что его любят и желают ему только добра, — это единственный способ приобрести любовь ребенка, которая заставит последнего внимательно слушать уроки учителя и находить удовольствие в том, чему тот его учит.

Только на упорство ребенка следует реагировать повелительным тоном и резким обращением. Все другие недостатки должны исправляться при помощи мягких мер: мягкие слова увещания оказывают лучшее и более действенное влияние на податливую душу и в значительной мере предупреждают ту непокорность, которую резкое и властное обращение часто порождает даже в хорошо на-

строенных и благородных душах. Правда, упорство и умышленная небрежность должны подавляться, хотя бы ценою побоев; однако я склонен думать, что непокорность учеников часто создается капризным характером учителя и что большинство детей редко заслуживало бы побоев, если бы ненужная и неудачно проявляемая резкость не портила их нрава и не внушала им отвращения к учителю и ко всему, что от него исходит.

Невнимательность, забывчивость, непостоянство и рассеянность мысли представляют собою естественные недостатки детства; поэтому если мы не видим, чтобы это было умышленным, то должны только мягко указывать детям на эти недостатки, а устранение их предоставить времени. Если каждый промах подобного рода будет вызывать гнев и взыскание, то поводы для выговоров и взысканий будут представляться столь часто, что воспитатель сделается для своих воспитанников источником постоянного страха и беспокойства. А этого достаточно, чтобы помешать им извлечь пользу из его уроков и сделать безуспешными все его приемы преподавания.

Пусть почтительный страх, внушенный воспитателем детям, настолько умеряется постоянными выражениями нежности и расположения к ним, чтобы привязанность к нему поощряла их к выполнению долга и чтобы они находили удовольствие в исполнении его требований. Это создаст хорошее отношение между детьми и воспитателем, заставит их слушаться его, как своего друга, который их любит и трудится для их блага; благодаря этому их мысли будут свободны и непринужденны в его присутствии; только при таком душевном состоянии ум и способен усваивать новые сведения и воспринимать новые впечатления; если же дети не будут получать их и удерживать, то все, что они вместе со своим воспитателем делают, должно пропасть даром: будет много неприятностей и мало учения.

§ 168. Когда указанным выше способом подстрочного чередования латинского и английского текстов мальчик приобрел известные познания в латинском языке, он может пойти немного дальше и перейти к чтению какой-либо другой легкой латинской книги, вроде, например, Юстина или Евтропия⁵³, а для того чтобы сделать чтение и усвоение книги менее скучным и трудным для него, разрешите ему пользоваться, если он захочет, английским переводом. Возражение, что при таких условиях он будет только механически владеть языком, не должно никого пугать. Этот

довод, если хорошо в нем разобраться, говорит не против, а в пользу такого способа изучения языка. Ибо языки должны изучаться только механически; и кто не говорит по-английски или по-латыни вполне механически, так, чтобы, лишь только у него появилась мысль, которую он желает высказать, его язык естественно, без всякой мысли о правилах или грамматике, подыскивал бы подходящее выражение или специфический для данного языка оборот, тот не умеет говорить на этом языке и не владеет им. И я очень хотел бы, чтобы кто-нибудь назвал мне такой язык, который можно было бы изучить или на котором можно было бы говорить как следует при помощи грамматических правил. Языки создавались не правилами, не искусственно, а случайно и как продукт общей практики народа. И тот, кто говорит хорошо на каком-либо языке, руководствуется лишь одним правилом: не доверяться ничему, кроме своей памяти и привычки говорить по манере, усвоенной от людей, умеющих говорить правильно; а это — другими словами — и значит говорить механически.

Мне могут здесь задать вопрос: так что же, грамматика в таком случае совершенно не нужна? Значит, те, кто затратил так много труда на сведение различных языков к правилам и определениям, те, кто писали так много о склонениях и спряжениях, о согласовании и синтаксисе, работали напрасно и учились бесцельно? Я этого не говорю, грамматика имеет свое значение. Но я позволю себе сказать, что вокруг нее поднимают гораздо больше шума, чем следует, ради нее мучают тех, кому она вовсе не нужна. Я имею в виду детей в том возрасте, когда их обычно донимают ею, и именно в грамматических школах.

Нет ничего очевиднее той истины, что языки, усвоенные механически, служат с достаточным успехом для обычных житейских дел и отношений. Мало того, пример тех знатных представительниц слабого пола, которые проводят время в благовоспитанном обществе, показывает нам, что этот простой и естественный метод, не предполагающий даже малейшего изучения или знания грамматики, способен сообщить их языку высокую степень изящества и утонченности: встречаются дамы, которые, не зная, что такое глаголы и причастия, наречия и предлоги, говорят так же чисто и правильно (если бы я сказал — как сельский учитель, они, пожалуй, приняли бы это за плохой комплимент), как большинство джентльменов, учившихся по обычному методу грамматических школ. Как видим, во многих случаях можно обойтись без грамматики. Возни-

кает в таком случае вопрос: кого же следует учить ей и когда? На это я отвечаю следующим образом:

1. Люди обыкновенно учатся языкам ради обычных общественных сношений и обмена мыслями в повседневной жизни, без каких-либо других планов их применения. А для этой цели первоначальный способ обучения языку посредством разговора не только дает успешные результаты, но и должен пользоваться предпочтением как наиболее легкий, целесообразный и естественный. Поэтому можно сказать, что для такого применения языка грамматика не необходима. С этим должны согласиться все те из моих читателей, которые понимают то, что я говорю, понимают других при разговоре, хотя никогда не учились грамматике английского языка. Я полагаю, что то же самое можно сказать о подавляющем большинстве англичан, среди которых я еще не встретил ни одного, кто научился бы родному языку при помощи правил.

2. Есть другие люди, которым приходится в большей части своей деятельности на этом свете пользоваться языком или пером; им если не необходимо, то по меньшей мере полезно говорить чисто и правильно, чтобы тем легче внушать свои мысли другим людям и производить на них большее впечатление. С этой точки зрения не всякий способ речи считается достаточным для джентльмена, как бы она ни была понятна в устах говорящего. Он должен в числе других вспомогательных средств правильной речи изучить также грамматику, но это должна быть грамматика собственного языка — языка, которым он пользуется, — чтобы он мог точно понимать язык своей страны и безупречно на нем говорить, не оскорбляя слуха тех, к кому он обращается, солецизмами и раздражающими неправильностями. Для этой цели необходима грамматика, но грамматика только своего языка, и притом только для тех, кто желает потрудиться над обработкой своего языка и над усовершенствованием своего стиля. Но следует ли это делать всем джентльменам — этот вопрос я оставляю открытым, имея в виду, что недостаточная правильность и отсутствие грамматической точности в языке считаются неприличными для людей этого ранга и тех, кто страдает таким недостатком, обыкновенно обвиняют в том, что они получили плохое воспитание и вращались в худшем обществе, чем подобало бы при их знатности. Если это так (а я думаю, что это так), приходится удивляться тому, что молодых джентльменов заставляют изучать грамматику иностранных и мертвых языков, но им никогда не говорят

о грамматике родного языка: они мало знают о ее существовании и еще меньше о том, что им нужно изучать ее. Несмотря на то что они ежедневно пользуются своим родным языком и в дальнейшей жизни о них нередко судят по их изящной или неуклюжей манере выражаться на нем, им никогда не рекомендуют его в качестве предмета, заслуживающего внимания, и не советуют в нем совершенствоваться; между тем на языках, грамматикой которых они так много занимались, они навряд ли будут когда-либо говорить или писать, а если бы даже это когда-нибудь случилось, то им простили бы допущенные ошибки и промахи. Если бы какой-нибудь китаец познакомился с этим методом воспитания, он бы, пожалуй, подумал, что все наши молодые джентльмены готовятся быть учителями и профессорами мертвых языков в чужих странах, а не деловыми людьми на своей родине.

3. Есть третья категория людей, которые занимаются двумя или тремя мертвыми иностранными языками, или, как они у нас называются, учеными языками: они посвящают себя изучению этих языков и гордятся знанием их. Нет сомнения, что те, которые принимают изучать какой-либо язык с этой целью и желают обладать точным, научным знанием его, должны основательно изучать его грамматику. Я бы не хотел быть ошибочно понятым в том смысле, будто я недооцениваю греческий и латинский языки. Я согласен, что эти языки высокополезны и превосходны и что человек, не знакомый с ними, не может занять место среди ученых в нашей части света. Но я думаю, что те познания, которые джентльмен обыкновенно желает извлечь для своего употребления из сочинений римских и греческих писателей, он может получать, не изучая грамматики этих языков, и что путем одного чтения он может научиться понимать их в той степени, какая достаточна для его целей. В какой мере может оказаться для него необходимым в будущем ознакомиться с грамматикой и научными деталями какого-либо из этих языков — это он в состоянии будет сам решить, когда займется изучением какого-либо предмета, который потребует этого. Это приводит меня к другой части вопроса, а именно: когда нужно изучать грамматику?

Ответ на этот вопрос на основании вышесказанного должен, очевидно, быть следующий.

Если кому-либо и следует изучать грамматику, то лишь тому, кто уже умеет говорить на данном языке; иначе как он ее изучит? По крайней мере это с очевидностью выте-

кает из практики мудрых и ученых наций древности. Они делали частью воспитания изучение своего родного языка, а не иностранных. Греки считали все остальные народы варварами и к их языкам относились с презрением. И хотя к концу республики греческая образованность приобрела среди римлян большое уважение, однако предметом изучения для их молодежи был язык Рима: родным языком им приходилось пользоваться, и поэтому родному языку обучались и в нем упражнялись.

Но если нужно точнее определить время, подходящее для грамматики, я не вижу, какой смысл изучать ее иначе как в качестве вступления в риторику. Когда находят, что мальчику пора заняться шлифовкой языка и научиться говорить лучше, чем необразованные люди, тогда и время учить его грамматическим правилам, но не раньше. Ибо грамматика не учит людей говорить, она учит говорить правильно, согласно точным правилам языка, что является одним из элементов утонченности; и тому, кто не нуждается в последней, мало нужна и первая; где нет надобности в риторике, там можно обойтись и без грамматики. Я не знаю, зачем должен тратить время и ломать голову над латинской грамматикой человек, который не собирается стать критиком или говорить речи и писать письма на этом языке. Если кто-либо находит для себя необходимым или расположен основательно изучить какой-либо иностранный язык и желает знать его до тонкостей, у него найдется время заняться и изучением его грамматики. Если же он пользуется этим языком только для понимания некоторых книг, написанных на нем, не ставя своей целью теоретического знания самого языка, то, как я уже сказал, он добьется этого путем простого чтения, не загружая свой ум многочисленными правилами и сложными тонкостями грамматики.

§ 169. Для упражнения в письме заставляйте его иногда переводить с латинского языка на английский; но так как изучение латыни есть не что иное, чем заучивание слов, что является очень неприятным занятием как для молодого, так и для старого человека, то присоединяйте к этому возможно больше других позитивных знаний, начиная с того, что наиболее доступно нашим чувствам, например со знакомства с минералами, растениями и животными, в особенности с лесными, а в саду — с садовыми деревьями, с их строением и способами их разведения; таким способом вы можете научить ребенка многому такому, что будет для него бесполезно, когда он станет взрослым. Но

главным образом имейте в виду географию, астрономию и анатомию. Однако чему бы вы ни учили его, всегда старайтесь не загружать его чересчур многим одновременно; и не делайте ничего для него обязательным, если это не имеет непосредственного отношения к добродетели, и не применяйте при этом никаких взысканий, если только не видите порока или явной склонности к нему.

§ 170. Если же мальчику в конце концов суждено пойти в школу и там изучать латинский язык, то говорить с вами о методе, который я считал бы наилучшим для школы, бесполезно: вы должны будете подчиниться тому методу, который там принят, и не можете рассчитывать, что его изменят ради вашего сына; во всяком случае вам следует всеми средствами, какими вы располагаете, добиваться того, чтобы его не заставляли писать латинские сочинения и декламации, в особенности всякого рода стихи. Вы можете настаивать — если ваши доводы подействуют — на том, что вы не намерены сделать из своего сына латинского оратора или поэта, а желали бы только, чтобы он вполне свободно читал латинских авторов; что, по вашим наблюдениям, учителя, с успехом преподающие любой из современных языков, никогда не занимают своих учеников сочинением речей или стихов на французском или итальянском языках, так как их обязанность заключается только в обучении языку, а не сочинительству.

§ 171. Но следует объяснить вам немного подробнее, почему я не желал бы, чтобы мальчика заставляли упражняться в писании сочинений и стихов. 1. Что касается сочинений, то они как будто бы рассчитаны на то, чтобы научить людей чему-то полезному, а именно красиво и хорошо говорить о любом предмете. Я признаю, что это было бы большим преимуществом (если бы только можно было этого достигнуть таким путем), так как ничто в большей мере не подходит для джентльмена и ничто не приносит ему больше пользы во всех случаях жизни, чем умение по любому поводу говорить хорошо и кстати. Но я утверждаю, что писание сочинений, как это обычно делается в школах, ни в малейшей степени не способствует этому, ибо подумайте только: чем, собственно, юноша занимается при составлении сочинения? Он сочиняет речь на какую-либо латинскую поговорку, вроде «*Omnia vincit amor*» или «*Non licet in bello bis pectore*»⁵⁴ и т. д. И вот, несчастный юноша, ничего не знающий о тех вещах, о которых ему нужно сказать и знание которых дается только временем и наблюдениями, вынужден подвергать пытке свою изоб-

ретательность, чтобы что-нибудь сказать о том, чего он не знает; это своего рода египетская тирания, заставлявшая делать кирпичи людей, не имевших для этого никаких материалов⁵⁵. Бедные дети обыкновенно в таких случаях обращаются к ученикам старших классов с просьбой одолжить им немного «смысла», и трудно сказать, чего здесь больше — разумного или смешного. Для того чтобы человек был способен говорить о каком-либо предмете, необходимо, чтобы он предварительно ознакомился с ним; при отсутствии этого условия требовать от него рассуждения об этом предмете столь же глупо, как требовать от слепого, чтобы он говорил о цветах, или от глухого, чтобы он говорил о музыке. Разве вы не сочтете немного тронувшимся того, кто потребовал бы от человека, совершенно незнакомого с нашими законами, высказаться по какому-нибудь спорному юридическому вопросу? А что, скажите пожалуйста, школьники понимают в тех предметах, которые обычно предлагаются им в качестве тем для разработки в сочинениях с целью возбуждать и упражнять их фантазию?

§ 172. Затем, подумайте еще о том, на каком языке они должны писать свои сочинения. На латинском, на языке, чуждом их родине и повсюду ставшем мертвым языком. Это — язык, на котором ваш сын, сделавшись взрослым (можно поставить тысячу против одного), не будет иметь ни одного случая за всю свою жизнь произнести речь, язык, настолько отличный по способу выражения от нашего, что человек, владеющий им в совершенстве, лишь в ничтожной мере улучшит этим чистоту и легкость своего английского стиля. Кроме того, в настоящее время так мало отводится места и так мало принято в какой бы то ни было сфере английской практической жизни произносить речь на нашем родном языке, что я не вижу никакого оправдания для подобных упражнений в наших школах, разве только если предположить, что, заставляя людей сочинять латинские речи, рассчитывают таким путем научить их делать хорошие экспромты на английском языке. Я думаю, что достигнуть этого можно скорее следующим способом: предлагать молодым джентльменам разумные и полезные вопросы, соответствующие их возрасту и способностям, о предметах, которые им не совсем знакомы и не выходят за пределы их кругозора, — такие вопросы, на которые они, созревши для упражнений подобного рода, в состоянии были бы отвечать немедленно или после некоторого размышления тут же, на месте, не прибегая к перу.

Ибо раз мы уже хотим проверить эффективность этого метода обучения хорошей речи, то я спрошу вас: кто будет лучше говорить по любому вопросу, когда к этому представится повод при каких-либо дебатах, — те ли, которые привыкли предварительно сочинять и записывать то, что им предстоит сказать, или же те, которые имеют обыкновение думать прежде всего о деле и, стремясь возможно лучше в нем разобраться, высказываются сейчас же? Тот, кто примет это во внимание, мало будет склонен думать, что приучать молодого джентльмена к выступлениям с заученными речами и к писанию сочинений — значит надлежащим образом готовить его к практической жизни.

§ 173. Но, быть может, нам скажут, что это делается с целью усовершенствовать их в латинском языке. Конечно, в этом, собственно, заключается их задача в школе; но писание сочинений вовсе не путь к этой цели, так как это заставляет их ум напрягаться в поисках того, что бы сказать, а не уяснять смысл слов, которые требуется заучить; когда они пишут сочинение, они ищут мысли и потеют над ними, а не над языком. Но изучение и усвоение языка — дело само по себе нелегкое и достаточно неприятное; поэтому не следует его осложнять еще другими трудностями, как это имеет место при данном способе. Наконец, если нужно подобными упражнениями развить в мальчиках способность к выдумке, то пусть они пишут сочинения на английском языке, так как в этом случае они легко распоряжаются словами и их собственные мысли им гораздо яснее, когда они излагают их на родном языке. Если же нужно изучить латинский язык, то следует делать это легчайшим способом, не утомляя ума и не вызывая отвращения присоединением такого неприятного занятия, как сочинение речей.

§ 174. Если столько соображений может быть высказано против писания детьми в школе латинских сочинений, то еще больше возражений, и притом более веских, я могу выдвинуть против писания ими стихов, стихов всякого рода; ибо если ребенок не обладает поэтическим талантом, то самая неразумная вещь на свете — мучить его и заставлять тратить время на то, в чем он никогда не может иметь успеха; если же у него есть поэтическая жилка, то мне представляется самой странной вещью на свете, когда отец склонен сам поощрять и развивать ее в нем или разрешает это делать другим. По-моему, родители должны стараться заглушить эту склонность, подавить ее, насколько возможно; я не знаю, из какого соображения отец может же-

лать, чтобы сын его стал поэтом, если он не хочет, чтобы тот пренебрег всеми остальными профессиями и делами. Да это еще не самое худшее; если он окажется удачным стихотворцем и приобретет репутацию умника, то, подумайте только, в какой компании и в каких местах он будет, по всей вероятности, растрчивать свое время и — даже более того — свое состояние; ибо разве мы видели, чтобы кто-либо открыл золотые или серебряные рудники на Парнасе⁵⁶? Там приятный воздух, но бесплодная почва, и мы имеем очень мало примеров тому, чтобы кто-нибудь увеличил свое наследственное состояние за счет собранных там плодов. Поэзия и игра, которые обычно идут рука об руку, сходны еще в том отношении, что они редко кому приносят какие-либо выгоды, кроме тех, кому нечем другим кормиться. Состоятельные люди почти всегда оказываются в проигрыше; и хорошо, если они отделяются более дешевой ценой, чем потеря всего или значительной части своего состояния. Если поэтому вы не хотите, чтобы ваш сын молот вздор перед всякой веселой компанией, без которой подобные франты не находят полного вкуса в своем вине и не знают, как убивать свое вечернее время; если вы не хотите, чтобы он растрчивал свое время и состояние на то, чтобы развлекать других, и презирал те грязные акры, которые оставлены ему предками, то я думаю, что вы не будете сильно заботиться о том, чтобы он сделался поэтом или чтобы школьный учитель посвятил его в искусство стихотворца. Но если кто-нибудь желает, чтобы его сын обладал качествами поэта, и думает, что изучение поэзии разовьет в нем фантазию и способности, то он должен согласиться, что для этой цели чтение превосходных греческих и римских поэтов гораздо полезнее, чем сочинительство плохих собственных стихов на чужом языке. А тот, кто желает отличиться в английской поэзии, навряд ли, я думаю, усмотрит путь к этому в том, чтобы первые свои опыты делать в форме латинских стихов.

§ 175. Есть еще одна вещь, очень часто применяемая по обычной методике грамматических школ, которая кажется мне совершенно бесполезной и могущей только вызывать трудности у юношей при изучении языков, в то время как это изучение необходимо всячески облегчать и превращать в приятное занятие, устраняя по возможности все, что есть в нем тягостного. Я имею в виду и осуждаю здесь принуждение детей к заучиванию наизусть больших отрывков читаемых авторов; в этом я вообще не вижу никакой пользы, и особенно для того дела, которым они занимаются. Языки

нужно изучать только путем чтения и письма, а не заучиванием наизусть отрывков из сочинений писателей; человек, начинивший этим свою голову, вооружается всем, что нужно, чтобы стать педантом: это верный путь к педантизму, который менее всего приличествует джентльмену. В самом деле, что может быть смешнее человека, перемешивающего богатые и прекрасные мысли других с порядочной порцией своего собственного убогого материала, который от этого становится еще заметнее, но отнюдь не привлекательнее и столь же плохо рекомендует его обладателя, как изношенное и порывшееся пальто с насаженными ярко-красными заплатами и блестящими позументами? Конечно, если встречается отрывок, по содержанию достойный запоминания, а по форме весьма сжатый и удачный (какие часто встречаются у древних писателей), то не следует упускать случая закрепить его в уме юных учеников. Превосходными импровизациями великих мастеров следует иногда пользоваться для упражнения памяти школьников. Но заставлять их заучивать наизусть уроки в том порядке, в каком они следуют в их учебниках, без выбора и разбора — это, по-моему, значит только непроизводительно растрачивать их время и труд и возбуждать в них нелюбовь и отвращение к книгам, в которых они не находят ничего, кроме бесполезной докуки.

§ 176. Говорят, что детей нужно заставлять заучивать наизусть с целью упражнения и усовершенствования памяти. К сожалению, это суждение отличается не столько разумной убедительностью, сколько скороспелой уверенностью, и соответствующая практика не столько подсказана серьезными наблюдениями, сколько основана на старинном обычае. Ибо очевидно, что сила памяти обуславливается счастливой конституцией, а не систематическим улучшением, осуществляемым путем упражнения. Это верно, что душа способна удерживать то, что она, под влиянием интереса и из опасения утратить, повторно запечатлевает в себе путем частой рефлексии, но опять-таки соответственно той силе удержания, которая присуща ей от природы. Отпечаток, сделанный на воске или свинце, не держится так долго, как на меди или стали. Правда, если часто возобновлять его, он может сохраняться дольше; но каждое новое размышление о предмете есть вместе с тем и новое впечатление, и это должен учитывать всякий, кто желает знать, как долго душа может удерживать воспринятое. Но заучивание наизусть страниц латыни не больше помогает памяти удерживать любую другую вещь, чем

вырезывание какого-либо изречения на свинце увеличивает способность последнего прочно удерживать какие-либо другие буквы. Если бы подобный способ упражнения памяти мог сообщать ей силу и совершенствовать наши способности, то из всех людей актеры должны были бы обладать наилучшей памятью и являть собою самое лучшее общество. Улучшают ли заученные таким путем отрывки их память в отношении других вещей и совершенствуются ли их способности пропорционально труду, потраченному на заучивание на память чужих слов,— это должен будет показать опыт. Память настолько необходима во все периоды и при всяких обстоятельствах жизни, и без нее так мало можно сделать, что нам нечего опасаться, как бы она не ослабела или не испортилась из-за недостатка упражнения, если упражнение может сделать ее более сильной. Но я боюсь, что эта способность ума, как правило, не может значительно улучшаться и исправляться упражнениями или усилиями с нашей стороны, по крайней мере теми, которые применяются для этой цели в грамматических школах. И если Ксеркс⁵⁷ мог назвать по имени любого простого солдата своей армии, состоявшей не менее чем из ста тысяч человек, то вряд ли, мне думается, можно предположить, что эту удивительную способность он приобрел заучиванием наизусть уроков, когда был мальчиком. Этот способ упражнения и совершенствования памяти путем утомительного повторения прочитанного, не глядя в книгу, я думаю, мало применяется в воспитании принцев; между тем если он бы обладал тем преимуществом, о котором говорят, то в указываемом мною случае им бы также мало пренебрегали, как и в отношении самых незнатных школьников: ведь принц так же нуждается в хорошей памяти, как и любой другой человек, и принцы, как правило, не уступают в этой способности остальным людям, хотя к ним никогда не применялся указанный способ. Чем душа занята и чем она интересуется, то она лучше всего и запоминает — по причине, указанной мною выше; а если сюда еще внести метод и порядок, то этим, мне думается, будет сделано все для улучшения слабой памяти. Тот же, кто изберет для этого другой путь, особенно путь загрузки памяти массой иностранных слов, которыми учащийся вообще не интересуется, вряд ли, я думаю, убедится, что польза от этого хоть наполовину окупит затраченные время и труд.

Я не хочу этим сказать, что детскую память никак не следует упражнять. Я думаю, что ей нужно давать работу,

но не в виде механического заучивания целых страниц из книг, которые, после того как урок отвечен и задание выполнено, опять предаются забвению и никогда больше не вспоминаются. Это не улучшает ни памяти, ни ума. Я уже указывал выше, что именно дети должны заучивать наизусть из сочинений писателей; и если вы однажды загрузили их память этими мудрыми и полезными изречениями, то не допускайте, чтобы они забывались, и часто проверяйте это; независимо от той пользы, которую эти изречения могут им принести в течение всей дальнейшей жизни благодаря тем разумным правилам и мыслям, которые в таком изобилии в них содержатся, это будет приучать их часто размышлять и задумываться над тем, о чем им следует помнить; и это есть единственное средство делать их память живой и плодотворной. Привычка к частым размышлениям будет удерживать их мысли от пассивности и разброда и возвращать их из бесполезных блужданий, мешающих сосредоточенности. Поэтому я считаю полезным давать им каждый день что-нибудь для запоминания, но только то, что само по себе достойно запоминания и что, по вашей мысли, должно всегда оставаться в их памяти на тот случай, если бы вы вздумали их спросить или они сами захотели бы вспомнить. Это будет побуждать их часто обращать свои мысли внутрь: лучшей интеллектуальной привычки вы не можете для них пожелать.

§ 177. Но кому бы ни было доверено обучение ребенка в течение нежного и податливого периода его жизни, одно несомненно — это должен быть человек, который смотрит на латынь и на языки как на наименее важную часть воспитания; человек, который, зная, насколько добродетель и хорошо настроенная душа предпочтительнее всякой учености и знания языка, ставит своей главной задачей формировать душу своих учеников и давать ей правильное направление; а раз это будет достигнуто, то, хотя бы все прочее оставалось в пренебрежении, в свое время оно принесет с собою и все остальное; если же это не достигнуто и не упрочено и дурные и порочные привычки не искоренены, то языки и науки и все прочие положительные результаты воспитания окажутся бесполезными и послужат лишь тому, чтобы сделать человека еще более дурным и более опасным. В самом деле, что бы ни трубили об обучении латыни как о великой и трудной задаче, сама мать может обучить ей своего ребенка, если только она готова отдавать ему два-три часа в день и будет заставлять его читать ей Евангелие на латинском языке. Для этого ей нужно только

купить Новый завет на латинском языке и, попросив кого-либо отметить последний долгий слог в тех словах, которые имеют больше двух слогов (этого достаточно, чтобы обеспечить правильное произношение и правильную постановку ударений в слогах), читать его ежедневно вместе с английским, тогда она не сможет не понимать Евангелие на латинском языке. А после того как ребенок освоится с латинским Евангелием, пусть таким же способом читает басни Эзопа, а затем перейдет к Евтропию, Юстину и к другим подобным книгам. То, что я говорю, не является только плодом моей фантазии: я знаю о таком факте, когда латынь была таким путем легко усвоена.

Но вернемся к тому, о чем я начал говорить. Тот, кто берет на себя обязанность воспитания молодых людей, в особенности молодых джентльменов, должен обладать чем-то большим, чем знание латыни и даже знание свободных наук: он должен быть человеком большой добродетели и большого разума, должен обладать здравым смыслом и хорошим характером, а также умением держать себя с достоинством, непринужденно и ласково в своем постоянном общении со своими воспитанниками. Но об этом я говорил подробно в другом месте.

§ 178. Одновременно с обучением французскому и латинскому языкам можно, как я говорил, начать вводить мальчика также в арифметику, географию, хронологию, историю и геометрию. Ибо если учить его этим предметам на французском или латинском, когда он начинает понимать какой-либо из этих языков, то он будет одновременно приобретать знания в этих предметах и в придачу усваивать самый язык.

Начать, мне думается, нужно с географии: ибо, поскольку изучение фигуры земного шара, положения и границ четырех частей света⁵⁸ и отдельных королевств и стран является только упражнением глаз и памяти, ребенок будет этому учиться с удовольствием и запоминать эти вещи. Насколько это верно, показывает следующий факт. В доме, где я теперь живу, есть ребенок, которого мать настолько хорошо ознакомила этим способом с географией, что, когда ему еще не было шести лет, он знал границы четырех частей света, умел, когда его спрашивали, сразу показать любую страну на глобусе и любое графство на карте Англии, знал все большие реки, мысы, проливы и заливы на земном шаре и умел находить долготу и широту любой точки. Конечно, этими вещами, которые ребенок по указанному методу усвоит при помощи зрения

и запомнит механически, еще не исчерпывается все, что он должен изучить на глобусе. Однако это значительный шаг и хорошая подготовка к дальнейшему и весьма облегчит усвоение всего остального впоследствии, когда его способность рассуждать достаточно созреет для этого; кроме того, он выигрывает этим много времени, а удовольствие, которое он испытывает, узнавая о разных вещах, будет незаметно способствовать усвоению им языка.

§ 179. Когда в памяти мальчика хорошо запечатлеются естественные подразделения земного шара, будет своевременно перейти к арифметике. Под естественными подразделениями земного шара я подразумеваю различные положения частей суши и моря в связи с различными названиями и подразделениями стран, не касаясь еще тех искусственных и воображаемых линий, которые условны и придуманы в целях усовершенствования этой науки.

§ 180. Арифметика — это легчайшая форма отвлеченного мышления; и поэтому она обыкновенно раньше других оказывается доступной уму, и с нею он раньше всего свыкается; притом она настолько общеупотребительна при всех обстоятельствах обычной и деловой жизни, что навряд ли можно что-либо делать, не прибегая к ее помощи. Относительно нее, бесспорно, никогда нельзя сказать, что человек знает ее слишком много и слишком хорошо. Поэтому упражнения в счете следует начинать возможно раньше, лишь только ребенок становится способен к ним; и заниматься этим следует понемногу каждый день, пока он не овладеет вполне искусством счета. Когда он освоится со сложением и вычитанием, его можно повести дальше в географии; и после того как он ознакомится с полюсами, поясами, параллельными кругами и меридианами, нужно объяснить ему, что такое долгота и широта, научить его пользоваться с их помощью картой и по числам, поставленным по ее бокам, определять относительное положение стран и, обратно, отыскивать последние на земном глобусе.

Научившись легко с этим справляться, он может перейти к небесному глобусу и снова рассмотреть все круги, познакомиться более подробно с эклиптической и зодиаком, чтобы с полной ясностью и отчетливостью запечатлеть их в своем уме, а затем усвоить фигуры и положение некоторых созвездий, которые можно сначала показать ему на глобусе, а затем уже на небе.

После того как все это усвоено и мальчик достаточно хорошо ознакомился с созвездиями, можно сообщить ему

некоторые сведения о нашем планетном мире; для этой цели неплохо сделать ему чертеж системы Коперника и по этому чертежу объяснить положение планет, их относительные расстояния от Солнца, центра их вращения. Это наиболее легкий и естественный путь для подготовки его к пониманию движения и теории планет. Ибо, так как астрономы больше не сомневаются в движении планет вокруг Солнца, его следует ознакомить с этой гипотезой не только потому, что это простейшая и наименее сложная гипотеза для учащегося, но и потому, что она в то же время и наиболее правдоподобна сама по себе. Однако и в данном случае, как и во всех других частях обучения детей, нужно тщательно стараться начинать с ясного и простого, нужно сообщать детям возможно меньше сведений одновременно и хорошенько укреплять эти сведения в их головах, раньше чем идти дальше и сообщать что-либо новое из этой науки. Дайте им сначала одну простую идею и проследите, чтобы они ее правильно поняли и вполне усвоили раньше, чем перейти к следующей, а затем присоедините следующую по вашему плану и по цели, которую вы себе ставите, и так, подвигаясь легкими и незаметными шагами, не запутываясь и не смущаясь, детские умы развернутся и их умственный кругозор расширится значительно дальше, чем вы, может быть, ожидаете. Когда же мальчик сам научился чему-либо, то нет лучшего способа закрепить это в памяти и поощрить его к продолжению учения, чем заставив его учить тому же других.

§ 181. После того как он ознакомился с глобусом в объеме, указанном мною выше, полезно попытаться обучить его немного геометрии. Я думаю, что ему достаточно усвоить первые шесть книг Евклида; ибо я все-таки сомневаюсь, чтобы деловому человеку было необходимо и полезно знать больше. Во всяком случае если у него есть талант и влечение к этой науке, то, пройдя ее в указанном объеме под руководством своего воспитателя, он будет в состоянии продолжать ее изучение самостоятельно, без помощи преподавателя.

Поэтому глобусы надо изучать, и изучать тщательно, и я думаю, что начать это изучение можно рано, если только воспитатель будет внимательно разбираться в том, что ребенок усвоит способен и что — не способен; здесь, пожалуй, может помочь такой критерий: дети могут научиться всему, что воспринимается их чувствами, особенно зрением, поскольку при этом упражняется только их память; таким образом, очень маленький ребенок почти с то-

го самого момента, как он стал распознавать комнаты дома, в котором живет, способен заучить на глобусе, что такое экватор, что такое меридиан и прочее, что такое Европа и что такое Англия, если только не учить его слишком много одновременно и не заставлять переходить к новому раньше, чем он основательно заучит и укрепит в своей памяти то, чем он в данный момент занимается.

§ 182. Рука об руку с географией должна идти хронология. Я имею в виду общую ее часть, чтобы мальчик получил представление об общем ходе событий во времени и о некоторых важных эпохах, которые принято рассматривать в истории. Без них, т. е. без географии и хронологии, история, эта великая учительница благоразумия и гражданственности, наука, совершенно необходимая для джентльмена и делового человека, очень плохо удерживается в памяти и приносит очень мало пользы, представляя собою лишь грудку фактов, смешанных в кучу и лишенных порядка и поучительности. Только благодаря этим двум наукам дела человечества располагаются по соответствующим отрезкам времени и странам и при этом не только легче удерживаются в памяти, но единственно в таком естественном порядке и способны наводить на размышления, которые делают человека, читающего о них, лучше и способнее.

§ 183. Когда я говорю о хронологии как о науке, которую мальчик должен основательно усвоить, я не имею при этом в виду имеющиеся в ней мелкие контрверзы. Они бесконечны, и большинство из них настолько маловажно для джентльмена, что не стоило бы вникать в них, даже если бы разрешение их не представляло особых трудностей. Поэтому весь этот ученый шум и пыль хронологов нужно целиком оставить в стороне⁵⁹ Самая полезная книга, какую я видел по этой отрасли знания, — это небольшой трактат Страухиуса, напечатанный в двенадцатую долю, под названием «*Breviarium Chronologicum*»⁶⁰, из которого можно выбрать все необходимое, что должен знать по хронологии молодой джентльмен, так как нет надобности обременять учащегося всем, что содержится в этом трактате. Здесь он найдет наиболее замечательные и важные эпохи, приуроченные к юлианскому летосчислению, которое представляет собою самый простой, легкий и верный метод, какой только может быть применен в хронологии. Этот трактат Страухиуса можно еще дополнить таблицами Гельвикуса⁶¹ — книгой, к которой следует во всех случаях обращаться за справками.

§ 184. Нет ничего более поучительного и в то же время занимательного, чем история. Первое из этих качеств делает ее достойной изучения для взрослых людей, второе же делает ее, по моему мнению, весьма подходящей для молодого юноши; последнему, как только он освоился с хронологией и ознакомился с теми несколькими эпохами, которые приняты в нашей части света, и научился приводить их к юлианскому периоду, следует дать в руки какую-нибудь латинскую историю. Выбор должен определяться в зависимости от легкости стиля, ибо, с чего бы он ни начал, хронология предохранит его от путаницы; а поскольку занимательность предмета будет поощрять к чтению, он незаметно усвоит язык, не испытывая тех жестоких мук и неприятностей, которые выпадают на долю детей, когда их заставляют читать книги, превышающие уровень их понимания; таково, например, чтение римских ораторов и поэтов ради изучения латинского языка. После того как он путем чтения овладеет более легкими книгами вроде, может быть, Юстина, Евтропия, Квинта Курциуса⁶² и т. д., переход к следующей ступени не представит для него никаких трудностей; таким образом, начав с самых простых и легких исторических сочинений, он последовательно будет переходить к чтению таких трудных и возвышенных латинских авторов, как Туллий, Вергилий и Гораций.

§ 185. Познание добродетели с самого начала и на всяких примерах, смысл которых он способен понять, внушается мальчику больше практикой, чем правилами, и предпочтение доброй репутации удовлетворению своих влечений становится, таким образом, для него привычкой. Поэтому я не знаю, нужно ли мальчику читать еще какие-либо другие рассуждения о морали, кроме тех, которые он находит в Библии, и нужно ли ему давать в руки какую-либо систему этики до того, как он будет читать «Обязанности» Туллия⁶³ уже не как школьник, для изучения латинского языка, а как человек, желающий ознакомиться с принципами и правилами добродетели, чтобы руководствоваться ими в своей жизни.

§ 186. Когда он достаточно хорошо переварил «Обязанности» Туллия и вдобавок еще книгу Пуфендорфа «De officio hominis et civis», можно, пожалуй, засадить его за книгу Гроция «De jure belli et pacis» или, пожалуй, еще лучше за «De jure naturali et gentium» Пуфендорфа⁶⁴; из этих книг он узнает о естественных правах человека, о происхождении и основах общества и о вытекающих отсюда обязанностях. Эта общая часть гражданского права

и истории является предметом, с которым джентльмен должен не знакомиться только слегка, а заниматься постоянно, никогда не бросая его. Добродетельного и благоправного молодого человека, хорошо ориентированного в общей части гражданского права (которая не занимается казуистикой частных случаев, а трактует общим образом, на основании принципов разума, о делах и взаимном общении цивилизованных наций) и понимающего так же хорошо по-латыни, можно выпустить в свет с уверенностью, что он всюду найдет занятие и почет.

§ 187. Странно было бы думать, что английский джентльмен может быть незнаком с законами своей страны. Это знание настолько ему необходимо независимо от занимаемого им положения, что я не знаю должности — от мирового судьи до министра, — которую он мог бы с успехом выполнять без этих знаний. Я здесь не имею в виду крючкотворство или кляузную софистическую сторону права: джентльмен, задача которого заключается в том, чтобы искать правильные критерии права и не-права, а не в том, чтобы овладеть искусством обходить первое и без опаски делать второе, должен быть так же далек от указанного метода изучения права, как и обязан проявлять интерес к изучению того, в чем он может быть полезен своей стране. Поэтому для джентльмена, который не предполагает делать право своей профессией, правильный метод изучения права заключается, по моему мнению, в том, чтобы ознакомиться с основами нашей английской конституции и управления по старым книгам об обычном праве⁶⁵ и по сочинениям некоторых более современных писателей, которые на основе указанных источников дали анализ нашего управления. Получив правильное понятие об этом предмете, он должен перейти к чтению нашей истории, соединяя с этим изучение законов, которые издавались в каждое данное царствование. Это сделает для него понятным смысл статутов, осветит ту подлинную основу, на которой они возникли, и укажет, каким весом они должны пользоваться.

§ 188. По общепринятому методу обучения изучение таких искусств, как риторика и логика, обыкновенно следует непосредственно за грамматикой⁶⁶, и потому, пожалуй, покажется странным, что я так мало говорил о них. К этому побуждает меня то соображение, что молодые люди получают от них мало пользы: я редко, вернее, никогда не видел, чтобы кто-нибудь приобрел искусство хорошо рассуждать или красиво говорить путем изучения правил,

претендующих научить этому искусству. Поэтому я желал бы, чтобы молодые джентльмены познакомились с этими двумя предметами по самым кратким руководствам, какие только могут быть найдены, не задерживаясь надолго на рассмотрении и изучении этих формальных знаний. Правильное рассуждение покоится не на предикаментах и предикабиях, а на чем-то другом и заключается вовсе не в том, чтобы говорить по модусам и фигурам⁶⁷. Но в мою настоящую задачу не входит подробно останавливаться на этом спекулятивном предмете. Перейдем поэтому к нашему вопросу. Если вы хотите, чтобы ваш сын умел правильно рассуждать, заставляйте его читать Чиллингворта⁶⁸, а если вы хотите, чтобы он хорошо говорил, пусть он основательно знакомится с Туллием, чтобы получить верное понятие о красноречии; и пусть он также читает вещи, написанные на хорошем английском языке, чтобы усовершенствовать свой стиль в отношении чистоты нашего языка.

§ 189. Если польза и цель правильного рассуждения заключаются в том, чтобы иметь правильные понятия и суждения о вещах, отличать истину от лжи, правду от неправды и соответственно поступать, то ни в коем случае не допускайте, чтобы ваш сын пристрастился к искусству формальных диспутов, сам ли практикуясь в нем или восхищаясь им в других, если только вы не хотите, чтобы из него вышел не способный человек, а ничтожный казуист, упорствующий в споре и гордящийся тем, что он противоречит другим, или, что еще хуже, все оспаривающий и считающий, что в споре нужно добиваться не истины, а только победы. Не может быть ничего менее добросовестного и менее подобающего джентльмену или кому бы то ни было, кто претендует на звание разумного существа, чем нежелание согласиться с ясным доводом, нежелание дать себя убедить ясными аргументами. Есть ли что-нибудь менее гармонирующее с приличной беседой и с задачей всякого спора, чем манера отклонять любой ответ, хотя бы самый обстоятельный и удовлетворительный, и продолжать спор, пока двусмысленно звучащие слова способны доставить термин для возражения или установления различия⁶⁹ — идет ли оно к делу или нет, имеет ли оно какой-либо смысл или не имеет, согласуется ли с ранее сказанным или противоречит ему? А ведь в том, коротко говоря, и заключаются приемы и мастерство логических диспутов, что оппонент не принимает никакого ответа, а диспутант не соглашается ни с каким аргументом. На это ни

тот ни другой не может пойти, что бы ни случилось с истиной или знанием, если только он не желает сойти за жалкого простака и навлечь на себя позор тем, что не умеет отстоять раз выдвинутое им утверждение, в чем и заключаются главная цель и слава диспутирования. Истину можно раскрывать и подтверждать только путем зрелого и надлежащего рассмотрения самих вещей, а не при помощи искусственных терминов и приемов аргументации: они приводят людей не столько к открытию истины, сколько к софистическому и лукавому употреблению двусмысленных слов, что представляет собою самый бесплодный и наиболее оскорбительный способ беседы и менее всего подходит джентльмену или всякому, кто ценит истину.

Для джентльмена вряд ли какой-либо недостаток может быть признан более существенным, чем неумение хорошо выражаться в письме или разговоре. И все же я позволю себе спросить моего читателя: разве он не знает очень многих людей, которые живут на доходы от своих имений и, следовательно, нося звание джентльмена, должны были бы обладать и качествами джентльмена, а между тем не умеют как следует рассказать о каком-либо событии и еще менее способны ясно и убедительно вести деловой разговор. Я думаю, что это вина не столько их самих, сколько их воспитания; ибо я должен без всякого пристрастия воздать должное моим соотечественникам и сказать, что, когда они чем-либо занимаются усердно, они не уступают никому из своих соседей. Они учились риторике, но никогда не учились изящно выражаться, устно или письменно, на языке, которым они всегда пользуются; как будто знакомство с названиями фигур, украшавших речи людей, овладевших искусством речи, и самое искусство и умение говорить — одно и то же. Это последнее, как и все другие практические вещи, приобретается не при помощи большего или меньшего количества правил, а упражнением и практикой, сообразующейся с хорошими правилами или, вернее, хорошими примерами, пока оно не войдет в привычку и не сделается легким.

В соответствии с тем, что я говорил выше, быть может, было бы целесообразно заставлять детей часто пересказывать какую-нибудь известную им историю, в первый раз исправляя лишь одну, самую важную ошибку, сделанную ими при изложении. Когда они избавятся от этой ошибки, нужно указать им вторую и так продолжать до тех пор, пока одна за другой не будут исправлены все остальные или по меньшей мере крупные ошибки. После того как они

научились достаточно хорошо передавать содержание рассказа, нужно заставлять их излагать это письменно. Басни Эзопа (почти единственная, насколько мне известно, книга, подходящая для детей) могут дать им материал для письменных упражнений в английском языке, а также для чтения и перевода при первоначальном ознакомлении с латинским языком. Когда они перестали делать грамматические ошибки и умеют соединять в последовательном и связном изложении отдельные части рассказа, не слишком прибегая при переводе к бесцветным и некрасивым оборотам, как это обычно бывает, то при желании перейти от этой первой подготовки их к умению хорошо говорить, не требующей никакой изобретательности, можно обратиться к Туллию. Прилагая на практике правила, даваемые этим мастером красноречия в его первой книге «De inventione» (§ 20)⁷⁰, можно показать им, в чем заключается искусство и прелесть изящного рассказа в соответствии с различием темы и цели. На каждое из этих правил можно подобрать подходящие примеры и на них показывать детям, как применялись эти правила другими. Древние классические писатели дают массу подобных примеров, и надо не только заставлять детей переводить этих писателей, но и научить видеть в них образцы речи, достойные постоянного подражания.

После того как они научились писать по-английски связно, правильно и последовательно и усвоили достаточно хороший повествовательный стиль, можно заставить их перейти к написанию писем. При этом не следует требовать от них остроумия или светской любезности, а нужно учить их выражать лишь свои собственные простые и естественные мысли, избегая только бессвязности, путаницы и грубости. Когда же они вполне освоились с этой задачей, можно, для возбуждения их мыслей, дать им сочинение Вуатюра как образец переписки с отсутствующими друзьями в учтивом, веселом, шутовском или забавном тоне, а также «Письма» Туллия⁷¹ как наилучшие образцы деловой или обыденной беседы. Умение писать письма так часто требуется при всех обстоятельствах человеческой жизни, что ни один джентльмен не может избежать необходимости проявить себя в этой области. Обстоятельства будут ежедневно заставлять его делать эти пробы своего пера, и его хорошее или плохое умение писать помимо тех результатов, которые оно часто дает в деловой жизни, будет всегда вызывать более суровую критику его воспитания, ума и способностей, чем устные рассуждения, при

которых мимолетные ошибки, в большинстве случаев исчезающие вместе со звуками, в которые они воплотились, не подпадают в такой мере под строгую критику и легче ускользают от наблюдения и осуждения.

Если бы методы воспитания отвечали своей настоящей цели, эта столь необходимая часть воспитания не оставалась бы, надо думать, в пренебрежении, в то время как постоянно и повсюду уделяется столь настойчивое внимание совершенно ненужным латинским сочинениям и стихам, которые заставляют детскую изобретательность напрягаться сверх силы и исключительными трудностями мешают детям бодро продвигаться вперед в изучении языков. Но так предписывает обычай, и кто осмелится не повиноваться ему? И разве не было бы большим неразумием требовать от ученого наставника деревенской школы (который знает как свои пять пальцев все тропы и фигуры по «Риторике» Фарнэби⁷²), чтобы он учил своего ученика изящно выражаться по-английски, когда, видимо, это настолько мало входит в его обязанности и заботит его и когда мать мальчика (которую этот учитель, вероятно, презирает как невежду, потому что она не прочла ни одной системы логики и риторики) превосходит его в этом отношении?

Умение правильно писать и говорить производит приятное впечатление и вызывает благосклонное внимание к тому, что человек собирается сказать; и так как английскому джентльмену приходится постоянно пользоваться английским языком, то в этом языке ему главным образом и следует совершенствоваться, проявляя величайшую заботу об отделке и улучшении своего стиля. Если кто-либо лучше говорит и пишет по-латыни, чем по-английски, это, быть может, заставит говорить о нем в обществе; но ему придется убедиться, что для него полезнее уметь хорошо выражаться на родном языке, которым он пользуется ежеминутно, чем получать пустую похвалу от других за это весьма незначительное достоинство. Я нахожу, что этим всюду пренебрегают и совершенно не заботятся о совершенствовании молодых людей в их родном языке, о том, чтобы они его хорошо понимали и владели им. Если кто-либо из нас владеет родным языком с большей, чем обыкновенно, легкостью и язык его отличается большей чистотой, то он обязан этим в значительной степени случайности, своим способностям или чему-либо другому, а не воспитателю или заботам учителя. Думать о том, как его ученик говорит и пишет по-английски, считается ниже до-

стоинства человека, воспитанного в греческом и латинском окружении, хотя бы у него самого познания в этих языках были невелики. Только эти ученые языки достойны того, чтобы ученые мужи занимались ими и обучали им; английский же язык — язык непросвещенной черни. А между тем мы видим, что некоторые наши соседи не считают недостойным государственной заботы поощрять и вознаграждать за усовершенствование отечественного языка; очищение и обогащение родного языка не считается у них маловажным делом⁷³. Для этого у них учреждаются коллегии и стипендии; правильность письма сделалась предметом честолюбия и соревнования; и мы видим, каких результатов они благодаря этому достигли, какому широкому распространению языка они способствовали (языка, пожалуй, одного из худших в нашей части света), если сравним, как обстояло дело несколькими царствованиями раньше и как обстоит оно теперь. Великие люди Рима упражнялись ежедневно в своем родном языке; и мы еще теперь находим в исторических летописях имена ораторов, которые обучали латинскому языку некоторых императоров, хотя это был их родной язык⁷⁴.

Известно, что греки были еще более щепетильны в отношении своего языка: всякая более другая речь, кроме их собственной, была для них варварской речью, и этот ученый и проницательный народ, по-видимому, не изучал и не ценил ни одного иностранного языка, хотя не подлежит сомнению, что свою ученость и философию они заимствовали у других народов.

Я не высказываюсь здесь против греческого и латинского языков; я думаю, что их следует изучать и что джентльмен должен по меньшей мере латинский язык понимать хорошо. Но какими бы иностранными языками ни занимался молодой человек (а чем больше он их знает, тем лучше), тем языком, который он должен изучить теоретически и которым он должен овладеть настолько, чтобы выражаться легко, ясно и изящно, должен быть его родной язык; а для достижения этой цели он должен заниматься им ежедневно.

§ 190. Натуральной философии как спекулятивной науки, я полагаю, у нас не существует, и, может быть, я мог бы с основанием сказать, что нам никогда не удастся сделать ее наукой. Произведения природы задуманы некоей Мудростью и созданы средствами, настолько далеко выходящими за пределы нашей способности раскрывать и понимать их, что мы навряд ли когда-либо будем в состоянии

свести их в науку. Натуральная философия, которая есть познание начал, свойств и действий вещей, каковы они сами по себе, распадается, как я себе представляю, на две части: одна из них занимается духами, их природой и свойствами, другая — телами. Первую относят обыкновенно к метафизике; но под каким бы заголовком ни рассматривать духов, я думаю, что такое рассмотрение должно предшествовать изучению материи и тел — не в качестве науки, которая может быть на основе определенного метода сведена в систему и трактоваться на основании принципов знания, а в качестве некоторого расширения и дополнения нашего знания о мире духов, к которому нас одинаково ведут разум и откровение. И так как самые ясные и обширные сведения, которые мы имеем о других духах, кроме бога, и о наших собственных душах, сообщены нам небом через откровение, то я думаю, что по крайней мере молодые люди должны почерпнуть свои знания о них из этого откровения. Для достижения этой цели, я думаю, надо было бы составить хорошую библейскую историю для чтения молодежи; если бы в этой истории все, что должно бы в нее войти, было изложено в надлежащей временной последовательности и были бы вынуждены некоторые вещи, которые подходят лишь для более зрелого возраста, то этим можно было бы избежать той путаницы, которая обычно создается чтением всего Писания без разбора, в том порядке, в котором история в настоящее время излагается в наших библиях. Кроме того, был бы достигнут и другой полезный результат: постоянное чтение этой истории поселило бы в детских душах представление и веру в духов, которые играют такую важную роль во всех событиях этой истории; а это в свою очередь явилось бы хорошей подготовкой к изучению тел. Ибо без представления о духах и без допущения их существования наша философия была бы неудовлетворительной и неполной в главной своей части, поскольку она оставляла бы в стороне рассмотрение превосходнейшей и могущественнейшей части творения.

§ 191. Я думаю также, что было бы полезно сделать из этой библейской истории краткое и понятное извлечение, составив его из основных, наиболее существенных глав Библии, и знакомить с ним детей, как только они научатся читать. Хотя, таким образом, мы рано введем их в мир некоторых представлений о духах, однако это не противоречит сказанному мною выше о том, что детей, пока они малы, не следует смущать представлениями о духах. Ибо

я хотел указать на вред, причиняемый нежной детской душе ранними впечатлениями от образов злых духов, призраков и привидений, которыми их няни, а также окружающие склонны пугать детей, чтобы добиться от них послушания: это часто приносит им большой вред и оказывает пагубное влияние на всю жизнь, отдавая их душу во власть страхов, боязливых опасений, слабости и суеверия. Когда они выходят в свет и вступают в общение с людьми, им становится неловко, и они стыдятся этого; и нередко случается, что, желая совершенно излечиться и сбросить с себя тяжесть, так сильно их угнетающую, они вместе с тем отбрасывают всякие мысли о духах и таким образом впадают в другую, худшую крайность.

§ 192. Причина, по которой я желал бы, чтобы указанное предшествовало изучению тел и чтобы Писание основательно усваивалось молодыми людьми раньше, чем они начинают заниматься натуральной философией, заключается в том, что материя, будучи вещью, с которой наши чувства имеют дело постоянно, способна до такой степени овладевать душой и исключать всякие другие виды сущего, что предрассудок, основанный на подобных принципах, часто не оставляет места для допущения духов или каких-либо нематериальных существ в природе вещей, в то время как очевидно, что ни одно из великих явлений природы не может быть объяснено при помощи лишь материи и движения. Для примера возьмем хотя бы только такое общее явление, как тяготение, которое не может быть объяснено каким бы то ни было действием материи или каким-либо другим законом движения, а лишь положительной волей какого-то высшего существа, распоряжением которого оно вызывается. И поскольку всемирный потоп не может быть хорошо объяснен без допущения чего-то выходящего из рамок обычного хода природы, то кажется мне, что следует подумать, не объясняется ли всемирный потоп гораздо лучше, чем при помощи любой из использованных до сих пор гипотез, изменением по воле бога на некоторое время центра тяжести Земли (вещь столь же мыслимая, как и само тяготение, которое, быть может, вызывается маленьким изменением неизвестных нам причин). Я слышу веское возражение против этого объяснения, а именно: это могло бы вызвать лишь частичный потоп. Но раз мы допустили изменение центра тяжести, нетрудно представить себе, что божественная сила могла заставить центр тяжести, расположенный на надлежащем расстоянии от центра Земли, вращаться в течение соответствующего

промежутка времени вокруг последнего и что благодаря этому потоп мог сделаться всемирным; я думаю, что этим все явления потопа, как они описаны Моисеем, объясняются проще, чем при посредстве многочисленных тяжело-весных гипотез, придумываемых с этой целью. Но здесь не место останавливаться на этой аргументации, которую мы затронули лишь мимоходом с целью показать, что для объяснения природы необходимо использовать что-то еще помимо одной только материи и ее движения. Для этого представление о духах и их могуществе, как они описаны в Библии, где столь многое приписано их действию, может послужить подходящей подготовкой; причем более полное изложение гипотезы и ее приложение ко всем подробностям потопа и ко всем затруднениям, которые могут быть усмотрены в истории потопа, как она изложена в Писании, следует отложить для более подходящего случая.

§ 193. Но вернемся к вопросу об изучении натуральной философии. Хотя мир полон ее системами, однако я не могу сказать, чтобы я знал какую-либо систему, которую можно было бы преподавать молодому человеку как науку, с тем чтобы он мог с уверенностью искать в ней истину и достоверность, ожидаемые от всякой науки. Отсюда я вовсе не делаю вывода, что ни одной из этих систем не нужно читать. В наш ученый век джентльмену необходимо заглянуть в некоторые из этих систем, чтобы быть готовым к разговору с людьми; но вопрос в том: нужно ли дать ему систему Декарта, как наиболее сейчас принятую, или же лучше дать ему краткий обзор этой и нескольких других систем? Я, во всяком случае, считаю, что системы натуральной философии, которые утвердились в нашей части света, нужно читать скорее ради знакомства с гипотезами и для понимания терминов и способов выражения различных школ, чем с расчетом получить ясное, научное и удовлетворительное знание о творениях природы. Необходимо лишь сказать, что современные сторонники корпускулярной гипотезы говорят о большинстве вещей гораздо вразумительнее, чем перипатетики, которые господствовали в школах непосредственно перед ними. Тот, кто захочет заглянуть в более далекое прошлое и познакомиться с различными мнениями древних, может обратиться к «Интеллектуальной системе» д-ра Кедворта⁷⁵, в которой этот весьма ученый автор так обстоятельно и продуманно собрал и изложил мнения греческих философов, что из этого сочинения можно лучше, чем из каких бы то ни было других известных мне, усмотреть, на каких принципах гре-

ческие философы строили свои системы и какие главные гипотезы разделяли их. Но я не хочу отклонять кого бы то ни было от изучения природы из-за того, что не все знание, которое мы имеем или можем иметь о ней, может быть возведено на степень науки. Здесь содержится очень много такого, что полезно и необходимо знать джентльмену, и еще многое другое, что очень вознаградит любознательного человека за его труд удовольствием и пользой. Но это, я думаю, можно найти скорее у таких писателей, которые занимались рациональными опытами и наблюдениями, чем у составителей чисто спекулятивных систем. Поэтому джентльмену, немного ознакомившемуся с некоторыми модными системами натуральной философии, могут быть полезны многие сочинения м-ра Бойля⁷⁶ и других авторов, писавших по сельскому хозяйству, растениеводству и садоводству и т. п.

§ 194. Хотя известные мне системы физики внушают мало надежды найти достоверное или научное знание в каком-либо трактате, претендующем вывести систему натуральной философии из первых принципов тел вообще, однако несравненный мистер Ньютон показал, насколько математика, примененная к известным частям природы, может, опираясь на принципы, оправдываемые фактами, подвинуть нас в познании некоторых, если можно так выразиться, провинций непостижимой вселенной. И если бы другие могли дать нам столь же хорошее и ясное описание других частей природы, какое он дает в своей удивительной книге «*Philosophiae naturalis principia mathematica*»⁷⁷ относительно нашего планетного мира и важнейших явлений, наблюдаемых в нем, то мы могли бы надеяться со временем получить более правильные и более достоверные знания о различных частях этой изумительной машины, чем имели оснований ожидать до сих пор. И хотя очень немногие обладают достаточными математическими познаниями, чтобы понять его доказательства, но поскольку наиболее сведущие математики, исследовавшие эти доказательства, признают их несомненные достоинства, то его книга заслуживает быть прочтенной: она доставит немало света и удовольствия тем, кто, желая понять движения, свойства и действия больших масс материи в нашей солнечной системе, тщательно продумает его выводы, на которые можно положиться как на хорошо доказанные положения.

§ 195. Таковы вкратце мои мысли относительно учебных занятий молодого джентльмена.

Может показаться странным, что я оставил в стороне греческий язык, в то время как у греков можно найти, так сказать, первоисточник и основание всей той учености, которой мы обладаем в нашей части света. Я согласен с этим и к тому же добавлю, что никто не может быть признан ученым человеком, если он не знает греческого языка. Но я обсуждаю здесь воспитание не профессионального ученого, а джентльмена, для которого, по общему признанию, при нынешних условиях, когда он становится взрослым, необходимо знание латинского и французского языков. Если он пожелает продолжать свои занятия и ознакомиться с греческой ученостью, то легко изучит этот язык самостоятельно; если же у него нет такой склонности, то изучение этого языка под руководством воспитателя будет лишь потерянным трудом: он лишь затратит много времени и усилий на то, что забросит с пренебрежением, как только получит свободу. Ибо много ли найдется среди сотни человек (даже если это ученые) таких, которые сохранили знание греческого языка, вынесенное из школы, или совершенствуются в нем настолько, чтобы свободно читать и вполне понимать греческих авторов?

В заключение этой части, касающейся учебных занятий молодого джентльмена, напомним еще раз воспитателю, что его назначение заключается не столько в том, чтобы сообщить воспитаннику всевозможные знания, сколько в том, чтобы возбудить в нем любовь и уважение к знанию и поставить его на правильный путь к приобретению знаний и к самоусовершенствованию, когда у него будет к тому охота.

Я хочу здесь ознакомить моего читателя с мнением одного глубокомысленного автора, придерживаясь при этом возможно ближе его собственных выражений. Он говорит: «Вряд ли можно чрезмерно обременить детей знанием языков. Они полезны людям всякого положения и одинаково открывают им доступ как к самым глубоким, так и к более легким и занимательным областям знания. Если это скучное изучение откладывают до более позднего возраста, то молодые люди или не проявляют достаточной решимости, чтобы этим заняться по собственной инициативе, или не проявляют достаточной выдержки, чтобы довести дело до конца. Если природа и наделила ребенка настойчивостью, то известное неудобство заключается в затрате на языки того времени, которое предназначено для другого употребления. Ему приходится изучать слова в таком возрасте, когда он стоит уже выше этого, когда от него

требуются дела; это означает по меньшей мере потерю лучших и прекраснейших лет жизни. Широкая основа для языков может быть крепко заложена лишь тогда, когда всякая вещь легко и глубоко запечатлевается в душе, когда память свежа, восприимчива и прочно фиксирует, когда голова и сердце еще свободны от забот, страстей и желаний, а те, от кого ребенок зависит, обладают достаточным авторитетом, чтобы заставить его заниматься со всем усердием и без перебоев. Я убежден, что истинных ученых так мало потому, что указанными соображениями пренебрегают»⁷⁸.

Я думаю, каждый согласится с этим наблюдательным джентльменом в том, что самое подходящее время для изучения языков — это ранние годы нашей жизни. Но родители и воспитатели должны обсудить, каким языкам ребенок должен учиться. Ибо необходимо признать бесплодным труд и потерянным время, потраченные на изучение языка, которым джентльмен, по всей вероятности, никогда не воспользуется в течение своей жизни и который он, как можно судить по его природному складу, забросит с полным пренебрежением, лишь только подойдет пора зрелости и он избавится от гувернера и получит возможность отдаться своим наклонностям, которые не располагают его к тому, чтобы уделить сколько-нибудь времени занятиям учеными или какими-либо другими языками, кроме тех, которые навязываются ему повседневной потребностью или необходимостью.

Но вместе с тем для тех, кому предназначено быть учеными, я хочу привести из того же сочинения одно место, которым автор хорошо дополняет предыдущие замечания. Оно заслуживает внимания всех, кто желает быть истинным ученым, и потому может послужить полезным правилом, которое воспитатели должны внушать своим ученикам и оставить им для руководства в их дальнейших занятиях.

«Изучение подлинного текста,— говорит он,— следует всячески рекомендовать. Это самый короткий, надежный и приятный способ всякого изучения. Черпайте из первоисточника и никогда не берите из вторых рук. Никогда не откладывайте в сторону сочинения великих мастеров, штудируйте их, запечатлевайте в своей душе во всем их объеме и во всех частностях. Ознакомляйтесь вполне с принципами оригинальных авторов, устанавливайте их правильное соотношение и затем старайтесь сами сделать выводы. В таком положении находились первые коммен-

таторы, и вы не должны успокаиваться раньше, чем достигнете того же. Не довольствуйтесь светом, заимствованным у комментаторов, и руководствуйтесь их взглядами лишь в тех случаях, когда у вас нет собственного или когда ваш собственный взгляд оставляет нас в темноте. Их объяснения — не ваши объяснения и от вас ускользнут. Напротив, ваши собственные наблюдения суть плоды вашего собственного ума, где они прочно удержатся и всегда будут под рукой в случае беседы, обсуждения или диспута. Не лишайте себя удовольствия видеть, что вы при чтении становитесь в тупик лишь в случаях непреодолимых трудностей — там, где комментаторы и схоластики сами останавливаются в затруднении и не имеют, что сказать. Эти плодовые толкователи чужих слов, будучи переполнены пустой и напыщенной ученостью, усердно применяют ее в отношении таких мест, которые сами по себе просты и понятны, и с большой щедростью расточают слова и труд там, где в этом нет никакой надобности. Организуя указанным образом свое изучение, вы сами вполне убедитесь, что только человеческая лень поощряет педантов не столько обогащать библиотеки, сколько загромождать их хламом и погребать хороших писателей под горами примечаний и комментариев; вы увидите также, что лень в данном случае действует против самой себя и против собственного интереса тем, что умножает чтение и исследования и увеличивает труды, которых старалась избежать»⁷⁹

Хотя и может показаться, что приведенные мысли непосредственно касаются лишь настоящих ученых, они имеют, однако, столь большое значение для правильной организации воспитания и учебных занятий, что, надеюсь, меня не осудят за то, что я их здесь привел, особенно коль будет принято в соображение, что они могут оказаться полезными и для джентльменов, если последние когда-либо пожелают углубить свои поверхностные знания и достичь солидного, удовлетворительного и совершенного понимания в какой-либо области знания.

Порядок и выдержка, говорят, создают существенное различие между одним человеком и другим. Я уверен, что ничто не расчищает в такой степени путь учащемуся, ничто не помогает ему в такой мере продвигаться вперед, не облегчает и не обеспечивает ему столь больших достижений в любом исследовании, как хороший метод. Воспитатель должен взять на себя труд заставить своего воспитанника уяснить себе это; он должен приучить его к порядку и научить методичности во всякой умственной работе, по-

казать ему, в чем метод заключается и в чем его преимущество, ознакомить его с различными методами — с переходом от общего к частному и от частного к более общему, упражнять его в применении того и другого метода и показывать ему, в каких случаях каждый из них наиболее подходит и каким целям лучше всего служит.

В истории ведущая роль принадлежит порядку хронологическому, в философских же исследованиях — тому порядку, который действует в природе; последний заключается в том, что при всяком движении вперед мы из места, в котором находимся в данный момент, переходим в соседнее, ближайшее к нему; точно так же и в области мысли: ум переходит от приобретенного знания к ближайшему, непосредственно с ним связанному и продолжает так идти дальше, к конечной цели, через простейшие и наименее сложные части, на которые он может расчленить предмет. Имея это в виду, для ученика будет весьма полезно, чтобы его приучали к правильному различению, т. е. иметь расчлененные понятия там, где ум может открыть реальное различие, но вместе с тем тщательно избегать словесных различий там, где у него нет расчлененных и различных идей.

§ 196. Помимо того что может приобретаться учением и из книг, джентльмену необходимо обладать некоторыми другими, внешними талантами; они приобретаются упражнением и поэтому требуют времени и помощи учителя.

Танцы сообщают детям на всю жизнь изящество движений и — что важнее всего — осанку и приличную уверенность в себе; поэтому я считаю, что учить их танцам никогда не рано, если только они достаточно выросли и окрепли, чтобы быть способными к этому занятию. Но вы должны непременно пригласить хорошего учителя, который знает и умеет учить изящному и приличному — тому, что придает свободу и непринужденность всем движениям тела. Но раз учитель этому не учит, это еще хуже, чем если бы его вовсе не было, ибо природная неуклюжесть лучше искусственных обезьяньих поз; и я думаю, что гораздо пристойнее снимать шляпу и раскланиваться на манер порядочного сельского джентльмена, чем на манер плохого танцмейстера. Что же касается самой пляски и танцевальных фигур, то я им не придаю никакого значения, а если придаю, то самое ничтожное и лишь в той мере, в какой они повышают изящество манер в целом.

§ 197. Считаю, что музыка имеет нечто родственное с танцами, и умение хорошо играть на некоторых инстру-

ментах многими высоко ценится. Но молодому человеку нужно затратить так много времени, чтобы достичь хотя бы посредственного искусства в музыке, и, кроме того, она часто вовлекает в столь дурную компанию, что, по мнению многих, гораздо лучше обойтись без нее; и право, я так редко слышал, чтобы кого-либо из способных и деловых людей хвалили и ценили за выдающиеся достижения в музыке, что, по моему мнению, среди всех вещей, которые когда-либо включались в список светских талантов, ей можно было бы отвести последнее место. Нашей короткой жизни не может хватить на то, чтобы овладеть всем; да и душа не может быть вечно занята приобретением знаний. Слабость нашей конституции, как духовной, так и физической, требует, чтобы мы часто получали передышку; и поэтому человек, желающий часть своей жизни провести с пользой, должен значительную ее часть отдавать отдыху и развлечениям. Во всяком случае вы не должны отказывать в этом молодым людям, иначе вы подобной чрезмерной торопливостью сделаете их преждевременными стариками, и вам грозит опасность свести их в могилу или подвести ко второму детству раньше, чем вы бы этого желали. Я думаю поэтому, что время и труд, посвященные серьезным занятиям, должны употребляться на самые полезные и важные вещи и с применением самых легких и кратких методов, какие только могут быть придуманы; и может быть, один из немаловажных секретов воспитания заключался бы, как я уже говорил выше, в том, чтобы превращать физические упражнения в отдых от умственных упражнений, и наоборот. Я не сомневаюсь, что разумный человек, который хорошо вдумается в характер и склонности своего воспитанника, сможет кое-что сделать в этом смысле. Ибо тот, кто устал от учебных занятий или от танцев, вовсе не желает немедленно лечь спать, а хочет заняться чем-либо другим, что бы доставило ему удовольствие и развлекло его. Но об одном следует всегда помнить, а именно что ничто не может развлечь, если оно делается без удовольствия.

§ 198. Фехтование и верховая езда считаются столь необходимой частью воспитания, что, если пренебрегать ими, это было бы сочтено за большое упущение; верховая езда, которой учатся в основном только в больших городах, является с точки зрения здоровья одним из лучших упражнений, какие можно иметь в этих местах удобства и роскоши; и пока джентльмен живет в этих местах, оно должно занять соответствующее место среди его занятий. Вер-

ховая езда сообщает человеку твердую и грациозную посадку в седле и умение дрессировать своего коня, заставлять его разом останавливаться, быстро поворачиваться и становиться на дыбы; поэтому она полезна для джентльмена как в мирное, так и в военное время. Но достаточно ли она важна, чтобы обращать ее в серьезное дело, и заслуживает ли она того, чтобы отнимать у джентльмена больше времени, чем следовало бы тратить его на этот тяжелый спорт, если исходить исключительно из интересов здоровья, — все это я предоставляю решать родителям и воспитателям. Но последним полезно при этом вспомнить, что, о какой бы части воспитания ни шла речь, наибольшая мера времени и прилежания должна быть уделена тому, что будет вероятнее всего иметь наибольшее значение и наиболее частое применение в обычном течении и обстоятельствах той жизни, для которой предназначается молодой человек.

§ 199. Что касается фехтования, то оно мне кажется хорошим упражнением для здоровья, но опасным для жизни. Уверенность в своем искусстве может поощрить к спорам тех, которые считают, что они умеют владеть шпагой. Эта самонадеянность часто делает их более чувствительными, чем нужно, в вопросах чести при малейшем поводе и даже при полном отсутствии его. Молодые люди, с их горячей кровью, склонны думать, что они напрасно учились фехтованию, если никогда не покажут своего искусства на дуэли; и это соображение, видимо, резонно. Но о том, сколько оно породило трагедий, могут свидетельствовать слезы многих матерей. Человек, не умеющий фехтовать, будет более тщательно избегать общества забияк и игроков и будет наполовину меньше склонен проявлять мелочную щепетильность, наносить оскорбления или решительно их оправдывать; а этим обыкновенно и вызываются ссоры. На самом же поединке посредственное умение фехтовать скорее подводит нас под удар противника, чем защищает от него. И бесспорно, что смелый человек, совсем не умеющий фехтовать, но строящий свой расчет на первый удар и не теряющий времени на парирование, имеет перевес над посредственным фехтовальщиком, особенно если он умеет хорошо бороться. Поэтому если в подобных случаях нужно заранее принимать меры и подготавливать своего сына к дуэлям, то я предпочел бы, чтобы мой сын был хорошим борцом, а не посредственным фехтовальщиком; на большее же искусство в фехтовании джентльмен не может рассчитывать, если только он не бу-

дет постоянно торчать в фехтовальной школе и упражняться ежедневно. Но поскольку фехтование и верховая езда всеми признаются как необходимые элементы воспитания джентльмена, трудно совершенно отказывать человеку этого ранга в подобных знаках отличия. Я предоставляю поэтому отцу право обдумать, в какой мере характер его сына и положение, которое он, вероятно, будет занимать, позволяют или побуждают его сообразоваться с обычаями, которые, имея очень мало общего с цивилизованной жизнью, раньше были неизвестны самым воинственным народам и, кажется, немного прибавили силы или мужества тем, которые их приняли, если только мы не думаем, что военное искусство или доблесть преуспели благодаря дуэлям, вместе с которыми фехтование вошло в обычай, с тем чтобы, как я полагаю, вместе с ними исчезнуть.

§ 200. Таковы мои мысли относительно обучения и внешних талантов джентльмена. Самая великая вещь — это добродетель и мудрость. *Nullum numen abest si sit prudentia*⁸⁰.

Научите джентльмена властвовать над своими склонностями и подчинять свои влечения разуму. Если это достигнуто и благодаря постоянной практике вошло в привычку, то самая трудная часть задачи выполнена. Чтобы привести молодого человека к такому результату, я не знаю лучшего средства, чем любовь к похвале и одобрению, которую поэтому следует внедрять всеми мыслимыми способами. Сделайте его душу возможно более чувствительной к чести и позору; и когда вы этого добились, вы тем самым вложили в него начало, которое будет влиять на его поступки и в вашем отсутствии и с которым нельзя даже сравнивать страх перед незначительной болью, причиняемой розгой; оно явится тем настоящим стволом, на котором впоследствии привьются истинные принципы морали и добродетели.

§ 201. Я намерен остановиться еще на одном предмете, при первом упоминании которого я рискую навлечь на себя подозрение в том, что я забыл о своей теме и о том, что я писал выше относительно воспитания, во всем приуроченного к призванию джентльмена, с которым как будто бы ремесло никак не совместимо. Тем не менее я не могу не сказать, что я желал бы, чтобы он учился ремеслу, ручному труду, и даже более того — не одному, а двум или трем, причем какому-нибудь одному более основательно.

§ 202. Поскольку склонность детей к деятельности всегда должна направляться на что-нибудь полезное для

них, следует учитывать два рода выгод, которых можно ожидать от их занятий:

1. Искусство, усвоенное путем упражнения, само по себе заслуживает того, чтобы его усвоить. Таковы не только знание языков и наук, но также живопись, токарное и кузнечное дело, садоводство и все другие полезные искусства, заслуживающие усвоения.

2. Упражнение как таковое, независимо от каких бы то ни было других упражнений, необходимо или полезно для здоровья.

Знание некоторых вещей настолько необходимо усваивать детям, пока они малы, что усовершенствованию в этих вещах должна быть посвящена некоторая часть их времени, хотя бы эти занятия вовсе не способствовали здоровью. Таковы чтение и письмо и все другие занятия, связанные с сидением на месте, цель которых — воспитание их ума и которые неизбежно отнимают у джентльменов значительную часть времени с самых ранних лет.

Из ручных ремесел, для усвоения которых, равно как и для упражнения в них, требуется физический труд, многие благодаря этому упражнению не только увеличивают нашу ловкость и искусство, но и укрепляют также наше здоровье, особенно если ими заниматься на открытом воздухе. В них, следовательно, можно сочетать усовершенствование с улучшением здоровья; из них следует выбрать подходящие в качестве развлечения для тех, чье главное занятие связано с книгами и учением. При этом выборе нужно сообразовываться с возрастом и склонностями данного человека и, привлекая его к делу, избегать принуждения. Ибо приказание и насилие часто вызывают отвращение, но никогда не излечивают от него; за какое бы дело вы ни засадили человека насильно, он при первой же возможности немедленно бросит его, да к тому же, пока он занимается им, оно приносит ему мало пользы и еще меньше развлечения.

§ 203. Из всех искусств я бы отдал предпочтение искусству живописи, если бы против нее не выдвигались кое-какие доводы, на которые трудно возразить. Во-первых, плохая живопись — одна из самых скверных вещей на свете; а для того чтобы достичь сносного умения в этом искусстве, требуется слишком много времени. Если кто-либо обладает природной склонностью к живописи, может возникнуть опасность, что ради нее он забросит все остальные, более полезные занятия; если же у него нет никакой склонности к ней, то все время, труд и деньги,

которые должны быть на нее затрачены, окажутся выброшенными на ветер. Другая причина, по которой я против занятия джентльмена живописью, заключается в том, что это развлечение связано с сидением на месте и больше занимает душу, чем тело. Более серьезным занятием для джентльмена я считаю учение, а когда оно требует прерыва и перемены, то надо заниматься физическим упражнением, которое дает отдых мыслям и укрепляет здоровье. По этим двум соображениям я не сторонник живописи.

§ 204. Для сельского джентльмена я предложил бы одно из следующих двух занятий или, еще лучше, и то и другое: садоводство или вообще сельское хозяйство и работы по дереву, например плотницкие, столярные, токарные, ибо для кабинетного или делового человека они являются полезным и здоровым развлечением. Душа не выдерживает постоянного занятия одним и тем же предметом или одним и тем же приемом работы, и люди, ведущие сидячую или кабинетную жизнь, должны иметь какое-нибудь упражнение, которое бы могло в одно и то же время развлекать их душу и занять тело; и я не знаю в этом отношении ничего лучше указанных двух занятий — когда погода или время года не позволяет ему заняться одним, он может делать другое. Хорошее усвоение первого даст ему возможность руководить своим садовником и учить его; усвоив второе, он будет в состоянии придумывать и изготовлять много полезных и вместе с тем приятных вещей. Но на это я указываю не как на главную цель работы, а как на нечто привлекающее к ней, ибо главное, что я имею в виду, заключается в полезном и здоровом ручном труде как отвлечении от других, более серьезных мыслей и занятий.

§ 205. Великие люди древности очень хорошо умели сочетать ручной труд с государственными делами и не считали умалением своего достоинства заниматься подобным трудом в виде отдыха от своих основных дел. Фактически наиболее распространенным среди них занятием и развлечением в часы досуга, видимо, было земледелие. Геден у евреев был взят от молотила, а Цинциннат⁸¹ у римлян — от плуга, чтобы командовать войсками их стран против врагов; очевидно, их умение искусно управлять цепом или плугом и хорошо работать этими инструментами не мешало им искусно владеть оружием и не делало их менее способными в делах войны и государственного управления. Они были великие полководцы и государственные люди и в то же время сельские хозяева. Катон

Старший, который с великой славой исполнял все высокие должности республики, оставил нам письменное доказательство своего большого знания сельского хозяйства; и, как мне помнится, Кир настолько далек был от того, чтобы видеть в занятии садоводством умаление достоинства и величия трона, что показывал Ксенофону большой фруктовый сад, в котором все деревья были посажены его руками⁸². Древние летописи как евреев, так и язычников полны примерами такого рода, если требуются примеры для рекомендации полезных развлечений.

§ 206. Не думайте также, что я ошибаюсь, когда называю подобные упражнения и ручные ремесла развлечениями или отдыхом; отдых заключается не в безделье (как может убедиться каждый), а только в облегчении утомленного органа переменной занятий; и тот, кто думает, что развлечение не может состоять в трудной и утомительной работе, забывает о раннем вставании, трудной верховой езде, о жаре, холоде и голоде, которые выпадают на долю охотников; между тем охота, как известно, составляет обычное развлечение среди людей высшего круга. Копание земли, посадка деревьев, прививка или другие подобные полезные занятия могли бы не в меньшей мере служить развлечением, чем любой праздный модный спорт, если бы только люди научились находить в том удовольствие, а это быстро приносят с собой привычка и знание какого-либо ремесла. И я не сомневаюсь, что найдутся люди, которые, получая часто приглашения на карты или какие-либо другие игры и не имея возможности отклонять их, больше устают от этих развлечений, чем от каких-либо более серьезных занятий, хотя бы игра была такая, которая сама по себе не внушает никакого отвращения и которой они бы охотно временами развлекались.

§ 207. Игра, которой знатные люди, особенно дамы, отдают столько времени, служит для меня ясным примером того, что люди не могут находиться в полной праздности: они должны что-нибудь делать; иначе как могли бы они просиживать столько часов за таким занятием, которое большинству людей доставляет больше неприятностей, чем удовольствия, когда их привлекают к нему! Несомненно, что от игры не остается никакого чувства удовлетворения у человека, размышляющего о ней уже после того, как она кончилась; не приносит она также никакой пользы ни телу, ни душе; что касается материальной стороны, то, если игра затрагивает человека так глубоко, что и эта сторона его интересует, она становится уже не развлечением,

а промыслом, в котором мало преуспевают те, у которых есть другой источник средств. А преуспевающей игрок, наполняя свои карманы ценой своей репутации, в лучшем случае лишь жалко промышляет.

Развлечение не нужно людям, которые чуждаются серьезного дела и не истощаются и не утомляются своими профессиональными занятиями. Нужно уметь регулировать время развлечения так, чтобы оно давало отдых и освежало тот орган, который упражнялся и утомился, но время надо использовать так, чтобы помимо развлечения и приятного самочувствия в настоящем каждое занятие давало бы пользу в будущем. Только тщеславие и кичливость знатных и богатых людей ввели в моду бесполезные и опасные способы приятного времяпрепровождения — «pastimes», как они это называют, и поселили в людях убеждение, что изучение и занятие чем-либо полезным не может быть развлечением, подходящим для джентльмена. Это и было причиной того, что карты, кости и попойки получили такое признание в свете; множество людей тратит на них свои свободные часы, скорее подчиняясь обычаю и не имея какого-нибудь другого лучшего занятия, которым можно было бы заполнить досуг, чем находя в этом какое-либо действительное удовольствие. Они не в силах нести мертвый груз незанятого времени, переносить скуку ничегонеделания; однако, не выучившись никакому похвальному ремеслу, которым могли бы развлекаться, они, чтобы убить время, прибегают к этим обычным, но нелепым или вредным развлечениям, в которых разумный человек, еще не испорченный обычаем, нашел бы очень мало приятного.

§ 208. Я не хочу этим сказать, что, по моему мнению, молодой джентльмен ни в коем случае не должен приравниваться к тем невинным развлечениям, которые приняты среди молодых людей его возраста и положения. Я настолько далек от желания видеть его до такой степени суровым и угрюмым, что хотел бы убедить его быть более снисходительным ко всем увеселениям и развлечениям своих товарищей и не реагировать с угрюмым нерасположением на их предложения, если последние приличествуют джентльмену и порядочному человеку. Хотя, что касается карт и костей, по моему мнению, безопаснее и лучше всего, чтобы он никогда не учился играть в них и был, таким образом, застрахован от этих опасных соблазнов и от вторжения в его жизнь этих расточителей полезного времени. Но если даже допускать праздное и веселое время-

препровождение и всякие приличные модные забавы, я все-таки утверждаю, что у молодого человека будет оставаться достаточно времени от его серьезных и главных занятий, чтобы научиться почти любому ремеслу. То, что люди бывают искусны только в одном деле, нужно приписывать недостатку прилежания, а не отсутствию лишнего времени; один час в день, регулярно отдаваемый такого рода занятию, может привести человека к таким достижениям, каких он и не воображает, а это заслуживало бы поощрения даже в том случае, если бы только вывело из моды общепринятые порочные и бесполезные способы развлечения и показало бы, что в них нет никакой надобности. Если бы люди с юных лет отучались от того шалопайства, в котором некоторые, следуя обычаю, теряют бесплодно значительную часть своей жизни, не работая и не развлекаясь, то у них нашлось бы достаточно времени, чтобы приобрести сноровку и искусство в сотнях вещей, которые, хотя бы они были далеки от их настоящей профессии, тем не менее несколько не мешали бы ей. Ввиду этого, так же как и по соображениям, указанным выше, я считаю, что менее всего должно быть терпимо и допускаемо в молодых людях то ленивое и апатичное настроение, которое заставляет проводить день за днем в сонливой праздности. Это является естественным состоянием болезненного человека или человека с расстроенным здоровьем; но ни в ком другом, независимо от возраста или общественного положения, оно не должно быть терпимо.

§ 209. К вышеупомянутым ремеслам можно прибавить еще изготовление духов⁸³, лакирование, гравирование и некоторые виды работ по железу, меди и серебру; если же молодой джентльмен, как это бывает с большинством из них, проводит значительную часть своего времени в большом городе, то он может там научиться ограничивать и оправлять драгоценные камни, шлифовать и полировать оптические стекла. При большом разнообразии затейливых ремесленных работ невозможно, чтобы не оказалось ни одной, которая бы пришлась ему по душе и по вкусу, если только он не ленивый и не испорченный человек, о чем нельзя предположить, если он был правильно воспитан. Поскольку он не может быть постоянно занят учением, чтением и беседой, то, кроме того времени, которое у него отнимут эти занятия, останется много свободных часов, и если он не будет их тратить указанным образом, то потратит их хуже. Ибо я думаю, что молодой человек в редком случае пожелает оставаться в полной праздности и безделье;

а если это имеет место, то перед нами порок, который нужно исправить.

§ 210. Но если заблуждающиеся родители, которых приводят в ужас такие неприятные слова, как «ремесло» и «ручной труд», не дадут своим детям заниматься чем-либо в этом роде, то есть одна вещь, относящаяся к торговле, изучение которой они, по здравом размышлении, признают для своих сыновей безусловно необходимой.

Знание счетоводства не поможет джентльмену нажить состояние; однако нет, пожалуй, более полезного и действенного способа сохранить ему то состояние, которым он обладает, чем счетоводство. Редко приходится наблюдать, чтобы допустил свои дела до полного расстройтва тот, кто ведет счет своим доходам и расходам и, таким образом, постоянно имеет перед глазами движение своих хозяйственных дел; и я не сомневаюсь, что многие впадают в долги, не замечая этого, или еще дальше расстраивают свои дела, однажды допустив это, только потому, что не заботятся о ведении учета или не умеют это делать. Поэтому я бы рекомендовал всякому джентльмену основательно изучить счетоводство и не думать, что это искусство ему не нужно потому, что оно получило свое название от торговых людей и ими главным образом применяется.

§ 211. Коль скоро мой юный барчук научился вести счета (дело скорее соображения, чем арифметики), будет нелишнее, если отец будет впредь требовать от него вести все свои личные счета. Я не хочу сказать, что молодой человек должен записывать стоимость каждой пинты вина или потраченные на игру деньги: для этих вещей вполне достаточна одна общая рубрика расходов. Я не желал бы также, чтобы отец слишком подробно рассматривал его счета и на этом основании критиковал его за расходы; он должен помнить, что и он сам был когда-то молодым человеком, и не должен забывать, какие мысли ему были тогда свойственны и что его сын имеет сейчас право на такие же мысли и может требовать снисходительного отношения к ним. Поэтому если я и желал бы, чтобы молодого джентльмена обязали вести счета, то вовсе не с тем, чтобы таким путем вмешивались в его расходы (ибо отец должен предоставить ему полную свободу в распоряжении теми средствами, которые ему выдает), но исключительно для того, чтобы с ранних лет приучить его и сделать для него легким и привычным то, что ему будет столь полезно и необходимо неуклонно практиковать в течение всей жизни. Один знатный венецианец, сын которого утопал в богатст-

ве, находя, что его расходы растут сверх всякой меры, приказал своему кассиру не выдавать сыну денег больше, чем тот в состоянии будет каждый раз при получении сосчитать. Можно было бы подумать, что это не очень большое стеснение для юного джентльмена в его расходах, раз он может свободно получать столько денег, сколько он в состоянии сосчитать. Однако для человека, не привыкшего ни к чему другому, кроме погони за удовольствиями, это оказалось весьма серьезным затруднением, которое в конце концов привело его к следующему трезвому и полезному размышлению: если мне так трудно только сосчитать те деньги, которые мне предстоит истратить, то сколько же труда и усилий стоило моим предкам не только считать их, но и наживать. Эти разумные мысли, внушенные ему небольшой работой, которая была на него возложена, так сильно повлияли на его образ мыслей, что он совершенно переменялся и с того времени ведет себя как разумный хозяин. Во всяком случае каждый должен признать, что ничто не может лучше удерживать человека в определенных границах, чем постоянный учет состояния своих дел путем регулярного ведения счетов.

§ 212. Последней частью воспитания обыкновенно является путешествие, в котором обычно видят завершение дела — то, что заканчивает формирование джентльмена. Я согласен, что путешествие в чужие страны дает большие преимущества; но молодых людей обычно отправляют за границу, по моему мнению, как раз тогда, когда они менее, чем в любое другое время, способны извлечь отсюда выгоды. Главнейшие из этих выгод следующие две: первое — это усвоение языка, второе — повышение умственного развития и обогащение практическим опытом благодаря наблюдению и общению с людьми, нравы, обычаи и образ жизни которых отличны между собой и особенно от тех, которые молодой человек наблюдал в своем приходе и по соседству. Но в возрасте между шестнадцатью и двадцатью одним годом, обычно избираемом для путешествия, люди менее всего способны совершенствоваться в этих направлениях. Наиболее подходящим временем для усвоения иностранных языков и приспособления органа речи к правильному произношению я считал бы возраст от семи до четырнадцати или шестнадцати лет; но тогда полезно и необходимо, чтобы с мальчиком был воспитатель, который учил бы его кроме языков и другим вещам. Но отпустить юношу далеко от родительского глаза под надзором гувернера в такое время, когда мальчик считает себя

слишком взрослым, чтобы подчиняться чужому руководству, и в то же время не обладает достаточным благоразумием и опытом, чтобы быть самостоятельным, — разве это не значит подвергать его самым большим за всю жизнь опасностям в такое время, когда он наименее огражден и защищен от них? До того как наступит этот кипучий и бурный период его жизни, воспитатель, можно надеяться, будет иметь известный авторитет: несмотря на упорство, свойственное возрасту, и на искушения или примеры других, мальчик до пятнадцати или шестнадцати лет не уйдет из-под руководства воспитателя; позднее же, когда он начинает водиться со взрослыми и самого себя считать взрослым человеком, когда он уже находит вкус и источник гордости в пороках взрослых и считает для себя позорным оставаться дольше под чужим контролем и руководством, — чего можно тогда ожидать даже от самого заботливого и рассудительного гувернера, раз у него нет силы принуждения по отношению к своему воспитаннику, а последний не расположен слушаться его уговоров, а, напротив, подчиняясь голосу горячей крови и господствующему обычаю, скорее склонен верить советам товарищей, чем воспитателя, в котором он теперь видит врага своей свободы? Когда же человеку так легко сбиться с пути, как не в этот период, когда в нем сочетаются неопытность и непокорность? Именно в эту пору жизни больше, чем в какую-либо другую, требуются надзор и авторитет родителей и друзей. Податливость раннего возраста, когда мальчик еще не дорос до упрямства, делает этот возраст более легким для воспитания и более безопасным; в позднем же возрасте начинают понемногу действовать разум и предусмотрительность и напоминать человеку о необходимости совершенствования. Поэтому правильнее всего отправлять молодого джентльмена за границу или в более раннем возрасте, когда он находится под надзором воспитателя, который будет для него и более полезен, или же когда он на несколько лет старше и уже не имеет гувернера, т. е. находится в таком возрасте, когда может управлять самим собою и замечать все, что он встречает в других странах интересного и могущего оказаться ему полезным по возвращении; когда, кроме того, он, уже зная хорошо законы и обычаи, природные и моральные преимущества и недостатки своей страны, может уже о чем-то обмениваться мыслями с иностранцами и может надеяться, что извлечет из беседы с ними какие-либо знания.

§ 213. Я полагаю, что именно потому, что путешествия молодых джентльменов организуются иначе, очень многие из них возвращаются домой, извлекая так мало пользы из своей поездки. Все знание увиденных мест и людей, которое они привозят домой, часто выражается в одном лишь восхищении самыми скверными и пустыми обычаями, с которыми они встречались за границей. Приятные воспоминания о моментах, в которые они ощутили впервые обретенную свободу, скорее сохраняются в их памяти, чем то, что должно было бы сделать их лучше и мудрее. Да и в самом деле, как может быть иначе, если они ездят за границу в таком возрасте, когда находятся под присмотром другого человека, который должен заботиться обо всем необходимом для них и делать за них наблюдения? Находясь под крылышком гувернера и пользуясь этим, они видят в этом оправдание тому, что еще не стоят на собственных ногах и не отвечают за свое поведение, и редко затрудняют себя вопросами, редко делают самостоятельные и полезные наблюдения. Их мысли направлены на игры и развлечения, и здесь они всякий контроль считают умалением их прав; они редко затрудняют себя тем, чтобы выикать в намерения, наблюдать манеры, размышлять о примерах, о характерах и наклонностях людей, с которыми встречаются, чтобы знать, как вести себя по отношению к этим людям. Здесь тот, кто путешествует с ними, должен служить для них прикрытием: выручать их, когда они попадают в затруднительное положение, и нести ответственность за все их дурные поступки.

§ 214. Я согласен, знание людей — это такое большое искусство, что нельзя ожидать от молодого человека, чтобы он сразу овладел им. Но ведь поездка за границу будет малополезна, если путешествие не откроет ему глаза, не сделает его осмотрительным и сдержанным, не приучит смотреть глубже поверхности и под безобидным покровом вежливого и любезного обращения сохранять свободу и безопасность в общении с иностранцами и людьми вообще, не теряя их доброго мнения. Тот, кого посылают в путешествие в возрасте и с мыслями человека, желающего извлечь для себя из этого пользу, может всюду вступать в общение и знакомиться с выдающимися людьми. Но хотя это в высшей степени полезно для путешествующего джентльмена, однако я спрошу вас: найдется ли среди наших молодых людей, едущих за границу под присмотром воспитателя, хотя бы один из ста, который когда-либо посетил бы какого-нибудь выдающегося человека? И еще реже они

знакомятся с людьми, беседа с которыми могла бы показать им, что считается хорошим воспитанием в этой стране и что в ней заслуживает внимания; хотя от таких лиц можно в один день узнать больше, чем за целый год шатаний по гостиницам. И право, удивляться тут нечему: достойные и даровитые люди не склонны вступать в простое знакомство с мальчиками, которые нуждаются в опеке воспитателя, между тем как молодой джентльмен и иностранец с внешностью взрослого человека, обнаруживающий желание познакомиться с обычаями, нравами, законами и образом правления страны, в которой он находится, повсюду найдет благожелательное содействие и радушный прием у лучших и наиболее сведущих людей, готовых принять, поощрить и поддержать неглухого и любознательного иностранца.

§ 215. Как бы эти соображения ни были справедливы, боюсь, однако, что они не заставят изменить обычай, который отнес время путешествия к самому неподходящему периоду человеческой жизни по причинам, не имеющим никакого отношения к усовершенствованию молодых людей. Мальчика восьми — десяти лет нельзя отправлять за границу из опасения, как бы чего не случилось с нежным ребенком, хотя в это время он подвергается в десять раз меньшей опасности, чем в шестнадцать или восемнадцать лет. С другой стороны, нельзя держать его дома до тех пор, пока не пройдет этот опасный и буйный возраст, ибо к двадцати одному году он должен уже вернуться, жениться и думать о потомстве. Отец не может дольше ждать с выделом, а матери не терпится дождаться нового поколения малюток для забавы; и вот, мой молодой человек должен во что бы то ни стало получить жену, которую высмотрели для него, пока он подрастал; хотя никакого вреда не было бы ни для его сил и способностей, ни для его потомства, если бы это было отложено на некоторое время и ему позволили бы годами и знаниями несколько больше опередить своих детей, которые, как это часто наблюдается, идут прямо по пятам своих отцов, что не доставляет большого удовольствия ни сыну, ни отцу. Но коль скоро молодой джентльмен уже носится с проектом женитьбы, пора предоставить его той, которую он любит.

§ 216. Хотя я подошел к концу моих заметок о воспитании, вынужденных наблюдениями, я бы не хотел, однако, чтобы подумали, что я смотрю на них как на настоящий трактат об этом предмете. Есть тысячи других вещей, которые бы требовали рассмотрения, особенно если принять

во внимание разнообразные темпераменты, различные наклонности и специальные недостатки, которые можно встретить у детей и которые требуют специальных мер исправления. Разнообразие так велико, что потребовался бы целый том; да и его бы не хватило. Душа каждого человека, так же как и его лицо, имеет известные особенности, отличающие его от остальных людей, и вряд ли найдутся двое детей, в воспитании которых можно было бы применить совершенно одинаковый метод. Кроме того, я думаю, что принц, дворянин и сын обыкновенного джентльмена должны воспитываться различным образом. Но я имел в виду высказаться здесь лишь о некоторых общих вопросах относительно главной задачи и цели воспитания, к тому же применительно к сыну одного джентльмена, тогда еще совсем маленькому, которого я рассматривал как чистый лист бумаги или воск, из которого можно вылепить и сформировать все что угодно. Поэтому я несколько вышел за пределы тех общих правил, которые, по моему мнению, должны применяться при воспитании юного джентльмена; и я публикую теперь мои случайные мысли — хотя они далеко не представляют полного трактата об этом предмете или такого, в котором каждый мог бы найти то, что полностью подойдет для его ребенка, — надеюсь, что они все же могут кое-что осветить для тех, кого забота о своих дорогих крошках делает столь необычайно смелыми, что они решаются, не полагаясь всецело на старый обычай, советоваться в деле воспитания своих детей и с собственным разумом.

МЫСЛИ О ТОМ, ЧТО ЧИТАТЬ И ИЗУЧАТЬ ДЖЕНТЛЬМЕНУ

Чтение служит совершенствованию разума. Совершенствование же разума нужно для двух целей: во-первых, для расширения наших собственных знаний, во-вторых, для того, чтобы мы могли передавать эти знания и делать их понятными для окружающих. Последнее пусть для занятий джентльмена и не главное, все же не менее важно, чем первое, ибо большая часть жизненных дел и выгод зависит от того, что говорим или пишем мы другим людям.

Круг наших знаний не может быть шире круга наших идей. Следовательно, тот, кто желает быть сведущим во всем, должен познакомиться с объектами всех наук. Но для джентльмена, чье призвание — в служении отечеству, это необязательно, ему более всего подобает заниматься вопросами нравственными и политическими. Итак, к его призванию самым непосредственным образом относятся науки о добродетелях и пороках, о гражданском обществе и видах правления, а также право и история.

Джентльмену достаточно воспринять идеи, относящиеся к его призванию; он найдет их в книгах на вышеупомянутые темы. Следующим шагом в совершенствовании его разума должно стать усмотрение связи этих идей в утверждениях, которые выдвигаются и преподаются в книгах в качестве истин. До того как человек сможет судить, истины это или нет, его разум едва-едва усовершенствуется, и он будет думать и говорить лишь в соответствии с книгами, которые прочитал, не имея помимо этого никаких знаний. Потому начитанные люди могут быть весьма учены и, однако, малознающими.

Поэтому третий и последний шаг в совершенствовании разума состоит в выяснении того, на чем основано выдвинутое утверждение, и в усмотрении связей промежуточных идей, соединяющих его с тем основанием, на котором оно воздвигнуто, или с тем принципом, из которого оно выведено. Коротко говоря, это есть способность правильно рассуждать; только на этом пути можно с помощью чтения и занятий достичь истинного знания.

Когда человек с помощью упражнения приобрел эту способность усматривать ход рассуждения и связь прочитанного и судить о них, а также доказывать то, чему его пытались научить, — тогда, но не раньше, чем ему это удалось, он станет на верный путь к усовершенствованию своего разума и расширению своих знаний посредством чтения. Но это (как я уже сказал) еще не все, к чему следует стремиться читающему джентльмену; он должен, кроме того, иметь желание совершенствоваться также в искусстве речи, настолько, чтобы быть в состоянии наилучшим образом применить свои знания.

Искусство хорошей речи заключается главным образом в двух вещах — в ясности и в правильном рассуждении. Ясность достигается употреблением надлежащих терминов для идей или мыслей, которые говорящий хочет передать из своего сознания в сознание другого. Именно ясность делает их легкодоступными, и люди с удовольствием внимают тем, кого они легко понимают; все, что сказано невразумительно, умирает сразу по произнесении и обычно не только пропадает даром, но и порождает в слушателях предубеждение против говорящего, который, как им кажется, либо не знает, о чем говорит, либо боится сказать это понятно. Чтобы достичь ясной речи, следует читать книги, которые признаются написанными самым ясным и правильным языком, каким только пользуются люди. Непревзойденным в этом отношении автором, наряду с некоторыми другими, является доктор Тиллотсон, покойный епископ Кентерберийский¹; все им опубликованное — тому свидетельство. Я предпочитаю рекомендовать в качестве образца для овладения искусством ясной речи именно его труды, а не те, что сообщают правила этой науки, ибо мы более способны учиться на примере, чем по инструкциям. Если же кто-нибудь захочет обратиться к учителям искусства письма и речи, он может найти у Туллия в «De Orator» и в другом его трактате «Orator», в «Institutions» Квинтилиана и в трактате Буало «Du Sublime»² указания о разнообразных составляющих хорошей речи.

Ясность должна быть дополнена правильным рассуждением, без чего она лишь скомпрометирует говорящего. Чтобы достичь умения правильно рассуждать, я бы посоветовал постоянно читать Чиллингворта³, сочинения которого научат и ясности, и умению правильно рассуждать лучше, чем любая другая известная мне книга; поэтому его нужно читать и перечитывать, обращая особое внимание на его способы доказательства. Кроме этих английских

книг для формирования вкуса и склонности к правильной речи и письму можно читать Туллия (лучшее издание Туллия — Гульелмуса и Грутера, отпечатанное в Гамбурге, 1618; превосходно также эльзевирское издание Туллия в 9 томах), Теренция (последнее кембриджское издание), Вергилия (последнее кембриджское), Ливия (эльзевирское издание) и «Записки» Цезаря (издание Стифена)⁴.

Эти книги я упомянул только в связи с искусством правильного письма и речи, но это не значит, что их не стоит читать по другим поводам.

Как я уже говорил выше, джентльмену подобает изучать мораль — не просто как человеку, но ради его обязанностей джентльмена. Книг о морали, написанных древними и новыми философами, достаточно, но евангельская мораль настолько превосходит все сказанное в них, что для полного познания истинной морали я направляю его только к Новому завету. Если же он захочет узнать о степени развития этой науки в языческом мире и об основаниях языческой этики, он с удовольствием и пользой прочтет трактат Туллия «*De officiis*»⁵.

Политика состоит из двух весьма различных частей: первая касается возникновения общества, происхождения и пределов политической власти, вторая — искусства управления людьми в обществе. Первая настолько обсуждалась нами за последние шестьдесят лет, что в соответствующих книгах нет недостатка. Из английских, я думаю, более всего в ходу первая книга «Церковной политики» м-ра Гукера и книга о государственном правлении м-ра Алджернона Сиднея⁶; последнюю я не читал. К этому можно добавить «Два трактата о правлении», напечатанные в 1690 г., и трактат «Гражданская политика»⁷, напечатанный в этом году. Сюда же относятся «*De officio hominis et civis*» и «*De jure naturali et gentium*» Пуфендорфа⁸; последнюю из этих книг можно назвать лучшей в своем роде.

Что касается второй части политики — искусства управления, здесь, я думаю, лучшие учителя — опыт и история, преимущественно история отечественная. И поэтому, я полагаю, английский джентльмен должен быть сведущ в истории Англии, начиная с самых ранних из сохранившихся свидетельств, присовокупляя к этому законы, сложившиеся в различные эпохи ее истории, изучая их в моменты государственных перемен и как они создавались. В «Истории Англии» м-ра Тиррела⁹ он найдет ссылки на всех авторов, которые занимались нашими делами и к которым он сможет обратиться по любому вопросу, по-

рожденному его любознательностью или рассудительностью.

Помимо историков ему бы также хорошо почитать юристов прошлого (например, Брэктона, «Флету», Хеннингема, «Зерцало справедливости», вторые «Институции» милорда Кока, а также «*Modus tenendi parliamentum*» и прочее в том же роде; упоминание о них он может найти в последних дискуссиях между м-ром Петитом, м-ром Тиррелом, м-ром Атвудом etc. и д-ром Брэди, а также, я полагаю, в трактате Сэдлера «Права королевства и обычаи наших предков», первое издание которого является наилучшим), откуда он почерпнет сведения о старинном государственном устройстве Англии¹⁰ Есть также два тома «Государственных трактатов»¹¹, напечатанные после революции, в которых содержится многое о государственном управлении Англии.

Для знакомства с общей историей ему необходимо прочитать сэра Уолтера Рэли и д-ра Хоуэлла¹² Если же он отважится пуститься в этот океан и далее, пусть обратится к последнему изданию «*Methodus legendi historias*» Уира¹³, эта книга отошлет его к другим авторам, которых надо прочесть, и укажет метод изучения их трудов.

Чтение по истории нужно обязательно дополнить знакомством с хронологией и географией. География на английском представлена двумя основными книгами: Хейлина и Моля¹⁴. Которая из них лучше, не знаю, досконально ни с одной не знаком. Думаю, последняя полезнее, ибо новые открытия, совершающиеся ежедневно, ведут к совершенствованию этой науки; с другой стороны, мне кажется, что страны, которые упоминает Хейлин, рассмотрены им лучше, исключая новые открытия, сделанные после него. Эти две книги посвящены общей географии; сочтет ли английский джентльмен, что его время позволяет уделить много сил этому предмету, или нет — без этого он не сможет хорошо понимать газет; без сомнения, он не сможет обойтись и без «*Britannia*» Кемдена¹⁵, которая значительно расширена в последнем английском издании. Необходимо также и хорошее собрание карт.

Что касается географии, то можно добавить книги о путешествиях. Этот жанр превосходно представлен нашими соотечественниками Хэклитом и Пэрчесом¹⁶. На французском прекрасное собрание сделано Тевено, *in folio*, на итальянском — Рамуцио¹⁷; не знаю, существуют ли их английские переводы. Опубликовано также несколько хороших книг о путешествиях англичан, например Сэндиса,

Роу, Брауна, Гейджа, Дэмпьера¹⁸. Имеется также несколько очень хороших описаний путешествий на французском — Пирара, Бержерона, Сагара, Бернье¹⁹ и других, не знаю, все ли они переведены на английский. В настоящее время м-ром Черчиллем публикуется превосходное «Собрание путешествий»²⁰, никогда прежде по-английски такого не печаталось. Кроме того, есть огромное количество и других книг о путешествиях, замечательным образом сочетающих увлекательность с полезностью. Перечисление их всех заняло бы слишком много времени и места. Я же упомянул достаточно для начала.

Что до хронологии, то, я думаю, для общего употребления наилучшим является Гельвикус²¹; эту книгу можно не читать, но просто держать под рукой и заглядывать в нее по мере надобности. Пожелает джентльмен подробнее исследовать хронологию — пусть возьмет «Таблицы» Таллента и «Breviarium temporum» Страухиуса, к ним можно добавить «De emedatione temporum» Скаллигера, а также Петавия²², если он желает углубиться в эту науку.

Отдельные эпохи нашей истории лучше всего описали Бэкон (о Генрихе VII) и Герберт (о Генрихе VIII), рекомендуется также Дэниель и «История Реформации» Барнета²³. Заслуженно широкой известностью пользуются «История Испании» Марианы, «История своего времени» Туануса и Филипп де Комин²⁴. Имеется также несколько английских и французских мемуаров и собраний, например Ларошфуко, Мелвилла, Рашуэрта²⁵ и других, для тех, кто пожелает узнать о происходившем в течение последнего столетия в Европе.

Чтобы уметь управлять собой, будь то в частной жизни или на государственном поприще, ничто так не поможет джентльмену, как знание людей. Хотя это последнее приобретается прежде всего из опыта, а затем и из здравого понимания истории, есть еще и книги, помогающие проникнуть в человеческую природу. Таковы книги о страстях и о том, что вызывает их, например небольшое по объему, но достойное восхищения повествование Аристотеля во второй книге «Риторики». Мне кажется, эта «Риторика» переведена на английский; если же нет, ее можно иметь на древнегреческом с параллельным латинским текстом. Великолепный образец являют нам также «Характеры» Лабрюйера²⁶; эта книга, кажется, существует в английском переводе. Сатирические сочинения, например Ювенала, Персия и прежде всего Горация²⁷, также

учат нас познавать человеческую природу, хотя и рисуют пороки людей.

Существует и еще одна польза от чтения — развлечение и удовольствие. Этому служит поэзия, особенно драматическая, если она свободна от нечестивостей, непристойностей — словом, всего, что портит хорошие нравы: литературы с таким уклоном следует избегать. Из всей художественной прозы я не знаю книги, равной «Истории Дон-Кихота» Сервантеса по полезности, остроумию и неизменному следованию чувства приличного. И в самом деле, приятны только те произведения, в основе которых лежит Природа и которые являют нам срисованную с нее копию.

Я чуть было не забыл о книгах еще одного рода, которые служат джентльмену поддержкой в его занятиях, — о всевозможных словарях. Для латинского языка — Коула, Купер, Калепино, «*Thesaurus linguae latinae*» Роберта Стивенса и «*Etymologicum linguae latinae*» Воссия²⁸. Для английского — превосходный в этом же роде «*Lexicon etymologicum*» Скиннера²⁹. «Толковник» Кауэлла³⁰ полезен для изучения юридических терминов. «Глоссарий» Спелмана³¹ — очень полезная научная книга. Не обойтись джентльмену и без «Благородных званий» Селдена³². Прекрасный «Географический словарь» составлен Бодраном³³. Пригодятся также исторические словари — Ллойда, Гофмана, Морери³⁴. Нечто в том же роде представляет собой и словарь Бейля³⁵. Случись джентльмену заглянуть в книги, нарисанные по-латыни после падения Римской империи и упадка классического латинского языка, он не обойдется без «Глоссария» Дюканжа³⁶.

Среди вышеупомянутых книг был «*Etymologicum linguae latinae*» Воссия; все работы этого автора недавно изданы в Голландии в 6 томах. Они очень подходят для библиотеки джентльмена, ибо содержат ученые суждения, касающиеся всех наук.

РАССУЖДЕНИЕ О ЧУДЕСАХ

Рассуждать о чудесах, не определив сначала, что следует понимать под словом «чудо», — значит создавать лишь видимость рассуждения, а на самом деле говорить впустую.

Чудо, как я его понимаю, есть воспринимаемое органами чувств действие, которое очевидец, в силу того что оно выше его понимания и противоречит, по его мнению, естественному ходу вещей, принимает за божественное деяние.

Тот, кто присутствует при этом событии, есть очевидец; тот, кто верит в свершение этого события в прошлом, как бы ставит себя на место очевидца.

Вероятно, против этого определения можно выдвинуть следующие два возражения:

1. Во-первых, оказывается весьма неопределенным, что же есть чудо; ибо, раз оно зависит от мнения того, кто его наблюдает, для одного будет чудом то, что для другого не будет таковым.

В ответ на это достаточно заметить, что данное возражение не имеет никакой силы, за исключением только одного случая: если его выскажет тот, кто сможет дать такое определение чуду, против которого нельзя выдвинуть само это возражение; а сделать это, я думаю, нелегко; ибо если по всеобщему согласию чудом может быть только то, что превышает силу природы в установленных, постоянных законах причин и следствий, признано чудом может быть только то, что, по мнению людей, выходит за пределы этих законов. Но поскольку каждый в состоянии судить об этих законах только на основании своего собственного знакомства с природой и своих понятий о ее силе (а у разных людей они различны), неизбежно такое положение, при котором для одного будет чудом то, что для другого таковым не является.

2. Второе возражение против данного определения будет состоять в том, что расширенное таким образом понятие о чуде может иногда включать действия, которые не имеют в себе ничего необычного или сверхъестественного

и тем самым делают тщетным использование чудес для подтверждения божественного откровения.

На это я отвечаю: вовсе нет, если правильно понимать то доказательство, которое получает божественное откровение от чудес.

Чтобы удостовериться в каком-либо откровении как исходящем от бога, необходимо знать, что вестник, его доставивший, послан богом, а это нельзя узнать кроме как на основании какого-либо свидетельства, данного ему самим богом. Давайте тогда посмотрим, не являются ли чудеса — как я их определяю — такими свидетельствами и не направят ли они нас безошибочно прямо в поисках божественного откровения.

Божественное откровение — и это следует принять во внимание — получает подтверждение только от тех чудес, которые совершаются для доказательства того, что человек, сообщаящий откровение, действительно послан богом. Откровение не имеет никакого отношения ко всем другим чудесам, совершающимся в мире, сколько бы их ни было и какими бы великими они ни были. Случаев, когда есть или могла быть потребность в чудесах для подтверждения откровения, гораздо меньше, чем можно предположить. В языческом мире, среди бесконечного и беспорядочного нагромождения божеств, мифов и культов, не было места для божественного утверждения одного из них против всех остальных. Те, кто имел много богов, были свободны в своем поклонении; и поскольку ни одно из их божеств не претендовало на то, чтобы быть одним-единственным истинным богом, то нельзя предполагать, что при языческой системе религий один из язычников мог использовать чудеса для утверждения только своего культа или для уничтожения культа другого язычника; еще менее нужны были чудеса для подтверждения каких-либо догматов веры, поскольку ни у одного из божеств просто не было таких, в которые должны были бы верить те, кто им поклонялся. И, в силу этого, я не помню ни одного чуда, отмеченного греческими или римскими авторами, которое было бы совершено для утверждения чьей-либо миссии или учения. В подтверждение этого мы находим у св. Павла (1 Коринф. 1, 22) замечание о том, что иудеям (это правильно) требовались чудеса, а что касается эллинов, то они искали чего-то иного¹ — у них не было потребности (и они не видели пользы) в чудесах для того, чтобы обратить внимание на какую-либо религию с целью принять ее. И действительно, поистине достойно изумления, насколько

бог, создавший наш мир, ослепил разум людей, если мы примем во внимание, что языческий мир получил и постоянно исповедовал религию, которая, не будучи основанной на разуме, не имела и твердой опоры в виде откровения. Они не знали ни ее происхождения, ни ее создателей и, кажется, даже не заботились о том, откуда она пришла или чьей властью она сообщена; и тем самым для ее подтверждения не нужно было упоминать о чудесах: они были им не нужны. Ибо хотя кое-где и появлялись какие-то намеки на откровение, для подтверждения его не было даже намеков на чудеса.

Если мы будем направлять свои мысли, руководствуясь прошлым, то должны прийти к выводу, что чудеса как своеобразные верительные грамоты вестника, сообщающего божественную религию, могут иметь место только в том случае, если предполагается существование одного-единственного истинного бога; а что это именно так, что это заложено в природе самого явления и по-другому быть не может, я думаю, будет выявлено в ходе нашего дальнейшего рассуждения. Из тех, кто пришел от имени одного-единственного истинного бога, заявляя, что принес от него закон, у нас в истории имеются четкие сведения только о трех, а именно о Моисее, Иисусе и Магомете². Ибо парсы о своем Зороастре или индусы о своем Бrame³ (не упоминаемая уже о всех диких рассказах религий, распространенных на совсем уж далеком Востоке) говорят столь туманно или столь явно вымышленное, что о них нельзя составить какого-либо определенного мнения. Далее, поскольку из трех упомянутых выше Магомет для подтверждения своей миссии не претендует ни на какие чудеса, ибо у него их просто нет, а откровения, удостоверяемые чудесами,— это откровения Моисея и Иисуса, и они подтверждают друг друга, из этого следует, что во всем этом деле с чудесами, как оно обстоит в действительности в соответствии с реальными фактами, нет вообще никаких трудностей; и я думаю, что самые щепетильные или скептически настроенные люди не могут на основании чудес возбуждать малейшее сомнение в отношении божественного откровения Евангелия.

Но поскольку люди думающие и просвещенные будут приводить случаи, которых никогда не было и, можно предполагать, вообще никогда не будет, поскольку схоласты и спорщики будут поднимать вопросы, где их вообще нет, и вступать в споры, в которых нет необходимости, я прошу позволения сказать, что тому, кто приходит от бо-

га с посланием, которое он должен сообщить миру, нельзя не верить, если он подтверждает свою миссию чудом, потому что предьявляемым им свидетельствам нужно по праву верить. Ибо каждый разумно мыслящий человек должен сделать такой же вывод, какой сделал Никодим: «Мы знаем, что Ты — учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог» (Иоан. 3, 2).

Например, Иисус из Назарета заявляет о себе, что он послан богом. Он одним словом умирляет бурю на море. Один человек смотрит на это как на чудо и, следовательно, не может не принять его учение; а другой думает, что это могло быть делом случая или знания погоды, а не чудом, и поэтому остается в стороне, но впоследствии, видя, как Иисус идет по морю, признает это за чудо и начинает верить. Однако на третьего это не оказывает такого влияния, он подозревает, что, может быть, это было сделано при помощи духа; но тот же самый человек, видя впоследствии, как наш Спаситель одним своим словом вылечил безнадежного паралитика, признает это за чудо и становится его новообращенным последователем; четвертый игнорирует чудо в данном случае, а впоследствии обнаруживает чудо в том, что Иисус дает зрение человеку, слепому от рождения, или воскрешает мертвых, или сам воскрешается из мертвых, и таким образом принимает его учение как откровение, исходящее от бога. Из всего этого очевидно, что раз чудо признано, то учение не может быть отвергнуто; к тому, кто допускает это чудо, учение приходит вместе с теми заверениями, которые дает божественное подтверждение, и он не может ставить под сомнение его истинность.

Затем необходимо ответить на следующий вопрос: что должно быть достаточно сильным побуждением для того, чтобы принять какое-либо необычное действие за чудо, т. е. совершенное самим богом для подтверждения откровения, исходящего от него?

И на это я отвечаю: то, что несет на себе признаки более могучей силы, чем та, которая проявляется в сопротивлении этому действию. Ибо, во-первых, это устраняет главную трудность, где она проявляется более всего, и снимает все сомнения в отношении этого вопроса, когда необычайные и сверхъестественные действия приводятся в поддержку противоположенных миссий, о которых, я полагаю, праздные люди поднимают больше шума, чем того требует такое простое дело. Ибо раз сила бога превосходит любую

другую силу и ему нельзя оказать противодействия силой, равной его силе, и раз нельзя предположить, что его честь и доброта допустят унижение его вестника и его истины из-за появления более мощной силы на стороне обманщика и в поддержку лжи, то всегда, когда появляется противник и сталкиваются двое, утверждающие, что они посланы небом, те знамения, которые несут на себе явные следы воздействия более могучей силы, всегда будут определенным и неопровержимым доказательством того, что истина и божественная воля на той стороне, где они проявляются. Ибо хотя раскрытие того, как были или могут быть совершены ложные чудеса, недоступно пониманию людей несведущих, а часто этого не может постичь даже самый осведомленный наблюдатель, который в силу этого вынужден признать, что, по его уразумению, они превосходят силу естественных причин и следствий, однако он не может не знать, что они не являются печатями, поставленными богом для удостоверения своей истины, поскольку им противостоят чудеса, которые несут на себе очевидные знаки более могучей и высшей силы, и поэтому они вообще не могут поколебать авторитет того, кто получил такую поддержку. Вообще нельзя даже предполагать, чтобы бог позволил лжи, высказанной в противодействие истине, исходящей от него, получить поддержку более могучей силы, чем та, которую проявит он сам для подтверждения и распространения учения, которое он дал в откровении, с тем чтобы в него веровали. Как египетские жрецы, так и Моисей вызывали появление змеев, крови и жаб, и в глазах наблюдателей это не могло не показаться в равной мере чудесным; и если бы дело ограничилось этим, то нельзя было бы определить, кто же из спорящих послан богом и на чьей стороне истина. Но когда змей Моисея поглотил их змеев, когда Моисей вызвал появление мошкары и мух, чего они сделать не могли, то решение стало ясным и легким⁴. Было очевидно, что Яннес и Ямбрес⁵ действовали с помощью низшей силы и их действия, какими бы чудесными и необычайными они ни были, не могли ни в коей мере поставить под сомнение миссию Моисея; она еще более укрепилась в результате этого противодействия, а после него стала более неопровержимой, чем если бы против нее не выдвигались эти возражения.

Равным образом число, разнообразие и величие чудес, совершенных для подтверждения учения, провозглашенного Иисусом Христом, несут на себе такие явные знамения необычайной, божественной силы, что истина его мис-

сии будет стоять прочно и непровержимо до тех пор, пока кто-нибудь, восстав против него, не совершит более великих чудес, чем он и его апостолы. Ибо, по мнению любого человека, каким бы разумом он ни обладал — менее развитым или более возвышенным, все менее величественное не будет достаточно весомым, чтобы склонить чашу весов в свою пользу. Это — один из тех ясных критериев, одна из тех очевидных истин, о которых одинаково судят все люди, и, чтобы определенно увериться в ней, не нужно прибегать ни к помощи знания, ни к глубокомыслию. Бог настолько хорошо позаботился о том, чтобы никакое ложное откровение не могло соперничать с истинно божественным, что нам нужно лишь открыть глаза, чтобы увидеть и удостовериться, что исходит от него. Знаки его всемогущей силы сопровождают его; и поэтому до сего дня мы находим, что там, куда доходит слово божие, оно берет верх и разрушает оплот Сатаны, вытесняет князя тьмы, изгоняя его прочь со всеми его ложными чудесами; а это и есть постоянное чудо, несущее на себе свидетельство высшей силы.

Каков предел могущества естественных действующих сил или существ, созданных богом, не могут раскрыть люди самого величайшего разума; но что оно не равно всемогуществу бога, это очевидно разуму каждого; так что высшая сила является ясным, а также надежным указателем божественного откровения, подтвержденного чудесами там, где они приводятся в качестве доказательства божественной миссии.

И таким же образом, на тех же основаниях превосходства в силе будет стоять и неоспоримое откровение.

Для объяснения этого, может быть, необходимо выдвинуть следующие посыпки:

1. Что ни одна миссия не может считаться божественной, если она сообщает что-либо порочащее честь одного-единственного истинного, неделимого бога или несовместимое с естественной религией и правилами нравственности, поскольку бог благодаря свету разума раскрыл людям единство и величие своего вечного божества и истины естественной религии и нравственности, и поэтому нельзя предполагать, что он с помощью откровения поддерживает что-либо противоположное этому; ибо это означало бы уничтожить свидетельства и пользу разума, без которого люди не в состоянии отличить божественное откровение от дьявольского обмана.

2. Что нельзя ожидать, чтобы бог послал в наш мир кого-нибудь с целью сообщить людям вещи безразличные и малозначащие или такие, которые можно узнать, используя естественные способности людей. Это уменьшило бы достоинство его величия, пошло бы на пользу нашей лени и во вред нашему разуму.

3. Тогда единственным случаем, в котором миссия кого-либо посланного небом может соответствовать высоким и благоговейным мыслям, которые люди должны питать в отношении божества, должно быть откровение каких-либо сверхъестественных истин, относящихся к славе божией и имеющих определенное огромное значение для людей. Сверхъестественные действия, подтверждающие такое откровение, могут с полным основанием считаться чудесами, поскольку они несут на себе знаки высшей и всемогущей силы и поскольку против него не выступает никакое другое откровение, сопровождаемое знаками превосходящей ее силы. Такие сверхъестественные знамения могут по справедливости считаться действительными и восприниматься как божественные, т. е. данные силой, превосходящей всех, пока их не опровергнет иная миссия, подтверждаемая действиями более могучей силы, так как нельзя предполагать, чтобы бог до такой степени позволил какому-либо низшему существу узурпировать свою прерогативу, что разрешил бы какому-либо созданию, зависящему от него, ставить его печати, знаки его божественной власти, на какую-либо миссию, исходящую от этого низшего существа. Ибо считается, что эти сверхъестественные знамения являются единственным средством, которым располагает бог для убеждения людей как разумных существ в том, что все даваемое им в откровении определено исходит от него, и он никогда не может согласиться на то, чтобы оно было вырвано из его рук и служило целям и устанавливало авторитет низшей силы, соперничающей с ним. Поскольку известно, что его сила не имеет себе равных, на нее всегда будут полагаться, и всегда можно будет с полной уверенностью думать, что она будет проявлять свое превосходство при отстаивании его авторитета и подтверждении каждой истины, которую он дал в откровении. Так что знаки высшей силы, ее сопровождающие, всегда были и всегда будут очевидным и надежным указателем божественного откровения, которым люди могут руководствоваться при рассмотрении богооткровенных религий, убеждаясь при этом, какую они должны принять как исходящую от бога, хотя они ни в коей мере не обладают

способностью определять точно, что превосходит силу любого сотворенного существа, а что нет или какие действия могут быть совершены только божественной силой, и никем иным, и требуют непосредственного участия руки Всемогущего. И следовательно, мы видим, что именно этим наш Спаситель измеряет глубину неверия иудеев, говоря (Иоан. 15, 24): «Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего», т. е. что они не могли не видеть силу и присутствие бога в тех многих чудесах, которые он совершил и которые превосходили все, что сделал какой бы то ни было человек. Когда бог послал Моисея к сынам Израилевым сообщить им, что теперь, в соответствии со своим обещанием, он своей рукой выведет их из Египта, он дал ему знамения и подтверждения его миссии; весьма примечательно то, что сам бог говорит об этих знамениях (Исх. 4, 8): «Если они не поверят тебе и не послушают голоса первого знамения (т. е. превращения Моисеева посоха в змея), то поверят голосу знамения другого» (т. е. когда его рука, положенная за пазуху, покроется проказой); далее бог добавляет (4, 9): «Если же не поверят и двум сим знамениям и не послушают голоса твоего, то возьми воды из реки и вылей на сушу; и вода, взятая из реки, сделается кровью на суше». Какое из этих действий было по силам всем сотворенным существам, а какое нет, я думаю, трудно будет определить любому человеку и очень трудно — бедному кирпичнику⁶; и поэтому ни к одному из них не была присоединена вера в его миссию и безусловное принятие ее, но, чтобы добиться их подтверждения, воздействие чудес было усилено путем увеличения их числа; два сверхъестественных действия демонстрируют больше силы, чем одно, а три — больше, чем два. Бог считал естественным, что знамения более могучей силы окажут большее влияние на душу и веру зрителей. Соответственно евреи именно на этом основании судили о чудесах нашего Спасителя; в Евангелии от Иоанна (7, 31) мы читаем следующее: «Многие же из народа уверовали в Него и говорили: когда придет Христос, неужели сотворит больше знамений, нежели сколько Сей сотворил?» Поскольку это самый простой способ сохранить всю силу доказательства, которой обладают чудеса, для людей всех родов и званий, то, возможно, он является и самым надежным. Ибо чудеса составляют ту основу, в соответствии с которой устанавливается божественная миссия и, следовательно, тот фунда-

мент, на котором в конечном итоге должны основывать свою религию верующие в какое-либо божественное откровение, так что такое использование чудес будет утрачено если не для всех людей, то по крайней мере для людей простых и неграмотных (а таких подавляющее большинство), если определить, что чудесами являются только такие божественные действия, которые сами по себе находятся вне пределов силы всех сотворенных существ, или по крайней мере действия, противоречащие твердо установленным законам природы. Ведь что касается последних, то лишь одни философы (если хотя бы они по крайней мере) могут претендовать на определение того, что такое «твердо установленные законы природы». А если они должны быть действиями, совершаемыми только божественной силой, то я сомневаюсь, чтобы любой человек, ученый или неученый, мог в большинстве случаев сказать относительно какого-либо определенного действия, которое могут воспринимать его органы чувств, что оно определено есть чудо. Прежде чем он будет настолько в этом уверен, он должен знать, что ни одно сотворенное существо не имеет силы его совершить. Мы знаем, что хорошие и плохие ангелы обладают способностями и достоинствами, намного превышающими все наши слабые свершения и ограниченные мыслительные способности. Но определить, каков предел силы, которой любой из них располагает, было бы смелым предприятием человека, находящегося в темноте, выносящего приговор, не видя осужденного, и устанавливающего в своей узкой камерке границы тому, что находится на расстоянии бесконечности от его системы и за пределами его понимания.

Следовательно, такие определения чудес, как бы они ни были прекрасны в рассуждениях и в теории, подводят нас, когда мы начинаем пользоваться ими в конкретных случаях.

* * *

Изложенные выше мысли относительно чудес были вызваны чтением «Опыта о чудесах» Флитвуда и письмом, написанным ему на эту тему. В одном из них чудо определялось как необычное действие, которое может быть совершено только богом; в другом же говорилось о чуде, но не давалось никакого определения чудесам вообще.

ПРИМЕЧАНИЯ

В заключительный третий том сочинений Джона Локка входят работы, написанные философом почти за сорок лет его жизни, с начала 60-х годов XVII в. по 1703 г. В нем содержатся ранние опыты Локка в области моральной философии, его произведения в защиту веротерпимости, трактаты по социально-политической философии, сочинения по педагогике и небольшая работа по философии религии. Многие из этих работ печатаются на русском языке впервые. Некоторые из них не только не публиковались при жизни философа, но и не вошли ни в одно из существующих собраний его сочинений. К сожалению, до настоящего времени еще нет полного критического издания произведений Локка. Однако подготовка такого издания, по-видимому, уже началась. В Оксфорде с 1976 г. выходит многотомное собрание переписки Локка. В Кембридже отдельными книгами выпущены критические, обстоятельно прокомментированные издания «Двух трактатов о правлении» и педагогических произведений мыслителя: *John Locke. Two Treatises of Government: A critical edition with an introduction and apparatus criticus by Peter Laslett. Cambridge, 1960*; *The educational writings of John Locke: A critical edition with introduction and notes by James L. Axtell. Cambridge, 1968*. А еще раньше, в 1954 г., фон Лейден впервые осуществил публикацию одного из ранних философских произведений Локка — «Опытов о законе природы»: *John Locke. Essays on the Law of Nature; the latin text with a translation, introduction and notes, together with transcripts of Locke's shorthand in his Journal for 1676, edited by W. von Leyden. Oxford, 1954*.

Критические английские издания вышеуказанных произведений Локка значительно облегчили работу по подготовке настоящего тома, так как именно эти произведения составляют его основное содержание. Порядок размещения публикуемых в третьем томе работ — хронологический и вместе с тем тематический (хронологическая последовательность нарушена лишь в случае двух последних произведений). Произведения Локка написаны на латинском и английском языках. Каждый перевод выполнен с языка оригинала. Если в английском тексте имеются отдельные латинские слова или фразы, то они сохраняются в русском тексте, их перевод дается в примечаниях. Содержащиеся же в латинском тексте отрывки на древнегреческом языке переводятся на русский, что также в каждом случае оговаривается в примечаниях. Имеющиеся в тексте отрывки из сочинений древних и новых авторов приводятся или в уже существующих русских переводах, и тогда в примечаниях указываются соответствующие русские издания, или же в новом переводе, и тогда указывается их источник. Точно так же мы поступали и в случаях цитирования Локком отдельных строк или частей строк античных поэтов. При составлении примечаний учтены или частично использованы примечания, содержащиеся в ряде предшествующих английских и русских изданий Локка. В каждом случае в преамбулах на этот счет имеются соответствующие указания. На страницах тома воспроизведены: рукописные страницы пятого опыта о законе природы (с. 27), титульный лист третьего английского издания «Двух трактатов о правлении»

(с. 136), титульный лист пятого английского издания «Мыслей о воспитании» (с. 408) и титульный лист первого перевода «Мыслей о воспитании» на русский язык, опубликованного в Москве в 1759 г. под названием «О воспитании детей» (с. 605).

ОПЫТЫ О ЗАКОНЕ ПРИРОДЫ

Под таким общим названием, данным В. фон Лейденом, публикуется восемь очерков о законе природы, дошедших до нас в записных книжках Локка, которые вместе с его различными рукописями, дневниками, черновиками писем и прочими бумагами ныне хранятся в Бодлианской библиотеке в Оксфорде. Они представляют собой черновую работу, недостаточно отделанную и содержащую грамматические небрежности, что порой затрудняет понимание мысли автора. Это, видимо, были наброски, которые Локк использовал при чтении лекций в колледже Крайст-Черч. Очерки написаны на латинском языке в начале 60-х годов XVII в. и касаются основоположений моральной философии, ибо закон природы, о котором рассуждает Локк, выясняя, что же из себя представляет этот закон и каким образом он познается людьми, — это не закон физических явлений, а закон человеческого поведения, моральный закон. Публикация этих ранних произведений Локка, важная сама по себе, поскольку речь идет о мыслителе такого масштаба, каким был Локк, имеет большое значение и потому, что проливает свет на генезис и связь тех идей, которые впоследствии получают развитие в трех главных доктринах Локка — его политической философии, теории познания и педагогике. Действительно, уже здесь мы находим разработку тем, типичных для последующих произведений философа: полемику против концепции врожденных идей; твердую ориентацию на чувства и разум; убеждение, что моральные принципы, будучи проявлением божественной воли, достигаются человеком благодаря его естественным способностям; трактовку морального закона как связующего людей обязательства, который регулирует их естественное состояние свободы и равенства и, предшествуя всякому положительному гражданскому праву, ограничивает их частную собственность и эгоистические притязания.

«Опыты о законе природы» опубликованы В. фон Лейденом в 1954 г.: *John Locke. Essays on the Law of Nature; the Latin text with a translation, introduction and notes, together with transcripts of Locke's shorthand in his Journal for 1676*, edited by W. von Leyden. Oxford, 1954. На русском языке они ранее не издавались. В настоящем томе впервые дается их перевод с вышеуказанной публикации. Перевод с латинского и отдельных цитат с древнегреческого выполнил Н. А. Федоров. При составлении примечаний использован материал, содержащийся в издании фон Лейдена.

¹ Здесь Локк еще придерживается геоцентрической теории. Ср.: «Опыт о человеческом разумении», где он уже пишет: «...движение Солнца или (если быть более точным) Земли» (Кн. II. Гл. XIV. § 21). — 3.

² Цитата в оригинале приведена на древнегреческом языке. — 5.

³ Цитата в оригинале приведена на древнегреческом языке. — 5.

⁴ Ср.: *Ювенал*. Сатира тринадцатая 1—3:

Всякий дурной пример никогда не бывает по сердцу
Даже виновнику: он наказание сразу же терпит,
Сам осуждая себя, оправданья не видит...

(Римская сатира. М., 1957). — 7.

⁵ Перифраза из «*Summa Theologiae*» *Фома Аквинского* (1225—1274), взятая, видимо, из книги: *Hooker R. Laws of Ecclesiastical Polity* (I 3, § 1). — 7.

⁶ Цитата из *Гиппократ* (ок. 460 — ок. 370 до н. э.), знаменитого

древнегреческого врача, видимо, также заимствована из книги Гукера (1, 3, § 4). — 7.

⁷ *Инскрипция* — это врожденное знание; *традиция* — знание, полученное от других лиц. — 10.

⁸ Такова была аргументация протестантского реформатора Жана Кальвина (1509—1564). — 24.

⁹ Такова была точка зрения Рене Декарта (1596—1650). — 24.

¹⁰ См. опыт VII наст. соч. — 26.

¹¹ Быт. 1, 3 и далее. — 26.

¹² Имеются в виду последователи Томаса Гоббса (1588—1679), который считал, что естественное состояние людей — это «война всех против всех». — 28.

¹³ Цитата в оригинале приведена на древнегреческом языке; фон Лейден полагает, что Локк ошибочно приписывает ее известному александрийскому грамматiku *Дидиму* (I в.). — 31.

¹⁴ *Aulus Gellius*, *Noctes Atticae* XI 18, 16. Авл Геллий — римский писатель II в.; его произведение «Аттические ночи» в 20 книгах представляет собой сборник выписок на разные темы из сочинений греческих и римских писателей. *Аристон* был римским юристом времен императора Траяна (начало II в.). — 31.

¹⁵ *Aulus Gellius*, *Noctes Atticae* XI 18, 17. — 31.

¹⁶ Там же. XI 18, 18. *Марк Порций Катон* по прозвищу Цензор (234—149 до н. э.), римский государственный деятель и писатель, выступал против чрезмерной роскоши, влияния чужеземных идей и обычаев и отстаивал чистоту нравов. — 32.

¹⁷ *Валерия Мессалина* (ок. 23—48), жена римского императора Клавдия, была знаменита своим распутством. — 32.

¹⁸ *Solinus*, *Collectanea Rerum Memorabilium*, С. 30. 2. P. 130 (Ed. Mommsen, 1895). *Гай Юлий Солин* — римский писатель, жил в первой половине III в. Его сочинение содержит краткое описание древнего мира и многочисленные заметки исторического, социального, религиозного и естественноисторического характера. — 32.

¹⁹ *Мела Помпоний* — римский географ (первая половина I в.), был автором учебной книги «*De Chorographia*» в 3-х книгах, содержащей извлечения из греческих источников, а также данные по истории нравов, в том числе и сведения о *гарамантах*. — 32.

²⁰ В древнеримской мифологии *Парки* считались богинями человеческой судьбы. — 32.

²¹ Цитата из *Элиана* (римлянина, писавшего на греческом языке в конце II — первой половине III в.) в оригинале приведена на древнегреческом языке. Ср.: *Элиан*. Пестрые рассказы. М.; Л., 1963. Кн. 4, 1. — 32.

²² Древний народ Азии, живший близ Каспийского моря. — 32.

²³ *Adam Olearius*, *The Voyages and Travels of the Ambassadors sent by Frederick Duke of Holstein to the Great Duke of Moscow, and the King of Persia (1633—39), &C; where to are added the Travels of John Albert de Mandelslo, &C; into the East—Indies (1638—40). Rendered into English by John Davies, of Kindwelly. London, 1662. See: The Travels of John Albert de Mandelslo. B. I. P. 40—41.* — 33.

²⁴ Жители берега Салдинского залива на юго-западном побережье Южной Африки, севернее нынешнего Кейптауна. — 34.

²⁵ *Марк Теренций Варрон* (116—27 до н. э.) был автором множества трактатов по языку, литературе, истории и философии; в данном случае имеется в виду его книга «*De Philosophia*». — 34.

²⁶ *Диогор Мелосский* (V в. до н. э.) — древнегреческий поэт, известен своим отрицанием богов. *Феодор Безбожник* (330—270 до н. э.) —

древнегреческий философ-киренянин, был учеником Аристиппа. *Протагор из Абдеры* (ок. 480—ок. 410 до н. э.) основал древнегреческую философскую школу софистов; в вопросах религии занимал агностическую позицию. — 34.

²⁷ Эти сведения о *Сократе* и *Катоне*, видимо, следует отнести к числу тех вымыслов, которые древние не стеснялись сочинять друг о друге, часто для того, чтобы дискредитировать своих идейных или политических противников. — 35.

²⁸ См. прим. 4. — 38.

²⁹ Т. е. ограничительном обязательстве. — 38.

³⁰ *Ignis fatuus* (лат.). См.: Опыт о человеческом разумении. Кн. IV. Гл. XIX, § 10. — 41.

³¹ В истории известно немало тиранов, в разное время правивших в греческих городах Сицилии: Фаларит — в Агригенте (VI в. до н. э.), Дионисий Старший и Младший — в Сиракузах (V—IV вв. до н. э.) и др. — 41.

³² Законы раннего Афинского государства, составленные афинским архонтом *Драконом* в VII в. до н. э., отличались необыкновенной суровостью; сами греки говорили, что они написаны кровью. — 41.

³³ *Сатурналиями* именовался веселый праздник в честь бога Сатурна в Древнем Риме; служил символом возвращения золотого века и отличался изменением многих общепринятых норм поведения (раб выступал в роли господина, господин — в роли раба и т. п.). — 42.

³⁴ См.: Иск. 12, 35, 36. — 46.

³⁵ Ср.: *Гуго Гроций*. О праве войны и мира. М., 1956. Прологомены V. — 48.

³⁶ *Карнеад из Кирены* (214—129 до н. э.) был главой платоновской Академии и основателем Новой (третьей) Академии. — 48.

³⁷ По некоторым преданиям, *Алкид* — настоящее имя Геракла, мифического древнегреческого героя, сына Зевса и Алкмены. — 50.

³⁸ Согласно легенде, в 362 г. до н. э. в Риме в центре Форума открылась глубокая трещина. Городу была предсказана гибель, если трещина не будет заполнена лучшим, что есть в Риме. Тогда юноша *Марк Курций* со словами «Что может быть в Риме лучше, чем оружие и храбрость» в полном вооружении взошел на коне бросился в пропасть, после чего земля сомкнулась. — 50.

³⁹ *Гай Фабриций*, римский консул 282 г. до н. э., был известен своим скромным образом жизни, бескорыстием и справедливостью. — 50.

⁴⁰ *Луций Сергий Катилина* (108—62 до н. э.) организовал в 63 г. до н. э. попытку государственного переворота в Римской республике, вошедшую в историю как «заговор Катилины». — 50.

⁴¹ *Марк Туллий Цицерон* (106—43 до н. э.), будучи в 63 г. до н. э. консулом, раскрыл заговор Катилины и организовал борьбу против заговорщиков; за это он получил почетный титул «отец отечества» (*pater patriae*). — 50.

⁴² *Марк Порций Катон*, по прозвищу Утический (95—46 до н. э.), правник Катона Цензора, был принципиальным политическим деятелем-республиканцем и непримиримым противником Гая Юлия Цезаря; отличался высокой честностью. — 51.

ПРЕДСМЕРТНАЯ РЕЧЬ ЦЕНЗОРА. 1664

(*Oratio censoria funebris*)

В 1664 г. Локк был цензором моральной философии в колледже Крайст-Черч, где он в то время преподавал. Обязанностью цензора в Оксфорде было следить за дисциплиной студентов, и уход с этой долж-

ности по традиции сопровождался шутилой церемонией «похорон цензора». Речь Локка была подготовлена для этой церемонии и выдержана в соответствующем тоне. Но в ней не только с юмором описываются треволения жизни, от которых освобождает лишь «счастье» смерти, но и содержатся важные данные о деятельности Локка в стенах колледжа. Некоторые высказанные в ней мысли явно перекликаются с положениями «Опытов о законе природы», вместе с которыми эта речь сохранилась в одной из записных книжек Локка. «Предсмертная речь цензора» была издана фон Лейденом в 1954 г. вместе с «Опытами о законе природы»; с этого издания она впервые переводится на русский язык. Перевод с латинского выполнил Н. А. Федоров.

Согласно древнегреческому мифу, титан *Прометей* похитил с Олимпа огонь и принес его людям. Зевс повелел приковать Прометея к скале на Кавказе, и ежедневно огромный орел терзал печень титана. За ночь печень вновь вырастала, чтобы орел мог получить пищу, и муки Прометея длились века. — 54.

² Существовала легенда, что *Аристотель*, не будучи в состоянии решить проблему сильных приливов и отлигов в проливе *Еврил*, отделяющем остров Евбею от Беотии, бросился в него. — 55.

³ Древнегреческая школа *стоиков* получила свое название от живописной Стои — афинского *портика* (крытой галереи), в котором встречались философы. — 55.

⁴ Древнегреческий философ *Эпикур* (341—270 до н. э.) свою школу в Афинах основал в саду. Отсюда впоследствии возникло название школы «Сад Эпикура» и прозвище эпикурейцев — «философы из сада». — 55.

⁵ Латинское *sal*, употребляемое здесь, имеет значения «соль» и «остроумие», и Локк пользуется двусмысленностью этого слова. — 55.

⁶ С древнеримским богом *Сауном* (аналогом древнегреческого бога Крона) в античной мифологии были связаны представления о *золотом веке* — эпохе всеобщего равенства и изобилия, а также предание о боге, пожирающем своих детей. — 56.

⁷ Античная мифология с властью *Юпитера* связывала наступление серебряного века и последующие за ним медный и железный века. В системе же алхимической символики с планетой Юпитер связывали олово, которое на латинском языке именовалось «белым свинцом». Видимо, поэтому Локк, интересовавшийся алхимией, и употребил такой эпитет для века Юпитера. — 56.

⁸ *Квинт Гораций Флакк*. Наука поэзии 173—174 // Соч. М., 1970. — 56.

⁹ Слово «злоречивого» в тексте приводится на древнегреческом. — 56.

¹⁰ *Терсит* — греческий воин, пререкавшийся с Агамемноном и другими вождями в собрании воинов под Троей. Его имя стало нарицательным для всякого болтливого, злоречивого человека. *Улисс* (римск.) — Одиссей, мифический царь острова Итака, герой гомеровских поэм «Илиада» и «Одиссея». *Пелид* — Ахилл, сын Пелея и Фетиды, мифический греческий герой, одно из главных действующих лиц «Илиады». — 56.

Мифический царь Пилосса *Нестор* дожил до глубокой старости и ко времени Троянской войны, участником которой он был, царствовал уже над третьим поколением людей. — 56.

¹² Согласно древнегреческой мифологии, *Девкалион* и его жена Пирра были единственными из людей, спасшиеся на корабле во время всемирного потопа, который Зевс обрушил на Землю в наказание роду человеческому за его преступления. — 58.

¹³ Речь идет о царе Македонии, знаменитом полководце и завоевателе *Александр Македонском* (356—323 до н. э.). — 59.

¹⁴ *Джон Фелл* (John Fell, 1625—1686) был деканом колледжа Крайст-Черч с ноября 1660 г. — 59.

¹⁵ *Джаспер Мейн* (Jasper Maune, 1604—1672) являлся заместителем декана и каноником колледжа Крайст-Черч; он известен как поэт и драматург. — 60.

¹⁶ Атрибуты власти римских высших магистратов, в данном случае консулов. — 60.

¹⁷ Согласно древнеримским религиозным представлениям, *маня* — души умерших. — 60.

¹⁸ Известная христианская молитва. — 60.

¹⁹ Согласно древнегреческим мифам, легендарный фракийский певец *Орфей* своим пением и игрой на лире укрощал диких зверей, а под звуки лиры *Амфиона* камни сами складывались в стены. — 60.

²⁰ Так именовалась в англиканской церкви категория духовных лиц, которые получали часть церковного дохода. — 60.

²¹ Римский диктатор *Гай Юлий Цезарь* был убит заговорщиками-республиканцами 15 марта 44 г. до н. э. в здании сената на глазах у сенаторов. — 60.

²² *Бенджамин Вудрофф* (Benjamin Woodroffe, 1638—1711) был цензором в колледже Крайст-Черч в одно время с Локком. — 61.

²³ Имена мифических героев-близнецов *Кастора* и *Поллукса*, культ которых был распространен в различных областях Древней Греции, а затем и Рима, стали синонимом неразлучной братской дружбы. — 61.

²⁴ Вудрофф должен был сложить с себя обязанности цензора через три дня после Локка. — 62.

²⁵ В Древнем Риме *веспиллонами* назывались люди, выносившие и хоронившие тела умерших бедняков. — 62.

²⁶ Имеется в виду *Александр Македонский*. — 62.

²⁷ Это место речи свидетельствует о том, что в 1664 г. Локк читал в колледже лекции о законе природы и обсуждал эту тему со своими коллегами и учениками. Видимо, для этой цели он и имел в записных книжках текст своих очерков о законе природы. — 63.

²⁸ Этот образ, по-видимому, навеян наставительным тоном посланий апостола *Павла к Тимофею*. — 64.

²⁹ Начиная со слов «А если бы кто захотел...» до этого места текст в рукописи подчеркнут. — 64.

³⁰ Видимо, имеется в виду инцидент, когда цензор Локк держал ответ перед деканом и капитулом за штраф, наложенный на одного из служителей колледжа. — 64.

³¹ Возможно, здесь Локк метафорически использует то место из Горация (Наука поэзии 4), где поэт говорит об уродливой композиции, изображающей прекрасную женщину, тело которой переходит в рыбку. Вместе с тем речь может идти о том, что время окончания цензорских полномочий Локка совпадает с зодиакальным знаком Рыбы. — 64.

ОПЫТ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ

(An essay concerning toleration)

«Опыт о веротерпимости» написан Локком в 1667 г., в то время, когда в Англии вновь ужесточились религиозные преследования. Правительство Реставрации, восстановив в правах и привилегиях стесненную в период революции епископальную церковь и нарушив Бредскую декларацию Карла II, обещавшую религиозную свободу, начало гонения на

инакомыслящих. За короткое время, с 1662 по 1665 г., против диссидентов (диссентеров) было издано несколько суровых актов, лишавших лиц, не принадлежавших к англиканской церкви, не только свободы вероисповедания, но и важных гражданских прав. Вместе с тем заметно активизировалась и католическая партия. Обращаясь к правителю Англии, Локк обосновывает необходимость веротерпимости, право на свободу совести, исходя из своего понимания природы человеческого общества, характера человеческих свобод и целей государственной власти.

«Опыт о веротерпимости» не публиковался ни при жизни философа, ни в его посмертных собраниях сочинений. Он дошел до нас в четырех рукописных вариантах. Один из них, представляющий собой окончательный текст, хранится в Бодлианской библиотеке в Оксфорде. Другой, найденный в бумагах Шефтсбери, опубликован в 1876 г. Фокс Борном в его книге «Жизнь Джона Локка». Два остальных, наиболее ранних набросок и текст, содержащийся в локковской тетради, находится в Америке: в Хантингтонской библиотеке в Калифорнии и в частной коллекции Хаутона. Это сочинение Локка, одно из самых значительных среди его ранних произведений, до сих пор на русском языке не издавалось. Настоящий перевод сделан с единственно доступной для нас публикации Фокс Борна: *Baigrie H. R. Fox. The Life of John Locke. London, 1876. Vol. 1. P. 174—194.* Перевод с английского выполнил А. Э. Яврумян, сверил с оригиналом А. Л. Субботин.

¹ Изложенные в этом абзаце взгляды на цели и границы государственной власти и основания политической организации Локк впоследствии подробно изложил в своем трактате «Опыт об истинном происхождении, области действия и цели гражданского правления». См. в наст. томе «Два трактата о правлении» (Второй трактат).— 66.

² божественное право (лат.).— 66.

³ Имеется в виду *Великая хартия вольностей* (1215), документ, подписанный королем Иоанном Безземельным, который положил начало конституционным ограничениям королевской власти в Англии.— 66.

⁴ Т. е. не имеющих отношения к религии.— 67.

⁵ Даже во времена Локка вопрос о шарообразной форме Земли еще был предметом богословского спора.— 67.

⁶ Различные христианские церкви и секты по-разному определяют свои обряды. Так, пуритане отвергали коленопреклонение во время причащения, крестное знамение, ношение стихаря.— 69.

⁷ Имеется в виду обряд вторичного крещения, на котором настаивали анабаптисты (представители радикальной протестантской секты, возникшей в Германии в эпоху Реформации), указывая, что святость крещения требует, чтобы человек принимал его сознательно.— 69.

⁸ Имеется в виду история, изложенная в Ветхом завете (3 Цар. 21).— 70.

⁹ В этом месте, возможно, при переписке рукописи Локк выпустил слово «законы».— 76.

¹⁰ Такой знак носили «кавалеры» — сторонники короля Карла I во время гражданской войны в Англии.— 78.

¹¹ Религиозная протестантская секта *квакеров*, возникшая в Англии в начале 50-х годов XVII в., не принимала многих ритуалов и условностей (присяги, молитвы вслух, церковных обрядов); квакеры имели обычай не снимать шляпу. В период Реставрации эта секта подвергалась особенно жестоким гонениям.— 78.

¹² Имеются в виду преследования, которые терпели во время революции священники англиканской церкви. С конца XVI в. вплоть до самой революции и гражданской войны в Англии, которую и имеет в виду Локк, *пуритане* — английские кальвинисты, ратовавшие за переустройство

церкви в духе последовательного протестантизма, — подвергались суровым правительственным репрессиям. — 88.

¹³ Имеется в виду массовое убийство гугенотов (протестантов-кальвинистов) во Франции, начавшееся в Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 г. — 88.

¹⁴ «Слався, Мария» (лат.) и «Отче наш» (лат.) — две известные христианские молитвы. — 88.

ПОСЛАНИЕ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ

(*Epistola de tolerantia*)

«Послание о веротерпимости» — страстное и глубокое произведение в защиту свободы совести как неотъемлемого права каждого человека — было написано Локком в 1685—1686 г. в Амстердаме и как бы подытожило его многолетнюю работу, веками которой были и «Опыт о веротерпимости» (1667), и трактат начала 80-х годов «*A Defence of Nonconformity*» («Защита неконформизма»). «Послание о веротерпимости» было опубликовано на латинском языке в Голландии в марте 1689 г. и в том же году переведено на голландский, французский и английский языки. В его заглавии Локк зашифровал и свое авторство, и имя адресата — своего друга, голландского теолога-ремонстранта (см. прим. 4) Филиппа ван Лимборха. На титульном листе первого издания было напечатано: *Epistola de Tolerantia; ad Clarissimum Virum T. A. R. P. T. O. L. A. scripta a P. A. P. O. I. L. A.* Это означало: *Epistola de Tolerantia; ad Clarissimum Virum, Theologiae apud Remonstratenses Professorem, Tyrannorum Osorem Limborchium, Amstelodanensem, scripta a Pacis Amico. Persecutionis Osore, Iohanne Lockio, Anglo.*

В этом произведении Локк, исходя из понятий гражданских интересов людей, юрисдикции государственной власти, простирающейся только на их гражданские права, а также определения церкви как добровольного человеческого сообщества, обосновывает широкую веротерпимость: никто не наделен властью предписывать другому свою веру. Говоря о мере терпимости, Локк указывает, что все приносящее вред государству и запрещаемое его законами не должно разрешаться и церкви. Он не признает терпимость в отношении тех, кто вступает в противоречие с моральными нормами, необходимыми для сохранения общества, кто сам не проявляет терпимость в вопросах религии или использует ее для получения привилегий и кто вообще отвергает существование бога. «Послание о веротерпимости», содержащее программу предоставления гражданам свободы выбора и исповедания религии, требовавшее равноправия для различных религиозных общин и отделения церкви от государства, сразу же подверглось критическим атакам. Защищая свои взгляды, Локк опубликовал в 1690 и 1692 гг. отдельными изданиями второе и третье послания о веротерпимости и начал писать четвертое, которое осталось неоконченным и вышло в свет лишь в 1706 г. в посмертном томе его работ: *Posthumous Works of Mr. John Locke.*

На английский язык «Послание о веротерпимости» перевел с латинского Уильям Поппл (*William Popple*). Этот перевод долгое время воспроизводился во всех английских изданиях сочинений Локка. Своему переводу Поппл предпослал следующее обращение к читателю:

ЧИТАТЕЛЮ

Нижеследующее письмо о веротерпимости, первоначально опубликованное в этом году в Голландии на латинском языке, уже переведено на голландский и французский языки. Такое общее и быстрое одобрение

может поэтому предвещать ему благоприятный прием в Англии. Конечно, я думаю, ни в одной стране не сказано об этом предмете столько, сколько в нашей. И все же, несомненно, ни один народ не нуждается так, как наш, в том, чтобы вопрос о веротерпимости обсуждался и дальше и чтобы в этой области было что-то сделано. Не только наше правительство пристрастно в делах религии, но и те, кто пострадал от этого пристрастия и поэтому пытаются в своих сочинениях защитить свои права и свободы, делают это большей частью на основе узких принципов, соответствующих только интересам их собственных сект.

Эта узость духа, проявляемая всеми сторонами, без сомнения, является главной причиной наших несчастий и беспорядков. Но каковы бы ни были эти причины, ныне настало время искать совершенного лекарства. Мы нуждаемся в более действенных средствах, чем те, которые мы использовали до сих пор для излечения наших недугов. Ни объявления терпимости, ни акты о включении, подобные практиковавшимся или проектировавшимся у нас до сих пор, не решают вопроса. Первые будут лишь полумерами, вторые увеличат зло.

Абсолютная свобода, справедливая и истинная свобода, равная и беспристрастная свобода — вот в чем мы нуждаемся. И хотя об этом много говорилось и я сомневаюсь, чтобы этого не понимали, свобода, я уверен, вовсе не практиковалась ни нашими правителями в отношении народа вообще, ни враждующими партиями внутри народа по отношению друг к другу.

Поэтому я не могу не надеяться, что этот трактат, рассматривающий такую тему, хотя и кратко, однако более строго, чем любой из известных нам до сих пор трактатов, доказывающий как справедливость, так и полезность веротерпимости, будет сочтен весьма своевременным всеми людьми, чьи умы достаточно широки, чтобы предпочесть истинный интерес народа интересам партии.

Я перевел его на английский язык для тех, кто уже воодушевлен подобным образом, и для того, чтобы возбудить такой дух в тех, кто еще не воодушевлен. Сам трактат так короток, что не нуждается в более обширном предисловии. Поэтому я предоставляю его рассмотрению моих соотечественников и сердечно желаю, чтобы они могли использовать его согласно его явному назначению.

(Пер. А. С. Богомолова)

На русском языке «Послание о веротерпимости» публиковалось дважды (*Локк Д.* Избр. филос. произв. М., 1960, Т. 2; Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллина, М., 1981). В обоих этих изданиях печатался перевод А. С. Богомолова, сделанный с английского перевода У. Поппла. В настоящем томе впервые представлен перевод с латинского оригинала. Он выполнен Н. А. Федоровым с польского издания: *John Locke. List o tolerancji.* Krakow, 1963, содержащего параллельные латинский и польский тексты «Послания». При составлении примечаний учтены примечания, написанные А. А. Макаровским и Б. В. Мееровским для вышеуказанных русских изданий.

¹ В первом случае имеются в виду католики, во втором — протестанты. — 91.

² Матф. 18, 20. — 98.

³ В «Деяниях апостолов» (19) рассказывается, как *эфесские ремесленники* ополчились против христианских проповедников, опасаясь, что новая религия лишит их прибыльного занятия: изготовления из серебра копий храма богини Артемиды (*Дианы*), считавшейся покровительницей города Эфеса. — 99.

⁴ *Ремонстранты*, или арминьяне, — протестантская секта, отколовшаяся от ортодоксальной кальвинистской церкви. Ее основателем был голландский богослов Якоб Арминий (1560—1609). Ремонстранты были несогласны с кальвинистским догматом об «абсолютном предопределении», допускали возможность спасения верою и благими делами и, следовательно, свободу воли. — 101.

⁵ Локк имеет в виду религиозно-абсолютистскую доктрину, согласно которой власть государю дана милостью божьей и он вправе распространять исповедуемую им веру силой оружия. — 103.

⁶ В этом ироническом вопросе содержится намек на католическую и кальвинистскую церкви. — 106.

⁷ Согласно библейскому преданию, иудеи после смерти пророка Моисея и Иисуса Навина стали поклоняться *Ваалу* — главному богу древних финикийцев, за что и были наказаны своим богом Яхве. — 108.

⁸ Рационалистическая протестантская секта *социниан*, возникновение которой связано с деятельностью религиозных реформаторов Лelio Социна (1525—1562) и Фауста Социна (1539—1604), отвергала догматы о предопределении, первою грехе, святой Троице как противные разуму и Священному писанию и признавала лишь человеческую природу Христа. Даже «Акт о терпимости» (1689) не предоставлял социнианам религиозную свободу, которую они получили в Англии лишь в 1813 г. — 108.

⁹ Имеются в виду эпизоды из истории христианской церкви в IV в., когда собрания духовенства, угодливо приспосабливаясь к мнению очередного римского императора, выносили прямо противоположные решения касательно учения священника Ария, отрицавшего единственность Христа и бога-отца. — 109.

¹⁰ Локк перечисляет английских монархов из династии Тюдоров (указываются годы правления): *Генриха VIII* (1509—1547), *Эдуарда VI* (1547—1553), *Марию I* (1553—1558), *Елизавету I* (1558—1603), с именами которых были связаны английская Реформация и Контрреформация, дальнейшее углубление Реформации и утверждение новой англиканской церкви. — 109.

¹¹ Как и в «Опыте о веротерпимости», здесь под «безразличными вещами» (*res indifferens*) подразумеваются вещи и действия, по своему характеру не имеющие отношения к религии. — 111.

¹² Пастух, персонаж «Буколики» Вергилия (эклога I). — 114.

¹³ Имеются в виду порядки, сложившиеся в кальвинистской Женеве, где городские власти осуществляли политику, угодную кальвинистской церкви, в частности жестоко преследовали инакомыслящих. — 115.

¹⁴ Имеются в виду американские индейцы. — 115.

¹⁵ *Квинт Горацій Флакк*. Сатиры. Кн. I 1, 69—70 // Соч. М., 1970. — 116.

¹⁶ Имеется в виду содержащийся в Пятикнижии Моисея (первых пяти книгах Ветхого завета) свод законов, которым, в частности, строго запрещалось иудеям поклоняться другим богам, кроме Яхве. — 116.

¹⁷ См.: Втор. 2, 10—12. — 118.

¹⁸ Этим правом пользовался глава римско-католической церкви. — 124.

¹⁹ На основании изложенных мотивов Локк считал, что терпимость не может распространяться не только на магометан, но и на католиков. — 125.

²⁰ *Муфтий* — мусульманский (магометанский) правед-богослов. *Оттоманская*, или *Османская*, империя — название турецкого государства, основанного султаном Османом I в конце XIII — начале XIV в. — 125.

²¹ Имеется в виду кальвинистское богослужение, отличающееся от римско-католического. — 128.

²² Во главе церковных общин пресвитериан, английских кальвинистов, стояли выборные *старейшины-пресвитеры*. В государственной же англиканской церкви, утвердившейся в Англии в результате Реформации, сохранилась власть *епископов*. — 129.

²³ *Овидий*. *Метаморфозы*. М., 1977. Кн. I 758. — 131.

²⁴ *Христиане св. Иоанна*, или мандеи, — гностическая религиозная секта, возникшая в I или II в. в Месопотамии. В учении мандеев видное место отводилось Иоанну Крестителю, которого почитали как пророка, указавшего путь в царство света. *Женевские христиане* — кальвинисты. — 132.

²⁵ *Квинт Гораций Флакк*. Наука поэзии 71—72 // Соч. М., 1970. — 134.

ДВА ТРАКТАТА О ПРАВЛЕНИИ

(Two Treatises of Government. In the Former the False Principles and Foundation of sir Robert Filmer and his Followers are Detected and Overthrown. The Latter is an Essay concerning the True Original, Extent and End of Civil Government)

Эти трактаты — итог многолетней работы Локка и, как он сам отмечает в предисловии, часть более широко задуманного им труда, который так и не дошел до печати и неизвестно, в каком объеме вообще был выполнен. «Два трактата о правлении» являются главным сочинением Локка по социально-политической философии и вместе с тем главным социологическим произведением последнего периода английской революции, в котором сформулированы основные принципы социально-политического устройства нового, буржуазного общества. В трактатах содержится критика патриархально-абсолютистской концепции собственности и власти и теория происхождения частной собственности из труда, а государственной власти, которая призвана защищать естественные права людей, — из общественного договора. В этом сочинении Локк создал общую концепцию государственного управления, осуществляемого на началах парламентарной монархии, — концепцию весьма актуальную для Англии времен кризиса правительства Реставрации и переворота 1688 г., явившегося в сущности завершением буржуазной революции 40-х годов. Над трактатами Локк работал более десяти лет. Первый трактат был написан вскоре после публикации в 1680 г. «*Patriarcha*» Р. Филмера. Работа над вторым трактатом охватывает период с 1679 по 1689 г., особенно первые и последние годы этого периода: время, предшествующее эмиграции Локка в Голландию в 1683 и 1688—1689 гг. Трактаты вышли анонимно в Лондоне в 1690 г. в издательстве Оншема Черчилла. В 1694 г. появилось второе, исправленное издание, в 1698 г. — третье. В 1691 г. в Амстердаме вышел французский перевод «Двух трактатов», сделанный с первого английского издания. На русском языке публиковался лишь второй трактат в Соцэкизе в составе двухтомника: *Д. Локк*. Избр. филос. произв. М., 1960. Т. 2.

В качестве основы настоящей публикации принято критическое тщательно прокомментированное издание Питера Ласлетта: *John Locke. Two Treatises of Government: A critical edition with an introduction and apparatus criticus by Peter Laslett*. Cambridge, 1960. С этого издания Е. С. Лагутиным сделан перевод первого трактата; сверка перевода выполнена А. Л. Субботиним. Второй трактат дается в переводе Ю. В. Семенова, который сделан с издания: *The Works of John Locke, a new edition, corrected: In ten volumes*. London, 1823. Vol. V — и впервые опубликован в вы-

шеупомянутом двухтомнике избранных философских произведений Локка. Свodka этого перевода с текстом, изданным Ласлеттом, осуществлена Е. С. Лагутиным. При подготовке настоящих примечаний использованы комментарии П. Ласлетта, а также некоторые примечания А. А. Макаровского к русскому изданию второго трактата.

Вильгельм III, король Англии с 1689 по 1702 г., вступил на английский престол в результате «славной революции» 1688 г. — 137.

² Роберт Филмер (Robert Filmer, ум. 1653), политический писатель, роялист, в годы английской революции опубликовал несколько произведений в защиту неограниченной королевской власти. В 1648 г. были изданы его «The Necessity of the Absolute Power of all Kings» («Необходимость абсолютной власти всех королей») и «The Anarchy of a Limited or Mixed Monarchy» («Анархия ограниченной или смешанной монархии»), а в 1652 г. — «Observations upon Aristotle's Politiques touching Forms of Government» («Замечания на «Политику» Аристотеля, касающиеся формы правления») и замечания о происхождении власти в связи с работами Гоббса, Мильтона и Гроция: «Observations on mr. Hobbes's Leviathan» («Замечания на «Левиафан» Гоббса»), «Observations on mr. Milton against Salmasius» («Замечания на [выступление] Мильтона против Салмазия» — имелась в виду знаменитая «Защита англичанином Джоном Мильтоном английского народа», которую великий поэт написал в ответ на памфлет богослова Салмазия «Защита короля Карла I»), «Observations upon H. Grotius «De Jure Belli et Pacis»» («Замечания на [книгу] «О праве войны и мира» Г. Гроция»). В 1637—1638 гг. Филмер написал книгу «Patriarcha: a Defence of the Natural Power of Kings against the Unnatural Liberty of the People» («Патриарх: защита естественной власти королей против неестественной свободы народа»), опубликованную только в 1680 г. В том же году вышло собрание произведений Филмера в одном томе. Патриархально-абсолютистская концепция Филмера о происхождении всякой собственности и власти от владений и власти Адама, дарованных ему богом, является основным объектом локковской критики, и Локк часто упоминает Филмера, называя его только по имени или указывая его инициалы: сэр Роберт, сэр Роберт Ф., сэр Р. Ф. — 137.

³ а именно (лат.). — 138.

⁴ В русском тексте «А» всюду переведено как «автор». Простое указание номера страницы означает страницу «Патриарха» издания 1680 г. Если перед номером страницы стоит «3.», — это означает, что указана страница собрания произведений Филмера в издании 1680 г. Ссылка «3., Пред.» означает, что цитата взята из «Предисловия» к «Замечаниям на «Политику» Аристотеля». Такова система ссылок на сочинения Филмера в первом трактате. Во втором трактате Локк цитирует Филмера только один раз (Гл. IV. § 22). Здесь «3. А., с. 55» означает страницу «Замечаний на «Политику» Аристотеля», однако издания не 1680, а 1679 г. — одно из свидетельств того, что над вторым трактатом Локк работал до того, как приступил к написанию первого трактата. — 139.

КНИГА ПЕРВАЯ

¹ Имеется в виду сочинение итальянского философа и математика Джероламо Кардано (1501—1576) «Emcomium Neronis» (1546). — 140.

² В трактате Р. Филмера «Патриарх» на фронтисписе был изображен портрет Карла II. — 140.

³ Имеются в виду приказания бога, отданные Моисею: «Смотри, сделай их по тому образу, какой показан тебе на горе» (Исх. 25, 40). — 141.

⁴ божественное право (лат.). — 142.

⁵ Джон Хейворд (John Heyward) известен как автор «An answer to the first part of a certain conference concerning succession...» (1603). Адам Блэкууд (Adam Blackwood, 1539—1613), шотландский поэт и политический писатель, написал против Джорджа Бьюкенена (см. прим. 46 к с. 398) «Arologia pro Regibus, adversus Georgii Buchanani Dialogum «De Jure Regni apud Scotos»» (1581).

Уильям Баркли (William Barclay, 1546—1608), шотландский юрист, был автором трактатов «De Regno et Regali Potestate adversus Buchananum, Brutum, Boucherium et reliquos Monarchomachos» (1600) и «De Potestate Papae» (1609). — 142.

⁶ Локк имеет в виду проповеди, превозносившие королевскую прерогативу, которые читали в 1627 г. Роберт Сибторп (Robert Sibthorpe. Of Apostolique Obedience) и Роджер Манверинг (Roger Manwaring. Religion and Allegiance). — 142.

⁷ достигая головой облаков (лат.). — выражение из «Энеиды» Вергилия (IV 177). — 142.

⁸ тайны власти (лат.). — 143.

⁹ В «Патриархе» Филмер возражал против идеи подчинения светской власти папству, которую кардинал Р. Беллармин теоретически защищал в своем сочинении «De Potestate Summi Pontifici» (1610). — 143.

¹⁰ Филипп Хантон (Philip Hunton, 1604—1682), английский политический писатель и богослов, издал в 1643 г. «A Treatise of Monarchie» («Трактат о монархии»), в котором высказывался в пользу ограниченной монархии. «Анархия ограниченной или смешанной монархии» была написана Филмером как замечания на этот трактат Хантона. — 144.

¹¹ Работы Филмера изобилуют цитатами из книги «De la République» («О республике») французского политического мыслителя Жана Бодена (Jean Bodin, 1530—1596). — 145.

¹² фактически (лат.). — 150.

¹³ Путем рождения родители приобретают право в отношении детей (лат.). См.: Гуго Гроций. О праве войны и мира. М., 1956. Кн. II. Гл. V I. С. 242. — 153.

¹⁴ Джон Селден (John Selden, 1584—1654) был известным юристом. Филмер цитировал из его трактата «Mare Clausum» (1635). В этом трактате «Закрытое море», направленном против доктрины свободного моря Гуго Гроция (Mare Liberum, 1608), Селден защищал права англичан на моря, омывающие их остров, в противовес притязаниям голландцев. — 155.

¹⁵ Т. е. полузудое животное (лат.). — 156.

¹⁶ Септуагинта (от лат. septuageni) — перевод на греческий язык Ветхого завета, который, по преданию, осуществили с еврейского семьдесят толковников в III—II вв. до н. э. — 157.

¹⁷ Локк ссылается на работу Генри Эйнсворта (Henry Ainsworth. Annotations upon the Five Books of Moses, the booke of the Psalmes..., 1622). Имея в виду это место из кн. Бытия (1, 28), Эйнсворт пишет: «За такое положение человека... Давид восхваляет господа в Псал. 8». — 159.

¹⁸ 3., Пред. — 161.

¹⁹ Быт. 10. — 163.

²⁰ Время, которое Ной жил после потопа. — 163.

²¹ 3., Пред. — 164.

²² 1 Тим. 6, 17. — 168.

²³ Английские королевы династии Тюдор: Мария I (правл. 1553—1558) и Елизавета I (правл. 1558—1603). — 173.

²⁴ См. прим. 13. — 176.

²⁵ право в отношении детей (лат.). — 176.

²⁶ Вместо довода будь моя воля (лат.). См.: *Ювенал.* Сатира шестая 223 — «Так я хочу, так велю, вместо довода будь моя воля» (Римская сатира. М., 1957). — 177.

²⁷ См. прим. 12 к с. 58. Об этом эпизоде мифа о Девкалионе см., напр.: *Овидий.* Метаморфозы. Кн. I 381—413. — 179.

²⁸ Зах. 13, 3. — 180.

²⁹ См.: *Инка Гарсиласо де ла Вега.* История государства инков. Л., 1974. Кн. I. Гл. XII. С. 37. — 181.

³⁰ *Прохруст* (греч. миф.) — легендарный разбойник, который растягивал захваченных им путников или же обрубал им ноги, дабы они соответствовали ложу, на которое он их укладывал. — 183.

³¹ См. прим. 5. — 189.

³² Филмер ссылается не на *Гроция*, а на *Селдена*, трактат которого «*Mare Clausum*» был написан против *Гроция*. — 196.

³³ Упоминается *Оливер Кромвель* (Oliver Cromwell, 1599 — 1658), выдающийся деятель английской буржуазной революции, в 1654—1658 г. — лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии. — 200.

³⁴ Имеется в виду *Томмазо Аньелло* (Tommaso Aniello, или Masaniello), руководитель восстания в Неаполе в 1647 г. против испанского правления. — 200.

³⁵ Имеется в виду губернаторство Санчо Пансы на острове Баратория — эпизод из второй части романа Сервантеса «*Дон Кихот*». — 200.

³⁶ См.: Рим. 13, 3, 4. — 209.

³⁷ Философский камень — основной объект изысканий алхимиков, с помощью которого, как они полагали, можно легко превращать любой металл в золото. — 220.

³⁸ Быт. 4, 7. — 222.

³⁹ Быт. 27, 29. — 223.

⁴⁰ Быт. 27, 36. — 224.

⁴¹ до бесконечности (лат.). — 227.

⁴² *Джек Кэд* (Jack Cade) был руководителем широкого народного восстания на юге Англии в 1450 г.; на короткое время Кэду удалось потеснить правительственные войска и захватить Лондон. В 1681 г. на английской сцене ставилась пьеса Джона Кроуна о восстании Кэда «*The Misery of Civil War*» («*Несчастье гражданской войны*»). О Кромвелле см. прим. 33. — 229.

⁴³ Автором этого трактата «*Патриарх — не Монарх*» (1681), вышедшем анонимно, был Джеймс Тиррел (James Turrell, 1642—1718), давний и близкий друг Локка. Содержащаяся в этом трактате критика Филмера во многом близка взглядам Локка. — 231.

⁴⁴ Лев. 18, 6. — 234.

⁴⁵ Быт. 24, 10. — 234.

⁴⁶ См.: 2 Цар. 13. — 235.

⁴⁷ См.: Быт. 14, 1—2. — 239.

⁴⁸ Политическая партия тори, сложившаяся в Англии в 70-х годах XVII в., являлась преемником «кавалеров», дворян — сторонников абсолютизма в период английской революции и гражданской войны. Партия объединяла в своих рядах крупную земельную аристократию, высшее англиканское духовенство, а также часть средних и даже мелких сквайров. В ней господствовали верноподданнические настроения, она держалась принципа строго наследственной монархии и отстаивала полноту королевской прерогативы. — 240.

⁴⁹ Удержитесь ли вы от смеха? (лат.). См.: *Гораций.* Наука поэзии 5. — 240.

⁵⁰ *Огизис* — согласно преданию, первый царь Фив, правивший во времена всемирного потопа и таким образом связанный с новой расой

греков. *Геркулес* (Геракл) — мифический герой и прародитель дорийцев в Древней Греции. *Брахма* — божество в древнеиндийской религии, от которого якобы веда свое происхождение каста брахманов. *Тамерлан* (1336—1405) — среднеазиатский полководец и завоеватель, с которым, вероятно, Локк связывал происхождение монголов. *Фарамонд* — легендарный король династии Меровингов и родоначальник франкузов. *Юпитер* и *Сатурн* — мифические творцы римлян. — 243.

⁵¹ Быт. 10, 31. — 245.

⁵² *Ганнибал* (ок. 246—183 до н. э.) — крупнейший полководец Карфагена. — 246.

⁵³ Английское владение в Северной Америке. — 246.

⁵⁴ В то время это название, восходящее к «Утопии» Томаса Мора (1478—1535), уже стало нарицательным для всякой нереальной социально-политической модели общества. — 248.

⁵⁵ См.: Быт. 10, 1—10. — 249.

⁵⁶ См.: 3 Цар. 20. — 251.

⁵⁷ *Фердинандо Сото* (Ferdinando de Soto, 1496—1542) был испанским капитаном, исследователем Америки; неизвестно, какое из трех имеющихся сообщений о его экспедициях имеет в виду Локк. — 253.

⁵⁸ 3., Пред. — 253.

⁵⁹ См.: Быт. 42—43. — 254.

КНИГА ВТОРАЯ

Ричард Гукер (Richard Hooker, 1554—1600), англиканский теолог, был автором фундаментального трактата «The Laws of Ecclesiastical Polity» («Законы церковной политики»). Первые четыре книги этого трактата вышли в 1594 г., пятая — в 1597 г., шестая и восьмая — в 1648 г., седьмая — в 1662 г. В этом антипуританском произведении Гукер, безусловный сторонник монархии Тюдоров, касаясь вопросов возникновения и организация государства, в осторожной форме проводил идею общественного договора и ограничения королевской власти законом. Ниже Локк не совсем точно цитирует Гукера (В. I. Ch. VIII, § 7). — 264.

² См. «Опыты о законе природы» Локка в наст. томе. — 264.

³ Быт. 9, 6. — 268.

⁴ Быт 4, 14. — 268.

⁵ См.: *Инка Гарсиласо де ла Вега*. История государства инков. Кн. I. Гл. VIII. — 270.

⁶ Имеются в виду последователи Гоббса. — 272.

⁷ добросовестно (лат.). — 273.

⁸ В нумерации псалмов в русской Библии (частично не совпадающей с западными ее изданиями) этому соответствует псалом 113, 24. — 276.

⁹ В «Теории прибавочной стоимости» К. Маркс приводит целый ряд цитат из V главы трактата Локка (из § 27. 29. 31. 32. 35. 36), выписывая те места, где Локк говорит о роли труда в возникновении частной собственности, и дает следующую характеристику его взглядов: «Труд дает вещам почти всю их стоимость [value означает у Локка потребительную стоимость, и труд берется как конкретный труд, а не с количественной его стороны; но измерение меновой стоимости трудом действительно основывается на том, что работник создает потребительную стоимость]. Тот остаток потребительной стоимости, который не может быть сведен к труду, есть, по Локку, дар природы, а потому, сам по себе, *общая собственность*. Поэтому Локк старается доказать не то положение, что собственность может быть приобретена еще и другими путями, кроме труда, — это противоречило бы его исходной точке зрения, — а то, каким образом индивидуальный труд, вопреки общей собственности на пред-

меты природы, может создать индивидуальную собственность» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, Ч. 1. С. 369).— 282.

¹⁰ Прочитывая из § 40, 43, 44, Маркс пишет: «Итак, одним пределом собственности является *предел личного труда*; другой состоит в том, чтобы человек не накапливал предметов больше, чем он может использовать. Этот второй предел собственности расширяется (помимо прочего обмена) благодаря обмену недолговечных продуктов на *деньги...*» (Там же. С. 370). И далее цитирует из § 46, 47.— 287.

¹¹ По поводу процитированного из § 46, 47 Маркс замечает: «Так возникает неравенство индивидуальной собственности, но *та мера, которая состоит в личном труде*, остается в силе» (Там же. С. 370).— 289.

¹² Прочитывая это место из § 50, Маркс пишет: «С этим надо сопоставить следующее место из сочинения Локка о проценте, не забывая при этом, что, по его мнению, естественное право делает пределом собственности *личный труд*»:

«Теперь мы посмотрим, каким образом деньги приобретают такую же природу, как и земля, принося определенный ежегодный доход, который мы называем процентом или лихвой. Ведь земля естественным образом производит нечто новое и полезное, ценное для человечества. Напротив, деньги бесплодны и ничего не производят, но зато они, в силу взаимного соглашения, *переносят ту прибыль, которая была вознаграждением за труд одного человека, в карман другого*. Это вызывает неравенство в распределении денег, неравенством, которое в области земельных отношений ведет к таким же последствиям, какие оно имеет в области денежных отношений... Если у тебя больше земли, чем ты можешь или хочешь обработать, а у другого ее меньше, то вследствие этого неравенства у тебя появляется арендатор твоей земли; и такое же неравенство в распределении денег... доставляет мне арендатора для моих денег; таким образом, *мои деньги приобретают, благодаря приложению заемщика, способность производить для него в его предприятии более шести процентов*, совершенно так же, как твоя земля имеет способность, *благодаря труду твоего арендатора*, родить плоды в количестве большем того, которое составляет уплачиваемую им ренту...»

Тут у Локка отчасти был полемический интерес: он хотел показать земельным собственникам, что их рента ничем не отличается от процентов, взимаемых ростовщиком. Вследствие неравномерного распределения условий производства, и рента и процент «переносят ту прибыль, которая была вознаграждением за труд одного человека, в карман другого».

Взгляды Локка имеют тем более важное значение, что он является классическим выразителем правовых представлений буржуазного общества в противоположность феодальному; кроме того, его философия служила всей позднейшей английской политической экономии основой для всех ее представлений» (Там же. С. 370—371).

Маркс цитировал из работы Локка 1691 г. «Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, and Raising the Value of Money» («Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости денег»).— 290.

¹³ Локк приводит слова Филмера, которые уже цитировались в гл. IV, § 22.— 293.

¹⁴ Матф. 19, 5.— 298.

¹⁵ Имеется в виду Аристотель.— 304.

¹⁶ У древних греков и римлян *Гименей* — бог брака.— 307.

¹⁷ глава семьи (лат.).— 310.

¹⁸ Имеется в виду книга Роберта Нокса «An Historical Relation of the Island of Ceylon» (1680).— 314.

¹⁹ Локк перефразирует слова римского поэта-сатирика Марка Валерия Марциала (ок. 40 — ок. 104), сказанные о Катоне Утическом во введении к первой книге «Эниграмм». См.: *Марциал. Эниграммы*. М., 1968. — 319.

²⁰ Этим именем легендарного библейского чудовища Гоббс назвал государство, абсолютную власть которого он обожествлял в своем трактате «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». — 319.

²¹ *Салманасар III* — ассирийский царь, правил в 859—824 гг. до н. э.; *Ксеркс I* — персидский царь, правил в 486—465 гг. до н. э. — 320.

²² *Хосе де Акоста* (1539?—1600) работал в испанской администрации в Перу. В своей книге, вышедшей в 1590 г., описал природу Южной Америки, жизнь, быт и нравы индейцев. Локк цитирует из английского перевода этой книги «The naturall and morall historie of Indias» (1604); этим объясняется и английское написание имени Акосты. — 320.

²³ *Фаланг* был вождем спартанцев, основавших город Тарент в Италии. Рассказ об этом историка Помпея Трога дошел до нас в извлечении из его исторического труда, сделанном римским историком *Марком Юнианом Юстином*. См.: *Юстин*. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» // Вестник древней истории. 1954. № 2. С. 227. — 321.

²⁴ при прочих равных условиях (лат.). — 323.

²⁵ См.: Чис. 27, 17. — 325.

²⁶ 2 Цар. 5, 2. — 326.

²⁷ проклятая жажда наж (лат.). См.: *Овидий*. *Метаморфозы*. Кн. I 131. — 327.

²⁸ Так Локк называет патриархальную доктрину Филмера. — 328.

²⁹ в свободных местах (лат.). — 333.

³⁰ *Яков I Стюарт*, король Англии, правил в 1603—1625 гг. — 338.

³¹ Реформа избирательной системы была частью политической программы графа Шефтсбери и вигов еще при Карле II; в марте 1679 г. они внесли на рассмотрение парламента, который контролировали, билль по этому вопросу. — 355.

³² Благо народа — высший закон (лат.). См.: *Цицерон*. О законах III 3, 8 // Диалоги. М., 1966. — 355.

³³ В тексте, дошедшем до нас от Локка, имеется и другая редакция концовки этой фразы: «...вредное животное, пагубное для их существования». — 364.

³⁴ *Вильгельм* (1027—1087), герцог Нормандии, стал в 1066 г. королем Англии в результате разгрома норманами армии английского короля Гарольда II. — 367.

³⁵ *Вапروطреке* — *вампум* — раковины, которые североамериканские индейцы употребляли в качестве средства обмена, денег; термин представляет собой испорченное слово алгонкиского языка, обозначающее белые раковины. — 372.

³⁶ *Хингар* (Hingar) и *Хубба* (Hubba) были вождями датского войска, которое высадилось в Англии во второй половине IX в., захватило часть ее территории и осело на ней. *Спартак* был предводителем восстания рабов в Древнем Риме в 73—71 гг. до н. э. — 376.

³⁷ В тексте Локка ошибочно указано: 2 Цар. 18, 7. — 377.

³⁸ См.: 4 Цар. 16—20. — 377.

³⁹ См. прим. 30. — 378.

⁴⁰ Правление *тридцати тиранов* в Афинах относится к 404—403 гг. до н. э. Далее имеются в виду *сиракузские тираны* Дионисий Старший (правл. 405—367 до н. э.) и Дионисий Младший (правл. 367—344 до н. э.), а также избранная римским сенатом комиссия из 10 человек, облеченных неограниченными полномочиями (*децемвиры*), которая сделала

в 451—450 гг. до н. э. первую запись римского гражданского права — так называемые законы XII таблиц. — 379.

⁴¹ «Соседним королевством» Локк называет Англию, так как он готовил свой трактат к печати, находясь в Голландии. — 381.

⁴² В Алжире находился невольничий рынок, куда мавританские и раты привозили захваченных ими христиан. — 384.

⁴³ временно (лат.). — 386.

⁴⁴ Имеется в виду эпизод из приключений Одиссея (Улисса). См.: Гомер. Одиссея. Песнь 9. — 395.

⁴⁵ См. прим. 5 к с. 142. Ниже следует цитата из трактата У Баркли «De Regno et Regali Potestate...». — 396.

⁴⁶ Джордж Бьюкенен (George Buchanan, 1506—1582), шотландский гуманист, поэт и историк, в своем сочинении «De Jure Regni apud Scotos» («О королевском праве у шотландцев», 1579) доказывал, что источником королевской власти является народ, с которым король связан договором; королевская власть опирается на закон, а закон исходит от народа, и народ имеет право сопротивляться тому, кто попирает закон и нарушает договор; королю, ставшему тираном, граждане должны отказать в повиновении и объявить его врагом общества. — 398.

⁴⁷ «Когда тебя бьют, а ты принимаешь удары» (лат.). Ювенал. Сатира третья 289 (Римская сатира. М., 1957). — 399.

⁴⁸ ...Такова бедняков уж свобода:

Битый, он просит сам, в сняжках несъ, он умоляет,
Зубы хоть цеды пока, отпустить его восвояси (лат.).

Ювенал. Сатира третья 299—301 (Там же). — 399.

⁴⁹ в силу самого факта (лат.). — 401.

⁵⁰ Видимо, тут описка: надо не Winzerus, а Winzetus. Имеется в виду Ниниан Винзет (Ninian Winzet, Winget или Wingate), шотландский поемист, писавший против Бьюкенена. — 401.

⁵¹ Указываются римские императоры Нерон (правл. 54—68) Калигула (правл. 37—41). — 401.

⁵² Томас Билсон (Thomas Bilson, 1547—1616) был ректором Уичестерского колледжа, впоследствии епископом Уичестерским, написал трактат «The True Difference between Christian Subjection and Christian Rebellion...» («Истинное различие между христианской покорностью и нехристианским мятежом...», 1585). — 403.

⁵³ Генри де Брэктон (Henry de Bracton, ум. 1268), священнослужитель и судья, был первым систематизатором английского права, автором трактата «De Legibus et Consuetudinibus Angliae» («О законах и судебных установлениях Англии»).

Джон Фортескью (John Fortescue, 1394?—1476), английский юрист и верховный королевский судья, написал трактаты «De Laudibus Legum Angliae» («Похвала английским законам») и «Governance of England» («Управление Англией»). Предполагают, что «The Booke called the Mirrour of Justices» («Книга, называемая Зерцалом справедливости»), созданная в годы правления Эдуарда II (1307—1327), была написана Эндри Хорном (Andrew Horne, ум. 1328). — 403.

МЫСЛИ О ВОСПИТАНИИ

(Some Thoughts concerning Education)

Это сочинение, содержащее целостную педагогическую концепцию, выросло из частных писем Локка 1684—1691 гг. к Эдварду Кларку и его жене, друзьям философа, и сохранило их непринужденный стиль. «Мысли о воспитании» вышли отдельной книгой в Лондоне в 1693 г. в издате-

льстве Оншема и Джона Черчиллей; в том же году появилось второе издание. Третье, расширенное издание датируется 1695 г.; четвертое, также расширенное — 1699 г. Пятое издание, последнее, в которое Локк внес новые дополнения, вышло уже после его смерти в 1705 г. В 1695 г. Пьер Кост опубликовал в Амстердаме французский перевод «Мыслей о воспитании», который был сделан с первого английского издания и снабжен многочисленными примечаниями. В 1698 г. в Роттердаме вышел голландский перевод, сделанный с третьего английского издания. Первый русский перевод под названием «О воспитании детей» появился в 1759 г.; он был сделан учеником Ломоносова профессором Н. Поповским с французского перевода и отпечатан при Императорском Московском университете. Современники высоко оценивали эту работу Н. Поповского, о чем свидетельствует в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. Новиков: «...сей перевод, по мнению знающих людей, едва не превосходит ли и подлинник». Существует еще несколько русских переводов «Мыслей о воспитании», сделанных с английских изданий: П. Вейнберга (1890), А. Басистова (1896), М. Энгельгардта (1913).

Для настоящего тома выбран последний русский перевод, выполненный Ю. М. Давидсоном и опубликованный в кн.: *Дж. Локк. Педагогические сочинения*. М., 1939. К сожалению, в книге не указано, с какого английского издания он сделан. Сравнение текстов, однако, показывает, что переводчик использовал перевод «Мыслей о воспитании», принадлежащий М. А. Энгельгардту. Для нашего издания в переводе Ю. М. Давидсона сделаны редакционные изменения, уточнены некоторые выражения и термины и исправлены опечатки. При составлении примечаний использованы примечания редакторов и переводчиков различных предшествующих изданий «Мыслей о воспитании», прежде всего содержащиеся в критическом английском издании: *The educational writings of John Locke: A critical edition with introduction and notes by James L. Axtell*. Cambridge, 1968, и в русских изданиях: *Дж. Локк. Мысли о воспитании и о воспитании разума*. СПб., 1913, и *Дж. Локк. Педагогические сочинения*. М., 1939.

¹ Вероятно, имеется в виду Франсис Кедворт Мешэм — сын сэра Франсиса Мешэма и леди Демерис Мешэм (урожденная Кедворт), близких друзей Локка. — 410.

² Локк получил в Оксфорде степень бакалавра медицины и практиковал как врач. — 413.

³ Уже в те времена в Англии слово *gentleman* относилось не только к дворянам, но и вообще к людям, принадлежащим к состоятельному классу. В XVII в. в Англии *фермер* — крестьянин, производивший товарную продукцию, по преимуществу на арендованной земле, *йомен* — наследственный мелкий земельный собственник. — 413.

⁴ Ср.: *Элиан*. Пестрые рассказы. М.; Л., 1963. Кн. VII 6. — 413.

⁵ Локк цитирует из «Новых путешествий на Ближний Восток» Жана Дю Монта: *Jean Du Mont. Nouveau Voyage de Levant, par le Sieur D. M. La Haye* 150—151. 1694. — 414.

⁶ «Перчатка» по-голландски *handschoen*: *hand* — рука, *schoen* — башмак. — 415.

⁷ См.: *Луций Анней Сенека*. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. Письмо LXXXIII 5. — 416.

⁸ См.: *Квинт Гораций Флакк*. Послания. Кн. I 15. К Нумонию Вале 4—5 // *Соч.* М., 1970. — 416.

⁹ Этот источник, находящийся в Холлиуэлле (Англия), некогда пользовался славой целебного и привлекал множество паломников. — 416.

¹⁰ *brown bread* (англ.) — хлеб из непросеянной муки. — 421.

¹¹ См.: *Гай Светоний Транквилл. Божественный Август 76//Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964.—421.*

¹² См.: *Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Письмо LXXXIII 6.—421.*

¹³ Т. е. до времени правления *Гая Юлия Цезаря.—422.*

¹⁴ Локк, вероятно, имеет в виду те испытания, которые обрушились на многие английские семьи в бурные годы революции, гражданской войны, протектората Кромвеля и реставрации Стюартов. Его собственный отец наследовал гораздо большее состояние, чем передал сыну.— 423.

¹⁵ В Англии, как и в других европейских странах, в то время было принято отдавать грудных детей в деревню кормилице.— 424.

¹⁶ Возможно, такое предостережение Локка объясняется неполным созреванием всех этих плодов в климатических условиях Англии.— 425.

¹⁷ Имеется в виду вред от тех испарений, которыми вынуждены были дышать люди при тогдашней технологии изготовления конфет.— 426.

¹⁸ Т. е. «животные духи», с которыми по тогдашним представлениям связывались силы, регулирующие функциональную деятельность живого организма.— 429.

¹⁹ Шутливое выражение вместо слова «испражняться»; производное от латинского слова.— 429.

²⁰ Фрэнсис Бэкон (1561—1626) приписывает эти слова не афинскому мудрецу *Солону*, а философу *Платону* (см.: *A collection of Aphorisms, new and old 224*).— 433.

²¹ *Pecant humours* (англ.) или *vitiosi humores* (лат.), по понятиям старой физиологии,— испорченные жидкости человеческого организма, служащие причиной болезней.— 436.

²² Это иносказательное выражение, означающее положение, когда опасность угрожает и с той и с другой стороны, восходит к древнегреческому мифу о двух чудовищах — *Сцилле* и *Харибде*, которые обитали по обеим сторонам Мессинского пролива и поглощали мореплавателей.— 442.

²³ В пятое издание Локк внес следующее примечание: «До какой степени римляне считали воспитание детей делом, лежащим на обязанности самих родителей, можно видеть у Светония, Август, 64, Плутарха в *Жизни Катона-цензора*, Диодора Сицилийского I 2. Гл. 3».— 458.

²⁴ *Trap* (англ.) — разновидность игры в мяч; *span-farthing* (англ.) — игра, состоящая в том, что один игрок бросает монету, которую другой выигрывает, если брошенная им в свою очередь монета ляжет от первой монеты на расстоянии не дальше ладони.— 461.

²⁵ *Grammar-school* — государственная или частная классическая школа, в которой учились дети преимущественно из средних слоев общества.— 462.

²⁶ Имеется в виду крупное поражение, которое потерпел английский флот в бою с французами при Биче Хед в 1690 г.— 463.

²⁷ Мальчику нужно внимание великое (лат.). См.: *Ювенал. Сатира четырнадцатая 47 // Римская сатира. М., 1957.—465.*

²⁸ *Scotch-hopper* (англ.) — игра, в которой ребенок, прыгая на одной ноге по вычерченным на земле клеткам, одновременно подталкивает ногой камешек.— 468.

²⁹ *Себастьян Кастеллион* (*Sebastien Castellion*, 1515—1563). — французский педагог, гуманист и поборник религиозной терпимости; известен своей борьбой с Кальвином, в которую он вступил, протестуя против расправы над испанским мыслителем и ученым Серветом. Эта борьба обрекла Кастеллиона на тяжелую нужду и гонения. Одно время в Базеле ему приходилось добывать средства для существования своей семьи вылавливанием из Рейна смывых с берега бревен. *Монтень* (1533—1592) в «Опы-

тах» (Кн. I. Гл. XXXV) упоминает о бедствиях Каstellиона и даже утверждает, что он умер от голода, но нигде не пишет, что он занимался изготовлением кухонных досок. — 482.

³⁰ Т. е. модусов и фигур силлогизма — видов умозаключения, являвшихся предметом традиционного школьного обучения. — 489.

³¹ *Перипатетик* — последователь философии Аристотеля; *картезианец* — последователь философии Декарта. — 490.

³² *Франко Бургерсдициус* (Franco Burgersdicius, 1590—1635), профессор философии в Лейдене, и *Кристоф Шейблер* (Christoph Scheibler, 1589—1653) были авторами латинских учебников по аристотелевской логике, этике, физике и метафизике, которыми пользовались студенты английских университетов вплоть до конца XVII — начала XVIII в. — 492.

³³ У Сенеки сказано: «...и учимся для школы, а не для жизни». См.: *Луций Анней Сенека*. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. Письмо CVI 12. — 492.

³⁴ «В чем по природе себе человеку отказывать тяжко» (лат.; пер. А. Фета). См.: *Квинт Гораций Флакк*. Сатиры. Кн. I. 1, 75. — 500.

³⁵ См. прим. 18. — 513.

³⁶ Имеется в виду игра наподобие бадминтона. — 530.

³⁷ Ради приобретения интеллектуальной культуры (лат.). — 546.

³⁸ *Джон Гопкинс* (John Hopkins, ум. 1570) и *Томас Стернхольд* (Thomas Sternhold, ум. 1549) были авторами переводов на английский язык Псалмов Давида. — 547.

³⁹ Имеется в виду лотерея времен Карла II, названная в память того дуба в Бовкобельском лесу, в густых ветвях которого Карлу II пришлось скрываться от солдат парламентской армии после поражения в битве при Вустере в 1651 г. — 549.

⁴⁰ Dibstones, или dibs (англ.), — детская игра в бабки, или камешки. Пьер Кост так описывает ее в своем переводе этого места: «Я видел, как маленькие девочки по целым часам, не жалея трудов, упражнялись в игре, в которой нужно подхватить с земли камешек достаточно быстро, чтобы успеть поймать на лету другой, брошенный тем временем вверх». — 550.

⁴¹ in folio (лат.). — в пол-листа. — 550.

⁴² Средневековый эпос, представляющий собой аллегорическую сатиру на феодальное общество. На английском языке «Рейнеке-Лис» (в переводе Уильяма Кэкстона) появился в 1484 г. — 552.

⁴³ Так назывался лист с напечатанными на нем азбукой и текстом молитвы; этот лист помещался в рамку под тонкую роговую пластинку. — 552.

⁴⁴ Матф. 7, 12. — 553.

⁴⁵ *Джон Уорthingтон* (John Worthington, 1618—1671) являлся преподавателем колледжа Иисуса в Кембридже и был тесно связан с кембриджскими платониками. Его катехизис «A Form of Sound Words: Or a Scripture Catechism; shewing what a Christian is to believe and practise in order to Salvation» вышел в свет в 1673 г. — 553.

⁴⁶ Ничего без внушения Минервы (лат.). *Минерва* — в древнеримской мифологии богиня-покровительница всех полезных искусств и ремесел, в частности музыки и поэзии. — 555.

⁴⁷ *Скоропись*, или стенография, была известна уже древним грекам и римлянам. Первое английское руководство по стенографии опубликовал Т. Брайт (Timothy Bright) в 1588 г. Метод Брайта заключался в употреблении произвольного знака для каждого слова. Впоследствии Джон Уиллис (John Willis) изобрел полный стенографический алфавит, опубликованный в его книге «The Art of Stenographie or Short Writing by

Spelling Characterie» (1602). Система Уиллиса затем совершенствовалась другими авторами. — 555.

⁴⁸ Система *Рича* (Jeremiah Rich) была изложена в его работе «Pen's Dexterity» (1659). — 555.

⁴⁹ *Уильям Лилли* (William Lilly, 1468—1522) был преподавателем греческого и латинского языков (с 1512 г. в школе св. Павла в Лондоне). Его произведение «Brevisissima Institutio seu Ratio Grammatices Cognoscendi», написанное совместно с Джоном Колетом, кардиналом Уолси и Эразмом Роттердамским и известное под названием «Грамматика Лилли», служило общепринятым пособием по латинской грамматике в английских школах вплоть до XVIII в. — 557

⁵⁰ *Марк Туллий Цицерон* (106—43 до н. э.) — знаменитый римский оратор, философ и политический деятель. См. также прим. к с. 50. — 558.

⁵¹ Имеется в виду грамматика латинского языка «Minerva, seu de causis linguae Latinae Commentarius (1587) профессора университета в Саламанке Франческо Санхеца (Francesco Sanchez или Sanctius, 1523—1601). С дополнениями и примечаниями она впоследствии неоднократно переиздавалась. Среди ее издателей и комментаторов были немецкий филолог *Гаспар Шюппний* (Gaspar Schopp или Sciorpius, 1576—1649) и голландский филолог и историк *Якоб Перизоний* (Jacob Voorbroek или Perizonius, 1651—1715). — 559.

⁵² Пример на спряжение латинского глагола: aufero (уношу) — 1-е лицо единств. числа наст. времени, abstulere (унесли) — 3-е лицо множ. числа прошед. совершенного (perfectum) времени. — 559.

⁵³ *Марк Юлиан Юстин* (II—III вв.), римский историк, сделавший извлечения из не дошедшего до нас исторического труда Помпея Трога «Historiae Philippicae» в 44 книгах. *Флавий Евтропий* (IV в.), римский историк, написавший краткую историю Рима со времени его основания до 364 г. «Breviarium historiae Romanae». — 563.

⁵⁴ «Любовь все побеждает» или «На войне нельзя ошибаться дважды» (лат.). — 568.

⁵⁵ Согласно Ветхому завету, на евреев, находившихся в египетском плену и занимавшихся изготовлением кирпичей, было наложено наказание: им было приказано продолжать делать кирпичи, но было отказано в материале для их изготовления (Исх. 5.). — 569.

⁵⁶ Согласно мифам, *Парнас* — горный массив в греческой области Фокида — был местом обитания божеств поэзии и искусств: Аполлона и Муз. — 571.

⁵⁷ См. прим. 21 к с. 320. — 573.

⁵⁸ В то время еще не были открыты ни Австралия, ни Антарктида. — 575.

⁵⁹ Детальными хронологии интересовался, в частности, И. Ньютон, посвятивший этому предмету несколько работ. — 578.

⁶⁰ *Гилес Страухиус* (Gyles Strauch, или Strauchius, ум. 1682) был профессором теологии в Данциге. Упоминается его «Краткий обзор хронологии». — 578.

⁶¹ *Христофер Гельвикус* (Christopher Helwig, или Helvicus, 1581—1617) был профессором в Гессене. Локк имеет в виду его книгу «Theatrum Historicum sive Chronologiae systema nova...» 1609); ее английское издание появилось в 1687 г. — 578.

⁶² *Квинт Курциус* (Квинт Гай Руф Курций, I в.), римский историк, написал труд в десяти книгах «Historiae Alexandri Magna Macedonis» («История Александра Великого Македонского»). См. также прим. 53 — 579.

⁶³ Имеется в виду трактат Цицерона «Об обязанностях» («De officiis»), — 579.

⁶⁴ *Замуэль Пуфендорф* (Samuel Puffendorf, 1632—1694) — известный немецкий правовед, историк и политический философ. Гуго Гроций (Hug de Groot или Grotius, 1583—1645) — выдающийся голландский теоретик естественного и международного права. Локк указывает сочинения Пуфендорфа «Об обязанности человека и гражданина согласно естественному закону» (1673), «О праве природы и народов» (1672) и Гроция «О праве войны и мира» (1625). — 579.

⁶⁵ *Обычное, или общее, право* (common law) в системе английского права существует наряду со статутным правом (statute law). Оно основывается на традициях, освященных судебной практикой, и является старейшей частью права. — 580.

⁶⁶ *Логика, риторика и грамматика* составляли известный средневековый «тривиум» дисциплин, преподававшихся в европейских университетах вплоть до XVIII в. — 580.

⁶⁷ Латинские наименования соответственно «категорий» (предикаменты) и «классов сказуемых» (предикабилии). См. также прим. 30. — 581.

⁶⁸ *Уильям Чиллингворт* (William Chillingworth, 1602—1644), английский религиозный мыслитель, был одним из любимых писателей Локка. Его произведение «The Religion of Protestants» («Религия протестантов», 1638), в котором он отстаивал концепцию англиканской церкви, было выполнено в форме свободного и рационального исследования и отличалось логически строгими рассуждениями. — 581.

⁶⁹ Имеется в виду ошибочное силлогистическое рассуждение, в котором используется двусмысленность среднего термина (medius terminus), понимаемого в разных посылах в различных смыслах. — 581.

⁷⁰ «О нахождении» — самый ранний из риторических трактатов Цицерона (написан между 91 и 84 гг. до н. э.); посвящен проблеме нахождения, или подбора, материала для речей и характеристике родов красноречия. — 583.

⁷¹ *Венсан Вуатюр* (Vincent Voiture, 1598—1648) — французский поэт и писатель, нисьма которого считались образцом эпистолярного стиля и находили много подражателей как во Франции, так и в Англии. Сохранилось богатое эпистолярное наследие Цицерона — его письма к Атику, брату Квинту, М. Бругу, ближнему. — 583.

⁷² *Томас Фарнэби* (Thomas Farnaby, 1575—1647) был английским учителем, школа которого для детей джентльменов пользовалась славой далеко за пределами Англии. Его «Риторика» («Index Phetoricus Schollis et Institutioni Tenerioris aetatis accommodatus») была опубликована в 1625 г. — 584.

⁷³ Так, перед французской Академией, основанной Ришелье в 1637 г., была поставлена задача: очистить язык от вульгарных и порожденных невежеством искажений и установить твердый образец произношения и правописания. В видах осуществления этой программы Академия постановила: составить словарь и грамматику французского языка, а также трактаты по риторике и поэзии. Французский академический словарь появился только в 1694 г. Словари своих национальных языков опубликовали и Academia della Crusca во Флоренции, и основанная позднее, в 1713 г., испанская Академия в Мадриде. — 585.

⁷⁴ Например, ритор и грамматик Фронтон был назначен римским императором Антонином Пием (86—161) обучать латинскому языку двух его приемных сыновей, будущих императоров Марка Аврелия и Луция Вера. — 585.

⁷⁵ *Ральф Кедворт* (Ralph Cudworth, 1617—1688), английский философ, был видным представителем школы кембриджских платоников. Его наиболее значительным произведением был упоминаемый Локком трактат «True Intellectual System of the Universe» (1678).— 588.

⁷⁶ *Роберт Бойль* (Robert Boyle, 1627—1691), известный английский физик и химик, был близким другом Локка, придерживался корпускулярной гипотезы строения материи.— 589.

⁷⁷ «Математические начала натуральной философии» (1687).— 589.

⁷⁸ Локк цитирует из книги французского писателя-моралиста Жана де Лабрюйера (Jean de la Bruyère, 1645—1696) «Caractères de Théophraste traduits du grec, avec les caractères ou les moeurs de ce siècle». Paris (1688). Ср: *Лабрюйер Ж. де*. Характеристики, или Нравы нынешнего века. М.: Л., 1964. XIV 71.—591.

⁷⁹ Там же, XIV 72.—592.

⁸⁰ Не совсем точная цитата из Ювенала, у которого сказано: «Nullum inueniunt habes si sit prudentia» — «Нет богов у тебя, коль есть разум». — *Ювенал*. Сатира десятая 365 и четырнадцатая 315 (Римская сатира. М., 1957).— 596.

⁸¹ *Гедеем* был одним из вождей-правителей еврейского народа в легендарный период древнееврейской истории. *Луций Квинций Цинциннат*, римский консул (460 г. до н. э.), диктатор (458 г. до н. э.), принадлежал к знатному роду патрициев, но вел простой образ жизни и сам занимался обработкой земли.— 598.

⁸² См. прим. 16 к с. 32. *Марк Порций Катон* был автором сочинения о сельском хозяйстве «De re rustica». *Ксенофонт* (ок. 444—356 до н. э.), древнегреческий историк и писатель, одно время служил у *Кира* (424—401 до н. э.), младшего сына персидского царя Дария II Норфа. Сведения о занятии *Кира* садоводством, которые имеет в виду Локк, передавая их, впрочем не вполне точно, содержатся в сочинении Ксенофонта «Домострой» (гл. 4, 20—24) (см.: *Ксенофонт Афинский*. Сократические сочинения. М.; Л., 1935).— 599.

⁸³ В то время в среде английской знати было модно заниматься химическими и физическими опытами; в некоторых домах заводили перегонные кубы для изготовления духов.— 601.

МЫСЛИ О ТОМ, ЧТО ЧИТАТЬ И ИЗУЧАТЬ ДЖЕНТЛЬМЕНУ

(Some thoughts concerning reading and study for a gentleman)

Это небольшое произведение побудил Локка написать его знакомый священник Сэмюэль Болд (Samuel Bold) для одного из своих прихожан — Роджера Клэвила (Roger Clavel). Оно может быть датировано первой половиной 1703 г., потому что 23 августа этого года Болд сообщил Локку: «М-р Клэвил, для которого по моей просьбе Вы изволили передать рекомендации, касающиеся чтения, сердечно благодарит Вас за них». Произведение привлекает внимание тем, что содержит рекомендуемый Локком круг чтения и является как бы библиографическим дополнением к «Мыслям о воспитании». Впервые это произведение Локка опубликовал Пьер Демезо (Pierre Desmaizeaux) в издании: A Collection of Several Pieces of Mr. John Locke (1720). На русском языке оно ранее не публиковалось. Настоящий перевод выполняла О. А. Гулыга с английского издания: The educational writings of John Locke: A critical edition with introduction and notes by James L. Axtell. Cambridge, 1968. Сверка перевода с оригиналом произведена А. Л. Субботиным. При составлении примечаний использованы примечания, содержащиеся в вышеуказанном английском издании.

Джон Тиллотсон (John Tillotson, 1630—1694), с 1691 г. — архиепископ Кентерберийский, отличался широкими взглядами на англиканскую церковь; был близким другом Локка. — 610.

² «Об ораторе» и «Оратор» — трактаты Марка Туллия Цицерона. Марк Фабий Квинтилиан (35—96) был римским ритором и теоретиком ораторского искусства; имеется в виду его трактат «Institutio oratoria» («Образование оратора»). Далее указан французский перевод античного эстетического трактата «О возвышенном», выполненный известным французским писателем и критиком Буало (Nicolas Boileau Despréaux, 1636—1711) и опубликованный в 1675 г. — 610.

³ См. прим. 68 к с. 581. — 610.

⁴ Публий Теренций (ок. 195—159 до н. э.) — римский комедиограф, которого высоко ценила риторическая школа за изящество и чистоту языка и искусство ведение диалога. Публий Марон Вергилий (70—19 до н. э.) — великий римский поэт. Тит Ливий (59 до н. э. — 17 н. э.) — римский историк, написал монументальный труд «От основания города» в 142 книгах, в котором дано художественное изложение всей истории Рима. Гай Юлий Цезарь (100 — 44 до н. э.) был преходным стилем и оратором; сохранились его произведения «Записки о галльской войне» и «Записки о гражданской войне». — 611.

⁵ См. прим. 63 к с. 579. — 611.

⁶ См. прим. 1 к с. 264. Алджернон Сидней (Algernon Sidney, 1622—1683) был активным участником гражданской войны, находясь в рядах парламентской армии, а в период Реставрации — одним из лидеров вигов; был привлечен к суду и казнен якобы за участие в заговоре герцога Монмаута на жизнь Карла II. Локк имеет в виду его работу «Discourses on Government» («Рассуждения о правлении»), опубликованную в 1698 г., а до того известную по рукописным экземплярам. В этой работе Сидней критиковал абсолютистскую концепцию Р. Филмера, отстаивал теорию договорного происхождения государственной власти и народного суверенитета, считая наиболее приемлемой форму смешанного правления — конституционную монархию, где король имеет только те права, которые ему предоставлены с согласия народа народными представителями. — 611.

⁷ Локк указывает свое собственное произведение, изданное анонимно (в русском переводе оно публикуется в настоящем томе), а также трактат «Civil Polity, a Treatise concerning the Nature of Government» (1703), автором которого был доктор медицины Питер Пэкстон (Peter Paxton, ум. 1711). — 611.

⁸ См. прим. 64 к с. 579. — 611.

⁹ См. прим. 43, к с. 231. С 1696 по 1704 г. вышли в свет три тома труда Джеймса Тиррела «General History of England, both Ecclesiastical and Civil» («Общая история Англии, церковная и гражданская»), который писался с позиций виговской идеологии. — 611.

¹⁰ См. прим. 53 к с. 403. Fleta — латинский трактат, посвященный английскому законодательству; был написан в тюрьме Флит около 1290 г. Эдуард Кок (Edward Coke, 1552—1634), известный английский юрист и политический деятель, знаток и толкователь старинных английских статушов, хартий и судебных решений, составлявших так называемое английское общее право, был автором юридического трактата «Institutes of the Laws of England» («Институции английских законов»), первые две части которого были изданы в 1628 г., а последние две — в 1644 г. «О парламентском способе правления» (лат.). Уильям Атвуд (William Atwood, ум. 1705), политический писатель, виг, выступал против Филмера, Брэди и экстремистских притязаний тори и высокоцерковников. Роберт Брэди (Robert Brady, ум. 1700), историк роялистской ориентации

и врач, был автором «An Introduction to Old English History comprehended in three several tracts» (1684) и «A Compleat History of England». Vol. 1—2 (1685, 1700). Джон Сэдлер (John Sadler, 1615—1674) — глава колледжа Магдалины в Кембридже с 1650 г. до реставрации Стюартов; его книга «The Rights of the Kingdom, and Customs of our Ancestors» вышла в 1649 г. — 612.

¹¹ Упоминаемое «Collections of State Tracts» («Собрание государственных трактатов»), содержащее ряд трактатов о государственном правлении, относящихся к периоду 1660—1689 гг., было издано в двух томах в 1689 и 1692 гг. — 612.

¹² Уолтер Рэли (Walter Raleigh, 1552—1618), известный английский мореплаватель, организатор колонизаторских рейдов в Северную и Южную Америку, поэт, философ и ученый, просидел почти 13 лет в Тауэре, где занимался научными исследованиями, в частности написал объемистый том «History of the World» («Всемирная история») до 130 г. до н. э., напечатанный в 1614 г. Уильям Хоуэлл (William Howell, 1638—1683) был членом совета колледжа Магдалины в Кембридже, автором «An Institution of General History» (1661). — 612.

¹³ Дегори Уир (Degory Wheare, 1573—1647) был профессором истории в Оксфорде; имеется в виду его книга «Relectiones Nyemales, De Ratione et Methodo Legendi» (1623). — 612.

¹⁴ Питер Хейлин (Peter Heulyn, 1599—1662), церковный писатель, был автором «Geography» (1621). Герман Моль (Herman Moll, ум. 1732), голландский географ, приехал в Лондон в 1698 г., где издал свои географические работы и карты различных частей света. Имеется в виду его «System of Geographies» (1701). — 612.

¹⁵ Уильям Кэмден (William Camden, 1551—1623), английский историк и антиквар, написал солидный труд на латинском языке, посвященный британской предистории и истории «Britannia» (1586), который был опубликован на английском языке в 1610 г. и с тех пор в новых переводах и с дополнениями неоднократно переиздавался. — 612.

¹⁶ Имеются в виду книги Ричарда Хаклюта (Richard Hakluyt, 1552—1616) «The Principal Navigations, Voyages, Traffique and Discoveries of the English Nation». Vol. 1—3 (1599—1600) и Сэмюэля Перчеса (Samuel Purchas, 1575—1626) «Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes» (1625). — 612.

¹⁷ Мельхиседек Тевено (Melchisédec Thèvenot, 1620—1692) издал по крайней мере три различных собрания описаний путешествий; Локк имел их в своем распоряжении и ссылался на публикации Тевено в «Опыте о человеческом разумении». Также имеется в виду работа Джованни Баттиста Рамуцио (Giovanni Battista Ramusio. Navigazioni et Viaggi. Vol. 1—3. 1559—1565). — 612.

¹⁸ Локк ссылается на поэта и путешественника Джорджа Сэндиса (George Sandys, 1578—1644), дипломата Томаса Роу (Thomas Roe, 1581—1644), путешественников Эдварда Брауна (Edward Browne, 1644—1708) и Томаса Гейджа (Thomas Gage, ум. 1656), ирлата Уильяма Дэмпиера (William Dampier, 1652—1715). — 613.

¹⁹ Локк ссылается на путешественников Франсуа Пирара (François Pyrard, 1570—1621), Пьера Бержерона (Pierre Bergeron, ум. 1637), Габриэля Сагара (Gabriel Sagard, ум. 1650) и Франсуа Бернье (François Bernier, 1620—1688). — 613.

²⁰ Оншем Черчилл был лондонским издателем, публиковавшим, в частности, основные произведения Локка. «Collection of Voyages and Travels» было издано Черчиллом в 1704 г. в 4 томах in folio. — 613.

²¹ См. прим. 61 к с. 578. — 613.

²² Имеется в виду работа Фрэнсиса Тэллента (Francis Tallent, 1619—

1708) «A View of Universal History, from the Creation, to the Destruction of Jerusalem... [from the Birth of Jesus Christ... to the year 1680]». 2 parts. 1685. См. также прим. 60 к с. 578. *Жозеф Юстус Скалигер* (Joseph Justus Scaliger, 1540—1609) — известный французский филолог-гуманист и издатель; упоминается его труд «Об усовершенствовании хронологии» (1583). Что же касается *Дионисия Петавия* (Dionysius Petavius, 1583—1652), то имеется в виду его работа «Rationarium Temporum» (1634). — 613.

²³ Имеются в виду следующие исторические труды: *Франсиса Бэкона* (Francis Bacon, 1561—1626) — «The Historie of Reigne of King Henry the Seventh» (1622). *Эдварда Герберта*, лорда Чербери (Edward Herbert, 1583—1648) — «The Life and Reigne of King Henry the Eighth» (1649). *Сэмюэля Дэннела* (Samuel Daniel, 1562—1619) — «The Collection of the Historie of England» (1595), который содержит историю гражданских войн между домами Лалкастеров и Йорков. *Гильберта Барнета* (Gilbert Burnet, 1643—1715) — «History of the Reformation», первые два тома которой вышли в 1672 и 1681 гг., а третий — в 1714 г. — 613.

²⁴ *Хуан де Мариана* (Juan de Mariana, 1536—1624), испанский историк, написал «Historiae de Rebus Hispaniae» (1592). *Туанус* (Jacques Auguste de Thou, или Thuanus, 1553—1617), французский исторический писатель и политический деятель, был автором многотомной «Historia sui temporis», публиковавшейся в 1604—1614 гг. *Филипп де Комин* (Philippe de Comines, ок. 1447—1511), французский государственный деятель, оставил «Mémoires» — воспоминания о временах царствования Людовика XI и Карла VIII с 1464 по 1498 г., которые начали публиковаться в 1524 г. Русское издание: *Филипп де Комин*. Мемуары. М., 1986. — 613.

²⁵ *Франсуа де Ларошфуко* (François de la Rochefoucauld, 1613—1680), французский политический деятель и писатель, был автором «Mémoires», изданных в 1662 г., в которых освещались события французской истории с 1624 по 1652 г. *Франсуа де Ларошфуко*. Мемуары. Максимы. Л., 1971.) *Джеймс Мелвилл* (James Melville, 1535—1617) служил при шотландском дворе и оставил воспоминания «The Memoirs of his own life, by sir James Melville of Hallhill», найденные в Эдинбургском замке в 1660 г. и опубликованные в 1683 г. *Джон Рашуэрт* (John Rushworth, 1612—1690), английский историк, написал восьмитомную «Historical Collections of Private Passages of State», охватывающую период 1618—1649 гг., которая издавалась с 1659 по 1721 г. — 613.

²⁶ См. прим. 78 к с. 591. — 613.

²⁷ Локк перечисляет знаменитых римских поэтов *Децима Юния Ювенала* (ок. 60 — после 127), *Авла Персия Флакка* (34—62), *Квинта Горация Флакка* (65—8 до н. э.). — 613.

²⁸ *Элайша Коулс* (Elisha Coles, 1640—1680) был автором Англо-латинского и Латинско-английского словаря (1677). Первый издатель «Мыслей...» Демезо заменил локковское «Cole» на «Littleton», имея в виду Адама Литтлтона (1627—1694), чей словарь был опубликован в 1673 г. *Томас Коупер* (Thomas Cooper, 1517—1694), епископ Уинчестерский, опубликовал: *Bibliotheca Eliotae; sive Dictionarium Lat. et Angl. auctum et emend. per Th. Cooper* (1548). *Амброджио Калепино* (Ambrogio Calepino, 1435—1511), итальянский филолог, составил многоязычный Латинский словарь, изданный в 1510 г. *Роберт Стивенс* (Robert Stephens) был автором Тезауруса латинского языка, вначале только Латинско-французского, а позднее Латинско-английского (XVI в.). *Герард Ян Воссий* (Gerard Jan Vossius, 1577—1649), голландский филолог-классик, составил Этимологический словарь латинского языка (1662, 1664). — 614.

²⁹ *Стивен Скиннер* (Stephen Skinner, 1623—1667), английский

филолог и врач. В 1671 г. опубликовал «*Etymologicon Linguae Anglicanae*». — 614.

³⁰ *Джон Кауэлл* (John Cowell, 1554—1611) был профессором гражданского права в Кембриджском университете, в 1607 г. опубликовал «*The Interpreter, a booke containing the signification of Words: wherein is set forth the true meaning of all... such words and termes as are mentioned in the Lawe-writers or Statutes... requiring anu Exposition*». — 614.

³¹ *Генри Спелман* (Henry Spelman, 1564?—1641), историк и антиквар, был автором Словаря устарелых латинских и старых английских терминов: «*Archaeologus in modum Glossarii ad rem antiquam posteriorem continentis Latina Barbara, peregrina, obsoleta... quae in Ecclesiasticis, profanis scriptoribus, legibus, antiquis chartis et formulis occurrunt*. Vol. I (1626), Vol. II (1664). — 614.

³² См. прим. 14 к с. 155. *Джон Селден* опубликовал работу «*Titles of Honour*» (1614), в которой рассматривалась система титулов и званий. — 614.

³³ *Мишель Антуан Бодран* (Michel Antoine Baudrand, 1633—1700), французский географ, составил «*Lexicon Geographicum*» (1670). — 614.

³⁴ *Николас Ллойд* (Nicolas Lloyd, 1630—1680), английский историк-компилятор, опубликовал «*Dictionarium Historicum*» (1670). *Йоханн Якоб Гофман* (Johann Jacob Hofmann, 1635—1706) издал в 1677 г. Исторический словарь. *Луи Морери* (Louis Moreri, 1643—1680), французский эрудит, был автором «*Grand Dictionnaire Historique*» (1674). — 614.

³⁵ *Пьер Бейль* (Pierre Bayle, 1647—1706), французский философ и просветитель, написал знаменитый «*Dictionnaire Historique et Critique*» (1695—1697). Неполное его издание вышло на русском языке: *Бейль П. Исторический и критический словарь*: В 2 т. М., 1968. — 614.

³⁶ *Шарль Дюфрен Дюканж* (Charles Dufresne Du Cange, 1610—1688), французский ученый, был автором фундаментального словаря «*Glossarium ad Scriptores Mediae et Infimae Latinitatis*» (1678), которым специалисты пользуются до настоящего времени. — 614.

РАССУЖДЕНИЯ О ЧУДЕСАХ

(A discourse of miracles)

Не имея возможности поместить в данном Собрании сочинений Джона Локка его труд «*The Reasonableness of Christianity*» («Разумность христианства», 1695), в котором нашла наиболее полное выражение его концепция христианства, мы заключаем данный том небольшой работой Локка «*Рассуждение о чудесах*», дающей определенное представление о характере отношения философа к христианской религии. «*Рассуждение о чудесах*» Локк написал в 1701 г. в ответ на «*An Essay of Miracles*» («Опыт о чудесах») одного из идеологов англиканской церкви — У. Флитвуда (William Fleetwood, 1656—1733). Своё отношение к чудесам высказывали многие мыслители XVII в. (Декарт, Спиноза, Лейбниц). Их понимание этого неотъемлемого компонента христианской веры было одним из показателей их отношения к религии вообще. «*Рассуждение о чудесах*» показательны тем, что в нем обнаруживается вся компромисность взглядов Локка в вопросах религии, которую он трактовал и как соответствующую законам разума, и как нуждающуюся, в силу ограниченности всякого человеческого разума, в откровении. Откровение, полагал Локк, не противно разуму; оно являет людям то, что выше их понимания, лимитированного их опытом, знаниями, способностями. Соответствующим образом он стремился трактовать и понятие «чудо». В то время как ортодоксальное богословие принимало чудо как сверхъестественное, сверххра-

зумное явление, непосредственное проявление божественного всемогущества. Локк, в принципе не отвергая чуда, изыскивал возможности рационализировать это понятие. Перевод «Рассуждения о чудесах» на русский язык с английского сделан Е. С. Лагутиным с пятого английского издания сочинений Локка (*The Works of John Locke. London, 1751. Vol. III. P. 432—436*) и вместе со вступительной статьей и примечаниями Б. В. Мееровского впервые опубликован в журнале «Философские науки» (1983. № 4). Эта публикация использована при составлении настоящих примечаний.

¹ «Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости». — 616.

² *Моисей, Иисус Христос и Магомет* почитаются как основатели соответственно трех религий: иудаизма, христианства и ислама. — 617.

³ *Зороастр (Заратустра)* — легендарный основатель зороастризма — религии древних иранцев; эту религию до сих пор исповедуют парсы — потомки выходцев из Ирана, живущие в Западной Индии. *Брахма* — один из высших богов в индийских религиях — брахманизме и индуизме, почитается как бог-творец. — 617.

⁴ Имеется в виду библейская история о чудесах, которые творил *Моисей* в Египте (Исх. 7—8). — 619.

⁵ *Янкес и Ямбрес* — как очевидно из контекста, египетские жрецы, состязавшиеся с Моисеем в совершении чудес. — 619.

⁶ Согласно Ветхому завету (Исх. 5), находившиеся в египетском плени древние евреи занимались изготовлением кирпичей. — 622.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август Гай Юлий Цезарь Октавиан 421
 Аквинат (см. Фома Аквинский)
 Акоста Х. де 320
 Александр Македонский 58, 62, 400
 Аристон 31
 Аристотель 5, 55, 62, 149, 155, 254, 613
 Атвуд У. 612

 Баркли У. 142, 189, 396—400
 Барнет Г. 613
 Бейль П. 614
 Беллармин Р. (кардинал) 143, 148
 Бержерон П. 613
 Бернье Ф. 613
 Билсон Т. 403
 Блэквуд А. 142, 189
 Боден Ж. 145
 Бодран М. А. 614
 Бойль Р. 589
 Браун Э. 613
 Брэди Р. 612
 Брэктон Г. де 403, 612
 Буало Н. (Буало-Депрео) 610
 Бургередициус (Бюргерсдик) Ф. 492
 Бьюкенен Дж. 397, 398
 Бэкон Ф. 613

 Варрон Марк Теренций 34
 Вергилий Публий Марон 579, 611
 Вильгельм I Завоеватель (король английский) 367
 Вильгельм III (король английский) 137
 Винцерус (Винсет) Н. 400, 401
 Воссий (Восс) Г. Я. 614
 Вуатюр В. 583
 Вудрофф Б. 61

 Ганнибал (Аннибал Барка) 246
 Гарсиласо де ла Вега (Инка) 181, 270

 Гейдж Т. 613
 Геллий Авл 31
 Гельвикус (Хельвиг) Х. 578, 613
 Генрих VII Тюдор (король английский) 613
 Генрих VIII Тюдор (король английский) 109, 613
 Герберт Э. лорд Черберн 613
 Гиппократ 7
 Гоббс Т. 139, 149
 Гомер 31, 253, 254
 Гопкинс Дж. 547
 Гораций (Квинт Гораций Флакк) 416, 500, 579, 613
 Гофман Й. Я. 614
 Гроций (Гуго де Гроот) 153, 176, 196, 579
 Гукер Р. 264, 270, 295, 296, 313, 314, 316, 317, 327, 339, 341, 403, 611

 Декарт 588
 Диагор из Мелосса 34
 Дидим 31
 Дракон (афинский архонт) 41
 Дэмпиер У. 613
 Дэниель С. 613
 Дюканж Ш. Д. 614

 Евклид 577
 Евтропий Флавий 563, 575, 579
 Елизавета I Тюдор (королева английская) 109, 173

 Калепино А. 614
 Калигула Гай Юлий Цезарь (римский император) 400
 Карнеад из Кирены 48
 Кастеллион С. 482
 Катилина Луций Сергий 50
 Катон Младший (Утический) Марк Порций 35, 51, 319
 Катон Старший (Цензор) Марк Порций 31, 598
 Каузалл Дж. 614
 Квинтилиан Марк Фабий 610
 Квинт Курциус (Квинт Гай Руф Курций) 579

Кедворт Р. 588
Кемден У. 612
Кир (царь персидский) 599
Кларк Э. 409
Кок Э. 612
Комин Ф. де 613
Коперник 577
Коула Э. 614
Кромвель Оливер 200, 229
Ксенофонт 599
Ксеркс (царь персидский) 320,
573
Купер Т. 614
Кэд Дж. 229

Лабрюйер Ж. де 613
Ларошфуко Ф. де 613
Ливий Тит 611
Лилли У. 557
Лимборх Ф. ван 91
Ллойд Н. 614

Манверинг Р. 142
Мандельсло Дж. А. де 33
Марiana X. де 613
Мария I Тюдор (королева ан-
глийская) 109, 173
Масаньелло (Аньелло) Т. 200
Мейн Дж. 60
Мела Помпоний 32
Мелвилл Дж. 613
Мессалина Валерия (жена римск.
императора Клавдия) 32
Мильтон Дж. 139
Моль Г. 612
Монтень М. де 482
Морери Л. 614

Нерон Клавдий Цезарь 140, 400,
401

Олеарий А. 33
Оливер (см. Кромвель)

Перизоний Я. (Форбрэк Якоб)
559
Персий (Авл Персий Флакк) 613
Петавий Д. 613
Петит (Petit) 612
Пирар Ф. 613
Протагор из Абдеры 34
Пуфендорф З. 579, 611
Пэрчес С. 612

Рамуцио Дж. Б. 612
Рашуэрт Дж. 613
Ряч Дж. 555

Рой Т. 613
Рэли У. 612

Сагар Г. 613
Салманасар III (царь ассирий-
ский) 320
Селден Дж. 155, 156, 162, 614
Сенека Луций Анней 416, 421
Сервантес (Мигель де Сервантес
Сааведра) 614
Сибторп Р. 142
Сидней А. 611
Скалигер Ж. Ж. 613
Скиннер С. 614
Сократ 35
Солин Гай Юлий 32
Солон (афинский архонт) 433
Сото Ф. де 253
Спартак 376
Спелман Г. 614
Стернхольд Т. 547
Стивенс Р. 614
Страухиус Г. (Штраус Гилес)
578, 613
Сциоппий Г. (Шопп Гаспар) 559
Сэдлер Дж. 612
Сэндис Дж. 612

Тамерлан (Тимур) 243
Тевено М. 612
Теренций Публий 611
Тиллотсон Дж. 610
Тиррел Дж. 611, 612
Туанус (Жак Огюст де Ту) 613
Туллий (см. Цицерон)
Тэллент Ф. 613

Уир Д. 612
Уортингтон Дж. 553

Фабриций Гай (римский консул)
50
Фалант (предводитель спартан-
цев) 321
Фарнэби Т. 584
Фелл Дж. 59
Феодор Безбожник из Кирены 34
Филмер Р. (сэр Роберт, сэр Р. Ф.,
наш автор) 135—156, 159—167,
171—205, 212—261, 263, 296,
304
Флитвуд 623
Фома Аквинский 7
Фортескью Дж. 403

Хантон Ф. 144
Хейворд Дж. 142, 189

Хейли П. 612
Хеннингем 612
Хингар (вождь датчан) 376
Хоуэлл У. 612
Хубба (вождь датчан) 376
Хэклит Р. 612

Цезарь Гай Юлий 11, 60, 422, 611
Цинциннат Луций Квинций 598
Цицерон Марк Туллий 12, 50, 51,
558, 579, 581, 583, 610, 611

Черчилл О. 613
Чиллингворт У. 581, 610

Шейблер К. 492

Эдуард VI Тюдор (король англий-
ский) 109
Эзоп 551, 559, 575
Эйнсворт Г. 159
Элиан 32
Эпикур 55

Ювенал Децим Юний 399, 613
Юстин Марк Юлиан 321, 563,
575, 579

Яков I Стюарт (король англий-
ский) 338, 378

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авторитет**
 — общественный 30
 — родительский 439, 471, 497—499
 — власти 98
 — государства (правители) 30, 112, 132
     церкви 103, 108
Аксиома 20, 22, 23
Анабаптисты 129, 134
Анархия 377, 380, 388
Аргумент (аргументация) 3—8, 12, 16, 24, 105, 581, 582
Атеисты (атеизм) 34, 90, 125, 254
Безопасность (охранение) 81, 137
 — правительства 73, 78
 — человечества (людей) 71, 74, 79
     (см. Собственность)
Благо (блага) 35, 51, 53
 — определение 94
 — высшее 34
 — гражданское 94—96, 99, 103
 — моральное 3
 — общее 48, 114
 — природное 48
 — чужое 48
 — государства 76, 94, 120
 — народа 71, 76, 346
 — общества (общественное) 67, 74, 121—123, 209, 340, 347, 354—360
 — человека (человеческое) 4, 73
Благосостояние народа 71, 131
Бог (верховный законодатель, Всемогущий, высшее божество, Господь, мудрый создатель всего бытия) 4, 19, 23—26, 45—47, 67, 74, 91, 95, 110, 118, 163, 177, 180, 276, 279, 300, 404, 586, 616, 623
 — как судья между законодателем и народом 123
 — понятие 533, 536
 — величие 25, 26
 — всемогущество 620
 — образ и подобие 160, 161
 — повеления (установления) 150—152, 211, 218—222, 232—234
 — поклонение б. (богопочитание) 68, 80, 99, 108
 — единственный истинный 617
 — Израиля 117
     (см. Вера, Власть, Воля, Душа, Закон, Идеи, Истина, Право, Представления, Сила, Существование)
Бытие 25, 37
 — сущность 534
 — и небытие 26
     (см. Человек)
Вера 67, 69, 77, 95, 109, 118
 — единообразие 87—89
 — ортодоксальность 91
 — отречение от в. 84
 — чужая 68
 — в существование бога 26
 — и знание 35
 — и познание 13
     (см. Догматы)
Веротерпимость (терпимость) 66, 81—83, 87, 89, 91, 93, 100—105, 125
 — как основной критерий истинной церкви 91
 — степени 72, 76
 — неограниченная (всеобщая) 68, 80
 — право на т. 67, 70, 75, 80, 124
 — закон о в. 126
     (см. также Свобода совести, см. Правитель)
Вещь (предмет)
 — как сами по себе 586
 — вечный порядок 45
 — естественный ход 206
 — природа 47, 71, 287, 587
 — цель всех в. 25
 — безразличные 67, 70—72, 80, 111

- чувственно воспринимаемые 22—25
- Владение 52, 160, 291, 369, 374
- общее (общность) 278—285, 288
- частное 154—156, 188, 195—198, 205, 211, 290
  - в. Адама 162—170, 262
- землей (земельные) 283—285, 289, 303
- Владыка 8, 151, 152, 190
- Власть 48, 170, 209—211, 499
- виды 336, 362—365
- первоисточник 262, 336
- пределы 346, 386
- цель 67
- абсолютная (неограниченная) 140—149, 171, 175, 176, 179, 189—192, 291, 342—345, 368
- деспотическая 359—365, 392, 396
- божественная (бога) 25, 70, 141, 298, 621
- высшая (более высокая) 8, 143, 338 (см. Воля)
- гражданская (человеческая) 102, 112, 128, 218—220
- естественная (природная) 149, 190, 193—198, 342, 347
- монархическая 142—149, 159, 174, 183—185, 192, 197—202, 241, 291, 304, 308
- ограниченная 275
- отцовская (отца) 142—146, 154, 155, 179, 181—185, 189, 213, 224, 228, 298, 301, 364, 365
- определение 291, 362
- патриархальная 241
- политическая 174, 186—188, 363, 405
- определение 263, 362
- источник 611
- и отцовская 301, 306, 365
- родительская (родителей) 143—146, 176, 180, 184, 190—192, 212
- и отцовская 291, 362
- справедливая и несправедливая 127, 128
- суверенная (верховная в., владычество, господство) 37, 119, 146, 166, 169—171, 179, 185—189, 196, 199, 237, 291, 338—343, 349—352, 404
- в. Адама 147, 149, 155, 176, 215, 244, 262
- над всеми тварями (существами) 151, 159, 160, 167
- источники 194
- тираническая 127, 324
- господина над рабом 176, 263, 276, 309
- должностного лица 263, 298, 327
- мужа над женой (Адама над Евой, супружеская) 171—175, 179, 194, 212, 263, 308
- правителя (правительства, государственная) 67—77, 94—96, 107, 109, 111, 186, 355, 396
- в государстве
  - законодательная 121, 274, 310—313, 336—342, 345—353, 356, 357, 361, 386—389, 404
  - объем 339
  - исполнительная 268, 312, 313, 336, 346—357, 360, 386, 388
  - федеративная 346—351
  - соподчинение в. 349—356
- хозяйина над слугами 263, 309
- над жизнью и смертью другого 169, 188, 276
- над собственной жизнью 275
- Война 28, 324
- издержки и ущерб 371
- несправедливая 365—368, 373
- справедливая 367, 368, 372 (см. также Мятежи, Завоевание; см. Мир, Состояние)
- Воля 16, 45, 351
- божественная (бога) 25, 46, 113, 122, 341, 587, 619
- проявление (объявление) 4, 38
- высшей власти (вышестоящего) 22, 37, 386
- Воспитание * (детей, джентльмена) 301, 409—412, 432, 434, 437
- недостатки 453
- ошибки 410, 450
- частные вопросы 533

* Все последующие рубрики до «Восприятие» относятся к рубрике «Воспитание».

- цель (задачи) 441, 464, 491, 574, 608
- неправильное 455
- нравственное 34
- и жизнь 492
- Воспитатель
  - выбор 480—482, 489, 493, 543, 547
  - качества 482—491
  - и воспитанники 435, 438, 443, 481, 486—488, 496, 563
- Родители и дети 186, 191, 206—208, 291—293, 309, 434—439, 446—449, 460, 494
- Почитание родителей (почтительность) 32, 182—188, 299—303, 441, 497
- Управление детьми 439, 440, 445
- Методы (приемы, способы) воспитания 409—411, 414, 438, 487, 493, 548, 558—560, 592, 593, 608
  - дисциплина 432, 439, 445
    - необходимая 441
    - рабская 443
  - исправительные меры воздействия (наказания) 440, 441, 561
    - брань 443, 448, 469
    - порицание 449
    - телесные наказания (побой, порка, розги) 440—443, 448, 467, 476—480, 546
  - мягкие меры воздействия (совет, упрек) 473, 479, 562
  - поощрительные меры воздействия (награды) 445, 505
    - одобрение 446, 449, 468
    - поощрение 444
    - похвала 446, 449
  - награды и наказания 445—449, 465—474, 476, 480
  - повторяющаяся практика 452, 454, 579, 596
  - подавление желаний 432, 436—438, 445, 502, 503
  - пример 455, 458, 475, 579
  - рассуждение 474, 475
  - режим 422, 432, 441
- Правила и предписания 450—452, 455, 459, 478, 559, 579
- Способы воздействия
  - снисходительность 450
  - строгость 84, 87, 440, 444, 562
  - холодность 448
- Здоровье 121, 412, 413, 415, 431, 436
  - закаливание 413—418
  - ношение одежды 418—420, 435
  - отправление стула 428—431
  - питание 420—423, 425, 426, 436
  - питье 423, 424, 436
  - сон 426—428
- Темперамент 523, 526
- Добродетели и пороки 433—437, 445—447, 458—463, 475, 497, 533—536, 539, 547, 579, 596
- Качества (черты характера) 484, 498—510, 533
  - благовоспитанность 462, 484—486, 491, 537—539
  - вежливость 454, 490, 505, 540
  - верность 46, 73
  - внимательность 462
  - грубость 539
  - деликатность 538, 539
  - жестокость 435, 517, 518
  - застенчивость 537, 538
  - леность (вялость, лень) 524—527
  - лживость (ложь) 531, 532
  - любознательность (любопытство) 503, 520—523
  - манерность 453—455
  - мудрость 533, 537, 547, 596
  - мужество 463, 511
  - насмешливость 540
  - небрежность 537
  - презрительность 539
  - придирчивость 540
  - прилежание 462, 491
  - раздражительность 541
  - скромность 444, 448, 542
  - соперничество 435
  - справедливость 9, 38, 47, 52, 169, 264, 273, 462, 506
    - критерий (мера) 49, 51, 123, 335, 380
  - трудолюбие 463
  - трусость 510
  - тщеславие 435, 482, 521
  - умеренность 422, 462
  - упрямство (упорство) 470, 473, 507, 562
  - ученость 484, 492, 590
  - хитрость 463, 537
  - церемонность 542
  - щедрость 505, 506
- Потребности 285

- естественные 500, 501
- мнимые (капризы) 500, 501
- жалоба 505
- репутация 447, 448, 491
- Привычки 413—415, 418, 421—424, 437, 440—442, 449, 491, 507, 536, 579, 596
- дурные (порочные) 433, 434, 474, 506
- интеллектуальные 574
- Склонности (наклонности) и стремления 441, 444, 502
- Состояния и чувства
  - боль 515—518
  - влечение 434, 437, 502
  - внимание 561, 562
  - господство (любовь к г.) 499, 504, 507
  - гуманность 519
  - желание 434, 436, 439, 447, 502 (см. Разум)
  - любовь 432, 440, 497, 536
  - настроение 454, 466—468, 560, 561
  - плач 507—510
  - праздность 528
  - свобода 450, 468
  - страдание 127, 442—445, 500, 501, 507, 514—517
  - страх 38, 86, 497, 510—517
  - почтительный 439—441, 501, 562
  - связанный с темнотой 534—536
  - стыд 446—448
  - удовольствие 9, 441—447, 504
  - честь и позор 446, 447
- Среда 458, 546
  - домашнее и школьное воспитание 459—464
  - слуги и дети 424, 458, 519, 534
- Поведение 447, 455, 458
  - правила 431, 432
  - в обществе (знание света) 460, 461, 481, 486—491
  - по отношению к другим людям (знание людей) 461, 486—489, 606
- Занятия
  - игра 450, 526—531, 550
  - путешествия 603—607
  - развлечения 450, 503, 504, 600, 614
  - садоводство 598, 599
  - учеба (учение) 467, 524, 529, 546—549
  - как игра и развлечение 467, 547
  - чтение 552, 563, 609, 614
  - физический труд 526
- Обучение (приобретение знаний) 520, 575, 609
  - верховой езде 594, 595
  - манерам 455—458, 484, 485
  - музыке 593, 594
  - наукам 489—491, 547
  - писанию сочинений и стихов 568—571
  - письму и скорописи 548, 554—556
  - ремеслу 596—601
  - живописи (рисованию) 555, 597, 598
  - риторике (хорошей речи) 543—546, 567, 569, 570, 580—583, 610
  - танцам 456, 593
  - фехтованию 594—596
  - чтению 547—552
  - языкам 489, 490, 546, 556—575
- Предметы изучения (круг знаний)
  - анатомия 568
  - арифметика 576
  - география 568, 576, 612
  - геометрия 577
  - история 578, 580, 611—613
  - логика 547, 558, 580
  - небесный глобус (астрономия) 568, 576, 577
  - право 579, 580, 611, 612
  - физика 589
  - философия 489, 585—589
  - хронология 578, 612, 613
  - этика 579, 611
- Формирование
  - детской души 432, 435, 574
  - памяти 572—574, 577
  - понятий о боге 533
  - представлений о собственности 506, 507
- Восприятие (ощущение, чувственный опыт) 11, 14, 16, 22
- Выгода (интерес, польза) 9, 27, 33, 45, 50
  - как результат подчинения закону природы 53
  - общественная п. как мера и норма законодательной деятельности 111
  - другого 49

- личная (собственная, ная) 47—49, 51, 68
- общая (всех) 48, 49, 51
- Гипотеза 137, 138, 163, 395, 589
- корпускулярная 588
- о всемирном потоке 587
- Государство 28, 48, 66, 78—80, 83, 123, 274, 311, 319, 339, 354, 358, 385, 391
- понятие 338
- интересы (польза) 49, 50, 114
- происхождение 320—322
- устои 89
- формы 337, 338, 343, 345
- цель создания 121, 334, 393
- конституционное 349, 352
- разница между г. и церковью 94, 101—104, 114, 117, 129—131
- и семья 310
- (см. Благо, Власть, Мир, Сила)
- Гражданин (гражданство) 117—122, 127—129
- Дар (дарение) 143, 151, 159, 162—165, 195, 203, 262
- (см. также Пожалование; см. Право)
- Движение 14, 587
- (см. Закон)
- Деяние (деяние) 52, 123, 294
- мерило 266
- обстоятельства и условия 42, 43
- божественное 615, 623
- ипешнее 43
- сверхъестественное 618, 619
- противоречащее закону природы 623
- большинства 318
- целого 318
- и закон 42, 43, 45
- (см. также Деятельность, Поступки; см. Долг)
- Демократия 193, 337, 338
- Деньги 281, 290
- изобретение 282, 289
- употребление 287, 289
- Деятельность 5, 10, 25, 121
- (см. Выгода, Согласно)
- Дискриминация 127, 128
- Добротетель 12, 18, 31, 48—50
- как долг или выгода 36, 449
- основания (начало) 51, 432, 449
- познание 579
- принципы и правила 579
- нравственные д. философов 74
- и порок 3, 4, 8, 20, 30, 67, 75, 89
- (см. Воспитание)
- Доверие 389—391, 404
- Догматы (символы веры) 77, 89, 92, 96, 101, 102, 110, 123, 132—134, 616
- практические 118, 120
- спекулятивные 118
- Договор (соглашение) 8, 28, 142, 211, 275, 281, 309, 375
- выраженное словесно 27
- добровольное 306, 308, 364
- молчаливое 27, 282
- первоначальный 318, 405
- Доказательство 13, 46, 90, 148, 177, 589, 616, 620
- неопровержимое 619
- (см. также Аргумент)
- Долг (должное) 9, 11, 12, 15, 16, 20, 34, 120, 449
- обязательное исполнение д. есть согласование наших действий с их принципом 37
- основание 51
- способ и мера 38
- Дух 534, 586
- божественный 14
- добрые и злые 536, 587
- свободный 454
- (см. Знание, Разум, Способность)
- Душа 16, 24, 29, 178, 586, 587
- бессмертие (бессмертная) 33, 89, 120, 121
- спасение 92—98, 106, 110, 111, 116, 120, 126, 130
- стимулы 446
- благородная 454
- ребенка 442 (см. Воспитание)
- и тело 85
- бог, правитель и д. человека 75
- забота о д. 105, 122, 123
- (см. Разум, Представления, Способность)
- Еретики (ересь, раскол) 34, 80, 82, 124, 130—134
- причина р. 92
- Жизнь 7, 21, 121, 170, 177—181
- формирование нравственной ж. 19
- общественная 28
- эта ж. и будущая (вечная)

96—101, 117 (см. также Мир)
 (см. Власть, Закон, Право)
 Завоевание (агрессор, завоеватель, победитель) 272, 353, 365—377, 388, 399
 Закон 66, 186, 187
 — есть то, что повелевает или запрещает нам делать нечто 4
 — собственный признак 5
 — формальное основание 5, 38
 — мерило 617
 — познание какого-либо з. 24, 25
 — цель 73
 — божественный (бога) 76, 98, 131, 209, 299, 617
 — государственные (государства, своей страны) 5—8, 96, 114, 118, 121, 268, 281, 358, 580
 — гражданский 36, 40, 71, 115, 117, 119, 268, 294, 299
 — естественный 45, 294
   основной 339
 — муниципальные 207, 348, 356, 362
 — нравственные з. (моральные принципы) 11, 16
 — положительный 40, 232, 348, 355, 361
   основной 339
 — провозглашенный постоянный 341
 — установленный 14, 45, 311, 335, 341—343, 346
   божественный 39, 262
 — церковные (церкви, религии) 97—99, 117, 132
 — человеческий 40, 232
 — движения 587
 — Дракона 41
 — Моисея 116
 — общества 336, 390
 — природы (нравственный принцип, нравственное правило) 17—20, 34, 62, 63, 150, 152, 209, 214, 263—268, 275, 293—295, 299, 304, 336, 362
   есть воля верховного законодателя 39
   как мерило наших нравов и жизни 39
   наименования (понятия) 3, 4, 45
   определение 4
   познание 7, 9—16, 21
   существование 3—8, 27—29, 33

узы (предписания, требования) 35, 36, 41—46
 главный (внутренний, основной, первичный, фундаментальный) 30, 31, 47—53, 271, 278, 279, 283, 356, 357, 371
 основной з. п. есть сохранение человечества 341
 справедливость есть главный з. п. 31 и з. разума 292, 293 (см. Выгода, Разум, Светоч природы)
 — причин и следствий 615
 — различия между з. 40, 48, 49
 — самосохранения 33, 349 (см. Веротерпимость, Действие, Подчинение, Представления, Право, Сила)
 Законодатель (законодательный) 22, 38, 73, 74, 111, 117, 340—343, 356
 — орган 274, 337, 339, 344—356, 361, 385—393, 405
 — система 392
 — и закон 34 (см. Бог, Власть, Воля, Закон, Существование)
 Земля 282
 — присвоение 280, 283 (см. также Огораживание)
 — общая 281 (см. Владение, Собственность)
 Знание 619—622
 Знание 588, 589, 609
 — принципы и первоосновы (фундамент) 10, 11, 558, 586
 — моральные 28
 — позитивные 567
 — практические 23
 — формальные 581
 — о мире духов 586 (см. Вера, Воспитание)
 Идеи 21
 — круг идей 609
 — бога 24
 Идолопоклонники (идолопоклонство) 108, 115—118
 Империя 209, 210, 244
 Инакомыслящие (диссентеры, диссиденты, инаковерующие) 78, 80, 86, 88, 93, 95, 102, 104, 122, 130
 Инскрипция 10, 11, 18
 Инстинкт 9, 28, 33, 36

- Истина 10, 11, 45, 77, 110, 119, 180, 183, 588, 609
- как объект разума 21
  - очевидная 620, 621
  - познанная 22
  - сверхъестественная 621
  - бога 619
  - математики 85
- История (историки) 84, 142, 314, 319
- Англии 109, 359
- Иудеи 69, 113, 116, 119, 129, 130
- Кальвинисты 69, 134
- Картезианцы 490
- Католики (католичество) 69, 82, 83, 88, 119, 132
- Квакеры 78
- Конституция 352—355, 361
- Культ (религиозный) 30, 34, 95, 97, 108, 127, 128, 134
- обстоятельства 113
  - органические части 113
  - внешний (ритуал, сакральная обрядность) 92, 110—114, 118
  - язычников 616
- Лицо (персона) 188, 233, 377
- должностное 263, 363, 379—384, 394
  - духовное 103, 105
  - наследственное 386
  - частное 100, 351, 381, 404 (см. Власть)
- Личность (особа) 169, 188, 263, 347, 376
- человека (собственная) 273, 277, 293, 334, 370, 374
  - короля 380—382 (см. также Лицо; см. Выгода, Человек)
- Лютеране 108, 129, 132, 134
- Любовь 36, 110, 264, 315
- и сила 91 (см. Воспитание)
- Магометане 69, 116, 125, 129, 131
- Материя 14, 586—589
- Метафизика 489, 558
- Мир (гражданский, государства и т. п.) 67—69, 74, 77, 81, 104, 121, 123, 395
- и война 131, 237
- Мир (вселенная) 3, 163, 181, 292, 395
- как общее владение 280, 281
  - как творение 23—26
  - раздел 243
- устройство (структура, организация) 7, 14
  - иной м. и этот 67, 73, 75, 79 (см. Сотворение)
- Мнения 34, 40, 78, 81, 88, 164
- перемена 84—87
  - разновидности 67, 80
  - общее 35
  - практические м. (начала) 67, 70—73, 80, 125
  - спекулятивные 67, 77, 80, 89
  - частное 35
- Монархия (монархи) 38, 151—156, 161, 199—201, 237, 242, 276, 292, 296, 377
- определение 143, 144
  - абсолютная (единая, верховная, произвольная власть) 66, 67, 141, 168—177, 187, 192, 247, 312—315, 344
  - английская 367
  - выборная 338
  - наследственная 338
  - ограниченная 67 (см. Власть, Право)
- Мышление (мысль) 7, 10, 21, 22 (см. также Разумение)
- Мятежи (волнения, восстания, революции, смута) 125—130, 382, 388, 392—394
- Наказание 82, 86—88, 311
- меры 263, 268
  - и убеждение 96
  - за преступление 53, 336 (см. Воспитание, Подчинение, Право)
- Народ 28, 41, 47, 130, 131, 345, 353, 358, 389, 392—394, 402
- как судья 403, 404
  - безрассудство 396
  - власть 390, 404
  - интересы 121
  - настроения 391
  - представители 391
  - английский 137
  - дикие 18
  - цивилизованные (просвещенные) 18, 242 (см. Благо, Бог, Согласие)
- Насилье 28, 73, 79, 86, 99, 120, 265—269, 273, 435 (см. Правление)
- Наследники (наследование, наследство) 162—165, 199—206, 211—222, 227—261, 305

- Адама 141, 151, 174, 296 (см. Право)
- Наука 578, 589
- предмет 586
- объекты 609
- спекулятивная 585 (см. Воспитание, Философия)
- Нравственность (мораль, моральный, нравственный) 29, 52, 93, 120, 546, 620
- критерий (мерило) 30
- результат 53
- евангельская м. 611 (см. Благо, Воспитание, Добродетель, Жизнь, Закон природы, Нравы, Правила, Представления)
- Нравы (обычай) 6, 7, 21, 28, 40, 47, 181, 182
- различия 432
- распушенность 434
- общественные 30
- и нравственные взгляды 29—31 (см. Закон природы)
- Общество (сообщество) 8, 31, 34, 46, 67—80, 103, 125, 143, 270, 362, 389, 611
- как верховная власть 350
- как единый организм 317, 385
- основания (основы) 8, 121, 141
- сущность и единство 386
- большинство 317—319
- причина образования 273
- причина распада 384, 385
- сохранение 339
- узы 52
- цель 122, 310, 312
- забота об о. 48
- брачное с. (брак, союз между самцом и самкой) 307, 309 цель 306, 308
- добровольное (свободное) 97, 101, 237
- независимое с. 338 (см. также Государство)
- образованных людей 97
- первое о. 306
- политическое (гражданское) 122, 186, 187, 237, 270, 306, 310—319, 385
- возникновение 317, 323
- цели 334, 337
- религиозное 98, 99, 102, 110, 127
- церковное 110, 124
- разделение 132—134
- Обязанности (обязательство, предписания)
- определение 36, 38
- человека (людей) 5, 8, 11, 25, 35—51, 74, 80 (см. Закон природы, Правительство)
- Огораживание 281, 284
- Олигархия 338
- Откровение 10, 30, 90, 150, 180, 276, 586, 616—623 (см. Познание)
- Паписты (папизм) 81—83, 108
- Партия 77—79, 87, 89
- протестантская 83
- Перипатетики 490, 588
- Подчинение (повиновение) 263, 274, 351
- абсолютное 345
- пассивное 395
- власти (правительству) 186—188, 303, 339, 374
- закону 53, 340
- наказанию 37, 73, 76
- отцу (родителям) 162—165, 190—192 (см. Власть мужа над женой, Выгода, Свобода)
- Пожалование 143, 151, 154—158, 162—165, 199—204, 375
- Познание 6, 586
- принципы и основы (источки) 10, 14, 16, 18
- способ (метод) 7—14, 40, 45 (см. Светоч природы)
- достоверное п. божественного откровения 40
- законодателя (высшей силы) 24 (см. Вера, Закон)
- Политеизм 34
- Поступки (действия) 28, 67, 69, 72—76, 80, 120
- Правила (принципы, нормы) 25, 72, 262, 264, 589
- естественные 35, 40
- жизненные 11, 19, 22, 34, 52
- нравственные (моральные) 12, 20, 29, 45, 46, 52, 553, 554
- внутренние м. н. 20
- установленные м. н. 18 (см. также Закон природы)

- первые 589
- основополагающий научный п. 20
- общие 22
- практические 20, 36
- природные 27
- спекулятивные 29, 36
(см. Воспитание, Долг, Знание, Нравственность, Познание)

Правитель (властитель, государь, король, царь) 47, 82, 87, 102, 130, 131, 152—156, 192, 193, 197, 216, 237, 262, 269, 305, 313, 362, 378, 383, 386—388, 392, 404

- это лишь посредник между человеком и человеком 68
- долг 79, 81, 94
- интересы 80
- наглость 396
- обязанности 122
- частное суждение 122
- гражданский 99—102, 107, 308
- церковные 98
- и веротерпимость (религия, церковь) 104—119, 124—128, 132
- и подданные 8, 33, 38, 51, 66—81, 84—96, 108, 119, 122, 141, 159, 175, 188, 210, 302, 314, 344, 358
- разница между к. и тираном 379
(см. также Владыка, Монархия, Тирания, Узурпация; см. Авторитет, Власть, Душа, Право, Прерогатива, Сила, Юрисдикция)

Правительство 68—74, 79—89, 193, 312, 327, 358, 387, 391

- мерило деятельности 66
- цель 343—345
(см. Безопасность, Власть, Подчинение)

Правление 141, 209—211, 350, 358, 383

- как продукт силы и насилия 262
- основы и принципы 146, 147, 194, 391
- первоисточник (причина возникновения) 195, 262, 319, 365
- понятия 138

- первоначальное предоставление п. 151, 171—174, 194
- приемы 89
- организация 8
- система 192, 274, 344
- распад 384—389, 396
- формы (способы) 117, 163, 171, 312, 314, 324, 337, 377, 379
- цель 66, 327, 334, 337
- гражданское 187, 245, 269
- политическое 309
- справедливое 396
(см. Согласие)

Право 29, 79, 129, 156, 189

- определение 4
- узы и. (правовые) 36—38 (см. также Обязательство)
- божественное (бога) 25, 26, 94, 130, 141, 146, 171, 229
- гражданское 100, 123, 127, 130
- естественное 4, 40, 46, 48, 152, 191, 308
- международное 28
- первоначальное 336
- церковное 103
- частное 277
- человеческое (человека) 26, 94, 130, 374
- монархов 195
- наследования (наследственное) 97, 207—210, 262, 374
- отцовства (отцовство) 146, 161, 176, 186, 190—198, 203, 212—215, 262, 296
- природы 37, 151—154
- родителей (родительское) 127, 185, 186, 192, 211, 291
- на власть 149, 155, 171, 176, 262
- на жизнь 38
- и закон 4, 36
- и насилие 123
- и правитель (властитель, государь, король, монарх, правительство, царь) 8, 67, 114, 115, 123, 124
(см. Веротерпимость, Воспитание, Свобода)

Практика 544

- общественная 129
- повседневная 19
- человеческая 29
(см. Воспитание, Разум)

Представления (взгляды) 28, 33

- о богах 34
- о законе 41

- о нравственности (моральные п., нравственные в.) 18, 19, 29—33, 41, 47
- о справедливости 33
- Прерогатива 324, 354—361, 384
  - понятие 355
  - Адама 171
  - бога 621
  - правителя 74
- Преступление 266—268, 388 (см. Наказание)
- Прибыль 286
- Принуждение 69, 73, 81, 87, 99, 106, 120, 465—467
  - границы 76
  - степени 72
- Природа 8, 9, 14, 16, 19, 36, 50, 185, 276—279, 364, 432
  - ни одно из великих явлений п. не может быть объяснено при помощи лишь материи и движения 587
  - главное намерение 182
  - декреты 29
  - тайны 6
  - творения (произведения) 585, 588
  - требования (наставления) 17, 180, 206
  - разумная 4, 45 (см. Вещь, Закон, Право, Разум, Сила, Человек, Человечество)
- Причина 66, 587
  - самого себя 23
  - и следствие 35 (см. Закон) (см. Общество)
- Пуритане 88
- Рабство (рабы) 84, 137, 140, 141, 146, 159, 176, 177, 188, 271, 274—276, 365, 389 (см. Власть, Состояние)
- Равенство 142, 189, 264, 266, 292 (см. Состояние)
- Разум 6, 7, 10—13, 45, 52, 142, 180, 181, 266, 297, 586
  - как дискурсивная способность души 21
  - как закон природы 21, 264
  - как способность нашего духа и часть нашего существа 4
  - диктат 4, 10
  - правила и ограничения 434
  - природа 95
  - свет 120
  - совершенствование 609
- естественный 276
- здравый 4, 10, 17 (см. Согласие)
- и желание 432, 436, 437
- и практика 546 (см. также Способность рассуждения, Ум; см. Закон, Чувство)
- Разумение 68, 294, 295
- Религия (вероисповедание) 30, 46, 74, 77, 78, 82—87, 100—104, 110, 119, 120, 127, 128, 546, 616, 621, 623
  - принципы 553
  - формы в. 70
  - истинные (естественные, Христа) 89, 91—97, 106, 134, 620 (см. Закон, Правитель)
- Ремонстранты 91, 101, 129, 134
- Реформация 88, 91
- Самосохранение 36, 180, 206, 267, 276, 361, 389 (см. Закон)
- Светоч природы 4, 5, 9—16, 20, 30, 39, 45
  - есть разум и чувственные ощущения 21
  - как способ познания закона природы 9
  - функция 21
- Свобода 73, 84, 124, 141, 150, 170, 271, 294, 297, 389, 403
  - подавление 125
  - право на с. 66, 141, 188, 374
  - пределы (границы) 72, 76
  - сохранение и расширение 293
  - безграничная (неограниченная) 9, 67
  - естественная 48, 141, 147, 149, 153, 189, 274, 275, 292, 296, 321
  - церковная 98
  - выбора 98, 374
  - мнений 70
  - собраний 125
  - совести (вероисповедания) 66, 70, 87, 110, 121, 126
  - есть великая привилегия подданного 74
  - человека в обществе 274, 317
  - и повинование 296 (см. Воспитание)
- Секты 79, 83, 89, 104, 105, 108, 123, 129
  - расхождения между с. 92, 134
- Сила 79, 84—89, 273, 335, 369, 380, 385, 393, 396, 399, 404

- предел 620, 623
- божественная (бога, высшая) 24, 587, 618—623 (см. Познание, Существование)
- более могучая (превосходство в силе) 618—622
- враждебная (несправедливая) 380—383
- естественная 336
- собственная 39, 40
- государства 346, 352
- закона (обязательная) 14, 36, 46, 48, 49, 122
- общества 349
- правителя 40, 100
- природы 615
(см. Любовь, Правление)
- Совесь 3, 7, 24, 38, 41, 70, 71, 73, 76, 81
(см. Свобода)
- Согласие 35, 274
- всеобъемлющее с. рода человеческого 3
- естественное 27—36
в отношении мнений 29, 35
в отношении нравственности или поступков (деятельности человека) 28, 29
в отношении принципов 29, 36
- общее с. людей 26, 35, 36, 142, 270, 615
- собственное 275
- установленное 27, 28
- большинства 318, 345
- людей относительно богов 34
- народа 67, 211, 346, 378
как основа всякого законного правления 137
- со здравым разумом 21
(см. также Договор)
- Сопrotивление 381, 398, 399
- законность (право) 382, 383
- должностным лицам 394, 396
- королю (правителю) 380, 395, 397, 402
- Состояние
- естественное 263—270, 276, 283, 288, 302, 308, 311, 313, 315, 318—321, 334—337, 347, 362, 370, 372, 393
свободы 263, 295, 317
равенства 263, 265
и государство 312
- войны 52, 270—275, 363—365, 368—370, 385, 390, 393, 399, 402, 404
и естественное 272
- рабства 309
- своеволие 264
- Сотворение
- Адама 149—154, 165
- мира 179
- Социальные 108, 129
- Способность (способности) 4, 10, 21, 432
- врожденные 11, 24, 25
- умственные (дискурсивная, интеллектуальная) 4, 6, 15, 21
- восприятия 24, 25
- рассуждения (мыслить) 10, 25, 609
(см. Разум)
- Стоики 4, 55
- Стоимость 285—290
(см. также Ценность)
- Счастье 34, 53, 85, 412
- Существа 84
- живые (земные) 7, 156, 166, 178, 180 (см. Человек)
- нематериальные 587
- низшие 161, 307
- разумные 161, 307
(см. Власть, Разум)
- Существование 188
- бога (божественной силы, мудрого творца и т. п.) 23—26, 33, 125
- вещей 22, 23
- вывод из с. вещей с. творца 25
- человека (человечества) 23, 42
(см. также Бытие; см. Вера, Закон природы)
- Схизматики (схизма) 130—134
- Тело 24, 586, 587
- качества 23
- свойства 23
- человека 25, 178, 413, 417, 431
(см. Душа, Представления)
- Теократия 117
- Тирания (тираны) 41, 131, 141, 189, 193, 374, 377, 383, 389, 395, 403
(см. также Узурпация; см. Власть, Правитель)
- Традиция 10—14, 20
- Труд 285, 290
- продукт 169

- собственный (свой) 277—284
- чужой 121
  - (см. Воспитание, Собственность)
- Тяготение 587
- Узурпация (узурпаторы) 193, 199—201, 374, 377, 378
- Ум (интеллект, рассудок) 16, 22, 23, 25, 29, 48
  - формирование 21
  - выбор 69
- Учение (учеба) (см. Воспитание)
- Учение (вероучение, доктрина) 81, 91, 125, 142, 368, 393
  - Иисуса Христа 92, 618, 619
- Фанатики 81—86, 106
- Философия (философы) 4, 17, 34, 55, 74, 97, 177, 253, 254, 493, 623
  - греческая 588
  - натуральная 489, 585—589
  - и наука 586—589
- Христиане (христианство) 69, 84, 88—94, 100—104, 113, 115, 116, 120, 125, 129—134, 254
- Ценность 282, 286
- Церковь 83, 90, 108, 123, 127, 128
  - определение 96, 110
  - англиканская 85—89
  - еретическая 101
  - истинная (Христова) 91, 98, 99
  - ортодоксальная 102, 115
  - христианская 93, 102
  - языческая 115
  - отношения между ц. 101, 102, 110, 115
    - (см. Авторитет, Веротерпимость, Государство, Закон, Правитель)
- Человек (люди) 14, 161, 412, 440
  - как владелец своей собственной личности 287
  - вина 70
  - дело 25, 37
  - достоинство 84
- природа 45, 46, 52, 70, 84, 189, 300, 613
- сохранение 275
- отдельный (индивидуум) 48, 79, 122, 318, 404 (см. также Гражданин)
- свободный 141, 295—297, 304, 389
  - и бытие 23
  - и общество 26
  - и остальные живые существа 5, 166, 168, 434
  - и природа 23, 25
  - отношения между л. 67, 68, 70 (см. также Лицо, Личность; см. Благо, Душа, Правитель, Свобода, Согласие, Существование)
- Человечество (все люди, род человеческий) 8, 14, 23, 34, 41, 45, 91, 168, 172, 182, 267—269, 276, 299, 383, 445
  - большинство 40
  - враг и чума 396
  - польза 49, 51
  - природа 84
  - сохранение 341
  - судьба 48
    - (см. Безопасность, Благо, Закон природы, Согласие)
- Чувство (чувства) 10, 22, 587
  - органы 615
  - и разум 21, 24
    - (см. также Восприятие; см. Воспитание)
- Чудеса (чудо) 3, 616—622
  - определение 615, 623
- Эпикурейцы 55, 436
- Юрисдикция 263, 292, 298
  - гражданская 112
  - отцовская 185, 228, 229, 302
  - правителя (правительства) 71, 72, 94, 111
- Юриспруденция 75
- Язычники (языческий мир, язычество) 34, 92, 100, 115, 119, 129, 130, 254, 616, 617
  - (см. Культ)

СОДЕРЖАНИЕ

ОПЫТЫ О ЗАКОНЕ ПРИРОДЫ	3
I. Существует ли нравственный принцип, или закон природы? Да, существует	—
II. Познаваем ли закон природы с помощью светоча природы? Да, познаваем	9
III. Запечатлен ли закон природы в душе человека? Нет, не за- печатлен	16
IV. Может ли разум через чувственное восприятие прийти к поз- нанию закона природы? Да, может	20
V. Можно ли познать закон природы из общего согласия лю- дей? Нет, нельзя	26
VI. Налагает ли закон природы обязательства на людей? Да, налагает	36
VII. Является ли обязательство, налагаемое законом природы, вечным и всеобъемлющим? Да, является	40
VIII. Является ли личная выгода каждого человека основанием закона природы? Нет, не является	47
ПРЕДСМЕРТНАЯ РЕЧЬ ЦЕНЗОРА. 1664 г.	54
ОПЫТ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ	66
ПОСЛАНИЕ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ	91
 ДВА ТРАКТАТА О ПРАВЛЕНИИ	135
Предисловие	137
КНИГА ПЕРВАЯ	
Глава I. [Вводная]	140
Глава II. Об отцовской и монархической власти	142
Глава III. О праве Адама на верховную власть на основе его сотворения	149
Глава IV. О праве Адама на верховную власть на основе дара, Быт. 1, 28	155
Глава V. О праве Адама на верховную власть на основе подчи- нения Евы	171
Глава VI. О праве Адама на верховную власть на основе отцовства	176
Глава VII. Об отцовстве и собственности, рассматриваемых вместе как источники верховной власти	194
Глава VIII. О передаче верховной монархической власти Адама	199
Глава IX. О монархии, полученной по наследству от Адама	201
Глава X. О наследнике монархической власти Адама	215
Глава XI. Кто этот наследник?	218
КНИГА ВТОРАЯ	
Глава I. [Вводная]	262
Глава II. О естественном состоянии	263

Глава III. О состоянии войны	270
Глава IV. О рабстве	274
Глава V. О собственности	276
Глава VI. Об отцовской власти	291
Глава VII. О политическом или гражданском обществе	306
Глава VIII. О возникновении политических обществ	317
Глава IX. О целях политического общества и правления	334
Глава X. О формах государства	337
Глава XI. Об объеме законодательной власти	339
Глава XII. О законодательной, исполнительной и федеративной власти в государстве	346
Глава XIII. О соподчиненности властей в государстве	349
Глава XIV. О прерогативе	356
Глава XV. Об отцовской, политической и деспотической власти, рассматриваемых совместно	362
Глава XVI. О завоевании	365
Глава XVII. Об узурпации	377
Глава XVIII. О тирании	378
Глава XIX. О распаде системы правления	384
МЫСЛИ О ВОСПИТАНИИ	407
МЫСЛИ О ТОМ, ЧТО ЧИТАТЬ И ИЗУЧАТЬ ДЖЕНТЛЬМЕНУ	609
РАССУЖДЕНИЕ О ЧУДЕСАХ	615
Примечания	624
Указатель имен	653
Предметный указатель	656

Локк Дж.

Л173 Сочинения: В 3 т./Пер. с англ. и лат. Т. 3/Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин.—М.: Мысль, 1988.—668[1] с.: ил., 1 л. портр.—(Филос. наследие).

ISBN 5—244—00084—5

ISBN 5—244—00085—3

В настоящий том сочинений английского философа вошли произведения, посвященные общественно-политическим вопросам: «Мысли о воспитании», «Два трактата о правлении», «Опыт о законе природы», «Послание о веротерпимости» и др.

Впервые на русский язык переводятся «Опыт о веротерпимости», «Первый трактат о правлении», «Мысли о том, что читать и изучать джентльмену», «Опыты о законе природы».

Л 0302010000-091
004(01)-88 подписное

ББК 87.3

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ИЗДАНИЕ

Джон Локк

СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 3

Заведующая редакцией

Л. В. Литвинова

Редактор

Э. Г. Храстецкий

Младший редактор

К. К. Цатурова

Оформление серии художника

В. В. Максина

Художественный редактор

С. М. Полесицкая

Технический редактор

Т. Г. Сергеева

Корректор

Т. М. Шпиленко

ИБ № 3642

Сдано в набор 05.08.87. Подписано в печать 15.03.88. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура Обыкновенная новая. Высокая печать. Условных печатных листов 35,38 (с вкл.). Усл. кр.-отт. 35,38. Учетно-издательских листов 42,06 (с вкл.). Тираж 50 000 экз. Заказ № 1093. Цена 3 р. 10 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197136. Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

НОВАЯ КНИГА

В 1988 г. издательство «Мысль»
выпускает в свет:

З а и ч е н к о Г. А. Локк. — 2-е изд. — 9 л. — (Мысли-
тели прошлого). — 30 к.

Книга (первое издание — М.: «Мысль», 1973) посвяще-
на одному из крупнейших представителей английского ма-
териализма XVII в. В ней исследуется сенсуалистическая
теория познания философа, критика им теории врожденных
идей, рассматривается учение об обществе и государстве.

Книга рассчитана для широкого круга читателей.

